

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ЕВРОПЕЙСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

ГОД ОСНОВАНИЯ – 2011

8–10
НОЯБРЯ
2022

XLII
Всероссийская
научная
конференция

КУРБАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы XLII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(8–10 ноября 2022 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2023

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д. и. н., проф. А.Ю. Прокопьев (отв. редактор),
к. и. н., доц. М.И. Дмитриева,
к. и. н., доц. Е.В. Кулешова,
к. и. н., доц. Д.Н. Старостин,
к.и.н., доц. Терентьева Е. А.
к.и.н., ст. преп. Н. А. Бережная
д.и.н., доц. Е. А. Мехмадиев (отв. секретарь)

П78 Проблемы истории и культуры средневекового общества.

Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-принт, 2023. — 652 с.

ISBN 978-5-00197-072-9

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-072-9

© Авторы статей, 2023
© Скифия-принт (макет), 2023
© Проект «Европейское наследие», 2023

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Манохин Я. В.

Процесс христианизации в палестинской Газе и сирийской
Апамее (на Оронте) в IV в.: общее и частное 10

Зибаев А. В.

Из истории географии в Ранней Византии. Понятия οἰκουμένη
и γῆ в «Церковной истории» Филосторгия. 16

Худовеков М. С.

Христиане и язычество в ранневизантийском городе
(по творениям свт. Иоанна Златоуста) 24

Пчелкина Е. А.

Употребление местоимений и устойчивых словесных
конструкций в «Синописе истории» Иоанна Скилицы
и в «Хронике» Продолжателя Скилицы 31

Фролов Д. Л.

Ромейское крестьянство в период франкской власти: структура
семьи и система наследования в среде сельского населения
Пелопоннеса XIV в. 40

Гусельников Т. А.

Что знает бухгалтер о мессах? Потенциал книг массарии Каффы
как источника по истории Церкви 51

Романова А. А.

Византия, Венеция и Мустафа Челеби: попытки создания союза
против султана Мехмеда I в 1415–1416 гг. 60

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

Мазаев Р. М.

Апологетика Марка Минуция Феликса 68

Исмагилова Ю. Д.

Epitoma chronicon Проспера Аквитанского и «вторая редакция»
Consularia Constantinopolitana (388–394/5 гг.) 78

Лазарев С. С.

Первое житие Эдуарда Исповедника: текст и контекст 90

<i>Кравченко И. В.</i>	«Esmeraldo de Situ Orbis» Дуарте Пашеку Перейры: источниковедческий взгляд	99
<i>Макарова М. В.</i>	Образовательные стратегии в трактате Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя».	108
<i>Мальшиев А. И.</i>	Отражение политического курса дома Веттинов в издании «Хроники» Титмара Мерзебургского.	118
<i>Пензев П. А.</i>	Континентальная война взглядом из Шотландии — Роберт Монро и его воспоминания	126
<i>Коробова Ю. С.</i>	Дискурсивный подход в исследовании «Патриархии» Роберта Филмера.	137
<i>Михальчук А. А.</i>	Провинциальные истории как исторический источник: новые возможности и потенциал для медиевистов (на примере «Общей истории Лангедока» К. Девика и Ж. Вэссета)	142
<i>Ерунов М. К.</i>	«Мемуары кавалера» Даниэля Дефо: между фикцией и реальной войной	153
О Б Р А З И Т Е К С Т		
<i>Цивилева В. Е.</i>	«Исторические» и «риторические» иудей в произведениях Григория Двоеслова	162
<i>Шишкова А. Е.</i>	Особенности использования сравнений для построения женских образов по «Антаподосису» Лиутпранда Кремонского.	172
<i>Рибец А. В.</i>	Демонология в хрониках Балтийских крестовых походов	180
<i>Фатхуллин В. Ф.</i>	Изображения святых на городских печатях Англии XII–XVI веков.	190
<i>Падалка А. В.</i>	Образы монахинь в зеркале флорентийской городской литературы XIV века.	196
<i>Лисова У. А.</i>	Образ Жанны д'Арк в «Мистерии об осаде Орлеана»: к истокам легенды об Орлеанской деве	204

<i>Зияняк Б.</i>	Образ русских XV–XVI веков в османских источниках213
<i>Козлов А. Д.</i>	К вопросу об образе Елизаветы Тюдор по данным французской дипломатической корреспонденции227
<i>Ситнер С. В.</i>	«Строевой лес, или Находки» Бена Джонсона: опыт работы с записной книжкой232
<i>Салахова А. И.</i>	Кардинал Ришелье и его политическая деятельность по воспоминаниям герцога Франсуа де Ларошфуко240
<i>Лагошина Н. А.</i>	Конструирование идентичности ирландских католиков251

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ**

<i>Бооде М. А.</i>	Возникновение королевства Альба по материалам шотландского историописания конца XIV — начала XV веков.262
<i>Трефилов К. А.</i>	Структура монастырской иерархии в сочинении «Regula ad virginēs»: проблема идентификации монастырских чинов270
<i>Викторов А. Е.</i>	Св. Радегунда и Меровингская Галлия: власть и святость.280
<i>Сироткина А. А.</i>	Англосаксонские королевы VI–VIII веков: социально-политический статус по данным актовых материалов и англосаксонских и англономандских хроник.291
<i>Прокопенко Е. В.</i>	О королевских гейсах в саге «Разрушение дома Да Дерга»302
<i>Мастяева И. Н.</i>	Новициат в Ключи во второй половине XI в. (по «Ordo cluniacensis» Бернарда Ключийского)310
<i>Федоров А. В.</i>	Тома II де Шасне и аббатство Клерво. Отношения светской и церковной власти в Шампани XII века.321
<i>Сергеева Е. Д.</i>	Путь из Лиможа в Вифлеем: размышление о светской власти в аквитанской агиографии XII в.331

<i>Зубов Д. Д.</i>	Трубадуры и служащие: староокситанская поэзия о чиновниках	344
<i>Щукин С. В.</i>	Противостояние за Гибралтар в ходе испанской Реконкисты в XIV–XV веках	351
<i>Парфентьев П. А.</i>	Противостояние Генуи и Венеции на рубеже XIV–XV вв. в отражении французских источников	360
<i>Пак Пом И.</i>	Сократический король Неаполя: Альфонсо Великодушный, философия в итальянском возрождении и способы легитимации власти	369
<i>Керимова Д. Т.</i>	Северная политика Ричарда III	377
<i>Алестархова А. Е.</i>	Успехи и неудачи первого русского посольства в Англию (1556–1557 гг.)	382
<i>Гафуров С. О.</i>	Формирование внешнеполитической концепции австрийских Габсбургов в 20-е годы XVII века.	390
<i>Сыщикова С. Г.</i>	Анна Австрийская (1601–1666): приход к власти и первые шаги в качестве регента	400
<i>Ходжамедов Р. М.</i>	Депеши Жака де Кампредона как источник по изучению истории Голштинского вопроса.	408
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА		
<i>Ковригина Л. М.</i>	Женские роли в английском социуме XIV века (по «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера).	418
<i>Либинсон С. Б.</i>	Два казуса из истории семьи Бруков: сюжеты из социальной истории Англии XV века	425
<i>Тихокин В. И.</i>	К вопросу о социальном статусе палачей в Священной Римской империи и Франции в XV–XVI веках	435
<i>Ильинский А. Л.</i>	Религиозная обстановка в Венгрии в конце XV века	444

<i>Павлов К. В.</i>	Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512–1513)	453
<i>Петров Р. С.</i>	Дворянин и империя в воспоминаниях Геца фон Берлихингена . . .	465
<i>Антропов Д. С.</i>	Власть и религиозные представления аббатисы Каритас Пиркхаймер в Нюрнберге первой половины XVI века	475
<i>Соковнина С. А.</i>	Брест в середине XVI века: к вопросу о городской структуре	483
<i>Шешуков Е. А.</i>	Мошеничество в немецких шванках XVI века	492
<i>Алексеев Д. А.</i>	Генезис феномена «гнилых местечек» в Англии	499
РОД - СЕМЬЯ - ДУХОВНЫЙ МИР		
<i>Бабина А. А.</i>	Социально-карикативная деятельность святых-епископов в латинской агиографии IV–V вв.	506
<i>Хлопов С. М.</i>	Святой Савва Сербский о себе в житии своего отца	514
<i>Ененко С. М.</i>	Науки при дворе Фридриха II Гогенштауфена	523
<i>Сота Х.</i>	Влияние францисканской духовности на «Кантиги о святой Марии» Альфонсо X Мудрого	530
<i>Неволина Д. Ю.</i>	Святая земля в восприятии европейских монахов-паломников второй половины XIII в.	536
<i>Желнин А. С.</i>	Старикам тут не место? «Родовые» и «документальные» саги в Исландии на рубеже XIII–XIV вв.	546
<i>Зубова А. Н.</i>	Три женских образа византийского романа XIII–XIV вв.: Хрисорроя, Хрисанца, Родамна	557
<i>Савин Л. В.</i>	Некоторые соображения по поводу семейных книг и экономической жизни горожанина во Флоренции XIII–XV веков	563
<i>Джурко К. А.</i>	Этическая концепция Леона Баттисты Альберти по его «Книгам о семье».	572

Криворотова А. А.
Реакция городского населения Англии на религиозные преобразования первой половины XVI века579

СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Владимирова Д. В.
Особенности евангельского цикла в Новой церкви Токалы590

Приходько В. А.
Иллюстрации «Книги о турнирах» Рене Анжуйского — особенности манеры Бартеlemi д'Эйка597

Горностаева Е. Д.
Адаптация культа Четырнадцати святых помощников во Франции: образ пяти избранных святых мужей и пяти избранных жен в поэзии Эсташа Дешана и во французской миниатюре XV — начала XVI вв.606

Пиотровская А. А.
Цикл «Двенадцать месяцев» Леандро Бассано из собрания Тульского областного художественного музея в контексте возникновения и развития иконографии изображения месяцев года в Италии.621

Петрова Е. А.
Ученики Даниэля Соро и Себастьяна Штоскопфа в Ханану.642

Византийский мир

УДК 94(495).01

Манохин Я. В.

к. и. н., Борисоглебская епархия Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат), Председатель епархиального Отдела
Религиозного образования и катехизации
E-mail: reno2010@rambler.ru

Процесс христианизации в палестинской Газе и сирийской Апамее (на Оронте) в IV в.: общее и частное

Аннотация. Письменные исторические источники сохранили сведения о процессе христианизации в IV в. в двух городах (Газа и Апамея) на востоке Римской империи. Сравнительный анализ этих событий позволяет определить общие и различные черты развития данного процесса в двух восточных регионах империи и представить наиболее полную и объективную картину процесса христианизации.

Ключевые слова: Газа, Апамея, свт. Порфирий Газский, свщмч. Маркелл Апамейский.

Manokhin Y. V.

PhD, Borisoglebskaya eparchy Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate), Chairman of the Diocesan Department
of Religious Education and Catechesis
E-mail: reno2010@rambler.ru

The Process of Christianization in Palestinian Gaza and Syrian Apamea (on the Orontes) of the 4th Century: General and Particular

Abstract. Written historical sources have preserved information about the process of Christianization of the 4th century in two cities (Gaza and Apamea) in the east of the Roman Empire. A comparative analysis of these events makes it possible to determine the main common and different features of the course of this conflict in the two eastern regions of the empire and to present the most complete objective picture of the process of Christianization.

Keywords: Gaza, Apamea, st. Porfiry Gazsky, st. Markell of Apamea.

IV век на востоке Римской империи можно рассматривать как самый событийно насыщенный в переходном периоде от эпохи Античности

к эпохе Средневековья. Согласно методологической концепции Тойнби, таким переходным периодом можно считать период ранневизантийский (IV–VI вв.) — становление Восточной Римской империи как самостоятельного государства [1; 2; 3]. Фактически, в самом начале данного периода совершается культурная революция, затрагивающая все сферы общественной жизни. Происходит переоценка ценностей. Один из ключевых мировоззренческих переворотов развивается в религиозной жизни римского общества. Религиозное мировоззрение с древних времен и вплоть до XVII в. было определяющим фактором общественной и политической жизни людей. И, как правило, изменения в данной сфере являлись решающими в судьбе народов и государств. Так и произошло в IV в., когда симпатии к христианской религии, проявленные правителями новой империи, вызвали непримиримую агрессию со стороны античных греко-римских политеистов в отношении представителей христианских религиозных течений. Данный конфликт существовал и ранее, на протяжении почти трех столетий, но тогда это являлось частью внутренней политики, и преследование христиан осуществлялось при правовой и силовой государственной поддержке. Но теперь христиане получили правовую и силовую поддержку со стороны государственных правителей (за исключением менее чем трехлетнего правления императора Юлиана Отступника (361–363 гг.) и императора Валента II (364–378 гг.)) [4; 5; 6, с. 59–75]. Опираясь на данную поддержку, представители христианства получили возможность отстаивать свои интересы, в частности, бытового характера, наравне с представителями античного политеизма.

Методы данной борьбы в молодой империи со стороны христиан носили исключительно мирный характер, очень часто — даже интеллектуальный, в IV–V вв. выраженный в виде литературной дискуссии между христианскими интеллектуалами и софистами, представителями политеистических греко-римских религий, о чем свидетельствует большой корпус сохранившихся письменных исторических памятников. Но при этом следует отметить, что античные политеисты предпочитали использовать в борьбе со своими оппонентами привычные агрессивные и кровавые методы. Незвизирая на то, что многие софисты-неоплатоники выступали против насилия и кровопролития, в частности, даже император-язычник Юлиан Отступник (361–363 гг.) в первые месяцы своего правления, муниципальные власти на местах и жречество инициировали погромы и нападения на христиан. Со стороны последних подобных действий не было.

Ответная агрессия на такого рода методы иногда заключалась в силовом вмешательстве в конфликт императорской армии, как правило,

исключительно с целью восстановления правопорядка, но физического массового истребления язычников при этом не было. Имели место закрытие и разрушение святилищ, лишение должностей и имений чиновников-политеистов, аресты и ссылки. Казни применялись исключительно за тяжкие преступления, как правило, уголовные или политические, но никак не связанные с религиозным мировоззрением. Насилие не применялось против язычников и при их обращении в христианскую религию. Все это показывает принципиальную разницу между методами борьбы с иноверцами в Римской империи и в ранней Византии. Истории не известно ни одного имперского указа или эдикта в Византии о физическом истреблении античных политеистов на территории империи, в отличие от указов императоров Древнего Рима.

Проблема «кровавости» гонений на античных греко-римских политеистов в ранневизантийский период активно освещалась в отечественной историографии. Подходы и взгляды менялись в связи со сменой внутриполитической государственной идеологии. До 1917 года позиция исследователей по данному вопросу была однозначной — притеснения политеистов со стороны христианской имперской власти носило исключительно административный и экономический характер, но не кровавый, в отличие от трехвековых официальных жестоких и кровавых гонений на христиан со стороны римских императоров. В советский период основная часть исследователей утверждала, что христиане, в том числе и имперские власти, уничтожали политеистов физически. Некоторые современные исследователи, как ни странно, вопреки очевидным фактам из исторических источников, продолжают придерживаться советской идейной тенденции очернения ранневизантийских христиан и имперской власти, обвиняя их в кровавых гонениях на античных язычников. Причем аргументация этих исследователей не основывается на исторических источниках или же источники используются фрагментарно, с искажениями. Самым распространенным аргументом исследователей, отрицающих факт мирной борьбы христиан против язычников, служит история гибели некоторых языческих жрецов и магов, где они именуются «учеными своего времени» и «мучениками науки», в частности, александрийской жрицы Гипатии [7, с. 108; 8; 9]. Однако данный аргумент не может быть принят в связи с противоречиями в исторических источниках и множественных спорах исследователей. Даже в наше время вопрос об обстоятельствах ее смерти остается открытым. Против аргументов об учености жрецов-политеистов выступает и советский ученый С. С. Аверенцев: «Одного нельзя сказать ни о смерти Сопатра, ни о смерти Максима, ни даже о много более трагической и несправедливой

смерти Ипатии: нельзя сказать, что суеверные современники по невежеству приняли ученых за магов. Ученые сами выдавали себя за магов, и притом с глубоким внутренним убеждением. Конечно, они были жертвами суеверия, однако того суеверия, которое сами обосновывали и распространяли. Кем они не были, так это мучениками науки. В лучшем случае они были мучениками языческой религии» [10, с. 59].

Почти во всех городах Римской империи IV в. чиновники муниципальной администрации были античными политеистами, и они всячески сопротивлялись попыткам назначения христиан на управленческие должности [11].

Наиболее яркие примеры противостояния языческой агрессии, отраженные в исторических источниках, связаны с именами двух христианских епископов — свщмч. Маркелла Апамейского (ум. ок. 389 г.) и свт. Порфирия Газского (347–420 гг.).

После гибели императора Валента II, симпатизировавшего представителям античных политеистических религий, единоличным правителем стал император Феодосий I Великий (379–395 гг.). Он инициировал массовое закрытие капищ на территории империи (Theod. Cyr. Hist. Eccl. V.21). Это вызвало волну сопротивления со стороны античных политеистов. Подлежал закрытию и разрушению храм Юпитера в сирийской Апамее. Обычно закрытием капищ занимались непосредственно императорские войска, однако в случае с Газой и Апамеей активную роль в данном процессе играли еще и христианские епископы. Возглавивший Апамейскую кафедру после епископа Иоанна свщмч. Маркелл в первую очередь начал бороться с политеистическим учением. Епископ происходил из знатного рода киприотов и получил качественное классическое образование. Будучи преданным христианином и пастырем, прилагал множество усилий по искоренению языческого учения в его епископстве. По свидетельству блж. Феодорита Кирского, когда прибывшие люди префекта не смогли справиться с массивными сооружениями храма Юпитера, епископ Маркелл лично нанял каменотесов, которые после его молитвы с легкостью справились с поставленной задачей (Theod. Cyr. Hist. Eccl. V.21). А при разрушении капища в Авалоне (окрестности Апамеи) политеисты, оборонявшие капище, схватили безоружного епископа Маркелла, наблюдавшего за происходившим, и бросили в огонь (Soz. Hist. Eccl. VII.15). Ни один исторический источник, упоминая о тех событиях, не приводит сведений о факте гибели самих политеистов в них.

Епископ Порфирий, происходивший из г. Фессалоники и обучавшийся у христианских монахов в Александрии, назначается на Газскую кафедру

около 394 г. Следует отметить, что Газа дольше других античных городов оставалась политеистической. Уже по дороге в город епископ Порфирий ощутил на себе «гостеприимство» газийцев, усыпавших дорогу к городу шипами, колючками и навозом (Marc. Diac. Vita Porph. 17). Попытки епископа Порфирия начать мирную дискуссию со жрецами ни к чему не привели, и тем более — к каким-либо компромиссам, но еще сильнее ожесточили горожан-политеистов и спровоцировали несколько жестоких и кровавых нападений на христиан. В погромах погибли многие христиане, в частности, люди из окружения архиепископа Порфирия. Неминуемая гибель угрожала и самому Порфирию, однако ему удалось избежать смерти, укрывшись в доме у неких христиан. Ни один исторический источник не приводит сведения о жертвах со стороны язычников. На рубеже IV–V вв. Марк Диакон, будучи свидетелем событий в Газе при Порфирии и являясь автором его биографии, подробно описывает ситуацию, сложившуюся в городе. От слов архиепископа Порфирий вынужденно переходит к делу. Прибывший в город отряд императорской армии с приказом закрыть главное капище в Газе, посвященное божеству Марне, не выполнил свою миссию из-за подкупа военачальника Илария газской знатью (Marc. Diac. Vit. Porph. 23–27). После этого Порфирий лично отправился в Константинополь, где заручился поддержкой императрицы Евдоксии, в том числе материальной (на постройку христианской базилики на месте разрушенного Марниона), и с новым отрядом прибыл в Газу. Войска во главе с военачальником Кинигием оцепили Марнион и разрушили его (Marc. Diac. Vit. Porph. 38–61). Из погибших в данных событиях упоминается только один воин из императорского отряда, на которого обрушилась часть здания, когда он не допускал разграбления со стороны жителей города (Marc. Diac. Vit. Porph. 75–78).

Рассмотренные в качестве примеров события, происходившие с разницей менее чем в одно десятилетие в разных городах ранневизантийского Востока, очень схожи друг с другом по сценарию. В обоих городах муниципальные управленческие должности занимали чиновники-политеисты; чиновники и жрецы не соглашались ни на какие компромиссы с христианскими епископами; муниципальные власти и политеистическое население проявляли жестокую агрессию против христиан, учиняя погромы и беспорядки; в обоих городах были совершены покушения на епископов. Отличие же состоит в том, что архиепископ Порфирий избежал смерти, а епископ Маркелл был убит; город Газа впоследствии стал крупным христианским интеллектуальным центром не только Палестины, но и всего Ближнего Востока, наравне с Александрией и Антиохией; город приобрел

известность благодаря своим софистам, спорящим с выдающимися ранневизантийскими софистами-неоплатониками, Апамея же не была таким центром, по крайней мере, сведения об этом в исторических источниках не сохранились.

Из приведенных примеров мы видим: исторические источники свидетельствуют о насильственных действиях со стороны язычников, вызванных сопротивлением процессу христианизации. В отличие от предшествующих императоров, императоры ранней Византии (кроме Юлиана Отступника и Валента II) проявляли благосклонность к тем, чьи религиозные мировоззрения не совпадали с их взглядами. Если в античном Риме христиан и представителей других монотеистических религий (иудеев, самаритян и т. д.) истребляли физически сотнями и тысячами, то в ранней Византии верховная власть боролась с политеистами не физическими, а только административными и экономическими методами. На данную конфессиональную политику императорской власти в ранней Византии язычники отвечали непримиримой и жестокой агрессией, учиняя погромы и общественные беспорядки.

Список источников и литературы

1. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002. 592 с.
2. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Рольф, 2001. 640 с.
3. *Губман Б. Л.* Западная философия культуры XX века. Тверь: ЛЕАН, 1997. 287 с.
4. *Laniado A.* Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002. 296 p.
5. *Banchich T. M.* Julian's School Laws: Cod. Theod. 13.5 and Ep. 42 // *Ancient World*. 1993. Vol. 24. P. 5–14.
6. *Манохин Я. В.* Ранневизантийская Газа — христианский интеллектуальный центр в Палестине: дисс. ... канд. ист. наук. Белгород-Воронеж: Квадра-Т, 2018. 254 с.
7. Атеистический словарь / Под общ. ред. М. П. Новикова. М.: Политиздат, 1985. 514 с.
8. *Преображенский П. Ф.* Вступление // Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия. Харьков: ИКП «Паритет» ЛТД, 1994. С. 219–226.
9. *Штекли А.* Гипатия, дочь Теона. М.: Молодая гвардия, 1971.
10. *Аверинцев С. С.* Эволюция философской мысли // *Культура Византии*. IV — первая половина VII века. М., 1984. с. 42–77.
11. *Lenski N.* Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. Berkeley, 2002. 470 p.

УДК 94

Зибаев А. В.

Сургутский государственный университет,
старший преподаватель
E-mail: zibaew@mail.ru

Из истории географии в Ранней Византии. Понятия οἰκουμένη и γῆ в «Церковной истории» Филосторгия

Аннотация. В статье анализируются ключевые понятия древней географии οἰκουμένη (населенная земля) и γῆ (земля) в «Церковной истории» Филосторгия. Слово γῆ у Филосторгия означает общую совокупность земель, что заметно отличает сочинение арианского автора от Евсевия Кесарийского и некоторых других церковных авторов. Термин οἰκουμένη употребляется строго в значении «населенной земли».

Ключевые слова: населенная земля, земля, Филосторгий, церковная историография, древняя география.

Zibaev A. V.

Surgut State University,
Senior Lecturer
E-mail: zibaew@mail.ru

From the History of Geography in Early Byzantium. The Concepts of οἰκουμένη and γῆ in the “Church History” by Philostorgius

Abstract. The article analyzes the key concepts of ancient geography οἰκουμένη (inhabited land) and γῆ (land) in the “Church History” of Philostorgius. The word γῆ in Philostorgia means the total totality of lands, which markedly distinguishes the work of the Arian author from Eusebius of Caesarea and some other ecclesiastical authors. The term οἰκουμένη is used strictly in the meaning of “inhabited land”.

Keywords: inhabited land, land, Philostorgium, ecclesiastical historiography, ancient geography.

Греческая географическая мысль неразрывно связана с представлениями о космосе, который включает в себя географическое пространство, обозначаемое такими терминами, как οἰκουμένη и γῆ. Древние эллины разделяли населенную людьми часть мира и землю, представляющую собой общую совокупность суши (γῆ). В VI в. до н. э. Гекатей Милетский словом οἰκουμένη назвал известную грекам часть земли с центром в Элладе. Зна-

чально греческие авторы использовали это слово для обозначения только тех земель, которые были заселены греческими племенами [1, s. 22–40; 2, с. 50; 3, с. 285; 4, s.2123–2174; 5, с. 167–181].

Геродот Галикарнасский первым назвал ойкуменой заселенные человеком земли: «Эфиопия — самая крайняя страна обитаемого мира на юго-западе» (*Ἀποκλινομένης δὲ μεσαμβρίας παρήκει πρὸς δύνοντα ἤλιον ἡ Αἰθιοπία χώρα ἐσχάτη τῶν οἰκεομένων*. Herodot. III.114)¹.

В этом пассаже заметно влияние ионийской философии, представители которой первыми начали изучать проблемы, касающиеся космогонии мира и географических аспектов. В центре «карты» Геродота находилось Внутреннее море, из которого короткий пролив вел в море Внешнее. Обитаемая земля описывается как прямоугольник, что основано на высказываниях Эфора, взятых из фрагментов ионийских философов. Представления о земле Геродота можно сравнить с высказываниями философа Анаксимандра о суше, имеющей форму цилиндрического тела и окруженной со всех сторон океаном. Согласно Агафемеру Книдскому, Анаксимандр был первым, кто начертил ойкумену на карте (Agathem. I.1) [5, с. 167–181].

Мы не можем утверждать, что Анаксимандр назвал «ойкуменой» обитаемую часть суши. Причиной этому является плохая сохранность его текстов, дошедших во фрагментах других греческих авторов. Изучение остальных текстов показывает, что Анаксимандр под «ойкуменой» понимал «землю, населенную греческими племенами». Земля, по его словам, представлялась свободно висящей в середине *космоса*, без опоры, и напоминала по форме барабан, диаметр которого втрое превосходит высоту.

В последующие века представления об ойкумене менялись в связи с расширением географического кругозора и развитием теоретической географической мысли, в особенности с эволюцией идеи широтной природной зональности. Во времена Римской республики появилось понятие *orbis Romanus*, обозначающее круг земель, подвластных Риму. В латинском языке понятие *οἰκουμένη* = *orbis terrarum* (круг земель). Таким образом, подчиненный Риму мир римляне противопоставляли областям, на которые их власть не распространялась [4, s. 2158–2159]. С появлением христианства изменилось восприятие географического пространства. Однако христиане продолжали следовать основным традициям греческой географии, связанным в первую очередь с представлениями об ойкумене, окруженной морями.

¹ В ионийском диалекте греческого языка, на котором писал Геродот, использовалась форма *οἰκεομένη*.

Филосторгий, как и другие христианские историки, написавшие «Церковные истории», смотрел на населенную землю несколько иначе, чем языческие авторы. Они касались не только народов, подвластных Римской империи, но и населявших всю ойкумену. Филосторгий продолжал некоторые идеи Евсевия Памфила, разделившего мир не по территориальному и этническому принципу, а по религиозному. У него кроме деления населения и государств мира на язычников, иудеев и христиан существует деление географического пространства в соответствии с категориями, принятыми как в хорографии, так и научной географии.

Слова *οἰκουμένη* [6, p. 1205] и *γη* у Филосторгия обозначают весь известный мир и населенную землю. В арианской истории *οἰκουμένη* представлено в описаниях расположения Рая, а также во фрагменте, где рассказывается о течении р. Тигр. Большой интерес представляет пассаж автора о бедствиях, постигших населенную землю во время гражданской войны.

В рассказе о расположении Рая по равноденственной линии Востока упоминается населенная земля (местность), расположенная к югу: очевидно, населенная земля простирается к югу до внешнего моря — *τὰ πρὸς μεσημβρίαν δὴλά ἐστι πάντα οἰκουόμενα σχεδὸν μέχρι τῆς ἔξω θαλάττης* (Philostorg. III.10). Под ойкуменой, возможно, подразумеваются заселенные гарамантами и эфиопами южные и пустынные области материка Ливия.

Ойкумена также представлена в тексте, в котором говорится о течении одной из райских рек — Нила (Геона). Церковный историк полагает, что Нил проходит часть своего пути под землей, прежде чем достичь обитаемых земель: поглощается раньше, чем достигает обитаемой земли — *πρὶν ἐπὶ τὸ οἰκουόμενον φθάσαι καταδύμενος* (Philostorg. III.10).

Лучшим примером употребления *οἰκουμένη* как заселенного мира является фрагмент, описывающий знамение, явленное императору Феодосию после победы над узурпатором Максимом в 388 г. Филосторгий сообщает [7]:

«Ὅτι μετὰ τὴν κατὰ Μαξίμου νίκην καὶ τὴν ἐπὶ Ῥώμην ἐπάνοδον, ἐξελαύνειν αὐτῆς μέλλοντος τοῦ βασιλέως, ἀστὴρ κατὰ τὸν οὐρανὸν ὤφθη παράδοξος καὶ ἀήθης· μεγάλων δ' ἄρα κακῶν ἄγγελος τῇ οἰκουμένῃ γενήσεσθαι ἔμελλεν».

«В то время, когда Максим был повержен и император, возвратившийся в Рим, собирался выехать из него, на небе явилась дивная и необычайная звезда, которая должна была служить провозвестницей великих бедствий обитаемого мира» (Philostorg. X.9).

Oikouμένη — это весь мир, известный грекам того времени, как латинское понятие *orbis Romanus* [8, p. 327; 9, p. 144–150]², которое в эпоху Поздней Античности стало синонимом *imperium* [10, s. 35–36]. Обитаемая земля в этом фрагменте означает всю землю, подвластную римлянам. Отрицательное отношение к Феодосию объясняется его нетерпимой политикой по отношению к арианам. Его правление, по мнению Филосторгия, было наполнено природными бедствиями, вторжениями варваров и религиозной нетерпимостью.

В тексте «Церковной истории» встречаются рассказы о странах и провинциях, которые рассматриваются как общая совокупность земель, для обозначения которых Филосторгий употребляет слово *γῆ*. С приходом к власти Юлиана Отступника историческое повествование автора становится все более мрачным. Не менее мрачно выглядит конец правления Валента. В IX книге показано тяжелое положение Евномия — выдающейся личности, по мнению его последователей. Император поверил в рассказы клеветников об укрывательстве Евномием человека, пытавшегося узурпировать императорскую власть. По словам Филосторгия, Евномий с трудом смог опровергнуть обвинения в предательстве, за что Валент пощадил его, и префект претория Авксоний отправил основателя евномиянства в ссылку в Мавританскую землю (*τὴν Μαυροσίδα γῆν*). Филосторгий описывает исторический регион Мавританию, населенную племенами мавров, ранее совпадающую с границами Цезарейской и Тингитанской Мавританий, бывших римских провинций эпохи принципата. Во время жизни Филосторгия Мавритания была разделена между диоцедами Африка и Испания. Поскольку арианский автор не упоминает население этих мест, то можно предположить, что под Мавританской землей понимается совокупность земель, входящих в состав упомянутых диоцезов.

Другие примеры показывают, что употребление *γῆ* у историка никак не соотносится с местностями, где живут люди. К ним относятся рассказы о течении р. Евфрата и упоминание о земле Суз, расположенной возле Персидского моря (залива)³ (Philostorg. III.7; III.8). Рассмотрим каждый

² Несмотря на видимое сходство, понятие *orbis Romanus* имеет значительные отличия от греческого аналога. К. Андо пишет, что римляне под этим выражением понимали мир, который населен народами, признавшими власть Рима. *Orbis Romanus* не то же, что *orbis terrarum*. С I в. н.э. римские авторы начали использовать это выражение для обозначения римского мира.

³ *ἡ Περσικὴ θάλασσα* — Персидское море. Представления греческих, а позднее римских авторов об этом море начали складываться со времен Ксенофонта, описавшего путь греческих наемников из Месопотамии к побережью Понта Эвксинского. Ко времени Поздней Античности, в результате открытия новых земель, античные географы считали Персидское море частью одного «большого» Эритрейского моря.

из этих эпизодов в отдельности. Река Тигр начинает свое течение в Кардифах⁴ (в Африке) и, проходя через территорию Сирии, достигнув земли Суз (Сузианы)⁵, соединяет свои воды с Евфратом, отчего его течение становится быстрым и могучим, что дало основание древним авторам назвать его Тигром. Филосторгий пишет [7]:

«Ὅτι ἐπὶ τῷ στόματι τῆς Περσικῆς θαλάσσης, ἣν ὁ αὐτῆ Ὁκεανὸς εἰσέχων ἀποτελεῖ, μεγίστην τε οὖσαν καὶ ἔθνη κύκλῳ πολλὰ περιβαλλομένην, ἄλλοι τε μέγιστοι ποταμοὶ καὶ ὁ Τίγρης τοῖς ρεῖθροισ ἐμβάλλει· ὃς πρὸς ἀπηλιώτην καὶ κάτωθεν τῆς Ὑρκανίας θαλάσσης ἐν Κορδοναίοις μὲν τὰς ἐμφανεῖς ἀναδόσεις λαμβάνει παρὰ τὴν Συρίαν ἐλκόμενος, ἐπειδὴν δὲ γένοιτο κατὰ τὴν Σουσίδα γῆν, ἐνταῦθα τοῦ Εὐφράτου τὸ ρεῖθρον αὐτῷ μινύντος, μέγας ἤδη τοῖς χεύμασι χωρήσας πρὸς ἰσι παφλάζων· ὅθεν αὐτόν φασιν καὶ τοῦ θηρίου τοῦ τίγρητος λαβεῖν τὸ ἐπώνυμον».

«...в устье Персидского моря, обширного вдающимся в сушу океаном, которое весьма обширно и по берегам вокруг населено многими народами, наряду с другими великими реками впадает также и Тигр. Беря начало от Апельиота, ниже Гирканского моря, в Кордифах, он протекает через Сирию, достигнув земли Суз, сливает свои воды с водами Евфрата, и тогда течение его становится могучим и быстрым, а воды бегут с великим шумом — потому он и был назван именем дикого зверя тигра» (Philostorg. III.7)1.

τὴν Σουσίδα γῆν — земля Суз, Сузиана. В описании Филосторгия эта земля предстает как отдельная географическая область. Другим примером отделения населенной части земли от обычной суши является фрагмент, в котором описывается Месопотамия. Автор подробно рассказывает о течении р. Тигр и р. Евфрат и в конце называет область между ними *Месопотамией*: «После этого, утратив свое имя, он вместе с Тигром впадает в Персидский залив. Страна, расположенная между двумя этими реками, Тигром и Евфратом, носит название Месопотамия» (Philostorg. III.8)⁶.

⁴ Под Кардифами, возможно, понимается плато, расположенное в Восточной Африке и именуемое Кардофаном.

⁵ Сузиана — историческая область государства Ахеменидов и Сасанидов. Под своим древним названием она упоминается у греческих авторов вплоть до арабских завоеваний в VII в.

⁶ Пер. В. А. Дорофеевой с изменениями.

Сравнение употребления слов *οἰκουμένη* и *γῆ* у Евсевия Кесарийского и Филосторгия позволит определить влияние на арианского автора образцов предыдущего времени. По мнению И. Ю. Ващевой, у Евсевия Памфила и *οἰκουμένη*, и *γῆ* используются в одних и тех же значениях: обитаемая земля, вселенная [11, с. 84]. Действительно, в тексте его «Церковной истории» можно найти немало примеров, где эти слова представлены не в своих изначальных значениях. К ним относится рассказ Евсевия о встрече Авраама с Богом, принявшим человеческий облик, под мамврийским дубом (Euseb. Hist. eccl. I.2.8). Пораженный увиденным, Авраам воскликнул: *«Господи, Ты судишь всю землю; не сотворишь ли суд?»* (*κύριε ὁ κρίνων πᾶσαν τὴν γῆν, οὐ ποιήσεις κρίσιν*). Дальнейшее повествование показывает, что во 2-й главе I книги под *землей* подразумевается *населенная людьми земля*. Другие фрагменты «Церковной истории» также показывают употребление *γῆ* в значении населенной земли. Это же касается и употребления слова *οἰκουμένη*. Евсевий Кесарийский упоминает спор между Малхионом — пресвитером из Антиохии и Павлом Самосатским — епископом Антиохийской церкви. Для разоблачения еретической диалектики последнего священники из Сирии написали послание римскому епископу Дионисию и Максиму из Александрии. Кроме того, были сделаны копии этого послания и отправлены во все епархии. В тексте документа, пересказанного Евсевием, заметно употребление *οἰκουμένη* в значении совокупности земель [12]:

«Διονυσίῳ καὶ Μαζίμῳ καὶ τοῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην πᾶσιν συλλειτουργοῖς ἡμῶν ἐπισκόποις καὶ πρεσβυτέροις καὶ διακόνοις καὶ πάσῃ τῇ ὑπὸ τὸν οὐρανὸν καθολικῇ ἐκκλησίᾳ...»

«Дионисию и Максиму и всем служителям нашим на этой земле, епископам и пресвитерам, и диаконам, и всей вселенской церкви католической церкви...» (Euseb. Hist. eccl. VII.30.2).

Исследователи, занимающиеся проблемами жанра «Церковной истории», видели в труде Евсевия Памфила попытку переосмысления многих пространственных категорий [11, с. 83–98]. Об этом говорят фрагменты, где идет противопоставление мира земного, царства грешников и царства Небесного (Eusebius. Hist. eccl. III.20.4). В тексте его труда слова *οἰκουμένη*, *γῆ*, *κόσμος* охватывают примерно одно и то же пространство и одну и ту же территорию. В большинстве случаев у Евсевия они выступают синонимами и заменяют друг друга. Как отмечали А. Я. Гуревич и Ю. М. Лотман [13, с. 53; 14, с. 210–216], у Евсевия намечается характерное для всей средневековой системы мышления противопоставление

«земля» — «небо». Космос больше не включает в себя небо, а активно противостоит ему. Земная жизнь имеет не свойственное классическим образцам географической мысли понятие религиозно-морального значения. Целые государства начинают восприниматься как праведные или грешные. Эти категории несколько в ином виде представлены у Филосторгия. В отличие от Евсевия, Филосторгий не противопоставлял небо земле. Напротив, в некоторых фрагментах видна прямая взаимосвязь неба и земли.

Дион Кассий — римский политический деятель III в. и историк, описавший не только политические события своего времени. Его труд содержит немало сведений о римских провинциях и государствах, не входивших в *orbis Romanus*. «Римская история» является одним из примеров обычного для античных авторов употребления слов *οἰκουμένη* и *γῆ*, где исходное их значение не было изменено. Одной из противоречивых фигур римской истории эпохи принципата был император Домициан (81–96 г. н. э.), часто бывший объектом критики римских историков. Дион упоминает о великих почестях, оказанных принцепсу в виде многих статуй и изображений, находившихся по всему миру. Он сообщает [15]:

«...καὶ τοσαῦτα αὐτῷ ἐψηφίσθη ὥστε πᾶσαν ὀλίγου δεῖν τὴν οἰκουμένην τὴν ὑπ' αὐτὸν οὖσαν εἰκόνων αὐτοῦ καὶ ἀνδριάντων καὶ ἀργυρῶν καὶ χρυσῶν ἐμπλησθῆναι».

«...и ему были назначены столь великие почести, что почти весь мир — во всяком случае тот, что находился под его властью, — был заполнен его изображениями и статуями, и серебряными, и золотыми» (Dio Cass. LXVII. 8.1)2.

Другим примером можно считать употребление *γῆ* в его изначальном значении. Император Адриан был одним из положительных героев «Римской истории». После многолетнего запустения на месте Иерусалима было принято решение о строительстве колонии ветеранов Элия Капитолина. На месте храма Бога был построен храм Юпитера. Это решение стало причиной восстания евреев под руководством Шимона Бар-Кохбы. Дион описывает действия восставших как нерешительные, так как они не отваживались вступать в открытые сражения с римлянами. Евреи на случай своего разгрома строили убежища и скрытно связывались друг с другом «под землей» (*ὑπὸ [τῆν] γῆν*) (Dio Cass. LXIX.12.3).

Анализ ключевых понятий *οἰκουμένη* и *γῆ* у Филосторгия показывает, что под первым из них понимается *населенная земля*, в отдельных фраг-

ментах — *подвластная Риму*, а в других — нет. Слово *γῆ* у Филосторгия означает *общую совокупность земель*, что заметно отличает сочинение Филосторгия от Евсевия Кесарийского и некоторых других церковных авторов, у которых *οἰκουμένη* и *γῆ* часто выступают синонимами или имеют противоположные значения в зависимости от контекста фрагментов.

Список источников и литературы

1. *Kaerst J.* Die antike Idee der Oekumene in ihrer politischen und kulturellen Bedeutung: akademische Antrittsvorlesung. Leipzig: G. Teubner, 1903. 34 s.
2. *Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены: эволюция представлений античных ученых об обитаемой земле и природной широтной зональности. М.: Мысль, 1973. 146 с.
3. *Томпсон О.* История древней географии / Пер. с англ. Н. И. Скаткина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 592 с.
4. *Gisinger F.* Oikumene // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Alterstumwissenschaft.* Bd. XVII. 1937. S. 2123–2174.
5. *Агафемер.* Очерк географии / вст. ст., пер. с древнегреч. и коммент. А. В. Подосинова // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ / Под ред. А. В. Подосинова. 2009. Т. 2. С. 167–181.
6. *Liddell G. H., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2446 p.
7. *Philostorgios.* Kirchengeschichte / Ediert, übersetzt, kommentiert von B. Blackmann und M. Stern. Bd. I. Einleitung, Text und Übersetzung. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2015. 618 s.
8. *Ando C.* Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. 494 p.
9. *Pogorzelski R. J.* Orbis Romanus: Lucan and the Limits of the Roman World // *Transactions of the American Philological Association.* 2011. Vol. 141. No. 1. P. 143–170.
10. *Asche U.* Roms Weltherrschaftsidee und Außenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke, 1983. 212 s.
11. *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб: Алетейя, 2006. 272 с.
12. *Eusebius Pamphilus.* Church History, Life of Constantine, Oration in Praise of Constantine / Ed. Ph. Schaff. New York: Grand Rapids, 1890. 1015 p.
13. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. 318 с.
14. *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1965. Вып. 181. С. 210–216.
15. *Dio's Roman History / Transl. and ed. E. Cary.* Vol. VIII. London, 1925.

УДК 94

Худовеков М. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: khudovekov.m@mail.ru

Христиане и язычество в ранневизантийском городе (по творениям свт. Иоанна Златоуста)

Аннотация. На основании творений свт. Иоанна Златоуста в статье изучается место языческих традиций в повседневной жизни ранневизантийского города. Проводится анализ столкновения в умах горожан еще не исчезнувшего язычества с пока не укоренившимся христианством. Делается вывод о значительной роли языческих традиций в повседневной жизни ранневизантийского города.

Ключевые слова: Византия, Иоанн Златоуст, язычество, христианство.

Khudovekov M. S.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: khudovekov.m@mail.ru

Christians and Paganism in the Early Byzantine City (According to the Works of St. John Chrysostom)

Abstract. Based on the works of St. John Chrysostom, the article studies the place of pagan traditions in the daily life of the early Byzantine city. An analysis is made of the clash in the minds of the townspeople of paganism that has not yet disappeared with Christianity that has not yet taken root. The author concludes about the significant role of pagan traditions in the daily life of the early Byzantine city.

Keywords: Byzantium, John Chrysostom, paganism, Christianity.

IV–V вв. н. э. на территории Византии характеризуются большими изменениями во всех сферах жизни общества. Это время Вселенских соборов, формирования христианской догматики и организационной структуры Православной церкви, борьбы христианства с уходящим язычеством. И именно на этот период приходится деятельность одного из величайших святителей и проповедников христианства — Иоанна Златоуста (середина IV в. — 407 г.) [1, с. 159].

Иоанн Златоуст родился в Антиохии в знатной христианской семье и по рождению и воспитанию принадлежал к эллинистическим культурным кругам малоазийского общества. Иоанн получил блестящее образование, обучаясь в школе известного антиохийского ритора-язычника Ливания. Благодаря этому Златоуст был прекрасно осведомлен в тонкостях античной философии и овладел ораторским искусством, что впоследствии принесло ему славу. Исследователями традиционно выделяются три этапа его биографии: антиохийский (до конца 397 г.), константинопольский — период его служения в сане архиепископа Константинопольского (конец 397 г. — 20 июня 404 г.) и пребывание в изгнании (с 20 июня 404 г. до смерти в 407 г.) [1, с. 159]. В данной работе мы хотели бы обратить внимание именно на антиохийский период деятельности Златоуста вследствие его изолированности в этот период от высшей власти. В Антиохии Златоуст имел больше возможностей уделять внимание жизни своей паствы, ее повседневным делам, в то время как в Константинополе, на архиепископской кафедре, он много времени и сил уделял борьбе с пороками императорского двора и высшей знати.

В рамках данного исследования мы считаем необходимым выяснить при помощи наблюдений Иоанна Златоуста, в какой степени сохранились языческие традиции в городской среде ранневизантийской Антиохии, определить степень их влияния на паству Иоанна Златоуста.

Иоанн Златоуст оставил после себя самое большое творческое наследие из всех греческих отцов Церкви — он написал около 900 сочинений различной направленности [2, с. 179]. Большинство сочинений Златоуста представляют собой стенографированные, а затем отредактированные им самим устные проповеди, как тщательно подготовленные, так и произнесенные экспромтом [3, с. 51]. По тематике их можно разделить на несколько групп: догматико-полемические, экзегетические, катехизические и пастырские, нравственно-аскетические, праздничные, автобиографические, похвальные и на разные случаи.

Для исследования был отобран комплекс текстов, созданных в антиохийский период жизни святителя. Вместе с тем, нельзя забывать о специфике подобных текстов. В первую очередь это труды проповедника, мнение личности. Кроме того, Златоуст являлся выдающимся оратором и достаточно часто использовал ораторские преувеличения, что накладывает определенный отпечаток на эти произведения.

Отечественная историография имеет давние традиции изучения византийского города, которое началось еще во второй половине XIX века. Одной из таких работ является монография А. П. Рудакова «Очерки ви-

зантийской культуры по данным греческой агиографии» (1917). В ней на основе обширного комплекса источников исследователь дает картину повседневной жизни византийских горожан, в том числе и за интересующий нас период. В работе обращается внимание на то, что в IV–V вв. в старинных эллинистическо-римских центрах учености активно продолжались занятия античными науками [4, с. 110].

А. Б. Ковельман в своей работе изучает вопрос самоощущения позднеантичных христиан, влияние христианства не на форму, а на сознание людей [5]. На примере эллинистического Египта, а также прочих восточных территорий поздней Римской империи он изучает вопрос морального прогресса в христианском и языческом обществах.

М. А. Поляковская и А. А. Чекалова в обобщающей работе «Византия: Быт и нравы» исследуют в том числе и сохранившиеся в византийском обществе языческие традиции и особенности их бытования [6].

Вопрос о языческих рудиментах в христианском обществе поднимается и в статье Л. А. Ельницкого, посвященной языческим праздникам сатурналий или брумалий, как они назывались в Византии, и календам. В статье подробно расписаны обряды проведения и особенности бытования в Византии [7, с. 344].

Также стоит отметить работу Рудольфа Брендле «Иоанн Златоуст: проповедник, епископ, мученик» (2006). Интересны подсчеты автора, согласно которым язычники, христиане и иудеи составляли по 1/3 от общего числа жителей Антиохии [3, с. 42–43]. Это соотношение Р. Брендле обоснованно считает следствием эдикта Феодосия 380 года и связанного с ним появления огромного количества новообращенных, многие из которых придерживались старых традиций [3, с. 44].

Как замечает Р. Брендле, христиане, иудеи и язычники жили рядом и находились в ежедневном контакте друг с другом, что обуславливало и их взаимовлияние. Люди спорили между собой, порой горячо, что вызывало беспокойство у христианских проповедников [3, с. 44]. Вследствие этого, вероятно, такие дебаты становились одной из причин появления различных трактатов и проповедей, посвященных особенностям межконфессиональных отношений. Свт. Иоанн, безусловно, также уделял много внимания этому вопросу.

Язычество, формально бывшее незаконным по эдикту Феодосия, являлось данностью, с которой христианский проповедник так или иначе должен был считаться. Этот на первый взгляд очевидный факт создавал особую религиозную атмосферу в городе. Именно в силу укоренившегося язычества Иоанн Златоуст адресует часть своего трактата «К враждующим

против тех, которые привлекают к монашеской жизни» «неверующему отцу» [8, с. 58–79], таким образом ведя с язычниками полемику: *«Если ты поклоняешься огню, для чего же сам почиваешь на ложе, а своего повара заставляешь предстать пред твоим богом? Почему ты считаешь бесчестным то занятие, где так много твоего бога? Для чего поручаешь его рабам и не оставляешь за собою этой чести? Огонь — хорошая вещь, так как сотворен благим Творцом, но он — не бог»* [9, с. 108–109].

Именно в Антиохии Златоуст постоянно нападает на языческих философов, поскольку она на тот момент оставалась одним из центров эллинистической учености [10, с. 110]. Иоанн Златоуст описывает философов — с подчеркнуто длинными бородами, в обычных для них плащах и с палками в правых руках [10, с. 44] — циников, которые, по всей видимости, не были редкостью на антиохийских улицах. Вместе с тем, Златоуст говорит, что эти *«презренные циники»* [10, с. 190] *«хуже подстольных псов, и все делают только для чрева»* [10, с. 44], подразумевая этим, что провозглашающие идеи циников языческие философы его времени предавались тем же самым порокам, что и остальные горожане Антиохии. Несмотря на то, что свт. Иоанн был воспитан в школе известного ритора Либания, он не благосклонен к тем мудрецам и авторитетам, у которых учился. Здесь интересен тот факт, что, по словам Златоуста, сейчас уже нельзя поспорить с языческим мудрецом, *«поелику теперь такового не найти»* [10, с. 210]. Свт. Иоанн в данном случае пишет, вероятно, не о том, что мудрецов нет вообще, а что нет таких, которые были в древности, авторитетных и опытных, могущих вести ученую дискуссию. Тех же мудрецов, что были в его время, он сравнивает с актерами и комедиантами, ибо они *«не в силах показать ничего большего, кроме плаща, бороды и длинной мантии»* [10, с. 209–210].

Однако если на уровне образованных горожан язычество уже теряло свои позиции и античная мудрость уступала напору христианства, то среди простых антиохийцев языческие традиции были очень сильны. Одной из них был праздник январских календ, который в IV веке начинался в последний день декабря (день св. Сильвестра) и продолжался вплоть до 5 января [7, с. 343–344]. Вот как их описывает Златоуст: *«Происходящие сегодня дьявольские всенощные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город»* [11, с. 768]. Златоуст упоминает гадания горожан в этот день [11, с. 769], их праздничный разгул, подкрепляемый поверьем в то, что *«если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселии, то и во весь год будет то же»* [11, с. 769]. Характерно, что это делали все — и сами

горожане, и их слуги. Данное замечание достаточно важно. Календы сохранили многие черты римского праздника сатурналий [7, с. 343], который в Римской империи предшествовал январским календам [7, с. 341]. Этот языческий праздник в честь Сатурна был очень любим народом и служил, в том числе, цели сглаживания социальных противоречий в обществе. В эти дни господа прислуживали рабам за столом, в адрес рабовладельцев и магнатов допускались безнаказанные шутки и насмешки со стороны бедняков [7, с. 341–342]. При этом, как можно отметить, гражданские власти снисходительно относились к подобным проявлениям языческой традиции. Как справедливо отмечает Л. А. Ельницкий, такая политика служила также сглаживанию языческо-христианских и церковно-гражданских противоречий [7, с. 345].

Еще одной сферой, где языческие традиции проявлялись с особой силой, была церемония бракосочетания в ранней Византии. Златоуст осуждает традиции византийской свадьбы, сопровождавшейся игрой музыкантов на флейтах, тимпанах, кимвалах и других инструментах, выступлениями уличных актеров и плясунов и бывшей, таким образом, очень зрелищным событием [12, с. 240]. О языческой сути этого праздника свт. Златоуст говорит следующим образом: *«Итак, если ты отгонишь диавола, если устранишь блудные песни, развратные напевы, непристойные пляски, срамные речи, дьявольские обряды, крик, необузданный смех и прочие бесчинства, а введешь святых служителей Божиих, то поистине чрез них будет присуц и Христос со своею матерью и братьями... Знаю, что для некоторых я кажусь тяжким и несносным, внушая это и уничтожая древний обычай»* [13, с. 206]. Там же Златоуст говорит о том, что в ходе свадебных празднеств происходит прямая апелляция к языческим божествам: *«А в наше время поют песни с плясками в честь Афродиты, воспевая и прелюбодеяния, и нарушение брака, и незаконную любовь, и преступное кровосмешение, и много других поют в этот день песней, исполненных нечестия и бесстыдства»* [13, с. 206]. Стоит отметить, что отношение к браку в целом в византийском городе времен Златоуста в достаточно слабой степени соответствовало понятию христианского таинства и христианским идеалам.

Чтобы увидеть, насколько языческие рудименты укоренились в городском обществе, достаточно рассмотреть вопрос о клятвах, к которому Иоанн Златоуст возвращается с завидной регулярностью. В частности, тема клятв является одной из ведущих в знаменитом цикле речей «О статуях»: *«Много бы и другого нужно исследовать, но вижу, что время не позволяет нам пуститься со словом в такое море. Почему, отложив*

это до удобного случая, опять поговорим с вами об избежании клятв, и попросим любовь вашу позаботиться об этом с большим старанием» [10, с. 101]. О том же говорится в 13 беседе [10, с. 154], а 14 беседа этого цикла полностью посвящена данной проблеме [10, с. 156–167]. Несложно заметить, что привычка божиться естественно пришла на смену античному «Клянусь Зевсом!», которое активно использовалось для придания веса своему обещанию сначала в античной Греции, а потом и Римской империи [14, с. 274].

Еще одним проявлением языческих традиций города были «зрелища» — конные состязания и театральные представления. Златоуст постоянно выступал против «конских зрелищ» и того, что народ ходил туда вместо и сразу после службы, что определенно не характеризовало его паству с точки зрения благочестия. То, что это было постоянным явлением в годы его пресвитерства, видно из начала одной из его проповедей: *«Хочу опять приняться за обычное учение и предложить вам духовную трапезу; но медлю и удерживаюсь, видя, что вы не извлекаете никакого плода из непрерывного учения»* [15, с. 867]. После чего следуют упреки проповедника к своей пастве по поводу того, что некоторые из них опять устремились на *«сатанинское зрелище конского ристалища»* [15, с. 867]. Свт. Иоанн упрекает людей в том, что они *«[выставляют] себя на позор и иудеям и язычникам, и всем, кто хочет осмеивать наше (учение)»* [15, с. 868], имея в виду, что христиане поступают прямо противоположно тому, о чем говорят им проповедники, и этим дискредитируют всю Церковь. Театр, являясь одним из языческих институтов и неся таким образом опасность для новообращенных, также вызывал у Златоуста постоянную критику. В цикле бесед «О статуях», описывая наказания восставшего города, утвержденные царем, свт. Иоанн обращается к своей пастве: *«Что тягостного, скажи мне, в этих распоряжениях? Ужели то, что (царь) закрыл театр, что сделал недоступным конское ристалище, что заключил и заградил источники нечестия? О, если бы они и никогда не открывались! Из них-то выросли в городе корни нечестия, из них выходят люди, подвергающие нареканию его нравы, продающие свои голоса пляшущим и отдающие им за три обола собственное спасение, приводящие все в крайний беспорядок»* [10, с. 193–194].

Таким образом, в ранневизантийской Антиохии христианство было вынуждено сосуществовать с большим количеством языческих традиций, стереотипов поведения. В условиях, когда большинство христиан города было из новообращенных, эти институты имели достаточную силу, чтобы влиять на формирование мировоззрения новых христиан.

Список источников и литературы

1. *Казачков Ю. А.* Иоанн Златоуст. Часть I // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 24. С. 159–205.
2. *Фокин А. Р.* Иоанн Златоуст. Сочинения. Часть I // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 24. С. 179–197.
3. *Брендле Р.* Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик. М., 2006. 208 с.
4. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным агиографии. СПб, 1998. 304 с.
5. *Ковельман А. Б.* Риторика в тени пирамид. М., 1988. 190 с.
6. *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. 304 с.
7. *Ельницкий Л.* Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340–350.
8. *Иоанн Златоуст, свт.* К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 1. Кн. 1. С. 44–124.
9. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Послание к Ефесянам // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 11. Кн. 1. С. 5–218.
10. *Иоанн Златоуст, свт.* О статуях к народу антиохийскому // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 2. Кн. 1. С. 5–247.
11. *Иоанн Златоуст, свт.* Слово на новый год // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 1. Кн. 2. С. 767–777.
12. *Иоанн Златоуст, свт.* Похвальное Слово к Максиму и о том, каких нужно брать жен // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 3. Кн. 1. С. 223–242.
13. *Иоанн Златоуст, свт.* На слова: «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену» (1 Кор 7. 2) // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 3. Кн. 1. С. 203–214.
14. Словарь античности: пер. с нем. / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. М., 1989. 704 с.
15. *Иоанн Златоуст, свт.* О Лазаре // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб, 1898. Т. 1. Кн. 2. С. 778–877.

УДК: 94

Пчелкина Е. А.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, выпускник-магистр
E-mail: pchelagugu0507@gmail.com

Употребление местоимений и устойчивых словесных конструкций в «Синописе истории» Иоанна Скилицы и в «Хронике» Продолжателя Скилицы

Аннотация. В статье предпринята попытка выработать критерии для сопоставления «Синописа истории» и «Хроники», позволяющие по-новому взглянуть на проблему авторства последней. Новыми критериями для сопоставления стали: 1) местоимения и личные формы глагола, которые использовались авторами «Синописа истории» и «Хроники»; 2) устойчивые словесные конструкции. В результате проведенного исследования были получены неоднозначные выводы.

Ключевые слова: Византийские хроники XI–XII вв., Иоанн Скилица, Продолжатель Скилицы.

Pchelkina E. A.

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, Master’s degree
E-mail: pchelagugu0507@gmail.com

Using pronouns and finite forms of verbs in the Synopsis of History by John Skylitzes and in the Chronicle by The Continuator of John Skylitzes

Abstract. In the article, it is attempted to work out new criteria for comparison of the Synopsis of History and the Chronicle to give a fresh view on the problem of authorship of last work. New criteria for comparison are: 1) pronouns and finite forms of verbs which were used by the authors of the Synopsis of History and the Chronicle; 2) stable verbal constructions. As a result, the research has ambiguous conclusions.

Keywords: Byzantine chronicles of the 11th-12th centuries, John Skylitzes, the Continuator of John Skylitzes.

Авторство «Хроники» Продолжателя Скилицы [1], описывающей события 1057–1079 гг., остается дискуссионным вопросом византистики. Несмотря на то, что большинство историков считают автором «Хроники» Иоанна Скилицу, известного по «Синописису истории» [2], охватывающему период 811–1057 гг., тем не менее, остаются историки, несогласные с данной точкой зрения. В их числе — автор данной статьи.

Подробнее ознакомиться с проблемой авторства «Хроники» можно, обратившись к работам И.-С. Киапиду [3] и Э. Т. Тсолакиса [4]. Биография Иоанна Скилицы, предполагаемого автора «Хроники», была подробно описана В. Зайбтом [5]. Приблизительные даты возникновения «Синописиса истории», предлагаемые историками, следующие: нижние даты 1057 г. или 1070-е гг. [6, Σ. 14], верхние даты 1080-е гг. или конец XI в. [6, Σ. 14; 7, р. XXXI]. «Хроника», по мнению исследователей, создавалась в период правления Алексея I Комнина [7, р. XXXI; 5, с. 85].

Поиск релевантных критериев для сопоставления «Синописиса истории» и «Хроники», позволяющих по-новому взглянуть на проблему авторства последней, предпринимался и ранее. Так, в одной из статей [8] удалось продемонстрировать различия хронистов в осмыслении движущих сил истории — сверхъестественных сил, которые часто используются средневековыми авторами для объяснения причин того или иного события.

В целом, в ходе сопоставления двух хроник между собой, а также по результатам сравнения «Синописиса истории» и «Хроники» с их источниками, обнаружилось: 1) повествование в «Хронике» даже в тех аспектах, что были проанализированы ранее, сильно зависит от его источника — «Истории» Михаила Атталиата [9]; 2) Продолжатель Скилицы, в отличие от Иоанна Скилицы, кажется, не рефлексировал над своим источником и невнимателен к нюансам.

В данной статье предпринята попытка анализа и сравнения «Хроники» с «Синописисом истории» с точки зрения употребления местоимений и устойчивых словесных конструкций.

По справедливому замечанию В. Поля [10, р. 30], одним из уровней анализа идентичности является исследование личных местоимений в источниках, что позволяет разглядеть самоидентификацию автора. Идентичность, по определению Р. Дженкинса, *«is a strategic concept that helps to bridge some of the simplifying, binary opposites fundamental to scholarship, such as individual/collective, objective/subjective, structure/action, theory/practice, or intended/unintended»* [11, р. 13; 46].

В древнегреческом и византийском греческом языках в предложениях часто пропускается личное местоимение, а его роль, как правило,

выполняет сказуемое, выраженное глаголом. В целом местоимения являются эмфатическим членом предложения. Наличие личного местоимения в повествовании показывает, какую важность автор придавал действующему лицу. Самоидентификация автора может также выражаться в тексте притяжательным местоимением.

Однако перед тем как перейти к исследованию идентичностей в «Синописе истории» и «Хронике», необходимо представить общий обзор данной проблематики. Вопрос о средневековой ромейской (византийской) идентичности хорошо освещен в статье Я. Стурайтиса [12]. Историк разделил существующие мнения по данной проблеме на три подхода [12, p. 176]: в первом ученые представляют ромейскую идентичность как константу, т.е. вечную форму греческой национальной идентичности; во втором ромейская идентичность рассматривается в контексте многонационального имперского государства, в котором среднестатистический подданный империи идентифицировал себя как ромей; в третьем подходе отрицается многоэтничный характер империи, напротив, Византия рассматривается как досовременное национальное государство. В своей статье Я. Стурайтис пришел к следующим выводам: 1) политико-культурный дискурс самоидентификации в Византии касался в основном представителей высшего социального слоя, чей социальный статус и грамотность позволяли сохранять и распространять ромейскую идентичность и имперскую идеологию; 2) для провинциальных масс ромейская идентичность не должна была выходить за рамки подчинения или лояльности Византийской империи; 3) религиозная идентичность была более устойчивой коллективной идентичностью в империи; 4) греческий этнический дискурс для византийской элиты не был столь важен вплоть до XIII в. [12, p. 204–206]. Завершая краткий обзор, можно привести цитату В. Поля: «*Being Roman might mean something different for different people at the same place and time*» [13, p. 8].

Проанализировав местоимения и личные формы глаголов в «Синописе истории», которые Иоанн Скилица использует для демонстрации действующего лица в хронике, можно выделить следующие случаи употребления: 1) ссылка на прежнее повествование; 2) рассуждение автора; 3) временная идентичность (контекст); 4) религиозная идентичность; 5) политико-культурная идентичность; 6) городская идентичность. Следует остановиться подробнее на каждом из них.

Ссылка на прежнее повествование в «Синописе» является наиболее распространенной авторской вставкой из всех перечисленных выше. Рассказчик часто использует клишированные фразы: *ὡς εἶπομεν*, *ὡς εἶρηται*, *ὡς*

ἔφραμεν, которые стоят в I л. мн. ч. или III л. ед. ч. страдательного залога [2, s. 11, 21–22, 26–28, 31, 34, 47, 51, 64, 82–83, 86–87, 91, 104–105, 115, 122, 129–131, 147, 151, 164, 167, 176, 197, 203, 229, 233, 240, 256, 267, 269, 272, 287, 303, 311, 320, 328, 332, 350, 359, 371, 378, 390, 392, 394, 397, 399, 400, 405–408, 411, 423, 435, 439, 471, 474]. Однако ни в одном из указанных случаев рядом с глаголом не ставится местоимение. Для сравнения, историки, чьи сочинения Иоанн Скилица использует в качестве своих источников: Продолжатель Феофана [14], Лев Диакон [15], Михаил Пселл [16] не скупятся на местоимения, они часто ставят *ἐγώ* и *ἡμεῖς* рядом с глаголами.

Личное мнение Иоанна Скилицы в источнике можно найти в местах, где он о чем-то рассуждает или рассказывает то, с чем предстоит встретиться читателю в хронике. В «Синописе» в данном контексте Иоанн пишет в следующих формах: в I л. мн. ч., III л. ед. ч. страдательного залога [2, s. 3–4, 41, 191, 241, 273, 276, 471] и в I л. ед. ч. [2, s. 118, 281, 303, 350, 408, 442, 476, 481, 483, 498, 500]. В своем предисловии к «Синописису» Иоанн использует формы глагола, стоящие только в I л. мн. ч. Современные издатели «Синописиса истории» переводят предисловие Иоанна в I л. ед. ч., что расходится с оригиналом. В целом издатели «Синописиса истории» часто переводят рассуждения Иоанна в I л. ед. ч. С правления Василия I Македонянина (867–886) Иоанн начинает употреблять глаголы, стоящие в I л. ед. ч. Это происходит наиболее часто в главах, посвященных правлениям Константина IX Мономаха (1042–1055) и Михаила VI Стратиготика (1056–1057). В них можно встретить следующие формы: *διηγῆσομαι*, *οὐκ ἔχω*, *οἶμαι*, *οὐκ οἶδα*.

Такое расхождение в местоимениях или, точнее, в глагольных формах у одного автора не является чем-то исключительным. При сравнении «Синописиса» с другими источниками обнаруживается, что средневековые авторы часто высказывали свои мысли, используя разные грамматические формы. Подобная погрешность иногда встречается и в современных работах. Однако если сейчас исследователь должен унифицировать «представление себя» в тексте, то средневековые хронисты не следовали подобным правилам.

В «Синописе» обнаружен только один случай использования личного местоимения с глаголом — в месте, повествующем об ужасном видении патриарху Евстафию в правление Василия II Болгаробойца (963; 976–1025). Пассаж звучит так: *«τὰ δὲ θηρία εἶναι ἔλεγεν ὄνους, λέοντας, παρδάλεις, κατοικιδίους αἰλούρους (αἰρούλους U), οὓς ἡμεῖς συνήθως γάττας (γόητας C) καλοῦμεν (οὓς ἡμεῖς — καλοῦμεν от. A), λύκους, ἄρκους (ἄρκους, λύκους A), καὶ ἕτερα τοιαῦτα»* [он говорит, что это были: ослы, львы, лео-

парды, домашние кошки, которых мы называем обычно кошками, волки, медведи и другие подобные им звери] [2, s. 368]. Однако о том, насколько это самостоятельная вставка Иоанна, судить трудно, потому что ее невозможно подтвердить другими источниками. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для автора не важна демонстрация действующего лица в хронике с помощью местоимений.

Произведение Иоанна Скилицы перестает быть обезличенным тогда, когда автор начинает употреблять *ἡμεῖς* в косвенных падежах. Один из таких случаев относится к временной идентичности (контексту). Й. Кодер в своей статье пришел к выводу о том, что в мышлении византийцев доминировало эсхатологическое время, тогда как историческое измерение было ограничено небольшим числом авторов, принадлежавших к обр-зованным кругам [17, p. 537].

Дважды Иоанн, описывая исторические события, соотносит себя с современной ему эпохой: в первом случае в предисловии, когда рассказывает про своего современника Михаила Пселла: «...καὶ ὁ καθ' ἡμᾶς ὕπατος τῶν φιλοσόφων καὶ ὑπέρτιμος ὁ Ψελλός...» [...и в наше время ипат философ и империи Пселл...] [2, s. 3]; другой случай связан с пассажем, в котором Иоанн описывает дворец, построенный в правление Феофила, руины которого сохранились в его время: «...ὅν καὶ ἐς ἡμᾶς τῷ χρόνῳ κατερυσθέντων λείψανα περισφύζονται» [...руины которых и в наше время сохранены] [2, s. 56].

Наиболее важными и репрезентативными идентичностями автора должны выступать религиозная, политико-культурная и городская. Однако, к сожалению, в местах, которые можно проверить источниками Иоанна, выяснилось, что он дословно скопировал их [2, s. 20, 25, 28, 31–32, 63, 66; 15, p. 34–35, 42–43, 55, 106, 110]. Таким образом, говорить о самоидентификации автора очень трудно.

Редактура автором своих источников особенно видна в местах, где использование местоимений казалось ему излишним. Таким образом, Иоанн поступал с местоимениями так же, как и со сверхъестественными силами — исключал их из текста. Для подтверждения данной гипотезы достаточно привести один пример. Он связан с болгарским правителем Борисом I (852–889), который захотел, чтобы в его новом доме были изображены сцены охоты. Для этого он позвал монаха Мефодия, который, по версии Продолжателя Феофана, был «...μετακαλείται μοναχόν τινα τῶν καθ' ἡμᾶς Ῥωμαίων ζωγράφον» [...призвал какого-то монаха-художника из наших ромеев] [14, p. 164]; а по версии Иоанна Скилицы: «Ῥωμαῖον τὸ γένος» [ромейского происхождения] [2, s. 91].

Христианская идентичность Иоанна встречается на протяжении всего «Синописа», но утверждать, что оставшиеся части «Хроники» являются авторскими, а не списанными, невозможно. Однако, опираясь на историографию, можно говорить о том, что христианский дискурс был объединяющим фактором полиэтнического государства Византии и вдобавок являлся важным аспектом идеологического дискурса государства [12, р. 203; 13, р. 36]. Трансляторами идеологического дискурса в Византии была образованная элита, в которую входил Иоанн Скилица. Следовательно, в «Синописе истории» можно увидеть отсылки к имперской идеологии Византии. Однако судить о том, насколько она совпадала с самоидентификацией Иоанна, опираясь на данные из источника, трудно.

Проанализировав употребление личных форм глаголов и местоимений в «Синописе истории», следует перейти ко второму по времени создания источнику — «Хронике». В «Хронике» можно встретить три случая употребления местоимений и личных форм глаголов: 1) ссылка на прежнее повествование или будущее; 2) рассуждение автора; 3) религиозная идентичность.

Начать обзор следует с анализа первых двух случаев. Безусловно, в «Хронике», как и в «Синописе», автор использует клишированные фразы для того, чтобы сослаться на предыдущее повествование или предупредить о будущем раскрытии темы. Однако Продолжатель Скилицы употребляет глаголы в этом контексте не только в I л. мн. ч. [1, р. 50, 62, 84] и III л. ед. ч. страдательного залога [1, р. 112, 144, 146, 150], но и в I л. ед. ч. [1, р. 76, 146, 190]. Так, в частности, в пассаже, где Продолжатель Скилицы ссылается на конфликт Византии с Болгарией: *«τὸν δὲ τρόπον ἄνωθεν ἀναλαβὸν διηγῆσομαι»* [расскажу, опираясь на повествование [сделанное] выше] [1, р. 146], некоторые ученые усматривают доказательство того, что автор у «Хроники» и «Синописа» был один. Однако кажется необъяснимым тот факт, что Иоанн Скилица в «Синописе», чтобы сделать ссылку на повествование, обычно использует I л. мн. ч. или III л. ед. ч. страдательного залога, а в «Хронике» в интересующем отрывке глагол стоит в I л. ед. ч. Следует добавить, что через несколько предложений после указанной выше фразы Продолжатель вновь делает ссылку на болгаро-византийский конфликт, но в форме III л. ед. ч. страдательного залога.

Делая поправку на случаи дословного копирования текста Михаила Атталиата Продолжателем Скилицы, можно утверждать, что в «Хронике» I л. ед. ч. употребляется чаще [1, р. 62, 76, 98, 108, 120, 146, 190], чем I л. мн. ч. [1, р. 50, 62], в отличие от «Синописа».

Общими чертами «Синописа» и «Хроники» следует считать, во-первых, то, что Продолжатель Скилицы так же, как и Иоанн Скилица, не использует местоимений, стоящих в именительном падеже. Во-вторых, выявлено хотя бы одно предложение, в котором Продолжатель исключил личное местоимение *ἐγώ*, которое содержится в «Истории» Михаила Агталиата: *«Ἐγὼ δὲ ἀμφοτέρων τὴν γνώμην ἐπαποδέχομαι τῷ τὴν μὲν κωλυτικὴν εἶναι μελλόντων κακῶν»* [*Я принимаю оба мнения, что [это] должно препятствовать плохим деяниям*] [9, p. 126]. Напротив, повествование Михаила в «Истории» нельзя назвать безличным. Он часто идентифицирует себя с ромеями, ромейской армией. Продолжатель Скилицы, в свою очередь, не копирует данные пассажи.

Христианская идентификация Продолжателя Скилицы в «Хронике» встречается всего раз, но и она скопирована из «Истории» Михаила Агталиата. Личное местоимение *ἡμῖν*, которое используется в одном предложении дважды, является единственным случаем употребления какого-либо «авторского» местоимения [1, p. 108; 9, p. 174].

Уже давно было замечено, что в «Синописе истории» и «Хронике» встречаются схожие словесные конструкции, которые могут служить доказательством того, что автор у обоих источников был один. Историк Э. Т. Тсолакис, а также современные издатели «Синописа» и «Хроники» выделяют следующие общие места: использование одинакового выражения в обоих произведениях *«ἄθλος Ἡράκλειος»* [2, s. 408; 1, p. 52], отсылка к Болгарскому конфликту в «Хронике», которая была рассмотрена выше [1, p. 146].

Однако необходимо обратиться к фразам, которые могут поставить под сомнение гипотезу о едином авторстве обоих произведений.

В «Синописе истории» и «Хронике» по-разному употребляется конструкция с *εἴτε ... εἴτε*. Ее принято переводить как «или ... или», «либо ... либо», «будь то ... будь то». Данный союз в «Синописе», в отличие от «Хроники», употребляется довольно часто. Почему он так важен? Дело в том, что в «Синописе истории» Иоанн иногда как будто находится в состоянии дилеммы, ситуации выбора между двумя «историческими переменными», которые когда-то послужили толчком к какому-либо действию. Конечно, в большинстве случаев автор копирует свои источники в этих местах [2, s. 10, 37, 56, 67, 69, 82, 85, 111, 112, 116, 169; 15, p. 47, 95, 113, 116, 153, 154, 204, 205, 215, 351; 18, p. 8], однако можно выделить и самостоятельные пассажи. Первый из таких случаев связан с предсказанием о падении старой династии и восшествии новой, Македонской, сделанным пленной агаряжкой в правление императора Феофила (829–842), которая была движима *«εἴτ' ἐξ ἐνθουσιασμοῦ, εἴτε καὶ ἐκ δαιμονίας*

ἐνεργείας κινούμενον] [то ли божественным безумием, то ли демонической силой] [2, s. 72]. Второй случай связан с императрицей Феодорой (1055–1056), которая решила восстановить иконопочитание: «*τούτου τοῖς λόγοις εἶτ' ἐκδεικτασθεῖσα, εἶτε καὶ ἄλλως ἀρεσκομένη, ὡς εἶπομεν, ἡ βασιλὶς ὄλη τοῦ ἔργου γίνεται*» [этими речами императрица, то ли испугавшись, то ли желая угодить, как мы сказали, полностью согласилась на это] [2, s. 83]; у Продолжателя Феофана об этом не сообщается.

В «Синописисе» можно встретить и ряд других случаев употребления *εἶτε*, которые, к сожалению, нельзя подтвердить другими источниками [2, s. 246, 247, 319]. В их число входят фразы, связанные с правлением Василия II, а также с царствованием Константина VII Багрянородного (913–920; 945–959). Устойчивое употребление в «Синописисе» союза, выражающего сомнение, позволяет охарактеризовать Иоанна не столько как человека, сколько как историографа, чья работа в каком-то смысле опирается на сравнительный метод, который важен в его историописании. Конечно, существуют и другие способы выражения разных точек зрения на одно и то же событие в тексте «Синописиса». К примеру, когда автор развернуто излагает разные версии событий. К этому прибегает и Иоанн. Использование *εἶτε* — это скорее более краткий способ. Однако, насколько можно судить, употребление *εἶτε* — это устойчивая авторская словесная конструкция в «Синописисе».

Подобный вывод невозможно сделать о «Хронике» Продолжателя Скилицы. Дело в том, что, во-первых, в «Хронике» *εἶτε* не является устойчивой конструкцией, а, во-вторых, что более важно, данный союз используется совсем в иных контекстах, не связанных с дилеммой [1, p. 88, 96, 118].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что анализ в «Синописисе истории» и «Хронике» местоимений и личных форм глаголов, а также устойчивых словесных конструкций показал, что между двумя источниками есть определенные сходства, в числе которых: 1) фактическое отсутствие авторских местоимений, а в некоторых случаях исключение местоимений из текстов их источников; 2) трудности с определением идентичностей авторов; 3) наличие схожих словесных конструкций в обоих произведениях. Различия: 1) в «Хронике» авторские глаголы I л. ед. ч. употребляются чаще, чем I л. мн. ч., в отличие от «Синописиса»; 2) ссылка на прежнее или будущее повествование в «Хронике» делается как в форме I л. мн. ч., III л. ед. ч. страдательного залога, так и в форме I л. ед. ч., в отличие от «Синописиса истории»; 3) в «Хронике» не встречается в том же контексте устойчивая словесная конструкция с *εἶτε*, выражавшая сомнение у Иоанна Скилицы в «Синописисе».

Список источников и литературы

1. Byzantium in the Time of Troubles: The Continuation of the Chronicle of John Skylitzes (1057–1079) / Intr., trans., notes by E. McGeer. Leiden: Brill, 2020. 233 p.
2. Corpus Fontium Historiae Byzantinae: in 53 b. B. 5: Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin: de Gruyter, 1973. 570 s.
3. *Kiapidou E.-S.* Η πατρότητα της Συνέχειας του Σκυλίτζη και τὰ προβλήματα της. Συγκλίσεις και ἀποκλίσεις ἀπὸ τὴ Σύνοψη ιστοριῶν // Επετηρὶς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Αθήνα, 2006. No. 52. Σ. 329–362.
4. *Tsolakes E. T.* Συνέχειας Συνέχεια / Ινστιτούτο Ιστορικών Ερευνῶν, Τομέας Βυζαντινῶν Ερευνῶν, Εθνικὸ Ἰδρυμα Ερευνῶν // Βυζαντινὰ Σύμμεικτα. Αθήνα, 2015. No. 25. Σ. 115–142.
5. *Seibt W.* Ioannes Skylitzes. Zur Person des Chronisten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1976. Vol. 25. s. 81–85.
6. *Kiapidou E.-S.* Η Σύνοψη Ιστοριῶν του Ἰωάννη Σκυλίτζη και οι πηγές της (811–1057): Διδακτορικό Δίπλωμα (PhD) στη Βυζαντινὴ Φιλολογία / E.-S. Kiapidou; Πανεπιστήμιο Ἰωαννίνων. Athene, 2005. 353 σ.
7. *Skylitzes J.* A Synopsis of Byzantine History 811–1057 / Trans. by J. Wortley; introd. by J.-C. Cheynet, B. Flusin; notes by J.-C. Cheynet. Cambridge University Press, 2010. 491 p.
8. *Пчелкина Е. А.* Авторство «Хроники» Продолжателя Скилицы // #Science-Juice2021. 2021. Т. II. с. 632–641.
9. *Attaleiates M.* The History / Trans. by A. Kaldellis, D. Krallis. Harvard University Press, 2012. 656 p.
10. *Pohl W., Heydemann G.* Strategies of Identification: Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe. Turnhout: Brepols, 2013. 349 p.
11. *Jenkins R.* Social identity. London, New York, 2008. 257 p.
12. *Stouraitis Y.* Roman identity in Byzantium: a critical approach // Byzantinische Zeitschrift. 2014. Vol. 107. P. 175–220.
13. *Pohl W.* Introduction: Early medieval Romanness — a multiple identity // Transformations of Romanness: Early Medieval Regions and Identities. De Gruyter, 2018. P. 3–41.
14. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1838. Vol. 45. 962 p.
15. Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / E recensione C. B. Hasii. Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1828. 674 p.
16. *Psellos M.* Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renauld. T. I–II. Paris, 1926–1928.
17. *Koder J.* Time as a Dimension of Byzantine Identity // Studia Ceranea. 2019. Vol. 9. P. 523–542.
18. *Genesisios.* On the reigns of the emperors / Trans. and comm. A. Kaldellis. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1998. 187 p.

УДК 94(495).04

Фролов Д. Л.

Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Гуманитарный институт,
ассистент кафедры истории, археологии и краеведения,
кандидат исторических наук
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Ромейское крестьянство в период франкской власти: структура семьи и система наследования в среде сельского населения Пелопоннеса XIV в.

Аннотация. Статья посвящена изучению структуры крестьянской семьи и особенностей системы наследования, распространенной среди ромейских селян при франкской власти. На основании анализа текстов описей Никколо Аччаюоли констатируется преобладание в XIV в. на территории Пелопоннеса семьи нуклеарного типа, доминирование традиционной для Византии системы наследования и уменьшение среднего размера домохозяйства.

Ключевые слова: франкократия, Латинская Романия, Ахейское княжество, Никколо Аччаюоли.

Frolov D. L.

Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Institute for Humanities, Assistant of History,
Archeology and Regional Studies Department,
Candidate of Historical Sciences
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Byzantine Peasantry during the Period of Frankish Rule: Family Structure and Inheritance System among the Rural Population of the Peloponnese in the 14th Century

Abstract. The article is devoted to the study of the family structure and the features of the inheritance among the Byzantine villagers under Frankish rule. Based on the analysis of the inventories of Niccolo Acciaiuoli, the author states the predominance of families of the nuclear type, the preservation of the traditional Greek inheritance system, and a decrease in the average size of a household.

Keywords: frankokratia, Latin Romania, Principality of Achaea, Niccolo Acciaiuoli.

Социальные устройства Византии и северо-восточной Франции — родины значительного числа феодалов, принявших участие в IV крестовом походе, к началу XIII в. существенно различались¹. В связи с этим весьма уместным представляется замечание Д. Якоби о доминировании в Западной Европе структуры «разделенного», разграниченного общества, не обладавшего сильной вертикальной мобильностью [3, р. 891]. Ромейский же социум (по крайней мере, в правовом отношении), по мнению израильского исследователя, был разделен всего на две категории: василевса и остальных людей [3, р. 879]. К числу «остальных» автором были отнесены как наиболее влиятельные благородные лица, так и парики — особая категория крестьянства, к концу XI в. включавшая существенное число селян [4, р. 155]. В концепции историка последние, в отличие от западноевропейских сервов, являлись легально свободными, способными уходить с территорий, принадлежавших влиятельным землевладельцам².

Некоторые представители сельского населения в случае оставления собственных наделов по экономическим и иным причинам могли даже становиться «невидимыми» для фиска. При этом ученый отмечал, что крестьянство в XII в. в реальности было несколько ограничено в своих правах и связано с «господами», однако зависимость эта была все же не столь сильной [6, р. 180, 187–188].

Противоположного мнения придерживался М. Кордозис, полагавший, что разделение пелопоннесского общества на две крупных группы («знати» и зависимых «сервов») произошло уже к 1204 г. [7, р. 93]. Вместе с тем, отметим, что даже если такая «сепарация» имела место в действительности, то в византийский период она не была зафиксирована на законодательном уровне. Превращение большинства париков в подлинных *servi* произошло уже с приходом франков. Об этом свидетельствует ряд постановлений «Ассиз Романии», в которых закрепощенное крестьянство, согласно правовой традиции латинских государств Ближнего Востока и Балкан, именовалось «вилланами» (*villani*) [8; 9].

Несомненно, что данное изменение в положении ромейского сельского населения стало результатом насаждения пришлыми феодалами западных общественных норм. Однако каким образом приход завоевателей повлиял

¹ О происхождении представителей крестоносного войска и отделении большинства феодалов из Иль-де-Франс от основного войска см.: [1, р. 96; 2, р. 84].

² О том, что парики, в отличие от их западных «двойников», не были зависимы см.: [5, р. 61].

на базовые общественные структуры, в частности, на семью? Каким был ее тип, состав? Сколько человек насчитывало среднее домохозяйство? Какова была система наследования внутри семейного коллектива через век после утверждения власти латинян?

Трансформация традиционных отношений между ближайшими родственниками могла начаться как под влиянием экономических факторов (например, в результате усиления «феодального гнета»), так и в результате утверждения западноевропейских обычаев. Для того, чтобы оценить степень изменений, произошедших во времена франкского владычества, обратим внимание на структуру крестьянских семей и распространенную среди них систему наследования в византийский период.

Так, ромейская система наследования отличалась от распространенной во Франции традиции майората. Ромеи передавали свое недвижимое имущество в той или иной мере всем своим наследникам. При этом данный способ наследования был распространен как в среде архонтов, так и полувисимых ромейских крестьян — париков [10]. Такая практика в случае невозможности расширения обрабатываемых земель в том или ином поселении могла приводить к дроблению наделов сельского населения. Впрочем, в данном случае парики находили выход в том, что право Византии не имело четких предписаний, касающихся размеров долей наследников. В результате возникали прецеденты передачи большей части недвижимости единственному отпрыску. Например, в селении Добробикая в Восточной Македонии в середине XI в. отец сохранил большую часть наследства за одним сыном, являвшимся, согласно записям, воидатом. Другой сын, а также зять были учтены в качестве представителей беднейшего слоя византийского крестьянства — актемонов. Вероятно, именно по причине нежелания родителей дробить принадлежавшие им земли на одном наделе проживало, как правило, не более двух поколений [4, р. 156]. Совместное наследование наряду с проблемой дробления наделов имело определенные преимущества. В частности, в сравнении с положением в странах, традиционно придерживавшихся права майората, греческие реалии позволяли ромейским наследникам, пусть даже и не получившим от родителей значительного наследства, вступать в брак без особых ограничений [10, р. 70].

К данной информации следует добавить и то, что, согласно анализу, проведенному А. Лайу, на территориях, оставшихся за ромеями в XIII в., больше половины византийских семей являлись нуклеарными, а в некоторых областях их количество доходило до 70% [10, р. 60]. Однако такая норма к XIV в. стала утверждаться и в Западной Европе,

поэтому в данном случае мы не можем констатировать наличие конкуренции между латинской и греческой социальными традициями [11, с. 57].

Положение франкских и ромейских вдов было сходно с положением вдов в Западной Европе. По сведениям Ю. Л. Бессмертного, женщины в крестьянских семьях Франции не обладали равными правами с мужчинами, однако после смерти мужа они могли становиться главами домохозяйств [12, с. 102]. В Византии в период, предшествовавший завоеванию Константинополя, статус крестьянок был выше. В частности, А. Лайу отмечала, что они могли не только наследовать имущество, но и, оставшись без супруга, имели полное право управлять семьей [10, р. 57]. Более того, на ромейских территориях в конце XIII в. количество вдовых домохозяйств достигало 20%. При этом некоторые из них управлялись вдовами даже при наличии совершеннолетних детей мужского пола [10, р. 60]. Эти данные позволили исследователю утверждать, что византийская семья (в отличие от современной ей европейской) не являлась абсолютно патриархальной [10, р. 58].

Наконец, обратим внимание, что в Византии XI в. происходил экономический и демографический рост, отмеченный рядом исследователей. П. Франкопан даже использовал для описания этого процесса термин «бум» [13, р. 118]. Впрочем, конкретные цифры увеличения населения в сравнении с X в., когда среднее домохозяйство насчитывало, по подсчетам Дж. Лефорта, примерно 4,3 человека, нам неизвестны [14, р. 455].

Судьбу ромейской крестьянской семьи после франкского завоевания мы можем проследить на основании анализа текстов имущественных описей Никколо Аччаюоли. В них мы встречаем записи о множестве вилланов, проживавших в подчиненных флорентийскому магнату селениях. Как же изменились и изменились ли вообще отношения между ближайшими родственниками со времен Византии? В частности, обратим внимание на семьи трех париков, приписанных к крепости Космина (Cosmina):

«In primis, Castrum Cosmine cum turri et domibus existentibus in ipso castro, ac subscriptos homines yparicos ipsius castri, videlicet:

Johannes Pasos, habet uxorem, filium Ypomasiu, tenetur pro reditu stasie sue yperpera sex sterlingia octo tornenses tres, et pro servicio suo personali yperpera quinque.

Theodoras Pusos habet uxorem, tenetur solvere medietatem reditus stasie predictae una cum predicto Johanne, fratre suo, et pro servicio suo personali yperpera quinque.

Manuel Pasos habet uxorem, tenetur solvere pro reddito stasie sue yperpera tria sterlingia quinque et medium, et pro servicio suo personali yperpera quinque» [15, p. 135]³.

Весьма вероятно, что все главы семейств приходились друг другу родственниками. Они вели хозяйство совместно со своими женами, двое из них делили один надел и уплачивали налог за обработку половины стаси, а один имел сына. Иные близкие люди, проживавшие на крестьянских землях, указаны не были. Таким образом, три виллана, имевшие одинаковые фамилии, жили на двух отдельных участках, один из которых был разделен пополам.

Наличие данной практики отдельного проживания у париков крепости Космина позволяет нам предположить, что византийская тенденция, заключающаяся в желании крестьянства создавать нуклеарные семьи, сохранялась более чем через столетие после завоевания. Иные документы из состава описей флорентийского магната также подтверждают наше предположение. В частности, из 245 семей, изученных нами, 177 (72%) являлись полными и нуклеарными и лишь 42 (17%) — полными и расширенными братьями или племянниками⁴. Более того, 116 (49%) семей в селениях Космина (Cosmina), Арменико (Armenico), Петони (Petoni), Вулкано (Voulkano), Лачи (Lachi), Гризи (Grizi), Гличи (Glichì) и Креммиди (Kremmydi) имели родственников, живущих отдельно [15, p. 36–138].

³ «В первую очередь, крепость Космина вместе с донжоном и домами в ней расположены. К данной твердыне приписаны следующие крестьяне-парики: Иоанн Пасос, что имеет жену и сына Ипомасия, обязан уплачивать (к уплате) за свою стась шесть иперпиров, восемь стерлингов и три торнезе, а также пять иперпиров за собственную личную повинность. Феодор Пу(а)сос, что имеет жену, обязан отдавать половину платежа за упомянутую стась вместе со своим братом — указанным Иоанном, а также пять иперпиров за собственную личную повинность. Мануил Пасос, что имеет жену, обязан отдавать в уплату за свою стась три иперпира и пять с половиной стерлингов, а также пять иперпиров за собственную личную повинность».

⁴ Из 42 «расширенных» семей лишь одна состояла из трех поколений. Остальные домохозяйства представляли собой наделы вдов и вдовцов.

Рис. 1. Типы крестьянской семьи на Пелопоннесе XIV в.

Таблица 1. Количество отдельных домохозяйств, принадлежавших людям с одной фамилией

1. Креммиди

Macri	2
Pavlucazi	2
Lariseu/Laroseu	3
Sarburi	3
Fundari	6
Agrocanti/Agrocato	4
Итого:	20 из 45 домохозяйств (44%)

2. Гличи

Cosuma	2
Итого:	2 из 14 домохозяйств (14%)

3. Гризи

Petrus/Pietru	9
Zangaropolu	2
Gresuli	4
Cuza/Coza	2
Luca	2
Galino	4
Rathopolu	2
Struci	2
Bruci	5
Итого:	32 из 55 домохозяйств (58%)

4. Лачи

Chanbreas/Chabeas	2
Rapheopulus	2
Galinos	2
Triarii	3
Итого:	9 из 15 домохозяйств (60%)

5. Арменико

Lentopulus/Lendopulus	2
Итого:	2 из 10 домохозяйств (20%)

6. Вулкано

Cholopulli/Cholopullus	4
Rapana	2
Итого:	6 из 24 домохозяйств (25%)

7. Петони

Sacchotheus	5
Stafilopati	6
Caravlos/Caravlus	2
Blacchus	4
Trubala/Trumbala	2
Vallantos/Vallantis/Velantis	3
Armeni/Armenus	2
Итого:	24 из 39 домохозяйств (62%)

8. Космина

Pasos/Pusos	6
Lurea	2
Potamiatis/Potamiati	3
Cassari/Cassarisi	4
Janizopulus/Johannizopulus	2
Revithi	2
Chiriacopulus	2
Итого:	21 из 36 домохозяйств (58%)

Примечание: составлено по: [15].

Кроме того, проведенный нами анализ косвенно свидетельствует и о том, что даже через век после завоевания на землях Пелопоннеса продолжала действовать «классическая» система наследования, заключавшаяся в распределении недвижимого имущества между всеми детьми, а не по праву майората. Весьма примечательно, что данный способ передачи наследства в среде париков не был регламентирован законодательно.

Некоторые крестьяне вели хозяйство совместно со своими матерями. Примером этому могут служить Георгий Зангаропул, Феодор Кримадян, а также Кириак Крилий, проживавшие в селении Вулкано (Vulcano) [15, р. 96–97]. При этом матери не являлись главами упомянутых в описи семей, поскольку необходимая сумма налогов причиталась именно с сыновей («Georgius Zangaropuli habet matre, tenetur solvere ypp.j st.xvij t.iiij») [15, р. 96]. Однако данная ситуация, вероятно, не была типичной, т. к.

при подсчете всех вдовьих наделов, зафиксированных в «описях», нами было установлено, что 12 из 16 вдов управляли своими держаниями самостоятельно. При этом 10 из 12 женщин имели детей⁵.

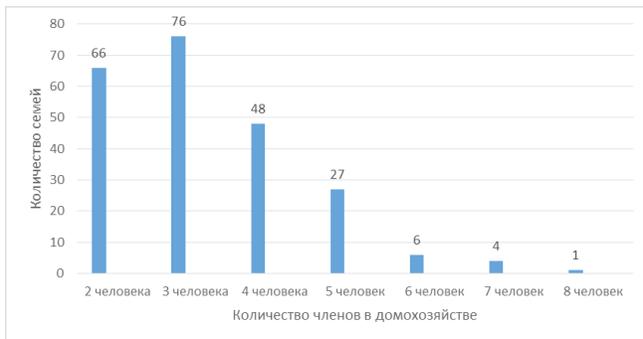

Рис. 2. Вдовьи наделы
Примечание: составлено по: [15]

Существенные изменения произошли лишь в размере семей. Согласно нашим подсчетам, среднее домохозяйство в период жизни Никколо Аччаюоли (1310–1365) насчитывало 3–3,3 человека по сравнению с 4,3 в X в.

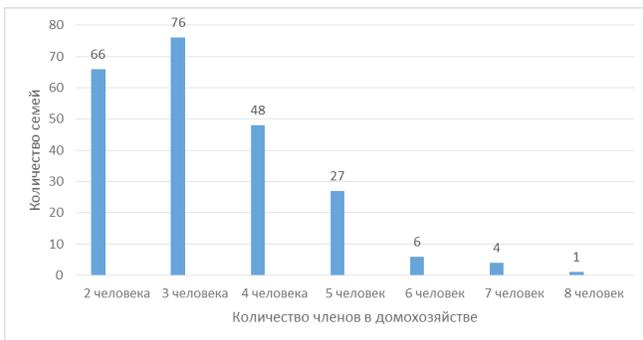

Рис. 3. Средний размер домохозяйства
Примечание: составлено по: [15]

⁵ В целом же доля независимых вдовьих наделов составляла 4,89% от общего числа семейных крестьянских домовладений.

Однако данный факт может объясняться не только усилением феодальной эксплуатации, но и иными объективными причинами. Так, XIV в., характеризовавшийся в Греции крайне тяжелой ситуацией, связанной со вторжениями каталанцев, турок и иных завоевателей, а также борьбой с византийцами и распространением эпидемий, стал временем массовой миграции бывших париков [16, р. 539]. Положение усугублялось и разгулом пиратства, что было засвидетельствовано, например, Никколо да Мартони, в 1395 г. долгое время не имевшим возможности покинуть Афины именно по данной причине [17, р. 18, 25].

Таким образом, после завоевания Константинополя в 1204 г. структура крестьянских семей на Пелопоннесе не претерпела сильных изменений: большинство из них оставались нуклеарными. Более того, их доля от общего числа домохозяйств была типичной и для византийских территорий (72% во франкской Греции и до 70% в ромейских землях). Родственники, проживавшие в одном селении, предпочитали по возможности отселяться друг от друга. Сохранялась традиционная система наследования и независимые вдовьи наделы. Лишь в двух из шестнадцати отмеченных нами случаев во главе семьи, оставшейся без отца, стояли дети. Существенно изменился лишь размер среднего домохозяйства, снизившийся с 4,3 до 3–3,3 человек, однако на данный процесс могли повлиять византийские и каталанские завоевания, разбой и эпидемия Черной смерти, произошедшая в середине XIV в.

Список источников и литературы

1. *Kedar B. Z.* The Fourth Crusade's Second Front // *Urbs capta: The Fourth Crusade and Its Consequences* / Ed. by A. Laiou. Paris, 2005. P. 89–110.
2. *Evergates T.* The Origins of the Lords of Karytaina in the Frankish Morea // *Medieval Prosopography*. 1994. Vol. 15. No. 1. P. 81–114.
3. *Jacoby D.* The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78. No. 4. P. 873–906.
4. *Kaplan M.* The Producing Population // *The Social History of Byzantium* / Ed. by J. Haldon. Chichester, 2009. P. 143–167.
5. *Epstein S. A.* An Economic and Social History of Later Medieval Europe. Cambridge, 2009. 304 p.
6. *Jacoby D.* Social Evolution in Latin Greece // *A History of the Crusades* / Ed. by K. M. Setton. Vol. 6. Madison, 1989. P. 175–221.
7. *Kordoses M.* Southern Greece under the Franks (1204–1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion. Ioannina, 1987. 127 p.

8. *Parmeggiani A.* Libro dele uxanze e statuti delo Imperio de Romania. Spoleto, 1998. 250 p.
9. *Дмитриев Г. А.* Термины «серв» и «виллан» на латинском востоке // Сборник радова Византолошког института. 1971. Т. XIII. С. 127–141.
10. *Laiou A.* Family Structure and the Transmission of Property // *The Social History of Byzantium* / Ed. by J. Haldon. Chichester, 2009. P. 51–75.
11. *Вершинина Ю. Е.* Репрезентация институтов родства и отношений между родственниками в исторических нарративах раннего Средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2020. 457 с.
12. *Бессмертный Ю. Л.* К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // *Средние века*. 1981. Вып. 44. С. 97–116.
13. *Frankopan P.* Land and Power in the Middle and Later Period // *The Social History of Byzantium* / Ed. by J. Haldon. Chichester, 2009. P. 112–142.
14. *Milanovic B.* An Estimate of Average Income and Inequality in Byzantium Around Year 1000 // *Review of Income and Wealth*. 2006. Vol. 52. No. 3. P. 449–470.
15. *Longnon J., Topping P.* Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVE siècle. Paris, 1969. 326 p.
16. *Jacoby D.* Peasant Mobility across the Venetian, Frankish and Byzantine Borders in Latin Romania, Thirteenth-Fifteenth Centuries // *I Greci durante la venetocrazia*. Uomini, spazio, idee / A cura di D. Vlassi, Ch. A. Maltezu, A. Tzavara. Venezia, 2009. P. 525–539.
17. *Duchene H.* Le Voyage en Grece. Paris, 2003. 1200 p.

УДК 94

Гусельников Т. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, аспирант
E-mail: timgusel@gmail.com

Что знает бухгалтер о массах? Потенциал книг массарии Каффы как источника по истории Церкви

Аннотация. Бухгалтерские книги массарии Каффы, хотя и являются подчеркнута светским источником, могут дать информацию по истории Католической церкви в генуэзских владениях в Крыму, поскольку отдельные представители клира оказывались на довольствии казны Каффы. Как показывают работы М. Балара и Ж. Вайнштейна, С. Г. Бочарова, А. Л. Пonomарева, Е. А. Хвалькова, А. В. Джанова, случайные указания на местожительство позволяют реконструировать топонимику и топографию города, локализовать церкви и кварталы. Из года в год в книгах массарии фиксируются траты на организацию праздников, памятные дни, и в этих описаниях раскрываются взаимоотношения генуэзских властей, католической иерархии, приходов и городских сообществ. Просопографические данные, уже использовавшиеся для реконструкции этноконфессионального облика города, при наличии параллельных источников могут дать материал для понимания таких крупных процессов, как уния Армянской и Римской церквей.

Ключевые слова: Книга массарии Каффы, Каффа, Генуэзская Газария, Католическая церковь, церковный календарь, просопография, топонимика.

Guselnikov T. A.

Lomonosov Moscow State University
Faculty of History, PhD student
E-mail: timgusel@gmail.com

What Does an Accountant Know about Masses? Books of the Massaria of Caffa as a Source for the Church History

Abstract. Accounting books of the Massaria of Caffa, though being an emphatically secular source, may provide information on the history of the Catholic church in the Genoese domains in Crimea. Certain representatives of the clergy appear to be paid by the treasury of Caffa. As the works of M. Balard and G. Veinstein, S. Bocharov, A. Ponomarev, E. Khvalkov and A. Djanov show,

occasional indications of someone's residence allow us to reconsider the city's toponymy and topography, to localize churches and quarters. Year after year spending on feasts and memorial days are fixed in the books of the Massaria, and through these rituals the relationships between Genoese authorities, catholic hierarchy, parishes and city communities are revealed. Prosopography data, already being used for reconsidering the ethno-confessional shape of the city, may provide, if there are parallel sources, food for understanding such large processes as the union of Armenian and Roman churches.

Keywords: Book of the Massaria of Caffa, Caffa, Genoese Gazaria, Catholic Church, church calendar, prosopography, toponymy.

Бухгалтерские книги казначейства Каффы на протяжении десятилетий служат источником по социально-экономической и политической истории генуэзских поселений и Причерноморья в целом. В России и на Украине микрофильмы и фотокопии картуляриев, хранящихся в архиве банка св. Георгия, дали жизнь многочисленным работам, реконструирующим облик генуэзского города и отдельные политические события. В данной статье используются картулярии 1374/75, 1381/82 и 1424–1426 гг., отсканированные и выложенные на сайте Московского университета [1; 2; 3], а также картулярий 1386/87 г. в виде фотокопий [4].

Книги массарии — источник подчеркнуто светский. Бухгалтерия коммуны Каффы и финансы Католической церкви были полностью разделены; католические клирики, за редким исключением, не появляются в счетах массарии, не берут на откуп налогов, не выступают поручителями и не участвуют в дипломатических переговорах; в отличие от греческих и армянских священников они никогда не платят штрафов — зримое свидетельство неподсудности католического клира, предписанной каноническим правом [5, с. 2, гл. 1]. Тем не менее, даже из такого источника историк Церкви может почерпнуть как конкретные сведения, так и понимание общепринятых в средневековом городе границ и взаимоотношений между светской и духовной властью. В этой статье хотелось бы акцентировать внимание не на отдельных фактах и персоналиях, попавших на страницы генуэзской массарии, а на постоянных структурах церковной жизни и тех сведениях, которые позволяют исследователю генерализировать отдельные упоминания, видеть закономерности и делать выводы общего порядка.

Изредка массария имеет дело с конкретными представителями католического клира. По меньшей мере, с 1374 по 1387 гг. на довольствии казны Каффы состоял титулярный архиепископ Солхата брат Андрей из Ордена

меньших братьев¹. Его довольствие составляло в 1386/87 г. 100 аспров в месяц — довольно скромную сумму [4, f. 573r]. Вместе с тем в источниках упоминаются капелланы церкви в Чембало: в 1385/86 г. брат Николай, в 1386/87 г. брат Франческо де Камазарино, с апреля 1387 г. брат Георгий из Джибелето — капелланы менялись вместе с консулами [4, f. 602r, 105v]. В 1381 г. францисканец Бонифаций де Сорди сопровождал викария Готии Джованни де Камулио (ди Камольи). В 1375 г. казна коммуны выделила деньги (меньше 2000 аспров) на строительство церкви в Солдае². Хотя такие случайные упоминания и способны пополнить базу данных Католической церкви средневекового Крыма, их анализ не является целью данной статьи. Очевидно, что для понимания финансовой кооперации с мирянами, экономики духовных и светских благ книги массарии не подходят — братья нищенствующим орденов появляются в них лишь эпизодически.

Топография и топонимика

Исследования топонимики и топографии средневековой Каффы в последние три десятилетия стали немислимы без использования сведений из книг массарии. Попытки локализовать на карте города церкви и контраты предпринимали М. Балар и Ж. Вайнштейн [8], С. Г. Бочаров [9, с. 61–125], А. Л. Пономарев [10, с. 402–442], Е. А. Хвальков [11, р. 112–124], А. В. Джанов [12]. Обычно церкви Каффы упоминаются в связи с приготовлениями к праздникам и дням памяти святых, о чем речь пойдет ниже. Однако, кроме этого, в некоторых случаях в массариях указывается место проживания человека или место нахождения дома — относительно других домов, относительно ближайшей церкви или башни, по расположению внутри контраты, по имени командира сотни. Названия могли даваться по географическому положению, по крупным зданиям, по именам известных людей, но чаще всего по именам святых, которые почти наверняка связаны с ближайшей церковью. Разумеется, книги массарии — не единственный

¹ Его наиболее полный титул — *Dominus frater Andreas archiepiscopus Surchatensis ordinis minorum provixionatus Soldaie* [1, f. 12v, 95r, 159v; 2, f. 6r, 26v, 27r, 74r, 177r]. В 1387 г. он назван всего лишь епископом [4, f. 177r, 573r].

² *«Accipiente Jonanne de Zuallio massario Soldaie ... pro expensis per ipsum factis et fendis in Soldaia videlicet in ecclesia et in aliis necessariis»* [1, f. 7v]. Хотя крепость Солдаи исследована очень слабо, мы вправе соотнести «церковь Солдаий» из книги массарии 1374 г. с храмом Девы Марии, стоявшим на центральной улице, недалеко от главных ворот, по соседству с административными зданиями [6; 7].

источник по топонимике: А. Л. Пономарев привлекает для сопоставления данные нотариальных актов, Статута Каффы 1449 г. и других документов [10, с. 408–413]. Случайные перекрестные указания позволяют по крупницам восстановить положение церквей, укреплений и других значимых зданий относительно друг друга, а затем и в абсолютных величинах на плане города.

Разные исследователи основываются на картуляриях разных лет (А. Л. Пономарев — 1374/75 и 1381/82 гг., А. В. Джанов — 1386/87 и 1460/61 гг., Е. А. Хвальков — 1423/24 и 1461/62 гг.) и получают результаты, не всегда сопоставимые друг с другом. Несмотря на трудности кропотливой работы, точная локализация храмов и монастырей Каффы представляется возможной, если задействовать максимальный объем бухгалтерских книг, нотариальных актов, папских булл и других документов, с одной стороны, и данные археологических исследований, с другой³.

Праздники и ритуалы

В счетах массарии, посвященных «различным трапам» (*Expense diverse*, название могло незначительно меняться), из года в год указываются закупки свечей и организация церковных праздников. Каждый раз для памятного дня покупались четыре больших свечи (*brandones*) для консула, викария и двух массариев, которые преподносили эти свечи в один из городских храмов⁴. Уже в 1374 г. подношения в виде свечей совершались «по обычаю» (*ut moris*); они сохранялись в XV в. и были зафиксированы в Статуте Каффы 1449 г. [13, с. 704–708; 14, р. 615–618]. Список праздников менялся со временем: в массарии 1374 г. отмечены 13 дней, равномерно распределенных в течение года, из крупных торжеств пропущены Рождество Христово, Пятидесятница и день св. Иоанна Крестителя 24 июня. Список на основе массарии 1424–26 гг. почти совпадает со списком из Статута: в нем 27 торжеств и дней памяти, к 1449 г. был добавлен день свв. Фабиана и Себастьяна.

Дни святых Антония Великого, Лазаря, Иакова, Марии Магдалины, Доминика, Лаврентия, Клары, Франциска, Екатерины, Николая, свв. Апостолов Петра и Павла отмечались в церквях в их честь. В епископской церкви

³ Как это делает, например, А. В. Джанов, определяя местоположение церкви св. Екатерины «у ворот Антибургов» по находкам надгробий при раскопках возле мужской гимназии [12, с. 118, прим. 128].

⁴ Например, в день св. Лаврентия в августе 1375 г.: «*pro brandonis quattuor oblatis ad festem sancti Laurentii per dominum consulem massarios et vicarium sicut moris est*» [1, f. 56r].

св. Агнессы отмечали Рождество, Пасху, Пятидесятницу, торжество Тела Христова, кафедральный праздник и популярный в Генуе день свв. Симона и Фаддея [3, f. 78v, 79r, 80r, 87r, 449r, 452r]. Богоявление и богородичные праздники, за исключением дня Рождества Девы Марии, праздновавшегося в церкви св. Марии Инкороната [3, f. 85v], отмечали в церкви св. Марии на Базаре [3, f. 78v, 79r, 80r, 85v, 85r, 88v, 449r]⁵; день Воздвижения Святого Креста — в церкви св. Креста [3, f. 85v]; день св. Георгия — в капелле дворца консула [3, f. 80v, 451r]. Ночная месса (вигилия) в честь св. Иоанна Крестителя справлялась в церкви его имени, в 1426 г. — в церкви св. Доминика, а с 1449 г. она вернулась в церковь св. Иоанна [3, f. 82r, 450r; 13, с. 705], которая, вероятно, была построена в это время. Другой памятный день, связанный с доминиканским орденом, — день св. Петра мученика 29 апреля — упоминается в массарии только в 1375 г. [1, f. 9r].

Богоявление и Пасха праздновались особенно широко, католиками и православными вместе. Уже в 1382 г. массария фиксирует оплату «греческим пресвитерам» в день Воскресения Христова, на вигилию и в день Богоявления⁶. Скриба массарии 1424–1426 гг. Франческо де Каниция заводит отдельные счета для некоторых крупных торжеств: на Рождество, на Богоявление, на день св. Георгия и на Пятидесятницу [3, f. 78r, 78v, 88v, 451r, 452r]. Он описывает события дня во всех подробностях: как на Богоявление и на Пасху греческие священники поют гимны во дворце консула и на площади перед дворцом; как звонят в колокола и устраивают угощение; как на Богоявление благословляют море, а мальчики бросаются в холодную воду и получают за это подарки [3, f. 78v, 80r, 88v, 449r]. На Рождество устраивали угощения и ночную иллюминацию, работники генуэзской администрации получали новую одежду [2, f. 65v, 67v, 156v, 294v; 4, f. 94r].

На Рождество и на Пасху Служба милосердия (*Officium misericordie*) получала из казны 500 аспров. Обычно в качестве назначения этих денег указывалось подаяние бедным [1, f. 7v, 9r; 3, f. 78r, 88v], однажды — на Пасху 1382 г. — деньги пошли на освобождение пленников⁷. Показательно, что несмотря на падение курса аспра (со 140–170 аспров за соммо в 1387 г. до 202–220 в 1425 г.), номинальная сумма оставалась неизменной.

⁵ Сретение Господне (2 февраля) также считалось богородичным праздником — днем очищения Марии [3, f. 79r]. В бухгалтерской книге оно названо «*festo glorioze Matris dei*».

⁶ «*Quos solvit presbyteris grecis in Festo Pasce Resuresionis preterito et in die Pifanie et in vigillia eiusdem*» [2, f. 056r, 066v].

⁷ «*Pro extrahendo cativis carceratis de carceribus*» [2, f. 62r].

Помимо посещения церквей в праздничные и памятные дни, консул и его помощники каждый день⁸ слушали мессы в капелле св. Георгия во дворце. Их служили францисканцы и получали за это стабильную оплату: в 1380-е гг. она составляла 60 аспров в месяц, или 720 аспров в год [2, f. 73r; 4, f. 105r]. В 1424 г. оплата производилась в соммах с пересчетом на аспры, и составляла 6 соммов в год, или 100–105 аспров в месяц [4, f. 257v].

Все эти обычаи, конечно, уже известны нам из Статута Каффы 1449 г. [13, с. 708–709; 14, р. 618; 15, с. 228–229]. Изучение массарии позволяет проследить бытование ритуалов задолго до их фиксации в статуте: уже в 1374/75 г. приготовления к празднику делаются «по обычаю». В течение нескольких десятилетий ритуалы воспроизводились в неизменном виде, с минимальными изменениями в расходах, а иногда — как в случае с милостыней — с точностью до конкретных сумм. Мы видим, как благочестивые обряды ритуализируются и становятся обязательными к исполнению, как через ритуал демонстрируется покровительство генуэзских властей по отношению к греческой церкви и к каждому из латинских приходов Каффы. По количеству времени, которое консул и его помощники должны были проводить на мессах и торжествах, мы можем судить о значении литургического календаря в жизни генуэзской коммуны.

Просопография

Хотя массарии Каффы дают ученому готовый материал из тысяч имен, просопографические исследования на их основе по-прежнему крайне редки. А. Л. Пономарев проделал большую работу, чтобы определить этноконфессиональный состав населения Каффы. Основным источником для ученого послужили имена контрагентов массарии: потребовалось сначала сличить между собой различные формы записи одного и того же имени, отождествить записанные разными способами имена (например, по патрониму и по профессии) как одного человека, затем предложить наиболее вероятную этноконфессиональную принадлежность каждого и, наконец, представить количественное соотношение выявленных таким образом общин [10, с. 336–401]. Работа была продолжена Е. А. Хвальковым, который взял за основу массарии 1423 и 1461 гг. Ему удалось определить происхождение жителей Каффы по патронимам, их более или менее точное вероисповедание, принадлежность к профессиональным группам [11, р. 206–312].

⁸ «*Qui celebrant omni die missam in capella domini consulis*» [4, f. 105r].

Ценность просопографических сведений из бухгалтерских книг возрастает многократно, когда удастся сопоставить их с данными параллельных источников. Для Каффы конца XIV–XV вв. мы имеем такие источники — это документы Ферраро-Флорентийского собора [16], архив банка св. Георгия [14; 17; 18] и колофоны армянских рукописных книг [19]. Такой характерный набор документов⁹ представляется достаточным для изучения генезиса, сущности и потенциала унии Армянской и Римской церкви в пределах геноуэских владений. Кем на самом деле были те люди [16, р. 32–33, Дос. 29], которые совместно с консулом Каффы Паоло Империаэле вели переговоры с папой Евгением IV и католиком Константином VI? Каков социальный статус мирян, каково положение клириков в иерархии Армянской церкви? Насколько тесно они были связаны с геноуэской администрацией? Насколько представительным и влиятельным было это собрание по сравнению с другими известными армянскими клириками — теми, которые перешли в католичество, и теми, которые остались равнодушны к унии? Эти вопросы требуют проведения большого исследования, результат которого обещает быть убедительным.

Сведения бухгалтерских книг Каффы важны и для изучения Католической церкви в Крыму. Писцы массарии собрали обширную базу имен и городских топонимов, на основе которой можно делать выводы об этноконфессиональном составе населения, его профессиональной занятости, вовлеченности различных макрогрупп в сделки с казной, местоположении отдельных церквей и монастырей. Закупки свечей и траты на организацию праздников дают ключ к понимаю единства светской власти, приходских общин и церковной иерархии в пространстве геноуэской Каффы. Особенно интересные результаты может дать сопоставление просопографических данных из книг массарии и параллельных источников.

Список источников и литературы

1. Massaria Caffae 1374. Archivio Stato di Genova. Sala 34. 590/1225 [2770 px. wide] // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1374/2700.php> (дата обращения: 19.10.2022).
2. Massaria Caffae 1381. Archivio Stato di Genova. San Giorgio. 1226 // Исторический факультет Московского государственного университета им.

⁹ Папские буллы, к сожалению, почти никогда не оперируют большими группами имен, так что за исключением самого адресата все, кто мог быть с ним связан, остаются за кадром.

- М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1381/> (дата обращения: 19.10.2022).
3. Massaria Caffae 1424. Archivio Stato di Genova. Sala 34. 90/1232, 1262, 1264 // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8823/projects/MC1424/> (дата обращения: 19.10.2022).
 4. Massaria Caffae 1386. ASG. Sala 34. N 590/1226. Sala 34/67, MC 1386.
 5. Corpus juris canonici emendatum et notis illustratum / Gregorii XIII. Pont. max. iussu editum // Romae: In aedibus Populi Romani, 1582. 3 parts in 4 volumes // UCLA Digital Library Program. Corpus Juris Canonici (1582) [Электронный ресурс]. URL: https://digital.library.ucla.edu/canonlaw/table_of_contents (дата обращения: 19.10.2022).
 6. Баранов И. А. Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдае // Четвертый международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1985. С. 48–49.
 7. Тур В. Г. Археологические исследования центрального квартала Судакской крепости // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 352–361.
 8. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottoman // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 11e congrès. Lyon, 1980. P. 79–131.
 9. Бочаров С. Г. Историческая топография Каффы (конец XIII — 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2000. 170 с., илл.
 10. Пономарев А. Л. Население и территория генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги Массарии — казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. Вып. IV. М., СПб: Алетейя, 2000. С. 317–443.
 11. Khvalkov I. A. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation // Thesis obtaining the Degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute. Vol. I. Florence, 2015. 584 p.
 12. Джанов О. Кафа — місто на кордоні «Імперії татар» // Наш Крим = Our Crimea = Bizim Qirimimiz. Вып. IV: До 100-річчя Української Революції (1917–1923) / Ред. колл.: Г. Папакін (голова) та ін. Київ, 2019. с. 82–131.
 13. Устав для Генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / В. Юргевич // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 629–837.
 14. Vigna A. Codice Diplomatico Colonie Tauro-Liguri durante la Signoria Dell'Ufficio di S. Giorgio. Т. II. P. 2. // ASLSP. Vol. VII. Parte II. Genova, 1879. 1014 p.
 15. Карпов С. П. Что и как праздновали в Каффе в XV в.? // Средние века. 1993. Вып. 56. С. 227–233.

16. *Orientalium documenta minora* / ed. S. I. Georgius Hofmann cooperantibus Th. O'Shaughnessy, I. Simon // *Concilium Florentinum. Documenta et scriptores. Series A. Vol. III. Fasc. III.* Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1953. 83 p.
17. *Vigna A. Codice Diplomatico Colonie Tauro-Liguri durante la Signoria Dell'Ufficio di S. Giorgio. T. I* // ASLSP. Vol. VI. Genova, 1868. 981 p.
18. *Vigna A. Codice Diplomatico Colonie Tauro-Liguri durante la Signoria Dell'Ufficio di S. Giorgio. T. II. P. 1* // ASLSP. Vol. VII. Parte I. Genova, 1871. 886 p.
19. Свод армянских памятных надписей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., русс. перевод, введ. и прим. Т. Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. 312 с.

УДК 94(495)

Романова А. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт,
Департамент «Исторический факультет», студент магистратуры
E-mail: alexandra.romanova1625@gmail.com

Византия, Венеция и Мустафа Челеби: попытки создания союза против султана Мехмеда I в 1415–1416 гг.¹

Аннотация. Фокус настоящей работы сосредоточен на изучении деятельности Византии и Венеции в 1415–1416 гг., на способах взаимодействия этих христианских держав с Мустафой Челеби — османским правителем, предъявившим свои права на османский престол. Автор приходит к выводу, что Византия и Венеция рассматривали Мустафу в качестве своего потенциального союзника в борьбе с султаном Мехмедом I.

Ключевые слова: Поздняя Византия, Венеция, Османы, Мануил II Палеолог, Мехмед I, Мустафа Челеби.

Romanova A. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute for Humanities,
History Department, Master's program, Student
E-mail: alexandra.romanova1625@gmail.com

Byzantium, Venice, and Mustafa Celebi: Attempts to form an alliance against Sultan Mehmed I in 1415–1416

Abstract. The paper focuses on the activities of Byzantium and Venice in 1415–1416, on interaction between these Christian powers and Mustafa Celebi, the Ottoman ruler who asserted his rights to the Ottoman throne. The author concludes that Byzantium and Venice regarded Mustafa as their prospective ally against Sultan Mehmed I.

Keywords: Late Byzantium, Venice, the Ottomans, Manuel II Palaeologus, Mehmed I, Mustafa Celbi.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Одним из важнейших факторов, влиявших на внешнеполитическое развитие христианских государств Восточного Средиземноморья и Эгеиды в первой четверти XV в., была политическая ситуация в государстве османов. Серьезные изменения во внутренней политике турок в той или иной степени влияли на вектор и содержание внешнего курса христианских держав, соседствовавших с ними. От положения дел в Османской державе зависела и ослабленная, уже не способная защитить свои территории Византийская империя, и обеспокоенная за свои колонии в Восточном Средиземноморье и Эгеиде Венецианская республика. Эти христианские державы воспринимали кризисные и нестабильные для Османского государства периоды как возможность для достижения собственных политических целей. Например, во время междоусобной войны между сыновьями турецкого султана Баязида I в 1402–1413 гг. Византия и Венеция пытались лавировать между претендентами на османский престол Сулейманом, Мусой и Мехмедом. В этой междоусобице христианские державы поддерживали то одного, то другого шехзаде, желая таким образом либо еще больше ослабить османский двор [1], либо получить от турецких правителей определенные выгоды в свою пользу [2, р. 352].

Следует отметить, что в османских династических перипетиях Византийская империя и Венецианская республика были заинтересованы и после окончания гражданской войны 1402–1413 гг. Во многом это было связано с появлением в 1413 или 1415 г. на политической арене еще одного сына султана Баязида I—Мустафы Челеби (в турецкой историографии также прозванного *düzme*, т. е. «лже-Мустафой», из-за своего сомнительного происхождения) [3, р. 710]. Неожиданно объявившийся наследник престола не только пошатнул политическую ситуацию в Османском государстве, но и стал участником борьбы Византийской империи и Венецианской республики с занявшим престол после междоусобицы султаном Мехмедом I. В настоящем исследовании мы попытаемся проследить линию взаимодействия Византии и Венеции с Мустафой Челеби в 1415–1416 гг., определить место Мустафы в союзе Византии и Венеции против Мехмеда I, а также исследовать особенности политического курса Византийской империи по отношению к Мустафе после провала этого союза в 1416 г.

Сведения о взаимодействиях Мустафы с Византийской империей мы находим в работах византийских историков Дуки, Сфрандзи и Халкокондила. В их трудах первые упоминания о Мустафе относятся к середине либо ко второй половине 1416 г. Халкокондил пишет, что в это время Мустафа, спасаясь от преследования своего брата султана Мехмеда I, «решил, что для него будет лучше, если он отправится к грекам, кото-

рые обосновались в самом центре территории Мехмеда. Он [Мустафа] отправился из Валахии через центральную Фракию в греческий город Фессалонику» [4, р. 337].

Венецианские источники, однако, подсказывают, что Византия к этому времени уже имела контакты с Мустафой — почти за год до прибытия того в Фессалонику. Так, в постановлении венецианского Сената от 15 января 1415 г. содержится информация о венецианском капитане, привезшем из Трапезунда в Республику св. Марка турецкого эмиссара, который, по его словам, «вел переговоры с василевсом от имени Мустафы» [5, р. 131]. В Венеции этот же турецкий посол обратился к Сенату с предложением «немалого значения» [5, р. 131–132]. Это предложение, вероятно, касалось потенциальных союзнических отношений Мустафы с венецианцами. Очевидно, что в борьбе с Мехмедом I новоявленный претендент на османский престол пытался упрочить свое политическое положение, ища поддержку у влиятельных христианских держав. В начале 1415 г. Венецианская республика хотя и не оказала Мустафе этой поддержки, все же назвала его «другом Синьории» [5, р. 132].

В это же время Византия, по всей видимости, продолжала поддерживать связь с Мустафой. В постановлении венецианского Сената от 8 февраля 1416 г. говорится о том, что византийский император «время от времени вел переговоры с братом султана Мустафой» [6, s. 102–103]. Видимо, эти переговоры носили тайный характер (в трудах Дуки, Халкокондила и Сфрандзи отсутствуют какие-либо упоминания об этих взаимодействиях). То есть, как и венецианское правительство, василевс не спешил открыто признавать соперника Мехмеда I. Такая осторожная политика Византийской империи и Венецианской республики по отношению к Мустафе давала им возможность для маневрирования: с одной стороны, христианские державы не дискредитировали себя в глазах царствующего султана, с другой, оставляли в поле своего зрения фигуру, способную стать их союзником в условиях потенциального конфликта с Мехмедом I.

Возможная война с султаном особенно беспокоила венецианцев. Общее ухудшение осmano-венецианских отношений в 1415 г., концентрация османского флота в бассейне Эгейского моря, попытки перехвата турками венецианских торговых конвоев с Черного моря и нападение на Негропонт в начале 1416 г. [5, р. 140] заставляли Республику св. Марка внимательно следить за положением оппозиционных сил в Османском государстве, в том числе и за Мустафой [7, р. 269].

В отличие от Венецианской республики, отношения Византийской империи и Османской державы находились в состоянии относительной ста-

бильности из-за заключенного в 1413 г. мирного договора между византийским императором Мануилом II и Мехмедом I. То есть политический курс византийского императора по поддержанию дипломатических контактов с Мустафой, вероятно, был связан не с внезапно возникшей опасностью и необходимостью защитить территории, оставшиеся под византийской властью, но с совершенно иной интенцией. Можно предположить, что это было связано со стратегией василевса по созданию военного союза против Мехмеда I — альянса, способного нанести Османскому государству значительный урон и нейтрализовать будущую турецкую угрозу. Так, известно, что, помимо Мустафы, византийский император вел переговоры с сербским деспотом Стефаном Лазаревичем и восставшим против Мехмеда I в 1413 г. правителем малоазийского бейлика Караманидов Мехмет-беем II [6, s. 102–103]. По всей вероятности, Мануил II рассчитывал, что в этот военный союз войдет и Венецианская республика. *«Если бы Венеция решила воевать с османами из-за понесенного ею ущерба (имеется в виду ущерб от турецкого нападения на Негропонт. — А.Р.), то три вышеупомянутых государя [Мустафа, Стефан Лазаревич, Мехмет-бей II] также поднялись бы против турок»*, — с таким предложением в Сенат обратился византийский посол и, вероятно, посредник в переговорах между оппозиционными султану силами и Венецией Николай Евдемон в феврале 1416 г. [6, s. 102–103].

Очевидно, что Византийская империя и Венецианская республика рассматривали Мустафу Челеби в качестве потенциального союзника в борьбе с Мехмедом I. Другое дело, что, несмотря на все переговоры с восставшим против султана правителем в 1415 г. — начале 1416 г., ни Византия, ни Венеция так и не предприняли никаких решительных действий по созданию военного альянса или признанию Мустафы. Можно предположить, что это было продиктовано двойственным положением самих христианских держав, особенно Византии. Как было отмечено ранее, желающая создать союз, но ослабленная Византийская империя не могла открыто вступить в альянс с Мустафой из-за своих обязательств перед царствующим султаном. Однако в условиях разгорающегося османо-венецианского конфликта вместо Византии центром сопротивления против Мехмеда I могла стать другая влиятельная христианская держава — Венецианская республика. Предложение византийского императора Сенату о возможной кооперации Венеции с Мустафой, Мехмет-беем II и Стефаном Лазаревичем и участие Византии в этих переговорах в качестве посредника, вероятно, объясняются желанием Мануила II выдвинуть Венецию на руководящие позиции в борьбе с Мехмедом I.

Венеция, в свою очередь, несмотря на напряженные отношения с султаном, также не стала использовать Мустафу в качестве своего союзника. Возможно, венецианское правительство до последнего надеялось решить ситуацию с Мехмедом I мирным путем (вовлечение Мустафы в османо-венецианский конфликт на стороне Венеции исключало любую возможность дипломатической деэскалации данного противостояния). Возможно, венецианцы просто не успели скоординировать свои действия и привлечь Мустафу к каким-либо активным действиям. Так, известно, что в апреле 1416 г. Сенат все еще был заинтересован в фигуре Мустафы и пытался узнать как можно больше о его действиях у своего байло в Константинополе [5, р. 143], а уже в мае того же года османо-венецианский конфликт достиг своего апогея: флоты Венецианской республики и Османской державы сошлись в морском сражении при Галлиполи.

После битвы при Галлиполи, в которой Венеция разгромила турецкий флот [8, р. 118–119], политический курс Мануила II по созданию альянса против Мехмеда I во главе с Венецианской республикой стал быстро терять свой смысл. Победа Республики св. Марка разрушила планы возможного военного союза против султана, так как она привела к немедленной нейтрализации османской угрозы, обращенной на венецианцев. Иначе говоря, Венецианская республика обезопасила подконтрольные ей острова Эгейского моря и перестала нуждаться в союзниках. Отсутствие каких-либо упоминаний о взаимодействиях Республики св. Марка с Мустафой в постановлениях венецианского Сената после битвы при Галлиполи отчасти подтверждает эту мысль.

Что касается отношений Византийской империи с Мустафой, то источники показывают, что данное взаимодействие продолжилось, но вне контекста военного союза с Венецией. В середине или второй половине 1416 г. Мустафа «отправился с войском в область Фракии и Македонии и сильно встревожил султана. Поэтому последний также немедленно собрал очень большое войско, выступил в поход за ним» [9, р. 108–109]. Спасаясь от преследования своего брата, Мустафа двинулся к греческой Фессалонике, за стенами которой ему и удалось укрыться. Халкокондил сообщает, что после случившегося представитель императора в Фессалонике Димитрий Леонтарис «отправил гонца к василевсу Византии Мануилу II и рассказал, как обстоят дела у Мустафы, сына Баязида, и что Мехмед прибыл туда [к Фессалонике] и требует выдать его брата как самозванца, который пытается свергнуть его» [4, р. 337]. На требования османского султана выдать ему Мустафу василевс ответил отказом.

«Что касается беглецов, я не могу отдать приказ о передаче их в твои руки. Такой поступок подобает не императору, а тирану, — такие слова

вкладывает в уста василевса историк Дука. — *Если бы наши роли поменялись местами, и я преследовал бы своего брата, а он, спасаясь, нашел бы убежище под твоим крылом, ты бы тоже по моему требованию не отдал его мне на расправу. <...> Однако, поскольку я обязался исполнить долг отца по отношению к тебе, я клянусь тебе единым Богом, которого мы, христиане, славим в Троице, что ни беглец Мустафа, ни его спутник Джунейд никогда не будут освобождены из тюрьмы, пока твоя жизнь и владычество не закончатся в этом мире. После твоей смерти мы предоставим делам идти своим чередом. Если ты не желаешь, делай, что хочешь»* [8, р. 124–125].

Не желая портить отношения с Мануилом II, султан согласился с условиями императора. По сведениям Халкокондила, греки держали Мустафу в тюрьме на Лемносе и Имбросе до самой смерти Мехмеда I в 1421 г. [4, р. 337].

Мирный договор 1413 г. между Мануилом II и Мехмедом I хотя и обеспечивал некоторую стабильность в османо-византийских отношениях, все же не решал вопрос будущей османской угрозы для Византии. После провала политической линии, связанной с военным союзом во главе с Венецианской республикой, василевс, вероятно, пытался найти какие-то новые средства борьбы с османами. Пленение Мустафы в Фессалонике и отказ передать его Мехмеду I, таким образом, представляется нам очередной попыткой византийского императора оказать давление на султана.

Таким образом, следует отметить, что взаимодействие Византийской империи и Венецианской республики с Мустафой Челеби в 1415 — начале 1416 г. ограничивалось лишь тайными переговорами. Возможно, в это время Византия и Венеция не могли пойти на более решительные акции: Византийская империя — из-за своей военной слабости и мирного договора с Мехмедом I, Венеция — из-за нежелания занять руководящие позиции в борьбе с султаном. Отсутствие четкого лидера, центра сопротивления Мехмеду I, общая раскоординированность действий христианских держав — все это привело к несостоятельности политического курса василевса Мануила II Палеолога на создание военного союза между Византией, Венецией и Мустафой Челеби.

Список источников и литературы

1. Жигалова Н. Э. Византийские императоры и наследники Баязида I: траектория взаимоотношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 10(74) [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/s207987840002380-7-1> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Nicol D. M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 425 p.

3. *Heywood C. J. Muṣṭafā Čelebi, Düzme* // The Encyclopaedia of Islam. Vol. VII: Mif—Naz. Leiden: E. J. Brill, 1993. P. 710–712.
4. *Laonikos Chalkokondyles. The Histories* / Transl. by A. Kaldellis. Vol. I. Cambridge; London: Harvard University Press, 2014. 559 p.
5. *Thiriet F. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie*. Vol. II. Paris: Mouton & Co, 1959. 299 p.
6. *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453*. München, 1965. Bd. 5 (1341–1453). 138 s.
7. *Agoston G. Karamania: The Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1995. Vol. 8. No. 3. P. 267–274.
8. *Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks* / Transl. by H. J. Magoulias. Detroit: Wayne State University Press, 1975. 346 p.
9. *Symeon Archbishop of Thessalonica. The Logos Historikos* // Venice and Thessalonica 1423–1430: Greek Accounts / Transl. by J. R. Melville-Jones. Padova: Unipress Padova, 2006. P. 87–142.

Историк и источник

УДК 94(3)

Мазаев Р. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Филологический факультет, студент магистратуры
E-mail: st055558@student.spbu.ru

Апологетика Марка Минуция Феликса

Аннотация. В статье рассматривается апологетическая аргументация, содержащаяся в апологетическом сочинении Марка Минуция Феликса «Октавий» (180–197 гг.). Поскольку апология выполнена в форме диалога, а основные положения вероучения Минуция представлены в виде опровержения обвинений, автор восстанавливает основные компоненты исповедания апологета. Анализу также подвергается стратегия построения контраргументации в диалоге.

Ключевые слова: Марк Минуций Феликс, раннее христианство, христианская апологетика, «Октавий», античная философия, античная религия.

Mazaev R. M.

Saint Petersburg State University,
Faculty of Philology, Master's program, Student
E-mail: st055558@student.spbu.ru

Apologetics of Marcus Minucius Felix

Abstract. The article examines the apologetic argumentation contained in the apologetic work of Marcus Minucius Felix “Octavius” (180–197 AD). Since the apology is written in the form of a dialogue, and the basic tenets of the creed of Minucius are presented in the form of a refutation of accusations, the author restores the main components of the confession of the apologist. The strategy of constructing a counterargument in the dialogue is also analyzed.

Keywords: Marcus Minucius Felix, early Christianity, Christian apologetics, “Octavius”, ancient philosophy, ancient religion.

Христианское сочинение «Октавий» Марка Минуция Феликса [1]¹ является одним из первых опытов латинской апологетики, выделяется апология также по своей форме — философский диалог Цицероновского

¹ Ссылки на сочинения древних авторов далее даются в форматах: латинское сокращенное название, книга, глава, раздел или латинское сокращенное название, глава, раздел.

типа [2, p. 157–159; 3, с. 1694]. Работа Минуция была написана около 180–197 г. [4, p. 107–108] и дошла до нас лишь в одной рукописи XI в. (Parisinus Latinus 1661), причем в качестве самостоятельного сочинения «Октавий» был атрибутирован лишь в 1560 г. [5, s. V–IX]. По своей сути апология представляет протрептик, призывающий к рассмотрению или даже принятию веры Христовой. Автор обращает текст апологии как к образованным язычникам, стремясь продемонстрировать привлекательность христианства, так и к собратьям во Христе, находящимся на пороге входа в общину или же колеблющимся на грани отпадения [6, p. 269–270]. Отметим, что «Октавий» имеет куда более терпимый характер в сравнении с сочинениями из корпуса младшего современника Минуция — Тертуллиана, что также указывает на желание автора представить свою аргументацию на суд внешнему по отношению к Церкви обществу.

Композиционно диалог состоит из спора трех знакомых, выходцев из Цирты: Октавия, ставшего христианином, Марка, римского адвоката, колеблющегося в выборе веры, и молодого язычника Цецилия, который защищает римские обычаи. Структура диалога представлена следующими блоками:

(Oct., I–IV) Введение. Воспоминания об ушедшем друге автора — Октавии и о завязке спора, содержащегося в произведении, начало диспута между Цецилием и Октавием, в котором Марк выступает судьей.

(Oct., V–XIII) Речь молодого язычника Цецилия, направленная против христиан и содержащая ряд постулатов философии скептической академии.

(Oct., XIV–XV) Интерлюдия, которая состоит из напоминания Марка, что необходимо следовать за истиной, а не красотой слога в ходе дискуссии.

(Oct., XVI–XXXVI) Ответная речь Октавия, посвященная защите от обвинений Цецилия, критике языческой философии и культуры, а также римской государственности.

(Oct., XXXVII–XL) Окончание спора с признанием правоты христиан и воспоминания Марка об итогах полемики Цецилия и Октавия.

Мы обратимся к содержательной стороне аргументации нашего апологета. Апологетика в «Октавии» раскрывает суть исповедуемой автором веры в процессе опровержения речи Цецилия.

Минуций поделил материал на два раздела: 1) сближение христианства с языческой мыслью; 2) демонстрация превосходства учения и образа жизни последователей Христа [3, с. 1698]. Единство тематики в апологии не выдержано, поэтому мы, отходя от последовательности материала в тексте, охарактеризуем аргументацию Минуция по следующим проблемам: природа Бога, антропология и эсхатология, гонения и наветы на христиан, критика языческой религии и философии.

1. Бог и его атрибуты

Для доказательства существования трансцендентного Бога-творца Минуцием используется космологический аргумент, состоящий в указании на наличие рационально устроенных законов мироздания (Oct., XVII, 2–4). Вероятно, что с доказательствами бытия Бога Минуций был знаком по сочинениям Цицерона и Сенеки. Телеологическое (ср. Cic. De Nat. Deo., II, 15 [7]; Sen. Nat. Quaest., VII, 30, 4–5 [8]); космологическое (ср. Cic. De Nat. Deo., II, 4); от авторитета (ср. Cic. De Nat. Deo., I, 42–43; Sen. Nat. Quaest., VII, 25, 2) Минуций практически дословно повторяет в Oct., XVII, 4 [9, с. 265].

При этом большое внимание уделяется эстетическому моменту. Мир не мог бы стать настолько прекрасным, если бы не имелся его устроитель (Oct., XVII, 5–11). Кроме аристотелевских аргументов (ср. Arist. Phys., 199a — телеологический; 258b — космологический [10]), апологет использует стоическую апелляцию к общему мнению — consensus omnium (Cic. De Nat. Deor., I, 44) [11, р. 39–44].

Из признания христианами существования единого и истинного Бога следует, что христиане не атеисты, а отсутствие жертв и храмов связано с тем, что служение Творцу представляет собой стяжание добродетели. Ибо *«тот, кто блюдет непорочность, совершает Богу молитву; кто справедлив, тот воскуряет Богу; кто коварств избегает, умилостивляет Бога; кто сокроет человека в беде, наилучшую жертву воздает»*² [*Qui innocentiam colit, deo supplicat; qui iustitiam, deo libat; qui fraudibus abstinet, propitiat deum; qui hominem periculo subripit, optimam victimam caedit*] (Oct., XXXII, 3).

При этом отмечается невозможность познания Бога. Божественная сущность невыразима никаким словом, кроме слова «Бог». Имя дается по природе его носителя, что совпадает с платонической концепцией, отвергающей происхождение имен по договору (ср. Plat. Crat., 431b [12]; Albin. Didasc., VI, 10–11 [13, с. 7–11]) [14, с. 67]. Апологет отмечает, что имена соответствуют индивидуальным характеристикам. *«Необходимость имен в том, чтобы каждые отдельно своими именами во множестве определяемы были»* [*Illic vocabulis opus est, cum per singulos propriis appellationum insignibus multitudo dirimenda est*] (Oct., XVIII, 10). При этом несоответствующие природе предмета имена происходят из ошибок человеческого разума. Поэтому, например, языческие цари именуются божествами. *«Однако против воли это имя приписывается: желают они оставаться*

² Здесь и далее перевод «Октавия» наш. — Р.М.

людьми, страшатся становиться богами, даже будучи старыми, не желают этого» [*In vitis his denique hoc nomen adscribitur: optant in homine perseverare, fieri se deos metuunt, etsi iam senes nolunt*] (Oct., XXI, 10).

Еще одним препятствием для человека оказывается то, что он ограничен опытом познания вещей лишь тварного мира (Oct., XXXII, 6). Однако постижение Бога возможно через самопознание, поскольку в человеке запечатлен образ Господа (Oct., XXXII, 1). Минуций указывает: «Именно потому считаем его Богом, поскольку можем ощущать его, но не можем лицезреть» [*Immo ex hoc deum credimus, quod eum sentire possumus, videre non possumus*] (Oct., XXII, 4).

Разделение сущности Бога на лица практически отсутствует в диалоге. Апологет упоминает, что Господь упорядочивает словом (*verbo iubet*) и распределяет разумом (*ratione dispensat* (Oct., XVIII, 7)). Также читаем, что «так сложна и возвышенна мысль о воде и духе, что человек не смог бы до нее дойти, она передана Богом» [*Esto altior et sublimior aquae et spiritus ratio, quam ut ab homine potuerit inveniri, a deo traditum*] (Oct., XIX, 4). Вероятно, в этих выражениях Минуций говорит об энергиях Бога и пророческом духе (ср. Iust. Martyr. I Apol., 53 [15]; Athen. Leg., 18 [16]). В сочинении определенно еще отсутствует та терминологическая четкость, которую находим у Тертуллиана (Adv. Prax., 5 [17, p. 1078–1120]).

Намекая на проблему воплощения, Минуций не приводит аргументов, но прямо постулирует, что тот, кому поклоняются христиане, является Богом, а не распятым преступником (Oct., XXIX, 2). В связи с этим также рассматривается навет, что якобы христиане воздают божеские почести кресту. Видимо, подобные обвинения были в основном распространены на западе империи (ср. Tert. Apol., XVI, 5–7 [1, p. 2–230]).

2. Эсхатология

Касаясь темы воскресения, апологет обосновывает свою веру тем фактом, что Бог сотворил человека из ничего, поэтому он может повторить это творение. К тому же: «Каждое тело или иссыхает в пыль, или растворяется во влаге, или становится золой, или истончается в дым, исчезает для нас, но сохраняется для Бога, владеющего элементами» [*Corpus omne sive arescit in pulverem sive in umorem solvitur vel in cinerem comprimitur vel in nidorem tenuatur, subducitur nobis, sed deo elementorum custodia reservatur*] (Oct., XXIV, 10; ср. Athen. De res., II, 5 [18]). Также наш автор ссылается на Пифагора и Платона (Oct., XXXIV, 6), которые переняли учение о воскресении у пророков, исказив его (Oct., XXXIV, 7).

В связи с проблемой воскрешения Минуций касается антропологии. Он придерживается дихотомических воззрений — человек представляет единство души и тела. Хотя говорит об этом лишь с опорой на чужое мнение: *«Так по разрушению тел только души остаются и постоянно переходят, и в другие новые тела постоянно вступают»* [*Nam corporibus dissolutis solas animas volunt et perpetuo manere et in alia nova corpora saepius*] (Oct., XXXIV, 6). Критикуя учение о переселении душ, наш автор не пытается опровергнуть двойственность человеческого устройства, по-видимому, принимая его.

Эсхатологическое представление о мировом пожаре сходно со стоическим, Минуций подкрепляет его указанием на мнение, что *«все рожденное гибнет, все созданное истощается»* [*omnia quae orta sunt occidere, quae facta sunt interire*] (Oct., XXXIV, 2).

После всеобщего воскрешения последует последний суд, определяющий окончательную судьбу человека. Бог откладывает правосудие, поскольку *«чем позднее суд, тем он более справедливый»* [*sciuis quanto iudicium tardum, tanto magis iustum est*] (Oct., XXXIV, 12). Причем вечное наказание получают не только нечестивцы, но и те, кто не знал о Господе. Минуций пишет: *«С тем, что справедливо мучимы те, которые Бога не знают — нечестивые и незаконные, никто кроме святотатца не будет спорить»* [*Eos autem merito torqueri, qui deum nesciunt, ut impios, ut iniustos, nisi profanus nemo deliberat*] (Oct., XXXV, 4). Осужденные на вечные муки подвергнутся особому жару, *«там разумный огонь сжигает конечности и восстанавливает, разлагает и вылечивает»* [*Illic sapiens ignis membra urit et reficit, carpit et nutrit*] (Oct., XXXV, 3) (ср. Cic. De Nat. Deo., I, 39; DL, VII, 156, где говорится о разумном огне стоиков [19]).

Минуций приводит доказательство древности религии христиан. Она унаследована от иудеев, потерявших связь с Богом в связи с совершением ими нечестия (Oct., XXXIII). Об этом апологет пишет: *«Так они разорвали связь прежде, чем были покинуты»* [*Ita prius eos deseruisse comprehendens quam esse desertos nec*] (Oct., XXXIII, 5). Указание на совершение иудеями некоего нечестия, которое привело к нарушению Завета, обосновывает неучастие Бога в судьбе потерявшего Храм и рассеянного народа Израилевого. Однако в чем это нечестие проявилось, не указывается, вероятно, чтобы не затрагивать личность Иисуса Христа.

3. Правовое положение христиан

Обвинения, которые выдвигаются против христиан, Минуций рассматривает как не имеющие доказательств и основанные на пороках самого язы-

ческого общества и его культов (Oct., XXIX). Вероятно, будучи причастным ранее к делам по обвинению христиан (Oct., XXVIII, 2), апологет хорошо знаком с ходом процесса. Он пишет: «Насколько несправедливо о неизвестных и неисследованных вещах судить, как вы это делаете, поверьте нам, самим в этом кающимся» [*Quam autem iniquum sit, incognitis et inexploratis iudicare, quod facitis, nobis ipsis paenitentibus credite*] (Oct., XXVIII, 1).

Начало обвинениям христиан было положено демонами (Oct., XXVIII, 6). Из этого источника проистекает обильный поток лжи, искажающий не только моральный облик, но и правовое положение христиан. Наш автор подчеркивает, что виной христианина оказывается лишь сама причастность к вере Христовой, хотя следовало, «чтобы не отрекались от христианства, но сознавались в блудливых кровосмешениях, кощунственных таинствах и в том, что детоубийцами являются» [*Non ut diffiterentur se Christianos, sed ut de incestis stupris, de impiatis sacris, de infantibus immolatis faterentur*] (Oct., XXVIII, 5). Выходило же так, что сознавшийся «будто отречением от имени уже все эти свои действия искупал» [*Quasi eierato nomine iam omnia facta sua illa negatione purgaret*] (Oct., XXVIII, 4).

Говоря о бедности и неучености большинства христиан, Минуций отмечает, что этот факт лишь подтверждает истинность христианства, способного привести простых людей к добродетели. Апологет пишет: «Однако если сравним вас с христианами, хотя некоторые в нашем учении малы, все же намного вас благостью будем превосходить» [*Tamen si vobiscum Christiani comparemur, quamvis in nonnullis disciplina nostra minor est, multo tamen vobis meliores deprehendemur*] (Oct., XXV, 5). Последователи единого Бога угнетаемы язычниками, поскольку «конечно, Господь не презирает нас, и он может нас спасти, он, владеющий всем и любящий своих, но в несчастьях каждого испытывает и взвешивает» [*Itaque et nobis deus nec non potest subvenire nec despicit, cum sit et omnium rector et amator suorum, sed in adversis unumquemque explorat et examinat*] (Oct., XXVI, 9). Благодеяние язычников также является их испытанием, поскольку «они подняты выше, чтобы ниже упали» [*in hoc altius tolluntur, ut decidant altius*] (Oct., XXVII, 7).

При этом апологет, очевидно, не будучи человеком низкого общественного положения [20, р. 302], с некоторой уязвленностью пишет: «Если ваши почетные награды и пурпур отворачиваем, это не значит, что из одного простонародья состоим» [*Nec de ultima statim plebe consistimus, si honores vestros et purpuras recusamus*] (Oct., XXXI, 6).

Скрытый характер собраний христиан и неучастие в общественной жизни не могут сами по себе говорить о каких-либо преступлениях или за-

говорах. К тому же эта скрытность проистекает из неприятия христиан в обществе (Oct., XXXI, 6). Отказ от общественной жизни должен, напротив, говорить о высокой нравственности христиан, не желающих лицемерить непристойные театральные зрелища или кровопролитные гладиаторские бои (Oct., XXXVII, 11–12). Кроме того, опровергается представление об использовании христианами тайных знаков, которые могли напоминать о вакхических культах [21, с. 180–181]; тайные знаки, объясняет Минуций, христиане не используют, а узнают друг друга по своему скромному поведению (Oct., XXXI, 8). Апологет также замечает, что вменяемые в вину каннибализм (Oct., XXX, 2–4) и кровосмесительные оргии (Oct., XXXI, 3–4) есть лишь плод слухов язычников, которые сами предаются этим порокам.

4. Критика языческой философии, религии и государства

Минуций, как и ряд других апологетов (ср. Iust. Martyr. I Apol., 9; 20; 44; Athen. Leg., 19; 23; 25), использует тактику противопоставлений [22, р. 193–194]. В процессе развертывания аргументации наш автор меняет свое отношение к языческим мудрецам. Для подкрепления уверенности в существовании лишь одного Бога он готов приравнять прежних философов к христианам (Oct., XX, 1). Однако, переходя к рассмотрению отличий учений язычников от веры Христовой, апологет заявляет: «*Но не мы по их следам идущие, но они, искажившие истину, подражатели тени божественных предсказаний пророков*» [*Non quod nos simus eorum vestigia subsequuti, sed quod illi de divinis praedicationibus prophetarum umbram interpolatae veritatis imitati sint*] (Oct., XXXIV, 5). Сократ получает презрительное имя «аттического шута» (*scurra Atticus*; ср. Cic. De Nat. Deo., I, 93), об оценке философов в целом апологет заявляет: «*браваду философов презираем, знаем их как прелюбодеев и развратников, и тиранов, постоянно гласящих о пороках, самим им присущих*» [*Philosophorum supercilia contemnimus, quos corruptores et adulteros novimus et tyrannos et semper adversus sua vitia facundos*] (Oct., XXXVIII, 5).

Этот выпад контрастирует с активным привлечением мнений тех же философов для обоснования положений христианства и критики мифологии (Oct., XXVI–XXVII).

Для критики язычества Минуций привлекает три объяснительные модели: эвгемеризм, скептицизм и демонологию. Скептицизм он направляет против противника-скептика. Концепции эвгемеризма и скептицизма, по-видимому, взяты у Цицерона (об эвгемеризме: De Nat. Deo., III, 53–60; скептическая аргументация: Rep., III, 21 [23]). Демонология

Минуция основывается на Книге стражей [24, с. 22; 25, с. 110–114]. Появление божеств у язычников, по мнению апологета, процесс двойкий. Человеческая воля проявилась таким образом, что *«усердно почитая своих царей, после того как они умирали, желали видеть их в изображениях, тогда стали их память в статуях воплощать, священным стало то, в чем ранее находили утешение»* [*Dum reges suos colunt religiose, dum defunctos eos desiderant in imaginibus videre, dum gestiunt eorum memorias in statu is detinere, sacra facta sunt quae fuerant adsumpta solacia*] (Oct., XX, 5). С другой стороны, *«Эти нечистые духи, демоны, обличаемые магами и философами, под освященными статуями и изображениями таятся»* [*Isti igitur impuri spiritus, daemones, ut ostensum magis ac philosophis, sub statu is et imaginibus consecratis delitiscunt*] (Oct., XXVII, 1). С демонами связаны чудеса языческой религии, оракулы и предсказания (Oct., XVII, 5–7). Также *«оттуда эти безумцы, которые на публику, как вы видите, выходят, прорицатели без храма, и безумствуют, устраивают вакханалии, катаются колесом: в них также демоническое воздействие, но характер безумия иной»* [*Hinc sunt et furentes, quos in publicum videtis excurrere, vates et ipsi absque templo, sic insaniunt, sic bacchantur, sic rotantur: par et in illis instigatio daemonis, sed argumentum dispar furoris*] (Oct., XXVII, 3).

Относительно римской государственности Минуций указывает, что ее благополучие основывается не на религиозном благочестии, напротив, причиной служит дерзость римлян. Их государство родилось в результате братоубийства и похищения сабинянок, а окрепло в результате войн и грабежей (Oct., XXV, 2). Римляне — святотатцы по отношению к божествам тех стран, которые они покорили (Oct., XXV, 6). Не могли помочь Риму в его завоеваниях и его собственные боги, которые есть обожествленные люди или явления природы (Oct., XXV, 8). Апологет обращается к мотиву из книги Даниила, упоминая, что и раньше существовали мировые империи, а Римская держава лишь одна из них (Oct., XXV, 12).

Характер апологетической аргументации Минуция весьма нетипичен, он во многом не похож на то, что можно обнаружить в трудах грекоязычных христианских апологетов II в. Большое значение для него имеет проблематика отношений государственной религии и христианства. Литературный стиль и характер мышления укоренен в латинской философской традиции, элементы которой он пересаживает на христианскую почву.

Список источников и литературы

1. *Tertullian*. Apology. De Spectaculis. Minucius Felix. Octavius / Ed. by G. P. Goold, T. R. Glover, G. H. Rendall. Cambridge: Harvard University Press, 1977. 480 p.
2. *Albrecht, M. von*. Minucius Felix as a Christian Humanist // *Illinois Classical Studies*. 1987. Vol. 12. No. 1. P. 157–168.
3. *Альбрехт, М. фон*. История римской литературы. От Андроника до Бозция. Т. III / Пер. А. И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005.
4. *Price S*. Latin Christian Apologetics: Minucius Felix, Tertullian, and Cyprian // *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians*. Oxford, 1998. P. 105–131.
5. *Minuci Felicis M. Octavius* / Ed. by B. Kytzler. Leipzig: Stuttgart: Teubner, 1992. 42 s.
6. *Gamble H. Y*. Books and Readers in the Early Church: A History of Early Christian Texts. New Haven; London: Yale University Press, 1995. 337 p.
7. *Cicero*. On the Nature of the Gods. Academics / Transl. by H. Rackham. Cambridge: Harvard University Press, 1933. 268 p.
8. *Seneca*. *Naturales Quaestiones*. Vol. II / Ed. by E. H. Warmington. London: Harvard University Press, 1972. 341 p.
9. *Фокин А. Р.* Латинская патрология. Т. I: Период первый. Доникийская латинская патрология (150–325 гг.). М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 364 с.
10. *Аристотель*. Физика / Пер. В. П. Карпова. М.: Соцэкгиз, 1936. 228 с.
11. *Фокин А. Р.* Доказательства бытия Божия в античной философии и христианском богословии II–XIV вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2006. № 15. с. 30–51.
12. *Plato*. Cratylus. Parmenides. Greater Hippias. Lesser Hippias / Transl. by H. North-Fowler. Cambridge, 1926 [Электронный ресурс]. URL: https://www.loebclassics.com/view/plato_philosopher-cratylus/1926/pb_LCL167.7.xml?mainRsKey=WQJx9&result=1&rskey=0Ierj3 (дата обращения: 26.08.2022).
13. Учебники платоновской философии / Под ред. Ю. А. Шичалина. Томск: Водолей, 1995. 160 с.
14. *Приходько М. А.* Апологетика Иустина Философа и Татиана Ассирийца как опыт самосознания христианской культуры: дисс. ... уч. ст. канд. филос. наук. СПб, 2014. 137 с.
15. *St. Justin Martyr*. Apologies / Ed. and transl. by D. Minns, P. Parvis. Oxford: Oxford University Press, 2009. 346 p.
16. *Athenagoras*. Legatio pro Christianis / Ed. by M. Marcovich. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1990. 239 p.
17. *Quinti Septimii Florentis Tertulliani*. Opera Omni / Ed. by F. Ohler. Leipzig: T. O. Weige, 1854. P. 1078–1120.

18. Athenagorae qui fertur: De resurrectione mortuorum / Ed. by M. Marcovich. Boston: Brill, 2000. 88 p.
19. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 623 с.
20. Rankin D. I. Class Distinction as a Way of Doing Church: The Early Fathers and the Christian plebs // *Vigiliae Christianae*. 2004. Vol. 58. No. 3. P. 298–315.
21. Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время / Пер. с англ. А. В. Петрова, А. Д. Пантелеева. СПб: Гуманитарная Академия, 2003. 320 с.
22. Mathiassen S. E. Minucius Felix, Octavius // *Early Christianity in the context of Antiquity*. 2014. Vol. 15. P. 185–201.
23. Cicero. On the Republic. On the Laws / Transl. by C. W. Keyes. London: Harvard University Press, 1928 [Электронный ресурс]. URL: https://www.loebclassics.com/view/marcus_tullius_cicero-de_re_publica/1928/pb_LCL213.13.xml?rskey=kscxAm&result=1 (дата обращения: 26.08.2022).
24. Тантлевский И. Р. Книги Еноха. М.: Мосты культуры — Гешарим, 2002. 375 с.
25. Вандеркам Д. Введение в ранний иудаизм. 2-е изд. / Пер. Г. Ястребова. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2016. 278 с.

УДК 94

Исмагилова Ю. Д.

Челябинский государственный университет,
Историко-филологический факультет,
студент бакалавриата
E-mail: xkl.till3@gmail.com

Epitoma chronicon Проспера Аквитанского и «вторая редакция» Consularia Constantinopolitana (388–394/5 гг.)

Аннотация. В статье на основе текстологического анализа ряда произведений позднеантичных историков (Prosper, Epitome chronicon; Hydatius, Continuation chronicorum Hieronymianorum; Consularia Constantinopolitana; Chronica Gallica 511; Chronica Gallica 452; Orosius, Historiae adversum paganos; Fasti Vindobonenses; Epitome de Caesaribus; Marcellini comitis, Chronicon) установлено существование трех ветвей «второй редакции» Consularia Constantinopolitana, которую в свое время выявил Р. Бёрджес. Текст некоторых ее списков, в том числе использованных Проспером Аквитанским, был впоследствии дополнен материалом стороннего источника в период между 395 и 417 гг.

Ключевые слова: Проспер Аквитанский, историописание античности, Consularia Constantinopolitana, позднеантичные хроники.

Ismagilova J. D.

Chelyabinsk State University,
Department of History and Philology,
Bachelor's program, Student
E-mail: xkl.till3@gmail.com

Epitoma chronicon by Prosper of Aquitaine and “second recension” of Consularia Constantinopolitana (388–394/5)

Abstract. Work based on revealed “the second recension” by R. Burgess. Existence of three branches of “the second edition” is established on the basis of the textual analysis of a number of works by late Antiquity historians (Prosper, Epitome chronicon; Hydatius, Continuation chronicorum Hieronymianorum; Consularia Constantinopolitana; Chronica Gallica 511; Chronica Gallica 452; Orosius, Historiae adversum paganos; Fasti Vindobonenses; Epitome de Caesaribus; Marcellini comitis, Chronicon). The text of some of its lists, including those used by Prosper of Aquitaine, was subsequently supplemented with material from another source in the period between 395–417.

Keywords: Prosper of Aquitaine, historiography of antiquity, Consularia Constantinopolitana, Late Antique chronicles.

Одна из актуальных и сложных тем в исследовании наследия Проспера Аквитанского — установление источников. Их поиск обычно осуществляется путем выявления схожих фрагментов текста или одинаковых лексических единиц в других произведениях V в. Среди таких произведений неоднократно назывались «Consularia Constantinopolitana» [1] (далее — CC), а также «Fasti Vindobonenses» [2] (далее — FV) [3, p. 173–187; 4, p. 162–164, 179; 5, p. 74–75; 6, с. 99]. На близость Проспера с FV указывает сходство как консульских списков, так и ряда упоминаемых событий в сокращенном изложении Иеронима. Однако в отношении изложения событий V в. нет случаев, когда два повествования имеют общие существенные детали или используют похожие фразы для выражения одних и тех же фактов [5, p. 74]. Сходство же с CC обнаруживается при рассмотрении записей о событиях с 379 до 395 года.

Ввиду общности текста Проспера с двумя этими консуляриями выдвигались теории о существовании консульского списка, однажды объединившего материал протографов FV и CC [7, s. 601–615]. Такое предположение кажется нам вероятным, если обратиться к природе позднеантичных консулярий. Они представляют собой анонимные аннотированные консульские списки, содержащие краткие сообщения о ряде исторических событий за последние 50–70 лет. Проблемы доступа к таким записям не было, их можно было приобрести у книготорговцев. Тексты консулярий часто копировались и дополнялись [8, p. 286–287; 4, с. 99], вследствие чего можно предположить и наличие списка, объединившего в себе как италийский материал FV, так и сообщения CC до 395 года.

История бытования CC на Западе после 389 г. рассматривалась Робертом Бёрджесом [9, p. 35–50; 10, p. 175–207]. Анализ Берлинского манускрипта позволил историку выстроить древо копий и редакций данного списка. Согласно версии Бёрджеса, рукопись первоначально попала в Испанию, оттуда распространилась по всему Западу, включая Карфаген и Рим, а затем вернулась в Испанию. В какой-то момент выделилась редакция, общая для многих имеющихся у нас текстов, сообщающих о событиях конца IV в. Р. Бёрджес обозначает ее «вторая редакция» (second recension), она сообщает о 388–395 гг. [9, p. 50]. По его мнению, последняя запись «второй редакции» Берлинского манускрипта была добавлена, вероятно, в Италии между 392 и 394 годами. Одна копия в конце концов оказалась в Африке, а другая, используемая Проспером, попала в Галлию или Рим [10, p. 46].

Актуальным остается вопрос о судьбе «второй редакции», копии которой, вероятно, дополнялись и подвергались содержательным изменениям на протяжении всего времени их бытования на Западе. Эти копии использовались по крайней мере шестью авторами. Следы использования родственных текстов консулярий при повествовании о событиях 388–395 гг. явно обнаруживаются в сочинениях Проспера, Идация, Орозия, создателя «*Epitome de Caesaribus*», в Галльской хронике 452 г. и Галльской хронике 511 г. Для наглядности последующих выводов будут представлены параллельные отрывки обозначенных выше текстов, с использованием следующих сокращений: P (*Prosper, Epitoma chronicon*) [11]; H (*Hydatius, Chronicon*) [12]; CC (*Consularia Constantinopolitana*); G5 (*Chronica Gallia a DXI*) [13]; G4 (*Chronica Gallia a CCCCLII*) [14]; O (*Orosius. Hist. Ad. Pag.*) [15]; FV (*Fasti Vindobonenses*); EC (*Epitome de Caesaribus*) [16]; M (*Marcellinus comes, Chronicon*) [17].

Первыми сюжетами, появившимися в CC после ее прибытия из Константинополя, являются сообщения о подавлении тирании Максима (CC. 388.2) и убийстве его сына Виктора (CC. 388.3). Далее ее сравнение с фрагментами обозначенных выше текстов будет приведено как № 1 и № 2 соответственно.

№ 1

CC388.2: *Et ipso anno occiditur hostis publicus Maximus tyrannus a Theodosio Aug. in miliario III ab Aquileia die V kal. Aug.*

P 1191: *Maximus tyrannus Valentiniano et Theodosio imperatoribus in tertio ab Aquileia lapide spoliatus indumentis regiis sistitur et capite damnatur <...>*

H 17: *Maximus tyrannus occiditur per Theodosium tertio lapide ab Aquileia V kl. Aucustas <...>*

FV 388: *Occisus est Maximus V kal Sept.*

G5: *Occisus est Maximus tirannus Aquileia.*

G4 18: *Theodosius cum exercitu ad Italiani transgrediens Maximum interfecit et Valentinianum proprio regno reddidit.*

Or 7.35.4: *Ita Theodosius nemine sentiente, ut non dicam repugnante, uacuas transmisit Alpes atque Aquileiam inprovisis adueniens hostem illum magnum, Maximum, truce[m] et ab inmanissimis quoque Germanorum gentibus tributa ac stipendia solo terrore nominis exigentem, sine dolo et sine controuersia clausit cepit occidit.*

EC 48.6: *Maximum autem tyrannum, qui Gratianum interfecerat et sibi Gallias vindicabat, apud Aquileiam exstinxit Victoremque eius filium, intra infantiae annos a Maximo patre Augustum factum, necavit.*

MC388: *Gratiani frater et Theodosius imp. Maximum tyrannum et Victorem filium ejus apud Aquileiam rebellantem vicerunt.*

Как можно заметить, почти все тексты имеют соответствия с СС: практически каждый упоминает Аквилею и обозначает Максима как тирана. Галльская хроника 452 г. наиболее самостоятельна, и в данном фрагменте она не восходит к общему для всего круга текстов источнику информации. Однако в последующих рассматриваемых нами записях хроника имеет пересечения с сообщениями текстов, использующих материал «второй редакции», что может говорить о вероятной связи Галльской хроники 452 г. для записи № 1 с источником иной хронографической традиции.

Строчка из Галльской хроники 511 г. в приведенном случае наиболее близка сообщению италийских фаств. Можно предположить, что как хроника, так и FV имеют общий протограф местного италийского, возможно, равеннского летописания. Принято считать, что список FV *priores* тяготеет к Равенне [18, с. 27, 29]. Отличием сообщений Галльской хроники 511 г. от FV является упоминание Аквилеи, имеющееся в СС и всех прочих текстах, использующих «вторую редакцию». В последующих сообщениях данная хроника также имеет соответствия как с текстами, восходящими ко «второй редакции», так и с FV, что во многом подтверждает предположение о существовании списка, объединяющего равеннскую летописную традицию с материалом «второй редакции».

Наибольшее сходство в сюжете № 1 обнаруживается между Проспером, Идацием и СС. О близости текстов свидетельствуют множественные дословные соответствия, при этом между первыми двумя авторами их больше. Особенно показательно точное обозначение места убийства Максима. Отсутствие у Проспера глагола *occiditur*, имеющегося в СС и у Идация, объясняется стилистической работой аквитанца — дословно свои источники он не воспроизводил. Таковую редактуру осуществляли и другие хронисты при использовании консулярий [3, р. 42]. Кроме того, текст Проспера, очевидно, расширен за счет дополнительной информации, которая не имеет аналогов в других приведенных сочинениях. Использование «второй редакции» Орозием тоже не вызывает сомнений.

Его текст более пространен, поэтому заимствования не столь очевидны. Им употребляется тот же глагол *occidit*, хотя и в отличной от приводимой в СС форме. Кроме того, Орозием также упоминается Аквилея, а Максим назван врагом (*hostem*), как и в СС (*hostis*).

№ 2

CC388.3: *Sed et filius eius Victor occiditur post paucos dies in Gallis a comite Theodosii Aug.*

P 1191: <...> *cuius filius Victor eodem anno ab Arbogaste comite est interfectus in Gallia.*

H 17: <...> *et eodem tempore uel ipso anno in Gallis per Aruagastem commitem filium Maximi nomine Victor extinctus est.*

G4 18: *Theodosius cum exercitu ad Italiani transgrediens Maximum interfecit et Valentinianum proprio regno reddit.*

Or 7.35.10: <...> *extincto Maximo eiusque filio Victore, quem imperatorem Gallis Maximus reliquerat <...>*

EC 48.6: *Maximum autem tyrannum, qui Gratianum interfecerat et sibi Gallias vindicabat, apud Aquileiam exstinxit Victoremque eius filium, intra infantiae annos a Maximo patre Augustum factum, necavit.*

MC388: *Gratiani frater et Theodosius imp. Maximum tyrannum et Victorem filium ejus apud Aquileiam rebellantem vicerunt.*

В сообщении № 2 об узурпации власти Максимом речь идет об убийстве его сына комитом Галлии Арбогастом. Наблюдается дословное соответствие в этом сюжете у Проспера и Идация. Однако если ранее отличие Идация и Проспера от СС не прослеживалось, то теперь упоминание комита Арбогаста Идацием (*Aruagastem commitem*) и Проспером (*Arbogaste comite*) при молчании о нем как в СС, так и в других рассмотренных текстах, указывает на существование более поздней версии «второй редакции», чем используемая при создании текста СС. Конечно, для заявления о галльском происхождении упоминания Арбогаста оснований недостаточно, однако, вероятнее всего, подробности о комите Галлии были известны и наиболее интересны именно для этой местности.

На более раннюю версию «второй редакции» у Орозия, по сравнению с версией в СС, указывает наличие страдательного причастия *extincto*, обнаруживающего параллели с *exstinxit* в «*Epitome de Caesaribus*» и *extinctus est* у Идация. В СС нам не встречается данное слово ни в ка-

честве причастия, ни в качестве глагола. Вероятно, при создании версии «второй редакции» Орозия, Идация и автора «*Epitome de Caesaribus*» глагол *occiditur*, имеющийся в СС (388.3), был заменен переписчиком на *extinctus est*, чтобы таким образом избежать повтора, ведь этим же глаголом строчкой выше в СС (388.2) обозначена смерть Максима. Мы предполагаем, что данная замена была произведена именно на форму глагола, имеющуюся у Идация, так как галисийцем в предыдущем сюжете № 1 использовался такой же глагол, что и в СС. Более того, консуляриям стилистически свойственно употребление пассивных конструкций. Тексты Орозия и «*Epitome de Caesaribus*» пространны, что объясняет превращение глагола в первом случае в причастие в составе оборота *ablativus absolutus*, а во втором — в смене пассивного залога глагола на активный. Отсутствие данного глагола у Проспера связано с уже отмеченной выше стилистической обработкой аквитанцем текста источника. Однако версия «второй редакции» Орозия и «*Epitome de Caesaribus*» не является идентичной для Проспера и Идация, у которых присутствует упоминание комита Арбогаста в сюжете № 1. Таким образом, появление версии «второй редакции», использующейся Орозием и автором «*Epitome de Caesaribus*», можно хронологически расположить раньше версии Проспера и Идация, но позже варианта СС.

В результате, наиболее поздней версией «второй редакции» является текст, упоминающий Арбогаста, что мы наблюдаем в сочинениях Идация и Проспера (III). Немного ранее появилась версия, включившая глагол *extinctus est*, имеющийся у Идация и присутствующий в иных формах в сочинении Орозия и у анонимного автора «*Epitome de Caesaribus*» (II). Версию же «второй редакции» СС, не содержащей ни упоминания Арбогаста, ни глагола *extinctus est*, следует считать наиболее ранней (I).

Далее под № 3 будут представлены параллельные фрагменты рассматриваемых выше текстов, повествующих о смерти Валентиниана II.

№ 3

CC392.1: *Valentinianus iunior apud Viennam est interfectus et levavit se Eugenius tyrannus.*

P 1197: *Valentinianus ad vitae fastidium nimia Arbogastis magistri militum auctoritate perductus laqueo apud Viennam periit. Arbogastes magister exercitus mortuo Valentiniano, Eugenium in Gallia imperatorem facit.*

H 20: *Valentinianus iunior apud Viennam scelere comitis Arbogastis occiditur et Eugenius tyrannus efficitur.*

Or 7.35.10: *Ubi cum tranquilla republica in pace ageret, apud Viennam dolo Arbogastis comitis sui, ut ferunt, strangulatus atque, ut uoluntariam sibi consciuisse mortem putaretur, laqueo suspensus est.*

7.35.11: <...> *mortuo Valentiniano Augusto Arbogastes Eugenium tyrannum mox creare ausus est legitque hominem, cui titulum imperatoris inponeret.*

G5 11: *Valentinianus apud Viennam strangulatus dolo Arbogastis comitis; Eugenius fit tyrannus.*

G4 29: *Valentinianus Viennae ab Arbogaste comite suo extinguitur; in cuius locum tyrannidem Eugenius inuadit.*

EC 48.7: *Eugenium quoque tyrannum atque Arbogasten superavit deletis eorum decem milibus pugnatorum. Hic etenim Eugenius, confisus viribus Arbogastis, postquam apud Viennam Valentinianum exstinxerat, regnum inuasit <...>*

MC391: *Valentinianus imp. apud Viennam dolo Arbogastis strangulatus interiit idib. Martiis.*

Общим для всех фрагментов является упоминание Виенны (*apud Viennam*), императора Валентиниана II и Евгения (в большинстве случаев обозначенного как тирана). Только текст СС не содержит информации об Арбогасте, что вновь указывает на то, что та версия «второй редакции», к которой восходит СС, старше прочих.

Наиболее близкими к СС являются текст Галльской хроники 452 года и хроника Идация. У них небольшое количество таких текстологических совпадений с другими авторами, какие не встречаются в СС. Но хронику 452 года роднит с «*Epitome de Caesaribus*» сходство глаголов (*extinguitur; inuadit* в G4 и *exstinxerat; inuasi* в EC). Однако в последней присутствует причастие *confisus*, которое имеется и в тексте Марцелина. Но это причастие — единственная объединяющая их особенность. У константинопольского хрониста есть два элемента, которые схожи скорее с другими западными сочинениями: *dolo* (MC, G5, Or), *strangulatus* (MC, G5). *Confisus* не могло появиться раньше глаголов, отмеченных выше, в хронике 452 года и в «*Epitome de Caesaribus*», ведь тогда бы *confisus* встречалось в обоих текстах. В свою очередь, слова *dolo* и *strangulatus* ввиду отсутствия их в «*Epitome de Caesaribus*», вероятно, добавлены позже *confisus*. Но тогда бы мы обнаруживали в текстах, где эти слова имеются, предшествующее их появлению *confisus*, а также глаголы, подобные тем, что мы видим в хронике 452 года и в «*Epitome de Caesaribus*».

Такое же противоречие образуется в том случае, когда мы считаем *dolo* и *strangulatus* предшествующими *confisus*. Если совпадение причастия не считать за случайность, то данные условия образуют ситуацию, когда текст Марцеллина Комита содержит элементы двух разных групп «второй редакции». Подобное можно объяснить, предположив, что *confisus* у Марцелина восходит напрямую к тексту «*Epitome de Caesaribus*». Комит мог получить его после победы Велизария над королевством вандалов в Африке, откуда и происходит эпитома анонимного автора, или уже позднее, после 548 г., во время пребывания Марцеллина на Западе [3, р. 186]. Поэтому все-таки стоит считать, что версия «второй редакции» Марцеллина ближе к текстам, содержащим *dolo* и *strangulatus*, а именно к «Истории против язычников» и Галльской хронике 511 г., связь с которыми обнаруживается и в дословных соответствиях других записей.

Схожая ситуация с хроникой Проспера в тех случаях, когда его текст имеет параллели с Орозием, которые не обнаруживаются в хронике Идация, что противоречит выделению версии «второй редакции» Идация и Проспера (III) как более поздней, чем версия Орозия (II). Проспера и Орозия объединяют такие общие элементы, как *laqueo* и *mortuo Valentiniano*, и мы должны были бы обнаружить их и у Идация.

Самое раннее сочинение, использующее *laqueo* при описании смерти Валентиниана II, — «Церковная история» Руфина Аквилейского (Hist. eccl. 2(11).31) [19]. Этот текст не имеет ничего общего с СС ни при описании более ранних событий, ни при изложении последующих. Это исключает какую-либо связь «Церковной истории» с консуляриями «второй редакции». Текст Руфина имеет еще один важный элемент, обнаруживаемый и в других рассматриваемых текстах: *dolo* для характеристики поступка Арбогаста, приведшего к гибели императора. Руфин приводит разные версии смерти Валентиниана II, а значит, он имел в своем распоряжении несколько источников. Орозий, используя слово *dolo*, называет императора жертвой предательства Арбогаста, как и хроника 511 г., и Марцеллин. Так как Руфин не использовал версии консулярий «второй редакции», то *dolo* и *laqueo*, вероятно, восходят к стороннему источнику, информация которого в дальнейшем могла быть интерполирована в тексты консулярий.

Кроме того, с *dolo* всегда присутствует или *laqueo*, или *strangulatus*. Последнее встречается в текстах, созданных уже в VI в. (G5, MC). События, описываемые в этих версиях «второй редакции», уже не представляли большого интереса для современников. Поэтому вместо комбинации, состоящей из глагола, обозначающего смерть императора, и уточнения

в виде *laqueo*, со временем появилось лишь причастие *strangulatus*, обозначающее удушение Валентиниана II. Точно так же в источнике Марцеллина и Галльской хронике 511 года, вероятно, было опущено и *mortuo Valentiniano*. Таким образом, надо рассматривать *laqueo* и *strangulatus* как единую информацию, которая всегда связана в источнике с *dolo*.

Однако в тексте Проспера, несмотря на присутствие в нем *laqueo*, отсутствует *dolo*, и приводится одна из версий Руфина, отличная от той, что использована авторами текстов, у которых присутствует *laqueo* или *strangulatus* (O, G5, MC). У Проспера Валентиниан самостоятельно заканчивает свою жизнь в петле из-за Арбогаста, препятствующего независимому правлению императора. Проспер не связывает гибель императора с предательством комита, но источник аквитанца должен был содержать именно такую информацию с использованием слова *dolo*. Подобный отход хрониста от своего источника объясняется личными взглядами автора, который явно не мог симпатизировать императору-арианину. Проспер использовал другую версию смерти Валентиниана, которую также сообщает Руфин в своем тексте. Однако нельзя установить, знал ли ее Проспер непосредственно из «Церковной истории» или из какого-то другого письменного или устного источника.

Таким образом, можно сделать вывод об использовании аквитанцем двух источников, которые могли быть объединены в имеющейся у него консулярии. Первый из них восходит к общей с Идацием версии «второй редакции» (III). Второй — к источнику Руфина и содержит как слово *laqueo* и оборот *mortuo Valentiniano*, общие для Проспера и Орозия, так и версию с употреблением *dolo* о предательстве Арбогаста, не использованную Проспером в «*Epitoma Chronicon*».

Источник, содержащий данные элементы (*laqueo*, *mortuo Valentiniano*, *dolo*), в дальнейшем будет обозначен литерой (b). Если же подводить общий итог для параллельных фрагментов № 3, то относительно версий «второй редакции» можно сказать следующее: как и ранее, СС содержат самый ранний вариант (I), который позже был дополнен информацией об Арбогасте, имеющейся у всех прочих авторов (II). Несмотря на то, что в данной строке № 3 ничто не указывает на более позднее появление версий «второй редакции» Идация и Проспера, однако ничто и не противоречит прежнему выделению нами их группы (III) как самой поздней на основе упоминания Арбогаста в строке № 1.

После записи Идация о смерти Феодосия I (Н. 22) и о начале правления Аркадия и Гонория (Н. 23) в 395 г. консульский источник галисийца перестает содержать светские сведения в отношении последующих де-

вяти лет. В силу изолированности Идация не удивительно, что он имел единственный источник о событиях того периода, и когда этот источник оказался исчерпан, информативность хроники галлсийца значительно уменьшилась. Такое наблюдение дает нам основание говорить о 395 г. как о времени создания последней версии «второй редакции». У Идация следы источника (b) отсутствуют. Значит, объединение (b) с консулярия-ми «второй редакции» произошло уже после.

Так, мы можем выделить следующие группы, возникшие между 395 г. и 417 г. (годом окончания «Истории против язычников»):

1. Группа (IIb), версию которой использовал Орозий.
2. Группа (IIIb), версию которой видим у Проспера.

После 417 г. можно отметить редакцию (IIb') для Галльской хроники 511 г. и хроники Марцеллина, где происходит замена *laqueo* на *strangulatus*, а также отсутствует *mortuo Valentiniano*.

Группу, к которой относятся Галльская хроника 452 г. и «*Epitome de Caesaribus*», мы обозначим как (IIa). Литера (a) не подразумевает при этом объединение с каким-то сторонним материалом и служит для обозначения обособленности их редакции, которая относится к концу IV в., не позднее создания самой «*Epitome de Caesaribus*».

Сообщения рассматриваемых нами текстов о смерти Евгения в основном довольно краткие (P. 1203; H. 21; G5. 13; Or. 7.35.19; G430; EP. 48.7; FV. 394; SS. 392.2; MC. 394). Опираясь на текст Идация, можно реконструировать то, какой вид имел этот сюжет в версиях группы (III): *Eugenius a Theodosio Augusto superatus occiditur* (H. 21). Эту запись отличает от аналогичной в SS лишь наличие причастия *superatus*, которое присутствует и в тексте Галльской хроники 452 г. в форме *superato*. Мы можем отнести это причастие к дополнению, появившемуся в текстах группы (II).

Схожесть текстов Орозия (Or. 7.35.19) и Марцеллина (MC. 394) никак не связана с использованием консулярий и объясняется тем, что константинопольский хронист непосредственно обращался к «Истории против язычников». Источник же самого Орозия установить невозможно: автор при описании смерти Евгения и Арбогаста оригинален. Единственная сюжетная параллель обнаруживается с греческим текстом «Церковной истории» Сократа Схоластика.

Для версий консулярий ранее выделенных нами групп (IIb, IIb', IIIb), можно обнаружить схожий для всех глагол в разных словоформах: *vincit* (P. 1203), *vicit* (G5. 13), *victus* (MC. 394) и *vincitis* (RufAqu. Hist. eccl. 2(11).33). Мы вновь определяем это общее место дополнением из источ-

ника (b), как *dolo, laqueo* и *mortuo Valentiniano*, так как оно встречается в той же группе текстов.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренные сообщения за период 388–395 гг. свидетельствуют о создании до 395 г. на Западе трех ветвей «второй редакции». Текст СС определяется нами наиболее ранней версией «второй редакции» (I), что объяснимо и его скорым перемещением в Африку. Кроме того, выделяются две более поздние группы (II) и (III), последняя из которых используется как Проспером, так и Идацием, и, возможно, имеет южно-галльское происхождение. Версии консулярии Галльской хроники 452 г. и «*Epitome de Caesaribus*» образуют обособленную линию группы (II), обозначенную нами как (IIa) и появившуюся в конце IV в. Вместе с тем прослеживается наличие более поздней вставки в текстах «второй редакции» в виде материала стороннего источника (b), имеющего пересечение с «Церковной историей» Руфина Аквилейского. Так, в период с 395 по 417 гг. появились редакции консулярий Орозия и Проспера, (IIb) и (IIIb), а после 417 г.— Марцеллина комита и Галльской хроники 511 г. (IIb’).

Список источников и литературы

1. *Consularia Constantinopolitana* / Ed. by T. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1.* Berlin: Weidmann, 1892. P. 197–247.
2. *Consularia Italica* / Ed. by T. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1.* Berlin: Weidmann, 1892. P. 249–341.
3. *Burgess R. W.* *Mosaics of time: the Latin chronicle traditions from the first BC to the sixth century AD. Vol. 1* / R. W. Burgess, M. Kulikowski. Brepols, 2013. 444 p.
4. *Humphries M.* *Chronicle and chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography* // *Early Medieval Europe.* 1996. No. 5(2). P. 155–175.
5. *Muhlberger S.* *The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452.* Leeds: Francis Cairns Publications, 1990. 329 p.
6. *Скворцов А. М.* Хроника Проспера Аквитанского: проблема редакций и источники // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2021. № 2. С. 94–105.
7. *Seeck O.* *Idacius und die Chronik von Constantinopel* // *Jahrbücher für classische Philologie.* 1889. No. 35. s. 601–635.
8. *Burgess R. W.* “Non duo Antonini sed duo Augusti”: The Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire / R. W. Burgess // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2000. Bd. 132. P. 259–290.

9. *Burgess R. W.* Hydatius: A Late Roman Chronicler in Post-Roman Spain: D. Phil. thesis. University of Oxford, 1988. Vol. 1. 306 p.
10. *Burgess R. W.* The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: two Contemporary Accounts of the Final Years of the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1993. 251 p.
11. *Prosper Tironis.* Epitome chronicon / Ed. by T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. P. 341–499.
12. *Hydatii Lemici.* Continuation chronicorum Hieronymianorum / Ed. by T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. XI. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1894. P. 1–36.
13. The Gallic Chronicle of 452: a New Critical Edition with a Brief Introduction / Ed. by R. Burgess // Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources / Ed. R. W. Mathisen, D. Schanzer. Aldershot: Ashgate Pub., 2001. P. 52–84.
14. Chronicon Gallica a CCCCLII a DXI / Ed. by T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. IX. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. P. 615–667.
15. *Paulus Orosius.* Historiae adversum paganos. Liber VII [Электронный ресурс]. URL: https://la.wikisource.org/wiki/Historiae_adversum_paganos/VII (дата обращения: 28.01.2023).
16. Epitome de Caesaribus abscriptum Aurelio Victori [Электронный ресурс]. URL: https://la.wikisource.org/wiki/Epitome_de_Caesaribus (дата обращения: 28.01.2023).
17. *Marcellini V. C. comitis.* Chronicon / ed. T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. XI. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1894. P. 37–104.
18. *Козлов А. С.* Fasti (Consularia) Vindobonensis как хроника // Античная древность и Средние века. 2018. Вып. 46. С. 10–32.
19. *Eusebius.* The Church History: A New Translation with Commentary / Ed. by P. L. Maier. Grand Rapids: Kregel, 1999. 412 p.

УДК 94 (410) “1066/1154”

Лазарев С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант
E-mail: lazarevsergey01@gmail.com, st078055@student.spbu.ru

Первое житие Эдуарда Исповедника: текст и контекст

Аннотация. Данная статья представляет собой комплексный анализ агиографического сочинения «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере». Внимание автора сосредоточено на изучении даты, авторства и цели создания первого жития Эдуарда Исповедника. Кроме того, в ходе исследования была проанализирована дискурсивная двусмысленность источника.

Ключевые слова: Эдуард Исповедник, святость, агиография, житие.

Lazarev S. S.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Post-graduate student
E-mail: lazarevsergey01@gmail.com, st078055@student.spbu.ru

The First Life of Edward the Confessor: Text and Context

Abstract. This article is a complex analysis of the hagiographic work “The Life of King Edward who rests at Westminster”. The author’s attention is focused on the study of the date, authorship and purpose of creating the first life of Edward the Confessor. In addition, the author analyzed the discursive ambiguity of the source.

Keywords: Edward the Confessor, sainthood, hagiography, life.

Одним из самых известных английских королей является Эдуард Исповедник, при жизни отличавшийся глубоким благочестием, которое стало основанием для его канонизации в 1161 г. папой Александром III. Во время правления династии Плантагенетов Эдуард Исповедник превратился в королевского святого, а место его захоронения стало главной святыней Вестминстерского аббатства. Но процесс формирования образа святого короля Эдуарда Исповедника был непростым и длительным, его изучение требует обращения к ранним источникам, повествующим о жизни короля. Одним из самых сложных и важных источников о жизни Эдуарда

Исповедника является его первая биография «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере» (далее — «Житие»), ставшая основой для последующих агиографических сочинений.

Текст «Жития» написан на латинском языке и сохранился в единственной рукописи начала XII в. (Harley MS526), которая находится в Британской библиотеке [1]. Рукопись состоит из 20 листов, при этом два листа, а возможно и больше, были потеряны, лишив нас рассказа о браке Эдуарда Исповедника с Эдитой и ранней версии некоторых чудес, но их частично реконструировал Ф. Барлоу [2, р. 21–26, 96–115]. Основной текст выполнен коричневатыми чернилами, инициалы выделены зелеными, красными и синими чернилами, а рубрики и заглавные буквы — красными и зелеными чернилами. Тип письма рукописи — ранний готический, что видно по букве *o*, которая скорее выглядит как ромб, а не круг. Первым известным владельцем рукописи был Ричард Бэнкрофт, казначей собора Святого Павла, каноник Вестминстерского аббатства, епископ Лондона, а с 1604 г. архиепископ Кентерберийский. Такой вывод можно сделать благодаря надписи, датируемой позднее текста самой рукописи: «для доктора Бэнкрофта» [1, Fol. 57v]. Затем рукопись переходила из рук в руки несколько раз, пока не попала в библиотеку Харли. Через некоторое время Эдвард Харли завещал библиотеку своей жене Генриетте Кавендиш и дочери Маргарет Кавендиш-Бентинк, которые продали ее за 10 тыс. фунтов стерлингов в 1753 г. в соответствии с парламентским «Актом о Британском музее» (26 Geo. II) [3, р. 21–22].

Первой проблемой, с которой сталкивается историк при изучении «Жития», является дата его создания. М. Блок датировал «Житие» по единственной рукописи началом XII в. [4, р. 17–44]. Но в 1943 г. Р. Сазерн опроверг это утверждение, указав, что анонимный автор не мог работать после 1070 г., поскольку он писал о Стиганде, которого низложили в апреле того года, как о действующем архиепископе. По мнению Р. Сазерна, данный труд был написан в течение года после смерти Эдуарда Исповедника [5, р. 385–386]. Позднее Э. Хенингем подтвердила гипотезу Р. Сазерна, отметив, что монах Вестминстерского аббатства Сулькард, работавший в 1070-х гг., был знаком с этим житием [6, р. 450–454]. Ф. Барлоу предположил, что «Житие» было написано в два приема между 1065 и 1067 гг. [2, р. XXV–XXX], на что намекает следующая фраза из жития: «*Долгий отдых пера разрушает остроту ума*» [*Longa quies calami dissolvit mentis acumen*] [1, Fol. 38r]. С этой теорией был согласен и С. Кернер, хотя он предположил, что «Житие» было создано после нормандского завоевания, между 1067 и 1072 гг. [7, р. 36]. Э. Хенингем, вернувшаяся снова к этому

сюжету почти через 30 лет, уточнила датировку С. Кернера, указав на интервал между концом 1068 г. (после коронации Матильды Нормандской английской короной) и началом 1070 г. (до низложения Стиганда) [7, р. 34]. Таким образом, в историографии установился консенсус о том, что период создания «Жития» ограничивается концом 1060-х — началом 1070-х гг., хотя и существуют дискуссии о точных хронологических границах.

Также неизвестен автор «Жития». Исследователи склонны видеть в анонимном авторе приближенного королевы Эдиты, у которого она заказала это произведение. Вероятно, этим приближенным был клирик или монах. Ф. Барлоу предположил, что автор «Жития» мог быть выходцем из Фландрии. Лучше всего, по мнению исследователя, подходят два монаха из бенедиктинского монастыря Св. Бертена в Сент-Омере — Госцелин и Фолькард, которые пользовались особым покровительством королевы [9, р. 257]. Ф. Барлоу, С. Кейнс и Р. Лав утверждали, что наиболее вероятным автором был Фолькард [2, р. XLVI–LII; 10, р. 204–207]. Но это не означает, что могут быть исключены другие авторы, хотя появляется все больше доказательств, что Госцелин не был автором. Особенности лексики, когда-то считавшиеся типичными для работ Госцелина, в том числе составные прилагательные, оканчивающиеся на *-cola*, *-fluus*, *-gena*, а также агентивные существительные женского рода с окончанием *-rix*, теперь известны в работах Фолькарда, Дрого из Сент-Виноксбергена и других авторов с таким же уровнем образования [11, р. 275]. Например, в тексте «Жития» [1, Fol. 48r, 47r] и в сочинении Фолькарда [12, р. 604, 608] можно найти одинаковые прилагательные: *christicola* и *nubigena*. Кроме того, в тексте «Жития» используются агентивные существительные: *amatrix*, *voratrix* [1, Fol. 41r] и *moderatrix* [1, Fol. 43r], а у Фолькарда *genitrix* [13, р. 298].

Хотя данные примеры не могут подтвердить, что Фолькард был автором «Жития», есть и другие свидетельства, указывающие на его авторство. Том Лайсенс в своем исследовании отметил, что в тексте «Жития» пять раз встречается редкое существительное *munificentia* для обозначения королевской щедрости [12, р. 278]. Фолькард использует данное существительное в аналогичном значении: «*antiquis coenobiis, opibus regiae constructis munificentiae*» [древним монастырям, созданным богатствами королевской щедрости] [13, р. 610]. В основном это существительное встречается в значении небесной или божественной щедрости, что можно встретить, например, дважды у Беда Достопочтенного [15, р. 339] и один раз у Госцелина в «Чудесах святого Эдмунда» [16, р. 220]. Но этот аргумент достаточно слабый, так как Т. Лайсенс при анализе этого термина использовал не весь корпус текстов Госцелина. В одном из его агиографических

сочинений можно встретить словосочетание *regali munificentia*, которым автор описывает щедрость короля Эдгара и подтверждение древних даров аббатства Баркинг аббатисе Вульфхильде [17, р. 17].

Другим аргументом, который может свидетельствовать об авторстве Фолькарда, является использование восклицания *proh dolor*, встречающееся пять раз в «Житии» и дважды у Фолькарда, при этом один раз с *nimis* и прерыванием в обоих сочинениях. В тексте «Жития» это выглядит следующим образом: «*citius ad sacramenta nimis proh dolor prodigus*» [*слишком на клятвы, увы, расточительный*] [1, Fol. 51v], при этом в критическом издании под редакцией Ф. Барлоу восклицание *proh dolor* было взято в круглые скобки. А у Фолькарда: «*irruentem, proh dolor!, nimis familiarem lirit*» [*несущийся (увы!) слишком знакомый волк*] [18, р. 240]. Необходимо отметить важное замечание Т. Лайсенса о том, что не каждый автор на латинском Западе использовал восклицание *proh dolor*. Помимо этого, *proh dolor* редко прерывает предложение; обычно это восклицание стоит в начале или конце предложения, и ни один автор не использует его с *nimis*, хотя такое соседство встречается в «Похвале королеве Эмме» (*Encomium Emmae reginae*), с которой был знаком автор «Жития» [11, р. 279]. Таким образом, анализ языка «Жития» и корпуса Фолькарда побуждает сделать вывод о том, что Фолькард является более вероятным автором первого жития Эдуарда Исповедника, хотя нельзя исключать возможность, что автором мог быть и кто-то другой. Кроме того, ни один из исследователей, упомянутых ранее, не рассматривал возможность того, что текст мог быть написан коллективом авторов.

Еще одной сложностью «Жития» является дискурсивная двусмысленность текста, которая подталкивает к вопросу о том, с какой целью был написан данный труд. Если обратиться к источнику, то увидим, что «Житие» состоит из 16 глав, в которых чередуются стихи и проза. Тематически текст распадается на две условные части: «историческую» и «агиографическую». Обе эти части предваряют диалоги между поэтом и его Музой. В первом диалоге автор указывает, что его целью было написание хвалебного гимна (*laudes*) в честь королевы Эдиты, чтобы прославить ее близких родственников [1, Fol. 38v].

В «исторической» части труда автор неоднократно подчеркивает заслуги династии Годвинсонов перед английской монархией. Примером может быть описание событий, в результате которых Эдуард Исповедник вззошел на трон: «*Когда по милости Божьей для англичан, так долго страдавших под гнетом варваров, наступил год празднования их искупления, эрл Годвин, о котором я уже упоминал, взял на себя инициативу и призвал к тому,*

чтобы они [знать] призвали своего короля на трон, принадлежавший ему по праву рождения, а поскольку все считали Годвина своим отцом, его с радостью услышали в витенагемоте» [*Præeunte ergo gratuita Dei clementia, reducto diu afflictis Anglis barbarica servitute redemptionis suae jubelaeo, instat potissimum supradictus dux Godwinus, ut regem suum recipiant in nativi juris sui throno; et quoniam pro patre ab omnibus habebatur, in paterno consultu libenter audiebatur*] [1, Fol. 39v]. Весьма примечательно, что хотя Эдуард Исповедник имел право занять трон по праву рождения, именно Годвин подготовил почву для его возвращения. Кроме того, автор пишет, что сыновья Годвина были верными защитниками королевства, их доблесть гарантировала мирное правление короля, а королева Эдита, дочь Годвина, была наимудрейшим и бескорыстным советником короля, заботясь о его интересах, поэтому пока Эдуард Исповедник следовал совету этой семьи, в королевстве царили мир и порядок [1, Fol. 41r-41v].

После смерти эрла Годвина его место занимает Гарольд. Смерти Годвина и, в первую очередь, тому, как общество было поражено горем, посвящено всего несколько предложений. В последний раз автор упоминает, что Годвин был отцом и защитником английского народа. Королевство быстро смирилось со своей потерей, потому что за кулисами ждал наследник. Теперь благосклонность переходит к Гарольду, старшему и одновременно более мудрому сыну. Гарольд наследует графство, что стало всеобщим облегчением и утешением для англичан [1, Fol. 45v]. После этого идет описание Тостига, другого сына Годвина, который занял высокое положение среди знати: «И Тостиг, человек мужественный, наделенный большой мудростью и проницательностью ума, с помощью своих друзей, а особенно и заслуженно своего брата, эрла Гарольда, и своей сестры королевы, без сопротивления со стороны короля благодаря бесчисленным добросовестно оказанным услугам принял свое графство [Нортумбрия]» [*Agentibusque amicis potissimum autem et pro merito hoc ejus fratre. Haroldo duce et ejus sorore regina, et non resistente rege ob innumera ipsius fideliter acta servitia, ducatum ejus suscepit Tostinus; vir scilicet fortis et magna prae-ditus animi sagacitate et sollertia*] [1, Fol. 45v]. Как видно, Годвинсоны, завладев большими территориями королевства и заняв высокое положение среди знати, окружили Эдуарда Исповедника. Можно выдвинуть две версии случившегося. Либо король отказался от попыток избавиться от Годвинсонов, поняв, что многие люди в королевстве были на их стороне, либо он надеялся, что они будут полностью верны ему и королевству, так как однажды оно перейдет к одному из них. Именно последняя версия прослеживается в тексте «Жития»: «Итак, эти знатные люди сделали

королевство безопасным со всех сторон, и любезнейший король Эдуард прожил свою жизнь в безопасности и мире» [*Regno igitur his principibus undique confirmato, benignissimus rex Aedwardus vitam agebat in securitate et quiete*] [1, Fol. 48r]. Но король и не подозревал, что братья — Гарольд и Тостиг — пойдут друг против друга.

Далее автор «Жития» сосредотачивается на восстании в Нортумбрии в 1065 г., при этом описание события отличается от других источников, например, от хроники Иоанна Вустерского. В «Житии» утверждается, что причиной восстания была местная знать. Пока Тостиг был при дворе короля, мятежники ворвались в его дом, убили многих рыцарей и опустошили его владения [1, Fol. 51r]. Автор также написал о том, что магнаты королевства утверждали, что организатором восстания был Гарольд, с чем сам он не согласен: «*Но я не смею и не хочу верить, что такой правитель виновен в таком гнусном злодеянии против своего брата*» [*Sed ego huic detestabili nequitiae a tanto principe in fratrem suum non audeo nec vellem fidem adhibere*] [1, Fol. 51v]. Тем не менее, автору приходится признать наличие самих подозрений и включить их в свой текст. По мнению Дж. Л. Грасси, единственная причина такого поступка автора заключалась в том, что Тостиг публично обвинил Гарольда в нелояльности перед королем, хотя он оправдал себя клятвой [18, р. 98]. В хронике Иоанна Вустерского утверждается, что Тостиг способствовал несправедливости и действовал как тиран, взимая сверхвысокие налоги и убивая многих представителей нортумбрийской знати, поэтому народ не собирался сидеть сложа руки [19, р. 598–599]. «Историческая» часть «Жития» заканчивается описанием того, как восстание в Нортумбрии стало причиной ссоры братьев и смерти Эдуарда Исповедника. Именно с этого момента начинает разрушаться замысел автора о прославлении династии Годвинсонов [1, Fol. 51v–52r]. Таким образом, автору приходится менять вектор своего повествования, и он обращается к описанию религиозной жизни Эдуарда Исповедника, что составляет «агиографическую» часть анализируемого сочинения, хотя и в ней немало упоминаний о династии Годвинсонов.

Во втором диалоге между поэтом и Музой дается объяснение тематического изменения текста «Жития». Поэт жалуется Музе, что она его обманула и ввела в заблуждение. Все его труды пропали даром, ибо короли, эрлы и его лорды, которых он намеревался прославить, мертвы, а история об этой катастрофе никак не может понравиться королеве. Но Муза укоряет его за беспричинное отчаяние и показывает, как преодолеть трудности. Она сообщает о том, что его перо ожидает более благородная тема: описание добродетелей и святости Эдуарда Исповедника. Поэт принял

этот совет и написал о чудесах, которые совершил король как при жизни, так и после смерти [1, Fol. 52r-54r]. Вместе с чудесами автор упоминает и видения Эдуарда Исповедника, признаваясь, что сам он не был свидетелем. Особый интерес представляет видение Эдуарда Исповедника на смертном одре, которое было записано ближе к концу текста. В этом видении королю являются два монаха, которых он знал во время изгнания в Нормандии. Они сообщили ему, что через год и день после его смерти королевство окажется в руках врага, а на народ Англии обрушится гнев Божий. Король спросил, есть ли спасение для Англии, и монахи ответили, что единственным источником надежды является зеленое дерево, которое должно зацвести и принести плоды, когда его две разрубленные посередине и отнесенные на три фарлонга (единица измерения расстояния) друг от друга части по своей воле сростутся [1, Fol. 55r-55v]. Следует отметить, что это знаменитое видение впоследствии войдет в другие агиографические сочинения об Эдуарде Исповеднике и будет в руках Плантагенетов тем аргументом, который легитимизирует их претензии на английский престол [20, с. 172–173].

Интересно, что наличие неоднородного жанрового повествования побудило Ф. Барлоу в своем критическом издании разделить текст на две части, каждую из которых предваряет схожий стихотворный пролог в виде диалога между поэтом и его Музой [2, р. 2–9, 84–91], о которых упоминалось ранее. Но в тексте рукописи отсутствует деление текста на две части, поэтому не все исследователи согласны с Ф. Барлоу. Э. Хенингем в своем исследовании подчеркивала, что царствование Эдуарда Исповедника было главной литературной целью, которая формирует текстуальное единство источника [8, р. 27–28, 32], но в то же время параллельным прологам в виде элегических стихов не было уделено большого значения. Позднее к аналогичным выводам пришла в своей монографии П. Стафффорд, которая отметила, что текст связан одной объединяющей темой, что исключает разделение как по содержанию, так и по времени [21, р. 41].

Но размышления о текстуальном единстве источника не отменяют вопрос о тематической переработке текста «Жития» и его неоднородной жанровой природе. Ф. Барлоу в своей монографии пришел к выводу, что особой целью «Жития» было заявление о том, что Эдита пыталась реализовать свои политические амбиции и стать преемницей Эдуарда Исповедника или, возможно, обеспечить безболезненный переход к власти другого короля. Наиболее вероятным кандидатом мог быть Эдгар Этелинг [9, р. 299–300]. Возможно, другой причиной обращения автора к истории Эдуарда Исповедника было его стремление дать королеве Эдите утешение

в вере в святость своего мужа, на что намекают неоднократные повторы во второй части сюжетов из первой и нежелание автора закончить свой труд трагической гибелью братьев королевы и утратой политического могущества династии Годвинсонов.

Подводя итоги, можно заключать, что «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере» является уникальным и сложным источником. По прошествии более девяти столетий с того времени, как был написан этот текст, невозможно полностью и с большой ясностью ответить на вопросы, затрагивающие проблемы датировки, авторства и истинных целей «Жития». Особой сложностью текста «Жития» является его дискурсивная двусмысленность, что делает это сочинение квазиагиографическим по своей жанровой природе, о чем свидетельствуют непропорциональные объемы повествования двух условных частей источника и то, что автор уделяет больше внимания династии Годвинсонов, нежели жизнеописанию Эдуарда Исповедника. Но непререкаемая важность данного источника состоит в том, что он доносит свидетельства, которые являются единственными в своем роде при сопоставлении с другими источниками, созданными в тот же период времени, а также первым начинает конструировать образ святого короля Эдуарда Исповедника. Последующие агнографы короля, такие как Осберт из Клера и Элред из Риво, прямо или косвенно использовали текст «Жития» для создания своих собственных сочинений, формируя основные элементы роялистского мифа, в котором Эдуард Исповедник занял центральное место.

Список источников и литературы

1. *Vita Ædwardi regis qui apud Westmonasterium requiescat*. London, British Library, Harley MS526, ff. 38r-57v.
2. *The Life of King Edward who Rests at Westminster* / Ed. by F. Barlow. Oxford: Clarendon Press, 1992. 172 p.
3. *Acts and votes of Parliament relating to the British Museum: with the statutes and rules thereof, and the succession of trustees and officers*. London: Printed by Cox and Baylis, 1814. 126 p.
4. *Bloch M. La vie die S. Édouard le Confesseur par Osbert de Clare* // *Analecta Bollandiana*. 1923. Vol. XLI. P. 5–131.
5. *Southern R. W. The First Life of Edward the Confessor* // *The English Historical Review*. 1943. Vol. 58. P. 385–400.
6. *Heningham E. K. The Genuineness of the Vita Æduuardi Regis* // *Speculum*. 1946. Vol. 21. No. 4. P. 419–456.
7. *Körner S. The Battle of Hastings, England, and Europe, 1035–1066*. Lund: Cleerup, 1964. 303 p.

8. *Heningham E. K.* The Literary Unity, the Date, and the Purpose of the Lady Edith's Book: "The Life of King Edward Who Rests at Westminster" // *Albion*. 1975. Vol. 7. No. 1. P. 24–40.
9. *Barlow F.* Edward the Confessor. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1970. 375 p.
10. *Keynes S.* Love R. Earl Godwine's ship // *Anglo-Saxon England*. 2009. Vol. 38. P. 185–223.
11. *Licence T.* The date and authorship of the Vita Ædwardi regis // *Anglo-Saxon England*. 2015. Vol. 44. P. 259–285.
12. Folcardo. Vita sancti Bertini // *Acta Sanctorum*. Septembris. Vol. 2 / Ed. by J. Stilingo, J. Limpeno, J. Veldio, C. Suyskeno. Paris, Romae: Victorem Palme, 1868. P. 604–613.
13. Vita sancti Vigoris // *Acta Sanctorum*. Novembris. Vol. 1 / Ed. by c. de Smedt, G. van Hoof, J. de Backer. Paris: Victorem Palme, 1887. P. 297–305.
14. *Jones P. F.* A Concordance to the Historia Ecclesiastica of Bede. Cambridge, MA: the Medieval Academy of America, 1929. 585 p.
15. Herman the Archdeacon and Goscelin of Saint-Bertin, Miracles of St Edmund / Ed. by T. Licence. Oxford: Clarendon Press, 2014. 538 p.
16. *Esposito M.* La vie de Sainte Vulfhilde par Goscelin de Cantorbéry // *Analecta Bollandiana*. 1913. Vol. 32. P. 10–26.
17. Folcardo. Vita sancti Johannis, episcopi Eboracensis // *The Historians of the Church of York and Its Archbishops*. Vol. 1 / Ed. by J. Raine. London: Longman & Co., 1879. P. 239–260.
18. *Grassi J. L.* The Vita Ædwardi Regis: the hagiographer as insider // *Anglo-Norman studies XXVI: Proceedings of the Battle Conference 2003* / Ed. by J. Gillingham. Boydell Press: Woodbridge, 2004. P. 87–102.
19. The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2: The annals from 450 to 1066 / Ed by. R. R. Darlington, P. McGurk, J. Bray. Oxford: Clarendon Press, 1995. 717 p.
20. *Лазарев С. С.* Эдуард Исповедник vs. Томас Бекет: культуры святых в контексте борьбы церковной и светской власти в Англии XI–XII веков // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVIII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 ноября 2018 г.)* / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб: Скифия-принт, 2018. С. 170–175.
21. *Stafford P.* Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England. Oxford: Blackwell, 1997. 371 p.

УДК 94

Кравченко И. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: irina.kravchenko@student.msu.ru

«Esmeraldo de Situ Orbis» Дуарте Пашеку Перейры: источниковедческий взгляд

Аннотация. В статье рассматриваются особенности «Esmeraldo de Situ Orbis», исторического источника, созданного в начале XVI в. португальским мореплавателем Дуарте Пашеку Перейрой. Особое внимание уделяется проблеме названия и жанровой принадлежности сочинения, а также источникам информации, послужившим основой для его создания.

Ключевые слова: «Esmeraldo de Situ Orbis», Дуарте Пашеку Перейра, эпоха Великих географических открытий, источниковедение.

Kravchenko I. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: irina.kravchenko@student.msu.ru

“Esmeraldo de Situ Orbis” by Duarte Pacheco Pereira: source study view

Abstract. The article discusses the features of “Esmeraldo de Situ Orbis”, a historical source created at the beginning of the 16th century by the Portuguese navigator Duarte Pacheco Pereira. Special attention is paid to the problem of the title and genre of the composition, as well as the sources of knowledge that served as the basis for its creation.

Keywords: “Esmeraldo de Situ Orbis”, Duarte Pacheco Pereira, the Age of Discovery, source study.

«Esmeraldo de Situ Orbis» [1], обширный труд по географии, космографии и истории Великих географических открытий, был создан португальским мореплавателем и военачальником Дуарте Пашеку Перейрой в 1505–1508 гг. Написанная под девизом «*опыт — мать всех вещей*» [*a experiênciа é a madre das cousas*] [1, p. 7] книга отразила в себе знания и умения автора, полученные им в результате участия во многих заморских экспедициях.

Изучение особенностей «*Esmeraldo de Situ Orbis*» целесообразно начать с рассмотрения биографии его создателя, ведь именно эпоха и присущие ей интеллектуальные традиции, образование и занятия автора обуславливают своеобразие и неповторимость исторического памятника.

Несмотря на некоторые лакуны в биографии Пашеку Перейры, о его жизни и деятельности мы знаем достаточно много, в том числе благодаря хотя и разрозненным, но в то же время очень точным и ярким сведениям, представленным непосредственно в самой книге. Детальные биографические справки, предваряющие различные издания источника и основанные на привлечении ряда дополнительных материалов, знакомят нас со многими интересными фактами, касающимися жизни португальского мореплавателя. Известно, что Дуарте Пашеку Перейра родился в Лиссабоне [1, р. 40, 101] в знатной семье, принадлежавшей к старинному португальскому роду Пашеку. Точная дата его рождения остается загадкой для историков, однако мы вслед за некоторыми исследователями [2, р. V; 3, р. XIII; 1, р. XIV] склонны полагать, что будущий мореплаватель родился примерно в середине XV века. С юности Пашеку Перейра находился при королевском дворе, исполняя различные поручения королей Жуана II и Мануэла I, относящиеся, в том числе, к заморским экспедициям и военным кампаниям. В 1471 году он принимал участие во взятии Танжера и Асилы [1, р. 60], а в 1482 году отправился на западное побережье африканского континента, где в то время велось строительство португальского форта Сан-Жоржи-да-Мина [1, р. 2, 68–70]. В 1498 году Пашеку Перейра отправился в секретную экспедицию, организованную Мануэлом I с целью открытия новых земель в Западном полушарии. Об этом предприятии мореплаватель также пишет в своем сочинении, отмечая, что его результатом должно было стать исследование огромного массива территорий [1, р. 7].

Позже мореплаватель в составе экспедиции Афонсу де Албукерке отправился в Индию, где вскоре после своего прибытия разбил флот правителя Каликута [4, р. 220; 3, р. XIII–XIV]. Несмотря на то, что Албукерке предоставил Пашеку Перейре малую часть своей армии, последнему все же удалось отстоять португальскую факторию Кочин от посягательств на нее индусского саморина. Проведя два года в военных походах в Индии, отважный португалец вернулся на родину, где был удостоен всевозможных почестей и наград, ведь известия о его успехах дошли до папы Юлия II и европейских правителей. Получив королевскую пенсию, Пашеку Перейра занялся написанием своего главного труда «*Esmeraldo de Situ Orbis*».

Важным в контексте комплексного анализа источника становится также вопрос о его названии. Состоящее из двух частей и неоднозначное

в своих трактовках, название труда стало объектом пристального внимания всех исследователей, работавших с источником. Происхождение второй из частей названия, *de Situ Orbis*, не вызывает сомнений у историков — Пашеку Перейра вдохновлялся одноименной работой античного географа Помпония Мелы [4, р. 5], на которую он неоднократно ссылается [1, р. 1, 8, 35]. Первая же часть названия вызвала немало дискуссий среди ученых. Дж. Кимбл, издатель источника на английском языке, предполагает, что название книги связано с испанским словом *esmerado*, которое он переводит как «гид», «путеводитель» (англ. *guide*) [3, р. XVIII]. Труд Пашеку Перейры действительно можно назвать путеводителем, однако обращение к словарям разного типа позволило нам установить, что слово *esmerado* хотя и существует в испанском языке, переводится совершенно иначе. Словарь Королевской академии испанского языка дает следующее определение: «*esmerado — que se esmera*» [*тот, кто старается*] [5], в то время как глагол, от которого образовано это существительное, трактуется так: «*esmerar — extremarse, poner sumo cuidado en ser cabal y perfecto*» [*усердствовать, работать с особой тщательностью для точности и совершенства*] [6]. Определение, подобное этому, а также некоторым другим однокоренным словам мы находим и в Первом этимологическом словаре испанского языка, составителем которого является Д. Роке Барсия [7, р. 506]. Таким образом, непосредственной связи между «путеводителем» и предложенными в словарях трактовками нет, а, значит, предложенная Дж. Кимблом версия является маловероятной.

По мнению Л.П. да Сильвы, слово *esmeraldo* представляет собой анаграмму, состоящую из букв, входящих в имена самого Пашеку Перейры и короля Мануэла I, которому и было посвящено сочинение [8, р. 182]. Таким образом, из *Emmanuel* и *Eduardus* (формы имен *Manuel* и *Duarte*) должна была быть составлена первая часть названия, для чего потребовалось бы 8 разных букв, в то время как в сумме в двух именах их значительно больше. К тому же, как считает Дж. Кимбл, Пашеку Перейра не осмелился бы «смешивать» свое имя с именем благороднейшего монарха [3, р. XVIII].

По одной из наиболее простых с точки зрения расшифровки версий, *esmeraldo* является ничем иным, как итальянским словом *smeraldo* (порт. и исп. *esmeralda — «изумруд»*). Подобная трактовка вызвала ряд других предположений. Так, например, Л. Гомеш считает, что использованное в названии слово *smeraldo* имеет связь со словом *pachec*, которым в Индии именовался драгоценный камень. Это созвучие с фамилией, как считает исследователь, позволило Пашеку Перейре назвать свой труд именно так, переведя слово *pachec* на итальянский язык [9, р. 346]. Возникает вопрос:

почему мореплаватель использовал именно этот язык, а не родной для него португальский? Применительно к данному случаю ответ остается неизвестен. Ж. Баррадаш де Карвалью также считает, что название труда связано с итальянским *smeraldo*, однако по другой причине. Из текста источника видно, что Пашеку Перейра вдохновлялся трудами античных ученых, среди которых важное место принадлежит не только уже упомянутому нами сочинению Помпония Мелы, но и «Естественной истории» Плиния Старшего [1, р. 1, 9]. Наиболее вероятно, что португальский мореплаватель пользовался итальянским переводом этого труда, выполненным Кристофоро Ландино. В одной из последних книг «Естественной истории» речь идет о драгоценных камнях, в том числе и об изумруде (лат. *smaragdus*, ит. *smeraldo*), итальянское наименование которого и стало частью названия книги Пашеку Перейры. Таким образом, заглавие «*Esmeraldo de Situ Orbis*» является отсылкой к двум наиболее интересным для автора сочинениям Античности [9, р. 346–347].

Мы не придерживаемся какой-либо из представленных выше точек зрения, каждая из них имеет свои ограничения, некоторые из них, как нами было выяснено, являются маловероятными. Каждый ученый, работавший с этим источником, пытался дать собственную трактовку его названию, однако окончательно тайна (порт. *o enigma*), как охарактеризовал эту проблему Ж. Баррадаш де Карвалью [9, р. 339], еще не разгадана.

Неоднозначным является также вопрос жанровой принадлежности источника. Сочинение Дуарте Пашеку Перейры нельзя отнести к какому-либо одному виду литературного творчества — «*Esmeraldo de Situ Orbis*» сочетает в себе черты научного трактата, хроники, мемуаров, лоции (книги, используемой в судовождении и представляющей собой описание океанов, морей и прибрежной зоны) и, по словам самого автора, «книги по космографии и морскому делу» [*livro de cosmografia e marinaria*] [1, р. 4]. Некоторые исследователи называют «*Esmeraldo de Situ Orbis*» атласом и путеводителем [10], так как изначальный манускрипт содержал в себе более трех десятков карт и зарисовок местности, которые не сохранились до наших дней — в тексте источника мы находим лишь указания на них в виде фраз «*aqui tava*», «*pusémos aqui um tava*», «*pusémos aqui pintado*»; до нас дошли только сделанные мореплавателем таблицы широт различных городов, поселений и географических объектов [1, р. 11–16]. Необходимо отметить, что книга изобилует большим количеством точных описаний, маршрутов, предостережений, касающихся тех или иных опасностей при плавании в открытом море, то есть всем тем, что было бы полезно для следующих поколений мореплавателей [1, р. 24]. Несмотря на это,

сочинение Дуарте Пашеку Перейры лишено стройности изложения — так, например, повествование о способе добраться до какого-либо географического объекта смешивается со сведениями о торговле, рассуждениями о вере, описанием народов, здесь живущих, заметками о различных исторических событиях. Однако все это также могло быть полезно для путешественников, не просто ищущих новые земли, но и отправляющихся за моря с торговыми или дипломатическими целями. Пашеку Перейра пытается запечатлеть все, что он сам увидел, и то, что стало результатом его непосредственного участия в экспедициях, поэтому в некоторых случаях он отказывается от повествования о тех вещах, в достоверности которых не убедился лично [1, р. 66, 70]. Вероятно, такая форма изложения связана с жанром источника, являющегося, по нашему мнению, путеводителем для тех, кто намеревался посетить Африку. В таком случае повествование сначала о маршруте, затем о примечательных местах и проживающих здесь народах доставило бы много неудобств читателю, который предпочел бы получить всю полезную информацию о посещаемом им месте сразу. Связано это также с отражением тех или иных сведений в источнике, многие из которых зачастую оказываются взаимосвязанными — так, упоминание какой-либо реки в качестве ориентира для нахождения интересующего путешественника объекта сопровождается указанием на то, что здесь можно набрать пресной воды, а провизией можно запастись на ярмарке, купив все необходимое у местного населения; затем следует повествование о проживающем здесь народе и его обычаях. Таким образом, выбор подобного способа изложения обуславливается, во-первых, особенностями мышления автора и читателей рассматриваемого нами источника и, во-вторых, взаимосвязанностью сведений, которыми делится Пашеку Перейра.

Говоря о структуре «*Esmeraldo de Situ Orbis*», необходимо отметить, что сам автор заявляет о пяти книгах, которые составят его сочинение: в первой из них речь пойдет об открытиях, совершенных принцем Генрихом Мореплавателем, во второй и третьей — о путешествиях мореходов во времена королей Афонсу V и Жуана II, в четвертой и пятой — о «славных деяниях» [*gloriosos feitos*] [1, р. 4] короля Мануэла. Вместе с тем, дошедшая до нас версия источника содержит в себе только четыре книги, последняя из которых резко обрывается на словах «*jaz o Rio do Infante...*» [*Riu du Инфанте протекает...*]. По мнению первого издателя «*Esmeraldo de Situ Orbis*» Р.Е. де Азеведу Башту, пятой книги нет и в первоначальном манускрипте [2, р. 103], что говорит о том, что Пашеку Перейра просто не закончил свой труд, хотя, по всей видимости, и намеревался это сделать. Связано это, вероятно, с тем, что в 1508 году Мануэл I поручил

мореплавателю возглавить экспедицию, направленную против действий французского корсара Мондрагона [1, р. XIV]. По возвращении из этого плавания Пашеку Перейра был отправлен в другие рейды, в связи с чем сочинение так и осталось незавершенным.

Необходимо также обратить внимание на то, какими источниками пользовался автор «*Esmeraldo de Situ Orbis*» при его написании. Дуарте Пашеку Перейра не мог быть очевидцем тех событий, которые произошли еще до его рождения, но были упомянуты им в сочинении, что свидетельствует об использовании им каких-то источников.

Среди таких источников необходимо выделить хроники, предоставившие автору большое количество сведений об истории Великих географических открытий, начатых португальцами еще в 1410-х гг. Прежде всего, это «Хроника открытия и завоевания Гвинеи» Гомеша Эанеша де Зурары [11], представляющая собой летопись португальской морской экспансии, осуществлявшейся под руководством принца Генриха Мореплавателя. Описания открытых территорий Западной Африки и обычаев проживавших здесь народов явно были полезны для Пашеку Перейры, обозначившего целью своего сочинения «*провозглашение величия Африки и Азии*» [*declarando sumariamente a grandeza d'África e assim d'Ásia*] [1, р. 4]. Важной для создания рассматриваемого нами источника стала также «Хроника Афонсу V» Руй де Пина, в которой освещены военные победы короля Афонсу V в Северной Африке. Несомненно, использование подобного рода источников помогло Пашеку Перейре восстановить картину прошлого — событий, свидетелем которых он не мог быть. Позволим себе повториться и отметить, что при написании своего сочинения «*лузитанский Ахиллес*» (именно так португальского мореплавателя назвал Луиш де Камознш) [12] опирался исключительно на опыт тех, кто сам участвовал в заморских плаваниях. Интересным, однако, представляется вопрос о том, каким образом Пашеку Перейра ознакомился с этими хрониками, были ли они изданы и доступны для чтения. Учитывая тот факт, что Жуан де Барруш, португальский историк и хронист начала XVI века, занимался копированием «Хроники открытия и завоевания Гвинеи», становится понятным, что и Дуарте Пашеку Перейра, как занимающий видное место при королевском дворе человек, также мог ознакомиться с рукописью этой хроники. Относительно «Хроники Афонсу V» возникает меньше сомнений, так как самый ранний из списков относится к 1501 году, к тому же Руй де Пина был современником Пашеку Перейры, что не исключает их знакомства и общения, учитывая их высокое положение при дворе короля Мануэла I.

Обращался мореплаватель также к различным астрономическим трактатам и сочинениям, имевшим крайне важное практическое значение. Знания, запечатленные на их страницах, применялись непосредственно в ходе подготовки и реализации морских экспедиций, в которых, как мы знаем, участвовал и Дуарте Пашеку Перейра. Стоит отметить, что автор опять делится с читателями информацией, полученной другими людьми, однако проверенной им на собственном опыте участия в плаваниях. Для правильной ориентации в открытом море, для определения широты астрономических и географических объектов и других задач мореплавателям необходимы были определенные умения и навыки, овладеть которыми можно было в том числе благодаря изучению трактатов и источников, содержавших все необходимые для данной деятельности знания. Так, Пашеку Перейра использует «Правила астрологии и квадранта: трактат о сфере мира» («Regimento do estrolabio e do quadrante: tractado da spera do mundo»), один из старейших португальских документов по навигационной астрономии. По мнению Ж. Бенсауде, при вычислении широт Пашеку Перейра пользовался тем же методом, что и составители упомянутого выше навигационного руководства [13, p. 124–125].

Как представитель раннего португальского Возрождения, начавшегося на рубеже XV–XVI вв. [14, с. 395], Дуарте Пашеку Перейра обращается к Античности. Помимо уже упомянутых нами сочинений Помпония Мелы и Плиния Старшего, в «Esmeraldo de Situ Orbis» мы находим отсылки к «Географии» Птолемея [1, p. 9] и «Географии» Страбона [1, p. 1]. По каким-то вопросам Пашеку Перейра соглашается с мыслителями древности, по каким-то полемизирует с ними, отмечая, что из-за нехватки опыта они обладали неверной информацией, теперь же, после 80 лет заморских странствий, португальцы смогли приоткрыть завесу тайны неизведанных ранее территорий. Пашеку Перейра обращается к одному из главных произведений античной эпической поэзии — «Одиссее» Гомера [1, p. 1, 6–7], приводя цитаты из него и рассказывая про странствия возвращавшегося в Грецию после Троянской войны Менелая.

Кроме того, Дуарте Пашеку Перейра был знаком с сочинениями средневековых географов, однако апеллирует к ним нечасто. Так, «Книга о началах науки астрономии» персидского ученого IX века Аль-Фергани упоминается только дважды, в контексте описания климата эфиопских земель [1, p. 57, 61]. Цитата из «Зеркала исторического» доминиканского монаха XIII века Винсента из Бове [1, p. 7] касается тех же территорий и содержит в себе упоминание об антиподах, в существование которых верит и автор рассматриваемого нами источника.

Важными также являются отсылки к различным частям Библии, касающиеся в основном тех или иных территорий и географических явлений — например, славившейся своим золотом страны Офир (3 Цар. 9:28, 2 Пар. 8:18), о сотворении Богом суши (Быт. 1:9) и морей (Пс. 32:7), о соотношении суши и воды (3 Ездр. 6:42, 47). Трактовка библейских текстов занимает ключевую позицию в повествовании Пашеку Перейры об устройстве мира и отдельных его частей.

Таким образом, основой труда Пашеку Перейры стало обращение к различным традициям — средневековой (выразившееся в использовании сведений из различных, по сути еще средневековых, хроник и толковании библейских текстов) и ренессансной, а через нее и к античной (о чем свидетельствует чтение и упоминание Пашеку Перейрой античных авторов). Подобный синтез мировоззренческих традиций и свойственных им идей объясняется не только широтой кругозора автора, но и влиянием эпохи, в которую этот автор жил и творил. Конец XV — начало XVI вв. традиционно связывают с наступлением нового периода в истории человечества, пришедшего на смену Средневековью. Вместе с тем, переход от одной эпохи к другой является постепенным и достаточно длительным процессом, что находит отражение в созданных в этот период источниках.

Сочинение Дуарте Пашеку Перейры ни по жанровым, ни по содержательным особенностям не может быть отнесено строго к какой-либо одной эпохе. Португальский мореплаватель, обращаясь к различным источникам, отражает в своей книге все кажущиеся ему интересными и важными подробности. Как человека Средневековья, Пашеку Перейру привлекает все удивительное и чудесное — экзотическая природа, необычные традиции и обычаи народов, различные мифические персонажи, не существующие в реальности, но «поселенные» на те ли иные территории воображением средневекового европейца. Как представитель португальского Возрождения, Пашеку Перейра не оставляет без внимания все то, что связано с торговлей, военным делом и фортификацией. В подобном переплетении различной по своему происхождению и содержанию информации и заключается главная особенность исследуемого нами источника.

Ж. Баррадаш де Карвалью справедливо охарактеризовал «*Esmeraldo de Situ Orbis*» как «*сложное и комплексное сочинение*» [*obra complexa, obra-síntese*] [10, p. 515]. Действительно, творение Дуарте Пашеку Перейры представляет собой многогранный, богатый на описания и подробности труд, который может быть изучен с совершенно разных ракурсов: исторического, географического, антропологического.

Список источников и литературы

1. Esmeraldo de situ orbis por Duarte Pacheco Pereira. 3a. edição / Introdução e Anotações Históricas pelo Acadêmico de Número Damião Peres. Lisboa: Acad. Port. da Hist., 1954. 238 p.
2. *Azevedo Basto, R.E. de.* Esmeraldo de Situ Orbis, introdução e anotações // Esmeraldo de Situ Orbis por Duarte Pacheco Pereira. Sob a direcção de Raphael Eduardo de Azevedo Basto. Lisboa: Imprensa Nacional, 1892. p. I–XIV.
3. *Kimble G. H. T.* Esmeraldo de Situ Orbis, introduction // Esmeraldo de Situ Orbis by Duarte Pacheco Pereira / Transl. and ed. by G.H.T. Kimble. London: Hakluyt Society, 1937. p. XI–XXXII.
4. *Diffie B. W., Winius G. D.* Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 533 p.
5. Esmerado / Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/esmerado?m=form> (дата обращения: 24.09.2022).
6. Esmerar / Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/esmerar#GrCyEWB> (дата обращения: 24.09.2022).
7. *Roque Barcia D.* Primer Diccionario General Etimológico de la Lengua Española. Vol. II. Madrid, 1881.
8. *Silva, L.P. da.* O “Esmeraldo” de Duarte Pacheco. Razão deste título // Anais das bibliotecas e arquivos de Portugal. Vol. 1. No. 1. Lisboa, 1920. P. 179–187.
9. *Carvalho, J. Barradas de.* A decifração de um enigma: o título “Esmeraldo de Situ Orbis” // Revista de História. Vol. 28(58). São Paulo, 1964. P. 339–348.
10. *Carvalho, J. Barradas de.* Duarte Pacheco Pereira um cartógrafo? O “Esmeraldo de situ orbis” um atlas? // Revista de História. Vol. 34(70). São Paulo, 1967. P. 513–520.
11. Gomes Eanes de Zurara. Crónica do Descobrimento e Conquista da Guiné. Lisboa, 1989. 250 p.
12. *Камозни, Л. де.* Лузиады / Пер. с порт. М. И. Травчетова. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 478 с.
13. *Bensaúde J.* L’astronomie nautique au Portugal à l’époque des grandes découvertes. Bern: Akademische Buchhandlung von Max Drechsel, 1912. 304 p.
14. *Тертерян И. А.* Португальская литература // История всемирной литературы в 8 томах. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 395–405.

УДК 94

Макарова М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: ernestfevralsky@gmail.com; st078802@student.spbu.ru

Образовательные стратегии в трактате Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя»

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы ренессансной педагогики на примере трактата Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя» (1516 г.), дается обзор методов и практик, которые гуманист советует использовать в процессе обучения наследника. Автор анализирует идеи и цели эразмианской педагогики, сравнивает их с педагогическими принципами итальянских гуманистов. Также в статье дается историографический срез эразмианской проблематики в XX–XXI вв.

Ключевые слова: Ренессанс, педагогика, христианский гуманизм, Эразм Роттердамский.

Makarova M. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: ernestfevralsky@gmail.com; st078802@student.spbu.ru

Educational strategies in the treatise of Erasmus of Rotterdam “The Education of a Christian Prince”

Abstract. The article examines with the problems of Renaissance pedagogy on the example of Erasmus of Rotterdam's treatise “The Education of a Christian Prince” (1516), provides an overview of the methods and practices that the humanist advises to use in the process of educating the heir. The author analyzes the ideas and aims of the Erasmian pedagogy and compares them with the pedagogical principles of the Italian humanists. The article also contains a little historiography of Erasmian issues in the 20th-21th centuries.

Keywords: Renaissance, Pedagogy, Christian humanism, Erasmus of Rotterdam.

Европейское образование до сих пор во многом зиждется на достижениях того образования, что сложилось в эпоху Ренессанса. Пытаясь возродить культуру античной эпохи, итальянские гуманисты создали

качественно новую форму образования: в нем античная культура играла большую роль, но наравне с ней присутствовали христианская культура и зарождающаяся культура европейского Нового времени. Древняя культура и традиции переносились в совершенно другие условия, в другое время [1, с. 76]. Гуманистическое образование характеризовали не только отличный от средневекового перечень преподаваемых предметов и новые методики обучения, но и мировоззренческая концепция, на которой оно строилось. Понимание человека как существа, созданного «по образу и подобию Божию», родственного самому Богу, совершило переворот в сознании интеллектуальной элиты — человек теперь уповал не столько на милость Бога, сколько на собственные силы. Как пишет В. М. Меньшиков, «вертикальное средневековое мировоззрение сменилось горизонтальным мировоззрением эпохи Возрождения» [1, с. 9]. В центре внимания мыслителей-гуманистов оказался человек, его земная жизнь.

Эразм был представителем Северного Возрождения, поэтому его антропоцентризм несколько отличался от его классической, итальянской формы. Эразм верил в неограниченные способности человека к познанию, его от природы положительную натуру, но личность в его текстах не эмансипирована от Бога, а находится в тесной связи с ним. Более того, развитие этой личности возможно только через знакомство с божественным откровением, для чего необходимо гуманистическое, но глубоко христианское образование. Без нравственного подтекста для Эразма образование бессмысленно, так как оно в таком случае не выполняет свою главную функцию — приобщение к христианской мудрости.

Об Эразме сказано и написано много, в частности — о его педагогической деятельности. Педагогическому наследию Эразма посвящены работы российских и западных ученых, как историков и культурологов, так и теоретиков педагогики и психологии. Конечно, они различаются между собой расстановкой акцентов и фиксацией внимания на той или иной грани произведения, а также методологией и категориальным аппаратом. Однако это позволяет рассматривать труды Эразма с различных точек зрения.

Значительный вклад в изучение учебно-воспитательных трактатов Эразма внес В. М. Меньшиков, автор учебного пособия «Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса», представляющего собой курс лекций о жизни и достижениях в области педагогики двух выдающихся ученых [2, с. 3–136]. Также ему принадлежит развернутая статья под названием «Почему кардинально изменилось образование Западной Европы в эпоху Возрождения?», в которой автор подробно разбирает причины радикальных изменений

в сфере образования, произошедших в эпоху Возрождения, и рассуждает о причастности к этим переменам ученых-гуманистов [1, с. 74–87].

Естественно, следует выделить работы историка и искусствоведа А. Н. Немилова, прежде всего, монографию «Немецкие гуманисты XV века» [3, с. 3–167] и статью «Эразм Роттердамский и Северное Возрождение» [4, с. 9–19], где автор анализирует особенности произведений Эразма и в целом гуманизм севернее Альп.

Отдельного внимания заслуживает сборник «Эразм Роттердамский и его время», в котором было опубликовано несколько важных с точки зрения проблематики гуманистического образования статей. В статье «Трактат Эразма "О воспитании детей" и итальянская гуманистическая педагогика первой половины XV в.» Н. В. Ревякина сравнивает подходы к воспитанию у Эразма и у представителей итальянского Ренессанса [5, с. 78–90]. В работе «Эразм и итальянские гуманисты» Л. М. Брагина на примере диалога «Цицеронианец» демонстрирует оценку Эразмом гуманистической культуры Италии XIV–XV веков [6, с. 47–58].

В науке XXI века все чаще стала подниматься тема реформы существующего образования и рефлексии педагогического опыта предыдущих столетий. С этим связан интерес к трудам Эразма об образовании и его педагогической концепции. Среди сравнительно недавних работ можно выделить статьи Е. В. Кравцовой «О педагогическом наследии Эразма Роттердамского» (2019) [7] и О. В. Гуторович «Педагогические идеи Эразма Роттердамского» (2020) [8], а также статью Л. В. Софроновой и А. В. Хазиной «"De ratione studii": Эразм Роттердамский о методике обучения классической словесности» (2018) [9]. Авторы рассматривают как отдельные сочинения философа, так и в целом его вклад в педагогику.

Среди фундаментальных биографических трудов об Эразме выделяется книга Йохана Хёйзинги «Эразм» [10, с. 203–447]. Она изобилует подробностями духовной жизни философа и интересна нам в том числе потому, что дает представление о мотивации Эразма и обстоятельствах создания изучаемого сочинения.

Иностранная литература, как правило, отличается большей конкретикой и узкой направленностью подхода. Здесь следует упомянуть статью Ричарда Ф. Хардина «Литературные условности "Воспитания христианского государя" Эразма: советы и афоризмы» [11] и работу Уэйланда Дж. Чейза «Эразм — великий лидер образования (1469–1536)» [12]. Первая статья посвящена непосредственно «Воспитанию христианского государя», анализу формы и содержания этого трактата; вторая же носит более общий характер, но не менее подробно демонстрирует, в каких трудах Эразма

были затронуты вопросы воспитания и образования. Морально-этические аспекты педагогики Эразма также освещаются в статье Джона М. Перриша «Образование, эразмианский гуманизм и "Утопия" Мора» [13].

В данной статье мы постараемся показать, какие педагогические стратегии Эразм презентует в своем трактате «Воспитание христианского государя» (1516 г.), какие методы преподавания он считает эффективными и как объясняет свой выбор. Кроме того, мы рассмотрим педагогические идеи этого сочинения в контексте других произведений Эразма, а также в контексте развития культуры образования и воспитания в раннее Новое время. Для этого мы проанализируем отдельные тезисы «Воспитания христианского государства» и сопоставим их с некоторыми общими положениями ренессансной педагогики. До нас данный трактат практически не рассматривался с точки зрения педагогических воззрений Эразма, в крайнем случае исследователи обращали внимание на его морально-этические положения. Здесь же мы сделаем акцент именно на методы и средства, которыми автор советует руководствоваться в воспитании наследника.

По вопросам образования мы можем обнаружить у Эразма как общие, так и расходящиеся с итальянскими гуманистами взгляды. К общим можно отнести изучаемые дисциплины (древние языки, риторика, история, география), предпочтение, отданное индивидуальному обучению в сравнении со школьным, внимание к склонностям ученика и его потребностям. Расходится Эразм с учеными-итальянцами в основном в расстановке акцентов: он практически ничего не пишет о телесном развитии детей и физических упражнениях, но подробно разбирает способы нравственного воздействия; предрасположенность ребенка к тому или иному роду занятий для него не так важна, как безграничные возможности грамотного обучения [5, с. 85]. Кроме того, его образовательные идеи неотделимы от идеи христианского благочестия: даже когда он оправдывает предложенную методику чисто практическими задачами, она всегда находится в согласии с христианской добродетелью. Вышеперечисленное относится к педагогическим воззрениям Эразма в целом, в «Воспитании христианского государя» какие-то из них видны уже в полной мере, какие-то просматриваются мельком, а какие-то вовсе отсутствуют. Это может быть связано как с постепенной эволюцией взглядов Эразма, так и с направленностью данного трактата не только на педагогические, но и на политические и философские вопросы. Что касается влияния итальянского гуманизма на творчество Эразма, то здесь существуют различные мнения. Л. М. Брагина отрицает влияние известного итальян-

ского гуманиста Леона Баттиста Альберти на Эразма: «Оценки, данные Эразмом Понтано и Саннадзаро, проливают свет, как нам представляется, и на тот факт, что в панораме итальянского гуманизма не нашлось места для Леона Баттисты Альберти — одного из самых блестящих латинских писателей XV в., многостороннего ученого и архитектора» [6, с. 57]. Однако Н. В. Ревякина полагает, что с Альберти Эразма «рождаются гражданские мотивы» и убеждение, что «дети воспитываются не только для родителей, но и для родины, для государства» [5, с. 83]. При этом в обеих статьях говорится о влиянии итальянских ученых на Эразма и о его связи с итальянским культурным наследием. Теперь перейдем непосредственно к тексту трактата.

«Все, что государь знает, он знает для отечества», — говорит Эразм [14, р. 118; 15, с. 55]. Здесь мы уже можем видеть, пользу каких знаний он транслирует в «Воспитании христианского государя» по сравнению с другими сочинениями. Эразм не говорит о необходимости учить греческий или древнееврейский (хотя, видимо, предполагает это, так как советует изучать произведения античных авторов, которые тогда еще не были переведены на национальные языки, а иногда и на латынь), но зато уделяет внимание народным языкам страны, которой будущему государю предстоит править. Также он перечисляет прикладные науки, которые должны будут помочь наследнику в управлении государством.

Знания, полученные в ходе обучения, должны применяться на практике, все изучаемые дисциплины нужны для дела: история и география — чтобы знать обычаи страны, знать, куда ехать и какие где условия жизни, языки — чтобы понимать речь своих подданных, вызывать их доверие и уважение [14, р. 142; 15, с. 68–69]. Далее Эразм приводит известный пример из античной истории — опыт Митридата, который знал языки всех народов, что находились под его властью [15, с. 71]. Эту мысль Эразм проводит и в других педагогических работах, например, в трактате «О методе обучения» (1511 г.) он пишет: «Я хочу, чтобы каждый все изучал, с тем, чтобы все изучаемое использовал» [2, с. 58]. Такой подход к образованию отличал эпоху Ренессанса от эпохи Средневековья. Средневековое образование готовило человека, прежде всего, к спасению в жизни вечной, вело человека к Богу; образование эпохи Возрождения предназначалось для жизни земной, оно должно было сформировать всесторонне развитого, успешного в земных делах человека [1, с. 85]. Обстановка того времени формировала потребность в творческих, неординарных людях, готовых предлагать неожиданные решения старых проблем. Однако Эразм в данном труде ничего не пишет

о развитии творческих способностей воспитанника; наоборот, слишком смелые замыслы и устремления он советует смирять и не давать им воли, пока наставник не убедится в чистоте их мотивов.

Эразм настаивает на том, чтобы нужная информация окружала ученика постоянно. Нужно внушать истины ребенку с рождения и избрать для этого ненасильственные методы. Он рекомендует наставнику найти, что его воспитаннику нравится, и попытаться обратить это в свою пользу: сделать «надписи на кольцах», «нарисовать картину, изобразить родовые деревья» [14, р. 50–52; 15, с. 18]. Можно сказать, что Эразм продвигает в педагогике принцип наглядности, который в будущем станет одним из базовых принципов дидактики. Несмотря на то, что этот принцип научно оформился одним из первых, педагогическая теория о пользе наглядных средств получила свое развитие именно в эпоху Возрождения. О необходимости демонстрировать ученикам изобразительный материал, строить схемы и создавать модели писали как итальянские, так и северные гуманисты. О важности наглядных пособий в процессе обучения писал Томас Мор, изучение окружающего мира посредством ремесленной практики поддерживал Франсуа Рабле, Томмазо Кампанелла в своем утопическом произведении «Город Солнца» описал разрисованные познавательными фресками стены, таблицы, развешанные на деревьях в парках, которые помогали без затруднений запомнить нужную информацию [16, с. 64]. Стройной методологической системы в описываемом трактате Эразма нет: он перечисляет идеи из различных сфер образования без четкой последовательности. При этом живости процесса обучения и гибкости методов подачи материала Эразм придает большое значение, и потому тезисы на эту тему часто встречаются в первой части произведения.

В отличие от итальянских гуманистов, Эразм много рассуждает о том, как сделать учение наименее тягостным для ребенка [5, с. 86]. Об этом он подробнее пишет в других сочинениях, в данном же ограничивается упоминанием о пользе разнообразных подходов к изучению наук. Важную роль в образовательном процессе Эразм отводит басням и рассказам, которые служат не только для того, чтобы развлечь ребенка, но и знакомят его с античной философией [15, с. 16–21]. Однако необходимо крайне осторожно относиться к трудам историографов — они могут быть опасны неблагоприятными примерами [15, с. 65]. Нужно быть избирательным при подборе материала, из которого ученик может почерпнуть нечто полезное: плохие правители иногда совершали благие поступки, а хорошие часто промахивались, поэтому на ранних этапах

воспитания и образования нужно снабжать ребенка только историями, поощряющими благочестие и одобряемыми христианской этикой. Эразм призывает также аллегорически толковать эпизоды, связанные с насилием и кровопролитием, в том числе описанные в Библии [15, с. 67]. В этом можно увидеть как заботу об уязвимой психике ребенка, так и ограждение будущего государя от воздействия дурного примера, учащего жестокости.

Эразм полагает, что вначале ребенка нужно приучить к добродетели, то есть привить ему априорные понятия о добре и зле, благочестивом и порочном, а уже потом позволить мыслить самостоятельно. В связи с этим он советует наставнику в работе с наследником позже всего обращаться к диалектике, сначала воспитанник должен усвоить нормы христианской морали, понять, что достойно государя, а что нет [15, с. 51]. Мы можем наблюдать разумное недоверие Эразма к детскому сознанию, идущему на поводу скорее у приятного, чем у правильного. Здесь он еще раз подтверждает свою мысль о том, что образование и воспитание играют ключевую роль в становлении личности.

Введение игры в учебный процесс — не изобретение Эразма. В средневековых университетах и школах распространенной была практика диспутов, во многом имевших игровой характер: участники делились на фракции (в университетах это были обычно реалисты и номиналисты), состязались друг с другом в остроумии и мастерстве силлогизмов, стараясь подловить оппонента при помощи различных словесных фокусов и уловок [17, с. 218–219]. В эпоху Ренессанса пользу игры отстаивали многие мыслители-утописты, в том числе Томмазо Кампанелла и Франсуа Рабле. Одним из известных педагогов, обосновавших и применивших игровой метод обучения, был итальянский гуманист Витторино да Фельтре. В основанной им светской школе «Дом радости» он использовал игры и развлечения как воспитательные средства, способствующие не только физическому, но и духовному развитию ребенка [18, с. 295]. Неизвестно, оказал ли пример Витторино да Фельтре какое-то влияние на идеи Эразма, так как педагогических произведений он после себя не оставил. После Эразма объемно раскрыл тему обучающей игры в своих трудах Ян Амос Коменский, который считал возможным изучение любого предмета превратить в игру, исходя из интересов учеников и их возраста [18, с. 295]. В «Воспитании христианского государя» нет как таковой развернутой концепции игрового обучения, однако игре отводится значимая роль в развитии личности и интеллекта ребенка. Игра у Эразма — важный элемент воспитания и образования, она формирует паттерны поведения и взгляды

будущего государя на жизнь. Позволяя ребенку играть определенным образом, можно сформировать его характер и моральный облик. Автор показывает, насколько значимым оказывается для человека период детства и как могут повлиять, казалось бы, детские развлечения на его дальнейшую судьбу. «Я спрашиваю, — пишет он, — как, если не подобно тиранам, будут поступать взрослые люди, которые в детстве играли как тираны?» [14, р. 50; 15, с. 17].

В том, что касается обучения наследника, Эразм делает ставку на книжное знание и наблюдение, а не на приобретаемый со временем опыт. Юношу он советует вооружать в первую очередь теорией, а не практикой государственного управления. Главным сдерживающим фактором для человека вообще и для ребенка в частности он считает чувство стыда (значимости этой эмоции в трудах Эразма можно было бы посвятить отдельную статью). Но в том, что относится к государству, а значит — к судьбам сотен тысяч людей, «метод проб и ошибок» оказывается не применим. Так как любой, даже самый незначительный просчет в политике может привести к страданиям подданных, Эразм не считает разумным допускать неопытного наследника до руководства значимыми сферами жизни. Эразм предлагает альтернативу: необходимо организовать наблюдение юноши за функционированием органов власти, его присутствие на заседаниях совета, общение с чиновниками, заслушивание судебных дел и т. д. Но даже в этом случае он не должен принимать никаких решений, пока не позволят возраст и опыт [15, с. 51].

В отношении к воспитанию и образованию у Эразма наблюдается некоторая двойственность. С одной стороны, он более строг и педантичен, нежели итальянские гуманисты, что роднит его с немецкими учеными. Мнение Эразма по вопросам морального толка подчас более категорично, чем у итальянцев, а его постоянное равнение на христианскую доктрину не оставляет места для маневра со стороны учителя. С другой стороны, в его трудах обнаруживается понимание потребностей ребенка в игре, его склонности к шуткам и фантазиям. Сохраняя назидательный тон, он показывает себя знатоком детской психологии, который знает, как направить энергию подопечного в нужное русло.

Подводя итоги, еще раз заметим, что Эразм советует использовать все возможности влияния на ребенка: это может быть игра, наглядные примеры и развитие зрительной памяти, поучительные истории и т. д. Но главный принцип, который он положил в основу своей педагогической системы, — учение не должно быть обременительным; науки постигаются легко тогда, когда ученик любит учителя и искренне интересуется предметом.

Список источников и литературы

1. *Меньшиков В. М.* Почему кардинально изменилось образование Западной Европы в эпоху Возрождения? // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 3(59). С. 74–87.
2. *Меньшиков В. М.* Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса: учебное пособие. М.: Народное образование, 1995. 136 с.
3. *Немилов А. Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. 167 с.
4. *Немилов А. Н.* Эразм Роттердамский и Северное Возрождение // Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 9–19.
5. *Ревакина Н. В.* Трактат Эразма «О воспитании детей» и итальянская гуманистическая педагогика первой половины XV в. // Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 78–90.
6. *Брагина Л. М.* Эразм и итальянские гуманисты // Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 47–58.
7. *Кравцова Е. В.* О педагогическом наследии Эразма Роттердамского // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. № 40. С. 91–94.
8. *Гуторович О. В.* Педагогические идеи Эразма Роттердамского // Всероссийский педагогический форум. Сборник статей III Всероссийской научно-методической конференции. Петрозаводск: Новая наука, 2021. С. 228–233.
9. *Софронова Л. В., Хазина А. В.* «De ratione studii»: Эразм Роттердамский о методике обучения классической словесности // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 2. С. 12–41.
10. *Хёйзинга Й.* Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки / Сост., пер. с нидер. и предисл. Д. Сильвестрова; коммент. Д. Харитоновича. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 680 с.
11. *Hardin R. F.* The Literary Conventions of Erasmus' Education of a Christian Prince: Advice and Aphorism // Renaissance Quarterly. 1982. Vol. 35. No. 2. P. 151–163.
12. *Chase W. J.* A Great Leader in Education Erasmus 1469–1536 // The Journal of Educational Research. 1934. Vol. 28. No. 3. P. 161–174.
13. *Parrish J. M.* Education, Erasmian humanism and More's "Utopia" // Oxford Review of Education. 2010. Vol. 36. No. 5. Political and philosophical perspectives on education. Part 1. p. 589–605.
14. *Erasmus von Rotterdam.* Fürstenerziehung. Institutio Principis Christiani = Die Erziehung eines christlichen Fürsten / Bearb. von A. J. Gail. Paderborn: Schöningh, 1968. 238 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://opacplus.sbsb-muenchen.de/title/BV003097301> (дата обращения: 20.10.2022).
15. *Эразм Роттердамский.* Воспитание христианского государя / Пер. с лат. А. В. Тарасовой. М.: Мысль, 2001. 365 с.

16. Гусейнов А. З., Турчин Г. Д. Развитие принципа наглядности в истории педагогики // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2007. Вып. 1. С. 64–67.
17. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
18. Марченко А. Д., Хмара А. С. Игра в истории педагогической мысли // Материалы секционных заседаний 59-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ в 2-х тт. / Отв. ред. И. Н. Пугачев. 2019. С. 293–296.

УДК 94

Мальшиев А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: ather1408@icloud.com, st078782@student.spbu.ru

Отражение политического курса дома Веттинов в издании «Хроники» Титмара Мерзебургского

Аннотация. В данной статье рассматривается гуманистическое издание «Хроники» Титмара Мерзебургского 1606 г. Анализируется то, как оценка автором издания современных ему событий отражает формирование нового политического курса при Альбертинском дворе. Автор также приходит к выводу о том, что подобные оценки в придворной историографии не только отражают новую политическую линию, но и утверждают ее.

Ключевые слова: «Хроника» Титмара Мерзебургского, Альбертины, Веттины, издание 1606 года.

Malyshev A. I.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: ather1408@icloud.com, st078782@student.spbu.ru

A reflection of the political course of the House of Wettin in the Thietmar's of Merseburg Chronicle

Abstract. This article examines the humanist edition of Thietmar's of Merseburg Chronicle of 1606. The author analyses how the author's assessment of contemporary events reflects the formation of a new political course at the Albertine court. The author also concludes that such assessments in court historiography not only reflect the new political line, but also confirm it.

Keywords: Thietmar's of Merseburg Chronicle, Albertines, Wettines, edition of 1606.

Судьба «Хроники» после смерти Титмара в 1018 г. вплоть до XVI в. является предметом научной дискуссии. В более ранних работах часто можно было встретить утверждение о том, что «Хроника» явно не нашла широкого распространения на протяжении Средневековья [1, с. 395], но ныне мы вынуждены признать это мнение несправедливым. Согласно Клаусу Нассу, «Хронику» Титмара можно считать наиболее часто ис-

пользуемым источником по оттоновскому периоду в саксонской историографии, особенно в епархиях Хальберштадта и Мерзебурга [2, s. 177]. В любом случае, мы хорошо знаем историю Дрезденской рукописи. Вернер, епископ Мерзебурга (1059–1093), подарил кодекс основанному им в 1091 г. монастырю св. Петра в Альтенбурге, недалеко от Мерзебурга. Отсюда его около 1550 г. забрал декан Мерзебургского собора Сигизмунд фон Линденау; возможно, благодаря ему (или уже при ликвидации монастыря в 1562 г.) кодекс попал в соборную библиотеку Мерзебурга, из которой по приказу курфюрста Августа в 1563 г. был на время передан историку Гаю Фабрицию. В 1570 г. курфюрст передал рукопись в Виттенберг своему историографу Петру Альбину с приказанием при содействии Рейнера Рейнеция издать ее, что и было сделано в 1580 г. Рукопись некоторое время находилась в герцогской библиотеке в замке Аннабург, но в том же 1580 г. при переезде всей библиотеки попала в Дрезден. Наконец, следующая волна интереса к «Хронике» относится к началу XVII в., когда было осуществлено не только переиздание хроники, но и перевод на немецкий язык, что особенно отмечалось автором переиздания.

Так, в издании 1606 г. Георга Хана во вступлении отмечается, что экземпляр был передан ему «его дорогими господами и добрыми друзьями» [3, s. 2] с сообщением, что при таком большом недостатке старых немецких историй эта хроника, несомненно, должна иметь большую ценность, «однако поскольку до сих пор ее не читали из-за дурной и непристойной латыни, ее необходимо перевести на немецкий язык» [3, s. 2].

Здесь мы подходим к главному предмету нашего исследования. В центре нашего внимания — гуманистическое издание «Хроники» Титмара Мерзебургского на немецком языке 1606 г., выполненное Георгом Ханом. Особую ценность для нас представляет не столько сам текст хроники, сколько тот материал, который автор приложил к нему. Тут и интереснейшее обращение к будущему читателю, и отдельные эпизоды средневековой немецкой истории, которые не связаны с временем Титмара, как например, история, посвященная Фридриху I Укушенному (1257–1323) и маркграфу Дицману (1260–1307), и краткое рассуждение об истории Мерзебурга, которая, по мнению Хана, уходит в римскую древность, и история всех мерзебургских епископов, которая символически кончается на Веттинах. Однако мы должны сосредоточиться на приложении, в котором Хан не только коротко рассуждает на тему происхождения немецкого народа от потомков Адама, но и продолжает историю до современных ему событий. Как мы можем видеть, объем материала, который обделен вниманием исследователей, просто колоссален.

В этом смысле издание 1606 г. потенциально может являться весьма перспективным для исследователя, поэтому удивительно, что данное издание не заинтересовало историков ни в России, ни, собственно, в Германии. Так, для Вегеле, автора монументальной «Историографии со времен Реформации», весь этот период является периодом совершенного бесплодия в области историописания [4, s. 464]. Отсутствие интереса наблюдалось и позже. Это касается как историков, которые занимались ранним Новым временем в Германии, так и саксонской краеведческой традиции.

Целью данной работы является анализ издания 1606 г., на его примере мы стремимся рассмотреть, как осмысление современных событий проецирует политический курс Альбертинской династии на имперском пространстве. Также мы надеемся, что данная работа поможет расширить исследовательский кругозор в рамках проблематики рецепции в придворной историографии на рубеже XVI–XVII вв. в Германии.

Сначала нам необходимо уделить внимание тому, с каким вызовом столкнулась княжеская династия на рубеже XVI–XVII вв. В первую очередь речь идет о подорванном авторитете дома Веттинов как главного протестантского Дома в империи. Во второй половине XVI в. дом Веттинов был самым авторитетным и значительным среди протестантского лагеря. Это было связано с той решающей ролью, которую династия сыграла в процессе становления единой лютеранской догмы. Однако после смерти курфюрста Августа в 1586 г. ситуация критически изменилась. Новый курфюрст Христиан I (1586–1591) был возмущен спорами между филиппистами и гнеосиолютеранами, которые происходили при его отце, и в 1585 г., еще будучи соправителем, дополнительно издал указ, который запрещал любые споры между богословами. Период его правления был временем нарастающих противоречий, так как ключевые посты при дворе заняли настоящие криптокальвинисты.

Чтобы понять природу данных изменений, мы должны прояснить, что династические княжества империи, мало чем отличающиеся в этом от формирующихся империй раннего Нового времени [5, s. 15], не были государствами в современном понимании этого слова. Огромную роль в формировании политики двора играла личность правителя, его воспитание и образование, а также влияние его советников [5, s. 38]. В нашем случае симпатии курфюрста проистекали из взглядов его воспитателя — Христиана Шютца, который был ярким последователем Меланхтона.

Фактически «Формула согласия» 1573 г. была предана забвению. Новым канцлером назначили Николая Крелля, который и определял ос-

новые тенденции правления. Помимо ориентации на кальвинистскую часть Германии в лице пфальцграфа Иоганна Казимира, была предпринята попытка поддержать гугенотов во Франции, хотя Христиан отказался от военного вмешательства. Также Крелль поощрял закрепление кальвинистов и бывших сторонников Меланхтона на главных государственных постах. Незамедлительно образовалась партия противников этих изменений, которая блокировалась вокруг супруги курфюрста Софии Бранденбургской. Все это ставило под угрозу компромисс между князьями и условиями, и ситуация все более накалялась [6, с. 207]. Все неожиданно разрешилось вследствие смерти курфюрста в 1591 г., после чего незамедлительно последовали реставрация лютеранской ортодоксии и репрессии против криптокальвинистов. Вследствие малолетства наследников Христиана II (1601–1611) и Иоганна-Георга I (1611–1656) было введено совместное опекунство их матери Софии и Фридриха Вильгельма (1591–1601), который хоть и происходил из эрнестинской линии династии, сам был воспитанником дрезденского двора.

Таким образом, мы подходим ко времени издания нашего источника. Процесс становления дрезденских правителей признанными политическими лидерами протестантского сообщества в Германии прервался кратковременным, но, вероятно, неприятным для ближайших наследников правлением Христиана I, которое подорвало авторитет и позиции Дома. Необходимо было показательно вернуться к прежней политической линии, доказать, что Дрезден является лидером в первую очередь лютеранского сообщества, а также убедить всех в лояльности Веттинов к существующему имперскому порядку.

Теперь же стоит обратить наше внимание на приложение Георга Хана, автора переиздания хроники, которое включает в себя изложение событий с 1544 г. до 1603 г. В ходе анализа мы можем выделить три главные линии. Первую можно назвать антииспанской или антикатолической.

Данный нарратив практически полностью выстраивается вокруг фигуры короля Испании Филиппа II (1556–1598). Все сообщения, которые как-то связаны с победами и поражениями Испании или эпизодами, которые непосредственно связаны с королем, всегда носят очень критический характер. Единственное событие, которое не вызывает прямого осуждения автора, связано с победой в битве при Лепанто. Но даже в этом случае сообщение очень краткое и сдержанное: *«В 1570 году турецкий император Селим II разорвал договор с венецианцами и занял Фамагусту на Кипре, вместе со всем островом. По этой причине венецианцы заключили союз с королем Филиппом II Испанским и Папой Римским, со-*

здали армаду для уничтожения турок и одержали великолепную победу» [3, s. 694]. Чтобы понимать, в чем заключалось великолепие этой победы, мы должны немного сказать об отношении реформаторов к турецкой угрозе. По мнению Ф. фон Вегеле, «Турецкий вопрос с наибольшей силой занимал реформаторов, оказывал сильное влияние на историографию: политический интерес преобладал над историческим» [4, s. 213].

В данном контексте очень актуально выглядит следующее сообщение Г. Хана: *«Но некоторые иностранцы, и даже представители немецкой нации, по невежеству, считают всю эту войну незначительной, несмотря на великую силу зверя, которого до сих пор боялся весь мир <...> Мы должны рассматривать сопротивление как великую победу саму по себе и благодарить за нее Господа Бога <...> Да поможет всемогущий Бог христианству своей благодатью. Аминь»* [3, s. 698]. Мы видим, как расширяющаяся Османская империя ассоциируется с великим зверем, который поглощает целые города и страны, к тому же это накладывалось на эсхатологические ожидания, согласно которым 1588 г. должен был стать последним, что отмечает и сам автор [3, s. 696]. Здесь он следует реформаторскому дискурсу восприятия истории. Маггиас Полиг отмечал, что апокалиптика является фундаментальной лютеранской категорией толкования истории [7, s. 51]. Учитывая это, мы должны признать, что великолепие победы при Лепанто заключается скорее в страхе перед турецкой угрозой, нежели в успехе испанской короны.

Дальнейшие сообщения, касающиеся испанских событий, носят во многом негативный оттенок. Это относится и к известию о гибели Армады, уничтожение которой приписывается ангелам: *«В этом году могучая Армада короля Испании была уничтожена ангелами и противными ветрами»* [3, s. 696], и к смерти герцога Альбы: *«В 1582 году герцог Альба, который служил императору во время войн в Германии и который принес столько бед Голландии, умер в возрасте 72 лет»* [3, s. 696]. Критическая линия, естественно, сохраняется и при описании новых побед испанцев: *«Испанцы пятого июля захватили город Остенде во Фландрии, который держал осаду 4 года, к великой славе голландцев»* [3, s. 701] — как видим, великая слава касается только голландцев, хотя победа испанская. Особенно ярко антииспанский характер изложения проступает в описании страшной смерти Филиппа II: *«в следующем году 3 сентября, Филипп II, король Испании, умер от ужасной болезни, при которой из его тела вылезли черви»* [3, s. 700].

Таким образом, мы можем видеть линию, направленную против политики радикального католицизма, в оценке событий недавнего про-

шлого и современности. Неприятие успехов и радость от поражений испанцев, за исключением победы при Лепанто, так как это было победой над пугающим противником, и другие подобные сюжеты говорят нам об общем настроении при Альбертинском дворе в отношении испанской католической монархии.

Вторую линию, которую мы выделяем в изложении Георга Хана, можно обозначить как кальвинистскую. Здесь мы остановимся на главе, посвященной времени правления курфюрста Христиана I. Этот не очень большой текст очень показателен. Мы считаем, что краткость описания проистекает не только из самого факта недолгого правления этого курфюрста, но и из желания предать некоторые факты забвению.

Так, на время его правления приходится только одно сообщение, которое непосредственно связано с ним самим — его становление курфюрстом и принятие управления над мерзебургскими владениями после смерти отца: *«После смерти курфюрста Августа 11 февраля 1586 года, благородный Христиан I стал курфюрстом и стал правителем мерзебургских земель до 1591 года»* [3, s. 696–697]. Понятно, почему автор не мог не отметить этого факта — необходимо было поддерживать линию, закрепляющую Мерзебург и окрестные земли за Альбертинской ветвью как часть владений династии.

Все остальные сообщения практически никак не касаются и самого Христиана I, и дел внутри империи. Единственным исключением, что показательно, является описание ряда землетрясений: *«В этом году в Мерзебурге 23 февраля в 9 часов вечера произошло неожиданное землетрясение, которое уничтожило тридцать домов и иных построек. Затем, в 1590 году, в Богемии, Моравии и особенно в Вене произошли сильные землетрясения, которые нанесли большой ущерб домам и церквям. Это означало, как мы узнали вскоре после этого, начало долгой турецкой войны»* [3, s. 697–698]. Подобные сообщения мы не фиксируем больше нигде, кроме как в описании конца правления этого саксонского князя. Вероятно, в этом сообщении есть общий намек на нарушения баланса и порядка в рамках общей имперской христианской семьи, и землетрясения, трактуемые как знак начала долгой турецкой войны, воплощают Божественный гнев.

Стоит отметить также, что для нас важно не только то, о чем Хан повествует, но и то, о чем он умалчивает. Ни канцлерство Николая Крелля, ни его арест и тем более казнь никак не упомянуты. Попытки ориентации на радикальные кальвинистские силы в Германии, создание широкого протестантского альянса были отвергнуты и преданы забвению.

Наконец, третья линия, выделяемая нами, направлена на убеждение в лояльности Веттинов к империи. Тут мы рассмотрим, как в обработке современного автору нарратива и событий недавнего прошлого формируется и проецируется политический выбор Альбертинской ветви дома Веттинов. Особый интерес для нас представляют описание правления Карла V (1519–1556) и его потомков в Германии, а также отдельные необычные явления, трактуемые Ханом как особые знаки.

Что касается фигуры Карла V, то мы не видим здесь никакого осуждения, можно даже сказать, что он стал своего рода консенсусной фигурой в рамках рецепции недавнего прошлого, и саксонскими историографами рассматривался скорее положительно. Это хорошо видно на примере данного отрывка: *«Ибо когда он получил императорскую корону от папы Климента VII в великом блеске и славе, то после церемонии он сел на специально приготовленное место, желая посвятить в рыцари всех, кто придет к нему. Перед этим, герцог Урбино подарил ему для такой цели восхитительный меч, рукоять которого была украшена драгоценным камнем, который неожиданно упал и разбился. Несомненно, это было указанием на то, что его царство, когда оно поднимется на вершину, падет и претерпит изменения. Когда этот благороднейший господин, претерпевая всевозможные несчастья после германской войны, сам это понял и осознал, он оставил правление и удалился в монастырь, где в конце концов блаженно скончался»* [3, s. 691].

Обратим также внимание на то, как автор трактует очень необычные природные явления в контексте начала Тринадцатилетней, или Долгой войны с Османской империей (1593–1606 гг.): *«В 1593 году в Мерзебурге в полдень на чистом небе были замечены четыре солнца и четыре радуги. Это наводило сильный страх на многих людей, хотя некоторые ученые дали этому явлению хорошее толкование и объяснили, что это указание на союз многих сильных князей и что Господь одарил своим благословением христианский мир и его высокородных предводителей»* [3, s. 699–700]. В связи с этим сообщением нам следует отметить важный момент — символизм именно четырех объектов на небе, которые были замечены в Мерзебурге. Это может быть связано с сохранением в гуманистическо-реформаторской среде схемы по отношению к императорской власти, заключающейся в последовательном существовании четырех монархий, переноса империи и ее вечности [8, с. 319]. Несмотря на неприятие гуманистами и реформаторами всякого рода «басен» [4, s. 375] в средневековых источниках, что отмечали еще историки старой национально-государственной школы, сами авторы этого периода иногда прибегают к подобным приемам повествования и символического наполнения, как это делает и сам Хан, при том, что еще

в самом начале текста жалуется на подобную манеру у Титмара: «И, хотя в то время он написал много суеверных и почти нелепых вещей о видениях, слухах, явлениях души умерших и святых, и подобных баснях» [3, s. 2]. Это еще раз говорит о том, что немецкая интеллектуальная традиция раннего Нового времени была продолжением средневековой.

События XVI в. поставили перед домом Веттинов задачи восстановления авторитета династии в качестве главной лютеранской династии Германии. В такой ситуации ретроспектива прошлого в рамках придворной историографии была и отражением, и выражением этих устремлений. Перспективный взгляд формируется в первую очередь вокруг событий недавнего прошлого и современности. Главными мотивами являются: неприятие радикального католического курса мадридской линии Габсбургов; отказ от враждебной к Империи политике в русле кальвинистских тенденций; обозначение намерения тесно сотрудничать с католическим престолом ради блага и стабильности всей большой имперской семьи и воплощенного в ней христианского мира. Эта политическая перспективная линия, взгляд, устремленный в будущее, станет основой для поведения Дрездена в первой половине XVII в. Даже когда общий баланс сил был нарушен, Дрезден пытался восстановить общий мир и порядок [6, с. 362].

Список источников и литературы

1. *Трильмих В.* Епископ из Мерзебурга Дитмар и его «Хроника» // Дитмар Мерзебургский. Хроника. 3-е изд., исправл. и доп. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М.: «SPSL» — «Русская панорама», 2019. с. 383–396.
2. *Nass K.* Die Reichschronik des Annalista Saxo und die sachsische Geschichtsschreibung im 12 Jahrhundert. Hannover, 1996. 472 s.
3. *Ernst Brotuff, Georg Hahn.* Historia Martisburgica. Staatliche Bibliothek Regensburg. Gros, 1606. 702 s.
4. *Wegele Fr. v.* Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München; Leipzig: R. Oldenbourg, 1885. 1094 s.
5. *Bauer V.* Wurzel, Stamm, Krone: Fürstliche Genealogie in frühneuzeitlichen Druckwerken / Ausstellungskatalog der Herzog August Bibliothek. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. 288 s.
6. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 438 с.
7. *Pohlig M.* Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546–1617. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. 589 s.
8. *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.: Л.: АН СССР, 1964. 470 с.

УДК 94(411) + 94(430).041

Пензев П. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: pashapenzev@gmail.com

Континентальная война взглядом из Шотландии — Роберт Монро и его воспоминания

Аннотация. В статье рассматривается Тридцатилетняя война в воспоминаниях шотландского офицера Роберта Монро. Акцент сделан на его участии в «датском периоде» Тридцатилетней войны под знаменами Христиана IV. Представлена попытка выделить особенности самоидентификации и национальной рецепции, отдельное внимание уделено образу датского короля.

Ключевые слова: Роберт Монро, шотландские наемники, Тридцатилетняя война.

Penzev P. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: pashapenzev@gmail.com

The Continental War as Viewed from Scotland — Robert Monroe and His Memoirs

Abstract. This article examines the Thirty Years' War in the memoirs of a Scottish officer, Robert Monroe. The emphasis is placed on his participation in the "Danish period" of the Thirty Years' War under the banners of Christian IV. An attempt is made to delineate the peculiarities of self-identification and national reception. Particular attention is paid to the image of the Danish king.

Keywords: Robert Monroe, Scottish Mercenaries, Thirty Years' War.

В последние годы изучение человека в условиях острых социальных потрясений и войн обрело новый существенный импульс. Военная мемуаристика как источник заслуживает здесь особого внимания. Шотландский офицер Роберт Монро из клана Монро издал в 1637 г. свои воспоминания об участии в военных кампаниях на континенте с 1626 по 1634 гг. В рамках данного исследования будет рассмотрен датский эпизод службы шотландца на континенте с 1626 по 1629 гг.

Джеймс Миллер в своей статье ссылается на «Благородное общество в Шотландии» Кита Брауна [1, р. 182], который описывает, как дворяне придерживались воинского этикета в качестве «неотъемлемой грани своей идентичности». Период религиозных войн, охвативших большую часть Европы, предоставил членам служилого сословия Шотландии множество возможностей проявить свою любовь к оружию. Соблазн был особенно силен для тех, кто не мог унаследовать семейное богатство — для младших сыновей, часто незаконнорожденных, и для тех, кто имел явный военный талант. Одним из них стал шотландец Роберт Монро. В своих воспоминаниях он говорит о своих товарищах как о «достойных кавалерах <...> из которых некоторые из подлого состояния поднялись до высшей чести, богатства и достоинства» [2, р. 24].

Роберт Монро родился около 1590 года в Шотландии. Получил образование в университете Сент-Эндрюса и, возможно, в Эдинбургском университете в 1609–1610 годах. Он продолжил свое образование на континенте, отправившись во Францию в 1615 году. В 1625 году Монро проходил службу во Франции в королевском гвардейском полку под командованием капитана Томаса Маккензи. В следующем году Монро в качестве лейтенанта выполнял поручение собрать войска под командованием полковника Дональда Маккея, поскольку король Христиан IV объявил войну Священной Римской империи. Был назначен сержант-майором полка в 1627 году и принял командование ротой Лирмонта после смерти последнего. Монро возглавлял авангард при Эккернферде в апреле 1628 года и был ранен в бою при Штральзунде в 1628 году. Осенью 1628 года Монро назначен подполковником. Когда Христиан IV заключил мир с императором, Монро, как и многие шотландцы, перешел на шведскую службу. В 1632 году командовал полком Маккея в действиях против Паппенгейма, составляя крыло армии вместе с полковником Александром Форбсом и полковником Робертом Лесли. В 1633 году Монро вернулся в Британию для вербовки и улаживания дел своей семьи после смерти своего брата Джона Монро. Когда шведские войска потерпели серьезное поражение при Нердлингене в 1634 году, Монро все еще находился в Британии на вербовке. Роберт Монро вернулся в Германию предположительно в конце 1634 — начале 1635 года. В апреле 1636 года стало известно, что шведская Корона поручила Монро собирать в Шотландии рекрутов для армии под командованием генерала Александра Лесли. В 1637 году Монро опубликовал свои мемуары «*Monro his Expedition, with the worthy Scots regiment called Mac-Key's Regiment*», впервые изданные в Лондоне в том же году. По сообщениям, первоначальный тираж составил 1500 экземпляров [3].

Будучи протестантом, Монро адресовал свои воспоминания Карлу Людвигу Пфальцскому, сыну англо-шотландской принцессы Елизаветы Стюарт (старшей сестры своего сюзерена Карла I) и курфюрста Пфальца Фридриха V. Данная пара стала символом протестантской борьбы против гегемонии императора до вступления в войну «гениев Ришелье и Густава Адольфа» [4, с. 167]. Записки представляют уникальный по своей полноте рассказ очевидца о шотландских солдатах, сражавшихся в Тридцатилетней войне под датским и шведским флагами [5, р. 269]. Это была настолько необычная тема для книги, что Монро счел нужным объяснить, почему он взялся за ее написание, в своем посвящении курфюрсту и в обращении к читателю: *«Хотя я грубый и невежественный солдат, я осмелился положить перо на бумагу <...> [чтобы сохранить память о — П. П.] тех достойных кавалерах <...> Вы спросите, почему я написал эти «Наблюдения»? Потому что я любил своих товарищей. Если же я их опубликовал, то знайте, что это было сделано для моих друзей, а не для мира, до которого мне нет дела, как и до всего неблагоприятного»* [2, р. 9–11].

«Национальная рецепция» в воспоминаниях Роберта Монро

С наступлением XVII столетия в европейском сознании все больше растет значение национального аспекта. Несмотря на сохранение средневекового сознания, выраженного сильного религиозного давления, набирала влияние риторика наций, хоть и довольно далекая от современных представлений [7, с. 30–31].

В процессе исследования данного авторского текста сразу становится видна национальная обособленность, с которой Монро описывает действия шотландского полка под знаменами Христиана IV Датского. Так, на первом марше из Гольштейна до Везера Роберт Монро описывает случай неприятия датского креста на шотландских знаменах. Только кадровые перестановки высшего командного состава полка способствовали исполнению королевского приказа и решению конфликта ^[2, р. 13]. Тут стоит отметить, что сам Монро и ряд офицеров среднего звена выступали за беспрекословное подчинение монарху.

Шотландская идентичность у Монро встречается почти в каждом военном предприятии, о котором он упоминает. Мы можем увидеть патетику, с которой Роберт Монро рассуждает после своего первого ночного дежурства, где он командовал караулом. Шотландцы, по его мнению, быстрее других народов реагируют по тревоге, особенно во время несения вахтенной службы [2, р. 17].

Тем интереснее следить за «национальной рецепцией» Монро, когда приходится воевать против шотландцев на имперской службе. Во время осады Бойценбурга часть шотландского полка вела оборонительные бои на шанцах городских укреплений. Во время очередного штурма имперских войск Роберт Монро упоминает шотландца в их рядах [2, р. 22]. Соотечественник в процессе боя намекал, что незачем так упорствовать, и они не на улицах Эдинбурга, но был пронзен пикой солдатом полка МакКея. Это единственное за Датскую кампанию описание подобного события, и автор воспоминаний дает его нехотя. В отличие от менее ярких сюжетов, здесь он не дает развернутого морального обоснования или осуждения действий своих соотечественников. Монро называет сражавшегося за империю шотландца *gentleman*, что невозможно интерпретировать как негативный эпитет. Несколько позже, в период шведской службы, автор воспоминаний говорит об общении с пленными шотландцами на габсбургской службе так: *«мы веселились, как друзья»* [2, р. 247], что наводит на мысль о корпоративной и национальной солидарности шотландцев на континенте.

Стоит также упомянуть о сплоченности англичан и шотландцев на континенте. Так, Монро пишет: *«Англичане и наш народ — хорошие секунданты друг для друга, находясь за границей, так как обычно они объединяются в борьбе против любого другого народа»* [2, р. 70], описывая продовольственный конфликт между англичанами и шотландцами с одной стороны и датчанами с другой. Связующими факторами двух «наций» здесь являлись не только единство языка (гэльский язык «ушел» в отдаленные регионы горной Шотландии [7]), но и светской власти в лице Карла I. Именно поэтому Монро в одном из рассуждений называет его «наш суверен, король Великобритании» [2, р. 39].

Первый по-настоящему значимый конфликт с союзными частями у шотландцев случился при эвакуации из Ольденбурга в Голштинии. Уже после тяжелых для шотландцев арьергардных боев [8, р. 213] Роберт Монро пишет: *«Здесь я также заметил, что немцы не лучшие солдаты в условиях опасности, хотя, признаюсь, при исполнении всех обязанностей, в остальном очень послушны, пока дело не доходит до крайности, и тогда обычно они прикрываются недовольством и требуют денег, как это было сегодня»* [2, р. 34]. Этими словами он в очередной раз подчеркивает качественное отличие его шотландских коллег по военному ремеслу от немцев. В отличие от «меркантильных немцев», о подданных Карла I Монро говорит следующее: *«недостойнейший из тысячи офицеров Британии взялся бы заставить таких храбрых парней жить летом и зимой в палатках, всегда готовых сражаться с нашими врагами, и терпеть все лишения, ради чести [иметь — П. П.] такого хозяина»* [2, р. 47].

В предшествующих событиях полк МакКея прикрывал отступление армии Христиана IV от преследующих ее имперцев, вследствие чего получил право первым вступить на корабли и отплыть в Данию. Прибыв на пирс, шотландцы выстроились в боевой порядок и стали готовиться к погрузке на корабли, и тут случилось два важных момента, как упоминает Монро: начались арьергардные бои, и корабли какое-то время не могли подойти, а наемные кавалеристы первыми прибыли к пирсу и начали грузить своих лошадей на корабль, предназначенный шотландцам. Прямо на пирсе шотландцы взяли «пику на конь» и опрокинули в воду кавалеристов, после чего сами погрузились на корабли. Это событие и последующая сдача наемных полков и эскадронов имперским силам довольно сильно подорвала веру Роберта Монро в союзные наемные немецкие части [2, р. 37]. К сожалению, большинство исследователей эпохи опускают этот фактурный сюжет, иллюстрирующий отношения людей и военных корпораций в критических условиях.

Зиму 1627–1628 г. армия Христиана IV провела на островах, и кампания весны 1628 г. проходила в формате морских рейдов на северное побережье Балтики и борьбу за острова [8, р. 216]. Здесь также отмечен интересный эпизод: подготавливалась высадка в город Киль на побережье Голштинии, и жребий пал на немецкую роту [2, р. 63]. Монро сообщает, что немцы медлили, тогда королем было принято решение сделать состав десанта интернациональным (по жребию командование получил английский солдат). Особенный интерес вызывает тот факт, что Монро не делает в данном случае из немцев трусов. Он не указывает на малодушие, не начинает осмыслять данный поступок. Этот факт, вероятно, связан с итогом операции — десант был практически полностью перебит, а артиллерийская подготовка с моря не принесла желаемого успеха. Это наталкивает на мысль о том, что Монро старался более объективно оценивать действия людей на войне.

В период данной кампании рота Монро была направлена королем на захват плацдарма в Гроссенброде. Автор воспоминаний пишет: *«Я с англичанами и двумя немецкими ротами был выбран для охраны Его Величества и рабочих; враг был силен конными и пешими, в двух милях от нас»* [2, р. 68]. Сама высадка примечательна неожиданной жесточечностью, причем, по словам Монро, *«Величество, обнаружив свою персону в опасности, удалился в окружении нескольких мушкетеров, оставив меня с англичанами и пообещав прислать помощь»*. Эта стычка подробно не изучена даже в англоязычной литературе, но воспоминания Монро помогают понять удручающую ситуацию: *«Я пожелал, чтобы полковник показал Его Величеству, что <...> если враг будет преследовать нас*

упорно, я предпочел бы поджечь деревню позади нас, а затем подвергнуть себя и остальных опасности фортуны при отступлении, чем попасть в плен к врагу» [2, р. 68]. Здесь мы видим упорство Монро в намерении избежать плена, и оно было вознаграждено — во время очередной стычки к ним на помощь пришла корабельная артиллерия, а форт, строительство которого они обороняли, стал боеспособен. Его заняли те две немецкие роты, которые высадились вместе с английской и шотландской, а последних посадили на корабли — начиналась осада Штральзунда, их переводили на новое направление [8, р. 223]. И буквально следующим абзацем Роберт Монро подводит итог данным событиям: *«На вторую ночь, после нашего отъезда, враг пришел, чтобы атаковать форт, немцы удалились, оставив его, а также свои пушки, потеряв восемьдесят человек, так что Его Величество напрасно старался в Голитинии, немцы ушли оттуда без боя»* [2, р. 68]. Как видно из данного сообщения, немецкие наемные части, по мнению автора воспоминаний, в очередной раз не проявили должной стойкости на поле боя.

Кульминацией кампании 1628 г. стала осада имперскими силами Штральзунда. Это единственный Ганзейский город, который отказался принимать войска Валленштайна [6, с. 128]. Тут Монро снова невольно сравнивает обязанности их рот и рот немецких: *«Остальные посты, расположенные на стенах, были заняты немцами, но ни один из них не имел и половины наших обязанностей, не выполнял и половины наших обязанностей, потому что враг делал все подходы к нам, как к самой слабой части [оборонительных сооружений — П.П.]»*. Тут нужно все же подвергнуть критике слова автора воспоминаний. Как пишет Джеймс Фэллон в своей работе «Scottish Mercenaries in the Service of Denmark and Sweden 1626–1632», в Штральзунд была направлена лишь одна немецкая рота и шесть шотландских, в то время как остальные солдаты являлись силами самообороны города [8, р. 224] — вполне закономерно, что шотландцев, как опытных военных, поставили на опасный участок фронта.

Анализируя опыт военных действий в Штральзунде и предыдущих операциях, Роберт Монро делает следующий вывод о немцах: *«К моему огорчению, я говорил о немцах, которые оставили своего капитана, а это, как я признаю, воинственный народ. Он давно закален обычаем войн, но на отчаянной службе, какой была эта, я бы пожелал, если бы имел свободу выбора, других союзников. Я также не могу похвалить тех немцев, которые не послали нам помощи в нашей великой опасности, когда солдаты и офицеры предпочли сберечь свои шкуры и убраться. Таких можно справедливо назвать простодушными, без всякой жалости бросая*

своих товарищей, они теряют свое доброе имя, ставят под сомнение свою репутацию и доблесть» [2, р. 81]. Этим высказыванием автор воспоминаний ставит жирную точку в размышлениях о национальных особенностях, присущих войскам союзников.

Отношения с местным населением

Надо признать, что отношения солдат с населением всегда были непростыми, особенно в период Тридцатилетней войны, когда в ходе ожесточенного конфликта местное население выступало объектом для фуражировки или мародерства. О самих обитателях Голштинии автор воспоминаний пишет: *«Голштинская земля, цветущая в то время, беспечно плескалась в изобилии <...> При нашем вступлении в нее, самые гордые из местных жителей презрительно отвергли солдат, говоря, что им не нужны чужеземцы, они сами достаточно способны сдержать войска императора, их перевалы крепки, их сила в оружии мощна как в конном, так и в пешем строю, как ни в одной провинции в Германии; несмотря на это, через короткое время они почувствовали гнев Небес, и были низвергнуты в самую цветущую свою пору»* [2, р. 13].

Конфликт начался уже в самом первом походе Монро к берегам Везера, когда прямо на марше был убит капитан Босвелл: *«Во время этой экспедиции к Везеру капитан Босвелл, шедший за полком, к несчастью, был убит несколькими отвратительными хамами, всегда врагами для солдат: смерть кавалера вызвала большое сожаление у всех, кто его знал. Но хамы бежали, и деревня была сожжена»* [2, р. 15]. Описывая это событие, Джеймс Фэллон упоминает, что командир имел неосторожность оторваться от арьергарда, после чего был убит местными крестьянами или бандитами, но не сообщает о сожжении деревни [8, р. 205].

Городское население германских земель также не было в восторге от пришествия в их земли наемников. Так, жители вольного имперского города Висмар в Передней Померании вообще не пустили солдат в город и, как пишет автор воспоминаний, *«город Висмар оказался очень невежливым по отношению к нам, не пожелав помочь ничем, жители скорее из-за своей гордости издевались над нашими офицерами и слугами, которые приезжали в их город, чтобы купить самое необходимое»* [2, р. 26]. Зато «герцог Висмара», как его называет Монро, очень положительно отнесся к пришествию протестантской армии и особенно благоволил шотландцам. *«Герцог Веймарский своей искренней и усердной мольбой доказал, что он наш добрый друг»,* — говорит автор в отношении сюзерена данных земель. Речь идет о Бернгарде Саксен-Веймарском, который в тот период находился при армии короля Христиана IV [5, р. 299].

Война несет с собой не только прямые разрушения, но и рост числа люмпенизированных элементов. Так, во время исполнения обязанностей по лагерю Роберт Монро столкнулся с нападением бандитов [2, р. 40]. Именно крестьянин, местный житель, является главным врагом для солдата. Нельзя сказать, что местные жители просто так недолюбливали солдат — все-таки именно солдатская масса являлась инициатором насилия и разрушений. Так, Монро несколько раз упоминает, что даже высокодисциплинированные по меркам наемной армии шотландцы первыми наносят урон местному населению. Данные происшествия особенно имели место в периоды относительной безопасности, в случае Роберта Монро — на территории датских островов. Упоминается случай, когда на солдата из его роты поступила жалоба, что оный солдат насильно принудил к соитию дочь местного крестьянина, к которому встал на постой: *«Проходя через Лангленд и остановившись там на ночь, случилось так, что на солдата по имени МакМайер из роты Монро поступила одиозная жалоба, что он принудил дочь крестьянина, у которого остановился. Крестьянин пожаловался комиссару, а комиссар — мне; чтобы восстановить справедливость, мы созвали военный совет из офицеров полка; дело было рассмотрено в точности, согласно законам его величества, солдат был приговорен к смерти и к расстрелу у столба, чтобы своим примером утратить других от такого же гнусного греха. Солдат, получив время в одну ночь, чтобы подготовиться к смерти, исповедовался священнику, и на следующее утро роты были приведены в боевую готовность, караул был направлен для наблюдения за казнью. Солдат, державшийся мужественно и по-христиански, был привязан к столбу и застрелен своими товарищами, которые без промедления выполнили приказ»* [2, р. 51].

Шотландских солдат не особо жалуют как немцы в Голштинии, так и датчане на островах. Роберт Монро объясняет поведение жителей города национальным колоритом на следующем примере. Во время осады Штральзунда в город вступил отряд шотландцев, которых расположили на самых опасных участках фронта. Несмотря на то, что солдаты полка МакКея проливали кровь за этот город, горожане не пустили их на постой в свои дома. После нескольких таких ночей солдаты пошли к бургомистру, чтобы разобраться, и заявили, *«что будут квартироваться у него, если не будет приказа об их квартировании»* [2, р. 74], но *«получив мягкий ответ, они удалились на эту ночь: между тем бургомистр пожаловался полковнику Хольку, тогдашнему губернатору, который велел собрать военный совет, на котором лейтенант и рота были обвинены в мятеже»*. Далее было постановлено, чтобы из роты, поделенной на три капральства,

путем жребия было выделено по одному человеку с каждого капральства для повешения. Выпало двум шотландцам и датчанину — *«сам губернатор, будучи датчанином, не мог по своей воле нарушить правосудие, видя, что до этого он так старался, чтобы наш народ был наказан за вину, в которой он сам был виновен, не назначив им квартиры. Посему сам датчанин справедливо пострадал за вину датчанина»* [2, р. 74]. Нам хотелось бы еще раз отметить, что национальный фактор для Монро начинает играть решающую роль, когда речь идет о конфликте внутри социального слоя служилых людей.

Образ датского короля

Отдельным и обширным аспектом для размышлений автора воспоминаний представлен образ государя — Христиана IV Датского, Карла I, Густава Адольфа Карла Людвиг Пфальцского, которому посвящены воспоминания [2, р. 9].

Для Монро монарх — неприкасаемый авторитет, благоверный, самый щедрый, самый мудрый и достойный человек на земле. Примерно такими эпитетами Роберт Монро награждает Христиана IV Датского на протяжении всей датской кампании. Он, согласно христианской догме, воспекает не только царя небесного, но и царя земного [2, р. 16]. Чуть дальше Монро описывает удрученное состояние короля из-за военных неудач, даже несмотря на то, что он *«имеет крепкое сердце»* [2, р. 27] — датский король в глазах Монро является смелым, но уже павшим духом человеком. Связано это было в первую очередь с рядом поражений, полученных в 1626 и 1627 гг. [6, р. 123–127], а сам Монро присоединился к полевой армии Христиана Датского на пути ее обратного движения из Германии [2, р. 103].

Автор воспоминаний придерживается официальной точки зрения, говоря о причинах участия Христиана IV в войне против имперских сил: *«великий, благочестивый, царственный повелитель»*, коим является, по мнению Монро, король Дании, воюет за правое дело королевы Богемии [2, р. 31].

Большое влияние на образ короля в глазах Монро оказала их личная встреча. В процессе обороны датских островов от возможной угрозы десанта имперских войск Монро расположился на острове Лолланн в доме бургомистра. Остров посетил король, и Роберт Монро пригласил Христиана IV к себе [2, р. 52]. Именно после этой встречи с королем (он пробыл у Монро до 3 часов ночи) автор воспоминаний предается многословным рассуждениям о датском монархе. Шотландец увидел два качества, которые

желает многим, добродетель и мудрость: *«Жить — обычное дело, быть мудрым и добрым — особенное, и дано немногим: я вижу, что многие желают почестей, богатства, друзей, славы, удовольствий; я же желаю только этих двух: добродетели и мудрости, которые я видел в этом великодушном короле»*. Даже несмотря на опыт последующий службы в армии Густава II Адольфа (а именно с ним постоянно сравнивают Христиана Датского [4, р. 226]), в своей мемории шотландский офицер уделяет датскому монарху немалое место. Король сведущ в науках и военном деле, он выносливый, терпеливый, приветливый в общении — *«величественный человек, которого я всегда буду любить и уважать, служить против его врагов»* (к слову, он тут же делает оговорку: *«исключая моего милостивого государя и королевского потомка его дражайшей сестры, которому я покаялся наилучшим образом служить»*) [2, р. 52].

Как отмечают многие исследователи, шотландец оставил действительно уникальные в своем роде воспоминания [8, р. 13; 5, р. 289]. Хотя работа изобилует классическими аллюзиями, она также полна информации документального характера, в ней отражены представления современников, обостренные опытом войны.

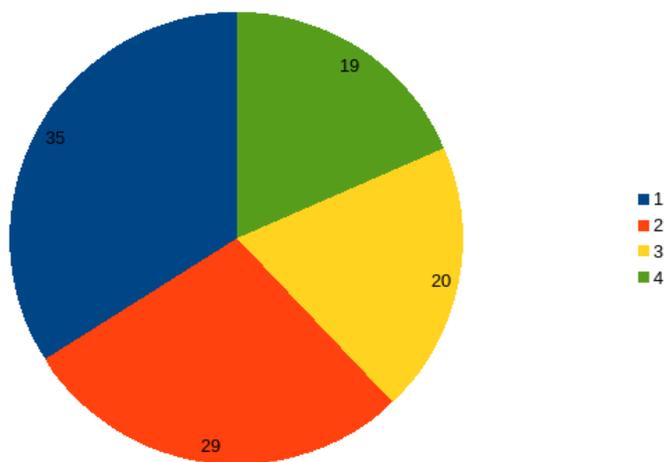

Рис. 1. Упоминание действующих лиц на страницах источника
1 — Христиан IV; 2 — неприятель; 3 — шотландцы; 4 — местные жители; 5 — Бог; 6 — союзники

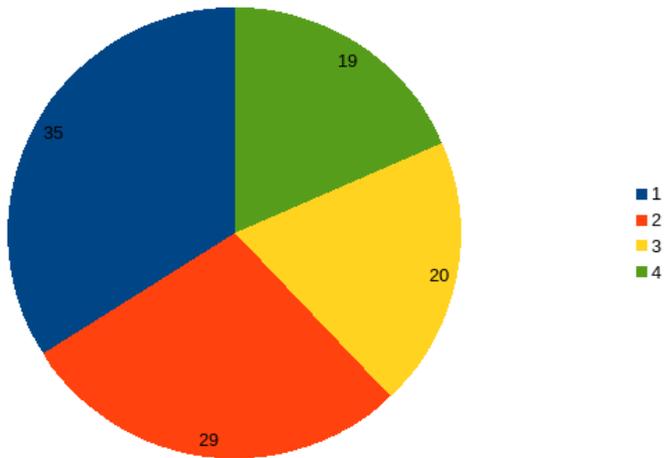

Рис. 2. Упоминание остальных национальностей на страницах источника

1 — датчане; 2 — немцы; 3 — шведы; 4 — англичане

Список источников и литературы

1. *Miller J.* The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550–1650 // *Fighting for a Living: A Comparative Study of Military Labour 1500–2000* / Ed. by E.-J. Zürcher. Amsterdam: University Press, 2013. P. 169–200.
2. *Monro R.* Monro, His Expedition with the worthy Scots Regiment (called Mac-Keys Regiment). 1626–1634 / Published by the Ex-classics Project, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exclassics.com/monro/monro.pdf> (дата обращения: 09.10.2022).
3. The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/> (дата обращения: 05.10.2022).
4. *Веджвуд С. В.* Тридцатилетняя война. М.: АСТ, 2012. 571 с.
5. *Miller J.* Swords for Hire: The Scottish Mercenary. Birlinn, 2007. 288 p.
6. *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война. СПб: Наука, 2020. 385 с.
7. *Королева М. В.* Языковая ситуация в Шотландии: история и современный статус шотландского гэльского языка // *Rhema. Рема.* 2016. № 1. С. 64–73.
8. *Fallon J. A.* Scottish Mercenaries in the Service of Denmark and Sweden 1626–1632: PhD Thesis. University of Glasgow, 1972.

УДК 94 (410)

Коробова Ю. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: Julia.korobova24@gmail.com; st062564@student.spbu.ru

Дискурсивный подход в исследовании «Патриархии» Роберта Филмера

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения дискурс-анализа в исследовании «Патриархии» Роберта Филмера. Дано краткое описание элементов «Патриархии» как дискурса. Автор указывает на значимость определения дискурсивных связей при исследовании исторического источника.

Ключевые слова: «Патриархия», Роберт Филмер, Мишель Фуко, археология знания.

Korobova J. S.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: Julia.korobova24@gmail.com; st062564@student.spbu.ru

Discourse analysis in the study of Robert Filmer's "Patriarcha"

Abstract. The article discusses the possibility of using discourse analysis in the study of "Patriarcha" by Robert Filmer. The author points to the importance of description of the discursive elements and connections in the study of a historical source.

Keywords: "Patriarcha", Robert Filmer, Michel Foucault, archeology of knowledge.

«Монархия есть высший предмет на земле, поскольку короли не только наместники Бога на земле и сидят на престоле Господнем, но даже самим Господом они названы богами» [1, р. 293]. С этими словами король Яков I Стюарт (1603–1625) выступил перед Парламентом в 1610 году. Первый из Стюартов король Англии — один из известнейших приверженцев идеи божественного происхождения власти монарха в период Нового времени. «Британский Соломон» [2, р. 9] в 1598 году издал трактат «Истинный закон свободных монархий» [3], а в 1599 году опубликовал сочинение «Царский дар» («Βασιλικὸν Δῶρον») [4]. В этих трудах Яков изложил свое видение сущности государства и королевской власти, формы взаимоотношений монарха и подданных, монарха и церкви. Идеи, сформулированные ко-

ролем Шотландии, Англии и Ирландии, шли вразрез с представлениями о природе королевской власти, которые были популярны у шотландских клириков и, в частности, были изложены Джорджем Бьюкененом, наставником Якова, в «*De Jure Regni apud Scotos*» [5].

Однако были и те, кому мысли короля Шотландии, Англии и Ирландии пришлись по душе. Идеи более радикальные выразил современник Якова — сэр Роберт Филмер (1588–1653). Роберт Филмер происходил из знатной и богатой семьи, получил неплохое образование, пройдя через Тринити-колледж в Кембридже и Линкольн-Инн. Его перу принадлежит политико-философский трактат «Патриархия», посвященный примерно тому же кругу вопросов, что и «Царский дар» Якова.

«Патриархия» не получила широкой известности при жизни ее создателя и впервые была опубликована в 1680 году, уже после смерти Филмера. Вероятно, Роберт Филмер и его труд так и канули бы в Лету, если бы не Джон Локк. Во вступлении ко «Второму трактату о правлении» английский философ подверг критике теорию Роберта Филмера о природе королевской власти [6]. Именно эта критика и открыла «Патриархию» миру политической философии.

Традиционно сочинение Роберта Филмера рассматривалось в контексте истории идей [7; 8; 9; 10]. Однако этот подход не раскрывает всего потенциала «Патриархии» как исторического источника. В то же время представляется весьма плодотворным применение в работе с сочинением Филмера дискурсивного метода.

Роберт Филмер и его «Патриархия» — часть монархического дискурса, который складывается еще при Тюдорах. Филмер, будучи порождением этой дискурсивной формации и опираясь на идеи предшественников, в своей работе по-новому выстраивает имеющийся дискурс так, чтобы он отвечал современным вопросам и вызовам. Методологию дискурса-анализа активно разрабатывал французский философ, историк, теоретик культуры Мишель Фуко (1926–1984). В 1960-х годах он создает ряд работ, в которых стремится вскрыть условия исторического возникновения теоретических положений, общественного мнения и социальных институтов. В качестве ключевого понятия так называемой «археологии знания» выступает термин «эпистема», понимаемая как некоторое «отношение между словами, вещами и их порядком» [11, с. 403], определяющее возможность возникновения и формирования мнений, суждений и концепций в определенный исторический период. Фуко предлагает не рассматривать идеи в их развитии, в постоянной оглядке на то, что было и будет, а исследовать их через отдельные высказывания в их «ограниченности и единичности» [12, с. 74], отказавшись от «непрерывной

хронологии разума» [12, с. 44]. Таким образом, дискурсивный метод позволяет исследовать не историю «совершенствования» знаний, а условия, при которых стало возможным их появление.

Текст «Патриархии» Роберта Филмера также возможно рассмотреть не только как часть истории политической философии — большой непрерывности (как это делали прежде), но и как отдельный дискурс, без имманентной связи с тем, что было написано до и после.

Как и любой дискурс, «Патриархия» Роберта Филмера состоит из высказываний, конституирующих текст. Под высказыванием Фуко понимает модальность существования, которая присуща совокупности знаков и которая делает возможным для этой совокупности находиться в отношении с областью объектов и предписывать определенную позицию возможным субъектам дискурса. Задача исследователя — выявить эти высказывания, сгруппировать их по основным вопросам, рассматриваемым автором трактата, выявить инстанции проявления, разграничения и спецификации и установить законы внутренней организации текста. При работе с источником следует, как призывает Мишель Фуко, «спуститься на самую глубину», на уровень эпистемы, обратиться к археологии текста.

Многую было выделено несколько высказываний, конституирующих «Патриархию» [13] Роберта Филмера и относящихся к основным объектам дискурса. В данной статье я буду говорить о понятиях «власть монарха» и «естественное равенство людей».

Вопрос о природе королевской власти — один из центральных в «Патриархии», в той или иной степени он затрагивается в каждой из тридцати трех глав трактата. Можно выделить несколько поверхностей возникновения этого объекта дискурса: это и примеры из Ветхого Завета и истории разных народов, и организация жизни в отдельной общине или целом государстве, и взаимоотношения отца и детей. В качестве инстанции разграничения по отношению к власти монарха выступают естественный закон, закон Божий и закон, созданный человеком. Наконец, решетки спецификации королевской власти как объекта дискурса — это степень подчинения подданных своему монарху, а детей отцу, объем власти парламента и способ получения власти правителем.

Другой объект дискурса — естественное равенство людей — преимущественно рассматривается в первых трех главах, хотя высказывания, относящиеся к нему, встречаются на протяжении всего текста. Поверхности возникновения этого объекта — сюжеты из Ветхого Завета и взаимоотношения короля и подданных. Инстанциями разграничения для понятия «естественное равенство людей» как объекта дискурса также являются естественный закон и закон Божий. В качестве решеток спецификации

выступают границы власти монарха, парламент или его отсутствие, готовность народа к мятежу и свержению правителя.

Однако дискурс «Патриархии» характеризуется не столько этими разрозненными элементами, сколько способами формирования и организации объектов дискурса. Необходимо установить совокупность отношений между инстанциями возникновения, разграничения и спецификации [12, с. 101]. Я не буду говорить здесь о первичных, то есть реальных, и о вторичных, то есть рефлексивных отношениях, но опишу систему отношений дискурсивных, тех, что формируют объекты дискурса. И королевская власть, и естественное равенство людей как объекты исследуемого дискурса появляются, обозначаются как в конкретных сюжетах из Ветхого Завета или истории народов, так и в носящих гипотетический характер ситуациях, возникающих в рамках взаимоотношений людей. Отношения между людьми или группами людей, которые читатель наблюдает в этих сюжетах, в масштабах и отдельной семьи, и целого государства регулируются естественным законом, законом Божьим и законом, установленным человеком. При этом, по мнению Филмера [13, р. 62], естественный закон или порядок, установленный Богом, не могут быть нарушены законом, созданным человеком. Опытом различных взаимоотношений, развиваемых в исторических, библейских или чисто теоретических сюжетах, обусловлены инстанции спецификации объектов. При этом правильность и ошибочность, преимущества и недостатки различных проявлений объектов также определяются естественным законом и законом Божьим.

Определение дискурсивных связей позволяет говорить о выделенных объектах как о точках дифракции дискурса: условия их появления тождественны, сформированы они на основании одних и тех же правил, и в то же время эти элементы формируют определенную альтернативу. «Королевская власть» и «естественное равенство людей» не могут быть в одном ряду высказываний данного дискурса, поскольку взаимоисключают друг друга. Дальнейшее рассмотрение этих эквивалентных и несовместимых объектов позволит вывести новые ряды объектов, формирующие дискурсивные под-совокупности, что будет полезно при определении стратегий дискурса.

Подобный анализ элементов дискурса и отношений, которые устанавливаются между ними, позволяет исследователю увидеть архитеконику текста исторического источника, законы его внутренней организации. В этом и заключается одно из отличий археологии от истории идей: археология не стремится обнаружить образы или идеи, скрывающиеся или проявляющиеся в дискурсе, она исследует дискурс как практику, подчиненную определенным правилам.

Как автор «Патриархии» Роберт Филмер не был новатором, но его сочинение высоко ценилось другими роялистами [13, р. 4]. Этот успех, легкость усвоения идей, сформулированных философом, обусловлены грамотно организованной структурой и верно подобранными ключевыми понятиями. Дискурс-анализ позволяет исследователю увидеть закономерности высказываний, конституирующих «Патриархию». Филмер использует те же объекты, что были в монархическом дискурсе до него, но он выстраивает в своем трактате этот дискурс заново, реконструирует и реструктурирует его.

Список источников и литературы

1. Select Statutes and Other Constitutional Documents Illustrative of the Reigns of Elizabeth and James I / Ed. by G. W. Prothero. Oxford: Clarendon Press, 1913. 612 p.
2. *Ackroyd P.* The History of England. Vol. III. Civil War. London: Macmillan, 2014. 512 p.
3. James I, King of England. The Workes of the most high and mightie prince, James by the grace of God, King of Great Britaine, France and Ireland, defender of the faith, etc. Published by James [Montagu], Bishop of Winton and Deane of his Majesties Chappel Royall. London: Robert Barker and John Bill, 1616. 621 p.
4. James I, King of England. Βασιλικον Δωρον [Basilicon Doron]; or His Maiesties instructions to his dearest sonne Henry the Prince. Edinburgh: R. Walde-graue, 1603. 154 p.
5. *Buchanan G.* De jure regni apud Scotos, or, A dialogue concerning the due priviledge of government in the kingdom of Scotland. London: Richard Baldwin, 1689. 70 p.
6. *Locke J.* Two Treatises of Government: In the Former, the False Principles and Foundation of Sir Robert Filmer and his Followers are Detected and Overthrown, the Latter is an Essay Concerning the True Original, Extent, and End of Civil Government. London: Awnsham Churchill, 1690. 271 p.
7. *Zagorin p.* A History of Political Thought in the English Revolution. London: Routledge & Kegan Paul, 1954. 208 p.
8. *Bradshaw D.* Lonely royalists: T. S. Eliot and Sir Robert Filmer // Review of English Studies. 1995. Vol. XLVI. No. 183. P. 375–379.
9. *Russell B.* The History of Western Philosophy. New York: Touchstone Book, 2007. 895 p.
10. *Cuttica C.* Sir Robert Filmer (1588–1653) and the Patriotic Monarch. Patriarchalism in Seventeenth-Century Political Thought. Manchester, 2012. 293 p.
11. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
12. *Фуко М.* Археология знания. СПб: Гуманитарная Академия, 2012. 416 с.
13. *Filmer R.* Patriarcha and other political works of Sir Robert Filmer / Ed. by P. Laslett. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.

УДК 94

Михальчук А. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, бакалавр истории,
студент магистратуры Paris 1 Panthéon-Sorbonne
«Histoire et Anthropologie des sociétés médiévales et modernes
(6e-milieu 19ème siècle)»
E-mail: frd-mik@yandex.ru

Провинциальные истории как исторический источник: новые возможности и потенциал для медиевистов (на примере «Общей истории Лангедока» К. Девика и Ж. Вэссета)

Аннотация. Статья направлена на привлечение внимания современных медиевистов к трудам эрудитов XVII–XVIII вв., которые обладают большим эпистемологическим потенциалом. Анализ эрудитской историографии способен значительно расширить источниковую базу историков за счет несохранившихся в оригинале документов и материальных источников. Так, на примере «Общей истории Лангедока» доказывается возможность изучения средневековых печатей, исходя из анализа как текста, так и свидетельств провинциальных историй за авторством эрудитов.

Ключевые слова: эрудиты, мавристы, провинциальные истории, средневековые печати.

Mikhailchuk A. A.

Lomonosov Moscow State University
Faculty of History, Bachelor,
Paris 1 Panthéon-Sorbonne «Histoire et Anthropologie des sociétés médiévales et
modernes (6e-milieu 19ème siècle)», Master's program, Student
E-mail: frd-mik@yandex.ru

Provincial histories as a historical source: new opportunities and potential for medievalists (on the example of the “General history of Languedoc” by C. Devic and J. Vaisset)

Abstract. The article is aimed at attracting the attention of modern medievalists to the works of erudites of the 17th-18th centuries, which have great epistemological potential. The analysis of the erudites' historiography is able to significantly expand the source base of historians due to not only documents that have not been

preserved in the original, but also such material sources. So, on the example of the “General History of Languedoc” the author proves the possibility of studying medieval seals, based on the analysis of both the text and the “proofs” of provincial histories authored by erudites.

Keywords: erudites, Maurists, provincial histories, medieval seals.

Наследие эрудитов сегодня редко становится предметом изучения историков, особенно медиевистов. Считается, что эрудитская историография остается полем исследователей раннего Нового времени. Однако и в этом разделе о таких личностях, как Ги-Алексис Любино, Клод Девик, Жозеф Вэссет, практически не упоминают, ограничиваясь лишь именем Жана Мабильона. Хотя великого мавриста, отца нескольких специальных дисциплин — дипломатики, палеографии и сфрагистики, и упоминают с пиететом [1; 2], непосредственное его наследие парадоксально остается плохо изученным не только в России, но и за рубежом, о чем свидетельствует в том числе отсутствие переводов на современные языки самого известного труда эрудитской историографии за его авторством — трактата «De Re Diplomatica».

На самом деле труды эрудитов — богатый исторический источник именно для медиевистов. Во-первых, большую их часть составляют собственно «истории» — от городских до институциональных, от общих до локальных, от церковных до генеалогий. Они содержат разного рода информацию о жизни средневековых городов и провинций, политике королей и герцогов, функциях знати и аббатств [3, р. 259–260]. Во-вторых, даже более существенным является вклад эрудитов в источниковедение Средних веков: благодаря им до нас дошли многие источники, оригиналы которых погибли во время драматических событий XVIII–XX вв. [4, с. 129–131].

Во Франции роль эрудитов в сохранении средневекового наследия особенно примечательна, так как многие французские архивы пережили два больших потрясения — Религиозные войны и Великую французскую революцию — и были уничтожены. Потери, безусловно, были неравномерны: в годы Революции пострадали в основном подлинники и картулярии феодального юга Франции — церковью Нарбона, епископств Динья, Тулона, Каркассона и Альби. Погибли или сильно пострадали не только сами документы, но и коллекции монет, медалей и средневековых печатей. Поэтому именно копии эрудитов, сделанные до 1789 г., — это порой все, что осталось от целых архивов [4, с. 133–136]. Только с 1650 по 1750 гг. во Франции было написано и опубликовано около 400 фолиантов исторических сочинений, многие из которых содержали документальные

приложения или, по крайней мере, выдержки из источников, в том числе до нас не дошедших [5, р. 33–39]. Изучение таких работ французских эрудитов XVII–XVIII вв. позволит не только восстановить некоторые события средневековой истории, открыть еще неизвестные источники (в том числе вещественные) той эпохи, но и определить методы и характер работы с ними ученых раннего Нового времени.

Все наследие французских эрудитов, среди которых особенно выделяются мавристы — члены конгрегации Святого Мавра бенедиктинского ордена, созданной в 1618 г., можно разделить на три достаточно объемные группы: работы теоретического характера вроде трактатов, заложивших основы новых для той эпохи исторических дисциплин [6; 7]; практические истории городов, аббатств, епископств, орденов, государств и провинций [8, р. 234–241] и, наконец, обширная переписка эрудитов в рамках Республики ученых, которая в числе прочего служила одним из основных источников сведений для их исторических штудий. К каждой из трех групп историки-медиевисты сегодня обращаются редко: в одних случаях — по причине отсутствия переводов на современные языки, в других — из-за необходимости долгой и кропотливой работы в архивах, где содержится нелегкая для прочтения рукописная корреспонденция эрудитов.

Провинциальные истории также изучаются нечасто, однако в последнее время, особенно во Франции, интерес к ним возрос: анализируя их, восстанавливают прежде всего социально-политическую историю местной феодальной элиты, аристократии, Церкви и особенности территориально-политического устройства отдельных регионов в Средневековье [9; 10; 11]. Такая тематика не нова, хотя к источникам за авторством эрудитов в ее рамках и обращались до сегодняшнего дня нечасто.

Поистине новаторским выглядит обращение медиевистов не к описанным в «историях» событиям или к текстам документов, кропотливо переписанным авторами-эрудитами в разделе доказательств своих фолиантов, а к вещественным источникам, многие из которых материально не сохранились, но были описаны или даже срисованы эрудитами. Действительно, мало кому известно, что помимо текстов, мавристы успешно привлекали для своих исторических штудий материальные источники: медали, монеты и печати, а также надписи и изображения на надгробиях. Таким образом, медиевист, изучающий провинциальные истории, получает возможность открыть новые для себя источники, более ни в каком виде не сохранившиеся; в случае если какие-то из упомянутых или срисованных эрудитами памятников сохранились, сравнить их с оригиналами, определив особенности работы с ними историков XVII–XVIII вв.; а также

задуматься, зачем эрудиты не только собирали, но и изучали, и тщательно срисовывали монеты, медали, печати; объяснить интерес к ним, а также восстановить уровень знаний о них в раннее Новое время, ведь авторы провинциальных историй не отделяют артефактов от собственно исторического повествования, считая скрепление документа печатью таким же важным для фиксации событием, что и коронация или крестовый поход [12, p. 290; 13, t. 4, p. 516].

Жанр «провинциальной истории» рождается в конце XVII в. именно благодаря мавристам. Малоизвестный бенедиктинец Жан-Мавр Одран в 1685 г. по просьбе знатного и влиятельного бретонца собирает вокруг себя группу соратников по конгрегации для написания истории Бретани [8, p. 249–251]. В дальнейшем история написания провинциальных историй будет повторяться: некий местный высокопоставленный ученый муж (чаще всего это был председатель соответствующих провинциальных штатов) поручает мавристам написать историю своего родного региона. Вероятно, на авторитет бенедиктинцев как провинциальных историков повлияло успешное написание ими бретонской истории, которое затянулось более чем на 20 лет (первое издание из 2 томов ин-фолио вышло только в 1707 г.) из-за долгих скрупулезных штудий авторов в архивах аббатств, провинций, а также поиска и срисовывания различных материальных источников [12, p. 11–16]. В этом смысле история создания «Общей истории Лангедока», пожалуй, самой значительной региональной истории и самой крупной работы дореволюционной историографии о французском юге, состоящей в первой редакции из 5 томов ин-фолио, не является исключением.

В 1708 г. штаты провинции Лангедок по указанию председательствующего архиепископа Нарбона, ученого, антиквара и собирателя книг (которые в 1782 г. составили публичную библиотеку Тулузы, а сегодня входят в коллекцию библиотеки Тулузского университета) Шарля Ле Гу де Ла Бершера, поручили мавристам написать исчерпывающую историю их провинции [14, s. 1–2]. Как желание влиятельных ученых мужей провинции написать историю своего региона, так и систематический выбор для этой цели мавристов несомненно заслуживают внимания, так как изучение этих вопросов позволит рассмотреть, с одной стороны, проблемы целостности Франции и самосознания ее жителей в раннее Новое время, с другой стороны, проблемы развития исторической мысли, интересов эрудитов и их кругозора. Эта тематика и сегодня остается практически неизученной.

История создания «Общей истории Лангедока» еще более уникальна, чем история ее предшественниц. Сначала ответственными за предприятие назначили Пьера Озьера и Антуана-Габриэля Марклана, которые

в течение пяти лет занимались сбором материала для написания истории исключительно в библиотеках Лангедока. Пренебрежение работой в архивах послужило причиной их конфликта с заказчиком — архиепископом Нарбона, который был поражен некомпетентностью указанных мавристов. Шарль Ле Гу де Ла Бершер даже обратился с жалобой к генеральному настоятелю мавристов, который принял решение заменить ответственных за написание этого труда. Только тогда, в 1715 г., ими стали Клод Девик (1670–1734) и Жозеф Вэссет (1685–1756). Марклан был настолько обижен плохой оценкой своей подготовительной работы, что, согласно издателям третьей редакции «Общей истории...», до самой смерти пытался помешать Девик и Вэссету в составлении труда, что, к счастью, ему так и не удалось сделать [15, t. 1, p. 19–26]. Строгий контроль влиятельных заказчиков над написанием историй — вплоть до того, что оценивалась даже степень проработки мавристами архивов, вне сомнения, позволяет говорить о повышении значения исторического критического анализа в раннее Новое время, который начинают использовать короли и местные правители, в том числе для обоснования проводимой ими политики.

Девик и Вэссет были выбраны авторами «Общей истории Лангедока» неслучайно. Оба они имели южнофранцузское происхождение. Вэссет родился в семье генерального прокурора Альби, обязанности которого он исполнял в период его болезни. Получив образование в коллеже родного города, а позднее — степень доктора богословия и права в Тулузском университете, Вэссет принял монашеский сан в Тулузе и в 1711 г. вступил в конгрегацию святого Мавра. Ее руководители, узнав об особом интересе Вэссета к истории своего региона, вызвали его в Париж, в центр исторических штудий — аббатство Сен-Жермен-де-Пре, где он жил и работал до самой смерти [16, p. 171–175].

Клод Девик, в отличие от Вэссета, родился в маленьком городке Сорез в диоцезе Лавор, также в Лангедоке (недалеко от г. Кастр). Будучи старше коллеги-собрата на 16 лет, Девик вступил в конгрегацию святого Мавра (в тот же тулузский монастырь Ла Дорад, что и Вэссет) еще в 1687 г. Один из первых учеников школы при аббатстве Сореза, после вступления в конгрегацию Девик преподавал риторику в южнофранцузском бенедиктинском аббатстве Сен-Север. Докторской степени, в отличие от Вэссета, он не имел. Однако, будучи достаточно близок к генеральному прокурору ордена, Девик с 1701 г. сопровождал его в поездке в Рим, где познакомился с папой Климентом XI, некоторыми монаршими особами (в частности, вдовой польского короля и великого князя Яна Собеского) и, конечно, со многими местными эрудитами. Там же он начинает собирать источники

по истории бенедиктинского ордена. Вернувшись во Францию в 1715 г., Девик вместе с Вэссетом приступает к работе над порученной им «Общей историей Лангедока» [17, р. 192–193]. Таким образом, люди, которым доверяли написание провинциальных историй, были не просто членами ордена, следовавшими его уставу, а настоящими эрудитами, подвергающими тщательному критическому анализу первоисточники. Вопрос становления исторической науки, не раз являясь предметом дискуссий, в процессе которых верх одерживала та или иная исследовательская школа, казалось бы, сегодня предельно ясен. Однако наследие эрудитов способно кардинально изменить многие представления о времени перехода от коллекционирования древностей к их анализу, от истории-описания к истории-объяснению, от всемирной истории к провинциальной.

Локальные истории эрудитов XVII–XVIII вв. могут пролить свет в том числе на историю специальных исторических дисциплин, которые в российской исторической науке и по сей день находятся в статусе «вспомогательных», что для западных историков воспринимается как своего рода дискредитация и оскорбление. Однако оказывается затруднительно точно датировать возникновение многих из них — геральдики, эпиграфики или сигиллографии. Большинство однозначно называют XIX в. — эпоху окончательного оформления базовых принципов исторической науки, появления главного ее понятия — «источник» [18, р. 245]. Заблуждение, вполне объяснимое узостью источниковой базы, а именно пренебрежением трудами эрудитов. В них уже ярко виден интерес авторов не просто к коллекционированию древностей, характерному для гуманистов, а стремление осмыслить не только письменный, но и материальный исторический источник и с помощью него восстановить объективное прошлое. Так, большинство провинциальных историй представляют собой поистине разносторонние работы: в них представлены и социально-политическая история, и родословные знатных семей юга, и городская, и институциональная история. Неслучайно в них нашлось место и для средневековых печатей.

Помимо основного текста историй с теми или иными упоминаниями печатей, монет, медалей каждый из томов заканчивается приложениями, названными авторами «Доказательства» (*Preuves*). С точки зрения современных исследователей, они и составляют настоящее сокровище этого труда, так как содержат множество источников, оригиналы которых погибли; сегодня они известны в основном или исключительно благодаря эрудитам [4, с. 191–225]. Их труды содержат публикации документов, извлечений из хронографических и иных нарративных текстов и постановлений соборов,

надписей, а также рисунки монет, медалей и печатей. Благодаря «Общей истории Лангедока» в руках медиевистов оказываются как минимум три группы потенциально новых источников: сам авторский текст двух мавристов; печати, упомянутые в корроборациях скопированных в «доказательствах» документов, и собственно гравюры с изображениями на печатях.

Анализ этих элементов позволяет сделать важный вывод: уже в XVIII в. эрудиты, работавшие даже не над дипломатическими трактатами, а над привычными для той эпохи региональными историями, воспринимали печати как достоверный и полноценный исторический источник. Так, Девик и Вэссет настолько серьезно оценивают значение печатей в Средневековье, что уделяют их описанию большую часть своего хронологического повествования. Они создают у читателя впечатление об их универсальном распространении в эту эпоху, как в социальном, так и в географическом плане. В отношении последнего выборка авторов «Общей истории...» значительно уступает тому, что представлено у их предшественников, так как Девик и Вэссет изначально ограничивают поле своего исследования исключительно рамками Лангедока [13, р. 598–699]. С другой стороны, более обширного материала по южнофранцузским печатям вряд ли удастся найти. Кроме того, с точки зрения социальных границ средневековой сигиллографии вклад авторов провинциальной истории может показаться гораздо более значительным. Выборка печатей городов, знати, аббатов и епископов, консулов и сенешалей в «Общей истории...» действительно обширна, несмотря на то, что одна печать папы римского и всего несколько упоминаний о королевских печатях, которые в «De Re Diplomatica» составляют основной пласт исследования [6, l. II, cap. I–XIV], явно не повышают авторитет Девика и Вэссета как сигиллографов. Тем более интересно понять, чем обусловлена такая выборка: источниковой базой имевшихся в распоряжении авторов корреспондентов (так как сами они не путешествовали на юг Франции во время написания своего фолианта [14, s. 6]) или целями «Общей истории...». Разрешить этот вопрос способны разве что 131 том разного рода материалов коллекции Лангедок-Бенедиктинцы в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции¹. Трудно представить, сколько еще подобных следов деятельности эрудитов остаются забытыми.

¹ Collection numérique: Fonds régional: Midi-Pyrénées; Bibliothèque Rosalis (Toulouse); Toulouse et sa région; Villes et villages régionaux; Commun Patrimoine: bibliothèque numérique du réseau des médiathèques de Plaine commune; Bibliothèque nationale de France, département Arsenal, FOL-H-2150 (1).

«Общая история...» создавалась прежде всего как история французского юга и знати этого региона, поэтому упоминания в ней о южнофранцузских печатях уникальны. Обращение Девика и Вэссета к таким вопросам, как соотношение практик нотариата и скрепления документа печатью [13, t. 3, p. 428–475], появление первой южнофранцузской печати, вдохновленное крестовыми походами [13, t. 4, p. 516–521], или история тулузского креста [13, t. 1, p. 342–375] способны пролить свет не только на проблемы средневековой сцигаллографии, вставшие перед современными медиевистами, но и на способы их решения эрудитами раннего Нового времени. Особый интерес, безусловно, представляют изображения на печатях, срисованные авторами провинциальных историй. Рисунки печатей, иконографические описания и, самое главное, анализ символики эрудитами позволяют говорить об особом, все возрастающем интересе к изображению как таковому, по которому в том числе восстанавливают прошлое, его элементам и интерпретации. Здесь заметно противоречие, которое возникает перед эрудитами: стремление к исторической точности и достоверности противостоит желанию воспроизвести, а порой и восполнить эстетическую красоту изображения [15, t. 16, p. 70–85].

Если для медиевистов провинциальные истории — это прекрасный источник по средневековым реалиям, то для «новистов» они интересны как результат непосредственной эрудитской деятельности. Методы работы их авторов во многом схожи: глубокая проработка бенедиктинских архивов, светских столичных и провинциальных коллекций, опора на широкую сеть коллег-эрудитов [5, p. 37–42] — благодаря всему этому удалось внести значительные изменения в интеллектуальную историю XVII–XVIII вв. Так, эрудиты, по сравнению с их предшественниками, не только видят в печатях равновесный документам исторический источник, но и, ничуть не умаляя их дипломатического и юридического значения как способа подтверждения подлинности документов, смещают акцент в их изучении от дипломатики в сторону геральдики, иконографии и символики.

Провинциальные истории, таким образом, способны не только восстановить представления эрудитов о конкретных средневековых событиях, но и помочь историкам совершить настоящий историографический поворот, ведь полузабытая сегодня эрудитская историография XVII–XVIII вв. внесла огромный вклад в развитие исторической науки, особенно археографии, источниковедения [18, p. 197] и специальных исторических дисциплин. По большей части последние и возникли благодаря усилиям эрудитов, и ведущую роль в этом сыграли мавристы. Речь идет как о выявлении, проверке и систематизации огромного количества источников и содержащихся в них

исторических фактов, так и о методах их изучения. Кроме того, мавристам мы обязаны введением в научный оборот и просто сохранением множества средневековых текстов, особенно документов и надписей, а также материальных реликтов прошлого — монет, медалей и, конечно, печатей. Их работа с печатями была скрупулезной и результативной. К сожалению, именно она сегодня плохо известна.

Однако выход в свет трактата «*De Re Diplomatica*» Жана Мабильона стал в научном мире того времени сенсацией [19, с. 35]; вскоре у него появились последователи и подражатели, но многие из них выбирали уже привычные жанры историописания — церковного, национального, провинциального, местного [20, р. 19–21]. Историки, писавшие о разных странах, городах и провинциях, успешно дополняли сделанное Мабильоном на основе северофранцузского материала. «Общая история Лангедока» Девика и Вэссета, одно из лучших исторических повествований своего времени, открыла науке целый корпус южнофранцузских печатей, многие из которых известны сегодня только благодаря их многогранному труду. Кроме того, по сравнению с предшественниками, Девик и Вэссет, безусловно, продемонстрировали расширение уровня знаний о средневековых печатях: о технике их изготовления, границах распространения как в географическом, так и в социальном аспекте, их роли в средневековом обществе. Продолжалась и традиция кропотливой передачи изображений на печатях, их иконографического описания и анализа. Весь этот богатый для историка материал еще нуждается в тщательном изучении и сравнении, как в синхронической, так и в диахронической перспективе.

Важно понять, как провинциальные истории вписываются в ту большую работу, которую проделали эрудиты со средневековыми печатями, от простой каталогизации и систематизации, характерных для эпохи до Мабильона, до глубокого критического анализа и интерпретации в «Новом трактате о дипломатике» Тассена и Тустэна [7]. Так, Девик и Вэссет видят в печати уже не только изображение, но и материальный объект, содержащий надпись (легенду) и обладающий внешними характеристиками — размером, формой, цветом. Сами печати все больше рассматриваются дискретно, отдельно от документа, а сигиллография в «Общей истории...» как бы обретает статус автономной дисциплины, отдаляясь от дипломатики, но сохраняя с нею связь, столь прочно выстроенную Мабильоном [21, р. 132]. При этом функция печати как способа доказательства аутентичности документа Девиком и Вэссетом не забывается. Заметно, как с развитием интереса к сигиллографии мавристы все больше обращаются именно к печатям при доказательстве аутентичности акта,

в отличие от болландистов и иезуитов, которым традиционно были чужды методы дипломатики и тем более сигиллографии [22, р. 209–210]. Так, историк может сравнивать подходы к изучению печатей не только разных мавристов, но и членов других орденов, хотя и гораздо более равнодушных к данным сигиллографии.

Может показаться, что труды эрудитов предоставляют наиболее достоверные, полные и скрупулезные сведения о средневековых печатях. Однако и они нуждаются в критическом анализе. Девик и Вэссет воспринимают изображение на печати в качестве портрета владельца, игнорируя типологический характер этого образа и преувеличивая его индивидуальный аспект [13, т. 3, р. 71, 546]. Датировка печатей мавристами также несовершенна: они определяют печать годом, на который указывает скрепленный ей акт, хотя сама печать могла быть изготовлена намного раньше [13, т. 5, р. 691]. Порой причина просчета остается неизвестной: в случае если печать неправильно срисована, это могла быть ошибка не историка-эрудита, а гравера; ошибочно датировать или определить владельца печати мог и корреспондент автора. Сказывалась и неизбежная узость источниковой базы эрудитов.

Несмотря на это, мавристы благодаря своей скрупулезной работе в архивах, библиотеках и коллекциях артефактов сформировали основы сигиллографии как дисциплины со своим объектом, методами и понятийным аппаратом. Все это послужит базой для дальнейшего развития дисциплины уже в следующих столетиях, причем в нескольких направлениях, прежде всего, в иконографических штудиях, систематизации сигиллографического материала и разработке правовых вопросов владения печатями.

Список источников и литературы

1. *Barret-Kriegel B.* Les historiens et la monarchie. Vol. 1. Jean Mabillon. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. 299 p.
2. *Delumeau J.* Dom Mabillon, le plus savant homme du royaume // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 2007. Vol. 151. No. 4. P. 1597–1604.
3. *Hurel D.-O.* Les mauristes, historiens de la Congrégation de Saint-Maur aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Écrire son histoire: Les communautés régulières face à leur passé. Actes du 5e colloque internationale.* Saint-Étienne, 2006. P. 257–274.
4. *Филитов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма М.: Скрипторий, 2000. 800 с.
5. *Hurel D.-O.* Les Bénédictins de Saint-Maur et l'Histoire au XVIIe siècle // *Littératures classiques.* 1997. No. 30. P. 33–50.
6. *Mabillon J.* De Re Diplomatica libri VI. Neapoli [Napoli]: ex typographia Vincentii Ursini, 1789. 668 p.

7. *Toussain C.-F., Tassin R.P.* Nouveau traité de Diplomatie, où l'on examine les fondemens de cet Art. Vol. 1–6. Paris: Guillaume Desprez, Pierre-Guillaume Cavalier, 1750–1765.
8. *Laurain M.* Les travaux d'érudition des Mauristes: origine et évolution // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1957. Vol. 43. No. 140. P. 231–271.
9. *Débaux H.* Vicomtes et vicomtés dans l'Occident féodal. Toulouse: Presses universitaires du Mirail, 2008. 337 p.
10. *Jégou L., Panfili D.* L'Europe seigneuriale (888–1214). Paris: A. Colin, 2015. 190 p.
11. *Macé L.* Les comtes de Toulouse et leur entourage (XIIe–XIIIe siècles). Rivalités, alliances et jeux de pouvoir. Toulouse, 2000. 445 p.
12. *Lobineau G.-A.* L'histoire de Bretagne composée sur les titres et les auteurs originaux. Vol. 1. Paris: chez Louis Guerin, 1707. 966 p.
13. *Devic C., Vaissète J.* Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives. Vol. 1–5. Paris: Jacques Vincent, 1730–1745.
14. *Panfili D.* Territoires et frontières chez les auteurs de l'Histoire Générale de Languedoc (tome 1 [début en 700] à tome 8 [arrêt en 1200]). 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/46929/pdf/Territorium_Panfili_url.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 25.09.2022).
15. *Devic C., Vaissète J.* Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives. Vol. 1–16. Toulouse: E. Privat, 1872–1905.
16. *François J. Vaissète (Dom Joseph)* // *Bibliothèque générale des écrivains de l'ordre de Saint Benoît*. Vol. 3. Boillon: aux dépens de la Société typographique, 1778. P. 171–175.
17. *François J. Vic (Dom Claude)* // *Bibliothèque générale des écrivains de l'ordre de Saint Benoît*. Vol. 3. Boillon: aux dépens de la Société typographique, 1778. P. 192–193.
18. *Thompson J.W., Holm B.J.* A History of Historical Writing. New York: Macmillan, 1942. 720 p.
19. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
20. *Gasnault P.* Motivations, conditions de travail et héritage des bénédictins érudits de la Congrégation de Saint-Maur // *Revue d'histoire de l'Église de France*, 1985. Vol. 71. No. 186. P. 13–23.
21. *Bedos-Rezak B.* Outcast: Seals of the Medieval West and Their Epistemological Frameworks (XII–XXI Centuries) // *From Minor to Major: The Minor Arts in Medieval Art History* / Ed. by C. Hourihane. Princeton, 2012. P. 122–140.
22. *Taurand S.* La querelle de la diplomatie dans les Mémoires de Trévoux (1704–1716) // *Revue Mabillon*, 1999. Vol. 3. P. 201–212.

УДК 94

Ерунов М. К.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: castelnau1651@gmail.com, St096334@student.spbu.ru

«Мемуары кавалера» Даниэля Дефо: между фикцией и реальной войной

Аннотация. Статья посвящена анализу произведения английского писателя и публициста Даниэля Дефо «Мемуары кавалера» (1720 г.) в контексте формирования мифа об истории Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Анализируется видение военного конфликта с точки зрения жителя Британских островов начала XVIII века, влияние современных автору событий на презентацию сюжетов XVII века и дидактическая составляющая текста.

Ключевые слова: Даниэль Дефо, «Мемуары кавалера», фиктивная мемуаристика, Тридцатилетняя война.

Erunov M. K.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: castelnau1651@gmail.com, St096334@student.spbu.ru

Daniel Defoe's "Memoirs of a Cavalier": between the fiction and the real war

Abstract. The article is devoted to the analysis of Daniel Defoe's "Memoirs of a Cavalier" (1720) in the context of formation of a myth about the history of the Thirty Years' War of 1618–1648. Author analyzes the early 18th century Englishman's vision of this war, the influence of contemporary events on representation of the plots of the 17th century and the didactic component.

Keywords: Daniel Defoe, "Memoirs of a Cavalier", fictitious memoirs, the Thirty Years' War.

Мемуары, даже аутентичные — весьма специфический вид исторического источника, в котором правда причудливо переплетается с вымыслом и домыслом. Это легко объяснить человеческим фактором: мемуарист — конкретный человек со свойственными ему взглядами, желаниями и изъяснениями. Подобный принцип, как отмечает Уэйн Шумейкер, становится общим для автобиографических сочинений в XVII столетии: сочинения

этого времени существенно отличаются от большинства более ранних произведений более приватным характером и большей индивидуализацией точки зрения — автор старается смотреть на события собственными глазами и не пытается вписывать отдельных людей в архетипы, а отдельные события — в общие принципы, чем обычно характеризуются автобиографии Средневековья [1, р. 16–19]. Описывая события минувших лет с высоты своего опыта и знания, он преследует собственные, подчас достаточно эгоистичные цели, осознанно прибегая к определенному искажению и интерпретации фактов в угоду самопрезентации [1, р. 19]; в таком отношении совершенно справедливо убеждение Георга Гусдорфа, что запомненная и написанная жизнь — это жизнь не столько восстановленная, сколько сконструированная [2, s. 47]. Исходя из этого, неудивительно, что мемуары в Новое время постепенно превратились из простых воспоминаний в эффективный инструмент конструирования мифа о прошлом — мифа, который отвечал бы целям, задачам и проблематике своего времени. Этому процессу мы обязаны появлением новой ипостаси этого жанра — мемуаров фиктивных, в которых автор, не имея непосредственного отношения к описываемым событиям, восстанавливает их ход по различным источникам, в то же время вписывая их в современную ему парадигму.

К этому жанру относятся «Мемуары кавалера», написанные в 1720 году английским писателем и публицистом Даниэлем Дефо — настоящим гением фиктивной мемуаристики. Являясь, бесспорно, плодом фантазии великого автора «Робинзона Крузо» [3, р. XIII–XIV], это произведение представляет для исследователя весьма любопытный материал, так как показывает взгляд англичанина начала XVIII века на события первой половины XVII века и несет в себе достаточно важную дидактическую составляющую, своеобразное послание современникам. Отсюда можно сформулировать два главных проблемных вопроса, которые будут освещены в настоящей статье: во-первых, каковы особенности восприятия Даниэлем Дефо событий Тридцатилетней войны, а во-вторых, в чем заключается дидактика «Мемуаров» и какие уроки, с точки зрения Дефо, следовало вынести жителям Британских островов начала XVIII века из войны, сотрясавшей континент более полувека назад.

«Мемуары» написаны от лица безымянного английского дворянина, которого автор называет кавалером. Мотивы получения аффекиции в кругах сильных мира сего и репрезентации сословной чести, вкупе с юношеским пылом и любознательностью, заставили его в 1630 году покинуть Англию и отправиться в охваченную войной континентальную Европу. Сначала герой странствует по различным городам и странам, а затем примыкает

к шведской армии и служит под знаменами Густава II Адольфа вплоть до гибели последнего в битве при Лютцене. После битвы при Нордлингене кавалер покидает Европу и возвращается в родовое поместье. Во второй части произведения он повествует о своем участии в гражданской войне на стороне роялистов, однако предмет данной статьи ограничивается первой частью. Герой выступает для Дефо ретранслятором его собственных идей и убеждений — взгляды кавалера отличаются умеренностью во всем, а тот факт, что его главной целью является обретение личной и поддержание родовой чести, а не защита каких-либо религиозных или политических интересов, позволяет нам принять точку зрения кавалера как максимально непредвзятую и приближенную к объективности. Следует оговориться, что подобный взгляд распространяется только на первую часть произведения, так как явная простюартовская позиция кавалера никоим образом не согласуется со взглядами Дефо [3, р. XIV], однако говоря о сюжетах Тридцатилетней войны, мы можем принять тот факт, что устами кавалера говорит сам Дефо, мысленно переносящийся в XVII век.

Одной из особенностей восприятия кавалером континентального конфликта является дробление его на части. Причем почти весь этап, предшествующий шведской высадке в Померании, герой опускает, ограничиваясь туманной формулировкой про *«долгую кровавую войну в Германской империи»* и кратким пересказом основных событий, не делая при этом акцента на военных действиях, а описывая скорее политическую составляющую [3, р. 33]. Отец героя перед отбытием последнего вообще заявляет, что *«не видит в Европе ни одной войны, в которой дворянину стоило бы поучаствовать»*, а мы напомним, что отъезд кавалера пришелся на апрель 1630 года [3, р. 5] — к этому моменту война на континенте идет уже более 10 лет. По-настоящему же масштабные события, с точки зрения героя, начинаются только со вступления в войну короля Густава Адольфа — правителя, которым Дефо искренне восхищается; более того, сразу после смерти короля события Тридцатилетней войны перестают интересовать автора, и на этом европейский вояж кавалера заканчивается. Каков в глазах Дефо Густав Адольф? Вне всякого сомнения, он — талантливый и дальновидный политик, умело воспользовавшийся международной обстановкой для реализации собственных целей [4, р. 339–341]. В то же время тонкое политическое чутье он совмещает с чувством религиозной справедливости, и защита единоверцев для него — не ширма, а одна из целей [3, р. 120].

Такой взгляд на шведского короля тесно перекликается с рядом особенностей видения кавалером причин шведского этапа Тридцатилетней войны — то есть тех событий, которые он и именует «войной». Война

в глазах кавалера имеет не столько религиозный, сколько политический характер — религия используется стороной-агрессором в качестве ширмы для прикрытия собственных интересов. Виновником конфликта выступает император Фердинанд II, в тесном альянсе с католическими князьями и, в частности, с Максимилианом Баварским, стремящийся к установлению тиранической власти, упразднению германских свобод и доминированию над протестантами. Апогей его мощи — Регенсбургский съезд 1630 года, ставший также и прелюдией к катастрофе: притесняемые протестантские князья, осознавая бедственность своего положения, начинают действовать. Роковой ошибкой Фердинанда стало то, что он этого вовремя не заметил и разрешил проведение Лейпцигского конвента, на котором сформировалась оппозиционная ему третья сила во главе с Иоганном Георгом Саксонским [3, р. 39]. Густав Адольф, высадившись в Померании, преследовал собственные политические цели: он решил начать войну с императором, так как тот выступил на стороне Польши в ее войне со Швецией, однако оказался потенциально союзной германским протестантам силой, наличие которой сподвигло их на создание оппозиции. Оценив положение дел в Империи, шведский король с готовностью отозвался на просьбу единоверцев о помощи и выступил защитником протестантской веры и германских свобод, попутно принудив некоторых германских князей, заподозренных им в двойной игре, к союзничеству [3, р. 32–41]. Густав Адольф одерживал победу за победой, несмотря на доблесть и силу противника, пока не был убит в битве при Лютцене. После его гибели, по словам кавалера, вся Германия погрузилась в траур, а курфюрст Саксонии, потеряв последнюю надежду, стал искать мира с императором [3, р. 117–118]. Вину за поражение при Нордлингене кавалер возлагает на Бернгарда Саксен-Веймарского, который не послушал советов Густава Горна и решил действовать по своему усмотрению, в чем позже искренне раскаялся — то есть Дефо лишним раз подчеркивает роль Густава Адольфа, голосом которого в данном случае выступал преданный ему Горн, в успехах шведской армии [3, р. 121–123].

Что скрывает Дефо за сюжетами и портретами XVII века? Начать стоит, разумеется, с самого героя, а именно с его скорого отбытия из шведской армии, несмотря на достигнутое в ее рядах высокое положение. Будь кавалер реальным персонажем, это было бы легко объяснить: со сцены сходит ярчайший, с его точки зрения, деятель, и так как дальнейшая причастность к его великой славе невозможна, то и интерес к военной службе в шведской армии сразу улетучивается. Весьма правдоподобный сюжет, стоит отметить, и именно в этом Дефо стремится убедить читателя. Однако если мы примем во внимание тот факт, что кавалер, по сути, и есть сам

Дефо, будет логичным предположить, что за этой реалистичной ширмой скрывается риторика начала XVIII века. Обратившись к биографии автора, нетрудно заметить, что на протяжении всей своей жизни он был активным участником политической борьбы: постоянно меняя стороны, стремительно возносился до значительных высот и так же стремительно падал, видел неудачную попытку государственного переворота и католическую реакцию, сменившуюся периодом благополучия при правительстве Вильгельма III Оранского, и тонко балансировал между интересами партий после его смерти, пытаясь сохранить место и лицо. Среди деятелей той эпохи автор ищет образ сильного, мудрого и умеренного монарха, волевого правителя, власть которого строилась бы не на переменчивом благоволении той или иной влиятельной группировки, а на непререкаемом авторитете, выдающихся способностях и всенародной любви. Это идеал короля, какого Дефо желал бы видеть на английском троне. Проводя параллели между европейскими монархами (главным образом, Густавом Адольфом) и «своим несчастливым повелителем», королем Карлом I, кавалер показывает необходимость сильной центральной власти, которая могла бы спасти страну от грядущего кризиса [3, р. 17]. Здесь, однако, стоит отметить один немаловажный нюанс: за спинами имперских солдат — убийц, грабителей, поджигателей и насильников — явно прослеживается далекая, но зловещая тень императора-тирана, стремящегося к абсолютной власти, и образ тех бедствий, что принесет Германии его победа. То есть Дефо четко разграничивает сильную центральную власть и тиранический режим правления; сильные позиции монарха в его глазах непременно должны сочетаться с его терпимостью и всенародным авторитетом — в противном случае стабильность государственного аппарата грозит обернуться кровавым деспотизмом.

Мы подошли, пожалуй, к самому важному вопросу — какова дидактическая составляющая «Мемуаров»? Прежде всего, как нетрудно заметить, это мощный антивоенный посыл, причем континентальный конфликт автор видит прежде всего внутримперским — фактически, гражданской войной. Повидав на своем веку вооруженную попытку государственного переворота и будучи, по некоторым сведениям, активным ее участником, остепенившийся Дефо предостерегает своих соотечественников, ярко расписывая все бедствия, которые способна принести стране внутренняя война [5, с. 18]. Причем убийства, грабеж, поджоги и насилие, столь красочно описанные Дефо, не несут в себе ярко выраженного религиозного или политического подтекста — упоминания о том, что солдаты делают что-либо подобное из фанатичной приверженности католической вере,

в тексте отсутствуют — а скорее являются воплощением превратностей войны, особенно войны гражданской, и того варварства, что она заключает в себе.

Красной нитью через все произведение проходит тема умеренности и терпимости; она выражается в поступках и взглядах самого кавалера, являющегося для автора воплощенным идеалом дворянина, но главным образом — в личности шведского короля. Густав Адольф не гнушается карать германских князей — своих единоверцев, дерзнувших ему перечить [3, р. 49], и активно пользуется услугами шотландских наемников — по большей части католиков, а один из шотландских полковников, сэра Джон Хэпберн, входит в его ближайшее окружение и обладает в глазах короля значительным авторитетом: *«Он был совершенным солдатом, и за это был столь любим доблестным королем, что тот не представлял ни одной значительной операции без его участия»* [3, р. 52]. К моменту написания «Мемуаров» идеи толерантности и умеренности Дефо уже давно продвигал в своих памфлетах и более крупных сочинениях [6, с. 566–568]; одна из его главных целей — продемонстрировать, что если того требуют политические интересы страны, сотрудничество католиков и протестантов не просто возможно, но полезно и даже необходимо. Война Четверного альянса 1718–1720 гг., объединившая Англию, Францию, Нидерланды и Империю в борьбе против Испании, не вписалась в его прежнюю парадигму — призыв к борьбе против тирании католической церкви — и потребовала перестановки былых акцентов: государственные и религиозные интересы следует четко разграничивать [4, р. 331–334]. На протяжении всего произведения кавалер тесно взаимодействует с шотландцами, плечом к плечу с которыми сражается и под знаменами Густава Адольфа, и уже по другую сторону баррикад во время Епископских войн. Воздавая должное их храбрости и самоотверженности, Дефо указывает на их решимость до последнего защищать свои интересы, и таким образом предостерегает англичан от вмешательства в дела шотландских пресвитериан после заключения Унии 1707 года [4, р. 330].

Подводя итог всему сказанному, отметим следующее: отражение Даниэлем Дефо событий Тридцатилетней войны в «Мемуарах кавалера» во многом продиктовано международной и политической конъюнктурой начала XVIII века, а также в значительной степени сформировано воззрениями и предшествовавшей публицистической и общественной деятельностью автора. Дефо не столько описывает Тридцатилетнюю войну, сколько создает миф о Тридцатилетней войне, вкладывая в ее сюжеты риторiku и дидактику своего времени. Он не гонится за исторической

достоверностью, хотя нельзя не отметить точность его описаний, исторические события он интерпретирует в русле своей политической концепции, сформировавшейся за период его активной публицистической и административной деятельности. Со страниц «Мемуаров» он буквально кричит современникам: когда политические интересы смешиваются с религиозными в угоду кому-либо, когда монарх нетерпим и фанатичен, случается большая кровавая война; когда монарх слаб, случается гражданская война; когда один народ лезет во внутренние дела другого, случаются позорные Епископские войны. В заключение осмелимся предположить, что перечисленные нами параллели — лишь малая доля тех отсылок и аналогий, которые видел современник Дефо, читая эту книгу; вероятнее всего, и незначительные нюансы отражения событий, портреты действующих лиц и даже отдельные реплики и диалоги находили отклик у читателя начала XVIII века, узнававшего в них современных ему деятелей и нюансы политической обстановки. К огромному сожалению, исследователю XXI века разглядеть такие тонкости практически невозможно.

Список источников и литературы

1. *Shumaker W.* English Autobiography. Its Emergence Materials and Form. Berkeley: University of California Press, 1954. 285 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/englishautobiogr011098mbp/mode/2up> (дата обращения: 20.10.2022).
2. *Kormann E.* Ich, Welt und Gott. Autobiographik im 17. Jahrhundert. Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2004. 357 s.
3. *Defoe D.* Memoirs of a Cavalier. A Military Journal of the wars in Germany and the wars in England. London: J. M. Dent and sons Ltd, 1910. 307 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/memoirsofcavalie00defoouft/page/x/mode/2up> (дата обращения: 20.10.2022).
4. *Strawn M.* “Zealous for their own way of worship”: Defoe, monarchy, and religious toleration during the war of the quadruple alliance // Eighteenth-Century Fiction. 2012–2013. Vol. 25. No. 2. P. 327–357 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55355347900> (дата обращения: 20.10.2022).
5. *Урнов Д. М.* Дефо // Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1990. 63 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93572&p=13> (дата обращения: 20.10.2022).
6. *Кучин Я. С.* Идеи религиозной и политической толерантности в памфлетах Даниэля Дефо // Британия: история, культура, образование: сборник статей по материалам международной конференции / Отв. ред. А. Б. Соколов. 2018. С. 565–572 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36711879> (дата обращения: 20.10.2022).

Образ и текст

УДК 94(450)

Цивилева В. Е.

Ивановский государственный университет,
Институт гуманитарных наук, аспирант
E-mail: valentinatsivileva@mail.ru

«Исторические» и «риторические» иудеи в произведениях Григория Двоеслова

Аннотация. В статье рассматривается отражение иудео-христианского взаимодействия в посланиях папы Григория Двоеслова (Григория Великого, 590–604), затрагивается вопрос влияния антииудейской полемики на язык посланий; отмечается уникальность корпуса писем понтифика, который содержит информацию о реальном положении иудеев на латинском ранне-средневековом Западе, делается вывод о незначительном влиянии традиции антииудейской риторики на произведения Григория.

Ключевые слова: Григорий Двоеслов, иудеи, христиане, антииудейская риторика.

Tsivileva V. E.

Ivanovo State University,
Institute of Humanities, Post-graduate student
E-mail: valentinatsivileva@mail.ru

Real and “rhetorical” Jews in the works of Gregory the Great

Abstract. The article examines the reflection of Judeo-Christian interaction in the epistles of Pope Gregory the Great (Gregory the Dialogist, 590–604), explores the issue of the influence of anti-Jewish polemics on the language of the letters; the article notes the uniqueness of the corpus of letters of the pontiff, which contains information about the real situation of Jews in the Latin early Medieval West, concludes that the tradition of anti-Jewish rhetoric has little influence on the works of Gregory.

Keywords: Gregory the Great, Jews, Christians, anti-Jewish rhetoric.

Вторая половина VI — VII вв. — непростой период для Апеннинского полуострова. Италия к этому времени была сильно раздроблена. По меньшей мере, существовало три зоны влияния. Лангобарды переселились на территорию, ранее контролируемую остготами, Рим и некоторые прилегающие к нему территории более или менее управлялись папой, а византийцам удалось удержать часть земель, отвоеванных в ходе разрушительной кампа-

нии Юстиниана по завоеванию Италии в VI веке [1, р. 28], но их владения были разделены территориями, подвластными лангобардам.

В такой ситуации византийские власти (резиденцией византийского экзарха была Равенна, которая была отделена от западных и южных подвластных ему земель), хотя и обладали широким кругом полномочий вплоть до утверждения епископов [2, с. 71], не могли осуществлять эффективное управление оторванными друг от друга территориями и тем более давать отпор все еще продолжавшимся набегам лангобардов. А там, где византийские власти все же присутствовали, это зачастую вызывало недовольство населения, так как византийцы нередко злоупотребляли своими полномочиями, и населению была необходима защита уже от самой власти.

В результате именно епископ Рима стал тем человеком, которому зачастую приходилось решать вопросы войны и мира, обороны, снабжения, проблемы простого населения. На этот период приходится понтификат папы Григория Двоеслова (590–604). Среди масштабного литературного наследия Григория особую ценность с точки зрения исторического содержания имеет корпус писем понтифика. Как уже отмечалось, папа в то время обладал широким кругом полномочий, что непосредственно отражалось в переписке. Например, Григорий принимал активное участие в мирных переговорах с лангобардами, что не нравилось экзарху, хотя сам он не предпринимал никаких мер относительно обороны или переговоров (3, II: 45, V: 34)¹.

Влияние Григория выходило далеко за пределы Италии: он обменивался посланиями с королями и церковными деятелями франков, вестготов, лангобардов, в которых давал советы и наставления не только относительно дел духовных, но и светских; принимал активное участие в миссионерской деятельности. Также письма Григория Двоеслова являются, пожалуй, самым информативным источником об иудео-христианских взаимоотношениях указанного периода. Вопрос статуса иудеев стал особенно актуальным в связи с христианизацией Римской империи; начиная с IV века иудеи стали ограничивать в правах, но при этом иудаизм остался единственной разрешенной религией помимо господствующего христианства [4, с. 92–93].

Начиная с этого же периода, в источниках встречаются описания иудео-христианских конфликтов и насильственного обращения иудеев. Источники в основном христианского происхождения сосредотачивают внимание на противостоянии иудеев и христиан. Также активно продол-

¹ Ссылки в тексте даются с указанием книги и номера письма.

жает развиваться риторика *Contra Iudaeos*, которая имела мало общего с реальными иудеями: христианские богословы продолжали создавать «риторических» иудеев [5, р. 2–3], образ которых использовали для конкретных целей в зависимости от направленности произведения.

Корпус писем Григория выделяется тем, что содержит информацию о реальном иудео-христианском взаимодействии на латинском Западе в конце VI — начале VII вв. Письма не предназначались для широкой христианской аудитории, не содержали богословских размышлений, они носили исключительно практический характер. Григорию приходилось решать множество вопросов, конфликтов, противоречий (в том числе и в рамках иудео-христианского взаимодействия), поэтому его письма отражают во многом реальную ситуацию, реальные взаимоотношения и являются уникальным источником.

В 26 из почти 900 посланий Григория упоминаются иудеи. Эти письма дают возможность сделать некоторые выводы относительно их социального статуса, занятий, отношений с соседями-христианами, властью, а также показывают отношение самого Григория, его понимание того, как должны взаимодействовать иудеи и христиане. В целом подход Григория к разрешению возникающих противоречий отличается взвешенностью, справедливостью и стремлением соблюдать законность по отношению ко всем, независимо от религиозной принадлежности.

Исходя из содержания писем, самой частой проблемой, возникавшей в связи с иудеями, было владение христианскими рабами. В Кодексе Феодосия содержался запрет иметь рабов-христиан, то же самое было повторено и в законодательстве Юстиниана. Но реальность часто не соответствовала предписаниям, и это была проблема, которую Григорию приходилось решать. Так, узнав, что в Неаполе работорговцам-иудеям, покупавшим рабов на галльской земле, препятствуют в выполнении их работы, Григорий определил, что торговать христианскими рабами иудеям не запрещено, при условии, что рабы будут проданы христианам в течение сорока дней (6, IX: 104). Тогда не нарушается закон и восполняется нехватка рабочих рук, что для разоряемой постоянными войнами Италии было серьезной проблемой [7, р. 330–331].

В городе Луна (Этрурия) иудеи также владели христианскими рабами, а местный епископ бездействовал, что вызвало возмущение понтифика, и он пишет: «До нас дошли слухи о том, что христианские рабы содержатся в рабстве у иудеев, живущих в городе Луна; и это обстоятельство показалось нам тем более оскорбительным из-за вашей терпимости к этому...» (3, IV: 21). Григорий приказал исправить это положение, чтобы все

было согласно закону, но при этом христиане, став лично свободными, могли продолжать работать на земле иудеев как раньше (3, IV: 21), чтобы хозяйственная деятельность не прерывалась. Подобные случаи незаконного владения христианскими рабами встречаются и в нескольких других письмах (3, IV: 9, VI: 29; 6, VIII: 21).

Активная борьба за освобождение рабов-христиан велась и за пределами Италии. Например, Григорий через своих представителей пытается освободить (выкупить) христиан на территории, подвластной вестготам (3, VII: 21) и обращается к королеве франков Брунгильде с вопросом, почему она допускает владение христианскими рабами на своей земле, и просьбой, «чтобы указ вашего превосходительства искоренил зло этого беззакония из вашего королевства» (6, IX: 213); с подобной просьбой он также обратился к франкским королям Теодоберту и Теодориху (6, IX: 215).

Другим проблемным вопросом, с которым боролись еще римские имперские власти, был вопрос иудейского прозелитизма. Он был неоднократно запрещен, не только в отношении христиан, но и в отношении язычников. Григорий упоминает только об одном таком случае — об обрезании язычника, что опять же вызвало его негодование (3, VI: 30).

Итак, согласно посланиям Григория, владение христианскими рабами было одной из самых насущных проблем в отношении иудеев. Это противоречило и государственным законам, и религиозным канонам. Григорий активно боролся за соблюдение этих правил, в то время как местные епископы нередко закрывали глаза на нарушение этих предписаний. Но понтифик все же действовал по-разному в зависимости от ситуации: иногда это был выкуп рабов (в основном, на неподвластных ему землях), иногда — немедленное требование освободить их без какого-либо возмещения ущерба бывшим хозяевам, иногда — освобождение от рабства, но предписание продолжать работу на земле иудеев уже в качестве свободных поселенцев. Григорий восстанавливал законность, но делал это особым образом, в соответствии с конкретной ситуацией, так как для него было важно не прерывать хозяйственную деятельность и не провоцировать конфликты, как внутренние, так и внешние.

Кроме того, возникали и другие проблемы. Иудео-христианские взаимоотношения были разными: иногда возникали конфликты, а иногда, наоборот, сближение, которое также вызывало опасение у Церкви. Например, обращаясь к жителям Рима в одном из писем, Григорий говорит, что до него дошли слухи, что некоторые из христиан соблюдают Субботу вместе с иудеями, он призывает их отказаться от этого обычая, так как *«мы принимаем духовно и держимся духовно того, что написано о субботе»*.

Ибо суббота означает покой. Но мы имеем истинную субботу в самом нашем Искупителе, Господе Иисусе Христе» (6, XIII: 3). Христиане должны отдыхать в день Господень, в воскресенье, и папа призывает не слушать людей, которые вводят их в заблуждение.

В одном из посланий также сообщается о том, что духовенство города Венафро продало некоему иудею несколько священных сосудов, что Григорий приказал немедленно исправить. Сосуды необходимо было вернуть церкви, а священнослужителям предписывалось покаяться (3, I: 66). В редко встречающихся экономических спорах иудеев и христиан Григорий также выносит справедливые решения, даже если иудеи вступают в конфликт с местной властью. Например, когда дефенсор Кандид захватил судно иудея из Сицилии, чтобы продать его в счет задолженности, но при этом отказывался вернуть ему расписку, Григорий приказал провести расследование и освободить иудея от всех обязательств (6, IX: 40).

Но все же чаще встречаются жалобы иудеев на изгнание из синагог и попытки насильственного крещения. Например, иудеи города Террачины жаловались, что их дважды прогоняли с мест, где они собираются для своих празднеств. Григорий написал местному епископу, чтобы им было позволено собираться в установленных местах, согласно закону (3, I: 34). Однако через полгода иудеи Террачины вновь были изгнаны из синагоги, так как пение иудеев доносилось до церкви; в этот раз Григорий постановил, ссылаясь на закон, чтобы им предоставили другое место для собраний (3, II: 6).

Также жаловались иудеи города Панормитано (через римских иудеев), что их синагога с прилегающими территориями была захвачена епископом. Григорий сначала обратился к епископу за разъяснениями (6, VIII: 25), а затем поручил своему доверенному лицу расследовать это дело, и если нарушение закона действительно имело место, а синагога уже была освящена, Григорий приказал оценить нанесенный иудеям ущерб и все возместить, чтобы «они никоим образом не были притеснены и не терпели какую-либо несправедливость» (6, IX: 38).

Помимо захвата синагог в письмах сообщается о нескольких попытках насильственного крещения иудеев. Например, иудеи Неаполя жаловались Григорию на то, что христиане мешают проводить иудейские торжества; Григорий в письме местному епископу напоминал, что такими способами нельзя привлечь иудеев к истинной вере: *«Те, кто с чистым намерением желает привести к истинной вере чуждых христианской религии, должны стремиться к доброте, а не к суровости <...> почему мы должны устанавливать правила для иудеев относительно того, как они должны*

соблюдать свои церемонии, если мы не можем таким образом привлечь их? Поэтому мы должны действовать так, чтобы, будучи скорее взываемы разумом и добротой, они захотели следовать за нами, а не бежать от нас» (6, XIII: 15). Такую же позицию можно заметить и в других письмах (3, I: 34; 6, IX: 195).

Для такой политики существовало несколько причин. Как уже отмечалось, это было беспокойное для Италии время: полуостров, разделенный на византийские и лангобардские владения, находился в постоянном состоянии войны, и зачастую вопросы мирного урегулирования приходилось решать Григорию. Он понимал, что в это сложное время внутренние конфликты лишь обостряют ситуацию. Обращаясь к одному из епископов, он писал: *«особенно сейчас, когда вы боитесь врага, ваш народ не должен быть разделен»* (6, IX: 195) [8, с. 849], и в этом же письме давал советы по укреплению защиты города.

Стараясь разрешать различные конфликты среди населения, понтифик всегда обращается к законодательству (Кодекс Феодосия или постановления Юстиниана, хотя он редко ссылается на конкретные законы). Он не раз отмечал, что, согласно древней традиции и законодательству, иудеям разрешается исповедовать свою религию, собираться в синагогах и претендовать на защиту в случае их захвата или насильственного обращения. Григорий Двоеслов все время пытался следовать этим законам.

Другой аспект такого взвешенного подхода Григория касается религии. Считая, что искренне обратиться в истинную веру можно только добротой и увещаниями, Григорий указывал на то, что иудеи, обращенные угрозами и страхом, не будут действительно верить. В очередной раз отвечая на жалобу о насильственном крещении, Григорий пишет: *«Но я опасюсь, что это намерение [крещения], если оно не будет подкреплено надлежащим исполнением из Священного Писания, либо не будет иметь никакого полезного результата, либо даже (что не дай Бог) последует дальнейшая потеря душ, которые мы хотим спасти. Ибо, когда кто-либо приходит к купели крещения не сладостью проповеди, но принуждением, он возвращается к своему прежнему суеверию и умирает тем хуже от того, что был рожден заново»* (3, I: 45). То есть иудеи, обращенные таким образом, могут вернуться обратно к своей религии. Хотя, как будет отмечено ниже, Григорий иногда решал этот вопрос по-другому.

Но в целом можно сказать, что политика Григория в отношении иудеев четко выражена в двух посланиях, касающихся захвата синагоги в Палермо, о котором упоминалось выше. Говоря о необходимости вернуть синагогу или возместить иудеям ущерб, Григорий утверждает, что *«как*

иудеям не должно быть дозволено делать в своих синагогах что-либо сверх того, что предписано законом, так и им не должен быть нанесен никакой ущерб» (6, VIII: 25). То есть Григорий снова повторяет, что все должны действовать в рамках закона: и иудеи, и христиане. Такой подход закрепился в качестве официальной политики Церкви в отношении евреев [9, р. 120], а письма Григория цитировались, чтобы показать, как следует обращаться с ними [9, р. 133].

Пресекая действия особо ревностных христиан в одних случаях, в других Григорий поощрял христианизацию иудеев, но только не насильственными методами. Например, это могло быть материальное поощрение желающих принять крещение. Обращаясь к управляющему землями на Сицилии, где находилась большая часть папских владений, Григорий предлагает снизить налоги для тех иудеев, которые работают на церковных землях и хотят принять крещение: *«так как многие из иудеев живут в поместьях церкви, я желаю, чтобы, если кто-нибудь из них захочет стать христианином, им было отпущено немного из их платежей, с тем чтобы и другие, побуждаемые этим благом, могли быть движимы таким же желанием»* (3, II: 38).

В другом письме также в отношении Сицилии Григорий предлагает тем иудеям, которые не хотят принимать крещение, материальные послабления, и в этом случае, говоря о слабой вере новообращенных, Григорий рассуждает таким образом: *«хотя они сами пришли с малой верой, но те, кто может родиться от них, теперь будут крещены с большей верой: таким образом, мы приобретаем либо их, либо их детей»* (3, V: 7). О таком поощрении говорится только в отношении папских земель, на которых работали иудеи. Возможно, учитывалось зависимое положение этих иудеев, для которых материальные стимулы могли иметь большое значение, что было затруднительно в отношении более состоятельных слоев иудейского населения [7, р. 336]. Также один раз упоминается о материальной помощи крещеным иудеям за пределами папских владений (3, IV: 31). Называя конкретные имена, Григорий распоряжается, чтобы местная власть регулярно выплачивала им определенную сумму.

Таким образом, попытки обращения иудеев были и через насилие и захват синагог (что Григорий не одобрял), и через увещевания, и через материальные поощрения. Процесс христианизации продолжался, и в своих посланиях Григорий не раз упоминает о крестившихся иудеях (6, IX: 195). Однажды упоминается межконфессиональный брак христианина с иудейкой, которая только после обручения приняла крещение и подвергалась порицанию (с чьей стороны — неясно), что, согласно указу понтифика, должно быть пресечено (3, I: 69). Межконфессиональные браки были

запрещены, как и обращение в иудаизм, поэтому в данном случае единственным вариантом было принятие христианства, то есть брак мог быть одним из способов приобщения к господствующей религии.

Проанализировав послания папы Григория, можно сделать вывод, что, несмотря на возникающие конфликты, иудеи все еще оставались частью общества. Они были землевладельцами, рабовладельцами, работниками, торговцами, владельцами судов, простыми земледельцами или рабами. Они активно взаимодействовали со своими христианскими соседями, вступали в брак, а христианское духовенство порой закрывало глаза на нарушения закона или само нарушало закон вместе с иудеями. Они также взаимодействовали с местными властями, иногда подкупали епископов или светские власти, даже пытались договориться с вестготским королем Реккаредом, когда он принял некий закон «против вероломства иудеев» (6, IX: 228), но попытка была безуспешной, что Григорий одобряет в своем письме, а в случае нарушения своих прав искали справедливости, зачастую обращаясь непосредственно к понтифику.

Многие послания Григория Двоеслова являются реакцией на непосредственные обращения иудеев, которые или сами прибывали в Рим с дарами для папы, или передавали жалобы через знакомых, или сообщали в письме о своих проблемах. Обращение к понтифику является подтверждением знакомства иудеев с действующими иерархиями христианского общества [1, р. 31]. В случае нарушения своих прав они знали, к кому обратиться. Кажущаяся уверенность, с которой они вели переговоры, должно быть, проистекала из чувства принадлежности их к локальному сообществу и чувства безопасности. Они понимали, как использовать рычаги власти в своих локальных мирах [1, р. 41–42], и действовали в соответствии со своими интересами.

Все обращения к папе всегда тщательно рассматривались, проводились расследования, принимались справедливые решения. Политика Григория Двоеслова на фоне предшествующей антииудейской святоотеческой традиции выделяется своим рационализмом и гуманностью, что не раз отмечалось учеными [9, р. 115]; письма Григория часто цитировались, а его рациональный подход стал «*фиксированной политикой церкви*» [9, р. 134] в отношении иудеев.

Хотя в письмах (особенно в случаях нарушения законов иудеями) употребляются такие слова в отношении иудеев и иудаизма, как «погибель» (*perditione*; 3, IV: 31), «вероломство», «неверие» (*perfidiam*; 6, IX: 228, XIII: 3), «враги» (*hostibus*; 6, IX: 215), Григорий также называет их просто «жителями» (*habitants*; 6, XIII: 15) и «представителями иудейской религии»

(*Judaicae religionis*; 3, I: 45). Обычных для антииудейской традиции топосов в письмах Григория нет, что объясняется исключительно практическим характером посланий — они были направлены на решение конкретных проблем населения, разрешение противоречий, восстановление законности [10, р. 236], а антииудейская риторика могла только усугубить ситуацию.

Помимо эпистолярного наследия сохранилось множество других сочинений папы Григория: толкования библейских книг, проповеди, наставления епископам и другие. И в этих произведениях уже встречаются некоторые антииудейские топосы: обвинения в неверии, ожесточении [11, с. 70], спесивости, гордыне [12, XXVII: 14, 26], слепоте, участии в убийстве Христа [11, с. 117], в «плотском» понимании закона [11, с. 417] и т. д. Эти упоминания содержатся в богословских произведениях Григория, в основном относятся к толкованиям определенных мест из Писания и не имеют отношения к реальным иудеям, то есть носят исключительно риторический характер. И даже такие «риторические» иудеи в произведениях Григория встречаются очень редко.

Таким образом, если в посланиях Григория Двоеслова, которые носили исключительно практический характер, антииудейская риторика отсутствует, то в богословских сочинениях можно заметить обычные в таких случаях антииудейские топосы, которые встречаются довольно редко. Это скорее была дань традиции, «требование христианского дискурса» [10, р. 250]. Учитывая всю сложность положения Италии, иудеи не были главной или серьезной проблемой для Григория, чтобы он уделял им много внимания в своих сочинениях, его антииудаизм имел лишь символический характер. В том, что касается разрешения реальных иудео-христианских противоречий, которые в основном заключались в излишнем сближении иудеев и христиан, попустительстве местных христианских властей или попытках обращения иудеев в христианство, папа Григорий Двоеслов руководствовался принципами справедливости, законности и целесообразности, учитывая непростое время, на которое приходился его понтификат.

Список источников и литературы

1. *Elukin J.* Living together, living apart: rethinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton University Press, 2007. 208 p.
2. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб: Алетейя, 2001. 470 с.
3. *Gregorii I Papae Registrum Epistolarum.* T. I. Libri I–VII / Hrsg. von P. Ewald und L. M. Hartmann // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. Berlin: Weidmann, 1891. 490 p.

4. *Цивилева В. Е.* Иудеи на позднеантичном Западе: случай на Менорке // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 91–98.
5. *Cohen J.* Living Letters of the Law: Ideas of the Jew in Medieval Christianity. Berkeley, 1999. 451 p.
6. *Gregorii I Papae Registrum Epistolarum. T. II. Libri VIII–XIV / Hrsg. von P. Ewald, L. M. Hartmann // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae.* Berlin: Weidmann, 1899. 608 p.
7. *Cohen R. L.* El subordinado que subordina. Poseedores judíos de esclavos cristianos en el Registrum epistolarum de Gregorio Magno. Gerión. 2016. No. 34. p. 325–349.
8. *Григорий Великий.* Сардинские письма / Вст. статья, пер. с лат. и комм. Е. С. Марей // Вестник древней истории. 2020. № 3. С. 827–859.
9. *Katz S.* Pope Gregory the Great and the Jews // The Jewish Quarterly Review. University of Pennsylvania Press. 1933. Vol. 24. No. 2. P. 113–136.
10. *Cohen R. L.* Theological Anti-Judaism in Gregory the Great // Sefarad. 2015. Vol. 75. No. 2. P. 225–252.
11. *Святитель Григорий Великий Двоеслов.* Избранные творения. М., Православный паломник, 1999. 735 с.
12. *Gregory I The Great.* Morals on the book of Job by St. Gregory The Great. Vol. I–III. Oxford, London: J. H. Parker, J.G.F. and J. Rivington, 1844 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lectionarycentral.com/GregoryMoraliaIndex.html> (дата обращения: 15.09.2022).

УДК 94(450).023

Шшикова А. Е.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: 20nastika03@mail.ru

Особенности использования сравнений для построения женских образов по «Антаподосису» Лиутпранда Кремонского

Аннотация. Данная статья посвящена изучению использования сравнений при создании женских образов в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского. Эта работа имела актуальные политические цели, и сообразно с ними Лиутпранд выбрал конкретные выражения в описании своих женских персонажей, так что на примере сравнений возможно рассмотреть политические взгляды Лиутпранда.

Ключевые слова: Лиутпранд Кремонский, «Антаподосис», женские образы, сравнения.

Shishkova A. E.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: 20nastika03@mail.ru

Particular Qualities of the Use of Comparisons to Images of Women According to “Antapodosis” by Liutprand of Cremona

Abstract. The article is dedicated to the research of using comparisons in constructing of women's images in “Antapodosis” of Liutprand of Cremona. This work had actual political purposes and according to them Liutprand chose specific expressions in description of his female characters — so on examples of comparisons it is possible to consider the political view of Liutprand.

Keywords: Liutprand of Cremona, “Antapodosis”, images of women, comparisons.

Вторая половина IX — первая половина X вв., бесспорно, является непростым временем для Западной Европы в целом и Италии в частности. Некогда единая империя Карла Великого окончательно раскалывается [1, с. 8], на ее территории формируются самостоятельные государства, постоянно происходят завоевательные походы и стычки между прави-

телями различных областей. Церковь переживает свой «темный век», папский престол находится под контролем могущественных семей города Рима. Внешняя обстановка обостряется тем, что южная Италия остается под контролем Византии, арабы совершают походы и пытаются установить свое влияние в регионе, а с северо-востока устремляются в разорительные набеги венгры.

В условиях подобной нестабильной политической обстановки, когда получение власти зависело от многих неожиданных факторов, некоторые женщины — жены, дочери, сестры, любовницы знатнейших лиц Италии и соседних королевств, смогли, проявив сильный характер и острый ум, получить широкое влияние [1, с. 10]. Воздействуя на своих мужей и сыновей, они принимали решения и определяли политическую линию того или иного маркграфства (например, Берта Тосканская). Назначая на важнейшие церковные должности своих креатур, они определяли церковную политику и обеспечивали верность папы римского и крупнейших епископов интересам той или иной знатной фамилии (Теодора, Мароция) и т. д.

Удивительно, что из X века до нас дошел достаточно широкий перечень женских персоналий, активно участвующих в итальянской политике (учитывая, что в большинстве случаев деятельность женщин, какой бы активной она ни была, остается «за кадром» исторических произведений даже более поздних периодов [2, с. 7]) — и все это благодаря труду яркого и незаурядного Лиутпранда Кремонского, уделявшего много внимания историческим деятельницам в своих работах, в частности, в «Антаподосисе». В этом заключалась его смелость как публициста и, можно даже сказать, оригинальность, не характерная для авторов-современников. Преследуя те или иные цели, Лиутпранд добавлял к образам известных женщин свои личные впечатления и ассоциации, что делает его героинь настолько яркими и живыми, что они и спустя тысячу лет производят на читателя неизгладимое впечатление.

Разумеется, для этого он использовал различные литературные инструменты, ярчайшим из которых является сравнение. Цель данной работы: проанализировать применение сравнений и аналогий по отношению к героиням «Антаподосиса».

Почему именно «Антаподосис»? В данном сочинении женским персонажам уделяется куда больше внимания, чем в других произведениях Лиутпранда. Кроме того, чтобы ответить на данный вопрос, полезно взглянуть на биографию Лиутпранда. Рожденный в Италии, возвысившийся при дворе короля Гуго Арльского, продолжавший служить при Беренгаре Иврейском, Лиутпранд в начале 950-х гг. неожиданно (по-видимому, из-

за размолвки с Беренгаром) покидает Италию и устремляется на север, ко двору правителя немецких земель Оттона. Знакомый как с немецкими, так и с итальянскими реалиями, а также владевший греческим языком и бывавший в Византии, Лиутпранд по совету епископа Рецемунда, посланника кордовского халифа [3, с. 10], в конце 950-х — начале 960-х гг. начал создавать свою историю Европы последнего столетия. По-видимому, он преследовал несколько целей. Во-первых, отомстить своим итальянским обидчикам (в первую очередь Беренгару и его жене Вилле). Во-вторых, восславить деяния Оттона по объединению немецких и покорению итальянских земель. В-третьих, представить эту работу на суд королю и его ближнему кругу, чтобы получить подобающую ему, Лиутпранду, награду. Из этих трех составляющих и рождается идея всеобщего «воздания» (по-гречески — «Антаподосис»): поругание для врагов, слава для праведного правителя Оттона и продвижение по службе для скромного труженика пера (такой карьерной ступенькой стало для Лиутпранда назначение на кафедру Кремоны [4, с. 300–302]).

Соответственно, учитывая острый политический контекст сочинения, можно с интересом наблюдать, на какие литературные изощрения пускается Лиутпранд, чтобы так или иначе повернуть каждую из описываемых ситуаций против своих обидчиков или же к вящей славе короля Оттона, активно готовившего поход в Италию [5, с. 31]. Женщины стали удобным объектом для подобных манипуляций, тем более что в ярких исторических деятельницах не было недостатка. Ведь поведение женщин — это честь мужей, законнорожденность сыновей, воспитание (правильное или нет) детей и вообще позор или почет для государства. Нетрудно заметить, что в «Антаподосисе» существует вполне закономерная тенденция к избранию жен, матерей, дочерей и других родственниц немецкого императора (мать Оттона Матильда, жена Адельгейда, сестра Герберга и др.) исключительно положительными персонажами, в то время как персонажи итальянской истории (Теодора, Мароция, Берта Тосканская, Ирмгарда, Вилла Тосканская и др.) в большинстве случаев рисуются в самых черных красках. Также интересно отметить, что количество негативных женских персонажей в разы превышает количество положительных.

Регулировать меру добродетели или злодеяний этих женских персонажей Лиутпранду зачастую помогали сравнения. Проводя аналогию с другим известным читателю литературным или историческим образом, Лиутпранд давал своим современницам уже устоявшуюся в сознании оценку, закрепляя ее у читателей. Рассмотрим работу этого механизма на частных примерах.

Важнейшими источниками образов, которыми пользовался Лиутпранд для характеристики женских персонажей, были Священное Писание и произведения периода Античности. При этом античные образы в большинстве случаев сразу несут в себе негативную коннотацию. Например, рассказывая о короле Гуго Арльском, Лиутпранд сообщает о его трех наложницах и передает, что в народе они были известны под именами античных богинь Венеры, Юноны и Семелы [6, с. 79]. Имена этих богинь несут негативный языческий отпечаток (любовница, ревнивица и вакханка соответственно), который был важен Лиутпранду, чтобы подчеркнуть бесстыдство и пороки как этих «блудниц», так и короля Гуго, который испытывал к ним «постыдную и позорную страсть».

С именем Венеры/Афродиты связана еще одна интересная конструкция: «дочь была равной матери по разврату» (несколько суховатый стиль русского перевода И. В. Дьяконова не всегда позволяет увидеть инструменты Лиутпранда во всей красе [7, с. 420–424]). Такая конструкция применяется к паре Мароции (дочь) и Теодоры (мать), представительницам знатной римской семьи Теофилактов, оказывающих значительное влияние на выбор папы римского, а также к Ирмгарде (дочь) и Берте, маркграфине Тосканской (мать). По отношению к Мароции и Теодоре Лиутпранд употребляет словосочетание «*Veneris exercitio*» («занятие Венеры») [6, с. 48], а в случае Ирмгарды и Берты Тосканской: «*Afroditi dulcedine*» («наслаждение Афродиты») [6, с. 50]. Т.е. здесь автор употребляет не прямо слово «разврат», а эвфемизм, благодаря которому Лиутпранд в очередной раз сравнивает образы современных ему женщин с образами фривольных античных богинь, подчеркивая тем самым степень распущенности современниц.

Лиутпранд использует для своих сравнений не только широко известные образы богинь из мифологии, но также образы персонажей произведений античных авторов, например, комедии Теренция «Девушка с Андроса» — Лиутпранд сравнивает ум уже упоминавшейся Теодоры с умом Глицерии, некоей женщины не очень похвального поведения, которая придумывает различные интриги и обманы, чтобы воссоединиться с любимым [8, с. 61]. О Теодоре Лиутпранд сообщает примерно то же: чтобы не разлучаться со своим любовником Иоанном, равеннским архиепископом, она готова нарушить все правила и посадить его на папский престол [6, с. 48]. Т.е. сравнение с Глицерией указывает на хитрость и изворотливость Теодоры, способной пойти на многое ради своей цели — плотской любви, удовольствий и т.д. Любопытно, что Лиутпранд сознательно низводит образ исторической деятельницы Теодоры из влиятельной римской семьи до образа распутной женщины Глицерии. Тем самым он показывает, что борьба

за папский престол в тот момент находилась на уровне выяснения отношений беременных распутниц, фигурирующих в комедии Теренция [8, с. 27]. Лиутпранд сочетает высокий жанр истории с похабными анекдотами и низким жанром комедии, соединяя несовместимое, но при этом создавая хоть и режущий глаз, но запоминающийся читателю яркий образ. Здесь можно отметить его оригинальность и смелость как писателя-историка.

Отдельно стоит обратить внимание на один из немногих положительных женских образов из итальянских земель и на те аналогии, которые автор использует для его построения. Лиутпранд приводит случай, как одна женщина спасла от кастрации своего мужа, попавшего в плен к маркграфу Камерино и Сполето Тедбальду после очередной стычки византийских войск и войск Тедбальда. Здесь упоминается сразу несколько античных образов, помогающих автору своеобразно расставить необходимые акценты в этой ситуации. Лиутпранд приписывает этой женщине следующие слова: *«Новое и неслыханное дело, о герои, вести войну против беззащитных женщин. Ни одна из нас не ведет свой род от крови амазонок; предаваясь только занятиям Минервы, мы ничего не смыслим в оружии»* [6, с. 77]. Образ Минервы как покровительницы прядения и другого рукоделия, символа мудрости несет в данном случае позитивную окраску и противопоставляется символу амазонок. Мы опять-таки видим сильный контраст: легендарные античные воительницы, не пугающиеся трудностей и испытаний, и одна несчастная, плачущая и причитающая женщина с растрепанными волосами и разодранным в кровь лицом [6, с. 77]. Когда же Тедбальд, военачальник, взявший в плен ее мужа и других греческих воинов, отвечает ей, что он не намерен вести войну против женщин, то она остроумно ему доказывает, что кастрация мужей — это не что иное, как война против их жен. Загнанный в ловушку собственными словами и смехом окружающих, Тедбальд вынужден (как убедительно показывает А. Т. Грабовски [9, с. 248]) отпустить пленника. Казалось бы, этот эпизод не несет иного смысла, кроме выпада в адрес Византии (пленные греки после кастрации, согласно шутке Тедбальда, предназначались императору, ценящему евнухов), но тут можно вспомнить, что данный эпизод относится к четвертой книге «Антаподосиса», четко поделенной на «итальянскую» и «германскую» половины. Чтобы показать политику Оттона как самую правильную в германских землях, Лиутпранд не скупится на описания безобразий и беззаконий, творящихся в Италии. В этом контексте «война против женщин» выглядит достаточно абсурдно и негативно, чтобы рассматривать ее как яркий пример бедственного положения Италии в тот период [9, с. 266].

Теперь хотелось бы сказать о тех сравнениях, которые Лиутпранд использует, говоря о жене Беренгара Вилле, его недоброжелательнице. «Труд

сей имеет своим назначением отметить, показать и прокричать [на весь мир] о деяниях того Беренгара, который не правит ныне, но тиранствует в Италии, а также жены его Виллы, достойной имени второй Иезавели за безмерность ее злодеяний и Ламии за ненасытную страсть к грабежам» [6, с. 266] — так Лиутпранд говорит о Беренгаре и Вилле, очерняя ее образ дополнительными параллелями как из Античности (Ламия), так и из Ветхого Завета (Иезавель). Ламия — чудовище, полуженщина-полузмея, похищающая и пожирающая младенцев, сеющая хаос и раздор. Иезавель же — гордая и властолюбивая царица еврейского народа, установившая вместо веры в бога Яхве идолопоклонство, гонительница праведников (что было важно подчеркнуть Лиутпранду для аналогии со своей жизнью и злодеяниями Виллы по отношению к нему самому). Любопытно, что Вилла единственная заслужила параллели как из античной, так и из библейской традиции в рамках одного смыслового отрезка. Как можно увидеть, обычно Лиутпранд дает подобные сопоставления дозированно и отсылает читателя к более-менее однотипным образам (например, наложницы Гуго с именами античных богинь). Здесь же Лиутпранд выбирает самых ярких и неприятных персонажей из обеих традиций, чтобы подчеркнуть еще раз чудовищность «злодеяний Виллы», поставив ее в один ряд с самыми ужасными злодейками, о которых только мог знать его читатель.

Кроме того, образ Виллы дополняется рассказом о ее измене Беренгару со священником Домиником, по описанию Лиутпранда довольно отталкивающим персонажем [6, с. 104]. Но обман быстро раскрылся, и слугам было приказано кастрировать священника. Любопытно, что, характеризуя священника, Лиутпранд включает в описание упоминание низшего бога плодородия Приапа, тем самым подчеркивая плотский характер страсти Виллы, ее откровенную греховность.

Обвинение Виллы в измене, а затем в ведьмовстве, чтобы эту измену скрыть [6, с. 104], — вещь в высшей степени серьезная. Этот эпизод характеризует Виллу как распутную и неразборчивую женщину, навлекает позор на ее мужа Беренгара. Кроме того, отягощая таким постыдным происшествием образ Виллы, Лиутпранд бросает тень сомнения на законность ее и Беренгара (по умолчанию) детей. Одним из них являлся Адальберт, соправитель Беренгара, активный участник политической жизни итальянского королевства на рубеже 950–960-х гг. Т.е. можно предположить, что нападка на Виллу Лиутпранд ослаблял позиции Адальберта, с которым в Италии соперничал Оттон [10, с. 81].

Однако вернемся к использованию сравнений. Кроме образа Иезавели, Лиутпранд приводит и некоторые другие аналогии из Ветхого Завета.

Например, он посвящает Мароции целое стихотворение, где называет ее Иродиадой [6, с. 69]: Лиутпранд сообщает о ситуации, когда после смерти своего второго мужа Видо Тосканского Мароция отправляет послов к королю Гуго, брату Видо, чтобы он на ней женился и тем самым завладел Римом. Лиутпранд проводит параллель с библейским сюжетом об Иоанне Крестителе и его смерти по замыслу Иродиады. Иродиада, жена Ирода Филиппа, вышла замуж за брата Ирода Антипу, тем самым нарушив еврейский закон. Иоанн Креститель укорял их за этот брак, за что и погиб в результате хитрой интриги Иродиады. Т.е. этот пример Лиутпранд использует как прямую аналогию ситуации Мароции с братьями Видо и Гуго, чтобы подчеркнуть не самый благочестивый характер этого брака. Кроме того, некоторые черты Иродиады благодаря этому сопоставлению переносятся и на Мароцию: хитрость, жестокость, гонения праведников и др., добавляя образу Мароции, и так довольно яркому, новые, еще более порочащие ее детали.

Любопытной мне кажется параллель, которую Лиутпранд проводит в ситуации с уже упоминавшейся Ирмгардой, дочерью Берты Тосканской, и королем Бургундии Рудольфом II — параллель с историей Юдифи и Олоферна. Ирмгарда возглавляла восстание, не позволяя королю и его союзникам войти в столицу Павию. Тогда Рудольф и мятежники начали тайные переговоры, и Рудольф, договорившись с ними, бежал к бунтовщикам от гнева своих прежних союзников [1, с. 119]. «Они попытались разбудить его шумом, как некогда евнухи — Олоферна, но, как и последние, не получили никакого ответа» [6, с. 60]. Только эта история из «Книги Юдифи» здесь получает негативное, зеркальное отражение, при этом сохраняя некоторые детали, вызывающие у читателя устойчивую ассоциацию с этими персонажами: осада города, палатка, не отзывающийся с утра вождь, разбегающееся войско и т. д. Но здесь не Юдифь идет к Олоферну, а Рудольф спешит к Ирмгарде. Ирмгарда губит Рудольфа не мечом, а своим коварством, сумев встать между ним и его союзниками, тем самым она четко прорисовывается здесь как злодейка и губительница (в отличие от героини и спасительницы Юдифи), а Рудольф скорее выглядит здесь как жертва ее хитрости, а не как разоритель Иудеи Олоферн.

Таким образом, Лиутпранд использует в «Антаподосисе» многочисленные образные сравнения и интересные аналогии. Как правило, он приводит примеры для характеристики отрицательных женских персонажей, чтобы добавить им еще большей яркости, подчеркнуть тот или иной аспект, а также отослать к известным читателю примерам злодейства, коварства, распущенности и т. д., чтобы характеристики этих хрестоматийных примеров распространялись также и на его героинь. Единственным положительным персонажем являет-

ся женщина, спасающая своего мужа от кастрации, но для создания ее образа Лиутпранду важно показать незаконную «войну против женщин» в Италии. Главными источниками аналогий для Лиутпранда являются античная мифология, произведения античных авторов и Священное Писание. Как правило, Лиутпранд использует однородные примеры в рамках создания одного образа, и лишь его недоброжелательница Вилла заслужила сопоставление из античной мифологии и библейской традиции одновременно — настолько Лиутпранду было важно подчеркнуть безмерность ее злодеяний.

Можно сказать, что, используя широко известные читателю образы как инструменты, Лиутпранд подчеркивает самые негативные черты в портретах своих современниц и строит остроумную контрастную модель, иллюстрирующую идею о творящихся в Италии беззакониях и нестабильной политической обстановке, на фоне которой деяния Оттона выглядят еще более праведными и славными, что вполне отвечает цели создания «Антаподосиса».

Список источников и литературы

1. *Фазоли Д.* Короли Италии (888–962 гг.). СПб: Евразия, 2007. 288 с.
2. История женщин на Западе. Т. II: Молчание Средних веков / Под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро. СПб: Алетейя, 2009. 512 с.
3. *Дьяконов И. В.* Введение // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М.: Русская панорама, 2006. С. 6–12.
4. *Ануфриева А. С.* Лиутпранд Кремонский // Православная энциклопедия. Т. 41. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 300–302.
5. *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977. 199 с.
6. *Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М.: Русская панорама, 2006. С. 13–110.
7. *Шмарakov P. J.* Рецензия: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. с лат. и комм. И. В. Дьяконов // Средние века. 2012. № 73(3–4). С. 424–426.
8. *Теренций.* Комедии. М.: Художественная литература, 1985. 574 с.
9. *Grabowski A. T.* From castration to misogyny. The meaning of Liudprand of Cremona's humour // Acta Poloniae Historica. Warszawa: Instytut Historii PAN. 2015. Vol. 112. P. 243–268.
10. *Бульст-Тиле М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й.* Священная Римская империя: эпоха становления. СПб: Евразия, 2008. 480 с.

УДК: 94(430)

Рибец А. В.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата

E-mail: stud0000247086@study.utmn.ru; andreycaribets@mail.ru

Демонология в хрониках Балтийских крестовых походов

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли демонологических образов в нарративах Генриха Латвийского «Хроника Ливонии» и Петра из Дусбурга «Хроника земли Прусской». Демонологические образы в этих произведениях — важная составляющая легитимации политической власти над местными народами, обусловленная тенденциями к распространению использования подобных сюжетов на средневековом Западе.

Ключевые слова: демонология, крестовый поход, социальные пространства, политика.

Ribets A. V.

University of Tyumen,
Institute of Social Sciences and Humanitarian,
Bachelor's program, Student

E-mail: stud0000247086@study.utmn.ru; andreycaribets@mail.ru

Demonology in the Chronicles of the Baltic Crusades

Abstract. The article examines the role of demonological images in the narratives of Henry of Latvia “Chronicle of Livonia” and Peter of Dusburg “Chronicle of the Land of Prussia”. The demonological images in these works are an important component in the legitimization of political power over local peoples, due to the trends towards the spread of the use of such plots in the medieval West.

Keywords: demonology, crusade, social spaces, politics.

Хроники, посвященные Северным крестовым походам, являются неисчерпаемым источником для всестороннего изучения различных исторических процессов, происходящих в момент интеграции мира языческого в мир христианский, что способствует распространению применения демонологических образов в политических, идеологических и религиозных сферах в различных нарративах и визуальной традиции.

Яркий пример такого рода источников являет собой первый крупный историографический памятник Балтийских крестовых походов — «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, написанная на латыни в 1229 году. В данном нарративе представлены основные события христианизации земель Прибалтики на начальном этапе. Автор показывает противостояние Тевтонского ордена ливам, эстам, земгалам и другим племенам. По большей части «Хроника Ливонии» — это пересказ процесса покорения языческих племен, но не с таким многофункциональным инструментарием демонизации, как в «Хронике земли Прусской». Генрих Латвийский не заявляет о том, что он вещает устами Бога, но все же прекрасно понимает свою роль праведного глашатая, которому необходимо донести до аудитории благородные намерения миссии Тевтонского ордена.

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, написанная в первой трети XIV в., считается первым историографическим памятником Тевтонского ордена в период христианизации Пруссии, который содержит официальное обоснование этого процесса. «Хроника», по сути, является развернутым пересказом событий в Пруссии и Литве, который насыщен разного рода сюжетами, дополнен житиями, чудесами и другими характерными для жанра историями. Важно то, что это произведение можно считать первым памятником сформировавшейся традиции литературы Ордена, что находит отклик в характерной манере повествования.

Демонологические сюжеты в обеих хрониках — квинтэссенция образа Другого, что выступает инструментом для агитации за политическое подчинение и преобразование языческого мира, интеграцию его в христианский универсум. Два этих нарратива, сопоставленные между собой, в полной мере могут раскрыть особенности репрезентации демонологических сюжетов. Имея ряд отличий в стиле написания, в содержании и в своем послыле, обе хроники создают полную картину смыслов, которую авторы вкладывали в каждое свое слово. Эти хроники могут заполнить историографическую лауну, дав ответы на многие интересующие нас вопросы.

Представление о крестовом походе как о божественном предназначении в восприятии крестоносцев укрепляет представление о том, что нарративные памятники тесно связаны с теологией. Борьба за «Град Божий», которую еще в IV–V вв. описывал блаженный Августин (354–430), является важным элементом, влияющим на сознание хронистов. Поэтому они создают свой духовно-рыцарский идеал, возвышают достижения Ордена на землях Пруссии и Литвы, Поморья, часто прибегая к цитированию

Ветхого и Нового Завета. Они не только считают, что наделены полномочиями представлять волю Господа, но и трактуют ее на свое усмотрение. Отсюда и частое использование сюжетов Священного Писания.

«Хроника земли Прусской» является более понятной и яркой для восприятия образа язычника, которым, несомненно, руководит дьявол, потому как написана она членом Ордена, который не один десяток лет боролся с местными язычниками. Вернувшись к тому, что авторы не сомневаются в своей священной миссии, все же стоит отметить правомерность утверждения о том, что Петр из Дусбурга более радикален в демонизации врага. Произошла трансформация смысла проводимой Орденом на землях Прибалтики и Пруссии политики, так как орденское устройство, с точки зрения государственности, становится чем-то похожим на автономную протогосударственную структуру, наделенную властью в условиях соперничества с епископством Рижским. Если Генрих Латвийский, писавший еще о начале процесса покорения язычников, склоняется к тому, что местное население представляет из себя заблудшее стадо, которому необходим пастух, чтобы привести их к свету и спасению, то Петр неоднократно изображает и пруссов, и ливов, и земгалов как волков, которое это стадо хочет сожрать, а стадо уже представляется собственностью, которой владеет и которую защищает Орден [1, s. 331].

Оба хрониста используют демонологические образы для характеристики местных языческих племен. Будь то большая группа или войско, Петр из Дусбурга и Генрих Латвийский рисуют их как полчище [2, с. 76; 3, с. 118]. Выражения «многое множество» или «бесчисленное множество» неоднократно встречаются в сюжетах, где присутствуют военизированные группы язычников. Смысл применения такого приема — тот же самый, что в визуальной демонологии: обезличить и лишить образа организованного войска [4, с. 38]. Войнство дьявола всегда изображается в виде обезличенной массы людей или бесов, за редким случаем с определенным лицом в центре: *«Эта величайшая стойкость духа была у Иуды Маккавея, который, стоя с горсточкой людей против многого множества язычников, ободряя своих, говорил...»* [2, с. 21].

Что касается отношения хронистов к самому народу, то тут все неоднозначно. Генрих Латвийский видит местных жителей как несчастных глупцов, не принимающих истинного Бога, оправдывая их частые вероломства тем, что не всем дано постичь Его, а в некоторых людях априори заложена ненависть к христианству. Генрих не затрагивает быт языческих племен, лишь изредка описывая ритуалы, которые, по его мнению, имеют дьявольские начала. Петр из Дусбурга более радикален в смысле демонизации

тех же пруссов. Он детально описывает характерные для их уклада жизни элементы, не отрицает *«великое гостеприимство для друзей пруссов»*, но бескомпромиссно заявляет о том, что эти народы ведутся дьяволом, который является частью их внутреннего устройства. Именно лукавым заложены основные черты характера и менталитета пруссов и прибалтов.

Заметно выделяются некоторые характеристики, которыми наделяют местных жителей авторы. Они шумные, невежественные, нечистоплотные, хотя сами авторы несколько раз упоминают, что те имеют банную культуру [3, с. 77]. Их поведенческий образ весьма предсказуем. В рамках противостояния цивилизации и варварства авторы не стесняются вешать ярлыки, ссылаясь на древнейшие описания тамошних диких народов у римлян. Как раз дикость — черта, поощряемая дьяволом, так как отрицает и противится преобразению в привычное европейцам устройство общества. Генрих Латвийский и Петр из Дусбурга настаивают, что тот факт, что пруссы и ливы до сих пор не отказываются от идолопоклонства, свидетельствует о том, что власть дьявола еще сильна в этом пространстве, а сами народы в рабстве у демонических существ. Разница в том, что Генрих говорит о неосознанности выбора быть в рабстве, а Петр пытается доказать обратное, будто язычники понимают, кому они служат.

Согласно акторно-сетевой теории Бруно Латура, все акторы сети в равной степени оказывают влияние друг на друга, причем акторы не обязательно являются существами одушевленными [5, с. 68]. Воспользовавшись данной теорией, мы наблюдаем, как каждый сюжет имеет своим началом действие кого-то из акторов: христиан или нехристиан. Действие, которое будет отображать их взаимосвязь, обязательно приходит к некоему консенсусу или объяснению конечного результата. Например, христиане, вспомнив об огромном уроне, который когда-то нанесли им эсты, разграбив поселение, решают отплатить той же монетой и вырезать их поселение, пока основная часть воинов находится в плавании. В конечном итоге, справедливость восстановлена во славу Господа, что является закономерным результатом для рыцарей, а эсты, вернувшиеся к руинам родной гавани, становятся еще более озлобленными, так как не способны противостоять дьявольскому подстрекательству к мести [3, с. 143].

У Генриха Латвийского в результате подобных событий крестоносцы приобретают образ заступников и постепенно приближающихся к святости воинов, чьи действия поднимают их по метафорической лестнице нравственности, а язычники либо приходят к осознанию своих ошибок, совершенных под властью демонизированного язычества, и принятие креста, либо же, наоборот, все больше погружаются во тьму. Петр

из Дусбурга отмечает преобразование и развитие крестоносцев через мучения, которые они испытывают, находясь в непрерывной череде столкновений с адскими силами в лице местных, тех же, в свою очередь, все больше подчиняет дьявол, генерируя дальнейшее взаимодействие.

Генрих Латвийский не очерчивает границ проявлений дьявола. Лукавый неотделим от своих подопечных, его козни, подстрекательство, обманы зачастую служат завязкой сюжета. Он не только участвует в событиях, которые описывают авторы, зачастую он является их триггером. Этот идеальный инструмент авторы используют для объяснения и подтверждения своей версии событий.

Фразеологизм «дети дьявола», который очень часто фигурирует у Петра из Дусбурга, призван показать демоническое начало пруссов, борющихся за свою свободу. Их сопротивление называется не иначе как «дьявольскими кознями»: *«Итак, всегда будь готов во всеоружии добродетели против козней дьявола, ибо, как писал епископ Паулин Августину, "этот наш враг имеет тысячу способов, чтобы нанести нам вред; мы должны бороться с ним таким же разнообразным оружием, как и то, каким он нас преследует"»* [2, с. 29].

У обоих авторов обезличивание язычников дает возможность выйти на передний план демону, чтобы проявить себя. Можно определить ряд особенностей поведения и характера, присущих дьяволу: это классическая ненависть к Богу и ко всему, с ним связанному, горделивость, лукавство, поощрение всякого беспричинного насилия. Его возможности практически не имеют предела, ограничиваясь только волей Господа, перед которым он бессилен. Хронисты пользуются его сверхъестественными происками для объяснения неудач Ордена, очередного предательства новообращенных местных, ухудшения погодных условий, преобразования ландшафта: *«Но враг рода человеческого, дьявол, которому всегда ненавистен мир и покой христиан, надоумил тех людей Самбии, что жили в волости Ринов, чтобы они снова впали в порок вероотступничества»* [2, с. 99].

Как уже было сказано, дьявол не имеет в хрониках описания своего истинного материального воплощения, зато ему присущ метаморфизм, который встречается как у Генриха Латвийского, так и у Петра из Дусбурга.

Образ змея, наиболее естественный для дьявола, активно эксплуатируется, выполняя свои привычные функции. Дьявол является христианам змеем для искушения и обмана; эту форму можно соотнести с формой дракона, о которой оба автора упоминают. Дракон и змей — две разные

ипостаси одной и той же сущности, только змей действует хитро и коварно, дракон же более страшен как тварь всепожирающая [4, с. 52]. Вообще, использование авторами негативных библейских персонажей было призвано внушить чувство необходимости уничтожения дьявольской власти, так как устоявшиеся образы, усвоенные ранее, активировали сопротивление дьяволу сильнее, чем новосозданные. Но, например, Каин или Иуда, упоминаемые в текстах, не представлены в качестве примера именно дьявольских проявлений и не интерпретируются в контексте основного мотива произведения, их преступления лишь сравниваются с преступлениями язычников, и автор здесь не отходит от первоначального библейского замысла.

Не затрагивая моменты, как именно дьявол устанавливает контроль над персонажами, мы сосредоточимся на превращениях дьявола в человека. Чаще всего объекты, подконтрольные злему духу, — это непримечательные персоны, которые появляются единожды. Они выходят из безлюдных и жутких для крестоносцев мест, таких как темный лес, болото. Автор не указывает на тот факт, что человек этот и есть демон или бес, но семиотический анализ часто приводит к такому выводу. Роль таких персонажей — в распространении лживых высказываний или утверждений для нанесения вреда христианам. Большинство персонажей легко поддаются влиянию их коварных слов, за исключением магистров или других ментально очень сильных людей. Так, например, в одном из сюжетов «Хроники Ливонии», в котором лив ночью приходит к лагерю крестоносцев и рассказывает о чудовищном образе демона в лесу, прорастающем из дерева, который предсказал массивную атаку на лагерь, священник понимает, что это уловки дьявола, не верит ему и отправляется молиться. Как следствие, никакой атаки не было, что подтвердило высказывание священника о том, что таким людям верить нельзя и все сказанное нужно проверять молитвой [3, с. 105].

Функционал дьявола не ограничивается лишь прямым или косвенным воздействием на акторов, хотя и составляет большую его часть. В редких случаях он способен воздействовать физически, не показывая своего облика. Он может толкнуть персонажа, чтобы тот споткнулся, упал [2, с. 182], заметного акцента на такие проявления авторы не делают, применяют лишь для красочности сюжета, но, возвращаясь к «Хронике земли Прусской», можно вспомнить о небольших главах с чудесами. В одной из них дьявол кусает лучника за палец, когда тот спит [2, с. 171]. То есть дьявол может оказывать физическое воздействие, а автор ведет к мысли о том, что истинная вера и преданность Ордену способны защитить. Генриху не было

смысла писать отдельно об апотропеике, так как inferнальные существа не выражали прямой угрозы и не могли нанести урон, потому что в его понимании все происходящие события — это борьба Бога и дьявола, которые проявляют свою волю через своих подданных, но у Петра из Дусбурга способности демонических персонажей значительно возрастают.

Тематика одержимости дьяволом развивалась в тот же исторический период, что описывает Петр из Дусбурга, но еще без каких-то выверенных актов экзорцизма и других практик, нацеленных на изгнание беса; автор использует сюжеты с таким явлением для конкретной цели, чтобы показать, насколько яростной будет сила лукавого, если христианин начнет сходить со своего праведного пути. Примеры подчинения человека воле дьявола — нечастые явления, но в «Хронике земли Прусской» они есть, в отличие от «Хроники Ливонии». Внешний вид человека никак не меняется, констатируется сам факт одержимости, который обязательно приводит к нанесению вреда христианам. Померанскому князю Святополку посвящено довольно много внимания в связи с непрекращающимися столкновениями Ордена с ним. Святополк успешно совершает набег на земли Ордена, разоряя города и убивая огромное количество христиан. Его Петр называет «сыном дьявола» за его злодеяния [2, с. 65]. В некоторые моменты создается впечатление, что хронист видит этого персонажа главным врагом тевтонов, но он тут же пропадает из сюжета, когда магистр Ордена вынужден заключить с ним мир.

Пространство в хрониках изменяется в зависимости от того, под чьим влиянием оно находится. Генрих Латвийский и Петр из Дусбурга акцентируют внимание на преображение мест, которые ранее являлись подконтрольными язычникам. У авторов есть единый мотив, которым они выделяют враждебную среду. До того, как пилигримы начали возводить каменные крепости и построили Ригу, язычники жили в «лесных трущобах» или во «тьме леса», как еще можно перевести. При каждом удобном случае, когда новообращенные христиане терпят неудачу или вновь отказываются от креста, они возвращаются в лес, символизируя воссоединение со своей истинной дикой природой [6, с. 32]. Удивляет тот факт, что авторы практически одинаково рисуют пространство проживания местных. Прибалтийский лес очень пугает крестоносцев своей непроходимостью, большим количеством болот. Важным символом выступает так называемая Древняя гора, на которой располагается город Герцике. После многолетних военных столкновений с тамошним «королем» город был разрушен, а руины стали кишеть змеями и были забиты нечистотами [3, с. 123]. Любое пространство, оставленное язычниками, транс-

формируется в «дьявольский идеал». В местах, где есть вражеские силы, нормальная жизнь, по мнению авторов, существовать не может, поэтому преобразуется в пустыню: «Не имели покоя и сами они, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось» [3, с. 172].

Для крестоносцев важно сохранить населенный пункт ради людских ресурсов, логистики и других факторов, что служит показателем цивилизованного способа ведения войны; они стараются действовать систематизировано и логически обоснованно. У дьявола есть всего одна цель в отношении местности — уничтожение, для того, чтобы не дать цвести «Божьему винограднику» [7, с. 196]. Там, где прошлись дьявольские силы, жизни быть не может. Таким образом, авторы подчеркивают полезность власти Ордена, который старается возвести крепости, построить города и проложить дороги.

Но не всегда можно в одном сюжете найти причинно-следственную связь между пространством и действием, порой приходится вычленять отрывки, где мы можем наблюдать трансформацию. Например, автор описывает битву, где гибнет множество рыцарей и язычников, но все кончается победой христиан, а уже через две главы автор говорит о том, что там построили небольшую крепость у устья реки [2, с. 57]. Демонологический инструментарий выполняет несколько ключевых функций, которые необходимы обоим хронистам: приравнять язычество к вере в дьявола, то есть несостоятельной системе воззрений, которую необходимо искоренить, узаконить свою власть через борьбу с ним, оправдать свое присутствие в Прибалтике.

Гораздо более ярким и выраженным является инструментарий у Петра из Дусбурга, и стоит сказать, что небезосновательно. Методом сравнительного анализа, используя кейсы, содержащие нужную нам информацию, где прямо или косвенно можно увидеть демонологические проявления даже количественно, в «Хронике Ливонии» нами было выявлено пятьдесят семь кейсов, а в «Хронике земли Прусской» — во семьдесят один. Но несмотря на довольно большой список изображения дьявольских проявлений у Генриха Латвийского, они почти одинаковы и ограничены в своих смыслах.

Петр из Дусбурга использует более широкий арсенал средств демонизации язычников и демонического пространства. У него можно наблюдать предполагаемое разделение по иерархической системе у сверхъестественных существ: дьявол как квинтэссенция зла, а бесы, призраки, демоны и одержимые — его подчиненные. Конкретные образы напрямую ассоциируются с местными жителями, ставятся в один ряд, как про-

тивники Бога, а речи о возвращении их к Христу не ведутся, заменяясь речами о законности их уничтожения. Отсюда и частые отсылки к теологическим текстам, использование отрывков из Ветхого и Нового Завета.

С момента описываемых Генрихом Латвийским событий конца XII в. к европейским политическим элитам, заинтересованным в начале покорения земель Прибалтики, приходит осознание того, что проводимая политика не приносит успеха, и Орден конца XIII — первой трети XIV вв. не справляется с тем, ради чего укреплялся в этом регионе. В это время происходят постоянные столкновения с рижским архиепископом, который ведет самостоятельную политику, не считаясь с мнением Ордена, чей авторитет падает, а стремление к подчинению прусских и литовских земель — нет. Это приводит в конце XIII в. к открытым столкновениям Ордена и рижского епископата. Внутренние и внешние проблемы, с которыми столкнулись крестоносцы в Пруссии, не могли не оставить следа в их уже сложившейся историографической традиции [8, с. 154].

Тевтонский орден опасался того, что из-за ненадобности его уничтожат так же, как тамплиеров, что почти произошло, когда папа Климент V вместе с французским королем Филиппом IV Красивым признал и повторил в своей булле все обвинения, предъявленные Тевтонскому ордену рижским архиепископом, и поручил своему легату провести следствие на месте. Орден даже на какое-то время был отлучен от церкви. Необходимы были серьезные аргументы, чтобы избежать такой бесславной участи. И «Хроника земли Прусской» — один из способов реабилитации в глазах церковно-политических элит [8, с. 157].

Петр из Дусбурга стремился доказать, что только Тевтонский орден способен обеспечить справедливую власть на землях, где постоянно вспыхивают восстания, что крестоносцы преследуют благую цель и борются с дьяволом на этой проклятой земле. Эту хронику можно охарактеризовать как актуальную работу, следующую всем модным тенденциям по демонологии, но последняя служит лишь мощным инструментом для того, чтобы показать исключительность Ордена, который борется с дьяволом вполне успешно, и никто лучше него с этой борьбой не справится. Возведение демонологических образов в Абсолют должно было показать, что бороться нужно с истинным врагом, то есть переключить внимание с одних проблем на другие. Петр из Дусбурга, вероятно, написал свой труд для Вернера фон Орзельна, магистра Ордена [2, с. 5]. Можно долго рассуждать об истинных мотивах Петра, выяснять, для кого он писал, но факты свидетельствуют о том, что «Хроника» должна была каким-то образом реабилитировать организацию, доверие к которой постепенно угасало и существование ко-

торой находилось под большой угрозой. Язычники действительно были проблемой для Ордена, но Рижское епископство постепенно начало заключать союзы с наиболее крупными языческими княжествами и племенами. Проблемой по большей части являлись восстания пруссов и литовцев, но Петр из Дусбурга объясняет их действиями истинного врага — дьявола, делая их инструментами для обоснования необходимости существования Тевтонского ордена. Он использует их как страшную богопротивную силу, стараясь вернуть веру в то, что борьба с ней необходима, а для этого крестоносцы подходят лучше всего. Поэтому использование демонологического инструментария находится на разных уровнях у двух авторов, что объясняется смыслом его применения.

Подытоживая, можно сказать, что демонология в «Хронике Ливонии» и «Хронике земли Прусской» имеет значение призмы, сквозь которую автор демонстрирует окружающий мир, идеи, которые он вкладывает в свое произведение, эксплуатируя демонологические образы так, как этого требует политическая ситуация в регионе, в самом Ордене и в целом в католической церкви. На примере двух самых репрезентативных хроник, посвященных Балтийским крестовым походам, мы наблюдаем развитие демонологического инструментария.

Список источников и литературы

1. *Dygo M. Nad początkami władztwa zakonu niemieckiego w Prusach (1226–1259)*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1992. 408 s.
2. *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Пер. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997. 384 с.
3. *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Введение, пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.
4. *Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Intrada, 2011. 256 с.
5. *Латуш Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
6. *Leighton G.* Crusading and Holy War in the Teutonic Order's Struggle for Žemaitija. Written and Visual Perspectives // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. 2020. Vol. 41. P. 25–52.
7. *Pluskowski A.* The Archaeology of the Prussian Crusade: Holy War and Colonisation. Abingdon: Routledge, 2013. 448 p.
8. *Матузова В. И.* Идеино-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1982. М., 1984. С. 152–169.

УДК: 94(736)

Фатхуллин В. Ф.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: Fatkhullin.1987@bk.ru

Изображения святых на городских печатях Англии XII–XVI веков

Аннотация. В работе исследуется проблема репрезентации городов Англии на материале печатей с образами святых. В статье выявляются идеи и смыслы, которые выражались при помощи изображений, изучается мотивация изображения городами конкретных образов.

Ключевые слова: сфрагистика, Англия, город, святой, иконография, семиотика.

Fathullin V. F.

University of Tyumen,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Bachelor's program, Student
E-mail: Fatkhullin.1987@bk.ru

Images of Saints on city seals of England of the 12th-16th centuries

Abstract. This paper investigates the problem of representing the cities of England on the material of seals with images of saints. The article reveals the ideas and meanings that were expressed with the help of images, the motivation of cities for the image of specific images is studied.

Keywords: sigillography, England, city, saint, iconography, semiotics.

С последней трети XX века в медиевистике ведется немало споров о различных аспектах идентичности, репрезентации и мировоззрения людей Средневековья. Однако относительно недавно для изучения проблематики идентичности начали обращаться к сфрагистическим источникам. Значимость печатей отнюдь не исчерпывается эстетикой, они содержат сведения об исторических событиях, развитии материальной культуры, дают информацию о нравах и мировоззрении людей Средневековья. В силу своей информативности печати могут помочь нам в более глубоком понимании самовосприятия города как одного из ключевых феноменов средневековой цивилизации.

Изображения цитаделей, гербов, святых — все это несло определенные смыслы и идеи, репрезентировало данные общности. В статье изучается репрезентация городов Англии на материале печатей, относящихся к одному из самых массовых иконографических типов: с изображениями святых. На конкретных примерах показаны идеи, которые выражались при помощи изображений, рассмотрены случаи изменения иконографии. В работе используется метод сфрагистического анализа. В соответствии с ним производится описание печатей по стандарту Комитета по сигиллографии Международного совета архивов, подразумевающему максимально подробную характеристику матрицы и оттиска по совокупности внешних и внутренних параметров. При атрибутировании оттисков описывается изображение, легенда, цвет, размер, указывается владелец, датировка, материал, физические повреждения. Изучение семантики символических элементов основывается на изучении исторического контекста городов.

Из обнаруженных нами 257 печатей городов Англии, оттиснутых различными матрицами, принадлежащих 219 городам (есть случаи смены матриц), 21 печать относится к рассматриваемому нами иконографическому типу, что делает их одними из наиболее часто встречающихся (8% от общего числа), уступая по массовости лишь печатям, относящимся к «замковому» иконографическому типу. Из 21 печати с изображениями святых 18 имеют круглую форму, остальные три остро-овальные.

Пиком избрания городами изображения святых на своих печатях является XIII век (появилось 12 новых печатей). После XIII века популярность данного иконографического типа снизилась. Так, с XIV по XV вв. число появившихся печатей с изображениями святых сократилось в 3 раза и составило примерно 4–5 новых матриц за столетие. В XVI веке нет ни единого случая появления новой матрицы с изображением святых или их атрибутами. Таким образом, прослеживается постепенное снижение количества печатей с изображениями святых, начиная с XIV века и вплоть до Нового времени, когда печать как основное средство удостоверения документов постепенно отходит на второй план, сменяясь подписью.

Таблица 1. Датировка печатей, оттиснутых различными матрицами, и изображения на них

Век появления печати	Святой <i>figura</i>	Святой <i>historia</i>	Святой атрибут	Итого
XIII век	9 (в т.ч. 1 аллегория)	3	0	12

Век появления печати	Святой figura	Святой historia	Святой атрибут	Итого
XIV век	3	1	0	4
XV век	4 (в т.ч. 1 аллегория)	0	1	5
Всего за три столетия	16	4	1	21

Отметим, что мы регулярно сталкиваемся с проблемой точной датировки городских печатей. В рассмотренных нами каталогах за редким исключением находятся сведения лишь о веке появления матрицы.

Все печати принадлежат девятнадцати городам, встречаются случаи смены матрицы в рамках прежнего иконографического типа. Печати принадлежат следующим городам, расположенным в разных регионах Англии: Альверсток, Беверли, Бостон, Вилтон, Винчелси, Йовил, Йорк, Кентерберри, Колчестер, Леоминстер, Линн Регис, Лондон, Осветри, Рочестер, Тентерден, Фолкестон, Хайт, Эксетер, Эпплби.

На печатях рассматриваемого иконографического типа чаще всего встречаются фигуры или атрибуты таких святых, как Томас Кентерберийский (Фома Бекет), Иоанн Богослов, апостолы Петр и Павел. Однократно встречаются фигуры святого Лаврентия, апостола Андрея, святых Маргариты, Елены, Свитуна, Энсвиты, Освальда, Эдиты, Ботольфа, Молдрит, Иоанна Беверлийского, Иоанна Крестителя. Обычно города изображали на печатях своих небесных покровителей, которые так или иначе были связаны с этим городом, в особенности это касается местнотимых святых.

Вопрос возможной мотивации избрания городами рассматриваемого иконографического типа открыт. Города Англии изображали святых на печатях в тех случаях, если, во-первых, святым были основаны часовня, приорат, храм или сам город, и, во-вторых, на территории города находилась церковь, посвященная этому святому. Города стремились изобразить святых, если их жизнь была связана с этим городом. Примерами святых, которые основали часовни, храмы или города, являются Елена, основавшая часовню в городе Колчестер, и Иоанн Беверлийский, основавший город Беверли. Нет ничего удивительного в том, что эти и прочие святые, основавшие церкви, часовни и города, были почитаемы в этих городах. Основавший в городе церковь святой становился местнотимым небесным покровителем, который должен духовно оберегать город, обладающий печатью с образом этого святого.

Встречаются города, которые изображают на печатях святых, никогда не живших в этих городах, не основывавших церквей и часовен, не имевших здесь своих приоратов, однако считавшихся местными покровителями. Города стремились изобразить не церковь, а образ святого, которому она была посвящена. Примером является город Осветри, на территории которого была построена церковь, посвященная святому Освальду, после чего он стал считаться покровителем города [1, р. 99]. Также в качестве примера можно привести печать города Леоминстер, на территории которого располагалась церковь святого Петра. После постройки церкви примерно в XIII веке святой Петр стал небесным покровителем города и был изображен на печати города [2, р. 221].

Печати с образами святых делятся на три группы в зависимости от иконографии: *figura*, *historia* и атрибут. Способ представления образа святого *figura* — когда изображение не передает какой-либо истории или события из жития. Помимо этого, в этой группе рассматриваются аллегории святых. Из 21 печати с изображениями святых к этой группе относятся 16, что составляет 76% от общего числа оттисков, относящихся к данному иконографическому типу. Примером данной группы является печать города Лондона. Данная печать является одной из самых ранних городских печатей Англии и датируется 1219 годом [3, р. 107]. На печати изображен святой Павел, стоящий в центре города, держащий в правой руке меч, а в левой — знамя Англии при Эдуарде II [4, р. 220]. Фигура святого Павла, изображенная на печати, передает идею защиты, а знамя, по-видимому, говорит о том, что королевство и город неразрывно связаны. Святой Павел водружает символ Англии в сердце Лондона, который является сердцем всей страны. Вероятно, с помощью изображения святого, водружающего знамя, жители Лондона пытались передать свою важность для всего королевства. Печать Лондона интересна тем, что она является своеобразной копией печати города Кельна, датируемой 1146 годом [5, s. 261]. На обеих печатях изображены окруженные стеной города, над которыми возвышаются святые — Петр (Кельн) и Павел (Лондон).

Способ представления образа святого *historia* — когда на печати изображается какое-то событие, например, история из Библии или жития святого. В случае городов Англии на печатях типа *historia* изображаются лишь сцены мученичества святых, что будет рассмотрено ниже. К данной группе относятся всего 4 матрицы (20% от общего числа). Чаще всего в этой группе встречается образ святого Томаса Кентерберийского (Фомы Бекета) — одной из ключевых фигур в английской истории

XII века. Данный святой фигурирует на печатях двух городов: Кентерберри и Винчелси. В средние века Кентерберри был главным религиозным центром страны, поэтому неудивительно, что город изображал религиозные мотивы и образ значимого архиепископа на своих печатях. На территории Винчелси находится церковь, посвященная Томасу Кентерберрийскому [1, р. 129]. На печати города Кентерберри помимо фигуры святого изображены четыре рыцаря, которые убили Томаса после отказа явиться в Винчестер для суда [1, р. 51].

Следующим событием, которое фигурирует на печатях английских городов, является сцена мученичества святого Лаврентия. Печать с изображением мученичества святого принадлежала городу Эпплби и датируется XIII веком. На печати изображен мученик на решетке над огнем, между двумя палачами, ангел с распростертыми крыльями, выходящий из облаков по пояс и уносящий душу святого на небеса, над его телом — знамя, на котором изображен королевский герб, под знаменем три звезды, а слева — яблоко [6, р. 3]. На территории Эпплби находилась церковь, посвященная святому Лаврентию, основанная в XII веке Ранульфом ле Мешеном как часть нового города Эпплби.

Последним событием, фигурирующим на печатях типа *historia*, является мученичество святого Андрея, которое изображено на печати города Рочестер, также датируемой XIII веком, как и печать Эпплби. На ней изображен мученик, который одет в вышитую тунику и растянут на довольно узком солончаке. Святой Андрей являлся покровителем города, потому, вероятно, он и был изображен на печати города [1, р. 107].

Единственной печатью, на которой изображен атрибут святого, является оттиск города Эксетер, датируемый 1446 годом. На этой печати изображены два ключа — атрибут святого Петра [6, р. 75].

Как и любое изображение на печатях, образы святых несут в себе идеи и смыслы, которые вкладывались городами — обладателями этих печатей. По мнению многих медиевистов, святые выступали в роли защитников верующих. За почитание своих покровителей верующие получали от святых духовную защиту и возможность ходатайства на божьем суде. Исходя из этого, следует, что изображенный на печати святой мог выступать в роли апотропея, обеспечивая духовную защиту городу. Помимо духовной защиты, святые обеспечивали материальную, экономическую и политическую защиту граждан. Изображая на восковых печатях святых, города взывали к своим небесным покровителям, надеясь на стабильное процветание и небесное вмешательство в трудные времена. В отношении саморепрезентации можно отметить, что в жизни городов,

изображающих на своих печатях святых, эти святые играли большую роль, чем в жизни остальной Англии; эти города испытывали большое влияние Церкви.

В целом данный иконографический тип является одним из самых массовых среди городских печатей Англии XII–XVI вв. Но несмотря на массовость, начиная с XIV века количество печатей данного типа неуклонно сокращалось, пока в XVI веке совсем не перестали появляться новые матрицы с изображениями святых. Города изображали святых, которые были их покровителями; в каждом без исключения городе, о котором говорилось выше, есть церковь, посвященная изображенному на печати святому. Изображение святого на печати было одной из форм почитания, а взамен граждане могли рассчитывать на духовную защиту.

Список источников и литературы

1. *Pedrick G.* Borough Seals of the Gothic Period. London: J. M. Dent & Co, 1904. 141 p., 50 Plate.
2. *Cherry J. F.* Seals of Cities and Towns: Concepts of Choice? // *Medieval coins and seals: constructing identity, signifying power* / Ed. by S. Solway. Turnhout, 2015. P. 283–295.
3. *Harvey P. D. A., McGuinness A.* A guide to British medieval seal. London: British Library, 1996. 133 p.
4. *Bloom J. H.* English seals. London: Methuen, 1906. 274 p.
5. *Diederich T.* Rheinische Städtesiegel. Neuss: Neusser Druckerei, 1984. 391 s.
6. *Birch W. de G.* Catalogue of seals in the department of manuscripts in the British Museum. Vol. 2. London: British Museum, 1892. 839 p.

УДК: 94(450).05

Падалка А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант
E-mail: spleensky@gmail.com; st049269@student.spbu.ru

Образы монахинь в зеркале флорентийской городской литературы XIV века

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отношении представителей купеческой среды Флоренции XIV века к их родственницам-монахиням. Автор статьи изучает упоминания монахинь в литературных источниках, хрониках и моралистических трактатах и приходит к выводу о незаинтересованности в судьбе женщин, выключенных из семейного круга и вошедших в другую социальную группу.

Ключевые слова: Флоренция, Возрождение, женщины, монахини, XIV век.

Padalka A. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Post-graduate student
E-mail: spleensky@gmail.com; st049269@student.spbu.ru

Images of nuns in the mirror of Florentine urban literature of the 14th century

Abstract. The article deals with the question of the attitude of representatives of the merchant circles of Florence of the 14th century to their relatives, who were nuns. Author studies the references of nuns in literary sources, chronicles and moralistic treatises. Author concludes about disinterest in the fate of women who were excluded from the family and entered into another hierarchy.

Keywords: Florence, Renaissance, women, nuns, 14th century.

Начало Возрождения в итальянских городах было отмечено эволюцией социальной и духовной жизни, отходом от традиционных установок и попытками выстроить новую модель общественных и семейных отношений. Ярче всего это отразилось в изменении восприятия женщин. Патриархальные взгляды на матерей, сестер, жен и дочерей теперь сочетались с гуманистическими идеями. Свои поправки вносили и порожденные купеческой средой представления о «достойных» и «дурных» дамах. Это отношение было отражено в городских лите-

ратурных источниках, в частности, хрониках, новеллах и различных моралистических и хозяйственных трактатах.

Отметим, что спектр социально приемлемых статусов женщины был ограничен. При этом вариативность сокращалась с возрастанием значимости определенного клана в городе. Большинство этих статусов были связаны с тем или иным семейным положением. Вне замужества или вдовства практически единственным «достойным» вариантом было монашество. Остальные возможности либо носили маргинальный характер, либо не одобрялись (например, попытки «вмешательства» женщин в торговые дела традиционно подвергались критике).

Монастыри в XIV веке становятся вторым, помимо дома мужа, полем реализации для женщин. Для этого времени характерен резкий рост популярности женщин-святых (и появление новых образцов для подражания, таких как Екатерина Сиенская). Редкие монастыри не имели своих визионерок [1, с. 97]. Возможность насыщенной эмоциональной жизни, не требующей соприкосновения с мужским миром, сделала монашеский удел привлекательным не только для подвижниц, старых дев или вдов, но и для сравнительно молодых женщин. Монахини образовывали своего рода консортерию; их занятия, за исключением религиозных практик, не слишком отличались содержанием от обязанностей, например, незамужних женщин или вдов, оставшихся в родном доме [2, р. 86–87]. Наконец, в XIV–XV вв. начинает расти популярность женского монастырского воспитания. Пребывание в обители не обязательно влекло постриг, но давало девочке достойное образование [3, р. 181]. Воспитание, полученное в монастыре, изначально воспринималось как необязательное или даже нежелательное, но позднее стало важным признаком достойной невесты из хорошего дома.

Закрытый мир женских монастырей нередко упоминался в различных городских источниках. Это могли быть общие сведения, как в городских хрониках, частные случаи, как в семейных летописях, вариации на кургузые или же скабрёзные темы, как в новеллах. Представляется важным рассмотреть «внешний» взгляд на положение монахинь, так как исследование таких образов — ключ к реконструкции положения и роли женщин в средневековом итальянском городе. Подобный анализ может выявить соотношение религиозных требований и светских представлений о «достойном» и «дурном» женском поведении.

Историография избранной темы достаточно обширна. Специфика организации женских обителей упоминается в фундаментальных исследованиях по истории монашества [4]. Следует отметить работы по истории женщин в Средние века [5; 6], в которых подробно говорится о положе-

нии монахинь. Многочисленные статьи, освещающие историю женской повседневности, акцентированы на более узких аспектах монашеской жизни [7; 8]. Исследования флорентийских семейных книг демонстрируют, что монашеский удел занимал важную часть в парадигме перспектив, открытых для женщин из купеческих семей [9; 10; 11; 12]. Работы, в которых анализируется флорентийское образование эпохи раннего Возрождения, показывают растущую значимость монастырского воспитания девочек в это время [13]. Женскому монашеству посвящены и специальные исследования, в которых рассматриваются различные стороны этого явления [2]. В отечественной историографии указанный вопрос изучался в контексте социальной и гендерной истории Италии [14; 15; 16]. Если в западной историографии долгое время оставалось актуальным убеждение, что женское монашество было менее значимым, чем мужское, то российские исследователи неоднократно отмечали особенное и важное влияние монахинь на итальянскую повседневность.

Таким образом, большинство работ, посвященных проблеме восприятия монахинь в общественном сознании флорентийцев XIV века, содержат только картину жизни женских обитателей и практически не освещают представлений о монашеском уделе в обыденном сознании. Кроме того, для анализа женской монастырской повседневности нередко использовался ограниченный круг источников, имеющих религиозный характер. Мы же полагаем, что важно проанализировать, как монахинь воспринимали в миру, особенно в семьях, которые они покидали.

Наиболее ярко и отчетливо тенденции восприятия монахинь и женской религиозной повседневности отражены во флорентийских источниках XIV в., причем монахини или послушницы упоминаются во всех типах источников: хрониках, новеллах и моралистических трактатах. Отметим, что авторами этих сочинений выступают чаще всего мужчины, таким образом, изображения монахинь становятся своего рода иллюстрацией обыденных представлений о женских обителях.

Жизнь монахини была практически единственным способом реализации для девушки или женщины, не сумевшей по тем или иным причинам вступить в брак. Заметим, что такая судьба, хотя и менее предпочтительная, чем замужество, нередко избиралась отцами семейств для дочерей, которым не хватало приданого, красоты или здоровья для удачного брака. При этом ни в хрониках, ни в новеллах мы практически не видим самостоятельно принятых решений о вступлении в монастырь. Почти всегда монахинями становились либо по решению отца или других членов семьи, либо от безвыходности, либо в результате интриг, либо в старости, чтобы не обремене-

нять родных. Примечательно, что в большинстве случаев мужской постриг воспринимался хронистами как трагедия или, по крайней мере, досадное событие. Так, флорентийский купец Донато Веллутти был готов позволить своему брату жениться на недостаточно родовитой невесте, чтобы тот не вступил в монашеское братство [17, р. 42]. Женский уход в монастырь принимался намного спокойнее, нередко даже с одобрением — как еще один способ принести пользу семье. Наиболее ярко такое отношение заметно в рассказе Веллутти о монне Беатриче, отдавшей почти всех детей (и сыновей, и дочерей) в разные обители [17, р. 50]. В пределах одной семьи уход в монастырь юноши порицался, а постриг девушки принимался как должное. Веллутти лишь вскользь отмечал, что поступок Беатриче мог быть продиктован религиозным пылом. Он вообще не видел в помещении юношей в монастырь ничего богоугодного, это событие вызывало в нем только одно чувство — раздражение от потери потенциальных участников семейного дела. Иное дело — девушка; ее постриг не вызвал у хрониста никаких эмоций, кроме сухой констатации факта. Многие из монахинь, упомянутых Веллутти в его семейной хронике, заслужили похвалы автора, поскольку использовали свой статус для самореализации и укрепления положения рода. *«Пиккарда, дочь указанного Маттео, была помещена Маттео <...> в монастырь <...> где затем она долго пребывала и вела честную и добрую жизнь, оставаясь доброжелательной и умеренной: и по ее благости и добродетелям <...> она стала настоятельницей монастыря, и разросся этот монастырь, и она вытянула его из многих долгов, которые у него имелись»* [17, р. 51]. *«...Джованна-пинцокера <...> изготавливает дорогие вещицы для мирян; она мудра, добра и хорошая рукодельница; честная, добросовестная, и ведет непорочную жизнь»* [17, р. 293]. *«Чилия и Герардина не вышли замуж: они оставались долгое время старыми девами, надеясь на замужество, потом надежда покинула их <...> и они сделались пинцокерами <...> Они хорошо наживались и жили достойно, зарабатывая перематыванием шерсти, в то время как их братьям приходилось держать служанок. Были они очень любящими и весьма болтливыми»* [17, р. 60]. Эти три характеристики демонстрируют как различные пути реализации внутри монастыря, так и разные причины вступления в монашеский орден; всех их объединяет положительная оценка, данная Веллутти. Женщины, вольно или невольно оказавшись в монастыре, не отчаивались, а использовали открывшиеся возможности так же, как их замужние родственницы, с той разницей, что их полем деятельности были кельи, а не комнаты дома. Описания монахинь в хронике Веллутти не слишком отличаются от аналогичных характеристик, данных замужним женщинам.

Отметим, что перед монахинями, как и перед другими представительницами того или иного рода, ставились определенные задачи, направленные в том числе на укрепление престижа семьи. Таким образом, женщины, даже оказавшись в монастыре из религиозных побуждений, часто оставались тесно связанными с миром. Сам постриг нередко был обусловлен «мирскими» обстоятельствами: так, одна из родственниц Веллутти вступила в монастырь одновременно с мужем, которого принудили к этому политические перипетии [17, р. 294]. Другим такую судьбу определяли отцы, старшие братья или другие родственники. Третьи, чаще всего вдовы, оказывались в обители, поскольку выполнили свои «мирские» задачи (например, вырастили детей). Примечательно, что вне зависимости от добровольности принесенных обетов женщина не могла покинуть монастырь. По-видимому, постриг далеко не всегда был актом свободной воли [5, с. 239]. Даже Веллутти, который в биографиях монахинь почти всегда подчеркивал их благочестие и святую жизнь, не мог скрыть случаев принуждения к постригу. Так, его овдовевшую племянницу Аньолу, незаконнорожденную и не вышедшую замуж во второй раз, заставили стать пинцокерой и поселиться в монастыре [17, р. 150]. Примечательны и рекомендации флорентийского купца Паоло да Чертальдо, который предлагал читателям отдавать девочек в монастырь прежде, чем они познают мирскую суету [18, с. 337].

Наиболее ярко отразил обыденные представления о повседневности женских монастырей Джованни Боккаччо. Его антиклерикальные новеллы утрируют развращенность монахов обоюбого пола. Боккаччо полагал, что в монастырях царили более свободные нравы, чем принято считать [19, с. 158–159, 523–524], а обет целомудрия не становился препятствием для монахинь и даже высмеивался последними [19, с. 161–162]. На практике же большинство отцов отдавали своих дочерей в обители в совсем юном возрасте, до того, как они узнавали о мирских искушениях [18, с. 337]. Большую часть монахинь составляли девочки-подростки, вдовы или старые девы, меньшую — молодые женщины, которыми владел религиозный пыл [5, с. 245]. Разумеется, своего рода гарем из монахинь, описанный в одной из новелл, вряд ли мог существовать в действительности [19, с. 163], но справедливо утверждать, что мир женского монастыря нередко был не менее суетным, чем флорентийские улицы. Тем не менее, даже такой исход считался более предпочтительным, чем участь старой девы. Достаточно заметить, что ни в хрониках, ни в моралистических трактатах не упоминаются незамужние женщины, которые не удалились бы в конце жизни в обитель.

Разумеется, монастырь не был самым предпочтительным вариантом устройства женской судьбы. В начале XIV в. отцы старались отдавать всех своих дочерей замуж: этому способствовали и сравнительно небольшое приданое, и возможность выбрать жениха из многих. По-видимому, вплоть до эпидемии чумы родители, определяя судьбу девушки, все же предпочитали брак монастырю. Так, флорентиец Джованни Виллани, живший в первой половине XIV в., указывал в своей хронике, что в двадцати четырех женских обителях находилось всего пятьсот монахинь [20, с. 378]. Ситуация резко меняется во второй половине XIV в. — в хронике Веллутти до трети упомянутых женщин в разные периоды жизни оказываются в монастырях. По-видимому, это было связано с тем, что во время эпидемии чумы многие женщины потеряли ближайших родственников и имущество, следовательно, не могли устроиться иначе, как в монастыре. В теории отцы по-прежнему предпочитали замужество дочерей их уходу в монастырь, но на практике нередко не препятствовали религиозному пылу девушек, поскольку вклад, внесенный в монастырь, обычно был в несколько раз меньше стандартной суммы приданого [15, с. 141]. Изменилось и отношение к выбору такой стратегии. В начале XIV в. Данте устами сестры Корсо Донати осуждал похищение послушниц из монастырей ради их возвращения к мирской жизни [21, с. 325–326]. Дино Компаньи в своей хронике заметил, что «господь наказал» некоего богатого флорентийца, силой выдавшего замуж двух своих племянниц-монахинь [22, с. 204]. Однако уже через несколько десятилетий Донато Веллутти резко критиковал родителей, которые отдают ребенка в монастырь, лишая его будущего в миру [17, р. 50]. По отношению к девочкам-монахиням часто использовался оборот «вышла замуж за мессера Господа Бога» [17, р. 50]; тем же выражением Веллутти обозначал смерть девушек или молодых женщин [17, р. 47]. По-видимому, он отчасти уподоблял постриг смерти — по крайней мере, для мирской жизни.

Наконец, важной частью жизни девочек и девушек из купеческих семей стало монастырское воспитание. Желание дать дочерям образование классом выше домашнего и уберечь их от мирских соблазнов открыло пополам возможность препоручать воспитание девочек монахиням [14, с. 111, 116, 267]. Такое образование, несмотря на религиозный характер, ценилось на флорентийском брачном рынке. Однако в источниках не упоминается, что монастырские «компетенции», кроме чтения и письма, были актуальны в семейной жизни. Намного больше ценились практические навыки, приобретенные в браке.

Таким образом, монашеский удел остается отчасти вне поля зрения флорентийских авторов. Помещение девочки или женщины в монастырь означало, с одной стороны, снятие ответственности за ее судьбу с родственников, с другой — появление у нее возможности самореализации в ограниченном мире обители. Женщины, ставшие монахинями, выходили из-под опеки своей семьи и включались в иную социальную иерархию. Примечательно, что в источниках постриг почти никогда не оказывался актом доброй воли. Он был либо выбором родственников девушки, для которой по тем или иным причинам было недоступно замужество, либо логическим завершением жизненного пути овдовевшей женщины. При этом уход в монастырь из религиозных побуждений нередко расценивался как отказ от более значимой реализации в роли жены и матери. Тем не менее, монахини оставались членами своих кланов и продолжали занимать важное место в мыслях родственников.

Список источников и литературы

1. *Сунприянович А. Г.* В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 264 с.
2. *Benvenuti Papi A.* Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity / Ed. by D. Bornstein, R. Rusconi // *Women and Religion in Medieval and Renaissance Italy*. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 84–103.
3. *Strocchia S. T.* Taken into Custody: Girls and Convent Guardianship in Renaissance Florence // *Renaissance Studies*. 2003. Vol. 17. No. 2. P. 177–200.
4. *Дюби Ж.* Время соборов. Искусство и общество 980–1420 годов / Пер. с франц. М. Ю. Рожновой, О. Е. Ивановой. М.: Ладомир, 2002. 384 с.
5. *История женщин на Западе. Т. 2. Молчание Средних веков* / Под ред. Ж. Дюби, М. Перро, К. Клапиш-Зубер; пер. с франц. под ред. Р. А. Гимадеева. СПб: Алетейя, 2009. 512 с.
6. *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 212 с.
7. *Bynum C. W.* Fast, Feast, and Flesh: The Religious Significance of Food to Medieval Women // *Representations*. 1985. No. 11. P. 1–25.
8. *Kersey S.* Medieval education of girls and women // *Educational Horizons*. 1980. Vol. 58. No. 4. P. 188–192.
9. *Feci S., Klapisch-Zuber C., Lett D., Rothstein M.* Women's mobility, rights, and citizenship in medieval and early modern Italy // *Women, Gender, History*. 2016. No. 43. *Gender and the Citizen*. P. 48–72.
10. *Kirshner J.* Marriage, Dowry, and Citizenship in Late Medieval and Renaissance Italy. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 448 p.

11. *Klapisch-Zuber C.* Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 338 p.
12. *Klapisch-Zuber C., Herlihy D.* Tuscans and Their Families: A Study of the Florentine Catasto of 1427. New Haven: Yale University Press, 1985. 404 p.
13. *Black R.* Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 506 p.
14. *Ануприенко И. А.* Женщины в обыденном восприятии представителей городской среды Италии XIV–XV вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2006. 326 с.
15. *Краснова И. А.* Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. 31-й специальный выпуск. Нормы и девиации в гендерной истории и историографии. М.: Красандр, 2010. С. 125–153.
16. *Краснова И. А., Ануприенко И. А.* Воспитание женщины в городском социуме Флоренции XIV–XV вв. // Человек в культуре античности, Средних веков и Возрождения. Иваново, 2006. С. 99–122.
17. *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370 / A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. 351 p.
18. *Чертальдо П.* Книга о добрых нравах / Пер. с итал. И. А. Красновой // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. Под ред. В. Г. Безрогова, Т. Н. Магулис. М.: РОУ, 1996. С. 321–370.
19. *Боккаччо Д.* Декамерон / Пер. с итал. А. Н. Веселовского. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 640 с.
20. *Виллани Д.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер. с итал. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
21. *Алигьери Д.* Божественная комедия / Пер. с итал. М. Л. Лозинского. М.: Наука, 1967. 628 с.
22. *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал. М. А. Юсима. М.: Канон+, 2015. 304 с.

УДК 82–291.1+ 94(44)“1337/1453”

Лисова У. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
филологический факультет, студент бакалавриата
E-mail: n.astroff@mail.ru

Образ Жанны д'Арк в «Мистерии об осаде Орлеана»: к истокам легенды об Орлеанской деве

Аннотация. В статье рассматривается образ Жанны д'Арк в «Мистерии об осаде Орлеана» с учетом культурных, исторических, мировоззренческих и литературных особенностей эпохи позднего Средневековья, его функции в повествовании и художественное своеобразие. Особое внимание уделено изучению формирования литературной легенды Жанны на основе памятника средневековой драматургии.

Ключевые слова: Средние века, Франция, Орлеан, Жанна д'Арк, мистерия.

Lisova U. A.

Lomonosov Moscow State University,
Department of Philology, Bachelor's program, Student
E-mail: n.astroff@mail.ru

The Joan of Arc's Figure Representation in "The Mystery Play of the Siege of Orléans" as the Maid of Orleans Legend's Origin

Abstract. The article examines the image of Joan of Arc in the "Mystery of the Siege of Orléans" taking into account the cultural, historical, ideological and literary features of the Late Middle Ages, its functions in the narrative and fictional originality. Special attention is paid to the study of the formation of the literary legend of Joan on the basis of the piece of medieval drama.

Keywords: Middle Ages, France, Orléans, Joan of Arc, mystery play.

Образ Жанны д'Арк, национальной героини Франции, спасительницы Орлеана, по сей день окутан тайнами. В частности, репрезентация личности Орлеанской девы в современных ей памятниках словесности встречается в важных исторических нарративах: так, например, сохранился протокол обвинительного инквизиционного процесса 1430–1431 гг. и хроники Антонио Морозини «Chronique. Extraits relatifs d l'histoire de France», «Дневник осады Орлеана» («Journal du siège d'Orléans»), «Хроника Девы»

(«Chronique de la Pucelle»), «Хроника 8 мая» («Chronique de la fête du 8 mai»), «Мистерия об осаде Орлеана» («Mistere du siege d'Orleans») и «Компиляция о миссии, победах и пленении Жанны Девы» («Compilation sur la mission, les victoires et la capture de Jeanne la Pucelle»). Из художественных произведений более всего известен текст Кристины Пизанской «Песнь о Жанне д'Арк» («Le ditie de Jehanne d'Arc»), относящийся к 1429 г. Все это свидетельствует о том, что Жанна еще при жизни стала настоящей героиней и вдохновляла многих авторов.

Феномен Жанны д'Арк, Девы-спасительницы, *«возможно понять только в неразрывной связи со всей историей Столетней войны, сложной эволюцией ее характера, в контексте определенной исторической эпохи <...> особенностей менталитета человека Средневековья: вмешательство Бога в жизнь людей рассматривалось им как естественное и реальное»* [1, с. 321]. Фигура долгожданного спасителя, воина, способного выстоять против английской армии и избавить Францию от войны, существовала еще со времен поражения при Пуатье (1356 г.). После слов Эдуарда III о том, что «грандиозное поражение французского войска — проявление воли Бога» [1, с. 194] (это было сказано после первой победы англичан при Слейсе в 1340 г.), освободительница в лице Жанны д'Арк стала для народа настоящим спасением, знаком свыше, милостью Господа. Вере в Жанну посодествовали и известные в те времена пророчества Мерлина — легендарные записи, приписываемые наставнику короля Артура, предвещали политические и мировые потрясения, будь то переселение бриттов или появление Вильгельма Завоевателя. Полные аллегорий, они с легкостью поддавались трактовке, выгодной актуальному политическому курсу, и потому в XV в. пророчество о деве из леса Канута, способной иссушить своим дыханием т. н. «колодцы зла», приписывалось появившейся Жанне.

Нужно сказать, что за пятьдесят лет войны пророчицы, пытающиеся вдохновить армию на подвиги, уже появлялись — ярким примером тому могут служить фигуры Екатерины Сиенской (которая, однако, выступила только из-за упадка церкви, начавшегося в 1360-е гг.) или Мари Робин (Мария Авиньонская) [2], принятой самой королевой Изабеллой в 1398 г. (провидица не только призывала «изгнать англичан из Франции», но и была одной из первых, кто предсказал появление Жанны — девушки-воина, которая освободит французские земли). Серьезного влияния такие девы не имели, а в народе к ним относились либо равнодушно, либо негативно, клеймя их шарлатанками. Тем примечательнее, что, несмотря на предвзятое отношение к прорицательницам «из народа», Жанна не только сумела обрести поддержку широких масс населения, но и утвердиться при короле.

Помимо многочисленных «проверок», комиссий и допросов, которые устраивал Карл, немаловажную роль в установлении праведности Жанны д'Арк сыграла доктрина *discretio spirituum*, которая была направлена на различение истинных святых и лжепророков, во Франции XIV–XV вв. она служила своеобразным инструментом, подтверждающим святость тех, кто оказался перед лицом суда. В отношении Жанны д'Арк это привело к еще большим сомнениям, судьи могли сослаться лишь на ее собственные слова: «*La Pucelle, qui se dit estre envoyee de par Dieu*» [3, с. 65], однако сама процедура так и не завершилась, святость Девы официально признана не была. По мнению О. Тогоевой, «подтверждением тому, что *discretio spirituum* оказалось значительно больше растянуто во времени, чем считалось до сих пор, является и тот факт, что до отбытия Жанны д'Арк под Орлеан сторонники дофина Карла плохо представляли себе точные цели, которые она преследовала. Главная цель отвечала требованиям времени: оказать помощь королю в войне и освободить Францию» [3, с. 65]. В действительности же, лозунг, который, казалось, подтверждался благосклонностью Божьей по отношению к Франции, был мощным оружием в средневековом обществе. Ликующий народ, встретивший Жанну у Бургундских ворот, почти сразу окружил ее: «*казалось, в образе этой девушки на коне, в латах, с мечом в город входит сама Победа*» [4, с. 38]. Таким образом она пересекла весь Орлеан, и во всех районах города ее встречали как спасительницу и освободительницу: а ее белоснежное знамя и штандарт с монограммой Иисуса Христа (сохранилась зарисовка Клемана де Фокамберга, отражающая образ Жанны с атрибутами, носящими священные символы) служили символом ее святости — ведь она несла знамя победителя.

«Мистерия об осаде Орлеана» представляет особенный интерес, так как в отечественном литературоведении и иоаннитике она не была подробно изучена; можно с уверенностью утверждать, что именно в этом драматургическом произведении впервые разрабатывается легенда о Жанне д'Арк. Она не просто становится главной героиней мистерии, но является функционально важным элементом всего повествования и на сюжетном уровне.

Особенности поэтики средневековой мистерии можно обобщить следующим образом: прежде всего, задача мистерии — рассказать не об отдельном человеке, но о человечестве. Человеческая воля важна лишь в отношении подтверждения целесообразности мира, созданного Богом [5, с. 28]. Примечательно также, что мистерияльный персонаж находится как бы на границе двух миров. Ассоциативный ряд таким образом — повторение

основных событий жизни Христа. Что касается действий мистериального героя, то поступки его имеют серьезный вес, так как они придают положительное или отрицательное качество изображенному миру.

Ментальная «вертикаль» мистерии находила отражение и в сценической организации: пространство подразделялось на три яруса, символизирующих ад, земной мир и рай. Горизонтальная парадигма была отведена перемещению героев в мире. Это довольно яркая деталь, ведь на сцене таким образом находилось место для персонажей — «обитателей» небес, которые участвовали в сценическом действии или — реже — оставались наблюдателями, тем не менее, покровительствующими свыше. Идея наблюдения и духовной защиты была важна для средневекового человека, в представлении которого все существующее имело божественную природу (здесь же сам метасюжет — возвращение к истокам, визуализация идеального мира, который Господь желал создать). Бдение Бога как бы становилось вневременным и надвременным благодаря simultанности зрелища — все декорации выставлялись разом и не сменялись в течение всей постановки. Четкое соответствие расположения персонажа в визуальной иерархии подчеркивало ведущую идею духовного пути человека, чей финал — либо падение, либо вознесение. Симультанность хронотопа отвечает библейским канонам — события происходят одновременно (с этой одновременностью связана концепция средневекового времени как циклического, всеобъемлющего): т. н. прием «мистериального выворачивания» [5, с. 32].

Следует отметить тематическую доминанту жанра мистерии: преимущественным образом это художественная обработка Священной истории (либо единичные сцены, либо цикл). Специфика «Мистерии об осаде Орлеана» состоит в том, что она рассказывает о событиях накануне Орлеанского перелома в ходе Столетней войны. Здесь присутствуют историческая и патриотическая линии; однако изображение самоотверженной борьбы французов подчинено общей религиозной концепции, согласно которой первопричиной победы является не человеческая храбрость и объединение перед лицом врага, а воля Бога. Характерная для мистерии оппозиция *bien/mal* отражается в соотношении враждующих сторон — французов и англичан; и в «Мистерии» Господь встает на защиту Франции, вмешиваясь в земной конфликт — для спасения французов он отправляет Жанну, юную девушку, готовую пожертвовать всем ради родины и Бога.

Религиозный театр предполагал зрелищность: сложные отношения с концепцией священнодействия, литургического действия отражались в попытках «инициировать» зрителя в происходящее на сцене. Одна из основ-

ных целей религиозных постановок — дидактическая — имеет в мистерии особое воплощение. Отходя от аллегорического приема моралите, мистерия тяготеет к иносказательности другого рода — повышенной трансцендентальности изображаемого на сцене мира и естественному для этого мира вмешательству Бога в земные дела.

В «Мистерии об осаде Орлеана» сам Господь держит слово, он и возлагает ответственность за спасение французского народа на смиренную пастушку. Невыразительность портрета Жанны, скорее всего, связана с тем, что первый вариант текста появился еще до реабилитационного процесса 1455–1456 гг., оправдавшего Жанну, а значит официально, с точки зрения Церкви, она все еще считалась колдуньей и еретичкой. Несмотря на то, что перед автором мистерии в т.ч. стояла задача способствовать восстановлению репутации Орлеанской девы, кардинальных перемен в этой сфере литературный образ не осуществил.

Сложные отношения между литургическим действием (*acte*) и воплощением этого действия на сцене (*représentation*) в «Мистерии об осаде Орлеана» отражены во многом благодаря взаимодействию исторической действительности, повседневной жизни и универсальной и всеобъемлющей темы правды (и в контексте религиозной драмы — добра, блага): за добром — Господь, зло же поддерживается дьяволом и обязательно будет побеждено. Реалистическое описание боя, поражений и побед напрямую связывается с божественным провидением, а не с человеческим героизмом — французам удалось отстоять Орлеан, потому что на то была высшая воля. Однако именно это становится доказательством народной праведности и в каком-то смысле избранности: так мистерия охватывает еще одну важную тему — отношения между Господом и Францией, а посредником в этом диалоге и носителем божественной воли служит Жанна д'Арк.

Бог диктует действия Жанны, и в этом стиль ее божественного появления — те самые «голоса» в мистерии приписываются архангелу Михаилу, который передает слова небесного владыки. Из уст самого Господа мы впервые встречаем описание Жанны [6, р. 271]:

*«...Là trouverras, sans plus enquerre,
Une pucelle par honneur.
En elle est toute douceur,
Bonne, juste et innocente,
Qui m'ayme du parfont du cueur,
Honneste, sage et bien prudente.
Tu luy diras que je luy mande*

*Qu'en elle sera ma vertu,
Et que par elle on entende
L'orgueil des François abatu;
Et que je me suis consentu
Recouvrer le royauhne de France,
Et par elle sera debatue
Contre les Anglois par oultrance»¹.*

В этом отрывке примечательна лексика, которую можно отнести к высокой. Присутствует романная традиция, т.к. такой набор эпитетов встречается в куртуазной литературе и часто служит для описания рыцаря (доблестный, благочестивый, честный, справедливый, осторожный, мудрый). Понятие добродетели — *vertu* — играет также немаловажную роль. Этот феномен — ключевой в куртуазной парадигме; происходит раскрытие вассально-сеньориальных отношений между Господом и Жанной д'Арк посредством подбора специфической лексики, что предвосхищает ее чудесное появление на сцене — как в сюжетном смысле, так и в буквальном, театральном. Господь добавляет, что она усмирит гордыню французов и изгонит врагов из страны, тем самым давая надежду на всеобщее спасение. Здесь мы видим развитие темы искупления грехов французов и возникновение темы особой миссии Жанны — искупительной. Это уже подготавливает сакрализацию ее образа.

Примечательна сцена сообщения Жанне архангелом Михаилом новости о ее предназначении. Она безусловно ассоциировалась со сценой Благовещения, однако имела свои особенности в антураже, поведении персонажей и в миссии Жанны. Архангел Михаил встречает Жанну в поле за шитьем, в то время как она пасет овец. Он обращается к деве со словами: *«Jeune pucelle bien eureuse, / Le Dieu du ciel vers vous m'envoye»*² [6, р. 273]. Появление эпитета «благая, блаженная», т.е. избранная судьбой, и, как следствие, мотива избранности, исключительности будет сопутствовать Жанне

¹ *«Там легко отыщешь / Девушку благочестивую. / В ней — вся нежность, / Добрая, справедливая и невинная [праведная], / Которая любит меня до глубины души, / Честная, мудрая и довольно осторожная. / Ты скажешь ей, что я приказываю ей / Чтобы в ней была моя добродетель, / И что с ее помощью [через нее] поймут, / Что гордыня французов сражена, / И что я соглашаюсь / Покровительствовать французскому королевству, / И что через нее будут полностью побеждены англичане».*

² *«Юная благая дева, / Господь к вам меня направил».*

и дальше. Однако сама девушка собственной избранности не чувствует, говоря о себе со смиренным уничижением: «бедная девушка», «бедная пастушечка», «юная простая девчушка»³ [6, р. 273]; она признается, что не понимает, о чем ей говорит архангел и что от нее требуется, она не готова вступить в сражение, т.к. она — всего лишь деревенская девушка, никогда не державшая в руках оружия.

Лирический тон беседы архангела с Жанной подкрепляется эволюцией обращений: Михаил называет ее «подругой» (*amye*), «избранной девой» (*vraye pucelle*) — куртуазный мотив объединяется с христианским, происходит сближение двух совершенно разных традиций. Параллельно с этим проявляется благосклонность и смирение Жанны, которая принимает свою участь [6, р. 276]:

*A Dieu je voudroye obeyr
Comme je doy é est raison,
Et très humblement le servir;
A mon povoir, sans mesprison;
Et tousjours, en toute saison,
Vueil estre sa povre servante,
Actendant sa vraye maison
Lassus ou ciel, où est m'entente*⁴.

Вновь вассальная лексика, создающая ситуацию служения, повиновения — причем повиновение это безграничное, постоянное и вечное: Жанне открывается божественная тайна, ей уготовано спасти родину, людей, уберечь королевство от упадка, привести Карла в Реймс; теперь она готова действовать. Можно говорить о балладной форме этого диалога — рефренизированное прощание архангела с Жанной превращает речь в напев, что выглядело органично для такого жанра, как мистерия, вобравшего в себя как литургические, так и лирические черты. Поэтизация этого эпизода влияет на общую тональность жертвенной истории Жанны д'Арк и переносит дальнейшие сцены, раскрывающие ее образ, в сферу дискурса сакрифического — ведь Жанна с самого начала жертвует всем,

³ «*Povre pucelle*», «*povre bergerete*», «*une jeune simple fillete*».

⁴ «*Богу я бы хотела повиноваться, / Как и должно мне и как правильно, / И служить Ему смиренно / По своим силам, честно; / И всегда, во все времена / Быть его смиренной служгой / В ожидании появления в его истинном пристанище / На небесах, где меня ждут*».

начиная с привычной мирной жизни на лоне природы (пасторальный пейзаж, умиротворение — отражение Эдема на земле и символическое подтверждение праведности девы) и подвергая смертельной опасности свою жизнь.

Психологический мотив заступничества стал решающим в последующих битвах под руководством Жанны. В связи с этим наблюдается естественный набор эпитетов, сопутствующих описанию Орлеанской девы в «Мистерии»: помимо того, что она — *«une fille juste et bonne»* («девушка справедливая и добрая»), *«pauvre simple bergière»* («бедная простая пастушка»), она «осторожна» (*«prudente»*), «верна Господу» (*«nacelle»* в качестве слуги Господней: эпитет, относящийся к деве Марии). Вдобавок к этому, важная черта Жанны — т. н. *clairvoyance* (букв. «предвидение, проницательность») — дар, ниспосланный ей свыше, служит дополнительной поддержкой и способствует ее принятию при дворе Карлом и его приближенными, а также убеждает окружающих в божественном происхождении ее появления. Кроме того, героиня надевает мужское платье, доспехи, овладевает оружием (следовательно, театральное амплуа в соответствии с этим ассоциировалось с актерами-мужчинами). Это — еще одно чудо Жанны, ведь юная девушка легко носит доспехи, подобно настоящему воину: предосудительное с точки зрения морали того времени ношение женщиной мужской одежды становится также знаком ее святости и ниспосланности Богом. Помимо вассальной иерархии (Жанна — слуга, вассал Господа), немаловажен и концепт святости как посредничества между миром земным и небесным, активно развивающийся в XV в., и святость Жанны — борьба (подобно тому, как это подано в «Житии святого Леодегария»). В некотором смысле образ Жанны в «Мистерии об осаде Орлеана» является отражением образа Богоматери, которая также становится в мистерии действующим персонажем, заступницей Франции.

Изучение «Мистерии об осаде Орлеана» позволяет нам сделать вывод, что именно это сочинение лежит в основе легенды о Жанне д'Арк как о героине-спасительнице, орудии высших сил и знаке божественного милосердия. Опыт историко-литературного прочтения «Мистерии об осаде Орлеана» позволяет увидеть именно ту картину событий Столетней войны, где Жанна д'Арк, национальная героиня, оклеветанная и преданная суду, до конца остается дочерью Отечества и слугой Бога.

Список источников и литературы

1. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии. М.: Астрель: АСТ, 2010. 448 с.

2. *Jeay M.* Women Prophets and Visionaries in France at the End of the Middle Ages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopedia.com/women/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/women-prophets-and-visionaries-france-end-middle-ages> (дата обращения: 15.09.2022).
3. *Тогоева О. И.* Первый памятник Жанне д'Арк и проблема сакральности ее образа во Франции Нового времени // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 7. С. 104–125.
4. *Райцес В. И.* Процесс Жанны д'Арк. СПб: Наука, 1964.
5. *Емельянова Т. В.* Типология жанра мистерии в английской и русской драматургии первой половины XX века (Ч. Уильямс, Д. Сэйерс, К. Фрай и Е. Ю. Кузьмина-Караваева): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. [Экземпляр Фундаментальной библиотеки МГУ].
6. *Le mystère du Siège d'Orléans.* Paris: Imprimerie impériale, 1862. 809 p.

УДК 94

Зиянак Б.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант
E-mail: ziyanakbedir@hotmail.com

Образ русских XV–XVI веков в османских источниках

Аннотация. Отношения между Турцией и Россией с 1492 года до конца XVI века имеют большое значение для истории этих двух держав, в том числе изучение первых контактов, где и в каких условиях они состоялись. В данной статье рассматривается образ русских XV–XVI вв. глазами турок в османских источниках. Цель статьи — показать, какими были образы русских и Русского государства на территории Османской империи и при каких обстоятельствах они менялись. Учитывая малодоступность турецких источников в России, данная статья может вызвать интерес у исследователей.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, XV–XVI вв., образ русских, Турция.

Ziyanak B.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Post-graduate student
E-mail: ziyanakbedir@hotmail.com

The Image of the Russians of the 15th-16th Centuries in Ottoman Sources

Abstract. Relations between Turkey and Russia from 1492 to the end of the sixteenth century are important in the history of these two powers, including the study of the first contacts, where and under what conditions they began. This article examines the image of the Russians of the 15th-16th centuries, through the eyes of the Turks in Ottoman sources. The purpose of the article is to show what the image of the Russians was and the Russian state in the territory of the Ottoman Empire and under what circumstances changed. Given the inaccessibility of Turkish sources in Russia, this article may be of interest to researchers.

Keywords: Russia, Ottoman Empire, 15th-16th centuries, the image of the Russians, Turkey.

Знакомство турок-османов с русскими произошло относительно поздно. До Астраханской экспедиции было мало информации о русских,

живущих в неизвестной и далекой от Константинополя земле. Можно выделить, согласно рассмотренным источникам, лишь один этап формирования образа русских в глазах Османской империи: с 1492 года до конца XVI века.

Прежде всего, здесь возникает главный вопрос: была ли у Османской империи особая политика на дальнем северном направлении с конца XV в. до конца XVI в.? Ответить на этот вопрос можно следующим образом: в Османской империи внешняя политика менялась по ситуациям и случаям, как и в других государствах. Внешняя политика турок, по словам немецкого историка Й. Хаммера, начиная с эпохи правления султана Мехмеда II имела следующие приоритеты: взятие Константинополя, установление османского господства на Балканах, полное подчинение Анатолии, превращение Черного моря в «турецкое озеро», восточная политика, то есть борьба с Египтом и Ираном [1, s. 116].

Можно предположить, что Балканы, Центральная Европа и Средиземное море были главными точками во внешней политике османов. После взятия Константинополя султан Мехмед II захватил портовые города на Черном море и увеличил свое влияние в регионе. Для полного господства на Черном море необходимо было подчинить Крым. Когда турки-османы отвоевали Крым у Генуэзской республики в 1475 году, Черное море стало своего рода внутренним «турецким озером». Таким образом, Османская империя распространилась до северных берегов Черного моря, а Крымское ханство перешло под османское владычество.

Турецкий историк Акдес Н. Курат приводит следующую характеристику отношений между русскими и турками этот период: *«в турецких летописях фигурируют "Габсбургский император, Французский король, Английская Королева, Венецианский посол, Король Речи Посполитой, Иран или Кызылбаши"», есть много документов об этих государствах, однако среди отправленных писем и документов очень мало адресованных Русскому королю»* [2, s. 47]. Курат подчеркнул, что в Османской империи правители были не особо информированы о Русском царстве, так как отсутствовал всякий интерес по отношению к России той эпохи. С другой стороны, историк Халил Иналджик свидетельствует, что в то время отношения с русскими были дружескими. Иналджик считает, что в результате альянса между московским князем и крымским ханством произошел косвенный союз с турками [3, s. 25]. По нашему мнению, более верной является точка зрения Акдеса Курата. После того, как турки-османы взяли Крым, они возложили контроль над Северным Причерноморьем на Крымское ханство и не очень интересовались во-

просами в Дешт-и-Кипчаке. Во время правления султана Мехмеда II Османская империя не вела активную политику на севере Черного моря и почти не влияла на политические события в этих регионах.

В 70-х и 80-х годах XV в. выход турок-османов на север Черного моря создал объективные условия для установления русско-османских торговых отношений. 1492 год является годом официального начала русско-османских отношений. Великий князь Иван III сообщил Менгли-Гирею о желании начать отношения с османским султаном, и Менгли-Гирей передал эту просьбу князя Ивана III султану Баязиду II. А турецкий султан ответил, что *«ежели государь московский тебе, Менгли-Гирею, брат, то будет и мне брат»* [4, с. 480; 5, s. 69]. Русские были в хороших отношениях с Крымским ханством, вассалом турок в этот период, а значит, не имели враждебного образа в глазах османов.

После этого Иван III послал свое первое официальное письмо к султану: *«Султану, вольному Царю Государей Турских и Азиямских, земли и моря, Баязету, Иоанн Божию милостию единый правый, наследственный Государь всея России и многих иных земель от Севера и до Востока. Се наше слова к твоему Величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Сего мало: в Азове и Кафе отнимают у наших купцов товары за полцены; в случае болезни одного из них кладут печать на имени всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные заветания не уважаемы: турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: от чего же родилось насилие? Знаешь или не знаешь оного?»* [4, с. 480; 5, s. 69; 6, s. 667–668]. Историк Халил Иналджик толкует политический фон сближения с русскими в конце XV — начале XVI веков так: в результате того, что Золотая Орда и Речь Посполитая угрожали интересам Крыма и Османской империи, из-за этого Османская империя пошла на этот шаг [3, s. 25].

Первый посол М.А. Плещеев, прибывший в Константинополь в 1496 году, встретился с султаном и передал письмо Ивана III. В этом письме великий князь сообщил султану также о проблемах купцов в торговле. Однако здесь следует отметить, что в турецких источниках упоминается неуважительное и грубое поведение посла по отношению к султану во время официального приема. Султан Баязид II рассказал об этом

Менгли-Гирею: «Русский государь, с которым я очень хотел установить дружеские связи, послал мне грубого человека. Опасаясь, что меня там будут оскорблять, я не отправлю ни одного из моих чиновников в Россию с этим парнем. Хотя меня уважают на востоке и западе, я избегаю подвергать себя такому унижению...» [7, s. 324–325]. Несмотря на проблему с послом, султан Баязид II сделал все, что требовал великий князь Иван, ссылаясь на купцов. Основной темой переговоров этого периода стала торговля между турками и русскими.

Визиты русских послов¹ в Константинополь продолжались [8, s. 355–356], главным предметом переговоров в XVI в. была торговля. Василий III отправил своего посла к новому султану Селиму I не через Крымское ханство, а непосредственно в Константинополь, и султан Селим I в своем ответе сообщил, что хочет «строить постоянные торговые отношения» [5, s. 70]. Турецкий историк Халил Иналджик отмечает, что султаны отправляли торговцев для покупки мехов в Москву с большим количеством золотых ачек [3, s. 27]. Стоит отметить, какие товары экспортировались русскими в это время: хищные птицы, моржовая кость, воск и меха [9, s. 93]. Также известно, что в Бурсе находились три русских купца — Алексей, Гавриил и Степан [10, p. 140]. Мы видим, что торговля велась в разных городах, а не только в Константинополе. С одной стороны, здесь нужно обратить внимание на торговлю мехами. Как мы сказали выше, султаны отправляли торговцев в Москву, чтобы покупать меха для дворца. В турецких летописях торговля мехами впервые упоминается после взятия Константинополя [10, p. 141]. А регулярная торговля мехами была реализована во времена султана Сулеймана I. В ее развитии важную роль сыграли русские торговцы, а также купцы из Валахии [9, s. 94]. С другой стороны, нужно упомянуть о работоторговле. В экономической жизни Крымского ханства добыча, которую они получали во время набегов, занимала важное место. Обилие добычи, по мнению крымских ханов, было критерием успешной экспедиции [11, s. 52]. Самой ценной добычей в набегах были пленники. Турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечает, что татары, которые отправи-

¹ Перечислим имена русских дипломатов, приезжавших в Турцию: М.Ю. Алексеев (Гостенков) (1512–1514), В.А. Коробов (1515–1516), Д. Степанов (1519), Б.Ю. Голохвастов (1519–1521), В.М. Губин (1521), Ю.С. Морозов (Брюхов), Р. Козлянинов (1523), И.П. Новосильцев (1570). Однако подробная информация об их визитах, кроме визита Новосильцева, недоступна.

лись в набеги вместе с поляками и казаками, взяли пленных и оставили другую важную добычу своим союзникам [12, s. 72–73]. По словам Эйзо Мацуки, экономическая структура Крымского ханства была в значительной степени основана на работоторговле и рабском труде [13, p. 176]. Марина Кравец подчеркнула, что точное число украинцев, русских, поляков и других восточных европейцев, захваченных в крымских набегах, никогда не будет установлено, и добавляет, что эти пленники, вероятно, исчислялись сотнями тысяч, если не миллионами [14, p. 30]. Посол великого княжества Литовского Михалон Литвин о работоторговле, проходящей в Кафе, говорит так: *«Случается там, что целые толпы несчастных закупленных рабов гонят из рынка прямо на корабли, ибо город лежит у весьма удобной приморской гавани, и, вследствие своего положения, может быть назван не городом, а, скорее, ненасытной и мерзкою пучиною, поглощающею нашу кровь»*² [15]. В свете этой информации становится понятно, что на северном побережье Черного моря существовала активная работоторговля.

Также работоторговля была важна и для Порты. Константинополь был самым посещаемым местом для продажи пленников, которых захватили крымские татары. Этими пленниками Константинопольский дворец и другие города удовлетворяли потребность в людской силе. Можно согласиться со словами Халила Иналджика, что торговля пленными была экономической необходимостью [3, s. 27]. Вдобавок Иналджик отмечает, что в то время торговля пленными была необходима не только для домашних дел, но и для строительства, шелковой промышленности, сельскохозяйственного производства, ферм. В конечном счете турки-османы полагали необходимым покупать пленных. Исследователи утверждают, что крымские татары часто привозили русских пленных, потому и происходило смешение крови русского и турецкого народов. Необходимо отметить, что рабы в Османской империи могли занимать важные государственные должности благодаря успешной службе. В правление султана Селима II (1566–1574) Джафар-паша был назначен на должность бейлербейлика³ [16]. Турецкий историк и мыслитель XVII века Ибрагим Печеви отмечал, что Джафар-паша был русским и служил в должности

² Литвин также продолжает: *«Торг невольниками производится во всех городах полуострова, преимущественно же в Кафе...»*.

³ Вейлербейлик (тур.) — официальный титул главы эялета (города); вали (губернатор) или бей (паша) того или иного эялета.

бейлербея Туниса и Кипра [17, s. 425]. С большой долей вероятности будущий паша был взят в плен в результате крымских набегов в раннем возрасте и доставлен в Константинополь с территории Русского царства. В конце концов Джафар-паша был приглашен на службу во дворец благодаря своим способностям.

Нельзя забывать о том, что Османская империя была прагматичным государством и пыталась устранять то, что она считала угрозой для себя. При этом турки давали возможность торговать на своей территории всем, кто регулярно платит налоги, не создавая угрозы для государства. Точно также турки после достижения своего господства в Черном море неоднократно предпринимали политические шаги для обеспечения продолжительности торговли [18, s. 61]. Торговля с русскими была важна в этом отношении: с такими торговыми контактами и турки-османы, и русские оказались во взаимовыгодном положении. Конфликты, начавшиеся между Крымским ханством и русскими, время от времени негативно влияли на эту торговлю. Послы, прибывавшие в Константинополь, сообщали обо всех неприятных обстоятельствах турецкому султану. Василий III послал Андрея Губина к султану Сулейману I как для того, чтобы поздравить его с восхождением на престол, так и решить эти коммерческие и политические проблемы [5, s. 70]. После этого Сулейман I отдал приказ крымскому хану не нападать на Москву [19, s. 478; 8, s. 354–356]. И на самом деле Крымское ханство от этих нападений на какое-то время воздержалось.

Таким образом, Россия оказывалась важной фигурой в сфере торговых интересов Османской империи, но малозначительной для ее политических интересов. Интересы Османской империи либо были сосредоточены в Центральной Европе и на Средиземном море, либо на Востоке. Как мы отметили выше, турки-османы не имели интересов и не вели активной политики к северу и Дешт-и-Кипчаку, в том числе после взятия русскими Казани в 1552 году. Нужно отметить, что еще в середине XVI века в глазах турок-османов русские не воспринимались как угроза, и торговые отношения продолжались.

В 1547 году, закончив борьбу с боярами и став полновластным государем в возрасте 17 лет, Иван IV получил титул царя. Молодой царь сразу же предпринял попытку взять Казань, но потерпел неудачу. Казанцы, которые были успешны против русских атак в феврале 1550 года, чувствовали себя уверенно. В то время в Казани было много купцов и деятелей искусства из Астрахани, среди них был поэт Мухаммед Шариф. Мухаммед Шариф написал стихотворную поэму о защите Казани с названием «Zafernamei vilayet-i Kazan» («Сказание о победе под Казанью»)

в 1550 г. и отправил ее османскому султану [20, s. 183–194]. Историк Курат отмечает, что нет информации о том, какую реакцию этот текст вызвал во дворце великой Порты [2, s. 77]. Разумеется, у турок были связи с Казанью и Туркестаном, но у них не было планов и интересов в этих регионах. С нашей точки зрения, причиной, по которой турки не были заинтересованы в этом регионе, была его географическая удаленность от Константинополя. Эта ситуация помешала установить или сделать отношения постоянными. Кроме того, внешняя политика турок была направлена против государств, которые они считали угрозой для себя. При этом взятие Казани русскими в 1552 г. не вызвало никакой реакции у турок [2, s. 77–78; 21, s. 1–3]. В 1556 году русскими была взята Астрахань. Прежде всего, чтобы сохранить нижнюю Волгу, нужна была сильная крепость. Для этого русские построили новую крепость на крупном острове реки Волги, в десяти-пятнадцати километрах ниже старого города османов [22, s. 171; 23, с. 170–171]. Известно, что после этого они разместили в Астрахани своих солдат, торговых людей и ремесленников. Коммерческая деятельность продолжалась, несмотря на смену владельцев города.

Но письмо Хаджи Мехмеда, в котором говорится, что купцы и паломники из Туркестана испытывают трудности, что русские и иранцы не позволяют паломникам проходить через Азов и Астрахань, дошло до султана Сулеймана I⁴ [24, s. 30–31]. Как передают источники, султан Сулейман I был очень обеспокоен тем, что возникли проблемы у мусульман из Туркестана, Кавказа и других регионов, и запланировал экспедицию в Астрахань [8, s. 367]. Строительство крепости на реке Терек и хорошие отношения, которые русские установили с кабардинскими черкесами на Кавказе, также сигнализировали о русском господстве в регионе. Турки должны были нейтрализовать намечавшуюся опасность, но до практических шагов в 1550-е гг. дело не дошло. В дальнейшем к султану Селиму II, занявшему трон после смерти своего отца, пришел посол из Хорезма и сообщил, что Астрахань была завоевана; паломники и купцы хотели, чтобы турки сделали этот путь вновь доступным [8, s. 369]. Сокуллу-паша планировал организовать экспедицию в город Астрахань, который, по его мнению, имел стратегическое значение в плане противостояния Ирану. Как отмечал историк Хаммер, первым, кто

⁴ Таким же образом крымский хан сообщил, что Астрахань подверглась вторжению русских и нуждается в помощи турок-османов.

рассматривал Астраханскую экспедицию и проект канала между Доном и Волгой, был черкес Касим-паша [7, s. 237].

Исходя из анализа данных источников, мы можем перечислить следующие причины Астраханской экспедиции и проекта канала Дон-Волжского: взяв Астрахань, османы могли улучшить коммуникации в военных экспедициях против Ирана, решить проблему безопасных путей для паломников и таким образом выполнить религиозную задачу. Небесполезным выглядело взятие под контроль такого центра торговли, как Астрахань. Возможно, еще одна цель состояла в том, чтобы остановить русских, которые начали закладывать основы своего господства на Кавказе и в регионе Черного моря [25, s. 8; 2, s. 96–97].

Неопытный султан Селим II попал под влияние Сокуллу Мехмед-паши и дал согласие на эту экспедицию. Похоже, что крымский хан Девлет-Гирей сообщил в Константинополь о русской деятельности на Кавказе и советовал туркам оказать давление на Москву, желая, чтобы Казань и Астрахань были оставлены ему. Очевидно также, что экспедиция для решения проблем паломников будет популярна в Константинополе. Согласно османскому источнику, написанному в конце XVI в., в Константинополе народ говорил о том, что поход состоится в Казань и Астрахань [26, s. 174].

Здесь необходимо отметить, что упомянутый источник был написан примерно через 20 лет после экспедиции. В султанских приказах, отправленных до экспедиции, упоминается только Астрахань, но не Казань [25, s. 9]. Нам кажется, что, скорее всего, турки рассчитывали, что экспедиция будет успешной, и во время экспедиции, возможно, планировалось взять Казань после Астрахани. Все это говорит о том, что организаторы похода слабо представляли, с какими расстояниями и силами русских им придется столкнуться.

Некоторые государственные деятели выступили против, но Сокуллу-паша и Касим-паша приняли решение о начале этой экспедиции [26, s. 174; 25, s. 3]. Согласно рассказу Печевы, *«визирь Сокуллу-паша никогда не переставал думать о мерах, которые облегчат завоевание иранских стран. В начале подготовки похода в Иран выяснилось, что проблема заключается в том, чтобы обеспечить провиантом исламских солдат. Некоторые знатоки нашептали визирю Сокуллу, что река Дон, впадающая в Черное море, и река Волга, впадающая в Каспийское море, находятся на небольшом расстоянии, и если их связать каналом, можно будет транспортировать продовольствие и военные грузы»* [17, s. 447] по Черному морю, далее по Дону, Волге и Каспийскому морю. Таким об-

разом, вся экспедиция затевалась ради прокладки водных коммуникаций из Турции в Иран. В другом османском источнике говорится: «*Проект канала был очень привлекательным для Сокуллу, и он поручил Касиму-паше заниматься этим проектом*» [26, s. 174].

В письме крымскому хану, когда было принято решение об Астраханской экспедиции, содержался следующий вопрос: «*В свое время казанские и астраханские страны находились в руках ногайцев. Как они попали в руки неверных?*» [27]. Цели экспедиции были окрашены в религиозные тона — обеспечить беспрепятственный проход мусульманским паломникам. В приказе, отправленном Кефе-бею, было указано, что «*экспедиция будет открыта на Астрахань, чтобы паломники, прибывающие из Хорезма, не испытывали трудностей в дороге*» [28]. В письме королю Сигизмунду Августу также было сказано, что цель состоит в том, чтобы решить вопрос паломничества [2, s. 104]. Впервые среди изученных нами источников русские упоминаются турками с религиозной точки зрения. По нашему мнению, это была разумная политика турок. Печеве отметил, что с помощью Бога поход будет легким, что мусульманские войска не будут испытывать нехватки продовольствия в иранских экспедициях, а Азербайджан и Грузия с радостью примут власть султана [17, s. 447]. Турки впервые совершат экспедицию на эту отдаленную и неизвестную им территорию. Таким образом, было предложено придать экспедиции религиозный смысл ради того, чтобы вызвать желание солдат в ней участвовать.

Известно, что в этом походе приняли участие многочисленные янычары и сипахи. Татарский хан Девлет-Гирей также получил приказ участвовать в этой экспедиции с большим количеством воинов и лошадей [17, s. 448]. Согласно информации османских летописей, предоставленной Ахметом Рефиком, в экспедиции приняли участие 20 000 сипахов и 3000 янычар, за исключением крымских и ногайских войск, и к тому же даны приказы санджакам из Анатолии и Балкан участвовать в походе [25, s. 9–10]. Дополнительно, по словам польского дипломата Андрея Тарановского, находившегося в Константинополе в то время, крымские татары участвовали в экспедиции с 50–80 тысячами солдат [2, s. 118]. Печеве также отмечает, что 30 000 ногайских татар находятся в процессе рытья канала [17, s. 448]. Хаммер отметил, что 3000 янычар, 20 000 кавалеристов отправились в Астрахань, а также 30 000 татар были отправлены на рытье канала. По данным турецкого историка Узунчаршилы, в этой экспедиции приняли участие 3000 кочевников, 3000 янычар, 20 000 сипахов и 30 000 ногайских татар [19, s. 35]. Даже если учесть,

что количество солдат, участвовавших в экспедиции, преувеличено, то все же численность прибывших военных сил была внушительной.

По сведениям Печевы, за три месяца Дон-Волжский канал был прорыт на одну треть расстояния между реками [17, s. 448]. По словам русского посла Семена Мальцева, отправленного в Ногайскую орду, турки предприняли попытку перетащить галеры по суше старым способом — переволокой, но потерпели неудачу [2, S.016 (Ekler); 21, s. 76–77]. Такой длинный канал было трудно выкопать, учитывая условия того периода. Вероятно, черкес Касим-паша, отправленный для сбора информации перед экспедицией, получил ложные сведения, или сам Касим-паша неправильно оценил особенности территории. Мы считаем, что те, кто дал паше информацию, знали, что строительство будет сложным, но сказали паше, что это будет легко для Порты, дабы подвести турок именно к этому, неудачному для них решению. В самом деле, за короткий промежуток времени, всего 40 дней, открытие такого большого канала было несбыточной мечтой.

Османские источники описывают причину провального исхода экспедиции и связанных с ним событий следующим образом: *«Во время экспедиции среди солдат распространились слухи. Слухи о том, что зима слишком суровая, и скоро наступят морозные холода в Астрахани и его окрестностях»* [17, s. 448]. В другом источнике: *«Исламские военные испугались холода там, закопав все орудия и материалы в землю, они отступили от страха и ушли»* [26, s. 175; 25, s. 11]. По-видимому, эта территория, на которой жили русские и мусульманские народы, была незнакомой туркам и негостеприимной к ним.

Турецкие авторы возлагают вину за провал похода на крымского хана и его войска. Печевы отметил, что хан опасался, что если османские военные начнут постоянно действовать на суше и на море «между Кипчакским озером и Ширваном», татары впадут в немилость, а Крым уйдет из их рук. Поэтому крымский хан Девлет-Гирей сознательно противодействовал успеху экспедиции [17, s. 448]. Историк и поэт XVI в. Мустафа (Гелиболулу) Али Эфенди подчеркнул, что именно крымчане пугали турецких солдат холодной зимой под Астраханью, краткостью дней, длиной ночей и что не будет никакого времени на молитву [26, s. 175]. Без сомнения, Девлет-Гирей проводил такую политику для собственной выгоды, но также нам кажется, что турецкие войска не испытывали большого энтузиазма от участия в этом походе.

В Османской империи солдатам в принципе не нравились далекие походы. Например, Египетская экспедиция во время правления султана

Селима I в 1516 году длилась 2 года, и солдаты часто выражали свое недовольство во время этой экспедиции [29]. Чтобы добраться до Египта, они пересекли Синайскую пустыню. Но здесь важно, что в походе участвовал сам султан Селим I, что вдохновляло и поддерживало воинов. В 1569 г. ни султан Селим II, ни Сокуллу-паша не участвовали в Астраханской кампании, и официальной войны царю Ивану IV не было объявлено. Поэтому мы считаем, что Астраханская экспедиция не имела большого значения для турок. Другими словами, русские и их город Астрахань или события на севере не были первостепенными во внешней политике империи. Приоритетным, как уже говорилось, было противостояние с Ираном и Габсбургами, которые были главными врагами в глазах турок в XVI в. После неудачи Астраханской экспедиции не было предпринято второй попытки похода. Исходя из этого, можно сказать, что поход на Астрахань произошел в условиях, к которым османы не привыкли и абсолютно не были подготовлены.

С другой стороны, согласно тому, что сказано в источниках, султан Селим II был очень расстроен неудачным завершением экспедиции — только немногие из отправленных янычар и сипахов вернулись, а большая часть умерла во время обратного пути [17, s. 449; 26, s. 175]. Печчеви отметил, что *«на собрании дивана султан Селим очень разозлился на большие финансовые расходы и ругал Сокуллу-пашу, когда этот проект канала потерпел неудачу»* [17, s. 449]. Мустафа Али Эфенди отмечает, что *«султан Селим обвинил Сокуллу в этом и хотел заставить пашу компенсировать все расходы похода»* [26, s. 175].

Русский посол И. Новосильцев в 1570 г. был послан царем Иваном IV в Константинополь, чтобы наблюдать политическую атмосферу при османском дворе и собирать информацию о том, планируют ли османы новый военный поход в Россию. Многозначительное письмо, написанное султаном Селимом II к царю, было отправлено с И. Новосильцевым в Москву. Письмо показывает восприятие и образ русских в глазах турок. Султан пишет: *«Письмо московскому королю! Мы даруем государям, которые приходят к нашим воротам с дружбой и искренностью, сокровища и города, делая их привилегированными среди других государей. Мы начали Астраханскую экспедицию по следующим причинам: со времен султана Мехмеда Крым и его ханы и черкесские родные города подчинялись нам <...> между тем как вы построили замок в районе Кабартай вопреки старой дружбе. Кроме того, в Астрахани ваши люди доставили трудности и перекрыли дорогу паломникам из Дешит-и-Кипчака и Мавераннахра. Оттуда все паломники и ханы обратились к нам*

и попросили о помощи и защите. Для того я отправил крымского хана и некоторых моих беев. Сколько раз крымский хан хотел напасть на вас, потому что вы не отпускали его посла в течение четырех-пяти лет, но мы воспрепятствовали ему из-за нашей дружбы. Несмотря на то, что у нас был двухлетний план экспедиции, мы не причинили никакого вреда вашему родному городу Астрахани» [30]. Несмотря на то, что султан Селим II в своем письме назвал царя Ивана только государем Москвы, а не Казани и Астрахани, он отметил, что турецкие войска не нанесли ущерба «его городу», то есть султан Селим II признал, что Астрахань — русский город. Дополнительно султан сообщил об официальной причине экспедиции — защите паломников в Мекку и поставил вопрос о русской крепости на Тереке. Эта крепость и продвижение русских на Кавказе беспокоили турок-османов. Султан Селим II также желал мира. Его требования к мирному соглашению, заявленные в письме, были следующими: «Открытие Астраханской дороги, разрушение крепости Терек, освобождение посла крымского хана, обеспечение безопасности купцов и других людей, направляющихся в Османскую империю» [30]. На наш взгляд, эти условия, запрошенные турками, были не особо затруднительными для царя Ивана IV. Судя по всему, Иван IV ожидал куда худшего.

Крымское ханство продолжило наступление на русских. Девлет-Гирей I напал на князя Темрюка Черкесского в 1570 году и убил в бою двух его сыновей [8, s. 388]. Набег и сожжение Москвы в 1571 году крымским ханом Девлет-Гиреем был описан в турецком источнике так: «в этом году [1571] татары напали на злоевщих русских. Хан со своими войсками пересекли реку Волгу, как ветер, и, войдя в Москву, разграбили и уничтожили столицу. Они вернулись с обильной добычей. Этот успех татар считается одним из самых больших газаватов» [17, s. 450]. После этого успешного набега Девлет-Гирею турками было присвоено звание *taht-i algan*, то есть «завоеватель Москвы» [8, s. 388].

Как видим, после 1569 г. в турецких текстах все больше оценок русских как врагов, по сравнению с предыдущими годами. Одним словом, в глазах турок образ русских постепенно стал меняться именно после неудачной Астраханской экспедиции.

Список источников и литературы

1. Hammer V.J. Fatih Sultan Mehmed — Cihan İmparatoru. İstanbul: Kariyer Yayıncılık, 2011. 256 s.
2. Kurat N.A. Türkiye ve İdil Boyu: 1569 Astarhan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri. Ankara: TTK, 1966. 240 s.

3. *İnalcık H.* Osmanlı-Rus İlişkileri 1492–1700 // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl 1491–1992. Ankara: TTK, 1999. s. 25–38.
4. *Карамзин Н. М.* История государства Российского / Отв. ред. Т. Ю. Пинталь. Т. 6. М.: АСТ, 2006. 991 с.
5. *Pritsak O.* 1491–1532 Yıllarında Osmanlı-Moskova İlişkileri // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl 1491–1992. Ankara: TTK, 1999. s. 65–72.
6. *Cezar M.* Mufassal Osmanlı Tarihi: resimli-haritalı / Çev.: M. Sertoğlu. Ankara: TTK, 2021. Cilt I–VI. 3672 s.
7. *Hammer V.J.* Osmanlı Tarihi. İstanbul: Üçdal Neşriyat, 1997. Cilt 1. 426 s.
8. *İnalcık H.* Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569) // TTK Belleten. 1948. No. XII/46. s. 349–402.
9. *Nekrasov M.* XVI. Yüzyıldaki Rus-Osmanlı Ekonomik İlişkileri // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl 1491–1992. Ankara: TTK, 1999. s. 91–98.
10. *İnalcık H.* The Ottoman Empire: Conguest, Organization and Economy. London: Variorum Reprints, 1978. 362 p.
11. *Bronevskiy M.* Kırım / Çev.: K. Ortaylı. Ankara: Ege Matbaası, 1970. 60 s.
12. *Çelebi Evliya.* Seyahatname / Haz.: S. Ali Kahraman. 7. Kitap. Cilt 2. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2001. 828 s.
13. *Matsuki E.* The Crimean Tatars and their Russian-Captive Slaves: An Aspect of Muscovite-Crimean Relations in the 16th and 17th Centuries // Journal Article. 2006. No. 18. P. 171–182.
14. *Kravets M.* Blacks Beyond the Black Sea: Eunuchs İn The Crimean Khanate // Slavery, İslam and Diaspora / Ed. by B. A. Mirzai, I. M. Montana, P. E. Lovejoy. New York, 2009. P. 21–36.
15. *Литвин Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян (1550 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm (дата обращения: 25.09.2022).
16. *İpşirli Mehmet.* Beylerbeyi. Diyanet İslam Ansiklopedisi [Электронный ресурс]. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/beylerbeyi> (дата обращения: 28.09.2022).
17. *Peçevi İbrahim Efendi.* Peçevi Tarihi / Haz.: Prof. Dr. B. Baykal. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 1999. Cilt I. 356 s.
18. *Kurat N.A.* Topkapı Müzesi Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. Ankara: AÜ Dil Tarih ve Coğrafya Fakültesi, 1940. 212 s.
19. *Uzunçarşılı İ. H.* Büyük Osmanlı Tarihi. Cilt III. 1. Kısım. Ankara: TTK, 2011. 650 s.
20. *Togan V.Z.* Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. 1963. Cilt 3. s. 183–194.
21. *Kemaloğlu İ.* Rus Elçi Raporlarında Astrahan Seferi. Ankara: TTK, 2011. 95 s.
22. *Kurat N.A.* Rusya Tarihi Başlangıçtan 1917'ye Kadar. Ankara: TTK, 1948. 568 s.
23. *Зайцев И. В.* Астраханское ханство / Отв. ред. Д. Д. Васильев. М.: РАН, 2006. 301 с.
24. *Saray M.* Türk-Rus Münasebetlerinin Bir Analizi. İstanbul: MEB Yayınları, 2004. 280 s.

25. *Altınay R.* Bahr-i Hazar-Karadeniz Kanalı ve Ejderhan Seferi // Tarih-i Osmani Encümeni Mecmuası. 1917. Cilt 8. s. 5–12.
26. *Gelibolulu Mustafa Âli.* Künhü'l-Ahbâr / Haz. Prof. Dr.A. Çavuşoğlu. Cilt I. Sayı3. Ankara: TTK, 2019. 1171 s.
27. Suret-i name-i Tatar Han. 26 Recep. II. 976 (26 Aralık 1568) // Mühimme Defteri VII. s. 984. Vesika No. 2722.
28. Suret-i name-i Kefe Beyi. 14 Safer. II. 976 (14 Şubat 1568) // Mühimme Defteri VII. s. 995. Vesika No. 838.
29. *Emecen Feridun.* Ridaniye Savaşı. Diyanet İslam Ansiklopedisi [Электронный ресурс]. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/ridaniye-savasi> (дата обращения: 10.09.2022).
30. Mosku kralına name-i hümayun. 17 Cemaz. I. 979 (30 Ekim 1570) // Mühimme Defteri XVI. s. 3/4. Vesika No. 3.

УДК 94(415) 1485/1603

Козлов А. Д.

Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук, студент бакалавриата
E-mail: artemonega@yandex.ru

К вопросу об образе Елизаветы Тюдор по данным французской дипломатической корреспонденции

Аннотация. В статье рассматривается роль французских послов в передаче образа Елизаветы Тюдор. Подчеркивается его неоднозначность и трудность восприятия французским королевским двором. Объясняются причины и мотивы проявления у Елизаветы мужских черт поведения. Прослеживается переход от дружеских к напряженным взаимоотношениям между странами и связь этих изменений с демонстрируемым образом королевы и ее политической тактикой.

Ключевые слова: Елизавета Тюдор, Ла Мот Фенелон, Екатерина Медичи, Карл IX.

Kozlov A. D.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Faculty of Humanities, Bachelor's program, Student
E-mail: artemonega@yandex.ru

On the question of the image of Elizabeth Tudor according to French diplomatic correspondence

Abstract. In the article it is considered the role of the French ambassadors in the transmission of the image of Elizabeth Tudor. It is emphasized its ambiguity and difficulty of perception by the French royal court. The reasons and motives for the manifestation of masculine traits in Elizabeth are explained. It is traced a transition from friendly to tense relations between countries in connection with the image of the queen and her political actions.

Keywords: Elizabeth Tudor, La Mothe Fenelon, Catherine de Medici, Charles IX.

Образ королевы Англии Елизаветы Тюдор (1558–1603) привлекал внимание ученых на протяжении нескольких столетий. Стоит отметить, что правление ее современников во Франции Карла IX и Генриха III так интенсивно не обсуждалось и не описывалось зарубежной, в частности,

французской историографией. При изучении французских источников проявляются новые грани образа Елизаветы, а, следовательно, портрет английского монарха становится более разносторонним. Корреспонденция между французской королевской семьей и послами в Англии — чрезвычайно богатый, но в значительной степени неиспользованный ресурс. Французские послы разработали множество образов Елизаветы Тюдор — от «благожелательного правителя» до «королевы пиратов». Обмениваясь с ними письмами, Карл IX, Екатерина Медичи и Генрих III неизбежно создавали свои собственные дискретные представления об английской королеве.

В отличие от представителей Англии, для которых Елизавета олицетворяла одновременно и «короля», и «королеву», при французском королевском дворе это восприятие давалось сложнее и пришло не сразу, что способствовало сохранению элементов недоверия и неприязни с обеих сторон [1, р. 46]. Неоднозначный образ королевы, с одной стороны, привлекал внимание Валуа, а с другой — отталкивал. Прежде всего французской королевской семье пришлось примириться с немислимым в то время фактом, а именно с беспрецедентным статусом Елизаветы как независимой и незамужней женщины-правителя, что привело к проблеме выстраивания взаимодействия между представителями двух королевств. В течение нескольких лет Екатерина Медичи пыталась выстроить отношения между Англией и Францией путем династического брака [2, р. 126–140]. Но все попытки, как известно, были тщетны и ни к чему не привели. Это показывает, что французская королевская семья пыталась доминировать над Елизаветой и долгие годы не воспринимала ее как равную по статусу французскому королю.

Отчеты французского посла Ла Мот Фенелона также доказывают описанный выше факт. В сентябре 1569 г. он написал, что *«был послан великим королем к великой королеве»*, и поэтому предоставил двум королевским домам равный статус, он настаивал на важности поддержания *«королевской переписки между истинной королевой и великим королем»*, и утверждал, что, *«хотя ее пол слаб, я думаю, что, тем не менее, она похожа на скалу»* [3, р. 74]. Ее подданные продолжали давить на нее, чтобы она вышла замуж и произвела наследника, но она не отступала от своего решения и ответила, *«что если подданные ее любят <...> они должны дать ей свободу выбора, выходить замуж или нет <...>. Что касается созыва парламента, никто из ее предшественников никогда не созывал его более трех раз за время своего правления, тогда как она провела уже четыре созыва, и во время последнего она мучилась вопросом о браке»*

[4, р. 76]. Этот отчет перекликается с речью Елизаветы, произнесенной в парламенте в 1566 году. Год спустя она распустила парламент из-за непрекращающихся нападков участников на ее незамужний статус и преемственность, что продемонстрировало ее твердое намерение защищать свою королевскую власть и законность как незамужней женщины и единоличной правительницы. В обоих выступлениях она использовала слово «голова», чтобы привлечь внимание к «мужской» стороне ее королевской идентичности. Это говорит о том, что она была знакома со знаменитым афоризмом Джона Нокса «голова не должна следовать за ногами». Елизавета позиционировала себя не как женщину, а как единственного законного монарха Англии, что означало, что она была «головой», а члены парламента — «ногами» [5, р. 98]. Эта решимость оставаться незамужней, поддерживать свой королевский авторитет заставил французский двор воспринимать Елизавету равной Карлу IX.

К 1570 г., после нескольких неудачных попыток выдать Елизавету замуж и ее решительного отказа от брака, в отчетах Ла Мот Фенелона, в письмах Карла IX и Екатерины Медичи стал проследиваться образ воинственной королевы и отождествление ее с «мужским образом». Сочетая прилагательное, которое обычно предназначалось для мужчин (осторожный), с прилагательным, которое обычно применялось по отношению к женщинам (добродетельный), Ла Мот Фенелон представлял английскую королеву и как мужчину, и как женщину-правителя. Посол также воспроизвел одну из речей Елизаветы в типичных для нее пылких выражениях: *«такой прекрасный порядок слов, произнесенных с такой любовью и с таким изяществом, что мы оба, посол и его секретарь, и ее люди были глубоко поражены»*. Здесь Ла Мот Фенелон снова соединил свое восхищение типичным мужским качеством — эрудицией — с похвалой традиционно женским атрибутам «любовь» и «изящество».

Недоверие и конкуренция между Англией и Францией, возросшие в 1570–1580 гг., которые подпитывались стойкой защитой английской королевой протестантизма, усилили авторитет и могущество Елизаветы, но также создали образ коварной королевы. Определенная степень недоверия была вызвана предположением о тайной поддержке Елизаветой французских гугенотов и принца Оранского в его борьбе против испанского владычества в Нидерландах. Но поскольку главной целью Англии было противодействие господству Испании в Европе, она не могла позволить себе поставить под угрозу свой союз с Францией, поэтому Елизавета отрицала, что она как-то к этому причастна, или уходила от ответа [6, р. 102]. В этом противостоянии Ла Мот Фенелон сыграл ключевую роль

в успокоении французской королевской семьи, он утверждал, что Елизавета оставалась верной англо-французскому союзу и желала сохранить хорошие отношения с французской королевской семьей. Более того, он защищал ее легитимность и, что не менее важно, стал изображать ее как минимум равной любому другому европейскому монарху, независимо от пола. Французский посол в одном из своих докладов Карлу IX описал Елизавету как «истинную сестру» и миролюбивую королеву, подчеркивая ее легитимность, но при этом указал, что она предупредила его о своем характере, заявив, что она «из породы львов» и может быстро разгневаться, если ее спровоцировать. Здесь Елизавета не только напомнила послу о своем законном праве править Англией, на гербе которой с XII века были изображены львы, но и указала, что она полностью готова защитить себя, если на нее нападут или «спровоцируют» [7, р. 85]. Посол отметил, что она была счастлива, когда проецировала этот довольно устрашающий мужской образ.

Сообщая о чувствах королевы после Варфоломеевской ночи, Ла Мот Фенелон упомянул о слезах Елизаветы, что, должно быть, не оставило у Карла никаких сомнений в том, что она считала, что гугеноты подверглись великой несправедливости, и испытывала к ним большое сочувствие и душевную близость [8, с. 10]. Поэтому в данном контексте слезы были символом не «женской» слабости Елизаветы, а скорее ее «царственной» силы. Через эту мощную эмоциональную реакцию она показывала не только свою человечность, но и свое божественное право править такими подданными, которые не могли вынести слухов о резне. Всего через четыре дня после кровавой расправы над гугенотами в Париже, еще до того, как новость дошла до Англии, Ла Мот Фенелон в одном из своих отчетов изобразил Елизавету *«верхом на лошади, возвращающейся с охоты»* [9, р. 88]. Хотя и раньше королевы охотились, это считалось преимущественно мужским занятием, и французский посол намеренно изображал Елизавету скорее королем, и, следовательно, истинно равной Карлу, чем королевой.

С годами заслуженный авторитет Елизаветы и восприятие ее «мужского образа» при французском королевском дворе, которое она подкрепляла своей политикой и речами, все более возрастали. К 1588 году образ королевы-воительницы и «королевы пиратов» настолько укоренился в дискурсе французской королевской семьи, что они точно знали, кого винить, когда в конце концов разразилась война. Воинственная риторика Елизаветы проиллюстрирована в воодушевляющей речи, которую она произнесла перед войсками в Тилбери, готовясь встретить ожидаемое ис-

панское вторжение: «Я знаю, что у меня тело слабой и немощной женщины, но у меня сердце и желудок короля» [10, р. 124].

Подводя итоги, прежде всего следует отметить, что правление Елизаветы считалось необычным, как внутри королевства, так и за его пределами, из-за того, что королеве постоянно приходилось доказывать свое могущество, хитрый ум и равный статус ведущим монархам Европы, что развивало в ней мужские черты. Несмотря на то, что дипломаты порой пытались показать ее более мягкой и неуверенной в некоторых вопросах, французской королевской семье пришлось признать, что Елизавета может диктовать свои условия, отстаивать свою точку зрения, тем самым воспринимая ее как сильного и коварного политического противника и признавая единство ее образа как «короля» и «королевы» страны.

Список источников и литературы

1. *Sharp K.* Selling the Tudor Monarchy: Authority and Image in the Sixteenth Century England. New Haven: Yale University Press, 2009. 588 p.
2. *Kruse E.* The Virgin and the Widow: The political finesse of Elizabeth I and Catherine de Médici // Queens and Power in Medieval and Early Modern England / Ed. by C. Levin, R. Bucholz. Lincoln, London: University of Nebraska, 2009. P. 126–140.
3. Report La Mothe Fénélon to the French king Charles IX, September 1, 1569 // Correspondance diplomatique de Bertrand de Salignac de la Mothe Fénélon, ambassadeur de France en Angleterre, de 1568 à 1575. V. 5. Paris, 1840. 443 p.
4. Report La Mothe Fénélon to the French king Charles IX, November 25, 1569 // Correspondance diplomatique de Bertrand de Salignac de la Mothe Fénélon, ambassadeur de France en Angleterre, de 1568 à 1575. V. 3. Paris, 1840. 355 p.
5. Elizabeth I: Collected Works / Ed. by L. Marcus, J. Mueller. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 470 p.
6. *Strype J.* Annals of the Reformation and Establishment of Religion. Oxford: Clarendon Press, 1874. 724 p.
7. Report La Mothe Fénélon to the French king Charles IX, 1st Report, November 16, 1568 // Correspondance diplomatique de Bertrand de Salignac de la Mothe Fénélon, ambassadeur de France en Angleterre, de 1568 à 1575. V. 1. Paris, 1840. 443 p.
8. *Пешков А. А.* Эволюция подходов к проблеме влияния античной философии на христианство // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 2. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1235> (дата обращения: 10.10.2022).
9. Correspondance diplomatique de Bertrand de Salignac de la Mothe Fénélon, ambassadeur de France en Angleterre, de 1568 à 1575. V. 5. Paris, 1840. 443 p.
10. *Collinson P.* Elizabethan Essays. London: Bloomsbury Academic, 1994. 256 p.

УДК 94(415).06 + 930.2

Sitner S. V.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: harfenispielerin@yandex.ru

«Строевой лес, или Находки» Бена Джонсона: опыт работы с записной книжкой

Аннотация. В статье рассматривается проблема работы с записной книжкой «Строевой лес, или Находки», которая может служить источником ценной, но неочевидной информации о мировоззрении автора, драматурга Бена Джонсона. Сравнивая приводимые им цитаты с их оригиналами, можно сделать выводы о его политических и этических взглядах.

Ключевые слова: Бен Джонсон, книга общих мест, центон, память контекста.

Sitner S. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: harfenispielerin@yandex.ru

Ben Jonson's "Timber or Discoveries": The Experience with a Notebook

Abstract. The article deals with the issue of analysis a notebook "Timber or Discoveries", which could provide precious, but unobvious information about the worldview of its creator playwright Ben Jonson. Comparing his citations from the notebook with their original sources, one can draw the conclusions about his own political and ethical ideas.

Keywords: Ben Jonson, commonplace book, cento, memory of context.

Среди литературного наследия английского комедиографа и поэта, младшего современника Шекспира Бена Джонсона (1573–1637) особое место занимает его записная книжка «TIMBER: OR, DISCOVERIES, Made upon men and matter, as they have flowed out of his daily readings, or had their reflux to his peculiar notion of the times», полная выдержек из сочинений античных и ренессансных авторов на разные этические и политические темы и освещающая проблемы поэтической и риторической теории [1, p. VII]. Проблема изучения данного текста как источника сведений об ин-

теллектуальном мире Бена Джонсона — человека, получившего прекрасное гуманистическое образование под руководством антиквара У. Кэмдена и впоследствии вращавшегося в среде английских интеллектуалов, таких как Роберт Коттон и Джон Селден [2, р. 69–72], заключается в том, что автор излагает не собственные мысли, а заимствования, общие места из прочитанных им книг. Долгое время исследователи, действовавшие еще в позитивистской парадигме (М. Кастелан, Дж. Спингарн, П. Симпсон), не видели самостоятельной ценности памятника, чье содержание по большей части можно приписать другим людям, и, проделав титанический труд по выявлению источников заимствования, даже поднимали вопрос о литературном плагиате [1, р. 3–142; 3, р. 451–460]. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что текст «Discoveries» был сочтен важным для публикации в посмертном издании работ Джонсона его «литературным душеприказчиком» Кенелмом Дигби в 1641 г. Следовательно, текст этот может если не эксплицитно, то имплицитно содержать в себе выражение творческого и рефлексирующего «Я» своего создателя. Соответственно, перед исследователем встает вопрос об оригинальности материала и его подачи, о том, в какой мере «Discoveries» — лишь случайный набор мало связанных между собой цитат. Вопрос об эвристической ценности памятника заставляет искать метод, способный извлечь сведения о собственных взглядах автора и организовать их во внутренне связанную систему.

Прежде чем говорить о том, как именно нужно работать с «Discoveries», стоит остановиться подробнее на его жанре, большинством исследователей определяемом как *commonplace book* (книга общих мест). Слово *commonplace* — перевод латинского *locus communis*, которое, в свою очередь, воспроизводит греческое *koinos topos*, изначально означавшее «пассаж общего применения, который может служить основой для доказательства», затем «эффектный или примечательный пассаж, который отмечают, чтобы сослаться на него или использовать в книге общих мест». Неудивительно, что «общие места» обязаны своим возникновением античной диалектике и риторике [4, р. 1–3]. В Средние века собрания «общих мест» (прежде всего из Писания) получают черты антологий и энциклопедий (*florilegia* и *exempla*), а в XVI–XVII вв., благодаря усилиям гуманистов, книги общих мест выполняют уже несколько функций: образовательную (запись полезных и красивых пассажей из школьного курса под соответствующими заголовками), референтивную и накопительную (сбор и хранение аргументов для поэтических и прозаических сочинений, риторических упражнений), читательского дневника. Во времена Джонсона в Англии распространение получают печатные книги общих мест [5, р. 42, 44; 4, р. 241–243, 260, 269; 6, р. 153].

В случае книги общих мест Джонсона можно говорить о гуманистическом понимании ее задач. Но для чего Джонсону потребовалось собрать поражающее воображение количество отрывков из Сенеки Старшего («Controversiae») и Сенеки Младшего («Epistulae Morales»), Квинтилиана, Плутарха («Moraliae»), Плиния Младшего («Epistulae»), Авла Гелия, Валерия Максима, Ювенала, Горация («Ars poetica») и авторов-гуманистов: Хуана Луиса Вивеса, Эразма Роттердамского, Никколо Макиавелли, Юста Липсия, Филиппа Сидни, Джона Хоскинса, Даниэля Хейнсия? На наш взгляд, ответ на этот вопрос может дать процитированное Джонсоном место из LXXIV письма Сенеки Младшего: *«Мы должны подражать пчелам, которые странствуют в поисках медоносных цветов, а потом складывают принесенное в соты, где оно и переваривается в мед, <...> мы должны подражать пчелам: вычитанное из разных книг разделять, потому что порознь все сохраняется лучше, а потом, употребив все тщание и все способности ума, слить разные пробы и добиться единого вкуса, так что даже если будет видно откуда что-то взято, оно должно выглядеть иным, нежели там, откуда было взято <...> Пусть то же самое будет и со всем, что питает наш ум: нельзя, чтобы почерпнутое оставалось нетронутым и потому чужим. Его нужно переварить, иначе это будет пища для памяти, а не для ума»* [7, с. 174–175; 8, л. 1759–1761]. Идея Сенеки о том, что тексты предшественников — это житница готовых изречений и аналогий, которые уместно вплетать в ткань собственных сочинений, порой без указания авторства, стала популярной у гуманистов, выразившись в теории *imitatio* — творческого подражания древним. Чтение сочинений, созданных при помощи такого *imitatio*, имело явный оттенок интеллектуальной игры: образованный читатель считывал цитаты и отсылки к уже известным ему текстам и логически достраивал выраженную через выбор заимствований авторскую мысль.

Принимая во внимание то, что подражание и заимствование было в эпоху Ренессанса вполне легальным творческим методом, предполагавшим выражение авторской мысли посредством выработанных авторитетными предшественниками форм, большинство исследователей «Discoveries» полагают, что содержание этой книги общих мест приобретает оригинальность через уникальный синтез цитирований и является «эпитомой» взглядов Джонсона по множеству вопросов [9, р. 11]. Соответственно, здесь и далее мы будем придерживаться тезиса о том, что Бен Джонсон выражает свои мысли чужими словами, порой незаметно для неискушенного взгляда меняя смысл цитируемых фрагментов.

На наш взгляд, информационную отдачу «Discoveries» можно усилить, если обратиться к источникам его цитат и проследить семантические связи между ними. Действуя в рамках герменевтики, в данном случае мы оперируем понятием «память контекста»: всякая цитата в оригинальном тексте, построенном по центонно-перифразному принципу, узнавалась образованным читателем и отсылала его к тексту-предшественнику, заставляя вспомнить контекст, из которого она извлечена. Благодаря соположению в одном тексте разнородные и разновременные источники нового произведения позволяли получить новые смыслы и логические связи. В случае «Discoveries», представляющего собой книгу «общих мест», уместно применить теорию центона (понятие «центон» определялось у С. С. Аверинцева как «...инкорпорирование деталей старого художественного целого в состав нового <...> так, поэзия знала практику так называемых центонов (*centones*) — мозаик из стихов или полустихий старых поэтов, заново смонтированных для разработки какой-нибудь темы, о которой эти поэты и не думали» [10, с. 56–57]), обращающую внимание не на форму, а на изначальный смысл использованных в тексте цитат: семантическая глубина и объем текста, «собранного» из фрагментов других текстов, обуславливается сохранением памяти прежних контекстов. Таким образом нарратив, построенный на цитировании, имеет помимо буквального еще несколько значений, восстанавливаемых путем обращения к источникам заимствования. Кроме того, информацию несет и характер организации текста, то, в какие связи поставлены между собой фрагменты использованных произведений. Можно с уверенностью утверждать, что обращение к «памяти контекста» процитированных Джонсоном произведений и анализ контекстуальных связей между заимствованными фрагментами позволят нам лучше понять, что драматург на самом деле хотел сообщить читателю.

Чтобы продемонстрировать, как именно следует работать с текстом «Discoveries», мы обратимся к одной из граней этого памятника, а именно к рецепции и «актуализации» идей римской античности и итальянского гуманизма. На наш взгляд, разрешением этой проблемы станут два сюжета из «Discoveries», первый из которых посвящен роли поэта, а второй — допустимости для правителя быть жестоким. При рассмотрении этих примеров нам потребуется детальное сопоставление текста Джонсона с его источниками.

Изучение «Discoveries» показывает, что для Джонсона поэт (и драматург) был равен монарху по своей ценности для общества [8, l. 1728–1729]. Поэт равен государю не только божественным характером своего дара, но и способностью подать монарху мудрый совет, будучи его придвор-

ным советником [8, л. 47–52; 9, р. 9–10]. Более того, Джонсон доказывает, что поэт может сам управлять государством, и то, как он это доказывает, представляет для нас наибольший интерес. Дело в том, что для выражения своей мысли Джонсон слегка изменяет цитату из «*Institutio Oratoria*» Марка Фабия Квинтилиана [12, сар. IX–X]. Для удобства сопоставления мы приведем ниже таблицу с параллельным расположением «*Discoveries*» и оригинала (добавления Джонсона выделены полужирным):

« <i>Institutio Oratoria</i> »	« <i>Discoveries</i> »
<p>X. <i>Neque enim hoc concesserim, rationem rectae honestaeque vitae, ut quidam putaverunt, ad philosophos relegandam, cum vir ille vere civilis et publicarum privatarumque rerum administrationi accommodatus, qui regere consilii urbes, fundare legibus, emendare iudiciis possit, non alius sit profecto quam orator.</i></p>	<p><i>But if another learning, well used, can instruct to good life, inform manners, no less persuade and lead men than they threaten and compel, and have no reward, is it therefore the worse study? I could never think the study of wisdom confined only to the philosopher, or of piety to the divine, or of state to the politic. But that he which can feign a commonwealth (which is the poet) can govern it with counsels, strengthen it with laws, correct it with judgements, inform it with religion and morals, is all these</i> [8, л. 736–743].</p>
<p>IX. <i>Oratorem autem instituimus illum perfectum, qui esse nisi vir bonus non potest, ideoque non dicendi modo eximiam in eo facultatem sed omnis animi virtutes exigimus.</i></p>	<p><i>We do not require in him mere elocution, or an excellent faculty in verse, but the exact knowledge of all virtues, and their contraries; with ability to render the one loved, the other hated, by his proper embattling them</i> [8, л. 743–745].</p>

Как нетрудно заметить, Джонсон буквально заменяет оратора на поэта в пассаже о гражданине, способном управлять общественными и частными делами («*vir ille vere civilis et publicarum privatarumque rerum administrationi accommodatus*») — у Джонсона именно поэт может выдумать целое государство и управлять им: «*But that he which can feign a commonwealth (which is the poet) can govern it with counsels, strengthen it with laws, correct it with judgements, inform it with religion and morals, is all these*». Конечно, справедливым будет замечание о том, что у Квинтилиана речь идет о реальном управлении (о *vita activa* — идеале другого римского оратора, Цицерона), а у Джонсона — о неограниченных возможностях поэта в мире воображаемого. Однако такое обращение с текстом источника — это все то же выражение идей Цицерона об активном гражданине [11, р. 14, 19], который в случае «*Discoveries*» проявляет себя как поэт.

Таким образом, благодаря сопоставлению нашего текста с источником его заимствования нетрудно заметить специфику цитирования

Джонсоном: он выражает собственную мысль (о величии поэта), опираясь на чужое словесное выражение и меняя немногие, но ключевые слова [2, p. 69–72, 75].

Наиболее ярко такой принцип цитирования выражен у Джонсона в его полемике с идеями Никколо Макиавелли. Как известно, в Англии начала XVII века сочинения великого итальянца «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» неплохо знали и много порицали. Не вдаваясь в подробности касательно английского «антимакиавеллизма», отметим, что безжалостные правители-макиавеллисты активно высмеивались на английской сцене, и Джонсоном в том числе [13, p. 88–100; 14, p. 75–76]. В «Discoveries» Джонсон затрагивает одну из наиболее критикуемых сторон политического учения Н. Макиавелли, высказанную в восьмой главе «Государя» («О тех, кто добился власти злодеянием»), — о том, что государь должен умело применять жестокость по отношению к своим подданным. Споря с этой позицией, Джонсон сначала ее приводит, а затем опровергает словами древнеримского философа-стоика Сенеки Младшего из обращенного к императору Нерону трактата «О милосердии» («De Clementia»). Для удобства восприятия мы приведем тексты расположенными параллельно в таблице:

«Discoveries»	«Il Principe»
<p><i>He that is cruel to halves (saith the said St Nicholas) loseth no less the opportunity of his cruelty than of his benefits; for then to use his cruelty is too late, and to use his favours will be interpreted fear and necessity, and so he loseth the thanks. Still the counsel is cruelty. But princes, by hearkening to cruel counsels, become in time obnoxious to the authors, their flatterers and ministers, and are brought to that, that when they would, they dare not change them; they must go on, and defend cruelty with cruelty; they cannot alter the habit. It is then grown necessary, they must be as ill as those have made them; and in the end they will grow more hateful to themselves than to their subjects. Whereas, on the contrary, the merciful prince is safe in love, not in fear. He needs no emissaries, spies, intelligencers, to entrap true subjects. He fears no libels, no treasons. His people speak what they think, and talk openly what they do in secret. They have nothing in their breasts that they need a cipher for. He is guarded with his own benefits [8, l. 843–856].</i></p>	<p><i>Perché le iniurie si debbono fare tutte insieme, acciò che, assaporandosi meno, offendino meno: e' benefizii si debbono fare a poco a poco, acciò che si assaporino meglio. E debbe, sopr' a tutto, uno principe vivere con li suoi sudditi in modo che veruno accidente o di male o di bene lo abbi a far variare: perché, venendo per li tempi avversi le necessità, tu non se' a tempo al male, et il bene che tu fai non ti giova, perché è giudicato forzato, e non te n'è saputo grado alcuno ne riporti (Il Principe. Cap. VIII) [15, p. 47].</i></p>

«De Clementia»

Non potest habere quisquam bonae ac fidae voluntatis ministros, quibus in tormentis ut eucleo et ferramentis ad mortem paratis utitur, quibus non aliter quam bestiis homines obiectat, omnibus reis aerumnosior ac sollicitior; ut qui homines deosque testes facinorum ac vindices timeat, eo perductus, ut non liceat illi mutare mores. Hoc enim inter cetera vel pessimum habet crudelitas, perseverandum est nec ad meliora patet regressus; scelera enim sceleribus tuenda sunt. Quid autem eo infelicius, cui iam esse malo necesse est? <...> O miserabilem illum, sibi certe! Nam ceteris misereri eius nefas sit, qui caedibus ac rapinis potentiam exercuit, qui suspecta sibi cuncta reddidit tam externa quam domestica, cum arma metuat, ad arma confugiens, non amicorum fidei credens, non pietati liberorum; qui, ubi circumspexit, quaeque fecit quaeque facturus est, et conscientiam suam plenam sceleribus ac tormentis adaperuit, saepe mortem timet, saepius optat, inuisor sibi quam servientibus. <...> E contrario is, cui curae sunt universa, qui alia magis, alia minus tuetur, nullam non rei publicae partem tamquam sui nutrit <...> Eadem de illo homines secreto loquuntur quae palam. Tollere filios cupiunt et publicis malis sterilitas indicta recluditur; bene se meriturum de liberis suis quisque non dubitat, quibus tale saeculum ostenderit. Hic princeps suo beneficio tutus nihil praesidiis eget, arma ornamenti causa habet [16, cap. 13. 2–4, 6].

Таким образом, Джонсон отвечает на заявления Макиавелли о полезности чередования «кнута и пряника», полезности применения жестокости в полную силу, словами Сенеки Младшего, призывающего своего воспитанника оберегать себя собственными благодеяниями, милосердием добывая любовь подданных. Вместе с рассмотренным ранее фрагментом пассажа о милосердии и жестокости показывает то, как работает Джонсон с заимствованным материалом. Пользуясь чужими словами, он придает дополнительный вес собственным мыслям — именно в осознании этого факта и заключается итог нашей работы с записной книжкой Бена Джонсона.

Список источников и литературы

1. *Castelain M.* Ben Jonson. Discoveries. A Critical Edition with an Introduction and Notes on the True Purport and Genesis of the Book. Paris: Hachette, 1906. 162 p.
2. *Donaldson I.* Ben Jonson: a life. Oxford: Oxford University Press, 2011. 533 p.
3. *Spingarn J.E.* The Sources of Jonson's "Discoveries" // *Modern Philology*. University of Chicago Press. 1905. Vol. 2. No. 4. P. 451–460.
4. *Moss A.* Printed Commonplace Books and the Structuring of Renaissance Thought. Oxford: Clarendon Press, 1996. 360 p.
5. *Allan D.* Commonplace Books and Reading in Georgian England. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 320 p.
6. *Swann M.* Curiosities and Texts. The Culture of Collecting in Early Modern England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 288 p.

7. Seneca Minor. Epistulae [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/sen.html> (дата обращения: 24.09.2022).
8. The Cambridge Edition of the Works of Ben Jonson Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://universitypublishingonline.org/cambridge/benjonson/k/works/discoveries/facing/#> (дата обращения: 20.09.2022).
9. *Evans R. C.* Habits of mind: evidence and effects of Ben Jonson's reading. Lewisburg, London: Associated University Presses, 1995. 290 p.
10. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
11. *Grafton A.* Humanism and political theory // *The Cambridge History of Political Thought 1480–1700* / Ed. by J. H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 9–29.
12. M. Fabii Quintiliani Institutio Oratoria Liber Primus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/quintilian/quintilian.institutio1.shtml> (дата обращения: 24.09.2022).
13. *Boughner D. C.* The devil's disciple: Ben Jonson's debt to Machiavelli. New York: Philosophical Library, 1968. 264 p.
14. *Raab F.* The English face of Machiavelli. A changing interpretation 1500–1700. London, Toronto: Routledge, University of Toronto Press, 1964. 306 p.
15. *Machiavelli Niccolò.* Il Principe. Introduzione e note di Federico Chabod / Ed. di L. Firpo. 7 ed. Torino: Einaudi, 1972. 134 p.
16. *Seneca.* De Clementia. Liber Primus / Ed. by J. W. Basore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2007.01.0015%3Abook%3D1%3Achapter%3D13%3Asection%3D6> (дата обращения: 24.09.2022).

УДК 94(44).032

Салахова А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st094517@student.spbu.ru

Кардинал Ришелье и его политическая деятельность по воспоминаниям герцога Франсуа де Ларошфуко

Аннотация. В статье освещается образ кардинала Ришелье и рассматривается его политическая деятельность в восприятии и трактовке известного представителя французской аристократии, военачальника и участника Фронды герцога Франсуа де Ларошфуко (1613–1680).

Ключевые слова: кардинал Ришелье, Людовик XIII, Ларошфуко, Франция.

Salakhova A. I.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st094517@student.spbu.ru

Cardinal Richelieu and his Political Activities Based on the Memoirs of La Rochefoucauld

Abstract. This article discusses the image and political activity of Cardinal Richelieu based on the memoirs of a well-known representative of the aristocracy, military commander and member of the Fronde François Duc de La Rochefoucauld (1613–1680).

Keywords: Cardinal Richelieu, Louis XIII, La Rochefoucauld, France.

Одним из важнейших источников по истории Франции XVI века и политической деятельности кардинала Ришелье являются мемуары герцога Франсуа де Ларошфуко (1613–1680). По основному роду занятий герцог был военачальником, политическим деятелем, и написание мемуаров для него было скорее досугом. Род Ларошфуко во Франции был одним из наиболее древних, он вел свое начало с XI века. Таким образом, «Гражданские войны во Франции с августа 1649 г. до конца 1652 г.», более известные как «Мемуары», отражали взгляды представителя старой знати на процессы формирования в раннее Новое время

политических структур, которые известны под обобщающим термином «абсолютная монархия», а время их возникновения — «периодом абсолютизма». «Мемуары» были впервые опубликованы в 1662 г. в Руане, без ведома автора. Текст первого издания был сильно искажен купюрами, добавлениями из других источников. Ларошфуко отказался от авторства этих «Мемуаров» и даже обратился с жалобой в парижский парламент, который указом от 17 сентября 1662 г. запретил их продажу. Подлинный текст «Мемуаров» был издан в том же 1662 г. в Брюсселе, у Франсуа Фопшенса. В дальнейшем, вплоть до первой половины XIX века, было много переизданий искаженного текста. Часто под именем Ларошфуко печатались воспоминания других авторов. Первое научное издание «Мемуаров», подготовленное Ж. Гурдо, появилось в 1874 г. в собрании сочинений Ларошфуко в серии «Les grands écrivains de la France» [1].

Анализ воспоминаний Франсуа де Ларошфуко позволяет представить, как воспринимали фигуру и деятельность кардинала Ришелье представители дворянства и высшей аристократии [1], входившие в окружение Анны Австрийской, поскольку он принадлежал к так называемой «партии королевы».

По мнению Ларошфуко, именно кардинал был настоящим правителем Франции, король же не был удостоен на страницах его сочинения особого почитания и поклонения. Ришелье для Ларошфуко был карьеристом, не лишенным ума, но в моральном отношении трусливым и беспринципным. При чтении мемуаров перед нами предстает недалекий вздорный король, которым как марионеткой управлял коварный Ришелье. Известный историк Х. Беллок, автор серии, посвященной выдающимся историческим деятелям, таким как Оливер Кромвель, Яков II и Наполеон, в биографии Ришелье придерживался схожей точки зрения. Он писал, что Людовик XIII был некомпетентен в государственных делах, и это использовал Ришелье, который хорошо ориентировался в политике государства. Однако Беллок считал, что король осознавал свою некомпетентность, поэтому и доверил управление Ришелье. То есть король, сознавая за собой недостатки, смог найти того, кто эти недостатки бы компенсировал [2]. Из описания Ларошфуко кажется, что положение Ришелье очень прочное: «Все, кто не покорялись его желаниям, навлекали на себя его ненависть, а чтобы возвысить своих ставленников и сгубить врагов, любые средства были для него хороши» [1]. Но все было не совсем так. Когда Ришелье ввели в совет в 1624 году, это было сделано против желания короля, под нажимом Марии Медичи. Доверие короля кардинал приобрел только после взятия Ла-Рошели в 1628 году, но и оно, как писал

французский историк Ф. Блюш, автор десятков монографий и справочников, посвященных истории Франции XVII–XVIII веков, было очень относительным [3, с. 60].

Таким образом, прочность положения и власть Ришелье у Ларошфуко преувеличены, так как король всегда имел возможность отправить его в отставку. В ноябре 1630 года, в «День одураченных», король мог предпочесть Мишеля де Марильяка [3, с. 60]. Конечно, после августа 1632 года (вероятно, после известия о восстании в Лангедоке) руководящая роль Ришелье в управлении страной зависела только от воли короля, тогда как до этого его положение определялось в том числе и влиянием той или другой группировки на короля. Вероятно, король понял, что без Ришелье он не сможет ни управлять страной, ни удержать власть. В течение следующих десяти лет положение кардинала только упрочивалось. Но в 1642 году король во время заговора Сен-Мара все же мог отставить Ришелье от должности и предпочесть первого [3, с. 60]. Это доказывает, что король не был полностью подвластен кардиналу, как это пытается описать Ларошфуко. Власть кардинала по-прежнему полностью зависела от воли короля, который полагал, что действия Ришелье направлены на укрепление королевской власти и порядка в стране, поэтому и оставлял его на посту [2].

Вся последующая история взаимоотношений Людовика XIII и Ришелье говорит не о подчинении, а о сотрудничестве. Например, пока Ришелье некоторое время был не у дел, Людовик XIII осуществил реорганизацию Совета, постаравшись устранить из него всех явных противников кардинала. Марильяк стал хранителем печати, маркиз д'Эффиа — сюринтендантом финансов, Шомберг и Клод Бутилье — государственными секретарями. 11 июня 1626 г. по королевскому указу были арестованы братья Вандомы [4]. Е. В. Глаголева сообщает о случае с аббатом д'Эффиа, братом Сен-Мара, которому король приказал выделить лучшее аббатство вопреки мнению кардинала [5, с. 112]; это подтверждает, что не король подчинялся кардиналу, а наоборот.

Ларошфуко выделяет у кардинала такие качества, как сладострастие и злопамятность. Вообще, королева — чуть ли не единственный человек, о котором Ларошфуко отзывается хорошо, что сразу дает понять, на чьей стороне он выступал в придворной борьбе [1]. Складывается следующая картина: королева — сущий ангел, король — марионетка в руках корыстного Ришелье.

Это представление находит подтверждение и далее, когда Ларошфуко описывает заговор Шале или пишет об опале де Шатонефа и герцогини

де Шеврез: «де Шатонеф был брошен в тюрьму, тогда как г-жа де Шеврез была сослана в Тур, причем ни за тем, ни за другою не было никакой вины, кроме близости к королеве и того, что они вместе с ней позволяли себе колкие насмешки над кардиналом» [1]. Здесь Ларошфуко наделяет кардинала еще и жестокостью, поскольку он считал, что для того ничего не стоило ради личных интересов отправить на эшафот невиновного Шатонефа. По мнению Ларошфуко, доказательств вины было недостаточно. Но тут Ларошфуко забывает, что Шатонеф изначально был человеком кардинала, который сделал его хранителем печати. Кардинал же назначил Шатонефа председателем трибунала, рассматривавшего дело маршала Марильяка. Герцогиня де Шеврез переманила его, и он стал выбалтывать ей служебные тайны, а потом был вовлечен в заговор Гастона, принца Орлеанского [2]. Так что и вина была, и заговор был, а за Шатонефом вина была, можно сказать, двойная — он предал своего покровителя. Здесь следует помнить, что в восприятии людей того времени, и Ларошфуко не исключение, король — наместник Бога, если он выносит приговор невиновному, то в этом виноват не монарх, а тот, кто подал ему неправильный совет или неверно истолковал дело. В нашем случае этим человеком стал Ришелье [3, с. 76]. Хотя король не был кротким, как отмечают Ф. Блюш [3, с. 77] и Х. Беллок [2], но Ларошфуко — человек своего времени, и значит, что бы он не думал о короле, для него король все равно остается наместником Бога и ошибаться может только в том, что окружил себя неправильными людьми. В таком ключе обвинение в жестокости, выдвинутое Ларошфуко против Ришелье, вполне естественно, даже если бы к казням кардинал не имел никакого отношения.

Позиция Ларошфуко очень интересна в том плане, что деление на «белую» королеву и «черного» кардинала сохраняется на протяжении всех мемуаров. Кардинал предстает ревнивым злодеем, которого заботят только его личные чувства и желания: «Теперь думали лишь о том, чтобы поскорее заключить брак (Генриеты Французской и Карла I) и, таким образом, вынудить герцога Бекингема уехать из Франции» [1]. Только вот Ларошфуко или забыл, или не знал о том, что идею брака французской принцессы и английского наследника престола предложил сам Ришелье. Этот брак должен был, во-первых, нейтрализовать угрозу англо-испанского союза, а во-вторых, помешать Англии оказать помощь французским протестантам [4].

Что же касается любовных чувств к королеве, то если красота Анны Австрийской и произвела впечатление на кардинала, то его отношения с ней чаще всего заключались в том, чтобы «умаслить» ее, в попытках

шпионить за ней, в постоянном стремлении сделать ее большей французской [3, с. 86]. Такого же мнения придерживается Х. Беллок. Ришелье было важно уменьшить влияние Анны Австрийской на короля, поскольку она придерживалась испанских взглядов, а целью Ришелье было ослабление Габсбургов [2].

Относительно влияния женских чар на Ришелье показателен случай, приведенный П. П. Черкасовым: «Встревоженный серьезными военными приготовлениями правительства, герцог Неверский через свою сестру герцогиню де Лонгвиль попытался выяснить возможность и условия компромисса. Красавица герцогиня с энтузиазмом взялась за дело, но все ее старания воздействовать на Ришелье оказались тщетными. Он был полон решимости сокрушить мятежников» [4]. Думаю, что в ход шли все возможные средства, но в государственных вопросах Ришелье оставался непреклонен. Ф. Блюш упоминает об истории 1631 года, когда Ришелье отказался встречаться с Анной Австрийской, заподозрив в этом ловушку испанского посла [3, с. 86]. Х. Беллок утверждает, что королева-мать хотела сделать его своим любовником, но он отверг ее [2]. Таким образом, можно сказать, что Ришелье был человеком осторожным, ставившим на первое место дела государства, а не личные, что расходится с образом кардинала у Ларошфуко, в восприятии которого все его действия были подчинены личным страстям.

Подтверждение того, что дела государства для Ришелье были на первом месте, есть, как это ни парадоксально, и у самого Ларошфуко [1]. Описание планов по устранению Ришелье относится к тому времени, когда после отъезда в Лион король заболел, и были все основания предполагать, что он может умереть. Здесь видно, что единственный человек, который позволял Ришелье оставаться у власти — король, и его смерть для Ришелье была равносильна собственной. У него не было никого, кто помог бы ему удержаться у власти. Если бы стремление к власти было главным, Ришелье наверняка вступил бы в переговоры с Гастоном Орлеанским, потому что король был очень долгое время бездетен, и Гастон считался дофином. Ришелье не сделал этого и никогда не продвигал интересы принца, чтобы ему угодить. Примером этого может служить казнь Монморанси в 1632 году, за которого просил и Гастон. В случае восшествия на престол брата Людовика XIII, что было очень вероятно, кардинала в лучшем случае ждала ссылка, а вернее всего — смерть [2]. Это значит, что Ришелье служил только королю, и в случае смерти последнего кардинал потерял бы власть, что подтверждает ненадежность положения кардинала и его преданность монарху.

Общие настроения аристократии Ларошфуко описывает через сравнение их положения при Марии Медичи и при Ришелье, в невыгодную для кардинала сторону [1]. Хотя поначалу в обществе возвышение Ришелье встретили благожелательно. Он производил впечатление человека, способного укрепить и возвысить Францию и вывести ее из бедственного положения, в котором она оказалась [4]. Со временем простые люди стали связывать с его именем бремя налогов [2], а укрепление абсолютизма внушало опасения парламентам [4]. Их ненависть вполне понятна. Что же такого сделал кардинал, что это казалось аристократам неприемлемым? Начнем с мнения о нем высокопоставленных лиц, которые, если можно так выразиться, задают моду и на мнения: для Гастона, герцога Орлеанского, он был выскочкой, захватившим власть, принадлежащую членам королевской семьи; для де Буйона он был противником, с которым надо вести переговоры; для де Роана — врагом, которого надо победить. Его внешняя политика, в которой он поддерживал протестантские государства, вызывала негодование со стороны большинства церковников и той влиятельной группы, которую возглавляла Мария Медичи.

Ненависть королевы-матери является особой темой. Историки давно доискивались, в чем тут причина; существует версия, что это была обида чисто женская. Более правдоподобное объяснение связано с тем, что Ришелье отдалил королеву-мать от управления государством, и вместо того, чтобы служить ей, стал служить королю и проводить политику, которую она не одобряла [2].

Ненависть аристократии можно связать и с наведением порядка внутри страны. Кардинал изменил права так называемых интендантов. Это были чиновники, назначаемые королем в провинцию. Фактически интенданты, пользуясь именем короля, подчинили себе губернаторов провинций, которые их люто за это возненавидели. Должность эта была введена еще в июне 1551 года, но Ришелье удалось превратить простого чиновника во всевластного администратора [2]. Поэтому ненавистных интендантов связывали с Ришелье и, соответственно, нелюбовь к ним перенаправляли на самого кардинала.

Еще одной причиной ненависти могла стать казнь Монморанси в 1632 году, которая произошла вопреки многочисленным просьбам знатнейших фамилий королевства и даже иностранных государств. Казнив одного из самых знатных людей королевства, Ришелье покончил с попытками знати диктовать свою волю королевской власти [2]. Это привело ко вполне понятной ненависти знати, привыкшей к тому, что король с ней считается еще с давних времен, и еще больше уверовавшей в свое пра-

во на власть в королевстве при регентстве. Это косвенно подтверждает Ларошфуко, говоря о своем пребывании в Бастилии [1]. Большое количество опальных аристократов свидетельствовало о потере влияния знатного сословия в королевстве, и поскольку Ларошфуко был одним из них, это усилило его неприязнь к Ришелье.

Помимо ограничений влияния знати были предприняты попытки ее полного подчинения королю, что можно наблюдать на примере запрета дуэлей. 22 июня 1627 г. на Гревской площади в Париже были обезглавлены граф де Монморанси-Бутевиль (на его счету было более 20 дуэлей) и его секундант граф де Шапель. Ни просьбы влиятельных особ (принцессы Конде, герцогиня де Монморанси и д'Ангулем и др.), ни мольба беременной жены Бутевилья не смогли изменить приговора [4]. Такое пренебрежение мнением аристократии и покушение на их вольности не устраивало дворянство, которое пытались лишить возможности распоряжаться собственной жизнью. Ф. Блюш считает, что здесь были и политические мотивы — Бутевиль принадлежал к партии противников Ришелье, что и способствовало суровому приговору [3, р. 101].

Интересно, что все несчастья и неудачи в политике связывались с именем Ришелье, а вот победы были заслугой короля. Когда Ларошфуко описывает начало кампании против испанцев (1635 год), французская армия терпела неудачи, и все их связывали с именем кардинала. Но когда начались успехи, то их сразу приписали королю [1]. Для мировоззрения людей того времени это было вполне естественно, но это не означает, что все так и было. В данной ситуации Ришелье послужил щитом, на который сыпались все удары недовольных политикой государства. Но нельзя безоговорочно приписывать неудачи только кардиналу, а победы королю. Неудачи армии во многом объясняются тем, что она нуждалась в серьезной реорганизации и обновлении, поскольку ей почти не занимались после смерти Генриха IV. А французам предстояло воевать против хорошо организованной и обученной испанской армии, это затрудняло выполнение задачи, поставленной в ходе войны. Вина Ришелье, конечно, тоже присутствует, так как французские военачальники оказались во многих случаях бездарными. Ришелье назначал на командные должности лишь тех, кому мог полностью доверять, а они не всегда обладали военным талантом (де Брезе, принц Конде). Х. Беллок предполагает, что Ришелье знал, что первый этап войны будет неудачным [2].

Но Ларошфуко все же писал свои мемуары уже после происшедших событий и имел возможность оценить последствия многих действий кардинала по прошествии времени, поэтому несмотря на критику в его

адрес он называет Ришелье «великим правителем» [1]. Как бы плохо Ларошфуко ни относился к Ришелье, он все же признает за ним множество полезных для государства дел. Фигура короля тут опять же теряется, ведь кардинал называется не министром, а «правителем», то есть для Ларошфуко вся реальная власть была в руках Его Высокопреосвященства.

Ларошфуко дважды лично встречался с Ришелье: первый раз во время обвинения его в помощи в побеге герцогине де Шеврез, второй раз после его освобождения из тюрьмы. «Он счел меня более невозмутимым и более сдержанным, чем обычно бывали представшие перед ним, но разгневался и совершенно неожиданно заявил, что у меня остается один-единственный путь — в Бастилию... Я нашел его суровым и неприступным. Я не стал оправдываться в своем поведении, и мне показалось, что это его уязвило» [1]. Из слов Ларошфуко получается, что Ришелье любил доминировать над собеседником, хотел видеть заискивания или даже страх перед ним, а когда не получал нужной ему реакции, был крайне недоволен. Этот образ соответствует человеку очень ревнивому к своей власти, требующему признания этой власти и своей силы от всех окружающих.

Из рассказа Ларошфуко можно сделать еще один вывод о Ришелье — он ценил способных людей, независимо от того, к какой партии они принадлежали, и несмотря на предшествующие разногласия: «В конце кампании кардиналу Ришелье похвалили меня, и его неприязнь ко мне стала смягчаться; больше того, он пожелал приблизить меня к себе» [1]. Учитывая то, что кардинал знал о приверженности Ларошфуко королеве, и то, что он уже сажал его в Бастилию, перемена в отношении свидетельствует не столько о незлопамятности кардинала, сколько о преобладании государственных интересов над личными. И пример Ларошфуко не был единственным случаем. Он также пишет, что по возвращении из Англии герцогини де Шеврез кардинал попытался привлечь ее на свою сторону, сделав шпионкой при Анне Австрийской [1]. Ришелье вообще умел подбирать подходящих людей, например, священника Жозефа или Шарансе [2]. Но Ришелье не мог все время выбирать правильно. Так, в 1637 году он назначил духовником короля Николая Коссена, который почти сразу начал действовать не в интересах кардинала и всячески настаивал на заключении мира с Испанией [3, с. 89].

Несмотря на то, что еще в самом начале мемуаров Ларошфуко считает положение Ришелье прочным, а его власть в стране безграничной, он все же замечает, что чем дальше, тем его власть и влияние увеличивались [1]. Можно предположить, что это связано с тем, что мемуары пи-

сались Ларошфуко уже после происшедших событий, и он неосознанно перенес явления более поздние на более раннее время. Или что он попытался описать все так, как видел это в свои молодые годы. Для человека, впервые посетившего двор и слышавшего ранее о кардинале в основном недоброжелательные отзывы, не могло быть сомнения в его всесильности. Король опять же выступал марионеткой в руках кардинала, что, как уже упоминалось, вряд ли соответствовало действительности. По моему мнению, кардинал продолжал служить неким прикрытием для короля, даже если это не было сознательным решением самого Людовика XIII.

Вполне возможно, что общество и в силу аксиомы о верности всех решений короля, и в силу определенной привычки, сформировавшейся за 18 лет, которые Ришелье был у кормила власти, приписывало все, что не получало его одобрения, Его Высокопреосвященству. Доказательство же того, что король вовсе не был ведомым Ришелье, а скорее прислушивался к нему как к мудрому советнику, также можно найти в мемуарах. Ларошфуко, правда, считает, что после смерти кардинала его сторонники все еще сохраняли влияние на короля, но это кажется мне очень маловероятным. Он писал: «Его родственники и ставленники сохраняли все дарованные им преимущества, и король, который ненавидел кардинала, не осмеливался отступить от его предначертаний. Он допустил, чтобы его министр распорядился в своем завещании главнейшими должностями и важнейшими назначениями в королевстве и чтобы поставил кардинала Мазарини главою Совета и первым министром» [1]. Если бы король действительно ненавидел кардинала, то что ему мешало отстранить его раньше или просто не последовать его советам после смерти? Представляется, что король просто делал вид, что не расположен к Ришелье, чтобы все неудачи политики списывали на кардинала.

Мне кажется, что об этом догадывался и Ларошфуко, что видно в описании последних дней короля: *«Под конец жизни король захотел жить кое-какие свидетельства своего милосердия, частью из благочестия, частью чтоб доказать, что ответственность за насилие, имевшие место после удаления королевы-матери, ложится в большей мере на кардинала Ришелье, чем на него»* [1]. Тут Ларошфуко не сваливает всю вину на Ришелье, он отдает часть ее и королю, быть может, потому, что в зрелые годы уже осознал, что король не мог быть не причастен к этому, или потому, что основной виной короля он считал допущение всеислия Ришелье, этого точно сказать нельзя. Более вероятно второе, исходя из слов Ларошфуко о преемнике Ришелье, Мазарини: *«Кардинала*

(Мазарини) не обвиняют ни в каком преступлении и что он не причастен к насилиям кардинала Ришелье» [1]. Ришелье опять приписываются все казни и тюремные заключения, так что король был надежно защищен от упреков фигурой кардинала-министра.

Интересно, что Ришелье не был фаворитом Людовика XIII. Он не был похож ни на де Люиня, ни на Кончини, его власть сохранялась, а фавориты короля менялись, всего их было шесть [3, с. 91–92]. Фаворит обычно имеет с монархом какие-то личные связи, привязанность, на чем зиждется его власть. Ришелье же, по-видимому, пользовался расположением и доверием короля, но не его любовью. Мне кажется, это подтверждает то, что король не отдал Ришелье по государственным соображениям, а значит, он был согласен и с его внешней и внутренней политикой, в том числе относительно арестов и казней. Ф. Блюш пишет, что Людовик XIII жаловался своим фаворитам на тиранию кардинала [3, с. 93], Х. Беллок также добавляет, что, по воспоминаниям современников, когда король вышел из спальни умирающего Ришелье, он вздохнул с облегчением [2]. Этому можно найти два объяснения: король создавал видимость своей неприязни к Ришелье, чтобы все еще больше поверили в то, что все плохое в государстве — вина кардинала; или же кардинал не нравился королю как человек, но его ценили как опытного и талантливого государственного администратора.

Своеобразный итог, который Ларошфуко подводит после смерти Ришелье, интересен тем, что он достаточно неожиданно признает полезность проводившейся политики для государства: *«Никто лучше его не постиг до того времени всей мощи королевства и никто не сумел объединить его полностью в руках самодержца»* [1]. Ришелье получает похвалу и одобрение от Ларошфуко, который, видимо, посмотрев на все происходившее со стороны и увидев последствия, принял точку зрения кардинала и согласился с его курсом. В самом деле, кардинал многого добился как во внутренней, так и во внешней политике. Он позаботился об армии, об устройстве флота, который, по существу, отсутствовал до Ришелье, продолжил политику становления французского абсолютизма и национального государства. Он смог ослабить династию Габсбургов, укрепить границы Франции [2]. Перемена мнения также может быть связана с тем, что кардинал сумел примириться с Анной Австрийской и сделать ее своей сторонницей [5, с. 17]. Это, однако, не отменяет того, что для Ларошфуко идеал государства оставался в прошлом [1]. Исходя из этого, можно сделать вывод: примириться с политикой кардинала Ларошфуко позволило убеждение, что уже ничего нельзя исправить;

если к началу регентства Анны Австрийской он считал это возможным, то на момент написания мемуаров это ему, видимо, казалось неосуществимым.

Таким образом, у Ларошфуко кардинал Ришелье предстает лично-стью противоречивой, отчасти тиранической. Его внутренняя политика не нравилась Ларошфуко, но он признает, что такой человек, как Ришелье, был необходим, чтобы завершить все преобразования. Тем самым он признавал таланты кардинала как управленца и реформатора, но далеко не всегда одобрял сами его проекты. Идеал государства, по мнению Ларошфуко, следовало искать в прошлом французского королевства. Внешняя же политика Ришелье заслужила подлинное одобрение Ларошфуко, который согласился с идеями кардинала и считал, что их осуществление — это благо для Франции.

Список источников и литературы

1. *Ларошфуко Франсуа де*. Мемуары. Максимы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Laroshfuko/frametext1.htm> (дата обращения: 17.02.2022).
2. *Беллок Х.* Ришелье. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/bellok_hiler/rishele.html/ (дата обращения: 22.10.2021).
3. *Блюш Ф.* Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2006. 323 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bookshake.net/b/rishele-fransua-blyush/> (дата обращения: 22.10.2021).
4. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М., 1990 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/bellok_hiler/rishele.html/ (дата обращения: 22.10.2021).
5. *Глаголева Е. В.* Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007. 336 с.

УДК 94(415)

Лагошина Н. А.

к. и. н., Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
преподаватель кафедры зарубежной
истории и международных отношений
E-mail: lagoshina@sfnedu.ru

Конструирование идентичности ирландских католиков

Аннотация. В статье анализируется творчество ирландских историков-антикваров, интерпретирующих события прошлого с целью объяснения общественно-политической ситуации в Ирландии 1700-х гг. Автор приходит к выводу о том, что посредством написания ирландской истории католики, прилагая сознательные усилия, создавали собственную идентичность, соответствующую новым историческим реалиям.

Ключевые слова: гэльская культура, «Золотой век» Ирландии, историки-антиквары, конструирование идентичности ирландских католиков.

Lagoshina N. A.

PhD, Southern Federal University (Rostov-on-Don),
Institute of History and International Relations,
Associate Professor of Department of Foreign History
and International Relations
E-mail: lagoshina@sfnedu.ru

Construction of Irish Catholic Identity

Abstract. The article analyzes the work of Irish antiquary historians who interpret the events of the past to explain the socio-political situation in Ireland in the 1700s. The author concludes that by writing Irish history, Catholics made a conscious effort to create their own identity, corresponding to the new historical realities.

Keywords: Gaelic culture, Ireland's "Golden Age", antiquarian historians, construction of Irish Catholic identity.

История многовекового завоевания Ирландии расширяющимся Английским королевством наложила отпечаток на мировосприятие ирландских католиков. После введения карательных законов Ирландия утратила лидерскую верхушку вследствие эмиграции гэльской аристократии

и джентри в Лондон и страны континентальной Европы. Приступив к управлению страной, протестанты обосновывали легитимность своего пребывания по праву «почвы», когда этнический фактор не всегда совпадал с территориальными границами государства. Впитав многие особенности гэльской культуры, они по праву считали себя ирландцами, но отказывали «туземцам» в принадлежности к данной культуре [1, р. 21]. При конструировании идентичности ирландские протестанты обращались к прошлому страны, называя раннюю ирландскую церковь протопротестантской [1, р. 58]. Творчество ирландских ученых-антикваров, напротив, было направлено на воссоздание идентичности коренных жителей «Острова святых и ученых» [2, р. 3]. В основе своих интерпретаций и те и другие обращались к ранней истории Ирландии, так называемому «Золотому веку», возрождая интерес потомков к событиям далекого прошлого.

Важно объяснить значение нескольких терминов, используемых для обозначения различных демографических групп в Ирландии. Гэльские ирландцы, чьи предки жили на острове до англо-нормандского вторжения в конце XII в., остались, за некоторыми исключениями, католиками после того, как в Ирландии началась Реформация. Те, кто произошли от англо-норманнов, пришедших в средневековый период, и от англичан, прибывших в Ирландию до Реформации, стали известны как «древние англичане». Они также являлись католиками, но сохранили свою лояльность короне и сражались на стороне роялистов в войнах 1640-х гг. Хотя они разделяли религию гэльских ирландцев, древние англичане сохраняли собственную идентичность до XVII в. События 1640-х гг. привели их к объединению с «ирландцами» против протестантов. Это слияние было завершено к 1680-м гг., и карательные законы, направленные против всех католиков, независимо от этнической принадлежности, закрепили его [3, р. 169–170]. Английские поселенцы, прибывшие во время Реформации и впоследствии, были известны как «новые англичане». Они являлись протестантами. Данная группа населения состояла из англичан, переселившихся на земли, конфискованные у католиков после кампаний Кромвеля в Ирландии. Этот термин также применялся к потомкам этих иммигрантов.

Существующая историография сосредоточена на политической природе антикварной письменности XVII в. и на разрыве между протестантскими и католическими толкованиями ирландской истории. Основным трудом, посвященным ирландской антикварной письменности XVII в., является монография К. О'Халлоран «Золотые века и варварские нации»,

в которой освещаются споры историков-антикваров о том, были ли ирландцы цивилизованными или являлись варварами.

Эпоха гонений на ирландских католиков была описана антикварами как период ужасных преследований и жестокости со стороны новых хозяев острова — протестантского меньшинства, имевшего власть. Необходимость легитимации своего правления побуждала протестантов, как и утративших земельные владения и титулы католиков, подтверждать свое благородное происхождение [2, р. 169].

Эмонн О'Чиардха приводит убедительный аргумент, что якобитизм был *«идеологией, которая поддерживала ирландскую католическую идентичность в период между Славной революцией и Великой французской революцией»* [4, р. 21]. Как объясняет О'Чиардха, вопрос об актуальности ирландского якобитизма и его влиянии на католиков автоматически затрагивает карательные законы, которые в значительной степени были приняты из-за страха перед новым восстанием якобитов. Толкование карательных законов представителями националистической и ревизионистской школ в ирландской историографии существенно различается, особенно в вопросе о том, являлись ли законы реальной мерой безопасности, представляют ли они «преследование» или «притеснение» католиков. Проблема заключается в том, что многие из наиболее важных источников по изучению влияния якобитской идеологии, написанных католиками в Ирландии, представляют собой поэзию на ирландском языке. Изучение творчества гальских поэтов и историков приоткрывает для исследователя другую Ирландию, умонастроения «подпольных джентри», скрытые от английских авторов.

Другая проблема связана с достоверностью изложения исторических фактов в ирландской поэзии. Например, Л. Каллен описал стихотворный жанр лишенным политического содержания ненадежным источником [5, р. 47]. Однако в некоторых случаях утверждение о том, что эта поэзия представляет собой не столько реальное изложение исторических фактов, сколько стилистическую условность, явно противоречит свидетельствам. Например, Шон Кларак МакДомнейл, поэт из графства Корк и учитель ирландского поэта С. О'Халлорана, не ограничивал свое творчество загадочными стихами и песнями о возвращении молодого претендента. Он читал местные газеты, написанные для протестантской аудитории, и переводил их на ирландский язык, добавляя католический оттенок новостям, которые затем распространял в форме стихотворения или песни. Существуют убедительные доказательства того, что МакДомнейл и другой поэт, Шон О'Ничтен, были задействованы в вербовке людей для службы

во французской армии. Учитывая очевидную политическую активность многих поэтов, сложно полагать, что их поэзия не содержит политических убеждений. У них было явное намерение повлиять на публику.

В своем исследовании О'Чиардха приводит достаточно убедительный аргумент, что якобитская идеология являлась отличительной чертой ирландской католической идентичности на протяжении большей части XVIII в.

«История Ирландии» Дж. МакГеогегана пронизана поддержкой якобитской идеологии. Будучи капелланом ирландской бригады во Франции, МакГеогеган был связан с якобитским двором в изгнании, в результате его исторические произведения носили откровенно якобитский характер. Положение МакГеогегана как эмигранта, живущего среди «диких гусей», обосновавшихся во Франции, позволило ему придерживаться политических взглядов, которые постепенно теряли свои позиции в Ирландии. Что еще более важно, его местонахождение во Франции означало, что, в отличие от якобитов в Ирландии, он мог открыто высказаться в поддержку Стюартов. Однако трудности, с которыми столкнулся автор при публикации третьей части «Истории Ирландии», и двойственное отношение французов к Стюартам в то время показывают, что якобитизм окончательно утратил свою политическую жизнеспособность. Третий том «Истории Ирландии» был опубликован в 1763 г., когда Семилетняя война подходила к концу и англо-французские отношения улучшались. Цензоры не стремились публиковать книгу, полную откровенной якобитской антианглийской риторики [6, р. 41]. После смерти Якова III в 1766 г. Ватикан отказался от покровительства Стюартов и поддержал ганноверских королей. Данное решение окончательно развеяло надежды сторонников якобитской идеологии [6, р. 48].

Важную роль в развитии ирландской антикварной письменности сыграл потомок последнего Верховного короля Ирландии Чарльз О'Конор [2, р. 23]. Последствия вильямитских войн были катастрофическими для католической знати и дворянства Ирландии. Однако О'Конорам удалось удержать семьсот акров земель в Роскоммоне благодаря судебным искам крупного юриста Теренса МакДонафа — единственного католика в королевстве, которому было разрешено выступать в суде [2, р. 124]. Ирландский историк не понаслышке знал об изменившейся ситуации, с которой столкнулись ирландские католики в 1700-х гг. [2, р. 103].

Наряду с принадлежностью к интеллектуальной традиции, семья О'Конора имела доступ к древним ирландским рукописям, которые впоследствии очень пригодились Чарльзу в его антикварных поисках. Так,

один из наставников предоставил ему рукопись «Анналов Коннахта», а также несколько других важных работ, которые О'Конор использовал в качестве источников для изучения ранней истории Ирландии. Он был первым католиком, которому был предоставлен доступ к фондам библиотеки Тринити-колледжа, по приглашению его друга — антикара и библиотекаря Т. Лиланда [2, р. 145].

Ч. О'Конор был не только одним из самых уважаемых ирландских историков XVIII в., но и одним из ключевых членов Католического комитета, он добивался отмены карательных законов и сочинил несколько политических брошюр в поддержку гражданских прав католиков [7, р. 259]. Хотя эти брошюры были написаны с целью улучшить положение ирландских католиков, О'Конор распространял их под псевдонимом, они были представлены как произведение либерального протестанта [7, р. 263]. Его работа как католического памфлетиста важна потому, что его политические соображения перетекали в антикварные произведения, а также потому, что его политические взгляды оказали влияние на ирландскую католическую идентичность.

В своем творчестве О'Конор опровергал варварское наследие ирландцев, освещая «Золотой век» Ирландии, когда страна до введения протестантизма являлась образовательным центром Европы, государством с упорядоченной политической системой и монархией, консультировавшейся с представительными органами.

В истории О'Конора мы встречаем ссылки на «конституцию» Ирландии, существовавшую в раннехристианский период. Он описывает приход норманнов под покровительством папы Адриана IV как *«отмену конституции»*. Эта «конституция» запрещала произвольное использование власти королями, и О'Конор хвалит верховного правителя Ирландии Айлиля Молта за *«его частое обращение к нации и ее представителям в Таре»* [8, р. 25].

О'Конор уделяет большое внимание обучению и учености ирландцев на «Острове святых и ученых». Данный тезис послужит укреплению чести и славы многих ирландских католиков, которые провозгласили гэльских ирландцев этого периода своими предками. По мнению автора, с приходом христианства наступил новый период в истории Ирландии, который является золотым веком. Падение Рима и захват Европы различными германскими племенами привели к потере значительной части знаний, но, как отмечает О'Конор, *«науки попали в объятия принцев Уи Нейллов, благодаря покровительству которых они процветали, пока император Запада Карл Великий не распространил научное знание с помощью профессоров из Ирландии»* [8, р. 28].

О'Конор также указывает на повторяющиеся внутренние распри и разногласия среди ирландских королей, неспособность монархии Уи Нейллов создать единое государство и разрушительные последствия данной политики. Большая часть его исследования древнего периода истории Ирландии подражает анналам, повествуя о преемственности различных королей, их битвах и интригах против возможных соперников. Важно отметить, что понимание О'Конором королевской власти в Ирландии является анахронизмом. Он интерпретирует царствование Тары как политическую реальность, в то время как современные исследования показали, что на протяжении большей части рассматриваемого периода короли Тары редко обладали властью над всем Ирландским королевством, хотя их влияние постепенно увеличивалось.

По мнению ученого, главной причиной подчинения Ирландии норманнами была разобщенность ее древних правителей, политическая раздробленность и отсутствие «единой нации» [8, р. 232]. Повествование О'Конора о золотом веке с трагическим концом остерегает потомков Уи Нейллов от бессмысленных распрей и призывает вернуться к политическим идеалам и обычаям прошлого. Также одной из целей антиквара было восстановление чести коренных жителей острова, вернувших цивилизацию в Европу тем народам, которые изначально разрушили ее [2, р. 93].

У О'Конора были и другие мотивы в написании истории, такие как желание обеспечить большую политическую свободу для ирландских католиков или повысить осведомленность населения о достижениях ирландцев в древности. Его утверждения о том, что у ирландцев была монархия, которая консультировалась с представительным органом, и что государство и Церковь были союзниками, являются частью преднамеренной попытки сформировать настоящее, используя прошлое. Если бы удалось убедить читателей, что эпоха «Острова святых и ученых» представляет собой период величайшей славы и достижений Ирландии, следующим логическим шагом было бы возвращение Ирландии к своей былой славе посредством восстановления практик того времени.

В творчестве католического священника Дж. МакГеогегана чувствуется поддержка якобитской идеологии, а также подчеркивается важность Церкви [9, р. 21–31]. Стоит напомнить, что «дикие гуси» проживали во Франции, и тот факт, что их новая родина являлась заклятым врагом Англии, повлиял на их взгляды. Для ирландских мигрантов во Франции трагический рассказ о «страданиях» Ирландии и угнетении англичан был очень популярен. С точки зрения якобитской идеологии изменения,

происходящие в Ирландии, рассматривались как признаки вырождения Ирландского государства под властью узурпатора [3, р. 294].

Наряду с ирландскими источниками МакГеогеган также имел доступ к источникам во Франции. Он цитирует авторов раннего Средневековья, таких как Беда Достопочтенный и Эйнгард, которые были современниками многих ирландских монахов, играющих важную роль в истории МакГеогегана. Лагинские биографии различных святых являются основными источниками для разделов, относящихся к «святым и ученым» раннесредневековой Ирландии [6, р. 37]. Ирландский антиквар также цитирует «Историю Ирландии» Дж. Китинга, написанную в 1630-х гг., которая была «первой повествовательной историей [Ирландии], основанной на средневековых источниках» [2, р. 97].

Обоснованию дикости и варварства ирландцев в трудах Гиральда Камбийского МакГеогеган противопоставлял отдельные примеры из жизни ирландских монахов, побывавших на континенте. Он обращает внимание на ирландского монаха св. Вергилия, который покинул родину ради каролингского двора и в итоге стал епископом Зальцбурга. Помимо того, что Вергилий был епископом, он был ученым, вовлеченным в ряд интеллектуальных споров, таких как богословская вражда со св. Бонифацием, в которой папство встало на сторону Вергилия. Более интересная полемика возникла в результате его утверждения, что Земля круглая и небо не пересекается с землей на горизонте. Несмотря на то, что Птолемей впервые высказал данную идею задолго до этого, о Вергилии было доложено папе, который постановил, что если тот останется упорным в своих взглядах, он должен быть отлучен от церкви. История св. Вергилия связывает Ирландию с Зальцбургом, который в то время был центром искусства и культуры, и, что еще более важно, показывает ирландского монаха, утверждающего, что Земля была круглой, в конце 700-х гг., что еще раз подтверждает выдающиеся способности ирландских ученых, расселившихся по всей Европе [2, р. 203].

Золотой век первых веков христианства в Ирландии резко завершился с приходом викингов. МакГеогеган также подчеркивает «готическое» происхождение викингов и проводит параллель между норманнами, опустошившими Ирландию, и готами, разграбившими Рим столетиями ранее. На протяжении всего рассказа о войнах викингов автор подчеркивает храбрость и воинское мастерство ирландцев, уделяя при этом внимание катастрофическим последствиям вторжений викингов и устройству их поселений в Ирландии. МакГеогеган называет эту эпоху «периодом упадка религии в Ирландии и окончанием самых ярких дней ирландской

церкви» и обвиняет викингов в нанесении непоправимого ущерба «конституции», что, в свою очередь, привело к бедствиям англо-нормандского вторжения.

Хотя феномен, когда католики тайно собирались у «мессы» для поклонения, во времена МакГеогегана в значительной степени ушел в прошлое, его читатели были знакомы с историями о скрывающихся священниках и преследовании католицизма, которые были частью коллективной памяти об ирландских эмигрантах.

Другой аспект, который выделяется в произведении МакГеогегана, это интерпретация папской буллы «Laudabiliter», которая, как известно, послужила законным предлогом для норманнского вторжения в Ирландию в XII в. [2, р. 94]. Допуская, что Константин действительно отдал «острова» папству, он утверждает, что право распоряжения Ирландией, данное папе Адриану, не имеет законного основания, потому что Ирландия никогда не принадлежала римлянам и, следовательно, не принадлежала Константину [9, р. 247].

В своем труде МакГеогеган сетует об утрате некоторыми ирландскими католиками гэльской идентичности. Он обращает внимание на тот факт, что *«ирландцы теперь стыдятся дополнений О и Мак, которые одновременно характеризуют их благородное происхождение и древность их имен»* [4, р. 231]. Работы МакГеогегана оказывали влияние на идентичность, формируя историческое сознание ирландских католиков в Ирландии в поддержку новой идеологии.

Ирландский антиквар С. О'Халлоран в своем объяснении ирландской идентичности обращается к «милезийской» цивилизации, от которой, как утверждает историк, произошли гэльские ирландцы. Во многих отношениях труд О'Халлорана 1772 г. резко контрастирует с работами О'Конора и МакГеогегана, поскольку автор сосредоточивается на дохристианской истории Ирландии. Данная работа представляет собой новую интерпретацию истории и новую концепцию идентичности, существующую наряду с более традиционными нарративами.

В своем «Предварительном рассуждении» он утверждает, что древние милетцы использовали «отражающие и преломляющие очки», чтобы открыть Ирландию в доисторические времена. Конечно, доказательством этого утверждения было собственное прочтение О'Халлораном истории сыновей Милезия, что не подтверждает его достоверность. К счастью, его самые вопиющие утверждения в основном относятся к дохристианскому периоду, когда отсутствие веских доказательств давало его воображению больше возможностей для разгула. Герои творчества О'Хал-

лорана полны мужества, патриотизма и самопожертвования. Его целью является объединение католиков и протестантов как граждан одной нации и государства.

Описывая события древности и, в некоторых случаях, предлагая совершенно разные интерпретации исторических фактов, историки-антиквары пытались изменить концепцию ирландской католической идентичности и привить современникам гордость за свое прошлое. Труды О'Конора и МакГеогегана были направлены на сохранение элементов гэльской католической культуры, существовавшей до Лимерикского договора 1691 г., и укрепление самобытности католиков, в то время как произведения О'Халлорана, в которых нивелируется религиозный аспект этой идентичности, а основное внимание автора сосредоточивается на героической эпохе, представляют собой новое видение «ирландскости». Эти истории содержат в себе ключевые элементы ирландской идентичности в переходный период, поскольку она одновременно модернизировалась и сохраняла преемственность с прошлым.

Список источников и литературы

1. *McCormack B.* Perceptions of St. Patrick in eighteenth-century Ireland. Dublin: Four Courts Press, 2000. 119 p.
2. *O'Halloran C.* Golden Ages and Barbarous Nations: Antiquarian Debate and Cultural Politics in Ireland. Notre Dame: University of Notre Dame Press in association with Field Day, 2005. 271 p.
3. *Connolly S.* Divided kingdom: Ireland, 1630–1800. Oxford: Oxford University Press, 2008. 519 p.
4. *O'Ciardha E.* Ireland and the Jacobite cause, 1685–1766. Dublin: Four Courts Press, 2002. 468 p.
5. *Cullen L.* The Hidden Ireland: the re-assessment of a concept // *Studia Hibernica*. 1969. No. 9. P. 7–47.
6. *Geoghegan V.* A Jacobite History: The Abbe MacGeoghegan's "History of Ireland" // *Eighteenth-Century Ireland*. 1991. Vol. 6. P. 37–55.
7. *Ward R., Ward C.* The Catholic Pamphlets of Charles O'Conor // *Studies: An Irish Quarterly Review*. 1979. Vol. 68. No. 272. P. 259–265.
8. *O'Conor C.* Dissertations on the History of Ireland. Dublin: G. Faulkner, 1766. 290 p.
9. *MacGeoghegan J.* The History of Ireland, Ancient and Modern. New York: D & J Sadlier, 1845. 630 p.

Власть и общество.
Правители и институты

УДК: 94(364)

Boode M. A.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: st062197@student.spbu.ru

Возникновение королевства Альба по материалам шотландского историописания конца XIV — начала XV веков

Аннотация. В статье рассматривается восприятие одного из ключевых моментов шотландской национальной истории — формирования королевства Альба — в шотландском историописании

Ключевые слова: Альба, Кеннет Макальпин, Джон Фордунский, Уолтер Боуэр.

Boode M. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's Program, Student
E-mail: st062197@student.spbu.ru

The Forming of the Kingdom of Alba and the Perception of It in the Scottish Historical Writing of the End of 14th — Start of the 15th Centuries

Abstract. The article attempts at analyzing of the perception of the crucial moment of Scottish national history — the forming of the kingdom of Alba — in the Scottish historical writing.

Keywords: Alba, Kenneth MacAlpin, John of Fordun, Walter Bower.

Комплекс источников, посвященных истории королевства Альба, достаточно сложен и переплетен между своими составными частями — это связано со значительным числом привлечения сторонней литературы составителями хроник и трактатов, а также использованием ими различных инструментов, помогавших конструировать образ исторических событий, находивших отражение на страницах их трудов. При этом общее число источников сравнительно мало, причем практически ни один из них не был составлен раньше X века (даже «Хроника королей Альбы» [1], первая редакция которой появилась предположительно к концу указанного столетия, описывает далекое прошлое, сведений о котором практически нет).

Один из наиболее ранних источников, косвенно касающихся вопросов истории Шотландии, был утрачен — речь идет о так называемой «Ирландской хронике», существующей в данный момент только в составе других, более поздних документов — «Анналов Ульстера» [2], «Анналов Тигернаха» [3] и некоторых других. Данный документ появился на основе записей, предположительно созданных в конце IX в. в монастыре близ Армы (город в Северной Ирландии, являющийся столицей одноименного графства). Дата его завершения около 911 г., а данные последующих хроник начинают значительно различаться между собой [4, р. 2]. Однако и сама «Ирландская хроника», в свою очередь, основывалась на несколько более ранней «Хронике Айоны», которая, по всей видимости, впервые появилась в середине VII в., и копия которой век спустя попала в Ирландию, где стала частью вышеуказанной хроники.

В начале VIII в., вероятно, около 730 г. [5, р. 239], на свет появилась «Церковная история народа англвов», написанная Бедой Достопочтенным — источник, которым часто пользовались позднейшие хронисты при составлении своих работ. Так, текстом «Истории...» пользовались и Фордун, и Боуэр, при этом крайне редко допуская исправления приведенной своим предшественником информации. Беда довольно подробно описывает ситуацию в Нортумбрии, хотя при этом он выстраивает повествование так, что микрокосм английской истории помещается им в макрокосм истории мировой [5, р. 240].

Другой из наиболее значимых источников, использованных при подготовке данной работы, «Скотихроникон» Уолтера Боуэра (вернее, та его часть, что посвящена истории королевства Альба), в значительной степени основан на более ранней «Хронике шотландской нации» [6]: так, первые пять книг (то есть частей труда Боуэра) практически дословно повторяют текст Фордуна, а все внесенные правки тщательным образом описываются, чтобы их содержание можно было отличить от данных оригинального текста [7, vol. 9, p. 315]. Однако затем характер хроники меняется — количество сторонних источников, используемых Боуэром, увеличивается, и текст «Gesta Annalia» перестает быть среди них основным: составитель «Скотихроникона» уже позволяет себе исправлять информацию, кажущуюся ему недостоверной, сравнивать его с «Англо-саксонской хроникой» в пользу последней и вносить в текст значительные дополнения и расширения, касающиеся не только вставок из церковной истории, но и данных, непосредственно относящихся к сюжетам шотландской истории. Разумеется, общая идея обеих хроник по-прежнему остается одинаковой, изменения затрагивают лишь относительно незначительные части.

Во второй половине «Скотихроникона» можно наблюдать тягу Боуэра к использованию французских источников в противовес английским. Он в большом объеме цитирует Уильяма Мальмсберийского и Генри Хантингдонского, представляющих для него основу для датировок и описания последовательности событий, однако когда их повествование обрывается (что происходит около середины XII в.), он начинает обращаться к континентальным авторам, в частности, к Винсенту из Бовэ. Помимо этого, Боуэр, скорее всего, располагал рядом документов, хранившихся в различных монастырях августинцев, а также состоял в переписке с бенедиктинскими аббатствами в Першоре и Гластонбери: свидетельствам последнего являются копии некоторых документов, привезенных в Шотландию послами из Ирландии в начале XIV в., хранившихся в указанных монастырях [7, vol. 9, p. 318].

В целом Боуэр продолжил идею, изложенную в «Хронике шотландской нации», полностью приняв миф о происхождении скоттов, так как он возводил их к более раннему предку, нежели правителей Южной Англии, где укоренилась легенда о Бруте — это служило как целям Джона Фордуна, так и устремлениям самого Боуэра (подробнее см. заключение данной работы). Одновременно с этим повествование Боуэра в значительно большей степени охватывает континентальную историю. 7-я книга «Скотихроникона» посвящена помещению шотландской истории в контекст мировой — хронист делает это путем включения материала о государствах Европы, в первую очередь, Франции и Англии. Здесь его интересуют деяния Карла Великого, а затем — королей из династии Капетингов, которым он уделяет больше времени, нежели их современникам в Британии [7, vol. 9, p. 318]. В определенном смысле он видел своей целью изложение этой информации для своих читателей, и вся хроника была призвана стать историческим трактатом для скоттов (шотландцев).

Для того, чтобы лучше представлять себе характер территории будущего государства Альпинидов и людей, ее населявших, необходимо дать краткую характеристику составлявшим его элементам.

На юго-востоке Шотландии и севере Англии расположилось королевство Нортумбрия, образовавшееся в 655 г. путем слияния двух англосаксонских государств — Берниции и Дейры. Северное из этих государств, Берниция, находилось между реками Форт и Тис, а на северо-западе простиралось предположительно до Эйвона, включая в себя если и не весь Лотиан, то, по крайней мере, восточную его часть [4, p. 4]. С запада граница Берниции проходила по линии Лоутер-Хиллс в том месте, где эти холмы разделяют Клайдсдейл и Нитсдейл. Эти земли были населены

бриттами, поселения которых, по некоторым версиям [4, р. 6–7], находились повсюду на территории Берниции, будучи разбросанными среди англов и находились с ними в постоянном взаимодействии.

К югу, включая в себя земли современных графств Йоркшир и Ланкашир, лежало королевство Дейра, простиравшееся от Тиса, где оно примыкало к территории Берниции, до Хамбера. На западе это государство доходило до Йоркской долины и точно так же, как его северный сосед, было заселено преимущественно бриттами. На протяжении примерно ста лет Берниция и Дейра экспериментировали с попытками заключить унию, и с середины VII века они фактически образовали единое королевство, Нортумбрию. Процесс интеграции шел довольно медленно, например, епископ Дейры с кафедрой в Йорке стал главой церкви на всех землях Нортумбрии лишь в 735 г., незадолго до того, как были образованы епископства в Линдисфарне, Хексеме и Уиторне. Как минимум два из этих епископств были расположены в Шотландии, так что история Берниции — это история Шотландии в не меньшей степени, чем Англии.

К северу и северо-западу от земель бриттов находилось гэльское королевство Дал Риада, располагавшееся на обоих берегах Северного пролива. В его состав в Ирландии входило современное графство Антрим, в Шотландии — полуостров Кинтайр и остров Арран, а также ряд территорий Аргайла и большая часть Внутренних Гебридских островов (острова Малл, Айлей, Джура и некоторые другие). Власть в той части Дал Риады, что располагалась в Аргайле, принадлежала четырем основным кланам (кенелам, от гэльского *Cenél*), наиболее сильным из которых был клан Габрана мак Домангарта. Центр его власти находился на Кинтайре.

Наконец, на землях Северной Шотландии обитали пикты. В это время они были объединены в пределах одного государства, так называемого королевства Фортриу. Данное название происходит от названия пиктской провинции, которое, в свою очередь, восходит корнями к римскому имени одного из племен, звучавшему как «Вертурионы». Первым из пиктских королей, именовавшихся «королем Фортренна» (*rex Fortrenn*), стал Бруде мак Бели, правивший в конце VII века. В середине VIII века, а именно в 741 г., как сообщают «Анналы Ульстера», король пиктов Энгус мак Фергюс одержал крупную победу над Дал Риадой, на время подчинив ее (по крайней мере, владения в Шотландии), себе.

В целом, упомянутые четыре народа — англы, бритты, гэлы (последних хронисты XV века Уолтер Боуэр и Джон Фордунский называют скоттами и связывают с ними происхождение современных им шотландцев) и пикты — представляли основные силы на политической арене Шот-

ландии к началу IX века, когда на месте Дал Риады и государств пиктов возникло единое королевство Альба, речь о котором и пойдет далее.

Несмотря на то, что первым королем Альбы считается Кеннет I, стоит сказать несколько слов о его предполагаемом отце, Альпине мак Эохайде. Впрочем, обстоятельства вступления Альпина на трон Дал Риады остаются весьма туманными, поскольку на этот счет существует довольно большое количество разнообразных предположений, домыслов и гипотез.

Так, Уолтер Боуэр и Джон Фордунский указывают в качестве года его воцарения 831 г., сообщая, что он получил корону после смерти короля Дунгала и правил три года [7, vol. 2, p. 271; 6, p. 135]. В то же время в Мелрозской хронике данное событие перенесено на 10 лет позже, в 841 г., а в качестве года смерти Альпина указан 843 г. [8, p. 16]. С другой стороны, в некоторых других источниках, например, в «Анналах Ульстера», важнейшем источнике о династиях пиктов и скоттов, король с таким именем вообще не упоминается применительно к IX веку. Гибель короля Дал Риады там относится к 839 г., когда в бою с «язычниками» (подразумеваются викинги) погибли король пиктов Бран мак Энгус и Эд мак Боанта, правитель Дал Риады [2], а смерть некоего короля Эльпина (Альпина), правителя пиктов, относится к 727 г. [2, U728.4].

Вообще, существование Альпина мак Эохайда представляется весьма спорным, особенно учитывая тот факт, что имя «Альпин» не встречается в Ирландии того времени и имеет не гойдельское происхождение [9, vol. 1, p. 32]. С другой стороны, такое имя, в том числе и с привязкой к имени Кеннет (имеется в виду Кеннет мак Альпин, считающийся первым королем Альбы), встречается в так называемой «Пиктской хронике», являющейся списком королей пиктов [10, p. 6–7]. Здесь Альпин упоминается два раза, причем в разном написании — один раз как «Erlin» и один раз как «Alpinus» (в тексте имя стоит в форме генитива единственного числа: «Alpini») [10, p. 6–7]. Учитывая, что это имя встречается также в валлийских и британских источниках, можно предположить, что Альпин имел соответствующее происхождение. Данный факт мог быть опущен по воле его сына после воцарения [9, vol. 1, p. 32], чтобы снять вопрос о легитимности его нахождения на престоле. С другой стороны, Кеннет мог принять пиктский патроним, чтобы добавить себе легитимности в глазах этой половины своего королевства.

Боуэр и Фордун сообщают о правлении короля Альпина немного и рассказывают примерно одинаковую историю. Они пишут, что он успешно воевал с пиктами, но на третий год своего правления, во время пасхальных праздников, настолько возгордился крупной победой, что вскоре,

20 июля, вступил в еще одну битву, в которой был убит. Далее в качестве аналогии хронисты приводят историю римских консулов в битве при Каннах [7, vol. 2, p. 271–273; 6, p. 135–136]. Схожий сюжет (за исключением аналогии из римской истории), мы можем встретить в Хантингдонской хронике [10, p. 209], которая также согласуется с более поздними работами Боуэра и Фордуна. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что она использовалась исследуемыми авторами при подготовке их хроник.

Альпину наследовал его сын, Кеннет (Кинаед, от *Cinaed*), который, как уже упоминалось, является первым королем объединенной Альбы, и потому с него начинается, например, «Хроника королей Альбы» [1], повествующая о правителях этого королевства. О личности Кеннета, о действиях его и его потомков дальше и пойдет речь.

Год вступления Кеннета мак Альпина на трон варьируется от источника к источнику, как и в случае с его предполагаемым отцом. Уолтер Боуэр и Джон Фордун, отмерив три года правления Альпина, указывают 834 г. в качестве даты его коронации в Дал Риате и 839 г. как год, когда он сокрушил государство пиктов [7, vol. 2, p. 273; 6, p. 136]. Тот же год упоминается и в хронике Хантингдона [10, p. 209], в связи с этим возникает проблема датировки, поскольку из «Анналов Ульстера» нам известно, что в 839 г. погиб правитель скоттов Эд мак Боанта и Кеннет никак не мог вступить на престол ранее его гибели. «Анналы» к тому же не предлагают своей даты начала правления Кеннета и приводят лишь год его смерти — 858 г. [2, U858.2].

В некоторых других источниках дата воцарения сдвинута на несколько лет относительно «Скотихроникона» и «Хроники шотландской нации» — Мелрозская хроника указывает 843 г. [8, p. 16], тот же год является отправной точкой «Хроники королей Альбы» [1]. В последней в качестве года смерти указан также 858 г., что согласуется с информацией «Анналов Ульстера».

Боуэр и Фордун довольно подробно описывают серию военных кампаний, проведенных Кеннетом против пиктов и закончившихся разгромом и подчинением их государства на шестом году его правления, то есть в 839 г. [7, vol. 2, p. 273; 6, p. 136] (совпадение этого года с поражением, которое пикты потерпели, согласно «Анналам», возможно, является случайным). После этого в течение нескольких лет новому королю пришлось подавлять сопротивление пиктов, которые пытались возвести на престол некоего нового короля. Кеннету удалось убить их претендента на власть, но многие пикты отказались сдаться и пополнили ряды разбойничьих банд или попросту сбежали в Нортумбрию и на земли, занятые викингами [6, p. 139].

Из «Хроники королей Альбы» мы также знаем, что Кеннет предпринял несколько походов на юг, в Нортумбрию («Саксонию», как ее называет автор [1]), захватив и спалив Данбар и Мелроз. Фордун и Боуэр ничего не сообщают нам об этих походах, они описывают лишь военные действия, направленные против пиктов. «Хроника» же дает отрывочные данные об этих событиях, но поскольку в ней отсутствует разбивка на годы, даже датировка военных кампаний становится невозможной. Документов со стороны Нортумбрии, которые бы позволили нам провести подобную датировку, не сохранилось [4, р. 101].

В отрывке, посвященном Кеннету, упоминается также сожжение бриттами городка Данблейн [1], что может свидетельствовать об обретении ими независимости в указанный период. Вполне возможно, что свободу им удалось завоевать примерно в 839 г., когда королевство пиктов было ослаблено поражением, которое ему нанесли викинги. Относительно последних говорится, что они огнем и мечом прошли по Пиктавии, дойдя до Клюни и Данкельда [1]. В этом отношении интересен тот факт, что не упоминается ни одного нападения на западном или северном побережье, что может означать: либо хронист не был осведомлен о подобных нападениях, либо власть Кеннета не распространялась на эти земли.

«Хроника королей Альбы» завершает рассказ о Кеннете замечанием, что он умер в Фортевиоте. У Фордуна и Боуэра мы также можем увидеть дополнение, в котором сообщается, что умершего короля похоронили на острове Айона, где покоился его дальний предок Фергюс мак Эрт [7, vol. 2, р. 295; 6, р. 139–140].

В итоге необходимо отметить, что при описании возникновения королевства Альба шотландскими хронистами избраны типичные для данных сюжетов тропы. И Джон Фордунский, и Боуэр пользовались материалами своих предшественников по ремеслу, в первую очередь, Хантингдонской хроникой и трудами Беды, но оба они, по всей видимости, не были знакомы с материалами «Ирландской хроники» (которая к концу XIV в. могла уже перестать существовать как единый текст). Также они вряд ли пользовались материалом, изложенным в «Хронике королей Альбы», по крайней мере, проследить это напрямую невозможно.

С содержательной точки зрения вариант легенды об основании королевства Альба ложится в общую линию повествования «Скотихроникона» и «Хроники шотландской нации», ставивших своей целью проследить единую, непрерывную линию наследования власти от истоков народа скоттов до современных хронистам династий — Брюсов, а через них — Стюартов. Для хронистов этот ранний, полупоэтический этап

истории Альбы — краеугольный камень шотландской государственности, а также важный пункт доктрины о праве королей Шотландии на престол по праву первенства: Альпиниды восходят своими корнями к гэльскому государству Дал Риада, а именно с гэлами Джон Фордунский и Уолтер Боуэр связывают истоки возникновения шотландской идентичности (для них скотты и есть гэлы). На основании вышеперечисленной информации хронисты делают вывод, что раз далекие предки шотландцев оказались на Британских островах раньше саксов, римлян или пиктов, то и права на землю у них как минимум не меньше, чем у соседей. Таким образом, полупоупендарные образы древних правителей выступают для авторов необходимыми связующими звеньями для формирования политической идеи, в центре которой лежит необходимость легитимации шотландской королевской власти.

Список источников и литературы

1. The Chronicle of the Kings of Alba (Translated) // Scotland's History [Электронный ресурс]. URL: <https://scotlandshistory.net/2018/07/02/the-chronicle-of-the-kings-of-alba-translated> (дата обращения: 29.10.2021).
2. The Annals of Ulster // CELT: The Corpus of Electronic Texts [Электронный ресурс]. URL: <https://celt.ucc.ie/published/T100001A/> (дата обращения: 29.10.2021).
3. The Annals of Tigernach // CELT: The Corpus of Electronic Texts [Электронный ресурс]. URL: <https://celt.ucc.ie/published/T100002A/index.html> (дата обращения: 29.10.2021).
4. *Wolf A.* From Pictland to Alba 789–1070. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 384 p.
5. *Goffart W.* Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton: Princeton University Press, 1988. 491 p.
6. John of Fordun's Chronicle of The Scottish Nation / Ed. by W.F. Skene. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1872. 576 p.
7. *Bower W.* Scotichronicon: in 9 vol. / Ed. by D.E.R. Watt. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1993.
8. *Chronica de Mailros*, ed., notulis aucta / Ed. by J. Stevenson. Edinburgh: Typis Societatis Edinburgensis, 1835. 280 p.
9. Celtic Culture: A Historical Encyclopedia: in 5 vol. / Ed. by J.T. Koch. Santa-Barbara: ABC–Clio, 2006.
10. Chronicles of the Picts, chronicles of the Scots, and other early memorials of Scottish history / Ed. by W.F. Skene. Edinburgh: H. M. General Register House, 1867. 499 p.

УДК 94

Trefilov K. A.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Историко-филологический факультет, магистрант
E-mail: trefilov-1999@inbox.ru

Структура монастырской иерархии в сочинении «Regula ad virgines»: проблема идентификации монастырских чинов

Аннотация. В данной статье на примере первого женского монашеского правила — «Regula ad virgines» («Устава для дев») Цезария Арелатского изучается структура монастырской иерархии. Анализируются особенности женской иерархической структуры. В ходе исследования проявляется амбивалентность терминологии, используемой Цезарием для обозначения того или иного монастырского чина. Предпринимается попытка связать неопределенность некоторых ступеней иерархической структуры с гендерным переосмыслением монашеской иерархии, которая в «Regula ad virgines» представлена впервые.

Ключевые слова: западное монашество, Цезарий Арелатский, Арелат, женское монашество, монашеская иерархия, аббатиса, препозита, старейшина.

Trefilov K. A.

St. Tikhon's Orthodox University,
Faculty of History and Philology, Master's Program, Student
E-mail: trefilov-1999@inbox.ru

The Structure of the Monastierial Hierarchy in the Composition of “Regula Ad Virgines”: The Problem of Identification of Monastierial Offices

Abstract. The article explores the first “Rule for nuns” in the West to analyse the structure of monastic hierarchy. It is going to discuss the specific features of hierarchical structures in the nunnery and to focus on certain ambiguity in defining different monastic offices. The research tries to understand the vague description of several monastic offices in terms of gender rethinking of monastic hierarchy in the “Regula ad virgines”.

Keywords: Western monasticism, Arles, Caesarius of Arles, female monasticism, monastic hierarchy, abbess, praeposita, seniors.

История возникновения западного монашества представляет собой сложный процесс, который длился на протяжении нескольких столетий. В результате множества пройденных этапов и идей, которые были впитаны латинским аскетизмом, монашество систематизируется [1, с. 3–46; 2, с. 61–284]. Этому процессу способствовало написание Уставов, адаптированных под жизнь общины. Благодаря написанным правилам монашество обрело систему и порядок существования. Одним из элементов порядка, устанавливаемого в данных нормативных документах, является структура власти — *иерархия* монастырской общины.

В данной работе будет привлекаться сочинение «Regula ad virgines» («Устав для дев») [3, р. 169–273; 4, с. 133–156] одного из отцов галльского монашества Цезария Арелатского¹. Для исследователей ранних форм монашества на Западе оно интересно тем, что в нем происходит попытка переосмыслить некоторые уже существующие, но, тем не менее, не до конца сформировавшиеся устои монашеских общин на примере монастырской иерархии.

Монастырь являлся местом проживания сестер, которые, приняв обеты и исполнив все предписания, необходимые для вхождения в монашескую общину, становились монахинями (*monachae*). После этого их жизнь подчинялась монастырскому Правилу. Примечательно, что когда Цезарий пишет о насельницах обители, он не использует термин «монах» в феминитиве, а заменяет его на другие понятия: девы (*puellae*) [3, II], благочестивые (*sanctimoniales*) [3, V] и святые сестры (*sanctae sorores*) [3, XXVII].

Для обозначения группы сестер епископ Арелата использует термин *seniores*: очевидно, что это понятие относится к терминам иерархической организации, однако его значение недостаточно конкретизировано: старшая или старица? Первый вариант может обозначать как возраст, так и положение монахини в иерархии, а второй, вероятно, указывает лишь на возраст. Хотя это понятие пока не удастся уточнить, но случаи его употребления предполагают наличие власти в руках тех, по отношению к которым он употребляется.

¹ По выражению одного из известных исследователей раннесредневековой Франции профессора Филиппова И. С., «можно только дивиться», что письменному наследию епископа уделяли так мало внимания (См.: *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 91). За последние несколько лет благодаря Омельченко Д. М. русская историография пополнилась большим количеством публикаций, рассматривающих наследие епископа Цезария в том или ином ключе (см.: *Омельченко Д. М.* Цезарий Арелатский — епископ и пастырь. СПб, 2021).

В Уставе этот термин используется около десяти раз. Например, когда епископ говорит о совместном проживании старших и младших [3, II] или о том, что младшие должны почитать старших. В данном случае *seniores* можно трактовать как старшие по возрасту или старшие по чину, хотя одно не исключает другого. Вероятнее всего, термин полисемичен. Помимо приведенных примеров, можно назвать еще несколько фрагментов, где его значение пока не может быть конкретизировано. Например, работа распределяется старшей [3, 8]; младшие почитают старших [3, XXXIII]; беседы с родственниками возможны только в присутствии кого-либо из старших [3, XLI]. Перевод данного слова на русский язык и определение места данного чина в иерархической структуре монастыря невозможны без рассмотрения совокупности всех монашеских чинов обители, упоминаемых Цезарием.

Итак, термин *sorores* обозначает как низшую ступень иерархии, так и всех насельниц монастыря, которых Цезарий называет сестрами. Затем *seniors* (старшие, старицы), по отношению к которым сделать определенный вывод пока затруднительно. Возможно, понять место последних в общине поможет изучение других чинов внутри иерархии обители.

Неотъемлемой частью жизни в монастыре были послушания². Основное послушание (как род деятельности), которым занимались сестры, обозначается термином *lanificium* (прядение или ткачество), что является закономерным, т.к. физический труд, который выполняли мужчины, далеко не всем женщинам был под силу [5; 6, р. 85–86]³. Когда Цезарий затрагивает тему обеспечения сестер одеждой, он употребляет термин *lanipendia* [3, XXVII], который, если переводить буквально, означает «всовщица шерсти» и обозначает женщину, которой поручена забота о переработке материала, обеспечивающего сестер одеждой [3, XXVII].

² Терминологию, характеризующую послушание как род деятельности, можно разделить на две группы. Во-первых, термины, с помощью которых епископ Цезарий обозначает труд — *opera* (работа) и *artificium* (ремесло). Во-вторых, понятие, обозначающее конкретную отрасль — *lanificium* (прядение или ткачество).

³ Если говорить о месте труда в жизни обители по Уставу, то можно прийти к выводу, что основным трудом сестер было прядение, обеспечивающее их необходимым материалом для одежды и богослужений. Вообще прядение было основным женским занятием античности [6, р. 85–86]. А что касается труда, то епископ, говоря об обслуживании нужд кого-либо из городской иерархии, писал о том, что девам более нужно молиться Христу о спасении людей, чем готовить мирские трапезы (см.: *Regula ad virgines*, LX).

Говоря о различных сферах монастырской жизни, епископ прописывает необходимость наличия сестры, в чье ведение входил бы тот или иной аспект монастырской жизни. Например, в Уставе, помимо ве-совщицы шерсти, которая отвечала за обработку материала, можно выделить главу школы и хора, которая обозначается термином *primiceria* [3, XXXV, XLII], и старшую певчую (*primaria*) [3, XXXV].

В Уставе также упоминаются еще несколько терминов, которые обозначают монахинь, в чьем ведении находилось та или иная сфера жизни монастыря. Существуют два вида келарей: *cellalaria* [3, XXXXII] и *conovariae* [3, XXIX]. В ведение первой входил уход за больными и немощными [3, IX, XXII, XXXI, XXXII; 7, с. 45–52]⁴, в ведении второй находились различные хозяйственные заботы: посылки, которые приходили монахиням, контроль запасов еды и т.д. Привратница (*posticiariae*) [3, XXXXIII] следила за главным входом в монастырь и отвечала за соблюдение тех пунктов Правил, которые касались сообщения монастыря с внешним миром через ворота.

Духовным окормлением сестер занималась наставница (*formaria*) [3, XXXX, XXXXII]. Это был чин, который можно отнести к высоким ступеням иерархии наряду с уже названными сестрами-келарями, привратницей, старшей певчей и сестрой, отвечавшей за одеяния (*lanipendia*, *primiceria*, *primaria*, *cellalaria*, *conovaria*, *posticiariae*). Эти сестры управляли монастырскими службами, в ведение которых входит решение вопросов, связанных с самыми разными сферами жизни обители.

Один из исследователей наследия епископа Цезария Уильям Клингширн видит непосредственную связь между сестрами-управительницами, которые заведовали различными сферами монастырской жизни, и термином *seniores*. По его мнению, данным термином Цезарий обозначает именно сестер-управительниц [8, р. 121], с чем можно согласиться, но, скорее всего, данное понятие включало в себя не только их.

Помимо перечисленной терминологии нужно назвать еще два монастырских чина. Во-первых, *praeposita*, который на русский язык можно перевести как «управительница», «руководительница» или даже «настоятельница монастыря». Цезарий использует данное понятие в контексте повиновения

⁴ В «Уставе» епископа Цезария тема заботы о больных выделяется отдельно (см.: *Regula ad virgines*, IX, XXII, XXXI, XXXII), и епископом достаточно подробно прописываются условия, которые должны быть созданы для заболевшей сестры. (Подробнее на тему заботы о больных в монастырях см.: [7]).

младших старшим: «пусть почитают настоятельницу» [3, XVIII]; «подчиняйтесь настоятельнице» [3, XXXV]. Данное понятие практически во всех случаях четко определяет положение, которое занимает *praeposita* — это второе лицо в монастыре, вторая ступень иерархической лестницы, но, несмотря на это, казалось бы, четкое положение чина, этот термин имеет более широкое значение. Данный вопрос будет рассмотрен ниже.

Во-вторых, это термин *abbatissa* [3, VII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXIV, XXXVI], венчающий монастырскую иерархию, который в первых двух частях Устава заменяется словом *mater*. Данные термины обозначают одно и то же лицо — настоятельницу монастыря. В ходе изучения правила можно увидеть постепенную эволюцию, которую проходит термин *mater*. Если в более ранних частях правила Цезарий колеблется между двумя понятиями *mater* и *abbatissa*, то во второй, итоговой части Устава выбор епископа останавливается на втором термине, который он использует одиннадцать раз, а термин *mater* — только один [3, LXVII]. Происходит постепенное переосмысление термина «аббат» [9, с. 33–34] в феминитиве⁵. По истечении времени *mater* практически окончательно [3, LXVII] заменяется аббатисой.

Так какая же проблема существует в трактовке значения термина *praeposita(ae)*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует понять, в чем заключалась функциональная разница между «матерью» (*mater*, *abbatissa*) и «настоятельницей» (*praeposita*). Следует проанализировать, при каких условиях тот или иной термин употребляется Цезарием. Контекстов можно выделить несколько: первый [10, р. 347–350]⁶ — когда епископ затрагивает темы, касающиеся контакта монастыря с внешним миром, поднимаются вопросы проявления дисциплины и необходимости

⁵ Термин «аббат» (*abba*) имеет арамейское происхождение и переводится как «отец». Изначально это понятие воспринималось в контексте мужского монашества, но впоследствии, как видно из Устава епископа Цезария, произошла феминизация термина: от *abba* — *abbat* (в западном варианте) и *avva* (в восточном, греческом) к *abbatissa*.

⁶ См.: *Regula ad virgines*, XXI, XXIV, XXV, XXVII, XXIX, XXVIII, XXXI, XXXII, XLII, LXVII, LXXI. Аббатиса, таким образом, выступает как основное звено иерархии, без санкции которого невозможно решение вопросов, связанных с жизнеобеспечением насельниц монастыря. Несмотря на то, что Цезарий довольно часто упоминает монастырскую иерархию, он не закичивается на ней. Его Устав не преследует цели дать четкую последовательность чинов. Епископа беспокоит монашеская община, идеалы монашеской жизни, которые он отражает в своем Правиле (Подробнее о расставляемых акцентах в монашеских Уставах см.: [10, р. 347–350]).

обеспечения сестер, во главу угла ставится аббатиса; второй [3, XXXV, XLIII, XLVII, LXII, XXX, XXVII, XVIII] — когда оба термина используются вместе, речь идет о взаимозаменяемости; если аббатиса по каким-то причинам не может присутствовать, следует обратиться к монахине-препозите, или поднимается вопрос авторитета (подчинения⁷ и почитания), или речь идет о заботе о сестрах. И третий, самый любопытный — один из терминов изменяет свое значение с обозначения чина на характеристику позиции: *praeposita* [3, LXVII] перестает обозначать настоятельницу и превращается в обобщающее понятие, характеризующее два чина иерархии — аббатису (*mater, abbatisa*) и настоятельницу (*praeposita*). В данном контексте также следует сказать об амбивалентности другого термина — *potestate prioris*, который можно перевести как «более старшая». Определенно заключить, к какому из чинов относится данный посыл, достаточно трудно. Возникший вопрос может разрешиться путем действия от противного: предположим, что *potaestatae prioris* — это одна из сестер, отвечающих за одну из монастырских сфер. Такого быть не может, т.к. есть более старшие чины — *praeposita* и *mater (abbatisa)*. Скорее всего, именно кого-то из них епископ именует «более старшей» (*potaestatae prioris*). Если учитывать контексты (о них сказано выше), в которых используется «мать» (аббатиса) и монахиня-препозита, то, вероятнее всего, «более старшей» названа именно первая — *mater*.

Таким образом, рассмотрев терминологию, обозначающую членов иерархической структуры монастыря, можно заключить: несмотря на наличие определенной иерархии, некоторые из терминов, отображающих ее, не имеют одного устоявшегося значения. Не конкретизирующее использование понятий в «Regula ad virgines» может свидетельствовать о неустоявшейся традиции обозначения представителей монашеской структуры, что в конечном счете может свидетельствовать о процессе формирования монашеской структуры.

Вопрос с терминологией не может быть рассмотрен в отрыве от того, как епископ Цезарий представлял связь чинов иерархической лестницы между собой.

⁷ Рассматривая терминологию, обозначающую подчинение «*mater, abbatisa*» и «*praeposita*», нужно сделать замечание: терминология, которая отображает подчинение, разная. При упоминании *mater* используется глагол «*oboedire*», а в случае с *praeposita* используется «*deferre*». Хотя в XXXV главе «Устава» используется один термин, обозначающий повиновение — «*oboedire*».

Основополагающим предписанием, регулирующим отношения членов иерархии, было послушание и почитание, которое младшие должны испытывать по отношению к старшим⁸.

Одной из основных идей существования общины была идея *omnia communia* [3, XX]. В монастыре были все равны⁹: Цезарий очень четко прописал, каким путем должно добиваться равенства всех. Монастырская иерархия основывалась на *caritas* (каритативной любви)¹⁰, которая регулировала взаимоотношения между сестрами. Взаимоотношениям, основанным на каритативной любви¹¹, должны быть чужды такие явле-

⁸ Цезарий использует два термина для обозначения почитания и подчинения. В главе XXXV «Regula ad virgines» есть предложение, где епископ пишет о подчинении младших старшим (*seniores*). Скорее всего именно в этом отрывке содержится ответ на вопрос что следует понимать под термином *seniores*. Используя данный термин, епископ подчеркивает и возрастное старшинство, и старшинство иерархии — условие старшинства, а, следовательно, и опыта в монашеской жизни может означать высокое членство в иерархической структуре монастыря. Таким образом, когда епископ употребляет термин *seniores* он может говорить как о наличии членства иерархии, так и старице, которая не вошла членство, но имеет право голоса при решении того или иного вопроса.

⁹ Если говорить об аббатисе монастыря, то, безусловно, она имеет привилегированное положение. Однако «Устав» говорит обратное: все, в том числе и аббатиса, должны ему подчиняться и неуклонно следовать его предписаниям. Об этом епископ говорит в заключительной части правила (см.: Regula ad virgines, LXIV).

¹⁰ Термин *caritas* встречается в «Уставе» несколько раз (см.: Regula ad virgines, XXXV, LXII, LXIII, LXVI, LXXII).

¹¹ В «Уставе» чувствуется влияние восточных и западных отцов (См.: [3, р. 68–69, 44–66, 88–98, 71–81]), многие из идей которых были восприняты епископом. Например, идея о дружбе (*amicicia*) и любви (*caritas*) Иоанна Кассиана и Августина. Вся философия епископа Августина была пропитана идеей о путешествии к Богу, которое, в свою очередь, не мыслилось у него без друга, соратника. [Ер. 130, 2, 4]. Восприняв учение о дружбе от античных писателей (в частности, Цицерона), Августин переосмысливает его и приходит к выводу: «Истинной дружба бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу "любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам" (Рим 5:5)» [Confess. IV, 4]. Дружба выражается в любви к Богу, не простой человеческой любовью *amor*, но именно *caritas*, как пишет апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [1 Кор. 13, 4–6]. Любовь становится той силой, которая может преодолеть «силу греха» (См.: Протоиерей Ходзинский П. В. Средневековая проповедь Fortis ut mors dilectio в контексте Августинианской традиции // Вестник

ния, как ссоры, уязвление друг друга бранью, завистью и непрощенными обидами. Поучение, с которым епископ обращается к сестрам монастыря, имеет несколько фундаментальных принципов, на которых должны строиться отношения руководящего с подчиненными и наоборот. Епископ выделяет *caritas* (любовь) и *pietas* (милосердие) [3, XXXV] которые должны занимать главенствующее положение в методах правления монашеской общиной.

Иерархическая структура монашеской общины в сочинении епископа Цезария представляет попытку систематизации монашеских чиннов в женской монашеской общине. Несмотря на некоторые неточности, Цезарию удается как отразить в правиле терминологию, связанную с обозначением монахинь-насельниц монастыря, так и более четко систематизировать внутреннее строение общины. Общее название насель-

русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 3. С. 137). И так, «в контексте творчества Августина идеалом монашеской общины оказывается дружба. Становясь друзьями Божьими, члены общины должны стать друзьями и между собой» (См.: Шульман О. Монашеская община как сообщество друзей и как школа внимания: «Правило» Августина и «Правило Бенедикта» // Человек вчера и сегодня. 2009. № 3. С. 224). И наоборот: «друзья в общем поиске истины, живя "единым умом и единым сердцем", становятся друзьями Бога — таков был путь самого Августина» (Там же). Августин Гиппонский, говоря об идеалах монашеской жизни, выделяет общность имущества: «и уничтожить в неподдельной дружбе понятие "твоего" и "моего"» [Confess, VI, 14]. Он следует примеру из книги Деяний «но все у них было общее» [Деян. 4, 32–35], что выражает идеальную христианскую общину, показанную в Писании. Замечания касательно любви и дружбы у Иоанна Кассиана неразрывно связаны, как и у Августина. Основная мысль Кассиана заключается в том, что «постоянная и неразрывная любовь может пребывать только между мужами одинаковой добродетели и намерения» [Cassian. Collat. XVI 3, Collat. XVI 5], то есть только те, кто имеют одно желание и одну цель, могут пребывать в любви. Под целью в данном случае подразумевается ни что иное, как Царство Небесное. Очень точно по этому поводу выразился епископ Ириней (Стинберг): «настоящая дружба — это не просто теплая привязанность между двумя людьми. В своей высшей форме она — общая на двоих жизнь, и те, кто разделяют эту жизнь друг с другом, должны, по определению, жить ради одной цели, одними добродетелями, ради одной участи» (См.: Алфеев Г. В. Преподобный Иоанн Кассиан и монашеская традиция христианского Востока. М., 2017. С. 59). Эта дружба, не зависящая от земных реалий, выше земного, она устремлена к вечному: «один род любви нерасторжимый, который основывается не на знатности знакомства, не на важности должности или чина, не на каком-либо доверии или естественных нуждах, но на одном сходстве добродетелей» [Cassian. Collat XVI 3].

ниц монастыря — *sorores, sanctimoniales*. На втором месте — монахини, отвечающие за различные монастырские сферы: *lanipendia, primiceria, primaria, cellalaria, conovaria, posticiariae*. И два термина, представляющие венец иерархической структуры: *mater*, она же *abbatissa*, и *praeposita*, которая может выступать не только в качестве конкретного чина, а в качестве характеристики позиции, обозначающей положение *mater* и *abbatissa*. А *seniores* является скорее не чином, а определением вышеперечисленных чинов (монахини — руководители определенных сфер; монахиня *praeposita; mater* или *abbatissa*).

Таким образом, рассмотрев монастырскую иерархию по монашескому нормативному источнику первой половины VI в. «Regula ad virgines», можно заключить, что многие из понятий, использующихся ее автором, епископом Цезарием, амбивалентны, и для их лучшего понимания необходимо рассматривать контекст, в котором они употребляются. Подобного рода амбивалентность терминологии, которую можно увидеть в Уставе, вызвана несколькими причинами. Во-первых, данный устав является первым нормативным документом, регулирующим жизнь женской монашеской общины, и неоднозначность понятий, используемых для обозначения чинов, вызвана именно новшеством данного Устава. Во-вторых, систематизация монастырской иерархии находилась в процессе формирования, так как сам процесс складывания монастырской организации как института не был завершен.

Вопрос использования терминологии для отображения чинов монастырской общины является открытым. Благодаря более тщательному анализу отдельно взятого правила в дальнейшем будет возможно выстроить четкую структуру и рассмотреть эволюцию терминологии, обозначающей тот или иной монастырский чин.

Список источников и литературы

1. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М.: Ломоносов, 2021. 192 с.
2. Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе Раннего Средневековья. СПб: Алетей, 2001. 506 с.
3. Regula ad virgines // Vogué A. de. Regle des vierges. Introduction Sources Chrétiennes. Vol. 345. Paris: Les éditions du cerfe, 1988. P. 169–273.
4. Пенарокова М. Р. Правило святого Цезария (Арльского) // Одиссей. Человек в истории: Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2013. С. 133–156.
5. Nolte C. Klosterleben von Frauen in der frühen Merowingerzeit. Überlegungen zur Regula ad virgines des Caesarius von Arles [Электронный ресурс]. URL:

- <https://arsfemina.de/frauen-der-geschichte-vii/klosterleben-von-frauen-der-fr%C3%BChen-merowingerzeit>(дата обращения: 19.02.2021).
6. Tilley M. Caesarius's Rule for unruly nuns: permitted and prohibited textiles in the monastery of St. John // *Early Medieval Europe*. 2018. Vol. 26. Issue 1. P. 83–89.
 7. Редькова И. С. Отношение к болезни и уход за больными в стенах средневековой обители (по цистерцианской хронике «Великое начало Сито») // *Человеческий капитал*. 2021. № 7. С. 45–52.
 8. *Klingshirn W.E.* Caesarius of Arles, The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 1994. 344 p.
 9. Усков Н. Ф. Аббат // *Православная энциклопедия*. Т. 1 / Под общ. ред. Патриарха Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 33–34.
 10. *Diet A.* The Pursuit of Salvation. Community, Space, and Discipline in Early Medieval Monasticism: with a Critical Edition and Translation of the *Regula cuiusdam ad uirgines*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers, 2021.

УДК 94 (363.4)

Викторов А. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: Anatoly.Viktorov@gmail.com

Св. Радегунда и Меровингская Галлия: власть и святость

Аннотация. На основе сочинений Григория Турского, Венанция Фортуната и монахини Баудонивии рассматривается формирование культа св. Радегунды из Пуатье в период становления монархии Меровингов.

Ключевые слова: св. Радегунда из Пуатье, Меровингская Галлия, культы святых, королевская власть Меровингов.

Viktorov A. E.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: Anatoly.Viktorov@gmail.com

St. Radegund and Merovingian Gaul: Sanctity and Power

Abstract. Based on the works of Gregory of Tours, Venantius Fortunatus and the nun Baudonivia, I consider the images of St. Radegund of Poitiers and the appearance of a cult dedicated to St. Radegund at the time of the formation of the Merovingian monarchy.

Keywords: St. Radegund of Poitiers, Merovingian Gaul, Cult of Saints, Merovingian kingship.

Авторы раннего Средневековья описывают прибытие частей Святого Креста из Константинополя в Пуатье, состоявшееся предположительно не ранее 567 года, как одно из важнейших событий в истории Галлии. Инициатива, возможно, шла из Галлии: отсюда в Константинополь было отправлено посольство, которое получило от императора Юстина II и императрицы Софии священный дар — частицы Святого Креста [1, s. 464; 2, s. 388]. Согласно существовавшим преданиям, частицы Святого Креста были найдены матерью императора Константина Великого императрицей Еленой в Иерусалиме в начале IV века. Причины, побудившие Византию передать Галлии одну из наиболее ценных христианских реликвий, неизвестны. Л. Гарланд, например, рассматри-

вает передачу реликвий как часть политической борьбы при византийском дворе [3, р. 48–49]. Возможно также, что это была попытка восстановить «религиозную гармонию между востоком и западом» [4, р. 123]. Идея религиозного единства, вероятно, была связана и с желанием установить власть византийского императора над территорией Западной Римской империи. После возобновления войны с Сасанидской империей в правление Юстина II главным объектом внимания Византийского государства становится его восточная граница, и поддержка этой идеи ослабевает [5, р. 79]. Полученные частицы Святого Креста были помещены в монастырь Святого Креста в Пуатье, который основала супруга короля франков, королева Радегунда.

Образ Радегунды представлен в произведениях нескольких ранне-средневековых авторов: историка и епископа Григория Турского, его друга и поэта Венанция Фортуната, а также монахини Баудонивии из основанного Радегундой монастыря Святого Креста в Пуатье. Все три автора входили в близкое окружение Радегунды. Сочинения Григория Турского, Венанция Фортуната и Баудонивии относятся к разным литературным жанрам, и образы королевы и монахини из Пуатье, представленные в них, во многом не похожи друг на друга.

Григорий Турский упоминает Радегунду из Пуатье в сочинении «Decem Libri Historiarum», которое создавалось на протяжении многих лет пребывания Григория на посту епископа города Тура, вплоть до 594 года [6, с. 331], и в собрании «Libri octo Miraculorum», а именно в «Liber in gloria martyrum» и «Liber de Gloria Confessorum». Точные даты создания текста «Liber in gloria martyrum» неизвестны, возможно, согласно работе Р. Ван Дама, это произошло между 587 и 588 годами [7, р. XII], то есть в последние годы жизни Радегунды, кончина которой наступила, предположительно, около 587 года. Сочинение «Liber de Gloria Confessorum» благодаря наличию в тексте описания похорон Радегунды возможно датировать после 587 года [7, р. XII].

Григорий Турский пишет о Радегунде не только как об историческом персонаже, но и как об одной из многочисленных святых Церкви, которые своими чудесами подобны Иисусу Христу, что должно убедить читателя принять Церковь как тело Христово [8, s. 53]. Рассказы о чудесах святых в трудах Григория Турского — часть большого наставления Григория, который придает каждому чуду свою собственную значимость [8, s. 57].

Венанций Фортунат и Баудонивия, рассказывая о чудесах, ставят перед собой другие задачи. «Vita Radegundis» было написано Венанцием Фортунатом предположительно после 587 года [9, р. 35].

Второе житие Радегунды (созданное как продолжение текста Венанция Фортуната), было написано монахиней Баудонивией между 609 и 614 годами [10, р. 83]. Сочинение Баудонивии, в котором Радегунда и ее окружение неотделимы от монастыря Святого Креста, может быть отнесено к текстам, положившим основание жанру «Gesta abbatum» [11] и использовавшимся монахами для утверждения нового статуса монастыря и пересмотра его истории [11; 12]. Согласно тексту, Баудонивия была знакома с житием Радегунды Венанция Фортуната [2, s. 378], однако неизвестно, был ли ей знаком текст «Decem Libri Historiarum» авторства Григория Турского — епископа, который, как уже отмечалось, имел тесные связи с городом Пуатье и монастырем Святого Креста, а также был дружен с Венанцием Фортунатом [13, р. 167].

Таким образом, все рассматриваемые здесь источники принадлежат перу людей, лично знавших Радегунду и являвшихся современниками становления практики почитания святых реликвий, привезенных из Константинополя, и возникновения культа святой Радегунды.

Споры о целях, которые преследовали составители житий, не прекращаются. По мнению И. Делаге, агиография позволяет понять устремления почитателей культа [14, р. 23]. В то же время, как справедливо отмечает П. Гиари, составители житий не ставили целью показать святых как личностей. Они стремились отразить те отличия святых от обычных людей, которые позволяли им совершать то, что можно было бы назвать чудом [15, р. 9] (об особенностях термина «Чудо» см. [8, s. 23–24]).

Жития святых — важный источник по истории повседневности позднеантичного и раннесредневекового общества [16]. Г. Филлипарт де Фуа предположил, что так как поклонение святым затрагивало почти все сферы жизни средневекового человека, следует говорить не об изучении культов святых, но об изучении агиографического феномена Средневековья как глобального общественного исторического процесса [17, р. 136]. Анализ текста Венанция Фортуната и сопоставление его с текстами Григория Турского и Баудонивии подтверждает важность житий святых как источников раннего Средневековья.

Григорий Турский

Григорий Турский, упоминая о реликвиях, собранных королевой, в произведении «Liber in gloria martyrum» заметил: «*quas in arca argentea cum ipsa cruce sancta locatas, multa exinde miracula conspicerere meruit*» [18, s. 40]. Лишь приобретя реликвии и сделав их объектом почитания, Раде-

гунда «затем заслужила возможность увидеть многие чудеса». Григорий Турский не признает Радегунду святой при ее жизни. П. Браун в своей работе «Култ святых. Его становление и роль в латинском христианстве» (1981) отмечал, что реликвии приобретали статус почитаемых в том или ином месте именно в момент их прибытия: «Значимость имело само прибытие» [16, с. 108]. После обретения реликвий городом о них часто забывали. Григорий Турский признает Радегунду покровительницей города, но происходит это признание лишь после того, как ее тело в деревянном гробу проносят по улицам Пуатье [18, s. 365]. Подробно описывая похороны Радегунды в «*Liber de Gloria Confessorum*», Григорий Турский пишет о том, что в ходе процессии все горько оплакивали ее кончину, а «бесноватые» («*inergumini*») начали криками провозглашать покойную святой, утверждая, что она их мучает («*torqueri se ab ea fatebantur*») [18, s. 365]. Святость обретается Радегундой именно после смерти [19, p. 43]. Передавая всеобщую скорбь в связи с кончиной Радегунды, Григорий Турский пытается успокоить читателя словами о том, что блаженная Радегунда не оставила монастырь вместе с телом («*...ablatam monasterio corpore, non virtute*») [18, s. 366]. Подчеркивая это, Григорий Турский навсегда соединяет монастырь и частицы Святого Креста, находящиеся в нем, с образом Радегунды. Без Радегунды нет монастыря. В слова монахинь, оплакивающих смерть Радегунды, им вкладываются личные переживания: «*Cui nos orphanas, mater sancta, relinques? Cui nos desolatas commendas?*» [18, s. 364]. Слишком хорошо знавший королеву, епископ Тура не мог превозносить вечную жизнь Радегунды на небесах, в сравнении с прожитой ею жизнью на земле. Передавая личные переживания, епископ Тура дает образец почитания Радегунды как святой покровительницы монастыря.

Венанций Фортунат

Образ Радегунды, созданный Венанцием Фортунатом в сочинении «*Vita Radegundis*», является другим. Венанций развивает идею Григория Турского о том, что сила Радегунды остается с монастырем и с Галлией, но, создавая житие уже после смерти Радегунды, Венанций совсем не упоминает о ее кончине. Не смерть делает монахиню и королеву святой, но лишь ее деяния при жизни. Венанций Фортунат подчеркивает, что Радегунда «*ne saeculo cresceret, sed cui debebatur, et humana gloria non mutatur*» [2, s. 366]. Избрав благочестие, с детства мечтая стать мученицей [2, s. 365], Радегунда сразу же стала святой, посредницей между

миром земным и миром небесным. Еще до обретения мощей и частей Святого Креста королева Радегунда совершает чудо, освобождая узников тюрьмы, взмолившихся о помощи [2, s. 368]. Если Григорий Турский, как уже упоминалось выше, считает, что Радегунда стала святой лишь после смерти, то в сочинении, созданном Венанцием, Радегунда описывается как святая еще при жизни.

Предположение, согласно которому Фортунат опустил описание смерти Радегунды только по причине личного горя, связанного с ее кончиной [19, p. 42; 20, с. 299–300], на наш взгляд, не согласуется с главной идеей его текста, согласно которой Радегунда была «*plus participata Christo, quam sociata coniugio*» [2, s. 366]. Венанций Фортунат входил в ближний круг Радегунды во время ее пребывания в монастыре, о чем свидетельствуют стихотворения, посвященные им своей покровительнице [19, p. 41; 21, p. 67–68], хотя Б. Бреннан справедливо отмечает, что статус поэта в период его пребывания в Пуатье не может быть определен [21, p. 70]. Отсутствие свидетельств не позволяет делать однозначные выводы относительно причин, побудивших поэта покинуть монастырь и отправиться в Мец, но иногда его отъезд из Пуатье объясняется именно кончиной Радегунды [22, с. 13]. В тексте жития Венанций не выражает личного горя по поводу ее кончины, но, называя Радегунду святой, рассказывает о ней как о заступнице бедных, защитнице веры и Церкви и подчеркивает, что Радегунда стала покровительницей Пуатье еще при жизни. Заботясь о бедных, Радегунда, таким образом, обретает те функции, которые Церковь в позднюю Античность приписывала епископам, обеспечивая тем самым их авторитет в городе [23, p. 96]. При этом Венанций представляет королевский статус Радегунды скорее как препятствие ее святым деяниям. После бракосочетания с королем Хлотарем Радегунда избегает символов королевской власти. Находясь вместе с мужем за королевским столом, она довольствуется самой простой пищей [2, s. 366]. Ночью, солгав об истинных причинах своего отсутствия в королевских покоях, Радегунда зачастую оставляет короля и, лежа на полу во власянице, воздает молитвы Богу [2, s. 366–367]. Будучи дочерью тюрингского короля Бертахара, Радегунда стала женой короля франков Хлотаря I после того, как франки, разбив тюрингов на реке Унструт, подчинили себе почти все земли тюрингского королевства, а сама Радегунда попала в плен [1, s. 104–105]. Ее брак был, по всей видимости, политическим, что позволило Венанцию Фортунату рассматривать ее пребывание в статусе королевы франков как вынужденное.

В житии Радегунды Венанций Фортунат ни разу не упоминает причастность Радегунды к обретению святых реликвий из Константинополя,

хотя он сам участвовал в этом предприятии. После обретения Галлией частиц Святого Креста Венанций написал поэму в честь императора Юстина II и императрицы Софии, а также многочисленные стихотворения о святых реликвиях. Б. Эфрос предполагает, что текст жития Радегунды имел целью создание культа почитания Радегунды в Пуатье, а упоминание реликвии из Константинополя в этом случае могло не столько способствовать, сколько мешать прославлению новой святой [19, р. 42]. Венанций Фортунат осознанно не упоминает обретение частиц Святого Креста в тексте жития, так как оно рассматривалось им и его современниками как действие, совершенное королевской властью в политических целях.

В отличие от Венанция Фортуната Григорий Турский подробно рассказывает о частицах Святого Креста, останавливаясь как на истории их появления в Галлии, так и на чудесах, с ними связанных. Григорий Турский также показывает, что реликвии не всеми были приняты одинаково. Согласно «*Decem Libri Historiarum*», прибытие константинопольских реликвий в Галлию было враждебно воспринято епископом Пуатье Маровеем [1, s. 464]. В работе «*Saints and their miracles in Late antique Gaul*» Р. Ван Дам находит в этом свидетельство определенного противостояния культа святой Радегунды культу святого Илария в Пуатье, которому был нанесен «сокрушительный удар» [9, р. 6]. Для епископа Маровея было очевидно, что, несмотря на значимость культа святого Илария для жителей Аквитании и Пуатье, новые реликвии затмят своей популярностью хранящиеся в городе мощи святого Илария [9, р. 31–32]. Обретение частиц Святого Креста сделало возможным создание образа Радегунды как святой, но дальнейшему распространению культа святой Радегунды вновь обретенные реликвии мешали.

Отсутствие упоминания о частицах Святого Креста в сочинении Фортуната Б. Эфрос также связывает с нежеланием Фортуната вспоминать об особенностях дипломатических усилий при их получении от Византии [19, р. 42], хотя в трудах Григория Турского мы не встречаем никаких упоминаний о чьей-либо недоброжелательности по отношению к тому, каким именно образом реликвии были получены. В некоторых сюжетах «*Decem Libri Historiarum*» отмечается враждебное отношение к Византии лишь отдельных франков. Когда непризнанный сын короля Хлотаря I Гундовальд прибыл в Марсель и был принят местным епископом Теодором, герцог Гунтрамн Бозон обвинил епископа в предоставлении убежища «иноземцу» («*hominem extraneum*») и намерении отдать земли Галлии императору [1, s. 291]. Приведенный выше рассказ Григория Турского о похоронах Радегунды, на которые не явился Маровой

[18, s. 365], позволяет предположить, что королева обладала (либо стала обладать после смерти) большим авторитетом в Пуатье. Следовательно, ничто не позволяет предполагать, что современники выражали претензии к отношениям Радегунды с Византийской империей на момент ее смерти.

Баудонивия

Рассмотрим третий источник сведений о Радегунде — житие, составленное Баудонивией, монахиней монастыря Святого Креста в Пуатье. Между сочинениями Фортуната и Баудонивии есть множество расхождений, несмотря на очевидное влияние текста Венанция Фортуната на текст Баудонивии. В отличие от Венанция Фортуната, Баудонивия менее озабочена тем, как частицы Святого Креста влияют на почитание блаженной Радегунды. Способность святой реликвии возвращать мертвых людей к жизни и защищать монастырь от внешних посягательств [10, p. 88] — одно из доказательств святости Радегунды [24, p. 349]. Гробница Радегунды является центральной для всего культа [24, p. 354] и главной защитой города и общины [15, p. 34]. Чудеса, связанные с гробницей Радегунды, есть подтверждение ее святости. После бунта монахинь и беспорядков в монастыре Святого Креста, вызванных недовольством строгостью принятого устава [1, s. 460], главная цель сочинения Баудонивии — создать благоприятное впечатление о монастыре и его основательнице Радегунде [20, с. 302]. Сочинение Баудонивии является своеобразным напоминанием о святой Радегунде для того, чтобы подчеркнуть значимость монастыря для королевства. Королевская власть Радегунды не рассматривается Баудонивией как препятствие благочестию. Она пишет, что, еще не приняв монашеский обет, королева Радегунда выкупает пленников, раздает милостыню бедным, считая, что все, что она им отдаст, уже их собственностью и является (*«proprium credidit, quicquid de se pauper accepit»*) [2, s. 380].

Баудонивия представляет монастырь как крепость, главным защитником которой является Радегунда¹. Описание монастыря Святого Креста в Пуатье как «крепости», представленное Баудонивией, следует, вероятно, воспринимать шире. По мнению К. Митчелл, в «*Decem Libri Historiarum*» Григорий Турский передал историю бунта в монасты-

¹ Здесь мы благодарим А. Жирнову, автора неопубликованного доклада «*Radegund's Fortress: Trauma, Pacifism and the Construction of Sanctity in Two Lives of Saint Radegund*», в котором впервые прозвучала эта мысль.

ре Святого Креста и дальнейшее урегулирование конфликта в Пуатье как «изображение франкского мира в миниатюре» [25, р. 109], и в этом «изображенном» мире Радегунда олицетворяет королевскую власть. Баудонивия, возможно, вслед за Григорием Турским, создает образ Радегунды как главной защитницы не только монастыря, но и франкского королевства, или, по крайней мере, тех земель, которые окружали монастырь. Такой образ королевы, создавшей монастырь вокруг бесценной реликвии, обретенной ее усилиями, раскрывает определенные отношения, сложившиеся между властителями города Пуатье и королевской властью.

Власть и Церковь

Участие короля Сигиберта в истории обретения частиц Святого Креста [1, s. 464; 2, s. 388] позволяет поставить под сомнение определяющую роль Радегунды в этом важном событии. М. Руш в работе «*Le mariage et le célibat consacré de sainte Radegonde*» (1988) предполагает, что Радегунда могла первоначально обладать статусом лишь одной из наложниц короля Хлотаря [26], следовательно, она не обладала большим влиянием. В поздней Римской империи легитимность власти епископов определялась отношением императора к их обращениям [23, р. 5]. Прислушавшись к письму Радегунды об обретении частиц, Сигиберт признал ее легитимность в Пуатье и значительно способствовал росту ее авторитета, т.е. к моменту обретения частиц авторитет Радегунды в глазах общины уже был весьма значительным.

Предположение о том, что в конце VI века королевская власть была заинтересована в обретении контроля над Пуатье, не лишено оснований ведь в отношениях с нею город Пуатье обладал определенной самостоятельностью. Согласно Григорию Турскому, епископ Пуатье Маровой и жители города не поддерживали Гундовальда, который утверждал, что его притязания на трон поддерживают Радегунда из Пуатье и Ингентруда из Тура [1, s. 345]. Не поддержали они и Гунтрамна в его противостоянии с Гундовальдом [1, s. 344]. Во второй половине VI века короли из династии Меровингов проводят «осознанную политику», направленную на слияние Церкви и государства [27, с. 56, 64]. К концу VI века не только короли желали подчинить Церковь своей власти, но и галльская церковь уже не могла существовать без обеспечения королевской властью ее безопасности [28, р. 1227]. Если в период противостояния Гундовальда и Гунтрамна епископ города Пуатье Маровой вел себя вполне самостоятельно, то во время бунта монахинь [1, s. 460] он, как и дру-

гие епископы, полностью поддержал королевскую власть. Григорий Турский и Баудонивия, осознанно строящие культ Радегунды вокруг истории обретения святых реликвий, выражают несогласие с тем образом святой, который существовал до создания их сочинений. Как это зачастую случилось, новый культ оказался связан с историческим событием, о котором давно забыли [14, р. 38].

Характер отношений Церкви и королевской власти во второй половине VI века вполне позволяет объяснить различия между образами Радегунды, созданными Григорием Турским и Баудонивией, а сочинение Венанция Фортуната позволяет понять культ Радегунды вне отношений Церкви и светской власти. Фортунат рассказывает о королевской власти не только как о преграде на пути достижения Радегундой благочестия, как уже отмечалось выше, но и как о неотделимой части бытия. Радегунда, возможно, участвовала в истории обретения реликвий, но не это сделало ее святой в глазах современников, как иногда предполагается [29, р. 268]. Венанций Фортунат описывает иные чудесные деяния, через свершение которых Радегунда обретает свой, особенный авторитет.

Список источников и литературы

1. Gregorius Turonensis. Libri historiarum X / Ed. by B. Krusch, W. Levison // MGH. T. 1,1. Hannover, 1951.
2. De Vita S. Radegundis libri II / Ed. by B. Krusch // MGH. SRM. T. 2. Hannover, 1888.
3. *Garland L.* Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium AD527–1204. 2nd ed. New York, 2002. 364 p.
4. The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. 1228 p.
5. *Ostrogorsky G.* History of Byzantine state / Trans. by J. Hussey. 2nd ed. Oxford, 1968. 616 p.
6. *Савукова В.Д.* Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 321–350.
7. Gregory of Tours: Glory of the Martyrs / Trans. by R. Van Dam. Liverpool, 1988. 160 p.
8. *Heinzelmann M.* Die Funktion des Wunders in der spätantiken und frühmittelalterlichen Historiographie // Mirakel im Mittelalter: Konzeptionen, Erscheinungsformen, Deutungen. 2002. s. 23–61.
9. *Van Dam R.* Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul. Princeton, 1993. 372 p.
10. *Whatley E. G.* An Early Literary Quotation from the Inventio S. Crucis: A Note on Baudonivia's Vita Radegundis (BHL 7049) // Analecta Bollandiana. 1993. Vol. 111. p. 81–91.

11. *Aurell M.* L'historiographie ecclésiastique en Occident (IVe–XIIe siècles): Providence, type, exemple // Actes de colloque, Pontifica Universita della Santa Croce. Rome, 2008. p. 55–71.
12. *Deflou-Leca N.* Petite enquête sur un genre historiographique hybride: les Gesta abbatum // Rerum gestarum scriptor. Histoire et historiographie au Moyen Âge. Mélanges en l'honneur de M. Sot, M. Coumert, M–C. Isaïa, K. Krönert, S. Shimahara (dirs.). Paris, 2012. p. 353–362.
13. *Reydellet M.* Tours et Poitiers: les relations entre Grégoire de Tours et Fortunat // Grégoire de Tours et l'espace gaulois. Actes du congrès international (Tours, 3–5 novembre 1994). Tours: Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. p. 159–167.
14. *Delehaye H.* Loca Sanctorum // Analecta Bollandiana. Vol. XLVIII. 1930. P. 5–64.
15. *Geary P.J.* Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages. Princeton, 2011. 248 p.
16. *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ. М., 2004. 207 с.
17. *Philippart de Foy G.* L'édition médiévale des légendiers dans le cadre d'une hagiographie générale // P. 127–158. Hagiography and medieval literature: A Symposium: Proc. of the Fifth Intern. symp. organized by the Centre for the study of vernacular lit. in the Middle Ages, held at Odense univ. on 17–18 Nov., 1980 / Ed. by Hans Bekker-Nielsen et al. Odense: Odense univ. press, 1981. P. 127–158.
18. *Gregorii episcopi Turonensis libri octo Miraculorum* / Ed. by B. Krusch // MGH. SRM. T. 1–2. Hannover, 1885.
19. *Effros B.* Images of Sanctity: Contrasting Descriptions of Radegund by Venantius Fortunatus and Gregory of Tours // UCLA Historical Journal. 1990. Vol. 10. P. 38–58.
20. *Бикеева Н. Ю.* Minima omnium minimarum: Баудонивия — монахиня и агиограф эпохи меровингов // Адам & Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. А. Ю. Серegiной; отв. ред. А. В. Стогова. М.: ИВИ РАН, 2017. № 25. с. 288–305.
21. *Brennan B.* The Career of Venantius Fortunatus // Traditio. 1985. Vol. 41. p. 49–78.
22. *Шмараков Р. Л.* Фортунат // Фортунат Венанций. Избранные стихотворения. М., 2009. С. 5–31.
23. *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. London: Madison, 1992. 192 p.
24. *Brennan B.* St Radegund and the Early Development of Her Cult at Poitiers // Journal of Religious History. 1985. Vol. 13. p. 340–354.
25. *Mitchell K.* History and Christian Society in Sixth-Century Gaul: An Historiographical Analysis of Gregory of Tours' Decem libri historiarum. [Unpublished dissertation]. Lansing, 1983. 239 p.

26. *Rouche M.* Le mariage et le célibat consacré de sainte Radegonde [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/septentrion/55169> (дата обращения: 20.09.2022).
27. *Мажуга В.И.* Королевская власть и Церковь во Франкском государстве VI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 46–71.
28. *LeJean R.* La sacralité de la royauté mérovingienne // *Annales*. 2003. Vol. 58. P. 1217–1242.
29. *Hahn C.* Collector and saint: Queen Radegund and devotion to the relic of the True Cross // *Word & Image: A Journal of Verbal/Visual Enquiry*. 2012. Vol. 22(3). P. 268–274.

УДК: 94(363.2)

Сироткина А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: AnastasiaSir@yandex.ru

Англосаксонские королевы VI–VIII веков: социально-политический статус по данным актовых материалов и англосаксонских и англонормандских хроник

Аннотация. В настоящей статье по данным англосаксонских хроник и актовых материалов, а также некоторых более поздних англо-нормандских хроник прослеживается попытка воссоздания того, что из себя мог представлять социально-политический статус англосаксонской королевы VI–VIII веков, а именно положение королевы в правящей структуре англосаксов, совокупность ее возможных полномочий и прерогатив.

Ключевые слова: англосаксонские королевы, англосаксонская Англия, «Англосаксонская хроника».

Sirotkina A. A.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's Program, Student
E-mail: AnastasiaSir@yandex.ru

The Anglo-Saxon Queens of the 6th-8th Centuries: Social and Legal Status in Charters and Anglo-Saxon and Anglo-Norman Chronicles

Abstract. In this article there is an attempt, based on the Anglo-Saxon chronicles and documental materials, as well as some later Anglo-Norman chronicles, to recreate what the socio-political status of the Anglo-Saxon queen of the 6th-8th centuries could be, namely the position of the queen in the governmental structure of the Anglo-Saxons, the totality of her possible powers and prerogatives.

Keywords: Anglo-Saxon queens, Anglo-Saxon England, Anglo-Saxon Chronicle.

Средневековое английское государство привлекает внимание исследователей и сегодня. В последнее время к традиционно рассматриваемым аспектам истории англосаксов добавился вопрос о роли королев

в становлении и развитии государства. Исследователи-медиевисты в своих работах обращают больше внимания именно на королевских жен, поскольку их жизнь и деятельность, по сравнению с другими женщинами эпохи, лучше отражена в письменных источниках. Несмотря на подобный интерес, работ, обращающих внимание на феномен женской власти в раннесредневековом английском государстве, в отечественной историографии не так много.

Актуальность темы видится нами в возросшей популярности женской и гендерной истории, в том числе в современной отечественной медиевистике. Сегодня эти направления являются одними из самых молодых и динамично развивающихся исторических дисциплин, что во многом продиктовано социальными и интеллектуальными потребностями современности. Однако, несмотря на тенденции, обобщающие труды, рассматривающие различные аспекты жизни женщин в раннее Средневековье, по-прежнему немногочисленны. Это касается и англосаксонских королей. Между тем, обращать внимание на королевских жен необходимо, ведь без рассмотрения их вклада в историю средневекового государства мы не сможем до конца понять, что из себя представляли государственные институты того времени, в чем состояла суть раннесредневековой монархии.

В настоящей статье мы рассмотрим специфику отображения в англосаксонских и англо-нормандских хрониках, с привлечением актового материала, раннесредневековых англосаксонских королей VI–VIII веков. По всей совокупности материала мы постараемся воссоздать то, что мог представлять собой социально-политический статус королевы. В данном случае под социально-политическим статусом мы понимаем положение королевы в правящей структуре англосаксов, совокупность ее возможных полномочий и прерогатив, а также положение, занимаемое ею в обществе.

Отметим, что VI–VIII века в теме, которая в англоязычной литературе формулируется как «English Medieval Queenship», остаются наименее изученными. Причина этого — специфика источниковой базы, а именно ее недостаток, не позволяющий полностью воссоздать картину того, что представляла собой жизнь англосаксонской королевы.

В качестве основных источников мы обратимся к «Англосаксонской хронике» [1; 2; 3], а также трудам Уильяма Мальмсберийского [4; 5], Иоанна Вустерского [6; 7] и Генриха Хантингдонского [8; 9]. Несмотря на то, что указанные авторы англо-нормандского времени при воспроизведении событий VI–VIII веков опирались преимущественно на «Англосаксонскую хронику», все же прослеживается некоторая особая специфика в передаче ими этих сведений.

Также нами будут привлечены некоторые грамоты и хартии [10]. Отметим, что актовый материал в целом для VI–VIII веков не представляет собой обширного корпуса источников. Количество документов, по которым так или иначе прослеживается деятельность королевских жен, также немногочисленно.

Рассмотрим королев, следуя хронологическому порядку по рукописям «Англосаксонской хроники». Первая упоминаемая королева — Сексбург, супруга уэссекского короля Кенвалха. В предисловии к рукописи А, в которой перечисляются наследники первых прибывших на остров правителей англосаксов Кердика и его сына Кюнрика, правительницей называется Сексбург: «Кенвалх был сыном Кюнегильса; и после него Сексбург, его жена, правила год» [1, с. 44; 2, f. iiv]. Это сведение встречается и отдельно в записи от 672 года [1, с. 55]. В записях указано, что она, жена Кенвалха, управляла Уэссексом год после его смерти.

Последующие авторы и хронисты неоднозначно трактуют запись «Англосаксонской хроники». Генрих Хантингдонский кратко сообщает о годовом правлении Сексбург, не выражая каких-либо сомнений в достоверности сведений [8, с. 125; 9, р. 61]. Уильям Мальмсберийский также склонен доверять Англосаксонской хронике и эти события описывает следующим образом: «Через тридцать один год Кенвалх, умирая, завещал управление государством своей жене Сексбурге; не увел ее женский дух (*mulieri spiritus*) от исполнения обязанностей. Она набрала новые силы, и сохранила прежние; управляла своими подданными с умеренностью и внушала страх врагам; короче говоря, она вела все дела таким образом, что не было заметно никакой разницы, кроме ее пола. Однако дыша женским духом (*foemineos animos anhelantem*), она умерла, едва процарствовав год» [5, р. 45]. Приведенный отрывок ценен и тем, что непосредственно указывает на отношение автора к факту управления государством женщиной — хоть она и женщина, ослабляемая особым женским духом, но править достойно она могла.

Иоанн Вустерский приводит и сведения из «Англосаксонской хроники», и сведения из «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного, говоря о том, что первая сообщает о годовом правлении Сексбург (*Sexburh regina*), а Беда сообщает, что после смерти супруга она сразу же ушла в монастырь, а королевством в это время правили разделившие его сподвижники умершего короля [6, р. 23; 7, р. 30].

Некоторые же исследователи склоняются к тому, что Сексбург год после смерти Кенвалха могла выступать в качестве регента подрастающего сына [11, р. 13; 12, р. 35]. К сожалению, других записей, каким-ли-

бо образом разясняющих данные события, у нас не имеется. Однако отметим, что этот эпизод показывает нам возможность самостоятельного правления англосаксонской королевы в VII веке.

Следующая упоминаемая в «Англосаксонской хронике» королева — Острига, супруга мерсийского конунга Этельреда I. В записи от 675 г. она вместе с королем и епископами выступает в качестве свидетеля хартии от папы римского [2, f. 7v]. Подобное свидетельство — самое раннее упоминание в хрониках того, что королевская супруга могла подписывать и засвидетельствовать важные документы. Возможно, подпись королевы Остриги встречается на этом документе не случайно, ведь она активно способствовала укреплению христианства, о чем нам сообщает Беда Достопочтенный [13, p. 202–205]. Соответственно, она могла быть включена в дела, касающиеся распоряжков англосаксонской христианской Церкви. Этот эпизод демонстрирует нам роль королевы в качестве связующего звена между светской и духовной сферами жизни англосаксов. Ведь, с одной стороны, королевская жена представляет светский институт королевской власти, с другой стороны, она тесно связана с властью церковной.

В хрониках Генриха Хантингдонского и Уильяма Мальмсберийского встречается эпизод переноса по ее инициативе мощей короля Освальда в монастырь Бардни [8, с. 454; 5, p. 73–74]. Оба автора называют Остригу «*regina*». Следующее упоминание Остриги встречается в «Англосаксонской хронике» в записи от 697 г. Указывается, что она была убита представителями мерсийской знати [3, p. 30]. К тому же это единственное, что о ней упоминает Иоанн Вустерский, также называя ее «*regina*» [7, p. 45]. Исследователи придерживаются разных мнений относительно причин убийства королевы Остриги, что также вызвано отсутствием каких-либо прямых объяснений этому в хрониках. Исследовательница Э. Уильямс в качестве основной причины видит враждебность между мерсийцами и нортумбрийцами, которая не прекратилась после брака нортумбрийской принцессы Остриги и мерсийского короля Этельреда [14, p. 195]. Также, вероятно, к открытому столкновению, в результате которого погибла Острига, привела ее деятельность, в том числе и перенос останков ее дяди, нортумбрийского короля Освальда, к чему мерсийцы относились негативно [8, с. 454–455; 5, p. 73–74].

Д. П. Кирби предполагает, что убийство Остриги могло быть мстью за предполагаемую причастность ее сестры к убийству сына мерсийского короля Пенды Пеады [15, p. 127]. Е. Финберг считает, что Острига и ее родственник Ошир подозревались в попытке отделить маленькое королевство Хвикке от Мерсии [16, p. 176–177].

В итоге, все перечисленные возможные причины друг другу не противоречат, а лишь разворачивают и подкрепляют мысль о существовавших в конце VII века между Мерсией и Нортумбрией серьезных разногласий, жертвой которых и пала Острига.

Следующая упомянутая в «Англосаксонской хронике» королева — Этельбурга. Запись от 722 г. сообщает, что королева разрушила замок Таунтон, построенный ее супругом, королем Инэ [1, с. 58; 3, р. 31]. Цель разрушения замка — найти укрывавшегося там восставшего изгнанника Эльдбрита.

Генрих Хантингдонский указывает, как королева Этельбурга приступом взяла замок [8, с. 182], а Иоанн Вустерский использует выражение «*dictum penitus destruxit*» [6, р. 38; 7, р. 50], намекая на то, что замок был разрушен не непосредственно ею, как можно было понять из «Англосаксонской хроники», а только по ее приказу.

Описанный прецедент не позволяет сделать далеко идущие выводы относительно того, могла ли быть у англосаксонских королей собственная дружина для подобных свершений. Отметим, что подобное событие оказалось в хронике вероятно потому, что не являлось для англосаксов обыденным. Уильям Мальмсберийский дает довольно развернутую характеристику Этельбурги, не упоминая события 722 года, однако приводит описание и эпизод, отсутствующие в других хрониках:

«...королевой Ины была Этельбурга, женщина королевского происхождения и нрава, которая постоянно настаивала на необходимости оставлять земное, по крайней мере, под конец жизни, а король, постоянно откладывавший исполнение ее совета, в конце концов попытался преодолеть его хитростью. Ибо однажды, когда они пировали в загородном поместье с большим, чем обычно, разгулом и роскошью, на следующий день после их отъезда слуга, с ведома королевы, осквернил дворец всеми возможными способами, как экскрементами скота, так и кучами нечистот; наконец, он положил свиноматку, которая только что опоросилась, на ту же самую кровать, где они лежали. Едва они прошли мимо, как она обрушилась на мужа с самыми нежными супружескими ласками, умоляя их немедленно вернуться туда, откуда они ушли, говоря, что его отказ будет сопряжен с опасными последствиями. Когда ее просьба была удовлетворена, царь изумился, увидев место, которое еще вчера могло соперничать с ассирийской роскошью, а теперь стало чудовищно отвратительным и пустынным. Воспользовавшись случаем и приятно улыбнувшись, она сказала: «Мой благородный супруг, где же вчерашнее веселье? Где гобелены, пропитанные сидонскими красками? Где непрестанная наглость тунеядцев? Где скульп-

птурные сосуды, заваливающие столы своим золотым весом? Где те деликатесы, которые так усердно ищут на море и на суше, чтобы побаловать аппетит? Разве все это не дым и пар? Разве они не все погибли? Горе тем, кто привязывается к такому, ибо они подобным же образом истребятся <...>

Наконец этим поразительным примером она завоевала у мужа те чувства, которых она тщетно годами добивалась. Ибо после его триумфальной добычи на войне; после многих последовательных степеней добродетели он стремился к высшему совершенству и отправился в Рим <...>. Его королева, виновница этого благородного поступка, не покинула его; но как раньше она подстрекала его к этому, так и впоследствии она постоянно заботилась о том, чтобы успокоить его печали своими разговорами, ободрить его, когда он колебался, своим примером; короче говоря, не упускать ничего, что могло бы способствовать его спасению. Так объединившись во взаимной привязанности, в свое время они пошли общим путем всего человечества. Это сопровождалось, как мы слышали, исключительными чудесами, такими, какими Бог часто соизволит одарить добродетели счастливых пар» [4, р. 36–37].

Следующая упоминаемая в «Англосаксонской хронике» королевская супруга — Фритогита, жена уэссекского короля Этеларда. В записи от 737 г. упоминается, что королева отправилась с епископом Фортхере с посольством к папе римскому [1, с. 58; 3, р. 33]. Уильям Мальмсберийский не упоминает это событие.

Генрих Хантингдонский передает этот эпизод так: *«На 10-м году короля Этельхарда архиепископ Нотельм получил паллий от папы. Вскоре после этого епископ Фортхере и королева Фредегида, оставив богатые владения и роскошь, отправились в Рим. Ибо в то время многие из народа англов, знатные и незнатные, клирики и миряне, мужчины и женщины, поступали так же»* [8, с. 188]. В схожем ключе его пересказывает и Иоанн Вустерский: *«оттуда епископ Шерборнский и Фритогит, королева западных саксов, отправились паломниками в Рим»* [7, р. 54].

Подобные расхождения в описании этого события не позволяют однозначно сказать, была ли поездка в Рим в 737 г. посольской миссией или обычным паломничеством. Вероятно, поездка могла совмещать обе эти цели. Отметим, что подобный состав посольской миссии может свидетельствовать о том, что королева была важным участником отношений Рима и англосаксонских церквей. Об этом говорит и папа Бонифаций в своем письме Этельбурге [13, р. 140–142].

Другие важные сведения о социально-политическом статусе королевы VI–VIII веков также могут быть получены из дарственных грамот.

Просматривая хартии мерсийских королей, можно отметить, что местные королевы обладали высоким статусом и играли существенную роль в управлении, поскольку их подписи на документах встречаются регулярно. Королевой, что оставила после себя значительное количество заверенных документов, была Кинетрита, супруга мерсийского правителя Оффы. В документах она фигурирует как «*regina*» [10, s 120, 127] (здесь и далее «s» означает номер грамоты в соответствии с классификацией Питера Сойера и «*regina Merciorum*» [10, s 116, 117, 118]).

Кинетрита — единственная англосаксонская королева, чей портрет был запечатлен на монетах (Рис. 1). Эти монеты свидетельствуют о небывалых имперских амбициях ее супруга, короля Оффы. Мы можем увидеть достаточное количество подтверждений тому, что он желал сделать Мерсию настоящей империей, не уступающей величием империи Римской.

Так, Оффа отличился активной завоевательной политикой. Благодаря многочисленным военным походам этот конунг присоединил к Мерсии соседние области Хвикке, Магонсет и Линсей [17, p. 208–209]. Также он подчинил своему влиянию восточных саксов и королевство Кент. В итоге при Оффе Мерсия стала главной на острове. Распространяя свое влияние, он связал свой род брачными узами с правителями других англосаксонских королевств: его дочери Эадбурга и Эльфледа стали женами королей Уэссекса и Нортумбрии [4, p. 84]. Вероятно, Оффа стремился к тому, чтобы в будущем вся англосаксонская часть острова оказалась под контролем мерсийской династии. Для того, чтобы закрепить гегемонию на острове, Оффе было необходимо обеспечить своим преемникам несомненное право в вопросе престолонаследия. Для этого он заключил брак с Кинетритой — представительницей одной из самых старых и благородных мерсийских семей [18, p. 36]. Хотя точное происхождение Кинетриты не установлено, однако исследователи полагают, что она могла происходить из одной из ветвей династии мерсийского короля первой половины VII века Пенды [18, p. 36].

Отметим, что исходя из папского наказа англосаксонским королям от 786 г., наследником престола объявлялся лишь тот, кто был рожден в законном христианском браке [19, p. 893–894]. Вероятно, в англосаксонских королевствах остро стояла проблема вопроса престолонаследия из-за наличия большого количества претендентов, изъявлявших свое желание править. Таким образом, у королей появилась потребность укрепить собственное положение, а также упрочить и положение своих наследников путем заключения брака с более знатными по происхо-

ждению невестами. Один из самых ярких примеров — женитьба короля Уэссекса Этельвульфа на дочери франкского правителя Карла Лысого Юдифи в IX веке [20, с. 165]. Соответственно, брак со знатной христианкой приводил к рождению наследников, имевших больше, по сравнению с остальными, прав на престол, что позволяло укрепить положение всей династии в целом.

Ради того, чтобы упрочить положение своего единственного наследника Эгкфрита, Оффа шел на крайние меры, вплоть до физического устранения возможных конкурентов [17, р. 210]. Также, по инициативе Оффы, Эгкфрит стал первым англосаксонским правителем, коронованным по христианскому обряду [17, р. 218]. Подобные меры были не случайны, ведь Оффа в свое время сам добыл власть силой, и поэтому прибегал к любым средствам, чтобы сохранить мерсийский престол за своей династией.

Как уже указывалось, монеты с барельефом Кинетриты — также свидетельство имперских амбиций Оффы. Возможно, король таким образом хотел показать благородство своей семьи, чья история уходит в глубь веков, и Кинетрита, как представительница древнейшего мерсийского рода, — отражение благородства и почетного возраста династии. Возможно, Оффа пожелал чеканить монеты с барельефом собственной супруги в подражание римским императорам, что выпускали монеты в честь жен, как, например, это делал император Август (на монетах которого была изображена его жена Ливия).

Исследователи отмечают, что императорские амбиции Оффы благотворно влияли на статус и положение его супруги Кинетриты. Так, ее подписи на королевских грамотах, дарующих земли церквям и монастырям, носили регулярный характер [10, s 116, 117, 118, 120, 121, 122, 124, 125, 127 etc.]. Ее влияние и роль при дворе позволяли ей оставаться достаточно деятельной и во время непродолжительного правления сына Эгкфрита. В грамотах от 796 года Кинетрита также именуется «*regina*» [10, s 150, 151].

Действия Оффы повлияли и на положение его дочерей, ведь они также участвовали в заверении грамот [10, s 127, 129].

Отметим, что в случае мерсийского королевства традиции, заложенные Оффой и Кинетритой, оставались актуальными и имели силу и в IX веке при их последователях. Мерсийские королевы продолжали играть важную роль в жизни королевства, они были свидетелями и заверителями грамот. Королев Уэссекса ждала иная участь — на протяжении IX — первой половины X вв. их подписи на грамотах были скорей еди-

ничными и исключительными, чем регулярными, а имен многих королевских жен, в том числе супруги короля Альфреда Великого, мы не знаем вовсе.

Подводя итоги, заметим, что имеющиеся у нас сведения об англосаксонских королевах VI–VIII довольно немногочисленные, однако мы можем составить некоторое представление о том, что из себя мог представлять их социально-политический статус.

Упомянутые англосаксонские королевы VI–VIII веков — достаточно активные и властные. Некоторые из них даже могли быть полноправными и единственными правителями своих земель, как, например, уэссекская Сексбург. Изредка королевы были способны и на такие, по всей видимости, непривычные для англосаксов поступки, как разрушение целого замка.

По данным хроник и актовых материалов прослеживается, что королевы выступали в качестве активных покровительниц церквей и монастырей, которых они вместе с королем регулярно одаривали землей. Также королева, по всей видимости, могла выступать связующим звеном в отношениях между королем и папской курией.

Несомненно, самой заметной королевой в истории англосаксов VI–VIII веков можно считать Кинетриту, супругу мерсийского короля Оффы. Его стремление построить собственную империю во многом повлияло на положение его супруги и дочерей. Кинетрита не только оставила после себя значительное количество заверенного ею актового материала, но также смогла попасть в историю благодаря супругу, который запечатлел ее на монетах.

Отметим, что хронисты в основном не прибегали к каким-либо специальным терминам для обозначения королевской жены. Так, в латинских текстах королевы обозначались как «*uxor*» и «*regina*». В древнеанглийском тексте «Англосаксонской хроники» употреблялось слово «*swen*» — многозначный термин, обозначающий и женщину в общем, и жену, и королеву [21].

Таким образом, важность и влияние королевской супруги при дворе зависели по большей части от стечения обстоятельств и сложившейся обстановки. Так, например, самая известная королева эпохи Кинетрита стала таковой благодаря деятельности своего мужа. Возможный случай единичного правления Сексбург мог быть связан с тем, что основную силу при дворе на тот момент составляли ее сильные и могущественные сторонники. Важную роль в отношениях Рима и двора королева могла играть, в том числе, благодаря поддержке набравших могущество кли-

риков. Конечно, не будем отменять того факта, что встретившиеся нам в хрониках королевы были амбициозными. В нашем случае высказанные предположения останутся таковыми в связи с фрагментарностью источниковой базы.

Список источников и литературы

1. Англосаксонская хроника / Пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. СПб: Евразия, 2010. 288 с.
2. Anglo-Saxon Chronicle // Cambridge, Corpus Christi College, MS173: The Parker Chronicle. F. iiv-35v [Электронный ресурс]. URL: <https://parker.stanford.edu/parker/catalog/wp146tq7625> (дата обращения: 19.10.2022).
3. The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. and trans. by J.A. Giles. London: Bell and Sons, 1914. 215 p.
4. William of Malmesbury's Chronicle of the kings of England. From the earliest period to the reign of King Stephen / Ed. by J. Sharpe, J.A. Giles. London: G. Bell, 1904. 602 p.
5. Willelmi Malmesbiriensis Monachi Gesta Regum Anglorum. Vol. 1. London: Sumptibus Societatis, 1840. 430 p.
6. The Chronicle of Florence of Worcester: With the Two Continuations; Comprising Annals of English History, from the Departure of the Romans to the Reign of Edward I / Ed. and trans. by T. Forester. London: H. G. Bohn, 1854. 512 p.
7. Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon ex chronicis. Vol. 1. London: Sumptibus Societatis, 1848. 334 p.
8. *Генрих Хантингдонский*. История Англов / Пер. с лат., вст. статья, прим., библиогр. и указат. С.Г. Мереминского. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 608 с.
9. Henrici archidiaconi huntendunensis Historia Anglorum: The history of the English. London: Longman, 1879. 358 p.
10. The Electronic Sawyer. Online Catalogue of Anglo-Saxon Charters. [Электронный ресурс]. URL: <https://esawyer.lib.cam.ac.uk> (дата обращения: 23.10.2022).
11. *Miller M. D.* Motherhood and mothering in Anglo-Saxon England. New York: Palgrave Macmillan US, 2000. 175 p.
12. *Earenfight T.* Queenship in Medieval Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013. 356 p.
13. The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England. Also The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. by J.A. Giles. London, 1847. 515 p.
14. A Biographical Dictionary of Dark Age Britain / Ed. by A. Williams. Seaby, 1991. 235 p.
15. *Kirby D.* The Earliest English Kings. London: Routledge, 2000. 274 p.
16. *Finberg H.* The Early Charters of the West Midlands. Leicester University Press, 1961. 256 p.
17. *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford: Clarendon Press, 1971. 765 p.

18. *Stafford P.* Political women in Mercia, eighth to early tenth centuries // In *Mercia. An Anglo-Saxon kingdom in Europe* / Ed. by M. P. Brown, C. A. Farr. London: Leicester University Press, 2001. P. 35–49.
19. *English historical documents c. 500–1042* / Ed. by D. Whitelock. New York: Oxford University Press, 1955. 1053 p.
20. *Болдырева И. И.* Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX — сер. XI вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / И. И. Болдырева. Воронеж, 2009. 227 с.
21. *Cwén* // *Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://bosworthtoller.com/6935> (дата обращения: 19.10.2022).

Рис. 1. Серебряный пенни с изображением королевы Кинетриты.
Источник: The British Museum collection [Электронный ресурс]. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_E-5752 (дата обращения: 19.10.2022).

УДК 94

Прокопенко Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st087446@student.spbu.ru

О королевских гейсах в саге «Разрушение дома Да Дерга»

Аннотация. Статья посвящена королевским гейсам, или табу, представленным в саге «Разрушение дома Да Дерга». В статье анализируется заложенный в них смысл и рассматриваются различные интерпретации представленных в саге персонажей и событий, связанных с ними.

Ключевые слова: ирландская сага, Конайре Мор, ирландские верховные короли, гейсы.

Prokopenko E. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st087446@student.spbu.ru

About Geasa of the High King from the Saga “Destruction of Da Derga’s Hostel”

Abstract. The article is devoted to geasa, or taboo, of the high king, as they were depicted in the mentioned composition. The article analyses their inherent meaning and examines different interpretations of characters and events related to them depicted in saga.

Keywords: Irish saga, Conaire Mor, Irish high kings, geasa.

«Разрушение дома Да Дерга» (ирл. «Togail Bruidne Da Derga») было написано в начале среднеирландского периода (X–XI вв.) и основано в значительной степени на древнеирландском материале [1, p. 1]. Сага повествует о восхождении на престол и крахе легендарного ирландского короля Конайре Мор, или Конайре Великого, жившего в I в. до н. э. С помощью силы загадочных персонажей из потустороннего мира Конайре стал верховным королем и начал править в Таре. Взамен за оказанную услугу Конайре обязался соблюдать гейсы — сакральные запреты, которые ему озвучили при восшествии на престол. С началом его правления в Ирландии наступили мир и изобилие, однако длились они недолго. Конец

Конайре предопределил его несправедливый суд по отношению к своим молочным братьям, занимавшимся разбоем. Силы потустороннего мира стали преследовать Конайре, вынуждая его нарушать свои гейсы один за другим, вплоть до его мучительной смерти, в которой были замешаны его молочные братья, в доме Да Дерга. И он, и они знали о концовке, ожидающей их, но предотвратить катастрофу было невозможно.

Центральным концептом этой саги являются королевские гейсы — запреты короля, связанные с представлениями о сакральности его фигуры. На материале саги можно рассмотреть их детальнее. Британский исследователь Т. М. Чарльз-Эдвардс задает четыре вопроса, помогающие понять суть гейса, и находит на них ответ в тексте произведения. Эти вопросы звучат так: «Кто имеет право налагать такие запреты [гейсы]? Какова форма такого запрета и как он описывается? Каково может быть содержание запрета? Какое наказание дает силу такому запрету?» [2, р. 45]. Чтобы на них ответить, необходимо подробнее ознакомиться с содержанием саги.

«Разрушение дома Да Дерга» начинается с рассказа о матери Конайре, Месс Буахалле. Ее отец, король Кормак, пожелал ее смерти после того, как оставил ее мать и женился на Этайн, однако девочка была спасена и воспитана пастухами. Однажды ее увидели люди короля Этерскела и решили «добыть» ее для короля, который до той поры был бесплоден. За день до того, как стать женой короля, она зачала сына от птичечеловека, который предрек ей, что она родит сына, имя которому — Конайре, и он никогда не должен будет убивать птиц. Конайре считался сыном короля и воспитывался вместе с тремя правнуками Дон Дессы, которые стали для него братьями. Когда же король Этерскел умер, был устроен праздник быка. В то время Конайре удалился от своих братьев и начал охотиться на необыкновенных птиц. Но когда он занес копьё, они стали людьми, и их предводитель, Немглан, поведал ему о том, что они приходят ему родней, так как отец Конайре был из их племени. Далее они научили его отправиться в Тару в обнаженном виде и с камнем в праще. По дороге Конайре дали одежду три короля, и он стал королем Тары, потому что было предсказано, что будущий король будет явлен именно в таком виде.

Уже в этом эпизоде начинают проясняться ответы на поставленные вопросы. Мы видим, что истинным источником гейса был отец Конайре — именно он налагает первый гейс на сына, а Немглан в этом случае является привилегированным посредником [2, р. 45]. С помощью потусторонних сил, представителями которых является народ птиц, Конай-

ре стал королем Тары. Фактически это представляло собой своего рода сделку с потусторонним миром [2, р. 50]. На инаугурации Конайре получает уже целую партию запретов от «воина на морской волне», то есть Немглана, который говорит: «Будут запреты лежать на правлении твоём, но благородна власть птиц» [3, с. 105]. То есть Немглан прямо озвучивает, что власть Конайре — это власть подвластного Немглану народа, и, следовательно, его самого. Таким образом, Конайре попадает в зависимое положение [1, р. 60]. Запреты, наложенные на него, перечислены ниже.

«Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару справа налево.

Нельзя убивать тебе диких зверей Керны.

Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары.

Нельзя тебе проводить ночь в таком доме, откуда наружу виднелся бы огонь или свет был замечен оттуда.

Три Красных не должны пред тобой идти к дому Красного.

Не должен случиться грабеж при правлении твоём.

Да не войдут в твоё жилище после захода солнца одинокий мужчина или

женщина.

Не должно тебе решать спор двух рабов» [3, с. 105].

Здесь стоит обсудить второй поставленный исследователем Т. Чарльзом-Эдвардсом вопрос о форме и описании гейса. Отчасти он пересекается с проблематикой употребления и распространения самого термина «гейс». В списке запретов в «Разрушении...» «гейс» употребляется в трех различных синтаксических конструкциях [2, р. 56]. Примечательно, что не филид, а сам Конайре оглашает свои запреты на инаугурации, что могло толковаться как довольно самонадеянное поведение. Вопрос, было ли это незначительным сюжетным отклонением или же намеком на неоднозначность правления Конайре, остается открытым [2, р. 47].

Теперь можно обратиться к третьему вопросу, касательно содержания гейсов. Гейсы, приведенные в «Разрушении дома Да Дерга», можно разделить на две группы. К первой относятся формальные гейсы любого короля Тары (можно заметить, что некоторые гейсы действительно пересекаются с запретами из «Книги Прав»), ко второй — гейсы, происходящие из личной истории Конайре [2, р. 49]. Гейсы из второй группы значительно проще для толкования. Так, запрет на убийство диких зверей

Керны, судя по всему, связан с общим запретом Конайре убивать птиц [2, р. 52]. Гейс про «трех красных» — фактически гейс, связанный с сыновьями Дон Десса: генеалогические свидетельства ассоциируют именно их с «красными псами», или «красными войнами» Лейнстера. Королем Лейнстера был убит отец Конайре, за что тот не преминул отомстить. Запрет разрешать спор двух рабов и связанный с ним запрет вообще вмешиваться, пока его не позовут, связан с королевским рангом. Но, помимо этого, это еще связано и с матерью Конайре, которая была воспитана рабами [2, р. 49]. Прочие гейсы не имеют выраженной привязки к личной истории Конайре.

Отдельно следует разобрать гейс, с нарушения которого все началось, и обстоятельства, фактически предопределившие его нарушение — «Не должен случиться грабеж при правлении твоём». Этот гейс был особо опасен для Конайре, так как его молочные братья, которых он так любил, были разбойниками. В связи с этим возникает гипотеза, что, давая Конайре этот запрет, птицелюди знали, что он непременно будет нарушен, хотя ничего определенного о природе этого гейса сказать нельзя. Вина в развернувшейся трагедии большей частью лежит на них: зная о запрете, лежащем на их брате, они решили ежегодно совершать грабежи, чтобы посмотреть, что же произойдет дальше [1, р. 84]. До Конайре дошли жалобы на них, и его суд оказался несправедлив: он лишь выслал их на Британские острова, чтобы они продолжали заниматься разбоем там, в то время как другим приписывалось за то же преступление куда более суровое наказание. Вдобавок к этому он пошел решать спор двух Корпре, где были два его молочных брата, хоть никто его туда не звал. После (видимо, по условиям мира) он провел по пять ночей у каждого из воинов — таким образом, был нарушен третий запрет, воспрещавший королю покидать Тару каждую девятую ночь.

Этого хватило, чтобы окончательно разрушить благо и процветание, в котором пребывала его страна. Возвращаясь в Тару, король увидел *«разрушения на юге и севере, на востоке и на западе»* [3, с. 105].

До сего момента нарушение всех гейсов было связано с внутренней дилеммой короля, теперь же от него мало что зависело, и все последующие гейсы были нарушены непреднамеренно, как бы по воле провидения и потустороннего мира, с которым Конайре заключил и впоследствии нарушил своего рода контракт. Так, люди короля решили искать спасения на северо-востоке, из-за чего пришлось обходить Брегу слева направо, а Тару справа налево. Потом они устроили охоту на зверей Керны, и никто не осознал, что они совершили. Это усугубило и без того трагиче-

ское положение: демоны окутали мир туманом. Конайре решил искать временного убежища у Да Дерга, лейнстерца, с которым у него были дружественные отношения, и по пути нарушил оставшиеся три гейса, не в силах противостоять полупризрачным персонажам, окружавшим его с этого момента. По дороге Конайре увидел впереди себя трех красных всадников и понял, что может нарушить еще один свой гейс, ведь «Дерга» в переводе с ирландского означает «красный». Конайре не мог догнать их, как ни пытался, и тогда послал своего слугу, чтобы тот переговорил с ними. Однако они не пропустили Конайре вперед, а лишь произнесли неразборчивое пророчество о разрушении, трудное для понимания [4, р. 78]. Эти всадники были людьми из сидов — персонажами из потустороннего мира, которые, согласно ирландской традиции, враждебны всем ныне живущим. На их принадлежность к миру иному указывает также их изображение как всадников: хоть в Ирландии и была известна верховая езда, в литературе на конях часто изображали персонажей, связанных с потусторонним миром, не являвшихся простыми людьми [1, р. 77]. Далее его приветствует *«одноногий, однорукий <...> одноглазый человек с черными волосами»* [3, с. 108] и настаивает, чтобы он провел ночь в доме его и его жены. Показательная «непарность» в его описании также является намеком на его связь с призрачным демоническим миром. Аналогичным образом, как правило, описывались фоморы — демоноподобные захватчики Ирландии, известные из «Книги захватов Ирландии» [5]. Конайре вынужден согласиться, вследствие чего нарушается, как пишет сам автор, еще один гейс. Наконец Конайре добирается до дома Да Дерга, где нарушается его восьмой гейс: одинокая провидица просит дать ей приют на ночь и не хочет уступать даже за вознаграждение, предложенное Конайре. Ее внешность, как и внешность предыдущих персонажей, описана как устрашающая и уродливая. Она предсказала, что Конайре умрет, если его не спасут птицы. В этом эпизоде содержится ответ на четвертый вопрос, поставленный Т. Чарльзом-Эдвардсом, касательно силы и наказания, обеспечивающих действие «механизма» табу. Мы уже говорили, что Конайре пришел к власти и сохранял свою страну в процветании с помощью птицелюдей, представителей потустороннего мира. Как мы видим, они же лишили его дарованной власти и привели к гибели.

Теперь стоит обратиться к молочным братьям Конайре: его несправедный суд на время спас их, но и они навлекли на себя гибель. В Британии, куда их отправил король, они встретили разбойника Ингкела Одноглазого, который был сыном короля Британии. Они заключили с ним

союз: он разрешает им совершить грабеж на своей родине и забрать себе все, что они захотят, но взамен требует, чтобы братья разрешили сделать ему то же самое в их стране. Они согласились на эту сделку. В Британии они вместе убили его родителей и семерых братьев, затем отправились в Ирландию, чтобы отплатить за услугу.

Этот эпизод, и личность Ингкела в особенности, нуждаются в комментарии. Он довольно интересно представлен: эпизод его встречи с сыновьями Дон Деса составитель повторяет дважды, при этом в первый раз его внешность вообще никак не описывается, во второй же раз он описан как «грубый и ужасный». Это в совокупности с его одноглазостью намекает, как и в случае с призраками, с которыми пришлось столкнуться Конайре, на его демоническую натуру [1, р. 88]. Вдобавок встречается он с сыновьями Дон Деса не где-нибудь, а в открытом море, среди стихии, воспринимавшейся кельтами враждебной по отношению к ним [5]. Демонизированный таким образом сын британского короля выступает как сторона сделки, которую с ним заключили братья. Нужно сказать, что сделка эта была непростая: они вошли с ним в диберг. Диберг (ирл. *diberg*) — это особый социальный институт, существовавший в Ирландии с весьма ранних времен, таким термином обозначались общины мужчин, совместно живших за рамками каких-либо обществ [1, р. 89]. Узы, связывавшие людей внутри этой общины, считались практически нерушимыми, приравненными к братству. В средневековой ирландской литературе, в том числе и в рассматриваемом «Разрушении...», этот институт часто ассоциирован с варварством и разбоем. Происхождение этого образа, как правило, связывают с борьбой церковных служителей с дибергом как языческим пережитком. Дибергу приписываются самые страшные преступления, а узы, скрепляющие его, связывают с самим сатаной [1, р. 82]. Таким образом, в контексте произведения выходит, что, подобно тому, как Конайре заключил союз с потусторонним, враждебным людям, миром птицелюдей, его молочные братья вступили в нерушимую сделку с Ингкелом, также представляющим собой некое демоническое начало. Далее они были вынуждены соглашаться на любые условия. Когда они приплыли в Ирландию, его заинтересовал дом Да Дерга как цель рейда: услышав от сыновей Дон Деса, что там находится Конайре (они узнали об этом по особому огню, который он разжег внутри дома так, что это было видно снаружи), его решение лишь утвердилось. Он решил выведать, кто именно находится в доме, и отправился в одиночку туда, подсмотреть своим одним глазом, наделенным волшебным зрением. Когда он вернулся, последовательно описал всех собравшихся в доме (Конайре

и его людей), а сыновья Дон Деса объясняли ему, кто есть кто и кому как предназначено погибнуть (и лишь немногим — спастись), и многократно выражали свое отчаяние, но Ингкел оставался непреклонен. Дом несколько раз поджигался и осаждался, однако Конайре с оружием в руках убивал сотни воинов и спасал дом от огня. Ингкел одолел Конайре с помощью друидов, наславших на него магическую жажду, когда воды уже не осталось. Конайре отправил за водой своего «названного брата» Мак Кехта, но тот не поспел вовремя, ибо воду найти оказалось довольно тяжело, он принес ее, когда Конайре уже отрубили голову и чуть было ее не унесли. После разрушения дома Да Дерга Ингкел вернулся в свою страну и стал там королем. Сага кончается описанием ранений, полученных одним из людей Конайре во время попытки его защитить.

Еще один момент, который требует освещения, это сам дом Да Дерга. По всей видимости, в древности этот дом реально существовал; во всяком случае, во вступлении к «Повести о кабане Мак Дато» он упоминается как один из пяти главных ирландских бруйденов [6, р. 95] — заведений, предоставлявших постояльцам ночлег, еду и питье, сравнимых с трактирами. Компилятор локализирует его в Куали, на реке Доддер или Стакеллен [7, р. 37]. В честь него назван парк Боернабрина в Дублине [8, р. 75]. Однако в контексте произведения исследователи предлагают рассматривать его скорее как локализацию потустороннего мира, который и привел Конайре в это место [8, р. 75]. Примечательно, что «Разрушение дома Да Дерга» — не единственное произведение, описывающее, как гостеприимство хозяина бруйдена обернулось катастрофой для правителя, в ирландской литературе этот мотив встречается неоднократно [6, р. 93].

На основании проделанного анализа можно заключить, что «Разрушение дома Да Дерга» является действительно концептуальным произведением. Остается вопрос относительно истоков концептов, представленных в нем. Выдвигалась гипотеза о том, что этот литературный памятник дошел до нас из языческого времени в практически неизменном состоянии [1, р. 84]. Действительно, многие образы в произведении и даже сами описания персонажей несут в себе отсылку к языческим временам. Однако этот аргумент нельзя в данном случае назвать решающим: посыл произведения, его идеологическая подоплека далеко отстоит от языческого мировоззрения. Демонизация диберга, с которым в раннее Средневековье активно боролась Церковь, указывает на то, что у компилятора отношение к описанному совпадает с тем, которое привнесла христианская доктрина. Более того, главная трагедия произведения — выбор человека между личными узами и долгом — известна нам еще из антич-

ной литературы и драматургии [1, р. 86]. Это не дает нам права говорить о том, что сюжет не является подлинным и представляет собой лишь переложение дошедших до Ирландии античных легенд, однако переосмысление этого сюжета как последствия сделки с дьяволом вне христианского контекста представляется едва ли возможным. Тем не менее, можно предположить, что в отношении гейсов, да и вообще представления о короле-герое, очевидно, существенные правки в текст не вносились.

Таким образом, из «Разрушения дома Да Дерга» мы можем получить довольно развернутые представления о гейсах: право их наложения изначально принадлежало родственникам «субъекта» гейса, и сами они, как правило, связаны были с представлениями о родстве и тотеме — тем, что в древности являлось сферой сакрального. Но помимо гейсов, связанных с личной судьбой героя, в них могли вкладываться общие предписания, связанные с дурными приметами или инцидентами, о которых нам ничего не известно. Наказанием за нарушение королевских гейсов является утрата благополучия в стране, лишение королевской власти и следующая за этим смерть.

Список источников и литературы

1. *O'Connor R.* The Destruction of Da Derga's Hostel: Kingship and Narrative Artistry in a Mediaeval Irish Saga. Oxford, 2013. 399 p.
2. *Charles-Edwards T. M.* Geis, Prophecy, omen and oath // *Celtica*. 1999. Vol. 23. P. 38–59.
3. Разрушение дома Да Дерга / Пер. С. Шкунаева // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 102–128.
4. *Togail Bruidne Da Derga* / Ed. by E. Knott // *Medieval and Modern Irish series*. Vol. VIII. Dublin, 1936. 155 p.
5. *Рус А., Рус Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе [Электронный ресурс]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/ris-nasledie-keltov/index.htm> (дата обращения: 20.04.2022).
6. *Sayers W.* Mesocosm and the Organization of Interior Space in Early Ireland // *Traditio*. 2015. Vol. 70. P. 75–110.
7. *Hamaltún G.* Where was Bruiden Dá Derga? // *Ériu*. 1907. Vol. 3. P. 36–41.
8. *Ó Cathasaigh T.* Between God and Man: The Herò of Irish Tradition // *The Crane Bag*. 1978. Vol. 2. Issue 1. P. 72–79.

УДК 94(44) 11

Мастяева И. Н.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Школа исторических наук
факультета гуманитарных наук, приглашенный преподаватель
E-mail: mastyaeva.irina@yandex.ru; imastyaeva@hse.ru

Новициат в Клуни во второй половине XI в. (по «Ordo cluniacensis» Бернарда Клунийского)

Аннотация. На рубеже XI–XII вв. возрастает число взрослых новициев в западноевропейских монастырях. Не стало исключением и могущественное бургундское аббатство Клуни, переживавшее в это время период расцвета. Одним из основных источников изучения ранней истории новициата являются монастырские обычаи, *consuetudines*. На протяжении XI в. обычаи Клуни записывались четыре раза. «Ordo cluniacensis» Бернарда Клунийского — один из таких текстов, но его отличительная черта состоит в том, что в этот раз обычаи Клуни были записаны специально для новициев, поскольку непривычные к жизни в обители новиции нуждались в обучении. Анализ разделов «Ordo cluniacensis», посвященных непосредственно приему и наставлению новициев, позволяет выделить основные черты отношения к новициям в Клуни второй половины XI в.: их низкий статус в административной иерархии аббатства, роль потенциального «нарушителя спокойствия» из-за отсутствия опыта монастырской жизни и практика обучения новициев через контроль за телом.

Ключевые слова: Бернад Клунийский, Клуни, новициат, *consuetudines*.

Mastyaeva I. N.

National Research University “Higher School of Economics”,
The School of History at the Faculty of Humanities, Visiting Lecturer
E-mail: mastyaeva.irina@yandex.ru; imastyaeva@hse.ru

Novitiate in Cluny in the Second Half of the 11th Century (According to the “Ordo Cluniacensis” by Bernard of Cluny)

Abstract. At the turn of the 11th-12th centuries the number of adult novices in Western European monasteries is increasing. The powerful Burgundian abbey of Cluny, which was at its prime at the time, was no exception. One of the main sources for studying the early history of the novitiate is monastic customs, *consuetudines*. During the 11th century Cluny’s customs were recorded four times. The “Ordo cluniacensis” by Bernard of Cluny is one of these texts, but its distin-

guishing feature is that this time the Cluny customs were written down specifically for the novices, since, unaccustomed to life in the monastery, they needed to be taught. An analysis of the sections of the “Ordo cluniacensis” devoted directly to the reception and instruction of novices allows to highlight the main features of the attitude towards novices in Cluny in the second half of the 11th century: their low status in the administrative hierarchy of the abbey, the role of a potential “troublemaker” due to the lack of experience in monastic life and the practice of training novices through body control.

Keywords: Bernard of Cluny, Cluny, noviciate, consuetudines.

Рубеж XI–XII вв. — один из ключевых периодов в истории западноевропейского Средневековья. Это время ключиной и григорианской реформ, первого крестового похода, роста городов и рождения схоластики. Средневековое монашество находилось в самом сердце этих изменений, трансформируясь изнутри и испытывая влияние внешних факторов. Одним из существенных изменений, произошедших в жизни монашеских общин в конце XII в., стал рост числа взрослых новициев. Практика приема в монастырь детей (*oblats, nutriti*), наоборот, начала постепенно уходить в прошлое. Создатели новых монашеских орденов (цистерцианцы, премонстранты, картузианцы) и общины регулярных каноников изначально старались отказаться от присутствия детей в монастыре [1, р. 8]. Одной из причин такого выбора стало стремление избавить монастыри от светского влияния: как пишет ключинойский монах Ульрих в письме-посвящении, обращенном к Вильгельму из Хирзау, из-за приема облатов монастыри превратились в «гнезда», где миряне выращивают своих детей, и потому монастыри пришли в упадок [2, col. 636]. Более строгие правила жизни, свойственные реформированным монастырям и новым монашеским орденам, также способствовали выбору в пользу приема взрослых кандидатов. Усилия монахов-реформаторов нередко сталкивались с противодействием на местах [1, р. 8], но это не могло изменить общую ситуацию: число взрослых новициев, начиная со второй половины XI в., возрастает.

Бургундское аббатство Ключни не стало исключением — в конце XI в., в эпоху расцвета аббатства, при могущественном аббате Гуго из Семюра некий монах Бернард (о котором мы ничего не знаем, кроме имени и, собственно, того, что он был монахом Ключни в момент управления Гуго) записывает обычаи (*consuetudines*) Ключни специально для новициев (об этом Бернард упоминает в письме-посвящении, обращенном к Гуго из Семюра) [3, р. 134] Этот текст получил название

«Ordo cluniacensis». Изучение разделов этого любопытного и малоизученного источника, посвященных непосредственно новициату, позволяет лучше понять, какие требования предъявлялись к будущему монаху Клуни в конце XI в., ведь взрослые новиици, в отличие от облатов, не были знакомы с монастырскими обычаями, и им приходилось все детально разьяснять.

Но прежде стоит сказать несколько слов об историографии новициата. История новициата на рубеже XI–XII вв. — тема, активное изучение которой началось только в последние десятилетия. И это не удивительно: из двух типов источников, которые являются основными для изучения новициата, — монастырские обычаи и трактаты для новициев — первые долгое время оставались неизданными, а вторые мало подходят для изучения ранних этапов развития новициата, ведь они начинают активно появляться только со второй половины XII в. Ситуация с изучением ранних этапов развития новициата начала постепенно меняться во второй половине XX в., с выходом серии «Corpus Consuetudinum Monasticarum» (CCM) под редакцией Кассиуса Халлингера.

Работы Жана Леклерка, посвященные трактатам для новициев, появившиеся в 1950-е годы, стали, по сути, первыми серьезными попытками изучения феномена новициата [4; 5]. Затем стали появляться списки трактатов для новициев и попытки их анализа [6; 7]. Начало традиции изучения феномена принятия в монастырь новициев заложил в 1980-е годы Джайлз Констебл, посвятивший этому сюжету очень любопытную статью, подготовленную на клюнийском материале [8]. В настоящее время основным исследователем *consuetudines* и новициата Клуни можно назвать Изабель Кошелен [9; 10].

К моменту создания «Ordo cluniacensis» обычаи Клуни записывались уже дважды. Точные даты возникновения первых клюнийских *consuetudines*, так называемых «*Consuetudines antiquiores*», неизвестны, но предположительно речь идет о 990–1015 гг., то есть о времени служения аббата Одилона Клюнийского (994–1049). Эти *consuetudines* посвящены почти полностью литургическим практикам [11]. «*Liber tramatis aevi Odilonis*», еще одна запись обычаев бургундского аббатства, создавалась в три этапа: 1027–1030 гг., после 1030 г. и 1050–1060 гг. Этот текст основан на «*Consuetudines antiquiores*», к которым добавляется описание аббатства и жизни монахов. В историографии этот текст долгое время фигурировал под названием «*Consuetudines Farfensis*» — по монастырю Фарфа, где была обнаружена его рукопись (сейчас — Vat. It. 6808, датируется второй половиной XI в.). Этот текст

был составлен неким братом Иоанном, который отправился в Ключни с целью записать местные обычаи по просьбе своего аббата [12].

История возникновения самого «*Ordo cluniacensis*» относится уже ко второй половине XII в. и тесно связана с появлением еще одних обычаев Ключни — *consuetudines* Ульриха из Ратисбона (Регенсбурга), монаха, который побывал в Ключни в 1080-х годах и записал местные обычаи по просьбе аббата Гильома из Хирсау [2]. Дело в том, что, по мнению современных исследователей [10], «*Ordo cluniacensis*» существует в двух редакциях. Первая из них предположительно относится к 1060–1075 гг. Под влиянием этой редакции «*Ordo*» как раз и находятся *consuetudines* Ульриха. Однако Ульрих дополнил текст Бернарда, состоящий из двух частей — о литургии и об административной иерархии аббатства, третьим разделом — о регулировании повседневной жизни братии. Текст Ульриха, в свою очередь, повлиял на вторую редакцию *consuetudines* Бернарда, составленную в 1084/86 гг. «*Ordo*» Бернарда в первой редакции доступно в старом не критическом издании Маркварда Хергота [3], во второй редакции — в рукописи MS Paris BnF lat. 13875. В своем исследовании я пользовалась первой редакцией текста Бернарда.

Прежде чем перейти к анализу того, что Берnard писал о новичиях, необходимо уточнить, с каким источником мы имеем дело. Иначе говоря, следует ответить на важный вопрос: что такое *consuetudines* как тип источника?

Основополагающим документом в жизни каждой монашеской общины или общины уставных каноников является устав. По меткому выражению Лина Донната, устав — это и определение «духа, согласно которому необходимо жить в монастыре», и уточнение «способа организовать жизнь согласно этому духу» — наладить материальную и литургическую жизнь братии, а также ее взаимоотношения с внешним миром [13, р. 9]. Но устав статичен — он создается как идеал, образец, который должен оставаться неизменным. Из-за своей неизменности он не может адаптироваться к нуждам повседневной жизни данной конкретной общины. Эту функцию выполняют записи обычаев монастыря, *consuetudines*.

Кассий Халингер, возможно, самый известный исследователь монашеских *consuetudines*, выделял три типа записанных монашеских обычаев: литургические сборники; тексты, посвященные организации материальной жизни монашеской общины, и смешанный тип — тексты, сочетающие в себе черты первых двух типов *consuetudines* [14]. «*Ordo cluniacensis*» по классификации Халингера относится к смешанному типу.

Классификация *consuetudines*, предложенная Халингером, является первой, но далеко не единственной. К настоящему моменту существует целый ряд классификаций *consuetudines*, из которых в рамках моего исследования особенную ценность представляет вариант, разработанный канадской исследовательницей Изабель Кошелен именно на клюнийском материале. Изабель Кошелен основывается на классификации Ансельма Давриля, который предложил разделить монастырские обычаи на описательные, директивные и нормативные. Директивные *consuetudines* создаются, чтобы служить своеобразной референтной точкой на случай ухудшения монастырских нравов в данной конкретной обители. Нормативные сборники направлены на распространение за пределы конкретной обители с расчетом, что им будут следовать. Наконец, описательные *consuetudines* записывались их создателями из восхищения правилами жизни в знаменитой обители; для вдохновения, но без цели неукоснительно следовать этим правилам [15].

Изабель Кошелен, во многом соглашаясь с принципами, предложенными Ансельмом Даврилем, придает его классификации иную хронологическую грань, разделяя клюнийские *consuetudines* на «старые» (конец X в.) — преимущественно описательные, источник вдохновения для других монастырей (в самом Клуни ими не пользовались), и «новые» (в основном конец XI в.) — нормативные и директивные (сам Ансельм Давриль считал, что нормативные *consuetudines* появлялись и в IX в. — но не в Клуни). Таким образом, в отличие от варианта Давриля, классификация канадской исследовательницы имеет четкую хронологическую привязку. По мнению Изабель Кошелен, на появление нового типа *consuetudines* повлиял ряд изменений, происходивших в жизни западноевропейского монашества в этот период, в частности: появление монашеских орденов с их стремлением к унификации жизни всех братьев, отказ от практики облатов и, как следствие, необходимость обучать взрослых новичиев, общий прогресс грамотности — новое поколение монахов обучалось в школах и привыкло опираться на письменное слово, а не на устную традицию [9].

В своем исследовании я придерживаюсь подхода к определению и классификации *consuetudines*, предложенного Ансельмом Даврилем и Изабель Кошелен, так как в нем, с моей точки зрения, лучше учитывается сложный комплекс изменений, приведший к становлению жанра *consuetudines*. Согласно этому подходу *consuetudines* Бернарда Клюнийского относятся к группе «новых» и являются директивными.

Новициат на рубеже XI–XII вв. и «Ordo cluniacensis»

«Новициат» (от латинского *novitiatus* — «новый», «неопытный») — это период послушничества в Католической церкви¹. Первые случаи употребления самого термина *novitii* можно найти еще в уставе св. Бенедикта. В нем подробно описывается процедура принятия в монастырь желающего стать монахом (явно достаточно взрослого, чтобы самостоятельно просить об этом у ворот монастыря в течение нескольких дней) и упоминается о его обучении монастырским обычаям под руководством опытного старца [16, р. 626]. Уже из этого описания в уставе св. Бенедикта хорошо видны цели новициата. Первая и самая очевидная из них — это испытание твердости намерений кандидата: недаром он должен ожидать так долго за воротами монастыря и подвергаться в это время оскорблениям. Вторая цель новициата, ставшая наиболее актуальной с ростом числа новичиев в конце XI в., — это «вторичная социализация», т. е. воспитание новопривывшего в духе традиций конкретной монашеской общины.

Однако только с ростом числа новичиев в конце XI в. новициат становится сложившейся практикой, и краткое описание св. Бенедикта начинает обрастать деталями, необходимыми для обучения значительного числа новопривывших. И самые подробные *consuetudines* того времени были составлены именно Бернардом Клунийским.

Как уже было сказано, «Ordo cluniacensis» был записан именно для новичиев, но меня главным образом будут интересовать его главы, посвященные непосредственно новициату [3, р. 164–181]. Первая из них описывает прием новичиев. В Клуни эта процедура основывалась на уставе св. Бенедикта (глава 58 «Об образе принятия братьев в монастырь»): желающий принести монашеские обеты заявляет о своем желании, обучается под опекой наставника и приносит обеты по истечении «испытательного срока» [3, р. 164–167]. Однако, как обычно, суть кроется в деталях. И если отказ Бернарда от бенедиктинской традиции четырехдневного ожидания просителя у ворот аббатства, судя по всему, не вызвал лишних споров (из известных мне *consuetudines* конца XI–

¹ Понятия «послушник» в традиции русской православной церкви и «новичий» в католической традиции близки, но не полностью совпадают. Основное отличие заключается в том, что новициат заканчивается принесением монашеских обетов, а послушание — пострижением в рясофорные монахи. Последний еще не приносит обетов — это делается только на следующем этапе, при принятии малой схимы.

XII вв. эту традицию сохраняют лишь цистерцианцы, которых в принципе отличало буквальное следование бенедиктинскому уставу), то вопрос о сроке новициата стал настоящим камнем преткновения.

Бенедиктинский устав прямо говорит о необходимости годового новициата, однако реальность (большое число просителей, наличие у некоторых из них образования, позволяющего быстрее освоить записанные обычаи монастыря, необходимость быстро увеличить число членов конгрегации из-за ее постоянного роста и т.д.) заставляла аббатов идти на компромиссы. И здесь снова верны букве бенедиктинского устава были лишь цистерцианцы, которые настаивали на одном годе, а вот Бернард Клунийский и последовавшая за ним бенедиктинская традиция (например, Ланфранк Кентерберийский) оставляют срок новициата полностью на усмотрение аббата [3, р. 166].

Из *consuetudines* Ульриха мы узнаем о еще одной важной проблеме, вставшей перед разросшейся клунийской конгрегацией: необходимости установления порядка приема новиков из дочерних обителей. Ульрих подробно описывает эту сложную систему взаимоотношений [2], а вот Бернард обходит ее молчанием. Возможно, разгадка этого противоречия заключается в том, что текст Бернарда создавался для внутреннего употребления, тогда как Ульрих описывал все обычаи Клуни, чтобы рассказать о них в Хирсау.

Зато в последующих главах Бернард не скупится на указания относительно правил повседневного поведения новиков, от приготовления пищи до купания и стирки — нормативные *consuetudines* XII в. уже не будут столь подробными. Благодаря этим подробным описаниям можно узнать не только множество любопытнейших с точки зрения истории повседневности деталей (чего стоит хотя бы упоминание о пяти полотенцах, висящих в клуатре, из которых только два предназначены для новиков, или о разрешении носить ночную обувь днем тем, кто страдает малокровием [3, р. 175]), но и выделить общие принципы, определявшие жизнь новика в Клуни времен Бернарда.

Первое, о чем можно составить четкое представление при знакомстве с текстом Бернарда, — это положение новиков в системе монашеских чинов. О том, что оно было самым низким, свидетельствует уже тот факт, что в «*Ordo cluniacensis*» рассказ о новиках завершает раздел об административной иерархии аббатства. Но об этом также явно говорится и в самом тексте. Новики последними заходили в церковь и последними выходили. Они должны были приветствовать и провожать братьев, идущих на обед и с обеда, выстаиваясь у стены от входа

в рефекторий до dormitorio (указание, которое, кстати, свидетельствует о том, что во времена Бернарда новициев в Ключни, по крайней мере, иногда, было достаточно много) [3, р. 166–167]. По статусу новии были близки к облатам (последних Бернард называет *pueri*, мальчики): два уже упоминавшихся полотенца в клуатре, предназначенных новиям, они делили с облатами, и только к облатам и друг к другу новии могли обращаться «брат», остальных им надлежало называть «господин». При этом, возможно, их статус был даже несколько ниже, ведь процессию монахов, идущих на капитул, новии замыкали, располагаясь уже после облатов [3, р. 177].

Подобное отношение к новиям в целом вполне объяснимо, ведь они еще не принесли монашеских обетов, то есть не стали монахами. Соответственно, их статус был ниже, чем у остальной братии.

Еще одним очевидным отличием новииев от монахов и даже от облатов была их неопытность в плане монастырских обычаев. Именно поэтому новии ели отдельно от основной братии, на кухне, и занимали отдельное место в церкви и на капитуле (причем им отводился отдельный вход в помещение капитула). Обучение новииев было задачей их наставника, под надзором которого они находились практически постоянно (он мог лишь ненадолго отлучиться на капитул). При этом для Ключни, с его уже сложившейся к этому моменту практикой почти полного безмолвия и очень развитой коммуникации при помощи языка жестов, неопытность новииев была особенно серьезной проблемой, в первую очередь, ввиду необходимости наставника новииев общаться со своими подопечными, чтобы обучать их. В «Ordo» очень четко оговариваются моменты, когда это общение может происходить, и подчеркивается, при помощи каких именно знаков новий может обращаться к братьям в случае крайней необходимости [3].

Но, пожалуй, самая любопытная черта «Ordo cluniacensis» — это тот факт, что основное внимание в них уделяется контролю за поведением новииев на уровне их тела. Бернард только однажды бегло упоминает, что наставник должен беседовать со своими подопечными [3, р. 165]. Большая часть глав о наставлении новииев посвящена очень точным и подробным указаниям относительно того, как следует себя вести в разных ситуациях: каким должно быть положение ног новия, когда он стоит; скорость, с которой он говорит; прописывается, как он должен есть или молиться [3, р. 177–178]. Изабель Кошелен отметила подобную черту ключнийских воспитательных практик относительно облатов, назвав ее обучением через тело [17]. Канадская исследовательница объясняет

такой подход к воспитанию представлением ключийцев о недостаточной разумности детей для того, чтобы активно участвовать в воспитании. С ее точки зрения, эта пассивность, объектность как раз отличала облатов от новициев — ожидалось, что последние будут способны к активному обучению. Но, как показывает анализ «*Ordo cluniacensis*», сходств между ключийскими подходами к обучению облатов и новициев было все же больше, чем различий.

Объяснение этой тенденции к обучению при помощи контроля за телом, по моему мнению, следует искать скорее в достаточно распространенном среди мыслителей XII в. представлении, которое французский антрополог Жиром Томас назвал «дисциплиной тела» [18]. Речь идет об убежденности в том, что при помощи контроля за телом можно научиться контролировать дух. Эту идею в разных формулировках можно встретить в сочинениях многих авторов конца XI–XII вв. (например, у Бернарда Клервоского [19, р. 293]), а наиболее полное воплощение она нашла в написанном в 1120-е г. «*De institutione novitiorum*» Гуго Сен-Викторского — первом средневековом некомпильтивном трактате для новициев [20]. Но, как я постаралась показать выше, ее зачатки, еще в неотрефлексируемой форме, хорошо видны уже в тексте «*Ordo cluniacensis*».

Во второй половине XI в., в период расцвета ключийской конгрегации, в самом аббатстве Ключи монахом Бернардом записываются местные обычаи, т. е. создаются *consuetudines* Ключи, «*Ordo cluniacensis*». Эти *consuetudines* записываются специально ради новициев, взрослых людей, желающих стать монахами. Вызванный целым комплексом причин рост числа новициев на рубеже XI–XII вв. заставлял церковных деятелей эпохи гораздо больше внимания уделять особенностям статуса и обучения новициев, и «*Ordo cluniacensis*» представляет собой один из первых плодов подобного интереса. Благодаря разделам этого источника, посвященных непосредственно новициям, можно составить представление о положении новициев в административной иерархии Ключи, о способах контроля за их поведением (путем отделения их от остальной братии и наблюдения за ними их наставника) и о методах обучения новициев (преимущественно при помощи практик контроля за телом).

Список источников и литературы

1. Bouchard C. Br. Sword, miter, and cloister: nobility and the church in Burgundy, 980–1198. Cornell, 1987. 463 p.

2. Udalricus Cluniacensis. Antiquiores consuetudines Cluniacensis monasterii // PL 149. Col. 635–778.
3. Bernardi Ordo Cluniacensis // *Vetus disciplina monastica* / Éd. par M. Herrgott. Paris, 1726. P. 133–365.
4. *Leclercq J.* Deux opuscules sur la formation des jeunes moines // *Revue d'Ascétique et de Mystique*. 1957. No. 32. P. 388–393.
5. *Leclercq J.* Textes sur la vocation et la formation des moines au Moyen Âge // *Corona Gratiarum — Miscellanea patristica, historica et liturgica* Eligio Dekkers O.S.B. XII Lustra complenti oblata. Vol. II. Sint Pietersabdij (Brugge), 1975 (*Instrumenta patristica*, XI). P. 169–194.
6. *Riché P.* Sources pédagogiques et traités d'éducation // *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public*. 1981. No. 12. P. 15–29.
7. *Bynum C. W.* Jesus as mother. Studies in the spirituality of the high Middle Ages. Publications of the UCLA Center for Medieval and Renaissance Studies 16. Berkeley, CA, 1982. 280 p.
8. *Constable G.* Entrance to Cluny in the eleventh and twelfth centuries according to the Cluniac customs and statutes // *Cluny from the tenth to the twelfth centuries*. Aldershot, 2000. P. 335–354.
9. *Cochelin I.* Peut-on parler de noviciat à Cluny pour les Xe-XIe siècles? // *Revue Mabillon*. 1998. Ser. NS. Bd. 9. P. 17–49.
10. *Cochelin I.* Évolution des coutumiers monastiques dessinée à partir de l'étude de Bernard // *From Dead of Night to End of Day: The Medieval Customs of Cluny* / Ed. by S. Boynton, I. Cochelin. Turnhout, 2005 (*Disciplina monastica* 3). P. 31–32.
11. *Consuetudines antiquiores* / Ed. by K. Halinger (*Corpus Consuetudinum Monasticarum*, VII/1–VII/2). Siegburg, 1963, 1983.
12. *Liber tramitis aevi Odilonis* / Ed. by P. Dinter (*Corpus Consuetudinum Monasticarum*, X). Siegburg, 1980. 379 p.
13. *Donnat L.* Les coutumiers monastiques: une nouvelle entreprise et un territoire nouveau // *Revue Mabillon*. 1992. Ser. NS. Vol. 3. P. 5–20.
14. *Hallinger K.* Consuetudo. Begriff, Formen, Forschungsgeschichte, Inhalt // *Untersuchungen zu Kloster und Stift (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 68; Studien zur Germania Sacra 14)*. Göttingen, 1980. P. 147–151.
15. *Davril Ans.* Coutumiers directifs et coutumiers descriptifs d'Ulrich à Bernard de Cluny // *From Dead of Night to End of Day: The Medieval Customs of Cluny* / Ed. by S. Boynton, I. Cochelin. Turnhout, 2005 (*Disciplina monastica* 3). P. 23–28.
16. *La règle de saint Benoît* / Ed. et trans. Ad. de Vogüé, J. Neufville. 7 vols. Vol. 2. Paris, 1971–1972 (*Sources chrétiennes*, 181–186bis).
17. *Cochelin I.* *Medieval Life Cycles. Continuity and Change* / Ed. by I. Cochelin, K. Smyth. Turnhout, 2013. P. 147–182.

18. *Thomas J.* Discipline cléricale et contrôle du corps dans les manuels pour novices (XIIe–XIIIe siècles) // Les dialectiques de l'ascèse / Éd. par Br. Pérez-Jean. Paris, 2011 (Rencontres, 18). P. 197–214.
19. *Bernard de Clairvaux.* Sermons sur le cantique. T. 4 / Éd. par J. Leclercq. Paris, 2003. Sermon 63, 6.
20. L'œuvre de Hugues de Saint-Victor, I: De institutione novitiorum; De virtute orandi; De laude caritatis; De arrha animae / Ed. and transl. by P. Sicard, H. B. Feiss, D. Poirel, H. Rochais. (Sous la Règle de Saint Augustin.). Turnhout, 1997. 335 p.

УДК: 94(36)

Федоров А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st105426@student.spbu.ru

Тома II де Шасне и аббатство Клерво. Отношения светской и церковной власти в Шампани XII века

Аннотация. В статье автор рассматривает отношения светской и церковной власти в Шампани на примере конфликта барона Шасне и аббатства Клерво. Показывается, как на фоне активного расширения владений светских лордов и монастырей имеет место как соперничество между ними, так и более скрытое соперничество среди светских сеньоров за покровительство монастырям, в которых они могли искать спасения от жизненных невзгод.

Ключевые слова: Тома II де Шасне, Клерво, Лангр, монастырь.

Fedorov A. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st105426@student.spbu.ru

Thomas II de Chacenay and the Clairvaux Abbey. Relationships of Lay and Religious Authorities in 12th Century Champagne

Abstract. In the article, author analyses relationships of lay and religious authorities with the example of conflict between baron Chacenay and the Clairvaux Abbey. It is shown, how in time of active land expansion of lay landowners and monasteries there are as cases of rivalry between them, as, more tacit, among secular lords for the patronage of monasteries where they could pursue a sanctuary later.

Keywords: Thomas II de Chacenay, Clairvaux, Langres, monastery.

Связь и отношения светской и церковной властей, в том числе в разрезе имущественных отношений, представляют интерес ввиду их фундаментального значения в политическом развитии средневековых княжеств. Церковь и ее деятели, увеличивавшие свое влияние на протяжении позднего периода Римской империи, сохранили его после ее развала, и это отразилось на дальнейшей истории Средневековья. И спустя сто-

летия сохранявшие тесные, зачастую кровные узы со светской властью, церковные служители оказывали на нее серьезное влияние. Стоит вспомнить период последних Каролингов. Такой деятель церкви, как Брюнон, епископ Кельна и брат будущего императора Оттона I, во многом повлиял на сохранение Лотарем власти. Такие же активные церковные деятели в 987 году возвели на королевский престол Франции члена другой династии — Гуго Капета. Ослабевшая королевская власть, которой еще предстояло обрести подлинное могущество, в период своего младенчества находила поддержку именно в той сакрализации, которую ей придавали религиозные теоретики, например, в виде учения о двух властях [1, с. 18]. Сама же Церковь, в том числе и монастыри, не могла обойтись без помощи короля — ей была необходима защита от посягательств более мелких сеньоров. В какой-то момент ей даже самой пришлось озаботиться своей защитой — ослабление королевской власти в конце XI века стимулировало возвышение ряда епископов-сеньоров [2, с. 119]. Но куда интереснее рассмотреть то, как Церковь взаимодействовала с более мелкими церковными властителями, на примере графства Шампани и конкретного документа — свидетельства о разрешении конфликта Тома II де Шасне и Клервоского аббатства, закрепленного епископом Лангра.

В этом документе, датированном 1171 годом, фиксируется согласие Тома II, барона де Шасне, разобрать строящуюся деревню, которую он начал возводить недалеко от принадлежащей Клервоскому монастырю фермы, по причине угрозы этой ферме, а также его обещание, что ни он, ни его младший брат Эрар, ни другие возможные наследники не будут строить другие деревни в округе данной фермы [3, р. 124]. Логично поставить вопрос: что вызвало этот конфликт и какие конкретные причины обусловили такую серьезную уступку барона — вынудили его не только поступиться своими экономическими интересами, но и пообещать за своих потомков не повторять его попыток?

В первую очередь стоит обратить внимание на саму династию Шасне. С сожалением отметим, что информации о Тома II почти нет [4, р. 8], документы такого рода очень редки и крайне ограниченно раскрывают детали его жизни. Тем не менее, мы знаем, что дом Шасне уже во второй половине XI века взаимодействовал с еще зарождающимся монастырским сообществом, которому только предстояло создать первый цистерцианский монастырь. Их отношения начались с дарения территории Нантри, одной из самых значительных территорий Шасне, монастырю Молезм, чьим аббатом был св. Роберт — будущий основатель первого монастыря цистерцианцев Сито [4, р. 6]. Дар был преподнесен сыном

Милон, лорда Монреалья и Шасне. Но, что более важно, за этим дарением почти сразу последовал конфликт — Милон был против подарка своего сына [4, р. 6]. Вернуть, впрочем, уже ничего не получилось. А в начале XII века Милон выступил уже на стороне св. Роберта в аналогичном конфликте монастыря с Гуго II, герцогом Бургундским [4, р. 7]. В дальнейшем представители рода Шасне неоднократно преподносили различные дары цистерцианским монастырям, но сосредоточить внимание стоит на тех, что отразились на конфликте, засвидетельствованном документально.

К таковым в первую очередь относится ферма Фонтарс. Она или, скорее, земля, на которой ее возвели цистерцианцы, была подарена Клервоскому монастырю Ансериком, дедом Тома, в 1135 году [5, р. 195]. Именно рядом с этой фермой пытался возвести поселение лорд Тома. Само соглашение 1171 года слабо раскрывает суть конфликта. Оно сообщает лишь об абстрактной угрозе ферме от возводимой деревни. Как утверждает в своей работе «Holy Entrepreneurs. Cistercians, knights, and economic exchange in twelfth-century burgundy» К. Бушар, конфликт Тома Шасне с Клерво сугубо территориальный [6, р. 134]. Тем не менее, есть основания предположить, что это не совсем так. Конфликт мог также быть связан с одной из юридических практик в Шампани — необходимостью согласия родственников при отчуждении собственности, будь то продажа, дарение или другая операция. Оно было необходимо как со стороны жены [7, р. 89], так и детей [7, р. 92]. В случае если согласие не спрашивали, возникновение конфликтов и претензий было предсказуемо и закономерно. Но естественными были ситуации, когда родители совершали дарение до появления своих детей, и, соответственно, согласие детей отсутствовало.

Большинство конфликтов монастырей, связанных с дарениями, начиналось, как правило, с претензий сыновей или внуков. Именно от них, например, в аббатстве Моримон, поступала большая часть претензий на подаренные монастырю земли [6, р. 133]. Усложнялось все тем, что монастыри часто приобретали земли по кусочкам на тех территориях, где отдельные права на какие-то участки уже были неоднозначны, а светские сеньоры часто уверенно использовали то, что монахи считали, не без оснований, своей собственностью, и особенно часто такие недоразумения происходили именно с наследниками благодетелей монастырей [6, р. 132]. В конфликте Тома II можно увидеть именно такой случай, имея в виду факт дарения Фонтарса дедом Тома лишь с согласия своей жены [5, р. 16]. Ни сын, ни внук соглашения на отчуждение не давали и, воз-

можно, даже не знали, что таковое вообще имело место — документы хранились в монастырях, а сам Тома в то время с большой вероятностью еще не родился. Маловероятно, что конфликт касался оспаривания владения монастырем самой территории фермы — в таком случае документ включал бы в себя повторное признание прав Клерво на Фонтарс. Он же коснулся именно территорий, находящихся около фермы. Таким образом, территориальный конфликт, о котором говорит Бушар, дополнялся проблемой наследования.

Стоит отметить что цистерцианцы, естественно, стремились получить согласие всех родственников во избежание претензий, и в соглашении с Тома по завершении конфликта даже получили от него обещание не повторять своих попыток за всех будущих потомков. Но, кроме этого, они также опирались на свидетелей договора и со стороны монастыря, и со стороны светского дарителя, свидетельство которых было важным, но ограниченным их жизнью аргументом, который, тем не менее, в этот промежуток времени способствовал соблюдению соглашений [6, р. 138]. Важнейшим же свидетельством была печать епископа — он не обязательно присутствовал в момент совершения дарения, но к нему могли обратиться уже после, что часто и делали монахи [6, р. 139]. Причина, по которой монастыри, как правило, очень дорожившие своей независимостью и автономией, в этом случае опирались на помощь епископа, заслуживает особого внимания, ведь в ней отражается специфика ордена цистерцианцев, чье присутствие в Шампани было крайне масштабным, особенно в области вокруг Лангра [6, р. 183], епископ которого Вальтер и утвердил завершившее спор соглашение.

Объяснение союза монастыря Клерво с епископством Лангра кроется в истории Цистерцианского ордена и самого Клервоского аббатства. Образованное в 1115 году, оно было одной из первых обителей формирующегося ордена цистерцианцев. Более того, оно было основано в том числе при участии епископа Лангра, в диоцезе которого находился монастырь [8, р. 28]. Первым же аббатом стал последний из отцов Латинской церкви — св. Бернар Клервоский. Бернар не только вступал в активные контакты с белым священством, но и активно участвовал в его делах. Так, он вмешался в выборы епископа Лангра, проходившие в 1138 году. Что интересно, два противоборствующих лагеря были представлены ключницами и цистерцианцами, что можно понять из письма св. Петра Достопочтенного св. Бернару [9, р. 126]. Важно, что данное вмешательство имело, вероятно, конкретную политическую цель — избрание епископом «своего», то есть цистерцианца. Это удалось — епископом Лан-

гра стал цистерцианец Жоффруа [6, р. 124]. И здесь необходимо обратить внимание на значительный аспект цистерцианской политики — их общую практику взаимоотношений с епископатом.

Цистерцианский орден, в противоположность клянийцам, стремился к установлению тесных отношений с епископами и искал их поддержки, а не пытался от них дистанцироваться [8, р. 25]. Это можно связать с влиянием св. Бернара, сторонника строгого подчинения монастырей епископату [9, р. 121]. При этом необходимо отметить, что аббатство Клерво, как и все монастыри Цистерцианского ордена, имело естественный для монастырей иммунитет. О нем сообщается в уставе ордена, утвержденном в 1119 году папой Каликстом II [10, р. 147]. Но этот иммунитет мог включать и особые поправки. В документе о «свободах и иммунитете», полученном Бернаром от епископа Лангра для монастыря Клерво в 1121 году, было также утверждено «каноническое послушание и подчинение епископу Лангра» [6, р. 21]. Что конкретно подразумевалось под данной поправкой, не уникальной для этой цистерцианской обители, важный вопрос, но, учитывая то, какую политику проводил Бернар в отношении епископата Лангра, справедливо полагать, что тесными и союзническими отношениями с епископством цистерцианцы были обязаны именно ему.

Под субординацией, о которой утверждается в документах, вряд ли понимался отказ от иммунитета монастырской собственности, в частности, полученных подарков, а также от судебного иммунитета и независимых от епископа выборов аббата [11, р. 62–63, 65]. Уважение к данным традиционным, еще со времен Меровингов, привилегиям как раз и проявлял епископ Лангра, по просьбе монахов документально подтверждая дарения, полученные монастырем [6, р. 20]. Монастыри регулярно обращались за подтверждениями о дарении, иногда доходило до того, что светские дарители совершали акты дарения непосредственно перед епископом [6, р. 19]. Аналогичным образом к епископам обращались за подтверждением покупок монастырей [6, р. 58]. Данные практики имели под собой основу, заложенную во времена Меровингов. В соответствии с каноном Халкидонского собора 451 года, который был подтвержден на королевских соборах в Агде и Орлеане в начале VI века, епископ был ответственен за помощь монастырям своего диоцеза, тем более, когда дело касалось вопросов их прав на собственность [11, р. 63]. Иными словами, роль епископа в конфликте Клерво и Тома II здесь проявлялась хоть и в форме покровительства, но едва ли посягающего на интересы и иммунитет аббатства. Фактически, документ 1171 года — на-

глядный пример тесного сотрудничества черного и белого священства в Шампани, где епископ действовал в интересах монахов. Вальтер, епископ Лангра, исполнял естественную и традиционную центральную роль в фиксировании соглашения в документе [6, р. 152]. И здесь также необходимо подчеркнуть, что эти документы не были соглашением как таковым, а лишь записью, документирующей результат, — само формальное соглашение заключалось устно при свидетелях и в таком виде считалось действительным, и, как говорилось выше, в целом не требовало присутствия епископа [6, р. 21].

Ввиду этого мы можем только догадываться о том, как в деталях проходил сам конфликт. Тем не менее, важно понять, что могло повлиять на уступку барона Шасне. Важным в этом отношении является факт, что епископ Лангра был сеньором Тома II, от которого он и держал свою землю [7, р. 24]. Но ситуация с тем, кто являлся сеньором лордов Шасне, не так проста. Проблема границ зон контроля всплыла и здесь. В этот раз, правда, не на уровне монастыря и барона, а между епископом и графом. В первую очередь ее стоит связать с тем, что владения Шасне, как и некоторые другие территории, были спорными — не существовало ясности, принадлежат ли они графу Шампани или епископу Лангра. Это епископство, как Реймс и Шалонь, было независимым княжеством на территории Шампани [7, р. 5], и вопрос принадлежности спорных земель становился все более актуальным по мере централизации, происходящей в Шампани на протяжении XII века. Еще в начале столетия вокруг графа Гуго, правившего в начале XII века, собирались не только вассалы, державшие земли непосредственно от него, но и бароны, приносившие оммажи и архиепископу Реймскому, и епископу Лангра [7, р. 8]. Эта практика сохранялась и при дальнейших графах — Тибо II и Анри I. Бароны же Шасне в начале XII века однозначно приносили оммаж епископу Лангра. В дальнейшем же, на протяжении века, нет ясности, от кого они все-таки реально держали свои владения — в 1170 году лорды Шасне, а также Барасюр-Сены и Шуазеля числились у Анри I «его людьми», но одновременно владение над их замками принадлежало епископу Лангрскому [7, р. 24]. Таким образом, справедливо будет предположить, что на момент подписания документа в 1171 году фактическая власть над землей была именно у епископа Лангра, хотя отношения Тома II с графом Шампани были близкими.

Факт спорности контроля над южными территориями Шампани подтверждается более ранним конфликтом епископа Вальтера с графом Шампанским. Епископ за 6 лет до разбирательств с Тома II имел

конфликт именно на почве контроля над спорными землями с Анри I. В 1165 году Вальтер Бургундский пожаловался в королевский суд, обвинив Анри I как в узурпации церковных земель, так и в грабеже, но самое главное — в принятии оммажа Ренара Монсожонского за деревню, которую он, по утверждению епископа, держал от него самого [12, р. 105]. Похожий территориальный конфликт произошел у Анри Шампанского с архиепископством Реймса в семидесятые годы XII века, который закончился получением графом под свой контроль нескольких северных замков и кастелянств в 1178 году [7, р. 23]. В конфликте с Реймским архиепископом серьезную роль играла непосредственно его личность — он был братом короля, а также его политика — он вступил в конфликт как с указанными вассалами, так и с жителями города, в разрешении которого принял участие, скорее всего, и Анри [12, р. 109]. Разрешение же конфликта и уступка вассалов последовала за смертью этого архиепископа и получением кафедры братом Анри Гильомом. Аналогичное расширение влияния шампанских графов произошло и на юге, когда владения уступили епископы Лангра и Осера [7, р. 23].

Кроме того, что Анри часто участвовал как медиатор в других конфликтах Церкви и баронов вне своих владений, он, конечно, делал это и на своей территории в крайне похожих ситуациях. Так, именно Анри назначил епископа Лангра разобраться в конфликте о привилегиях между аббатством монастыря в Везли и своим племянником Гильомом Мелоским, после же неудачи епископа он вмешался в конфликт непосредственно [12, р. 106–107]. И это не единственный конфликт приближенных к графу людей, в которых он принимал участие. Его коннетабль Одо был отлучен от Церкви в ходе конфликта с аббатом Сен-Жерменде-Пре из-за спора о привилегиях на использование леса, и в этом конфликте Анри также принял участие в роли умиротворителя [12, р. 114]. Что интересно, в последнем случае аббат монастыря апеллировал к тому, что права на использование леса были получены от самого Карла Великого [12, р. 114]. При этом письменное подтверждение наличия привилегий и прав, очевидно, не всегда требовалось для того, чтобы решение было вынесено в пользу церковных лиц. Так, во время конфликта монашек Параклета с мирянами из-за прав на использование мельницы было достаточно их устных свидетельств, чтобы дело было решено в их пользу [12, р. 114]. Многочисленные вмешательства Анри, которые не ограничиваются указанными, вероятно, создали ему репутацию справедливого судьи, так как Гуго III Бургундский и Гай Неверский выбрали его арбитром в своем споре, не найдя компромисса при всех иных медиаторах

[12, р. 137]. Можно допустить, что арбитраж в деле Тома II, хоть об этом в документе и не сказано, был также в руках Анри Шампанского. И здесь необходимо отметить, что конфликты такого рода стали скорее повседневной нормой того времени. Именно на вторую половину XII века пришлось значительное увеличение имущественных конфликтов, и, соответственно, их разрешений, между светскими лицами и цистерцианцами [6, р. 130]. При этом пик конфликтов такого рода был достигнут именно в 70-х годах XII века, когда и произошел конфликт лорда Шасне, о котором мы писали в самом начале.

Проблема спорных территорий, проявляющаяся как на уровне графов и епископств, так и на уровне отдельных баронств и монастырей, безусловно, являлась одним из аспектов отношений светской и церковной власти в это время. Но, как мы можем проследить, со временем контроль над территориями в Шампани получали именно светские сеньоры. Одной из причин отмечается именно невозможность епископств контролировать мелкую светскую знать [7, р. 24], что, вероятно, стимулировало ее властвовать над светскими вассалами не прямо, а через более крупных сеньоров, как было в случае с Анри и архиепископом Реймса, его братом, который сделал графа Шампани промежуточным звеном в феодальной цепочке между собой и своими баронами.

Но противоречия в территориальном вопросе не могут объяснить всю суть того конфликта, что произошел между епископом Лангра и лордом Шасне. Внимание стоит также обратить и на экономический аспект политики как светских землевладельцев, так и церковных сеньоров. Особого внимания здесь заслуживает привлечение переселенцев на малозаселенные земли Шампани, активное уже при Тибо II [7, р. 9]. Эту политику продолжил и развивал его наследник. Анри Шампанский привлекал новых поселенцев в свои деревни, а также разрешил светским и монастырским землевладельцам делать аналогичное [12, р. 138–139]. Кроме того, он, как и его отец, даровал монастырям лицензии на приобретение собственности у своих вассалов. Необходимость таких документов вытекала из обязательного согласия графа на отчуждение феодалов его вассалами. Впрочем, нужно понимать, что эта процедура была скорее формальностью, учитывая благожелательность графов и баронов к монашеским сообществам [7, р. 13]. Кроме этого, Анри создавал новые деревни на территориях монастырей. Таким образом, в масштабах графства можно увидеть две тенденции, что, вероятно, повлияли на возникновение конфликта с Тома II. Во-первых, возможность баронов свободно дарить свои земли, что часто могло или не найти понимания у потомков,

или ввиду путаницы вводить последних в заблуждение относительно своих имущественных прав. Во-вторых, личный пример Анри, который кроме участия в территориальных спорах имел практику совместного управления монастырями. Можно допустить, что и Тома II, строя деревню, рассчитывал разделить контроль с монастырем Клерво, но не увидел заинтересованности со стороны последнего.

Таким образом, в этом конфликте можно увидеть крайне разные аспекты отношений светской и церковной власти в Шампани. Экономическое развитие и сопутствующая ему застройка естественным образом порождали конфликты между светскими и церковными землевладельцами. В данном случае конфликт затронул центральный элемент экономики цистерцианского ордена — ферму, позволявшую ордену существовать на самообеспечении [8, р. 167], и отразил важную практику в Шампани — консолидацию белого и черного священства в отстаивании интересов Церкви, когда с одновременным сохранением монастырями своей автономии они могли использовать епископов для защиты своих интересов. Кроме этого, рассмотрение причин конфликта показало, как смена поколений могла ставить под угрозу сохранение полученной собственности за монастырями, и насколько актуальной была для Средневековья проблема отсутствия четких территориальных границ. Ведь и сам граф Анри вступал в конфликты по причине отсутствия точных границ у контролируемых территорий. Кроме этого, мы смогли отметить, что пример и тенденции, которые задавала графская семья, как в виде разрешения свободного отчуждения собственности в пользу монастырей, так и в виде разделения контроля над деревнями с ними же, могли закладывать основу для возникновения конфликтов между баронами и монастырями.

В целом же отношения светской власти и Церкви в Шампани складывались в русле сотрудничества и благожелательности со стороны графской власти [7, р. 5]. Как король служил защитником Церкви перед лицом светских вассалов, так и шампанские графы вели себя на своих землях. Будучи покровителем Церкви, Гуго Шампанский, правивший в начале XII века, как отмечает Т. Эвергейтс, защищал ее от посягательств баронов [7, р. 7]. Что интересно, с просьбой о защите к нему обращался и такой видный деятель Церкви, как понтифик Урбан II [7, р. 7]. Благонамеренную политику по отношению к церковным сообществам вели и последующие графы Шампани — Тибо II, Анри I. Все они отметились различными подарками монастырским сообществам — Гуго, например, одарил новый монастырь цистерцианцев Шеминон и открыл монастырь в своем замке [7, р. 268]. Как показывают примеры графов, а также пред-

ков Тома де Шасне, знать, можно сказать, соревновалась в спонсорстве монастырей. Для элиты Шампани в целом не было удивительно и проявление религиозности на более глубоком уровне, например, нахождение в монастырях убежища от жизненных горестей, связанных с потерей близких. Так, Тибо II, помимо благодеяний Церкви, например, в виде открытия цистерцианского монастыря в Прели [8, р. 25] и участия в создании ордена тамплиеров в 1127 году, который возглавил его вассал [12, р. 4], имел серьезное намерение уйти в монахи, от чего его пришлось отговаривать духовенству. Связано его стремление было со знаменитой катастрофой 1120 года — крушением «Белого корабля». На этом судне, кроме наследника английского трона, находились его сестра Матильда, а также зять [12, р. 204], что, возможно, оставило глубокую рану в его сердце. Подобное же намерение, только реализованное, закончило светскую жизнь самого Тома II, который после потери жены, по примеру своего дяди, стал монахом Клерво в 1179 году [7, р. 162].

Список источников и литературы

1. *Пти-Дютайи Ш.* Франция и Англия X–XIII веков. Становление монархии / Пер. с фр. С. П. Моравского. М.: Вече, 2020. 416 с.
2. *Бартелими Д.* Рыцарство: от Древней Германии до Франции XII в. / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб: Евразия, 2012. 584 с.
3. *Evergates T.* Feudal Society in Medieval France: Documents from the County of Champagne. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. 192 p.
4. *Coutant L.* Notice historique et généalogique de la terre et baronnie de Chacenay. Troyes: Bouquot, 1851. 35 p.
5. *Lalore C.* Les sires et les barons de Chacenay. Troyes: L. Lacroix, 1885. 447 p.
6. *Bouchard C. B.* Holy Entrepreneurs: Cistercians, Knights, and Economic Exchange in Twelfth-Century Burgundy. New York: Cornell University Press, 1991. 242 p.
7. *Evergates T.* The Aristocracy in the County of Champagne, 1100–1300. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 424 p.
8. *Burton J., Kerr J.* The Cistercians in the Middle Ages. Rochester, NY: The Boydell Press, 2011. 244 p.
9. *Constable G.* The disputed election at Langres in 1138 // *Traditio*. 1957. Vol. 13. P. 119–152.
10. *Melville G.* The World of Medieval monasticism. Its History and Forms of Life / Transl. by J. D. Mixson. Collegeville, MN: Liturgical Press, 2016. 462 p.
11. *Rennie K. R.* The normative character of monastic exemption in the early medieval Latin west // *Medieval Worlds*. 2017. Vol. 6. P. 61–77.
12. *Evergates T.* Henry the Liberal: Count of Champagne, 1127–1181. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 307 p.

УДК 94(4) “375/1492” + 7.046.3

Сергеева Е. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st077464@student.spbu.ru

Путь из Лиможа в Вифлеем: размышление о светской власти в аквитанской агиографии XII в.

Аннотация. В статье рассматриваются идея и некоторые способы репрезентации власти на примере лиможского ларца-реликвария св. Валерии 1170-х гг. и выдвигается тезис о возможности прочтения изображений на нем в качестве единой «процессии».

Ключевые слова: Аквитания, образность власти, иконография, св. Валерия.

Sergeeva E. D.

Saint Petersburg University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st077464@student.spbu.ru

Journey from Limoges to Bethlehem: Reflection on the Secular Power in the 12th Century Aquitaine Hagiography

Abstract. The article discusses the concept of power and some means of its representation in Limoges St. Valerie chasse (c. 1170s), as well as puts forward a thesis about the possibility of the interpretation of its imagery as a single “procession”.

Keywords: Aquitaine, power imagery, iconography, St. Valerie.

Что общего может быть у осиротевшей дочери префекта Аквитании и волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу? Более того, могли ли они, исполненные в эмали и позолоте, служить схожим или, быть может, даже одним идеям? На эти вопросы сложно и практически невозможно дать однозначный ответ. Вопрос заказчика и его мотивов относительно средневекового искусства, с одной стороны, всегда стоит остро, но с другой, часто остается сферой догадок. Одной из таких догадок было предположение М.-М. Готье об участии Алиеноры Аквитанской в создании в 1170-е гг. реликвариев св. Валерии; выдвинутое еще в середине XX столетия, оно сформировало представление об этой серии, но было основано только на проведении параллелей между изображенными сценами и современными событиями и не получило дальнейшего развития. Могут ли рассказать

реликварии о власти нечто более глобальное и, одновременно, более тонкое, соединяющее политическую пропаганду и эпохальные представления об идеальной власти? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся найти.

Существует скептицизм касательно попыток обнаружения (или придумывания, как это часто бывает, — и далеко не всегда злонамеренного) конкретных смыслов средневековых изображений [1, р. 39]; так, скульптуры ветхозаветных правителей и правительниц на западных фасадах готических соборов могли прославлять монархию в целом, прославлять определенного современного правителя или, напротив, наставлять его, а могли иметь более узкий смысл или просто репрезентировать героев библейской истории. Конкретная трактовка всегда остается в известной мере спекуляцией; спекуляцией является и то, что эта трактовка была единственной. Более того, учитывая сравнительную малочисленность памятников светской направленности и действительно всеобъемлющий характер религиозного мировоззрения, вопрос власти и властных отношений не мог быть представлен и не может быть рассмотрен на примерах непосредственного изображения современных правителей, но должен быть расширен — включать обращение к образам ветхо- и новозаветных властителей, а также так или иначе отсылающих к теме власти сюжетов [2, р. 12].

Рис. 1. Ларец-реликварий св. Валерии.

Ок. 1175–1185 гг. Лимож. Государственный Эрмитаж

Уникальность серии реликвариев св. Валерии, и в особенности раннего ларца из собрания Государственного Эрмитажа (Ф-175; ок. 1170;

илл. 1), очевидна: это первое последовательное обращение к развернутой агиографии и это единственный случай совмещения двух сюжетов в рамках одного ларца — мученичества св. Валерии и Поклонения волхвов. Специфика как самих сюжетов, так и их трактовки, на наш взгляд, позволяет читать все изображенные сцены как части неразрывной «процессии» — таким образом, сюжеты не только *могут* быть связаны, но имманентно составляют единое целое.

Однако прежде чем рассматривать «процессию» целиком, стоит остановиться на отдельных ее персонажах и мотивах. Два персонажа житийного цикла являются носителями мирской власти: префект Стефан и св. Валерия, бывшая наследницей аквитанских земель. Противопоставление нижней и верхней пластин именно в них достигает апогея: мучитель-Стефан получает наказание за свое преступление, св. Валерия — свою награду; однако сцены пронизаны дидактизмом не только церковным, но и светским. Несправедливый правитель Стефан служит предостережением; Валерия, образец смирения, должна служить ориентиром. Основной ее добродетелью в данном случае выступает даже не набожность, но щедрость — мотив жертвы-жертвования, где глава св. Валерии становится и гостией, и даром Церкви в лице св. Марциала (недаром патен перед ним пуст), становится не только тематической доминантой, но прямым указанием нобильному зрителю. Возможно даже предположить, что, в контексте конкретного памятника, обращение к мотиву дарения было своеобразной рефлексией на тему экономических взаимоотношений церковного и светского феодала [2, р. 25].

Изящество, благородство и решимость в ее жестах, демонстрирующих бесстрашие перед лицом смерти, выдающий в ней знатное происхождение и тонкий вкус убор — все в св. Валерии экзemplарно и в высшей степени добродетельно. Она, тем не менее, несколько выделяется среди ряда святых: она подчеркнута, *куртуазно* внешне прекрасна; в той степени, в которой это, наверное, даже излишне для христианской святой. Ее наряд легко узнается, в нем же изображена девушка с другого лиможского ларца с куртуазными сценами из собрания Британского музея (1859,0110.1). Родство ларцов, одного светского, другого реликвария, было подмечено еще М.-М. Готье [3, р. 114], однако «нобильные» связи наряда им не ограничиваются: при том, что опрометчиво было бы полагать его уникальность, очевидно, что он нес коннотации не просто знати, но знати, разделявшей особо роскошные вкусы аквитанского двора.

Чтобы убедиться в специфике образа св. Валерии в 1170-е гг., достаточно сравнить его с таковым на более ранних памятниках, обращавших-

ся к ее житию. В первую очередь это лиможский ларец-реликварий св. Марциала из собрания Лувра (ОА 8101), сцена нижнего яруса которого, предположительно, изображает крещение св. Валерии и Стефана, отдающего приказ о ее казни [3, р. 109]. Оба они изображены куда «скромнее», менее индивидуализировано — и обоим отказано не только в святости, но и в том легендарном масштабе, который был сообщен их персонажам впоследствии.

Рис. 2. Житийный цикл св. Валерии. *Ок. 1140–1160 гг. Фреска. Аббатство Сен-Леже, Эбрей. Фотография Р. Форэ*

Схожая трактовка присутствует в стенописи аббатства Сен-Леже д'Эбрей (Рис. 2), хотя житийный цикл св. Валерии здесь уже занимает ключевое место. Фрески долгое время оставались на периферии внимания исследователей, и многое относительно их появления остается неясным; однако даже в отсутствие точной датировки мы можем достаточно уверенно говорить о том, что создание фресок предшествовало созданию лиможских реликвариев (а возможно, и приезду Алиеноры в Аквитанию): М. Шарбоннель и Д. Морель относили их, на основании иконографического и эпиграфического анализа, к 1140–1160-м гг. [4, р. 128–129]. Хотя ключевые моменты сюжета жития, естественно, остаются неизменными, многое в данной трактовке отличается от виденного нами на лиможских ларцах: в первую очередь, то значение, которое св. Валерия имеет в композициях реликвариев, здесь ею утеряно, как и ее яркая

нобильность. Центр композиции и самую крупную «ячейку» занимает сцена с возвращением Гортария к Стефану. Последний здесь, как и на реликварии св. Марциала, не коронован и представлен как не идентифицированный «правитель вообще», в широком смысле, а не как монарх. Роспись начинается и заканчивается фигурой св. Марциала, который, кажется, является здесь главным героем, что может подтверждаться тем, что именно он наилучшим образом «встраивается» в ряд изображенных епископов, крестителей и апостолов — все три роли в Аквитании ему приписывались, особенно после Собора 1031 г. [5, р. 220].

Почему же тогда мастера избрали для изображения именно житие св. Валерии, а не сюжет, напрямую связанный со св. Марциалом? М. Шарбоннель и Д. Морель предполагали, что этот житийный цикл, совмещавший крестителя, протомученицу и правителя одних земель, к XII в. становится своеобразным маркером власти в Лимузене. Добавим, что такой прецедент его политизации, относящийся ко времени до усиления ее культа при Алиеноре, позволяет говорить о том, что житие св. Валерии выходило за рамки политических коннотаций, непосредственно связанных с Плантагенетами.

Возвращаясь к рассмотрению изображения на петербургском ларце, мы видим совершенно иную картину: «правительственность» Стефана, уподобляемого скорее царю, чем римскому префекту, противопоставляется сдержанной, но подчеркнутой нобильности св. Валерии. В сцене главенения ее руки покрыты длинными рукавами, столь ярко говорившими о ее положении до того; свидетельство роскошества становится инструментом благочестия. Этот момент противопоставления невольно вызывает в памяти ситуацию конца 1160–1170-х гг., когда Алиенора, вернувшись с Ричардом в Аквитанию, стала в первую очередь *regnant* аквитанской герцогиней и лишь во вторую — английской королевой-консортом. С этого момента в Аквитании начиналась эпоха «отчетливо пуатевинского правления» [6, р. 155], времени реставрации традиций Пуатевинской династии, выкорчевывания управительских начинаний сенешалей Генриха II и, уже для самой Алиеноры, большего вовлечения в политический процесс.

Ключевая перемена для Алиеноры происходит из перемены в ее династическом положении: хотя в любом случае династическое выживание является приоритетной политической задачей, консорт является монархом по праву замужества, и, следовательно, ее задачей является укрепление династии супруга, а не собственной, как у правительницы наследной [7, р. 199]. Специфика положения позволила Алиеноре побывать в обеих ролях — и всегда в центре ее забот оказывался Ричард (с событиями

из жизни которого, инвеститурой и принесением оммажа Людовику VII М.-М. Готье связывала иконографию), и герцог Аквитании, и король Англии; в силу этого может показаться, что вектор ее взглядов, художественных в том числе, оставался одинаковым. Вероятно, с этим же связана политика Алиеноры после смерти Генриха II, в которой во главу угла было поставлено сохранение целостности Анжуйской империи (при оппозиции Алиеноры реформам Генриха в 70-е гг. XIII века) и сохранение престола за сыновьями (при апокрифической нелюбви к Иоанну, в будущем прозванному Безземельным).

Династическая принадлежность ее в некотором роде пошатнулась вместе с титулатурой; более того, противоречия между Алиенорой и Генрихом стали настолько очевидны, что впоследствии именно ее обвиняли в организации восстания сыновей против короля [8, р. 14]. Нарастание оппозиционных Генриху настроений могло способствовать ассоциации между Генрихом II, Стефаном и, как мы попытаемся продемонстрировать, царем Иродом.

В изображении префекта мы узнаем иконографию царя Ирода, и царственный аспект здесь получает, по сравнению с более ранними памятниками, усиленное звучание. В продолжение тезиса о назидательности фигуры Стефана-Ирода можно вспомнить, что в Леонском Пантеоне, расписанном по заказу императрицы Урраки Заморской около 1109 г., особое внимание было уделено царю Ироду, представлявшему собой и своей судьбой предостережение для неблагоприятного монарха [7].

Конечно, схожая иконография использовалась для обозначения любого правителя (например, царя Саула). Однако в этом смысле Ирод является собой персонаж, уникальный для Нового Завета — а к ветхозаветным сюжетам лиможская эмаль обращалась весьма неохотно, и к 1170-м гг. не было создано ни одного памятника (или, по крайней мере, не сохранилось), который был бы сделан по их мотивам. Кроме того, в XII столетии, с его интересом к детству Христа и истории волхвов, чаще изображали Ирода — и не только изображали, и не только, хочется добавить, вынуждено; его образ явно вызывал интерес и в связи с этим претерпевал ряд изменений. К XII в. прочно установилась традиция, как в изобразительном искусстве, так и в драме, изображения Ирода в первую очередь как монарха в окружении двора [9, р. 59].

Примечательной в этом отношении деталью является то, что Стефан держит в руке скипетр; по крайней мере, в сцене приказа о казни уместнее было бы ожидать увидеть у него меч — по аналогии, например, с Иродом, изображавшимся смечом в сцене избияния младенцев [9, р. 63–64], как нами-

ниатюре из Псалтири св. Албанса (MS St Godehard 1, f.25). Со скипетром он изображался обычно перед волхвами (как в Копенгагенской Псалтири 1170-х гг. (Thott 1432°, f.10r) или упомянутой Псалтири из Британской библиотеки). Стефан к этому моменту воспринимался как сподвижник св. Марциала, однако ключевым в его истории был момент преобразования под влиянием узренного чуда — в пользу чего свидетельствуют и его изображения на петербургском ларце; не говоря уже о том, что центральным мотивом в нарративе ларца оставалось житие св. Валерии, в котором он воспринимался все-таки мучителем. Если в верхней сцене, сама композиция которой отсылает зрителя к роли св. Валерии как медиатора, представление Стефана в качества благоразумного правителя было бы ожидаемо, то в нижней оно достаточно необычно. Такая «медиаторская» роль, к слову, может отсылать к изображению Согласия Церкви и Государства — как на Кведлинбургском гобелене 1190-х гг.

Рис. 3. Ирод с волхвами и Поклонение волхвов. Псалтирь.
Первая треть XIII в. Британская библиотека, Arundel MS157, f.4r

При более внимательном рассмотрении за спиной Стефана можно обнаружить небольшую фигурку с мечом в руке. Предположительно, значение этого персонажа такое же, что и у обычно вложенного в руки префекта клинка; однако перенос артикулируемой оружием вины на другой персонаж в некотором роде оправдывает самого героя. Здесь стоит отметить, что Стефан в лимузенской истории имеет роль специфическую: он никогда не был канонизирован, но представление о нем как о первом герцоге Аквитании вкупе с его связью со святыми — покровителями земель подарило ему в XII в. большую популярность — не вполне, конечно, святого, однако легендарного предшественника, тоже в своем роде покровителя.

Рис. 4. Ларец-реликварий св. Валерии. Обратная сторона с изображением Поклонения волхвов.

Ок. 1175–1185 гг. Лимож. Государственный Эрмитаж

Обращение к Ироду особенно любопытно при рассмотрении самой существенной отличительной черты петербургского ларца — то есть при одновременном рассмотрении обеих сторон реликвария как единой процессии. Известна иконография, в которой путь волхвов представлен

в рамках одного фолио или вообще неразрывно: примеры тому можно видеть на костяных пластинах Лоршских евангелий IX в. или английской Псалтири начала XIII в. из собрания Британской библиотеки (Arundel MS157, f.4r, рис. 3). Своеобразная композиция передней стороны ларца создает в нижней пластине, изображающей приказ Стефана и казнь св. Валерии, ощущение незавершенности — ощущение, которое сообщает предчувствие продолжения нарратива. Вся композиция здесь сдвинута вправо, а архитектурные мотивы, обрамляющие расположенный в левой части трон герцога, ничем не поддержаны в правой, но находят продолжение в сцене Поклонения волхвов — на обратной стороне в арку вписаны фигуры Девы Марии и Иосифа (Рис. 4). Более того, в этом реликварии сцена Поклонения приведена без путешествия волхвов, становящегося, за редким исключением, обязательным в изображении этого сюжета в реликвариях конца XII–XIII вв. Таким образом, «процессия» может быть продолжена не только в верхнюю сцену главонесения, но и в сцену Поклонения волхвов; мы полагаем невозможным, чтобы подобная композиция была ненамеренной — слишком велико мастерство сочинителя в отдельных композициях и слишком необычна нарративная разработка обеих сторон ларца.

В целом, особая властная семантика сюжета Поклонения волхвов очевидна, но актуализируется к Высокому Средневековью: в конце X в. волхвы превращаются из «чужих» мудрецов в «своих» королей [2, р. 24], с XII в. — сравниваются с земными правителями и используются как «идеологический аргумент в средневековых властных отношениях» [10, р. 243–244]. «Коронование» волхвов происходит практически одновременно в западной и восточной традиции: в Бенедикционале св. Этельвольда (963–984), в нем же впервые изображено и Коронование Богоматери [11, р. 154–154]; и Месяцеслове Василия II (ок. 976) [12, р. 167]. Конечно, идея отождествления правителей с волхвами присутствовала и до того, но встречалась редко и практически никогда не была связана с попытками легитимизировать, усилить или возвысить королевскую власть — это объясняется, в том числе, спецификой сцены: сам факт присутствия нескольких иерархически равных волхвов-королей не позволял прямо использовать их образность для проведения параллели с единственным монархом. Обращение к сюжету в программе правителя требовало нюансированности и сложения определенных исторических обстоятельств.

Необходимые обстоятельства сложились (или, по крайней мере, были придуманы) — в 1169 г. был принесен оммаж сыновей Генриха II Людо-

вику VII в Монмирале [13, р. 94]. В Хронике Гервасия Кентерберийского (ок. 1190) сохранилось описание этого события, и оно считается первой попыткой сравнения с волхвами конкретного правителя [10, р. 247]. Гервасий приводит, вероятно, сочиненные уже им самим пару десятилетий спустя после самого события, слова Генриха: «В этот день, мой господин король, когда три короля принесли дары Королю королей, я вверяю себя, моих сыновей и мои земли твоей защите» [14, р. 207]. На что Людовик отвечал: «Потому как Король, принявший эти дары, вдохновил твои слова, пусть подойдут твои сыновья ко мне и примут владение их землями нашей милостью» [14, р. 275–276], после чего юными Плантагенетами был принесен оммаж королю Франции. Как мы видим, «пропагандистская» проблема сюжета Поклонения, невозможность коммуникации интересов отдельного правителя, была здесь мастерски решена, как решены были, хотя бы на время, и вопросы во взаимоотношениях французской и английской короны. Воистину достойное увековечивания событие.

В изображении Поклонения волхвов присутствует еще одна деталь, которую нам невозможно не затронуть: Дева Мария здесь изображена с короной и скипетром. С одной стороны, естественно, королевские регалии ассоциируются с идеей власти, с другой же, эта власть далеко не обязательно является королевской — образ *Maria Ecclesia*, в котором они появляются впервые [15, р. 56–57], может трактоваться, в зависимости от периода и региона, как образ императорской или папской власти [16, р. 95]. К концу XII в. в католическом космосе складывается триада вторичных в глобальном теологическом смысле, но получающих все большее распространение архетипов Девы Марии: Церковь-Экклесия, Супруга Христа и Мать Христиан [15, р. 57]. Все они апеллировали к одному, более узкому аспекту: связи Девы Марии и Церкви и «медианной» роли обеих в спасении человечества.

Эта связь играла существенную роль и до этого. В частности, в сцене Поклонения волхвов Дева Мария изначально олицетворяла Церковь, и этот сюжет исторически был связан как с типом *Maria Ecclesia*, так и, через него, с типом *Maria Regina*. Изображение Богоматери с регалиями как самостоятельно, так и в рамках Поклонения волхвов, не было чем-то из ряда вон выходящим для второй половины XII в.: с середины столетия, в частности, после известного создания тимпана Шартрского собора, такая иконография входит в репертуар мастеров [17, р. 158], хоть и остается в некотором роде специфической. И здесь мы подходим ко второму аспекту, более светскому: изображение оммажа волхвов имело и яркие мирские коннотации, могло отражать развитие куртуазной

культуры и проводить параллель между небесным двором и мирским [15, р. 58–59], а развитие типа *Maria Regina* в Западной Европе связывалось с усилением статуса монарха в целом и королевы (главным образом, королевы-консорты) в частности [18, р. 797] — в том числе через упоминавшийся Бенедикционал св. Этельвольда.

Подводя некоторый итог сказанному, первое, что необходимо отметить — это то, что правительственная и нобильная характеристика звучит в петербургском реликварии св. Валерии значительно ярче, чем в более ранних произведениях (важнейшие из которых — стенопись из аббатства Сен-Леже и ларец-реликварий св. Марциала 1160-х гг.), затрагивающих изображенные сюжеты. Так, в фигуре св. Валерии подчеркивается ее знатность, в фигуре Стефана — царственность, до того практически не звучавшие; если первая выставлена в положительном ключе, то вторая звучит с нотой если не осуждения, то предупреждения. Общий властный пафос пронизывает каждую из изображенных сцен.

Кроме того, в них появляется отчетливый дидактизм, который, помноженный на подчеркнутую статусность изображенных и ассоциацию их с четой Плантагенетов, становится своего рода размышлением об идеальной светской власти. Таким образом, выражаемые здесь идеи, даже если напрямую они не обращаются к этому вопросу, начинают на него работать: смирение, жертвенность и щедрость (даже жертвенность-щедрость) — качества, которые прославляет агиография вообще и которые находят яркое звучание в рамках жития св. Валерии, становятся не просто добродетелями, но добродетелями идеального правителя. Кто им может быть или стать — вопрос дискуссионный. Само избрание мученичества св. Валерии, видимо, уже ставшего к этому моменту маркером лимузенской и аквитанской власти, позволяет говорить об актуальной и прочитываемой политической риторике произведения. Идеи, как бы повторяемые в рамках различных сцен (как, например, идея королевского двора в иконографии и Стефана, и Поклонения волхвов; жертвы-жертвоания в подношении и св. Валерии, и волхвов; согласия Церкви и государства, религиозного и светского в образе и юной мученицы, и Богоматери; наконец, аллюзии на события из жизни Ричарда конца 1160-х — начала 1170-х гг. в обеих «завершающих» сценах), таким образом связываются и усиливаются — изображенное не просто рассказ, но *коммуникация* [1, р. 2–6].

Процессия, начинающаяся при дворе Стефана, первого аквитанского герцога, через подвиг лимузенской протомученицы завершается благородной жертвой; оканчивается ли процессия в Лиможе, у алтаря св. Марциала, или в Вифлееме, у ног Богоматери, она оканчивается

триумфально, провозглашая в надвремяе торжество идеальной, благодетельной власти. Современные политические события переплетены здесь с концепциями совершенной светской власти так же легко, как жития местных святых с сюжетами новозаветной евангельской истории. Но и этим не ограничивается гений лучшего из произведений «золотого» (и буквально, и метафорически) века лиможской эмали, парадоксальным — в лучших традициях современного ему богословия — образом находящего ответы на любой заданный ему вопрос.

Список источников и литературы

1. *Aurell M.* Convaincre et persuader: Communication et propagande aux XIIe et XIIIe siècles. CESCМ, 2007. 723 p.
2. *Alexander J.J.G.* Iconography and Ideology: Uncovering Social Meanings in Western Medieval Christian Art // *Studies in Iconography*. 1993. Vol. 15. P. 1–44.
3. *Enamels of Limoges: 1100–1350 [Catalogue]* / Ed. by J.P. O'Neill. New York: Metropolitan Museum of Art, 1996. 477 p.
4. *Charbonell M., Morel D.* L'abbatiale d'Ébreuil et les marges de l'Aquitaine aux XIe et XIIe siècles. Nouvelles réflexions sur les parties occidentales et leurs peintures murales // *Bulletin Historique et Scientifique de l'Auvergne*. Clermont-Ferrand, 2016. p. 103–139.
5. *Dodwell C.R.* The Pictorial Arts of the West. Yale University Press, 1993. 461 p.
6. *Kelly A.* Eleanor of Aquitaine and the Four Kings. Harvard University Press, 1950. 431 p.
7. *Martin T.* Queen as King: Politics and Architectural Propaganda in Twelfth-Century Spain. Leiden: Brill, 2006. 292 p.
8. *Aurell M.* Aliénor d'Aquitaine en son temps // *Aliénor d'Aquitaine*, n. 81 hors série de la revue 303, arts, recherches et creation. Nantes, 2004. P. 6–17.
9. *Skey S.M.* The Iconography of Herod in the Fleury Playbook and the Visual Arts // *Comparative Drama*. Spring 1983. Vol. 17. No. 1. P. 55–78.
10. *Cracium D.E.* Adoration of the Magi and Authority of the Medieval King: An Ambiguous Correlation // *Ideology in the Middle Ages: Approaches from Southwestern Europe* / Ed. by F. Sabaté. Leeds: Arc Humanities Press, 2019. P. 243–260.
11. *Smith J.A.* Queen-making and Queenship in Early Medieval England and Francia: PhD thesis. The University of York, 1993. 297 p.
12. *Saxon E.* The Eucharist in Romanesque France: Iconography and Theology. The Boydell Press, 2006. 324 p.
13. *Gauthier M.-M.S.* Émaux du Moyen Âge occidental. Fribourg: Office du livre, 1972. 463 p.
14. The historical works of Gervase of Canterbury / Ed. from manuscripts by W. Stubbs. 2 vols. London: Longman & Co., 1879–1880. 724 p.

15. *Kirwin G. F.* Queenship of Mary — Queen-Mother // *Marian Library Studies*. 2007. Vol. 28. p. 37–120.
16. *Osborne J.* The Cult of Maria Regina in Early Medieval Rome // *Acta Ad Archaeologiam Et Artium Historiam Pertinentia*, 21. P. 95–106.
17. *Lawrence M.* Maria Regina // *The Art Bulletin*. Jun. 1925. Vol. 7. No. 4. P. 150–161.
18. *Heslop T. A.* The English Origins of the Coronation of the Virgin // *The Burlington Magazine. Sculpture*. Dec. 2005. Vol. 147. No. 1233. P. 790–797.

УДК: 94(44).023+0.24

Зубов Д. Д.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

Трубадуры и служащие: староокситанская поэзия о чиновниках

Аннотация. Со второй половины XIII столетия в Окситании усилился нажим королевской власти, стремившейся к централизации, на местных феодалов. Агентами Капетингов в этом процессе выступили их чиновники. Тогда же в поэзии окситанских трубадуров все более популярными становятся социально-политические вопросы. Мы попытаемся рассмотреть образ чиновничества — главного агента королевской централизации на землях Юга и нового класса, быстро набирающего влияние и богатство, в поэзии трубадуров Лангедока и Прованса.

Ключевые слова: Окситания, трубадуры, чиновничество, феодализм, централизация.

Zubov D. D.

P. G. Demidov Yaroslavl State University,
The History Department, Master's Program, Student
E-mail: carrok.hecarim@gmail.com

Troubadours and Administrators: Old Occitan Poetry about Officials

Abstract. From the 2nd half of the 13th century in Occitania, the pressure of the royal power, striving for centralization, on local feudal lords intensified. The agents of the Capetians in this process were their officials. At the same time, socio-political issues became increasingly popular in the poetry of the Occitan troubadours, which allows this report to consider the relationship between the two strata of society: bureaucracy and local feudal lords.

Keywords: Occitania, troubadours, bureaucracy, feudalism, centralization.

Во второй половине XIII в. обширные земли в Лангедоке, некогда принадлежавшие семействам Раймондинов (графов Тулузы) и Тренкавелей, стали частью владений Капетингов, а после полностью вошли в состав королевского домена. Еще в начале столетия Раймонд VI попытал-

ся укрепить свою администрацию на этой земле [1, с. 150], а затем его сын Раймонд VII стремился выжать максимальное количество ресурсов для борьбы с королевской экспансией [2]. Однако именно при братьях Капетингах, Людовике IX и Альфонсе де Пуатье, чиновники взяли в свои руки управление Лангедоком, установилась четкая иерархия, определились административные округа и обязанности королевских агентов [3, р. 157]. Удаленность дворов Капетингов от Юга, по словам Ш. Пти-Дютайи [4, с. 255], могла даже спровоцировать т.н. «феодализм чиновников», такую они имели власть, однако «Великий ордананс» Людовика IX сдержал, а то и вовсе устранил данную тенденцию [5, с. 168]. Такая же ситуация наблюдается в соседнем графстве Прованском, превратившемся к 60-м гг. XIII века, по словам Я.В. Шимова, в централизованное государственное образование благодаря деятельности Карла Анжуйского, еще одного Капетинга [6, с. 145]. Там начали приниматься уставы, общие для всего графства, оно было разделено на 16 округов, очертилась иерархия в графской администрации [7].

Как видим, в середине XIII в., если не раньше, королевские чиновники начинают оказывать все большее влияние на жизнь феодального общества в Лангедоке. Помимо этого, в самом обществе проявляются и иные социальные изменения, ломающие предшествующий уклад жизни, что заставляет многих трубадуров отреагировать на кризисные явления в своих стихах. В данном докладе мы попытаемся рассмотреть образ чиновничества — главного агента королевской централизации на землях Юга и нового класса, быстро набирающего влияние и богатство, в поэзии трубадуров Лангедока и Прованса.

До усиления центральной власти чиновник — редкий гость в произведениях трубадуров. Причина этого кроется далеко не только в неразвитости аппарата управления и немногочисленности администраторов. Должностное лицо — это человек, исключенный поэтами из куртуазного универсума, недостойный, да и не способный там находиться, несмотря на его важность при дворе. Потому не удивительно то обстоятельство, что чиновники изредка присутствуют лишь в сирвентах сатириков. К примеру, еще в первой половине XII в. Бернарт Марти упрекал их в неподобающем отправлении правосудия, стравливании тяжущихся сторон в надежде на большую выгоду при помощи своих *«раздвоенных»* (досл. «вилкоподобных») *языков»* (*«lengua forquat»*) [8, р. 51–52]. Ко второй половине XIII в. претензии изменились мало. Так, легист Матфрэ Эрменгау из Безье отмечал в своих стихах все те же пороки: *«Судьи, бальи, как и советники (консулы?) без промедления берут, кто что им*

предложит, тайно или открыто» («Jutge e baila ses ganda / E cosselhier eichamen / Prendo qui que lor estenda / A rescost et a prezen») [9, p. 136–137]. Как видим, оба поэта критикуют жадность и лживость чиновников (недопустимые в куртуазном обществе), однако вовсе не самую административную систему.

Крайне основательный Юк де Сент-Сирк в своем жизнеописании Саварика де Маледона пишет лишь то, что «он был могущественный пугатевинский сеньор», что «больше всех на свете ценил он любовь, турниры, песни и услады», его разо посвящены многочисленным любовным приключениям, тогда как об успешной и даже героической (например, взятие Ньора) службе Саварика в качестве сенешаля Пуату не говорится вовсе [10, с. 123]. Она не согласуется с образом идеального сеньора в куртуазном обществе. Стоит ли удивляться тому, что в кратчайшем жизнеописании Бертрана д'Аламанона служба в провансальской администрации также не упоминается [10, с. 236]

Между тем, именно она крайне важна для нас, ибо в Провансе сопротивление, в том числе поэтическое, капетингской централизации было наиболее упорным. Бертран, как уже было сказано, сам являлся чиновником Карла Анжуйского, многое делал для того, чтобы власть графа превалировала над властью местных феодалов, однако в своей поэзии трубадур вовсе не хвалится своей службой. Более того, она ему невыносима. Наиболее полно это чувство находит отражение в сирvente «Lo segle m'es camiatz...» В первой строфе поэт описывает прежний образ жизни: *«Век для меня изменился так сильно, к моему горю, что я не сумею об этом сказать. Потому как раньше я сочинял песни и веселился, и занимался разными рыцарскими делами с вежеством... За то я был награжден великой радостью; и гарантией мне был Amor, которому я доверял: я полностью посвятил себя тому, что доставляло мне удовольствие»* [Lo segle m'es camiatz / Tan fort, don suy iratz / Qu'a penas sai que 'm dia; / Qu'ieu suelh esser uzatz / De chans solatz / E de caualairia / Mesclat ab cortezia... Don era conortatz / De gran ioy que n'auia; E trac en garentia / Amor que m'i mouia: / Del tot m'era d'platz]. Вторая же строфа посвящена его чиновничьему быту: *«Не смотря на себя, на свое сопротивляющееся тело, я полностью отдался тому, что мне не нравится. Ибо я должен думать о судебных процессах и адвокатах, составлять записи каждый день; а после смотреть на дорогу, чтобы узнать, не появлялся ли гонец... После мне говорят: "Поднимайтесь, вас требуют при дворе; вы заплатите штраф, ибо вам не простят, если заседание не состоится по вашей вине". Посмотрите, что со мной стало, сеньоры, как меня*

держат на привязи...» [Del tot mi sui uiratz, / Totz enicx e forsatz, / A sso que no 'm platz mia. / Que me couen de platz / Pensar e d'auocatz, / Per far libelhs tot dia! / E pueys esgart la uia, / Si nulhs corrieus uenria!.. Pueys me dizon: pujatz, / En cort es demandatz! / La pena s'escrieuria, / Qu'om no 'us perdonaria / Si 'l iorn en uos falia. / Ueus a que suy tornatz, / Senhors, ar esgardatz / Si sui ben a la lhia] [11, p. 39–41]. Из этого отрывка видно, что образ жизни чиновника, по сути, противоположен, противопоставлен образу жизни куртуазного рыцаря, более того, он прямо мешает существованию в куртуазном универсуме. Трубадур уже отошел от критики отдельных пороков.

Не менее радикален и другой провансальский поэт — могущественный альпийский барон Бонифаций де Кастеллан, неоднократно восстававший против Карла Анжуйского. В одной из своих воинственных сирвент, созданной в подражание другому знаменитому мятежнику-феодалу — Бертрану де Борну, он пишет: *«Меня крайне раздражают адвокаты, потому что я вижу у них большое сомнение, а также консилиумы прелатов, потому что я не видел там ни одного веселого человека; более того, тому, кто приносит (жалобы) о своих правах, они говорят: "Это ничто: теперь все принадлежит графу, говоря по правде"» [Mout m'enueia dels avocatz, / Qu'els vey anar a gran arda, / E dan cosselh dels autz prelatz, / Qu'anc nulh home non vi jauzir; / Ans qui son dreg lur aporta / Ilh dizon: Aisso es niens, / Tot es del comte veramens] [12, p. 215]. У Бонифация централизация и администраторы также чужды «веселому» миру феодалов.*

Более того, в таком яростном противостоянии рыцарства и чиновничества, возможно, наблюдается и межсословный антагонизм. Так, на допросе инквизиции бывший консул Кастра Раймонд де Баффиньяк обвинял выходцев из низшего сословия (т.е. горожан и богатых крестьян) в том, что они заняли все церковные и гражданские должности [13, p. 74–75]. Между тем, во второй половине XIII в. из-за процесса обесценивания монеты феодальное хозяйство перестает приносить весомые прибыли, и все большее количество сеньоров беднеют [14, с. 158]. В семьях мелких рыцарей насчитывалось большое количество дамуазо (дворян, не посвященных в рыцари), живших и в городах, и на селе не лучше простолюдинов [15].

Как нам кажется, это противостояние можно проследить и в эпической хронике «История Наваррской войны» Гильома Анелье Младшего, созданной во второй половине 70-х гг. XIII в. Прежде всего обратимся к самой фигуре трубадура. Считается, что в собственной поэме он обозначил себя так: *«...и добрый был с ним (сенешалем Тулузы) барон, кото-*

рый был мудр, так как слушался разума» [...a lei de bon baro, / Ab si menet un savi qu'entendia razo] [16, p. 98]. Многие ученые, в частности, Шарль Игуннэ, на основании этого считают, что Гильом Анелье был клерком на службе у тулузского сенешаля Эсташа де Бомаршэ [17, p. 75]. Как видим, для самоописания он использует слова «мудрость» (*savi*) и «разум» (*razo*), а вовсе не рыцарские или куртуазные добродетели. Вряд ли причиной тому была скромность трубадура.

Гильом Анелье, скорее всего, был таким же сторонником сильной центральной власти и служил ей на деле, как и Бертран д'Аламанон. Однако образ чиновника в вышеназванной поэме прямо противоположен образу у Бертрана. Главным героем эпической хроники является сенешаль Тулузы, Эсташ де Бомаршэ, по сути, должностное лицо, однако, в отличие от жизнеописания Саварика де Маллеона, автор делает на этом акцент. Таково первое описание Эсташа в тексте поэмы: «*A потом граф послал его в Овернь, потому как купцы (там) не были в безопасности, и ни один человек не мог пройти, чтобы его не обобрали, не схватили или не убили, или не подвергли пыткам, или не ограбили. И когда он поселился в этой земле как сенешаль, он увидел, что дороги кишат разбойниками, и что они — сеньоры, графы и властимущие <...> И он вооружил своих людей и всех, кто был под его командованием, и ездил верхом по горам, долинам и лугам, чтобы преследовать разбойников, перешедших границы, и когда он их находил, он их судил, потом он вешал их и расчленил. И за эти три года у него было столько повешенных, убитых и пронзенных копьями, что в том месте, как говорили люди, "где прошел Бомаршэ", не было сильного человека, которого он не опечалил. И земляничцы, которые были обижены, и торговцы воскликнули: "Бог ответил нам, и послал такого человека, который любит справедливость"*» [E puissa en Alvernia pel coms fo embiatz, / Per so que li marchantz non eron seguratz, / Ni nuilltz om non passava que no fos despuillatz / E non fos pres o mortz o destretz o raubatz; / E quant fo en la terra per senescsals aucatz, / Vic que pel raubadors eran camis guidatz, / Que li eran seynnor e coms e podestatz <...> E fe n'armar sos omes e totz sos comandatz, / E cavalguet pels puis e pels vals e pelz pratz, / Per cassar raubadors qu'eran desmesuratz, / E lai on les trobava, jujament era datz, / Que les fazia pendre o eran demembratz. / E cant venc dintz III ans, ag ne tantz enforcatz, / Que sonsis e que mortz e tant de lanceitatz, / Qu'el loc or om dizia "Beu Marche es entratz" / No I avia tant fort que non fos iritatz. / E 'ls labrados de for a que eran malmenatz, / E 'ls marchantz escrideron: "Deus nos a isauçatz, / E ns a trames tal omme per cui es dreitz amatz"] [16, p. 90]. Как видим, чиновничья служба в поэме ста-

новится неотделимой от эпической трактовки рыцарского, благородного образа жизни, главный герой поэмы защищает права юной королевы-сироты и способствует усилению власти короля Филиппа III. Примечательно, что его антагонистами выступают феодалы-разбойники, от которых страдают крестьяне (*labradores*) и купцы (*marchantz*). Как видим, Гильом Анелье был на стороне последних.

Несмотря на это, в «Истории Наваррской войны», как уже было сказано, господствует рыцарский идеал эпического героя, которым и становится королевский чиновник. Однако такая трактовка в староокситанской поэзии была редкостью. В большинстве своем трубадуры как XII в., так и XIII в. не включали должностных лиц в куртуазный универсум, как Бернарт Марти, а с середины 1250-х гг. начали противопоставлять их ему, считать одной из главных угроз образу жизни южной «цивилизации Paratge».

Список источников и литературы

1. *Стародубцева Н. Ю.* Основные направления внутренней политики тулузских графов в конце XII — начале XIII века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5(109). С. 147–152.
2. *Chenard G., Poisson G.* La transformation des pratiques administratives dans le Midi toulousain (années 1230–1250) // Administrer par l'écrit au moyen âge (XIIe-XVe siècle) / Ed. H. Dewez, L. Tryoen. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2019. P. 79–93 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/54493#text> (дата обращения: 10.05.2021).
3. *Бутарик Е.* Saint Louis et Alfonse de Poitiers: étude sur la réunion des provinces du Midi et le l'ouest à la couronne et sur les origines de la centralisation administrative, d'après des documents inédits. Paris: Henri Plon, 1870. 565 p.
4. *Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и Англии X–XIII веков / Пер. с франц. С. П. Моравского. СПб: Евразия, 2019. 400 с.
5. *Жуанвиль Ж. де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г. Ф. Цыбулько, под ред. А. Ю. Карачинского; науч. ред. Ю. П. Малинин. СПб: Евразия, 2016. 400 с.
6. *Шимов Я. В.* Меч Христов. Карл Анжуйский и становление Запада. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
7. *Ripart L.* Les bayles de Provence: genèse d'une institution princière // « De part et d'autre des Alpes »: Les châtelains des princes à la fin du Moyen Âge / Ed. G. Castelnuovo, O. Mattéoni. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2006. P. 59–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/12243> (дата обращения: 10.05.2021).
8. *Mahn C.* Gedichte der Troubadours in provenzalischer Sprache. T. 3. Berlin: Ferd. Duenmiller's Verlagsbuchhandlung, 1864. 544 p.

8. *Azais G.* Les troubadours de Béziers. Béziers: Imprimerie Auguste Malinas, 1869. 238 p.
9. *Жан де Нострадам.* Жизнеописания трубадуров / Пер. М. Б. Мейлаха, Н. Я. Рыковой; пер. стихов А. Г. Архипова, Д. В. Бобышева, В. А. Дынник; изд. подг. Б. М. Мейлах; отв. ред. Е. М. Мелетинский; сост. прим. М. Б. Мейлах, Л. П. Каменотрус-Занд, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1993. 736 с.
10. *Salverda de Grave J. J.* Le troubadour Bertran d'Alamanon. Toulouse: E. Privat, 1902. 214 p.
11. *Raynouard M.* Choix de poésies originales des troubadours. Vol. 4. Paris: Imprimerie de Firmin Didot, 1819. 478 p.
12. *Aurell M.* The lettered knight. Knowledge and aristocratic behaviour in the twelfth and thirteenth centuries / Transl. by J.-Ch. Chalifa, J. Price. Budapest; New York: Central European University Press, 2017. 460 p.
13. *Мартен Э., Менан Ф., Мердриньяк Б., Шовен М.* Капетинги. История династии (987–1328) / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова, А. Ю. Карачинского. СПб: Евразия, 2017. 688 с.
14. *Boyer J.-P.* Entre mutations et langueurs. Milieu XIIIe-milieu XIVe siècle // *La Provence au Moyen Âge* / М. Aurell, J.-P. Boyer, N. Coulet. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/pup/6295/> (дата обращения: 10.05.2021).
15. *Guillaume A.* Histoire de la guerre de Navarre en 1276 et 1277 / Trad. par F. Michel. Paris: Imprimerie Impériale, 1856. 785 p.
16. *Higounet Ch.* Une relecture de Guillaume Anelier // *Annales du Midi*. Toulouse: Privat, 1985. Vol. 97. N° 169. P. 75–80.

УДК: 94(365)

Щукин С. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: st061190@student.spbu.ru

Противостояние за Гибралтар в ходе испанской Реконкисты в XIV–XV веках

Аннотация. В статье исследуются четыре осады Гибралтара в XIV–XV веках и оценивается их влияние на ход Реконкисты.

Ключевые слова: Гибралтар, Реконкиста, Кастильское королевство, Энрике IV.

Shchukin S. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's Program, Student
E-mail: st061190@student.spbu.ru

The Struggle for Gibraltar during the Spanish Reconquista in the 14th and 15th Centuries

Abstract. This article studies the four sieges of Gibraltar in the 14th and 15th centuries and assesses their impact on the course of the Reconquista.

Keywords: Gibraltar, Reconquista, Kingdom of Castile, Enrique IV.

Правление в Кастилии короля Альфонсо XI ознаменовало собой, по сути, коренной перелом в ходе испанской Реконкисты — в 1330 году мусульманские войска были разгромлены в ходе битвы при Тебе [1, р. 164] в итоге первой из трех войн Кастильского королевства и Гранадского эмирата (1325–1330 годов), а в 1340 году, в третьей войне Кастилии и Гранады, армия мусульман была побеждена в сражении при Саладо [2, р. 243], что в дальнейшем привело к полной потере какой-либо инициативы арабами и окончательному укреплению Кастилии на юге Пиренеев. Тем не менее, важным для обеих сторон оставался Гибралтар, портовый город на самом юге полуострова. В данной статье будут рассмотрены несколько эпизодов осад Гибралтара и описано их влияние на дальнейшие события на полуострове, а также будет сделан вывод о важности Гибралтара как опорного пункта. В качестве основного источника представлена «Хроника Альфонсо XI» авторства Хуана Нуньеса де Виллаизана и ряд примеров литературы, посвященной осадам Гибралтара.

Как было сказано, фактически война 1325–1330 гг. и ее кульминация в виде битвы при Тебе завершилась достижением необходимой Кастилии цели — подчинением Гранады. Тем не менее, на начало новой войны повлияло унижение, которое испытала Гранада, вынужденная выплачивать дань. Хронистом приводится факт, что в 1332 году к гранадскому султану Мухаммеду IV было отправлено посольство с требованием продления перемирия (и, фактически, выплаты дани) еще на год, что также вынудило его просить помощи у султана Марокко [1, р. 181], хотя он и враждовал с ним. Еще одной причиной следующего конфликта можно считать тот факт, что король Альфонсо, поставив Мухаммеда IV в вассальное положение, создавал существенную угрозу независимости Гранады, поэтому возвращение независимости требовало общемуусульманского вмешательства. Далее в хронике сказано, что марокканцы согласились объявить войну королю Кастилии. Важным является тот факт, что правитель Марокко собрал 7 тысяч воинов кавалерии [1, р. 181], а также «приказал собрать как можно больше галер» и двинулся на территорию полуострова для захвата Гибралтара.

Данные события позволяют нам сделать вывод, что желание взять Гибралтар и обладать одним из ключевых населенных пунктов, оказалось для Мухаммеда IV настолько важным, что ради этого он попытался обратиться к идее исламского единства и заключил союз со своим злейшим врагом. Он даже объединился с одним из кастильских грандов доном Хуаном. Во всяком случае, король Альфонсо отправил свой флот под руководством адмирала Тенорио охранять Гибралтарский пролив, тем самым подтвердив сохранившуюся со времен прежней войны высокую боевую готовность. Тем не менее, к тому времени марокканский флот уже захватил гибралтарскую верфь и приступил к осаде города. О причинах поражения автор хроники говорит мало, упоминая, однако, факт действий дон Хуана против короля Альфонсо, а также число кораблей (так, по его словам, под командованием адмирала Тенорио находилось 15 галер и 6 больших кораблей; число кораблей у марокканцев не совсем понятно, но, вероятно, их было больше). Следующими шагами марокканцев было взятие гибралтарской скалы и окружение города силами Абу-Мелика (7 тысяч человек, что также, вероятнее всего, было больше, чем у христиан).

Окружение Гибралтара стало для христиан фатальным, поскольку, как упоминает хронист, в городе было крайне мало хлеба [1, р. 196]. Король Альфонсо попытался исправить положение, заключив перемирие с доном Хуаном [1, р. 200]. Однако Гибралтар по-прежнему находился

в крайне тяжелом положении. В июле начался штурм Гибралтара. О тяжести положения Гибралтара можно также судить из слов хрониста: «Король, находясь в Вальядолиде, получил письма от Васко Переса де Мейра и Альфонсо Жофре Тенорио, его величайших адмиралов, в котором они сообщили ему, что мавры практически захватили город Гибралтар, на их стороне были инженеры с артиллерией, очень много арбалетчиков, которые были у принца Абу-Мелика; и их осадные орудия разрушили две башни [1, р. 410].

Король Альфонсо, разобравшись с проблемой в лице мятежника дона Хуана, отправился в португальский город Пенафиел с целью заручиться поддержкой португальского инфанта Хуана, наследника короля Альфонсо IV, которую и получил. Примерно в это же время в войну вступил Мухаммед IV, который попытался атаковать замок Кастро недалеко от Кордовы, но, по свидетельству хрониста, благодаря усиленной охране города, а также призванному из Эсьехи подкреплению [1, р. 210] удалось отбить атаку. Поражение под Кастро явилось весьма тяжелым для Мухаммеда, поскольку, как свидетельствует хронист, он призвал своих людей «наказать Кастро как можно строже», а перед тем, как снять осаду, Мухаммед приказал уничтожить систему водоснабжения в городе. Худшее наказание постигло жителей замка Кабра, который охранял гарнизон рыцарей Калатравы, не сумевший ничего противопоставить обстрелу: «И король Гранады, который взял этот замок, приказал разрушить его; и взял всех христиан, которые там потерпели неудачу, мужчин и женщин, взрослых и детей, и приказал отвезти их в Гранаду» [1, р. 215]. Данный пример демонстрирует нам ярко выраженный антихристианский характер текущей войны мусульман. Тем не менее, такому поведению можно найти и другую причину: если взглянуть на хронику Гранадских войн 1481–1492 годов, то можно заметить аналогичную тактику и с той, и с другой сторон: если кастильцы обходились с мирным населением достаточно гуманно, то мавры, напротив, действовали довольно жестко, как, например, во время осады Малаги [3, VII]. Объяснение этому можно найти достаточно простое — поскольку христиане испытывали необходимость интеграции мусульман в свое сообщество, то и обходиться с ними приходилось более великодушно.

Далее в хронике следует описание пути короля, в ходе которого упоминается, что он собирал большую армию по всем провинциям, из чего можно сделать вывод о крайне серьезном отношении короля к возможной потере Гибралтара. 18 или 19 июня король Альфонсо прибыл в Херес, где получил известие о том, что Гибралтар сдан командующим Васко Пере-

сом, на которого хронист фактически возлагает вину (в частности, автор говорит, что Перес допустил некую ошибку [1, р. 223], а американский исследователь О'Каллахан заявляет о том, что Перес не снабдил Гибралтар достаточным количеством припасов) [3, р. 163]. Хроника оценивает действия Переса крайне резко: *«Васко Перес держал Гибралтарскую крепость без достаточного снабжения, после того, как корабль, нагруженный пшеницей, был разнесен штормом, тот (Гибралтар) оставался без обеспечения провизией в течение месяца. И тогда за этот поступок он был крайне сильно виноват, но затем он был виноват еще больше, когда он передал Гибралтарскую крепость маврам, потому что он должен был передать замок либо своему господину, либо умереть в нем, но христиане, находившиеся в замке, потерпели много великих невзгод по его вине»* [1, р. 225].

Тем не менее, стоит ли возлагать вину за проигранное сражение непосредственно на Переса? Итак, пишет О'Каллахан: *«В последний месяц голодающие защитники были вынуждены варить и поедать не только мясо, но и кожу, снятую с их щитов и обуви, а также бродячих крыс, кошек и собак. Адмирал Тенорио попытался облегчить их страдания, запустив мешки с мукой с двух сторон, в том числе при помощи требушетов, которые были поставлены на его корабли, но лишь несколько мешков упало в пределах замка. Выпустив снаряды из своих осадных орудий, мавры вынудили Тенорио отступить»* [3, р. 163]. Данный отрывок, конечно, демонстрирует тяжелое положение города, но винить в катастрофе непосредственно Васко Переса представляется не совсем уместным. Атака была внезапной: в конце 1332 года, когда начались переговоры между гранадцами и марокканцами, еще действовало перемирие. А уже в феврале 1333 года был совершен молниеносный бросок, и поэтому кастильцам фактически не удалось подготовиться к наступлению. В пользу Васко Переса говорит и тот факт, что он сумел договориться с марокканцами о мирном разрешении конфликта, что позволило христианам беспрепятственно выйти из города с сохранением имущества.

Потеря Гибралтара как крепости на берегу пролива оказалась весьма тяжелой для Альфонсо, поэтому логично, что король попытался вернуть его в кратчайшие сроки. Альфонсо отправился к реке Гуадаранке, но 26 июня состоялась стычка с 6 тысячами воинов мавританской кавалерии. Один из отрядов в это время попал в засаду у реки Пальмонес, рядом с рекой Гуадаранке. Автор хроники описывает указанную ситуацию с трагизмом: *«Такова была воля Божья, что пятьсот рыцарей должны были умереть и от мавров в том месте; и христиане стояли насмерть*

на реке Пальмонес. И когда король прибыл на реку Гуадаранке, он увидел, что христиане перешли ту реку и были приведены в реку Пальмонес» [1, р. 223]. Тем не менее, остальные рыцари сумели отогнать мавров. Результатом данной стычки стало то, что Альфонсо удалось разбить свой лагерь на перешейке, который соединял Гибралтар с материком, и подготовиться к осаде. Далее, как указывает хронист, король Альфонсо решил выделить время на планирование операции по захвату города [1, р. 231].

Тем не менее, война оказалась неподготовленной по причине проблем с продовольственным обеспечением: корабли с провиантом не смогли подойти из-за сильного ветра. Хотя португальский король выполнил обещание и отправил флотилию кораблей с припасами, но они вернулись в Португалию, еще пока длилась осада [1, р. 164]. В этот момент осадные машины кастильцев на кораблях начали обстреливать замок и мавританские галеры в гавани, однако мавры перекрыли гавань и помешали адмиралу Тенорио войти в гавань. В ответ кастильцы подвели к стенам города установленные на колесах осадные орудия и начали методичный обстрел, в то время как саперы начали работы по подрыву стен, но мавры смогли отбить эту атаку при помощи поджога башен.

Осада становилась все более тяжелой как для осажденных, так и для осаждающих, поскольку в тот момент запасы провианта в лагере Альфонсо подошли к концу, а султан Марокко запросил помощи у эмира Гранады [1, р. 231], который начал с того, что в качестве отвлекающего маневра захватил крепость Беньямехи и опустошил территории вокруг Кордовы, прежде чем двинуться к Гибралтару. Далее взаимодействие сторон развивалось следующим образом: вместо сражения с христианами Мухаммед IV приказал своим людям выкопать ров, чтобы помешать врагу проникнуть в крепость, а также выставил часовых и сигнальные колокола.

В этот момент продовольственная проблема в лагере Альфонсо стала еще острее, поэтому было заключено перемирие. Договор между Кастилией и Гранадой, заключенный в феврале 1331 года, был изменен: Гибралтар отошел Марокко окончательно [1, р. 165]. Таким образом, подводя итоги войны, стоит сказать, что в каком-то смысле для Кастилии данная война стала если не катастрофой, то серьезным ударом. По сути, это было поражение, из-за которого в каком-то смысле произошел откат к положению еще до предыдущей войны, плюс был утерян Гибралтар. Причинами поражения в войне можно выделить следующие обстоятельства: внезапность нападения мусульман на кастильские земли, численное превосходство за счет прибытия марокканцев, марокканско-гранад-

ское тактическое взаимодействие, а также довольно холодное отношение к Реконкисте со стороны Португалии. Тем не менее, в дальнейшем кастильско-португало-арагонский союз смог одержать победу над мусульманским воинством в битве при Саладо.

После победы в битве при Саладо в 1340 году Гранада была окончательно ослаблена, и ее захват и полное подчинение оставались лишь вопросом времени. Поэтому Альфонсо впоследствии стремился лишь к захвату Гибралтара. Отсюда следует вывод, что им была избрана тактика постепенного подчинения эмирата путем отторжения от него основных опорных пунктов. В будущем таким образом будут захвачены важнейшие пункты на территории эмирата, и лишь в период окончательного ослабления эмирата дело дошло до Гранады. Причины, по которым Альфонсо решил взять Гибралтар, остаются вполне понятными: осада, описанная ранее, вызвала потерю важного пункта, хотя и не являвшегося центральным в регионе, в отличие от той же Гранады или Малаги, тем более, что был создан неплохой плацдарм в виде Альхесираса, взятого в 1344 году. 29 августа 1349 года началась осада, продлившаяся чуть более полугода. В 1350 году Альфонсо заразился чумой. Его советники убеждали короля прекратить осаду из-за чумы, но он отказался, говоря, что мавры захватили Гибралтар во время его правления, и что ему было бы очень стыдно снять осаду из страха смерти. Этот факт говорит нам о стратегической важности взятия Гибралтара. В ночь с 25 на 26 марта 1350 года Альфонсо скончался от чумы [4, р. 588], а 27 марта 1350 года осада была снята [5, р. 12]. Главной причиной снятия осады, по словам Хуана Каталины Гарсии Лопеса, была именно потеря короля; следующая осада началась лишь сто лет спустя.

В ходе дальнейших событий, приведших к победной осаде Гибралтара, стоит выделить такие эпизоды, как взятие Антекеры в 1412 году [6, р. 97], которая, по выражению испанского исследователя Педро Андреса Порреса Арболедеса, стала важнейшим успехом регента Кастилии и будущего короля Арагона Фердинанда Антекерского [7, р. 49], а также неудачную осаду Гибралтара 1436 года, которая, по словам одного из видных исследователей истории осад Гибралтара Фредерика Сейера, не смогла завершиться успешно из-за осведомленности мавров о планах христиан и небрежной подготовки: *«Идея состояла в том, чтобы захватить это место внезапным и резким нападением, поэтому и армия, и флот были собраны при недостатке секретности, и никакая информация не могла быть получена о силе и положении оборонительных сооружений путем рекогносцировок, не вызвав внимания неприятеля»* [8,

р. 159]. Также стоит упомянуть битву при Игеруэле 1431 года, которая пусть и названа испанским историком Альтамиром-и-Кревеа «большой» [2, р. 252], тем не менее, не получила серьезного развития.

В 1454 году на трон Кастилии взошел новый король, Энрике IV, который смог одержать важнейшую в истории Реконкисты до начала Гранадских войн победу — взятие Гибралтара [2, р. 253]. Данный эпизод описан в таких исследованиях, как «История Гибралтара и его осад» Ф. Стивенса [9], уже упомянутая «История Гибралтара и его политическое отношение к событиям в Европе» Ф. Сейера, а также «История Гибралтара с самого раннего периода его оккупации сарацинами» Игнасио Лопеса де Айялы [10]. Данный конфликт продлился лишь две недели, поэтому он не получил серьезного отражения в источниках и литературе.

Сперва стоит обозначить, как упомянутые авторы смотрят на положение Гибралтара накануне осады. Игнасио Лопес де Айяла со ссылкой на историка Гибралтара Алонсо Эрнандеса дель Портильо сообщает о некоем предателе, бежавшем из Гибралтара и доложившем о плохом состоянии Гибралтарского гарнизона, благодаря Ф. Сейеру известно имя указанного участника событий — Али эль Курро, кроме того, отмечается, что Гибралтар был «легкой добычей» [8, р. 62]. На основании этих двух фактов можно выдвинуть тезис, что Гибралтар на момент осады почти не представлял серьезной ценности для мусульманской стороны.

Кастильский наместник Тарифы Алонсо де Аркос, которому было доложено о текущем плачевном состоянии мусульманской обороны Гибралтара, принял решение атаковать город, дабы укрепить свое влияние на короля Энрике. Лопес де Айяла упоминает о числе взятых на осаду Гибралтара воинов — 200 кавалеристов и пехоты суммарно [10, р. 91]. О численности оборонявшихся мавров сведения отсутствуют, но данное количество солдат, взятое для осады, казалось бы, крайне значимого населенного пункта, говорит о том, насколько слабо был защищен Гибралтар.

Айяла, с опорой на слова гибралтарского хрониста, повествует о том, что военачальник Аркос, подойдя к Гибралтару, взял в плен трех гранадских воинов и выяснил у них следующую информацию: «...все вельможи из города отбыли в Гранаду и Малагу, чтобы приветствовать эмира, прибывшего к ним с разрешения короля Энрике; что (в городе) остался только один высокопоставленный человек, и что город оставался совершенно незащищенным» [10, р. 91]. Данный отрывок также свидетельствует о том, что даже сами наместники Гибралтара и эмиры Гранады не желали участвовать в обороне города на тот момент, практически не видя в нем какую-либо стратегическую ценность, что полностью про-

тиворечит сильному желанию кастильцев взять город. С другой стороны, если проанализировать факт касательно текущей осады, описанный Айялой, что Алонсо призвал к себе знатных вельмож из соседних городов, но не затем, чтобы те оказали ему помощь, а, скорее, стали свидетелями победоносной осады города, то можно сказать о том, что Гибралтар имел скорее символическое значение на момент осады.

Тем не менее, де Аркос допустил при планировании осады ошибки: не дожидаясь прибытия подкрепления, он отправился в лобовую атаку, но гарнизон отбил первый выпад без труда, вынудив кастильских солдат к бегству [9, р. 177]. Авторы, как и хронист, не обозначают причину такого мощного удара на самом раннем этапе осады, однако можно предположить, исходя из средних данных по численности войск Реконкисты, что это было вызвано количественным превосходством мусульман. Тем не менее, решающим фактором, позволившим кастильцам все-таки захватить Гибралтар, стали внутренние противоречия в гарнизоне. Так, Айяла говорит о том, что бежавший из гибралтарской стражи дезертир поведал кастильцам, что мусульманский гарнизон практически не желает сопротивляться, учитывая понесенные им потери при отражении атаки, а также желает отдать кастильцам город добровольно [10, р. 92]. Кроме того, причиной сдачи могло стать известие о прибытии в лагерь осаждающих отрядов Гонсало де Авилы с большим числом пехоты и 400 кавалеристами. Через некоторое время после этого в кастильский лагерь прибыл представитель мавританской стороны, начавший переговоры по передаче города, которые, впрочем, были задержаны тем фактом, что осаждающие желали закрепить победу за кем-либо определенным из военачальников [9, р. 93]. Как указывает Альтамир-и-Кревеа, данная победа не получила какого-либо развития и последствий в ближайший период.

Подведем итоги рассмотренных выше событий. Во-первых, отметим тот факт, что сами мавры практически не рассматривали Гибралтар как значимый населенный пункт, о чем говорят явные недочеты при планировании обороны города, в частности, тот факт, что простой житель города имел всеобъемлющее представление о состоянии стен и гарнизона, а позже смог передать сведения об этом христианам, это подтверждает также тот факт, что де Аркос решил приложить минимальные усилия и взять для осады города небольшой военный отряд из 200 человек. Во-вторых, кастильцы, проиграв единственное сражение в ходе данной войны, тем не менее, по итогу выиграли эту войну. В-третьих, роль этой победы оказалась крайне важной — она стала последним более-менее

значимым противостоянием перед Гранадскими войнами. Таким образом, короткий конфликт, длившийся менее месяца, оказался довольно значимым для Реконкисты в целом — важный, но в некотором смысле недооцененный Гибралтар перешел во владения Кастилии. Потеря Гибралтара для Гранадского эмирата означала утрату одного из последних ключевых форпостов на берегу Средиземного моря, а для Кастилии — долгожданым окончанием борьбы за Гибралтар, некогда уступленный Альфонсо XI в пользу мусульман. Таким образом, борьба за Гибралтар, оставшийся одним из важнейших пунктов на берегу Средиземного моря и соединявший Европу с Африкой, была определяющей для Реконкисты в течение целого века (с середины XIV в. до середины XV в.), поэтому он подвергся, по сути, четырем осадам (в противовес практически полному отсутствию открытых сражений на последних этапах Реконкисты), последняя из которых, при Энрике IV, в конечном итоге завершила историю битв при Лас-Навас-де-Толоса и Саладо, закрепив перелом в Реконкисте в пользу Испании. Также данная осада стала последним конфликтом перед финальной войной в ходе Реконкисты — Гранадской.

Список источников и литературы

1. *Juan Nunez de Villaizan*. Cronica de D. Alfonso el Onceno de este nombre, de los reyes que raynaron en Castilla y en Leon. Madrid, Madrid Impr. de A. de Sancha, 1787. 633 p.
2. *Альтамир-и-Кревеа Р.* История Испании в 2-х томах. Т. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 520 с.
3. *Palencia Alonso de*. Guerra de Granada, 10 libros // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. Alicante, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/guerra-de-granada-0/html/feea932c-82b1-11df-acc7-002185ce6064.html> (дата обращения: 22.10.2020).
4. *León-Sotelo C., González Crespo E.* Notas para el itinerario de Alfonso XI en el período de 1344 a 1350 // *En la España Medieval*. 1986. P. 575–590.
5. *García López J. C.* Castilla y León durante los reinados de Pedro I, Enrique II, Juan I y Enrique III. Madrid: El Progreso Editorial, 1891. 250 p.
6. *Pérez de Guzmán F.* Crónica del señor don Juan segundo de estenombre en Castilla y en León. Valencia: Imprenta de Benito Monfort, 1779. 642 p.
7. *Porrás Arboledas P.* Juan II, rey de Castilla y León. Gijón: Ediciones Trea, 2009. 319 p.
8. *Sayer F.* The history of Gibraltar and of its political relation to events in Europe. London: Chapman and Hall, 1865. 520 p.
9. *Stephens F.* A History of Gibraltar and Its Sieges. London: Provost, 1873. 280 p.
10. *López de Ayala I.* The History of Gibraltar: From the Earliest Period of Its Occupation by the Saracens. London: William Pickering, 1845. 234 p.

УДК: 94(3)

Парфентьев П. А.

Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: Pavel.parfentiev@urfu.ru

Противостояние Генуи и Венеции на рубеже XIV– XV вв. в отражении французских источников

Аннотация. Статья посвящена противостоянию Венеции и Генуи на рубеже XIV–XV вв. в отражении французских хроник. Исследование показало, что французское вмешательство в итальянские дела помогло Генуе частично восстановить влияние в Средиземноморье. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы противостоять Венеции. Данное обстоятельство вызвало недовольство в обществе Генуи и привело к свержению французского губернатора.

Ключевые слова: Генуя, Венеция, Миланское герцогство, Жан II Ле Менгр.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

Parfentiev P. A.

Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute for Humanities,
History faculty, Master's Program, Student
E-mail: Pavel.parfentiev@urfu.ru

Confrontation Between Genoa And Venice At The Turn Of The 14th-15th Centuries In The Reflection Of French Sources

Abstract. The article is devoted to displaying the confrontation between Venice and Genoa at the turn of the 14th-15th centuries in French chronicles. The study showed that French intervention in Italian affairs helped Genoa partially regain influence in the Mediterranean. However, this was not enough to oppose Venice, which led to discontent in the society of Genoa and the overthrow of the French governor.

Keywords: Genoa, Venice, Duchy of Milan, Jean II Le Meingre.

The research is sponsored by the Russian Science Foundation, project No. 22–18–00481 “Intercultural communications in the Christian Mediterranean in the context of global challenges of the 14th–15th centuries: forms, dynamics, results”.

В XIV в. обмен товарами Европы с Востоком осуществлялся при помощи итальянских торговых городов-государств, наиболее крупными из которых были Генуя и Венеция. История обоих этих городов полна конфликтов из-за споров о доступе к торговле с Востоком через разные регионы. Нередко в эти противостояния вмешивались другие крупные территориальные государства, чтобы получить экономические выгоды и расширить свое политическое влияние. После войны Кьоджи 1378–1381 гг. Генуя вступила в череду политических кризисов, связанных в том числе с частичной утратой независимости, а Венеция выиграла в конкуренции между этими двумя городами и более не испытывала угрозы со стороны республики св. Георгия [1, с. 336]. Однако можно ли в полной мере утверждать это? Ответ на этот вопрос мы можем получить, изучив процесс распространения Францией своего влияния на север Италии, в частности, на Геную в 1396–1409 гг.

Целью данной работы является анализ отражения французскими источниками противостояния торговых республик Генуя и Венеция на рубеже XIV–XV вв. Что вызвало интерес французских авторов к данному противостоянию? Чем закончился конфликт между республиками в изучаемый период и как он оценивался средневековыми хронистами? Почему французы потерпели поражение в Генуе в 1409 г.?

Эти вопросы отчасти затрагивались в историографии, прежде всего, в работах Д. Норвича [1], К.Э. Бенеша [2], С. Эпштейна [3]. В этих исследованиях нашла отражение политическая история Венеции и Генуи, однако историки опирались в основном на источники итальянского происхождения, не привлекая труды французских современников, таких как «Книга деяний французского маршала Жана II Ле Менгра» [4] и «Хроники монахов из Сен-Дени» [5]. Сведения же французских источников позволят лучше изучить ряд вопросов, связанных с периодом французского правления в Генуе.

Расцвет Венеции и Генуи как торговых городов-государств начался после первых крестовых походов XI–XII вв. На рубеже XIV–XV вв. обе республики располагали многочисленными владениями в Средиземном море, обеспечивающими транзитную торговлю с Востоком. В конце XIV в. конкуренция между ними за лидерство в морской торговле привела к крупному столкновению, известному в историографии

как Кьоджская война (1378–1381), которая началась из-за передачи Византией Венеции контроля над о. Тенедос, что фактически давало республике св. Марка возможность контролировать генуэзскую торговлю через проливы Босфор и Дарданеллы [3, с. 368–369]. Война истощила обе республики, а выгодоприобретателями от нее стали королевство Венгрия и герцогство Милан. В то же время вся торговля в Восточном Средиземноморье оказалась под угрозой из-за османского завоевания Балкан и Малой Азии, и ее защита требовала срочного прекращения боевых действий. Венеция и Генуя заключили перемирие, после которого Венеции удалось восстановить свою мощь, а в Генуе начался продолжительный период внутривластной нестабильности, который привел к временной утрате республикой собственного суверенитета [2, р. 54]. Данные события спровоцировали в генуэзском обществе активные дискуссии о том, как выйти из сложившегося кризиса. После долгих и напряженных обсуждений наиболее влиятельная часть городской элиты Генуи решила принять вассалитет от французского короля Карла VI Валуа [3, с. 381–382]. Король Франции должен был выступать в роли арбитра между политическими группировками и гарантировать суверенитет республики. Предполагалось также, что французским губернатором станет сам дож Генуи — Антониотто Адорно, который сохранит тем самым самоуправление города и контроль над финансами. Французская хроника сообщает о содержании обращения генуэзских послов к Карлу VI Валуа: *«Генуэзская республика <...> нам прийти смиренно и умолять о поддержке твоей сильной руки, которая всегда готова защитит несчастных. <...> Воистину, светлейший государь, генуэзцы никогда не терпели владычества чужеземной державы <...> Но теперь, увы! Их сиятельство (дож. — П.П.), взволнованный бурями мятежа, не сможет избежать крушения своего корабля (Генуи. — П.П.), если не найдет могучую руку, которая вернет его в спокойный порт. Таково мнение всех генуэзцев»* [5, р. 401–403]. Данное сообщение показывает, что генуэзские элиты видели во французской короне прежде всего силу, способную вернуть стабильность политической жизни города. Король принял предложение Генуи. Согласно источникам, Карл VI тем самым хотел расширить свои владения, обрести славу [5, р. 403] и увеличить свои силы как на суше, так и на море [4, р. 97]. Однако, соглашаясь на эту сделку, французская сторона не учитывала важного различия в мировоззрении французской аристократии и генуэзского общества, касавшегося понимания политической свободы. Генуэзцы, заключая договор с Францией, не намеревались отдавать полную власть над собой, так как свобода самоуправления

воспринималась как одна из высших ценностей, ради потенциального сохранения которой и приносилась клятва верности Карлу VI. Французы же в стремлении генуэзцев сохранить свободу видели проявление гордыни и отмечали их непостоянство. Вот как это описывает современник: *«Горожане Италии настолько неверны и непостоянны, что по малейшей причине или просто потому, что им наскучила новая власть, очень скоро они выступают против любого правителя и против любого из его чиновников и преследуют их, восстают против них, а если возможно, убивают правителя»* [4, р. 96]. Таким образом, то, что генуэзцы воспринимали свободу как высшую ценность, французы считали корнем всех их бед.

Французские элиты наверняка понимали всю трудность ситуации, которая возникла при подписании договора с Генуей, однако все равно пошли на этот шаг. Причины случившегося крылись в противостоянии Бургундской и Орлеанской группировок, которые управляли королевством при недееспособном из-за приступов безумия Карле VI. Во внешней политике Бургундский дом пытался ослабить своих конкурентов, распространяя слух, что безумие Карла VI было вызвано магией, совершенной по велению правителя Милана [5, р. 405–407], не так давно породнившегося с Орлеанским домом [6, р. 256–257] и самостоятельно назначавшего губернаторов Генуи [7, р. 400].

На установление французского протектората над Генуей Венеция отреагировала спокойно, что, вероятно, было связано как со слабостью самой Генуи, так и с уверенностью, что Франция не поддержит герцога Милана в его борьбе за доминирование в Северной Италии. О том, что и сама Франция не планировала вести активную внешнюю политику в Италии, говорит тот факт, что первым губернатором был назначен генуэзский дож Антониотто Адорно [2, р. 135]. Данное назначение не меняло внутри города фактически ничего, за исключением переименования должности дожа в губернатора и появления некоторых французских чиновников в администрации. Однако вскоре Адорно умер от болезни, и его место заняли французские ставленники: Валериан III де Люксембург-Линьи (1397–1398), Пьер Фернель (1397–1398) и Кольяр де Кольвиль (1398–1400). Они проводили довольно мягкую внутреннюю политику, а потому не были способны справиться с нестабильностью, вызванной борьбой политических группировок за власть в городе.

Все изменилось в 1401 г., когда губернатором был назначен Жан II Ле Менгр, прозванный Бусико. Кроме того, что он как ставленник Коруны должен был восстановить авторитет королевской власти в Генуе,

он планировал использовать город как опорный пункт для борьбы с сарацинами. Крестовый поход на Восток позволил бы расширить торговое присутствие республики св. Георгия в Восточном Средиземноморье, но для его организации нужно было прочно утвердиться в городе. По дороге в Геную Бусико принял генуэзских дворян в Милане, которые, согласно источнику, выехали навстречу к нему: *«Он (Бусико. — П.П.) отправился с большим эскортом, направляясь прямо в Геную через Милан, который находится всего в двух днях от Генуи <...> Пока он был там, известные и высокопоставленные лица Генуи приехали поприветствовать его, <...> надеясь, что он сможет восстановить прочный мир в городе и возродить его процветание»* [4, р. 100]. Вероятно, Бусико получил гарантии от миланского герцога, что тот не будет вмешиваться в дела французского губернатора, а также заручился поддержкой части генуэзских элит, чтобы ввести в город войско, силой пресечь возможное недовольство и казнить тех, кто был виновен в организации заговора против предыдущего губернатора [7, р. 403–404].

Жители Генуи, как представляется, приветствовали приезд в город французского маршала несмотря на то, что он начал свое правление с казней и непопулярных реформ. Результатом его деятельности за первый год губернаторства стало разоружение граждан, обеспечение безопасности местной торговли и укрепление обороны города [8, р. 100].

Стабилизировав внутривластную ситуацию в городе, губернатор решил укрепить свой авторитет среди горожан, для чего предпринял попытку вернуть генуэзские колонии под власть республики. Так, в 1401 г. войска маршала вернули контроль над Савоной, рядом населенных пунктов в Монако, занятых Ниццей и Савойей. Франко-генуэзский гарнизон появился на о. Эльба с целью обеспечить безопасность морской торговли. Кроме того, по его поручению были направлены инспекции в торговые пункты Генуи: Кафу, Тана, Константинополь и др. Успехи губернатора на внешнеполитическом поприще были столь значительны, что генуэзцы просили короля Карла VI Валуа сделать Ле Менгра их пожизненным губернатором [8, р. 101].

Однако, несмотря на первые успехи, его власть в Генуе все же пала. В 1402 г. Бусико предпринял военную экспедицию в Восточное Средиземноморье, официальной целью которой было возвращение под власть Генуи Фамагусты на Кипре. Впрочем, сам Ле Менгр вынашивал амбициозные планы большого похода против сарацин, венцом которого должен был стать захват Александрии. Этим объясняется его рвение в укреплении Генуи, так как в качестве пожизненного губернатора он получил бы

опорный пункт, ресурсы которого можно было бы использовать для борьбы с мусульманами на Ближнем Востоке.

Венеция тем временем не пыталась как-либо помешать усилению Генуи, так как была занята подготовкой к войне с герцогством Миланским. В 1400 г. Джан Галеаццо Висконти подчинил себе Падую, а в 1402 г. одержал верх над императором Рупертом Пфальцским, который собирался приструнить ставшего слишком самостоятельным вассала [1, с. 348]. После этого Висконти продолжил свои завоевания и фактически присоединил к своим владениям Флоренцию. 13 августа 1402 г. он умер. Только после его смерти венецианцы обратили свой взор на восстанавливающуюся после затяжного кризиса Геную. Французский источник так описывает отношение венецианцев к генуэзцам: «...теперь венецианцы, видя обновленное и растущее процветание своих врагов под началом их доброго правителя, почувствовали возрождение их былой зависти и вражды; их негодование стало таким, что они были готовы на все, чтобы подорвать новое процветание Генуи. Они видели это процветание как потенциально вредное для них: если оно продолжится и преумножится, генуэзцы, как они чувствовали, скоро превзойдут их по силе, могуществу и славе, и они боялись, что в таком случае генуэзцы вернутся к старым конфликтам с венецианцами» [4, р. 109]. Таким образом, современник считал, что зависть и страх перед усилением Генуи неизбежно приведут к новому противостоянию. Что, согласно хронисту, вскоре и произошло — 7 октября 1403 г. венецианский флот напал на корабли Бусико недалеко от Модона. Однако сообщение источника не в полной мере соответствует реальному положению дел. Венеция располагала куда более сильным флотом, нежели Генуя [1, с. 352], и венецианский Сенат, скорее всего, не из-за страха, а из осторожности отправил тридцать галер для слежки за генуэзским флотом. Опасения Сената республики св. Марка легко объяснить: Бусико был не просто опытным воином, прославившимся своей непримиримой борьбой с неверными, который легко мог напасть на торговых партнеров Венеции, он также состоял в хороших отношениях с императором Византии Мануилом II Палеологом, а гарнизон Константинополя до сих пор отчасти состоял из французского контингента, который год назад возглавлял сам Жан II Ле Менгр. Это могло привести к неожиданной атаке на одну из венецианских колоний в Восточном Средиземноморье, например, на о. Тенедос, контроль над которым не так давно привел к крупной войне между торговыми республиками. Также об отсутствии у Венеции планов на атаку генуэзского флота у Модоны весной 1403 г. мы можем судить на осно-

вании того факта, что при своей первой встрече с губернатором Генуи венецианский адмирал Карло Дзено не напал на Бусико, хотя располагал тридцатью галерами против девяти генуэзских, а поприветствовал его и, оставив большую часть сил в Модоне, отправился вслед за ним к Фамагусте тоже на девяти галерах [4, р. 112].

Возвращение Фамагусты в зону генуэзского влияния проходило с помощью дипломатических усилий Великого магистра рыцарей-госпитальеров Филибера де Найяка, состоявшего в хороших отношениях с Жаном II Ле Менгром. Пока де Найяк вел переговоры с королем Кипра Жаном де Лузиньяном, Бусико грабил побережье Леванта, удовлетворяя свои амбиции борца с сарацинами и обеспечивая своих людей военной добычей. Карло Дзено, державшийся неподалеку, воспринял подобный шаг как угрозу венецианским торговым партнерам, а потому всякий раз успевал предупредить местных жителей о предстоящей генуэзской атаке [4, р. 119–120]. Это не помешало Ле Менгру разграбить Триполи, Бейрут и ряд других городов, где венецианские купцы вели торговлю. Карло Дзено отправил отчет о произошедшем Сенату Венеции и, не дождавшись ответа, принял решение разбить генуэзский флот, который возвращался на зимовку в Лигурию. Это случилось 7 октября 1403 г. при Модоне, когда Карло Дзено, имея численное преимущество, разгромил флот Бусико. В это же время из республики св. Марка к нему спешил посланник с запретом вступать в бой с генуэзцами [8, р. 117]. Эти события свидетельствуют об отсутствии у Венеции планов вести войну с Генуей.

После поражения при Модоне Жан II Ле Менгр вернулся в Лигурию с остатками разгромленного флота. Он рассчитывал, что начнется очередная война между Венецией и Генуей, в которой последнюю поддержит Франция. Однако этого не случилось. Венецианские послы первыми достигли двора Карла VI и заверили короля, что Бусико сам напал на них при Модоне, в то время как республика св. Марка желала бы жить в мире с Францией. Карл VI Валуа согласился с аргументами послов и запретил Жану II Ле Менгру впредь вести враждебную политику по отношению к Венеции [8, р. 124]. Король не стал прислушиваться к доводам Бусико. Скорее всего, Франция в тот момент не была готова воевать в Северной Италии. Внешнеполитическое положение Франции усложнилось после смены короля в Англии в 1399 г., что означало нарушение договора о перемирии, и Столетняя война в любой момент могла разгореться с новой силой. Кроме того, приобретение Генуи не было шагом в рамках долгосрочного расширения влияния Франции в Италии, а являлось результатом интриги Бургундского дома против Орлеанского.

Поражение при Модоне и неспособность отстоять интересы Генуи перед французским королем подорвали авторитет губернатора в республике, а его жестокость и резкий рост налогов, вызванный необходимостью собрать средства на содержание войска для поддержания порядка внутри Лигурии и борьбы с угрозами за ее пределами, и вовсе привели к преобладанию антифранцузских настроений в городе [3, с. 399]. Более того, подобное положение Бусико уменьшило его влияние и в Италии в целом — вскоре после поражения при Модоне на Геную напал герцог Милана, а затем произошел конфликт с Пизой. Несмотря на то, что губернатор республики св. Георгия сумел отстоять суверенитет Генуи, он потерял поддержку среди ее населения и в 1409 г. был свергнут.

Венеция тем временем расширила свои территории, присоединив в 1406 г. Падую [1, с. 371], укрепила торговые связи и подготовилась к войне с Миланским герцогством. Ее не терзали внутривитанские конфликты, и уже в начале XV в. она стала важной силой на политической арене как Италии, так и Европы. Генуя же ослабла и после свержения французской власти не смогла сохранить свой суверенитет, попадая то в зону влияния Монферратской марки, то герцогства Миланского.

Таким образом, события 1396–1409 гг., связанные с французским присутствием в Генуе, нашли отражение во французских хрониках. Внимание французских хронистов привлекло посольство генуэзцев к французскому королю. Посольство сулило рост авторитета на международной арене как самого короля, так и французских элит, которые были заинтересованы в расширении влияния Франции в Северной Италии. Судя по источникам, французская администрация в Генуе должна была принести стабильность в данный регион: положить конец хаосу, в котором находились дела в итальянской республике, взамен дать сильную власть и обеспечить процветание. Однако генуэзское общество не разделяло подобные идеи. Мотивацией принятия решения добровольно стать вассалом Карла VI Валуа было прежде всего желание сохранить независимость в самоуправлении, которую они рисковали утратить в случае оккупации Генуи соседями. Французской власти, в частности, губернатору Жану II Ле Менгру действительно удалось прекратить разлад среди генуэзских элит и частично восстановить влияние Генуи как в Италии, так и в Средиземном море. Однако этих мер оказалось недостаточно. В результате политической неосторожности Бусико, сам того не желая, ввязался в конфликт с Венецианской республикой, в котором потерпел поражение. Республика св. Марка не стремилась быть втянутой в новый конфликт с венецианцами, несмотря на превосходство на море. Местная

французская администрация не решилась объявить войну без поддержки французской короны, что вызвало недовольство горожан. Неспособность Бусико взять реванш после поражения при Модоне, а также его жестокость и высокие налоги настроили генуэзское общество против губернатора, что привело к его свержению. Французские источники объясняют смещение генуэзцами Бусико извечной неспособностью итальянцев оставаться под одной властью, какой бы она ни оказалась. Французский король не был готов оказать поддержку своему губернатору, поскольку не желал направлять в Италию силы и ресурсы в условиях возможного возобновления военного конфликта с Англией. Более того, вся авантюра с принятием вассалитета Генуи являлась результатом борьбы за власть при королевском дворе, а потому французские элиты изначально не строили долгосрочных планов на установление своей власти на севере Апеннинского полуострова. Большинство же попыток удержать и расширить власть французов в Италии исходило от самого Бусико, который стремился тем самым удовлетворить личные амбиции и подготовить плацдарм для последующей войны на Востоке. После его свержения французская корона не смогла сохранить свое влияние в регионе, уступив первенство герцогству Миланскому и Венеции, и французские авторы потеряли интерес к Италии — в изучаемых источниках мы более не встретим упоминаний о республиках св. Георгия и св. Марка.

Список источников и литературы

1. *Норвич Д.* История Венецианской республики / Пер. с англ. И. Летберг, Н. Омелянович, Ю. Федоренко. М.: АСТ, 2010. 862 с.
2. *Beneš С.Е.* A companion to medieval Genoa. Boston: Brill, 2018. 560 p.
3. *Эпштейн С.* Генуя и генуэзцы. 958–1528 / Пер. с англ. И. Д. Травина; науч. ред. А. А. Знаменский. СПб: Изд-во Европейского университета, 2022. 576 с.
4. *The Chivalric Biography of Boucicaut, Jean II Le Meingre / Transl. with notes by С. Taylor, J.H.M. Taylor.* Woodbridge: The Boydell Press, 2016. 232 p.
5. *Chronique du religieux de Saint-Denis / Ed. M.L. Bellaguet.* Paris: De l'imprimerie de crapelet, 1840. Т. 2. 791 p.
6. *Oeuvres de Froissart / Ed. J. Kervyn.* Т. 15. Osnabruck: Biblio Verlag, 1967. 514 p.
7. *Mazas A.* Vies des grands capitaines français du Moyen Age. Т. 5. Paris: Chez M. Eugène Devenne, 1827. 639 p.
8. *Lalande D.* Jean II le Meingre, dit Boucicaut (1366–1421): étude d'une biographie héroïque. Genève: Librairie Droz, 1988. 227 p.

УДК: 94(450).05

Пак Пом И.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: pak.igor.99@gmail.com

Сократический король Неаполя: Альфонсо Великодушный, философия в итальянском возрождении и способы легитимации власти

Аннотация. В настоящей статье с целью изучения ренессансных представлений о философии и форм репрезентации власти анализируются классические источники работы итальянского гуманиста XV в. Антонио Панормита «Об изречениях и деяниях короля Альфонсо» и предлагается новая трактовка способов легитимации власти при неаполитанском дворе.

Ключевые слова: итальянский гуманизм, Антонио Панормита, Альфонсо Великодушный.

Pak Pom I.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's Program, Student
E-mail: pak.igor.99@gmail.com

The Socratic King of Naples: Alfonso the Benevolent, the Philosophy in the Italian Renaissance and the Legitimation of Power

Abstract. In this article the classical sources of the Quattrocento Italian humanist Antonio Panormita's work "De dictis et factis Alphonsi regis" are analyzed with the purpose of studying the Renaissance conceptions of philosophy and the forms of the representation of power and a new interpretation of the ways of legitimation of power at the court of Naples is offered.

Keywords: Italian humanism, Antonio Panormita, Alfonso the Magnanimous (Alfonso the Benevolent).

В нашей статье речь пойдет о сочинении итальянского гуманиста и государственного деятеля Кватроченто Антонио Беккаделли, известно также как Антонио Панормита, «Об изречениях и деяниях короля Альфонсо». Этот биографический труд состоит из ряда коротких историй, анекдотов, демонстрирующих те или иные добродетели короля Арагона

Альфонсо Великодушного, бывшего покровителем и другом Беккаделли в течение более чем двадцати лет, предпринявшего во второй четверти XV в. завоевание Неаполитанского королевства и ставшего одним из самых прославленных правителей и меценатов своего времени [1, с. 198]. Юридическая слабость претензий испанского короля на неаполитанский престол вынуждала его опираться на талантливых итальянских гуманистов, способных легитимизировать его власть в глазах просвещенной части общества [2, р. 15], и автор нашего текста был, несомненно, наиболее умелым из них [2, р. 29].

Нашей задачей является изучение классических источников работы Панормита. Эта проблема неоднократно всплывала в исторических исследованиях, посвященных личности и культурной политике неаполитанского короля. Ученые предлагали несколько возможных античных образцов, на которые мог опираться придворный писатель, среди них тексты Плутарха, Валерия Максима, Светония и Ксенофонта.

Наиболее современной и продуманной нам кажется версия испанской исследовательницы Капилья Аледон, основные тезисы которой можно сформулировать следующим образом: название «Об изречениях и деяниях короля Альфонсо» и макроструктура (4 книги, которые можно читать в любой последовательности и которые состоят из различных анекдотов из жизни знаменитого человека) заимствованы гуманистом из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта, известных в то время как «*De dictis et factis Socratis*». Об этом автор сообщает в предисловии к первой книге своего сочинения [3, р. vi–vii].

В то же время на уровне микроструктуры отдельных параграфов Панормита, несомненно, вдохновлялся «Достопамятными деяниями и изречениями» римского писателя Валерия Максима. Кроме того, не владевший греческим языком и, скорее всего, не знакомый с латинским переводом сократических текстов Ксенофонта, выполненным кардиналом Виссарионом, Панормита едва ли мог вдохновляться содержанием сочинения об афинском философе [4, р. 308–315].

Приведенная концепция, безусловно, производит впечатление убедительной и внутренне непротиворечивой. Однако мы хотели бы предположить: что, если с точки зрения Панормита у его героя все-таки могло быть что-то общее с великим афинским философом? Едва ли самого по себе удобства формы «Воспоминаний» Ксенофонта достаточно для того, чтобы не просто заимствовать ее, но и прямо заявлять об этом во вступлении. Имея дело с таким умелым и опытным пропагандистом, как Панормита, мы вправе заподозрить, что он имел в виду нечто большее.

Прежде чем ответить на данный вопрос, нам, однако, следует понять, чего именно мы хотим добиться нашим исследованием. Так ли важно знать, что именно хотел сказать придворный льстец в своей давно забытой книге о давно забытом (несмотря на все его усилия войти в вечность) монархе? С нашей точки зрения, ответ на поставленный вопрос мог бы пролить свет на то, чем была философия в Италии Кватроченто и каким образом власть того времени добивалась своей легитимации в глазах общества (в лице наиболее просвещенных его представителей). В отличие от т.н. гражданского гуманизма, политической идеологии итальянских городских республик, в которой принято видеть прообраз современных демократических учений, монархическая теория итальянского Возрождения до недавнего времени не привлекала к себе особого внимания отечественных и зарубежных историков и лишь в последнее время стала предметом исследований [5; 6].

Итак, нам предстоит выяснить, что же общего могло быть у Сократа и Альфонсо. Следует оговориться, что, само собой, здесь и далее речь идет не об Альфонсо как реальном человеке, а об Альфонсо — литературном персонаже; задачей нашего исследования является анализ монархического дискурса в Неаполитанском королевстве, а не реконструкция психологии исторического деятеля.

В предисловии к первой книге своего сочинения Панормита мотивирует свой выбор темы и литературной модели следующим образом: хотя, в отличие от Сократа, неаполитанский король и не был признан мудрейшим из людей оракулом Аполлона, однако он является мудрейшим и мужественнейшим из всех князей и королей своего времени; особенно важно сохранить его деяния и речения потому, что если профессиональные философы всегда имели возможность посвятить себя ученым штудиям, то среди королей, занятых другими делами и окруженных всяческими искушениями, стремление к добродетелям и наукам встречается крайне редко. Поэтому гуманист решает пересказать деяния и изречения, «ни мудрее, ни приятнее которых ты ни прочтешь, ни услышишь ни от короля, ни от философа». Таким образом, нам кажется вполне правдоподобным, что, вопреки мнению итальянского историка Ф. Делле Донне, утверждавшего, что в этом предисловии речь идет лишь о первенстве Альфонсо в мудрости среди других монархов [2, р. 68], Панормита считал своего героя не только мудрым королем, но и философом, в чем-то сопоставимым с самим Сократом [3, р. vi–vii].

Но как Альфонсо вообще можно считать философом? Американский историк К. Челенца утверждает, что для итальянских гуманистов, так же,

как и для их греческих и римских предшественников, границы философии были гораздо шире, чем в наши дни. Слово «философия» тогда подразумевало любовь к мудрости и желание вести «философскую жизнь»; философия не подразумевала этически нейтральный идеал — напротив, подлинный философ должен был быть высоконравственным человеком, стремящимся улучшить себя и общество, в котором он живет [7, р. 383].

Именно такое понимание философии отразилось и в работе другого близкого к Альфонсо гуманиста Джаноццо Манетти, который в своей биографии Сократа (посвященной неаполитанскому королю) изобразил греческого философа не масштабно мыслящим теоретиком, знакомым нам по платоновскому «Государству», а образцовым гражданином, человеком и воспитателем, который, используя выражение Цицерона, «спустил философию с небес и поместил ее в города» [8, р. 180]. Эти черты мыслителя были гораздо важнее и интереснее для интеллектуалов итальянского Кватроченто, чем способность выдвигать сложные и оригинальные теории [9, р. 624].

Приняв такие критерии, Панормита вполне мог уподобить своего героя Сократу: действительно, «Изречения и деяния» практически полностью состоят из примеров разнообразных добродетелей короля — как нравственных (мужество, справедливость, умеренность, милосердие, щедрость и многие другие), так и интеллектуальных: в книге представлено множество историй о любознательности Альфонсо, который всюду возил с собою записки Цезаря [3, р. 40] и не отрывался от чтения несмотря на военные трубы [3, р. 110], а также краткие цитаты, остроты и пространные речи, демонстрирующие читателям его мудрость и рассудительность (отдельно отметим речь о счастье монарха, в которой обильно цитируется Блаженный Августин) [3, р. 52–53].

В своем характере и поступках Альфонсо неизменно демонстрирует взвешенный ум, недоступный дурным страстям: так, он умеренно и милосердно обошелся с побежденными врагами, отказавшись провести их, по римскому обычаю, в своей триумфальной процессии и взяв тем самым верх над пагубным гневом [3, р. 10–11] — подобно тому, как Сократ у Манетти хладнокровно терпел сварливость своей жены Ксантиппы [8, р. 202]. Так же, как и Сократ [8, р. 210], он был воздержан в питье и еде [3, р. 37], и, само собой, воинские подвиги афинянина при Делии и Потидее [8, р. 180] прекрасно рифмуются с, к примеру, победами арагонца при Сессано и Искье [3, р. 42–43].

Наконец, чем же был особенно славен Сократ с точки зрения Манетти? Тем, что, подобно некоторым другим античным мыслителям, он осо-

бенно успешно побуждал ближних своими словами и деяниями к «невероятной любви к добродетелям и к презрению к порокам» [8, р. 188]. Действительно, представление о том, что главное для философа — уметь наставить своих учеников на путь истинный, было крайне популярно среди гуманистов [10, р. 233].

Но ведь умение делать своих ближних лучше требовалось в классической мысли не только от философов — этим же должны были заниматься и государи. К примеру, Сенека в своем трактате «О милосердии», влияние которого на неаполитанский гуманизм вообще и на книгу Панормиты в частности хорошо доказал П. Стейси [6, р. 186], сравнивал государя с врачом — ведь он должен исцелять души человеческие от пороков, используя в качестве лекарства милосердие [11, р. 50]. И вновь сложно не вспомнить, что и для Сократа (согласно Платону), и для множества представителей античной традиции философия была ничем иным, как врачеванием душ [12, р. 228]. Другое популярное изложение той же идеи предлагал в своих «Этимологиях» святой Исидор Севильский: согласно его этимологии, которая впоследствии будет неоднократно цитироваться в средневековых трактатах, слово *rex* («король») происходит от глагола *regere* («править», «исправлять»), поэтому «тот, кто не исправляет, не правит» (*non autem regit, qui non corrigit*) [13, р. 420].

Наконец, схожих взглядов на сущность королевского призвания придерживался, если верить Панормите, и сам Альфонсо: так, он заявлял, что жизнь правителя труднее, чем жизнь частного лица, потому что он должен подавать своим подданным добрый пример [3, р. 54]; что почетнее вести свой народ к добродетели, чем к победе над врагом [3, р. 110]; что хорошие земледельцы делают горькие плоды сладкими, а хорошие государи делают добрыми своих граждан [3, р. 116]. Кроме того, историк сообщает, что король часто называл своих домочадцев учениками (*alumni*) [3, р. 92]. Очевидно, что столь часто повторяемая мысль должна была быть важна как для самого Альфонсо, так и для его придворного историографа.

Каким же образом воспитывал своих подданных неаполитанский король? В его распоряжении находился целый арсенал возможных средств. Так, в третьей книге представлены его письмо к Ферранте, своему сыну, в котором король убеждает наследника твердо следовать правилам ведения войны [3, р. 89–92], и наставление умирающему другу, которого он убеждает не бояться смерти [3, р. 92–97]. Точно так же он прибегал и к сентенциям («человеку подобает милосердие, а зверям — жестокость», «позорно, когда другим приказывает тот, кто не может управ-

лять самим собой» и т.д.), и к остротам (как показывает исследование А. Монтанера, большая часть шуток Альфонсо, переданных Панормитой, должна была указывать его придворным на их пороки) [14]. Наконец, совершая добродетельные поступки (чем, если верить «Изречениям и деяниям», король занимался с завидной регулярностью), он тем самым подавал пример всем, кто был их свидетелем.

Конечно, все эти педагогические практики в действительности едва ли могли как-то воспитать весь народ Неаполитанского королевства — очевидно, что реально реципиентами наставлений Альфонсо были его придворные, будь то полководцы, гуманисты или чиновники. Однако подобный элитистский подход не был чужд итальянскому гуманизму, основу политической программы которого, как показывает Дж. Хенкинс, составлял именно проект воспитания добродетельных элит, которые могли бы возглавить по-настоящему справедливое государство [5, р. 30].

Итак, мы убедились, что Альфонсо вполне мог считаться философом согласно критериям Кватроченто и что Панормита осознанно решил сравнить его с Сократом. Не будучи оригинальным мыслителем, король в то же время являлся носителем всех возможных добродетелей, образцом для подражания для своего окружения и автором ряда нравоучительных сентенций и острот — чего, с точки зрения его современников, было вполне достаточно для того, чтобы сравниться с афинским мудрецом.

Конечно, само по себе то, что придворные пропагандисты изображали своего патрона мудрым, не является открытием, а ученость Альфонсо прославлял далеко не один Панормита — в конце концов, открытая книга была одним из личных гербов и символов монарха [4, р. 174]. Однако нам стоит задуматься над тем, почему наш автор столь усердно подчеркивает этот аспект образа своего персонажа и идет ли здесь речь о желании чужеземного завоевателя сойти за своего в кругу просвещенных итальянских государей, как это утверждает Капилья Аледон [4, р. 206].

Обратимся вновь к предисловию к первой книге «Изречений и деяний», где, как мы помним, правитель Неаполя фигурирует как король и философ одновременно [3, р. vi–vii]. С нашей точки зрения, таким образом историограф намекает своим читателям на то, что тот является идеальным платоновским правителем, описанным в диалоге «Государство» (где, как известно, идеи автора излагает все тот же Сократ). Действительно, возможно ли придумать лучший способ легитимизировать чью-либо власть, чем доказать, что его режим является идеальной — практически недостижимой — формой правления с точки зрения одного из авторитетнейших мыслителей Античности?

Справедливости ради добавим: мы не знаем наверняка, был ли знаком Панормита текст «Государства». Каталоги неаполитанской библиотеки Альфонсо не содержат манускриптов с его латинским переводом, опубликованным Мануилом Хризолором и Умберто Дечембрио в Милане в 1402 г. [15, р. 108], который мог быть доступен нашему автору [15, р. 703–705]. Однако едва ли было необходимо читать само «Государство», содержание которого пересказывалось в последующих работах бесчисленное количество раз, для того, чтобы знать ключевые идеи великого философского труда: так, они были известны самому Альфонсо, который якобы «имел обыкновение славить Платона в числе первых оттого, что тот говорил, что королям надлежит либо самим быть образованными (*litterati*), либо быть почитателями ученых мужей» [3, р. 40].

Данное изречение предлагает, безусловно, «мягкую» форму теории Платона: существует изрядная разница между «*litteratus*» и «*philosophus*». Однако признав, что к Альфонсо применимы оба эпитета, мы можем прийти к выводу, что, наряду с другими политическими языками, Панормита использовал и платонический дискурс, желая таким образом изобразить своего покровителя легитимным и совершенным государем. В конце концов, он не был новатором: Умберто Дечембрио, переводчик «Государства», уже прибегал к помощи ученика Сократа для оправдания сеньориального правления [15, р. 110].

Таким образом, к ряду уже известных образов неаполитанского короля, созданных его придворными гуманистами и мастерами: новый Цезарь, новый Александр Македонский, второй Галахад [4, р. 409], следует прибавить образ нового Сократа и платоновского государя одновременно, мудреца и усердного наставника своих ближних. Если наличие у правителя добродетели само по себе превращало его (с точки зрения римской монархической теории) из тирана и узурпатора в легитимного монарха [6, р. 271], то статус философа придавал его режиму особенный блеск.

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к следующим выводам:

1. Антонио Панормита использует «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта не просто как источник названия и макроструктуры своего произведения, но и как способ изобразить своего героя не только блестящим государем, но и настоящим философом.
2. В Италии Кватроченто Альфонсо (во всяком случае, его идеальный образ, созданный Панормитой) действительно мог бы счи-

таться философом в силу своих добродетелей и усердия в их распространении.

3. Подобный ход предпринимается для того, чтобы представить Альфонсо платоновским государем-философом, чья власть априори легитимна и совершенна.

Список источников и литературы

1. *Burkhardt J.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. с нем. К. А. Чекаловой. М.: Интрада, 1996. 523 с.
2. *Delle Donne F.* Alfonso il Magnanimo e l'invenzione dell'umanesimo monarchico: ideologia e strategie di legittimazione alla corte aragonese di Napoli. Roma, 2015. 176 p.
3. Antonii Panormitae Dictis et factis Alphonsi regis Aragonum libri quatuor. Basileae: ex officina Heruagiana, 1538.
4. *Capilla Aledón G. B.* El poder representado: Alfonso V El Magnánimo. Vol. 1. Valencia, 2014. 413 p.
5. *Hankins J.* Virtue Politics. Soulcraft and Statecraft in Renaissance Italy. Cambridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 736 p.
6. *Stacey P.* Roman Monarchy and the Renaissance Prince. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 341 p.
7. *Celenza C. S.* What Counted as Philosophy in the Italian Renaissance? The History of Philosophy, the History of Science, and Styles of Life // *Critical Inquiry*. 2013. Vol. 39. No. 2. P. 367–401.
8. Iannozzi Manetti vitae Socratis et Senecae // *Manetti G.* Biographical Writings. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2003. P. 164–287.
9. *Hankins J.* Manetti's Socrates and the Socrateses of Antiquity / Ed. by Ch. Moore // *Brill's Companion to the Reception of Socrates*. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 619–634.
10. *Sellars J.* Renaissance humanism and philosophy as a way of life // *Metaphilosophy*. 2020. Vol. 51. No. 2–3. P. 226–243.
11. *Lucii Annae Senecae de clementia*. Über die Güte. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 1970. 116 p.
12. *Vallejo Campos A.* Socrates as a physician of the soul // *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin & Boston: de Gruyter, 2016. P. 227–240.
13. *S. Isidori Hispalensis Opera omnia* / Ed. F. Arevalo. V. III. Roma, 1798. 607 p.
14. *Montaner A.* La palabra en la ocasión. Alfonso V como rex facetus a través del Panormita // *e-Spania*, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/e-spania/1503> (дата обращения: 21.09.2022).
15. *Hankins J.* Plato in the Italian Renaissance. Turnhout: Brill Academic Publishers, 1990. 847 p.

УДК 94

Керимова Д. Т.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Социально-гуманитарный институт,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: daria.kerimowa@gmail.com

Северная политика Ричарда III

Аннотация. В статье рассматривается «взгляд на Север» в политике английского короля Ричарда III. Анализируются причины различной политики в южных и северных регионах и ее возможные последствия.

Ключевые слова: Ричард III, история Англии XV в.

Kerimova D. T.

Samara University, Institute of Social Sciences and Humanities,
Department of History, Master's Program, Student
E-mail: daria.kerimowa@gmail.com

The Policy of Richard III towards the North

Abstract. The article examines the “look to the North” in the policy of King Richard III of England. The reasons for the different policies in the southern and northern regions and the possible consequences of this orientation are analyzed.

Keywords: Richard III, history of England in the 15th century.

Ричард III — английский король, правивший с 1483 г. по 1485 г. Несмотря на то, что его правление продлилось всего два года, оно отметилось рядом преобразований, главным образом социально-экономических. Однако наибольший интерес представляет его административная политика, в первую очередь потому, что в те годы в Англии обострился конфликт между северными и южными территориями страны. Северные регионы, в частности, Йорк, занимали наиболее привилегированное положение, так как сидевшая на троне династия была родом из этого региона. Южные же и западные регионы, например, Кент, Эссекс и, конечно же, Уэльс, не получали такого внимания, что в будущем приведет к многочисленным восстаниям и поддержке Генриха Тюдора, сместившего Ричарда с трона.

Рассматриваемые источники представляют из себя своеобразные жалованные грамоты или патенты, дарованные королем. Исследуя их,

можно выявить явные тенденции в отношении тех, кого можно было назвать друзьями короля, и тех, кого он не сильно жаловал. Кроме того, рассматривается официальное законодательство, изучая которое, также можно выявить отношение к регионам Севера и Юга на уровне административной политики.

Напрямую данная политика Ричарда не касалась устройства и организации управления в различных регионах страны, однако, исследуя источники, можно выделить основные тенденции в разнице отношений к графствам Севера и Юга.

Это можно заметить уже с начала правления Ричарда, рассматривая, например, пожалования, которые делал Ричард не столько для своих сторонников, сколько для своих приближенных или, как утверждают некоторые историки, тех, кто помог ему занять трон. Так, например, Фрэнсис Ловелл получил во владение замок Уоллингфорд чуть севернее Лондона, а также должность Главного дворецкого Англии, которая связана с поместьем Кеннингхолл в Норфолке [1, р. 78–81]. Уильям Кэстби получил поместья в Уорикшире, Лестершире и Нортгемптоне [1, р. 182–183], Джон Норфолк — обширные поместья в разных частях страны, лордства и маноры в Саффолке, Эссексе, Кенте, Кембридже, Корнуолле, Беркшире, Уилтшире, Сомерсете, а также все доходы от этих территорий [1, р. 81–83], Роберт Брэнкбери — поместья в Кенте, Кент-Сассексе, Суррее [1, р. 166].

Самые большие пожалования достались самому верному человеку Ричарда Генри Бэкингему. Бэкингем был, пожалуй, главным сторонником герцога Глостера (будущего короля Ричарда III) и способствовал его восшествию на престол. Он всячески поддерживал Ричарда и был правой рукой будущего короля. Он получил поместья в Шропшире, Сомерсете, Дорсете и Уилтшире. Некоторые из этих поместий раньше принадлежали братьям королевы Елизаветы Вудвилль. Кроме того, он также получил право самостоятельно собирать отряды, вооружать их, управлять шерифами, коронерами, бейлифами от имени короля [1, р. 8–15]. Ему также доставались все доходы с вышеупомянутых земель [1, р. 30–34], а более поздним указом Бэкингем был назначен главой леса вышеупомянутых территорий и получил право назначать стюардов и эшевенгов. Отдельным королевским указом Бэкингем получил во владение Херефорд — семейное поместье, которое было утрачено во времена правления Эдуарда IV [2, р. 363].

Другим же, не слишком приближенным к королю, достались менее значимые земли. Например, Томас Лэнгтон получил епископство Сент-Дэвис на западе Уэльса. Уильям Беркли и Уильям Увдейл получи-

ли, соответственно, Карсброк и Портсмут на юге; Томас Тирелл — Уизерсфилд на востоке, а Альфред Корнбург и Джонс Модии — Корнуолл и Уилтшир на западе [1, р. 76–77].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно на центральные и северные графства полагался Ричард в своей политике. Назначая проверенных людей на должности в тех регионах, он был уверен, что на этих землях все будет под контролем. Кроме того, можно предположить смысл назначения Генри Бэкингема на должности в Уэльсе. Эта территория исторически противостояла Англии, желая отделиться от нее, на ней периодически возникали восстания и находили поддержку мятежники против королевской власти. Назначив руководителем этих мест Бэкингема, Ричард III надеялся удержать под своей властью этот регион.

Еще одним интересным документом является письмо жителям Йорка о намерениях Ричарда жениться на Елизавете Йоркской. Это письмо не было бы столь особенным, если бы Елизавета не была его племянницей, дочерью Эдуарда IV. В письме Ричард обращается к мэру и жителям города, чтобы опровергнуть предстоящий брак, убеждая их в том, что различные подстрекатели и злонамеренные лица как в Лондоне, так и в других местах сеют семена шума и клеветы против короля, чтобы оскорбить множество подданных и изменить их умы [3, р. 119]. Слухи о намерении жениться на столь близкой родственнице стали появляться после смерти королевы Анны в марте 1485 года, вероятно, от туберкулеза [4, с. 348–349]. Известно, что Ричард тяжело переносил смерть жены, однако вскоре все же решил жениться вновь, отправив предложение в Португалию Жуану II [4, с. 351]. Это письмо представляет интерес в первую очередь из-за того, кому было адресовано. Слухи о предполагаемом браке распространялись на территории всей страны, в том числе и в западной части, которая, как уже было сказано, традиционно выступала против королей-северян. Однако Ричард посчитал важным направить письмо именно в Йорк. Одной из причин было то, что Йорк — родина последних Плантагенетов. Отец Ричарда, герцог Йоркский, был очень важной фигурой в этом регионе, его авторитет и авторитет его детей был там довольно высок. Вторая причина вытекает из первой. Желание Ричарда ориентироваться в своей политике на Север могло разрушиться и obratit против короля не только Юго-Запад.

Это желание также могут косвенно подтверждать два письма, написанные в июне 1485 года, когда стала явной угроза вторжения Генриха Тюдора и поддержка его южанами, в частности, Уэльсом, выходцем

из которого был Генрих. Оба письма наполнены одним и тем же смыслом — подготовка к защите и сбор войск, их вооружение и подготовка к ожидаемой вскоре войне. Однако если одно письмо было адресовано во все графства, то другое было направлено конкретно в Йорк. Интересно и содержание этих писем. Так, если в письме всем графствам король говорит, что людей нужно направить для защиты королевства, а сами графства оказывают услугу и служат королю [5, р. 228], то в письме в Йорк, напротив, речь идет не только о защите короля и государства, но и о защите этих территорий от захватчиков [5, р. 229].

На примере этих двух писем подтверждается ориентированность политики Ричарда на Север, в частности, герцогство Йорк, родину Ричарда. Он мог сделать это по разным причинам, явной из которых является желание неким образом задобрить жителей Севера, которые в прошлом посадили на трон старшего брата Ричарда, и с помощью которых сам Ричард пытался на троне удержаться.

В своей политике Ричард разграничивал Север и Юг. Это еще раз подтверждается решением реорганизовать орган местного самоуправления Совет Севера. Совет Севера — орган власти, созданный в 1472 году Эдуардом IV в качестве административного органа в северных регионах Англии. Глава Совета, президент, мог выступать, писать письма и издавать указы от имени короля. С 1472 года до вступления на престол Ричард был первым лордом-президентом Совета Севера. Будучи президентом Совета, Глостер (будущий король Ричард) попытался использовать его в своих интересах. Обязанности и полномочия Совета Севера в то время не были четко определены и зависели исключительно от воли лидера.

Располагался Совет Севера в родном графстве короля Йоркшире. Тем самым Ричард подтвердил важность этого региона и в определенной степени возвысил его над другими. Кроме того, Ричард сделал еще один важный шаг, возвеличивая Север перед Югом, — президентом Совета Севера особым королевским указом был назначен его племянник Джон де ла Поль, лорд Линкольн [6, р. 56]. Историки связывают это решение с тем, что после смерти сына Эдуарда у Ричарда в планах было объявить Джона наследником и передать ему корону [7, с. 64]. Таким образом, назначение Линкольна на столь значимый пост только подкрепляло эти догадки. Это подтверждается и функциями Совета Севера. Так, Совет собирается как минимум один раз в квартал в Йорке, чтобы выслушать, рассмотреть и разрешить все жалобы и другие представленные документы. Совет имеет полномочия распоряжаться и применять действия в отношении всех беспорядков, насильственных действий, споров и других

злоупотреблений против законов. То есть фактически президент Совета обладал функциями короля. Более того, все официальные бумаги и документы, которые подписывал Совет, начинались со слов: «По воле короля и его Совета» [6, р. 57].

Все исследованные источники демонстрируют не официальную, но явно прослеживающуюся про-северную административную политику Ричарда III. Помня о своем происхождении, он полагался именно на северные регионы, которые, несомненно, старались помочь выходцу из Йорка. Более того, местные жители хранили память о подвигах его отца, что еще больше укрепило желание Ричарда рассматривать именно эти регионы в качестве опоры королевской власти. Это подтверждается вышеуказанными документами, которые прямо или косвенно говорят о политике короля, который одаривал своих сторонников землями на севере, а менее значимым подданным даровал земли на юге и в Уэльсе.

Список источников и литературы

1. Harlerian Manuscript, in 3 volumes. Vol. 1. Trowbridge, Wiltshire: Redwood Burn Limited, 1979. 289 p.
2. Calendar of the patent rolls preserved in the Public Record Office: Edward IV, Edward V, Richard III, in 3 volumes. Vol. 3. London: Printed for her Majesty's Stationery Office, 1901. 727 p.
3. *Francis Drake*. Eboracum: Or, The History and Antiquities of the City of York, from Its Original to the Present Times. London: William Bowyer, 1736. 627 p.
4. *Браун Е. Д.* Самый оболганный король Средневековья. М.: Яуза-каталог, 2020. 512 с.
5. Harlerian Manuscript, in 3 volumes. Vol. 2. Trowbridge, Wiltshire: Redwood Burn Limited, 1980. 228 p.
6. Letters, &c. of Richard III // Letters and papers illustrative of the reigns Richard III and Henry VII, in 2 volumes. Vol. 1. London: Longman, Green and Roberts, 1861. P. 3–88.
7. *Хэммонд П.* Ричард III и битва при Босворте. СПб; М.: Евразия, ИД Клио, 2014. 288 с.

УДК 94 (410)

Алестархова А. Е.

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений, студент
E-mail: alestarhova@sfedu.ru

Успехи и неудачи первого русского посольства в Англию (1556–1557 гг.)

Аннотация. Статья посвящена событиям, связанным с отправкой первого русского посольства в Англию в 1556 г. На основе сопоставления данных русских летописных сводов и источников зарубежного происхождения предпринята попытка выяснения основных целей планируемого русской стороной переговорного процесса. Отмечены обстоятельства признания английским двором взаимовыгодного экономического партнерства с Москвой. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения вопроса о возможности заключения военно-политического союза Англии и России в середине XVI в.

Ключевые слова: Григорьев Осип Непея, посольство, Англия, Россия, Тюдоры, Иван IV Грозный.

Alestarhova A. E.

Southern Federal University,
Institute of History and International Relations, student
E-mail: alestarhova@sfedu.ru

Successes and Failures of the First Russian Embassy to England (1556–1557)

Abstract. The article is devoted to the events related to the dispatch of the first Russian embassy to England in 1556. Based on the comparison of data from Russian chronicles and sources of foreign origin, an attempt is made to clarify the main objectives of the negotiation process planned by the Russian side. The circumstances of the recognition by the English court of a mutually beneficial economic partnership with Muscovy are noted. The conclusion is made about the need for further study of the possibility of concluding a military-political alliance of England and Russia in the middle of the 16th century.

Keywords: Grigoriev Osip Nepea, embassy, England, Russia, the Tudors, Ivan IV the Terrible.

Становление англо-русских отношений в середине XVI в. связано с трагическими обстоятельствами. В 1553 г. следовавшая для поиска се-

верного пути в Индию и Китай английская экспедиция попала в бурю. Один из трех ее кораблей — «Эдуард Бонавентура» — отнесло к берегу Белого моря. Высадившись на сушу в бухте Св. Николая, уцелевшие англичане во главе с лоцманом Ричардом Ченслером объявили, что имеют официальные полномочия для обсуждения с русским государем вопроса о налаживании торговли между Англией и Московией. В результате был устроен прием английского лоцмана Р. Ченслера при дворе Ивана IV Грозного. В Московской Руси было тогда немало иностранцев — итальянцев, немцев, греков, евреев, но не англичан. Ни одно английское посольство не появлялось в Москве, ни один английский дипломат не ступал на эти земли до 1553 года [1, р. 3]. Отныне открывались перспективы сотрудничества между русскими и англичанами.

В качестве ответного визита Московская Русь отправила посольских представителей в Англию. Во главе посольства был поставлен вологодский купец Григорьев Осип Непея Вологжанин. В силу ряда причин личность Осипа Непеи до сих пор не была предметом изучения в историографии. Годы жизни его неизвестны, информацию о деятельности жителя Вологды можно почерпнуть лишь из древних летописей. Известно, что Непея занимал должность дьяка в Москве в 1558–1559 гг. Также он участвовал в заседании Земского Собора 2 августа 1566 г. [2, с. 135], а в 1570 г. вместе с князем Иваном Канбаровым (соратником Ивана IV по Ливонской войне) отправлялся в Великое посольство в Польшу [3, с. 724].

Информация о посольстве Осипа Непеи в Англию содержится в сборнике сочинений Ричарда Гаклюйта. Здесь можно найти много источников, которые описывают данное событие. В одном из писем, зарегистрированных протонотарием Джоном Инсентом, упоминается о том, что царь Иван Грозный отправил высокопоставленного чиновника Осипа Непею к английской королеве с письмами и большим количеством подарков в знак проявления взаимной дружбы [4, р. 105–109]. По данным русских летописных хроник, посольство датируется 1556 г. [5, с. 270; 6, с. 12–13].

О русском после упоминает русский историк XIX века Юрий Васильевич Толстой. В 1857 г. он побывал в Англии, где имел возможность поработать в Лондонском королевском архиве, в фондах которого было упомянуто посольство Непеи. Юрий Толстой приписывал послу статус вологодского наместника, который 25 марта 1556 г. специальным распоряжением получил отпуск для выполнения дипломатической миссии [7, с. 9]. Следует отметить, что звание наместника присваивалось русским послам на время самого посольства для большего почета в период нахождения в чужом государстве.

Весной 1556 г. для русского посольства было снаряжено четыре корабля. Богатые подарки и товары были погружены на возглавляемый Р. Ченслером английский корабль «Эдуард Бонавентура», принадлежавший основанной в Лондоне в 1555 г. Московской торговой компании. В числе товаров на сумму 20 000 ф. ст. были пользующиеся спросом воск, меха, пряжа, сало, войлок. На другой корабль, под названием «Добрая Надежда», погрузили товары на сумму 6000 ф. ст.

Когда суда следовали вдоль северных территорий, они попали в шторм. Корабли «Добрая Надежда», «Филипп и Мария» и «Благое Упование» были унесены к побережью Норвегии, в Дрентон-Уотер. Корабль «Добрая Надежда» с численностью экипажа 24 человека остался там зимовать, «Благое Упование» разбился о скалы, а «Филипп и Мария» вернулся в Лондон только 18 апреля 1557 г. [8, p. 286].

Крушение четвертого корабля — «Эдуарда Бонавентуры» — близ шотландской бухты Питтселего стало причиной потери даров, которые должны были быть доставлены английской королеве. Большую часть не успевшего затонуть груза разграбили местные жители. По общим подсчетам, с этого корабля шотландцами было украдено товаров на сумму 1000 ф. ст.

Известия о кораблекрушении у берегов Шотландии и гибели лоцмана Ричарда Ченслера дошли до Лондона к 6 декабря того же года. Лордам Шотландии от английского двора были незамедлительно направлены письма с просьбой предоставить комфортные условия для русского посла Осипа Непеи и уцелевшего экипажа, с сохранением и восстановлением всего похищенного имущества. Вдовствующая королева Шотландии издала прокламацию, предписывавшую прибрежным жителям вернуть украденные ими вещи. Из Англии был отправлен юрист и дипломат Лоуренс Хассии, чтобы помочь в быстром возмещении всех убытков после кораблекрушения [9, p. 108–111].

В результате ко двору были доставлены 180 человек, чтобы вернуть украденные ими во время кораблекрушения русские товары. В сборнике Гаклюйта в числе затонувших и разграбленных шотландцами подарков, отправленных английским монархам, были отмечены следующие:

1. Шесть дорогих разноцветных шкур соболей.
2. Четыре живых соболя с цепями и ошейниками.
3. Двадцать целых соболей (с зубами, ушами и когтями).
4. Шесть редких и дорогих шкур, которые носит только император, чтобы подчеркнуть свое достоинство.

5. Тридцать больших *Lausannes* (по одной из версий, слово происходит от *lausa* — камень. Можно предположить, что это один из видов драгоценных камней).
6. Большой белый сокол, которого охотники использовали в охоте на диких лебедя, журавля, гуся и других крупных птиц. Для того чтобы звать сокола обратно, прилагались: серебряный барабан и позолоченные обручи [10, р. 122]. Известный путешественник Марко Поло отмечал, что в России соколов и сапсанов ловят в огромном количестве, а потом развозят в различные части мира [11, р. 413].

Под угрозой ареста шотландцы принесли небольшие свертки с воском и другие мелочи, не имеющие ценности. Большая часть серебра, золота, дорогих мехов и богатые подарки были либо спрятаны, либо проданы. Утомленный ежедневными посещениями и сборами, 14 февраля 1557 г. посол с согласия королевы отбыл в Англию. В Шотландии были оставлены несколько английских джентльменов, которые должны были продолжить сбор утерянных вещей и организовать их отправку на корабле в Англию не позже апреля следующего года.

18 февраля 1557 г. русский посол прибыл в Бервик, где был принят со всеми почестями. Через 10 дней он прибыл в Лондонский Сити, где его встретили десятки английских торговцев, предоставив одежду, жилье и лошадей. Русский посол сопровождался немалым числом рыцарей, эсквайров, джентльменов и йоменов. Предоставленный ему красивый и крупный конь был украшен золотыми кружевами, портянкой из восточного малинового бархата. Это был один из самых дорогих подарков, имевший целью продемонстрировать уважение к новоприбывшему гостю [9, р. 113].

Приезд иностранного посла из далекой Московии стал важным событием для лондонцев. Проезжая по Сити, Осип Непея наблюдал скопление людей, желавших посмотреть на русского гостя. Так как дорога ко двору была долгой, то было сделано несколько остановок. Одна из них — на Фенчерч-стрит, где Непее было предоставлено две комнаты, богато украшенные, с большим количеством мебели, посуды и буфетом. Пока он находился там, его посещали различные олдермены и важные персоны, которые старались проявить свое уважение и гостеприимство [9, р. 115].

При входе в покои Осипу Непее от имени английской короны были вручены различные подарки — большое количество видов ткани: шелковые, золотые, пурпурный бархат, малиновый бархат, пурпурный дамаск, малиновый дамаск и прочее. Посол пробыл в Лондонском Сити

около месяца, а 20 марта прибыл ко двору королевы в Вестминстере. Он был встречен шестью лордами и препровожден в великолепный зал. Лорд-канцлер, казначей, адмирал и другие члены королевского совета приветствовали русского посла.

На протяжении всего периода нахождения в Лондоне к Осипу Непее относились с должным уважением в соответствии с его статусом. Английские послы занимались не только сбором информации о затонувших у берегов Шотландии предметах, но также устраивали пиры и проводили экскурсии по Лондону. Русскому послу показали Королевский дворец, церкви Вестминстерского аббатства, Лондонский Тауэр и Зал Гильдий. Более того, в двадцатых числах апреля было организовано торжество в честь Осипа Непеи, с целью продемонстрировать уважение и дружеские намерения по отношению к нему и стране, из которой он прибыл.

По случаю возвращения Непеи обратно в Россию королева Англии подготовила большое количество подарков. Русскому государю предназначалось немало дорогих шелковых тканей алых и голубых цветов; бригандина (кольчуга), покрытая малиновым бархатом и позолоченными пластинами, а также самец и самка льва [12, р. 122]. Осипу Непее, кроме уже оказанных почестей в самой стране, были вручены пара золотых горшков, пара серебряных и позолоченных кувшинов и золотая цепь весом сто фунтов [13, р. 123].

На основе информации из русских летописных сборников и данных иностранных посольств становится ясно, что стремление установить прочные экономические связи с англичанами было не единственной целью русского посольства.

В 1556 г. внешняя политика России активизировалась в связи с соперничеством с Польшей и Швецией. Кроме того, затягивалась борьба и с Крымским ханством. В донесениях венецианского, французского и польского послов есть информация, которая расходится с основными данными русских хроник. Изучив данные иностранных источников, можно сделать вывод о том, что немаловажной целью посольства был поиск военных союзников для назревавшего масштабного конфликта — Ливонской войны.

По сведениям венецианского посла Мишеля Суриана, в 1555 г., еще до отправления русского дипломатического посольства на Британские острова, несмотря на то, что Англия демонстрировала нейтралитет по вопросам русско-польских отношений, в Англию приезжал посол из Польши просить о помощи, так как Польша и Россия находились в постоянном военном конфликте из-за приграничных территорий. Он пы-

тался договориться о том, чтобы московский царь не смог воспользоваться каким-либо военным снаряжением, полученным со стороны Англии. В итоге польская сторона добилась желаемого [14, р. 138–145].

Весной 1557 г., когда русский посол Осип Непея находился в Лондоне, Мишель Суриан сообщал, что русские вели переговоры о возможности поставок из Англии боеприпасов и артиллерии. Более того, венецианец сообщал, что со стороны Швеции также прибыло посольство, чтобы убедить Англию отказать России в военной помощи. Швеция угрожала разрывом отношений с Англией, если русским все-таки будет оказана военная поддержка. В конце концов, заключил италянец, хотя какое-то время «Ее величество не принимала никакого решения», приветствуя предложение об экономическом сотрудничестве, русским все же отказали в военной помощи [15, р. 999–1016].

Однако по данным других итальянских источников русский посол сумел договориться о военных поставках. В письме королевского секретаря Траянуса Провано, адресованного герцогу Альбрехту Прусскому, в августе 1557 г. сообщалось, что на русский корабль грузили большое количество военного снаряжения, опытных специалистов и материалы для ведения военных действий [16, с. 262]. В мае 1558 г. французский дипломат Франсуа де Ноа также упоминает о том, что когда он находился в составе посольства в Англии, встретил там русского посла, которого англичане снабдили всевозможным оружием для борьбы «со страной Султана» [17, р. 449–450]. Как упоминает отечественный исследователь А. А. Киселев, в том же году к Московии было присоединено Астраханское ханство, при этом существовала необходимость укрепить южные границы. Крымское ханство представляло угрозу для страны, и, как следствие, государству нужны были союзники и в этой войне. Таким образом, А. А. Киселев предполагает, что Осип Непея во время переговоров во дворце обсудил перспективы присоединения Англии, Испании и Священной Римской империи к антитурецкой коалиции [18, р. 144].

В качестве еще одного подтверждения тому, что посольство снаряжалось в том числе и для поиска военных союзников, можно привести еще один документ из сборника сочинений Ричарда Гаклюйта. В апреле 1558 г. в Польше был арестован английский торговец Томас Оллок за то, что перевозил боеприпасы и другое военное снаряжение в Россию. Об этом шла речь в письме, отправленном Ричарду Грею и Генри Лейну из города Тирвилл [19, р. 303–305].

Таким образом, анализируя успехи и неудачи первого русского посольства в Англию в середине XVI в., следует отметить, что безуслов-

ным успехом стало налаживание экономических и культурных связей России и Англии. В то же время печальный след оставили трагические обстоятельства, предшествовавшие прибытию русского посла в Лондон. Следствием недостаточного количества источников информации, включая утраченный Статейный список русского посла, является разная трактовка в историографии целей и итогов посольства во главе с Осипом Непеей. В частности, вопрос о том, стало ли результатом русско-английских переговоров в Лондоне в 1557 г. заключение внешнеполитического союза двух государств, представляется до конца нерешенным и требует дополнительного изучения.

Список источников и литературы

1. *Anderson M. S.* Britain's discovery of Russia, 1553–1815. London: Macmillan, 1958. 245 p.
2. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
3. Сборник Императорского русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 71. Ч. 3. СПб: типография А. Катанского, 1890. 234 стлб.
4. Of the honourable receiving into England of the first Ambassador from the Emperor of Russia, in the year of Christ 1556, and in the third year of the reign of Queen Mary, serving for the third voyage to Mosow. Registered by Master John Insent, Protonotarie // Hakluyt R. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Othhere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London: Cassell, 1889. p. 105–121.
5. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, окончание. Т. 13. Ч. I. СПб: Археографическая комиссия, 1904. 302 с.
6. *Титов А. А.* Летопись Двинская. М.: Изд-во П. Фокина, 1889. 182 с.
7. *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. 561 с.
8. *Hakluyt R.* The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouerland to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years: diuided into three seuerall volumes, according to the positions of the regions. London: Bishop G., Newberie R., Barker R., 1599. 485 p.
9. *Hakluyt R.* The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Othhere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London: Cassell, 1889. 192 p.
10. Gifts sent to the King and Queen's Majesties of England by the Emperor of Russia, by the report of the Ambassador, and spoiled by the Scots after the Shipwreck //

- Hakluyt R. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London: Cassell, 1889. p. 122.
11. *Masefield J.* The travels of Marco Polo, the Venetian. London: J. M. Dent, 1908. 461 p.
 12. Gifts sent to the Emperor of Russia by the King and Queen's Majesties of England // Hakluyt R. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London: Cassell, 1889. p. 122.
 13. Gifts given to the Ambassador at his Departure, over and above such as were delivered unto him at his first Arrival // Hakluyt R. The discovery of Muscovy, from the collections of Richard Hakluyt. With the Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London: Cassell, 1889. p. 123.
 14. *Michiel Surian.* Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate. No. 166 // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. London: Her Majesty's Stationery Office, 1877 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol6> (дата обращения: 23.09.2022).
 15. *Michiel Surian.* Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate. No. 852 // Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. London: Her Majesty's Stationery Office, 1877 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol6> (дата обращения: 23.09.2022).
 16. *Граля Х.* Россия — Англия — Польско-Литовское государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон и ягеллонская дипломатия (1557 г.) // Россия — Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. СПб: Европейский дом, 2015. с. 256–264.
 17. *Charriere E.* Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France. Paris: Imprimerie nationale, 1848–1860. 823 p.
 18. *Киселев А. А.* Визит посланника О. Г. Непеи в Англию (1556–1557): успех или провал русской дипломатии? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 4. С. 137–147.
 19. A letter of Thomas Alcocke to the worshipfull Richard Gray and Henrie Lane agents Moscovia from Tirwill in Polonia, written in Tirwill the 26 of April 1558 // Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation: made by sea or ouerland to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years: diuided into three seuerall volumes, according to the positions of the regions. London: Bishop G., Newberie R., Barker R., 1599. 485 p.

УДК 94

Гафуров С. О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, студент магистратуры
E-mail: maiasters@mail.ru

Формирование внешнеполитической концепции австрийских Габсбургов в 20-е годы XVII века

Аннотация. Статья посвящена анализу наиболее важных внешнеполитических концепций, существовавших при дворе императора Священной Римской империи Фердинанда II Габсбурга. Автор стремится через оценку притязаний Австрийского дома во второй половине 20-х годов XVII века выйти на проблему международных отношений эпохи раннего Нового времени.

Ключевые слова: Фердинанд II Габсбург, Габсбурги, Австрийский дом, Священная Римская империя, Тридцатилетняя война.

Gafurov S. O.

Kazan Federal University,
Institute of International Relations, Master's Program, Student
E-mail: maiasters@mail.ru

Formation of the Foreign Policy Concept of the Austrian Habsburgs in the Third Decade of the 17th Century

Abstract. This article is devoted to the analysis of the most prominent ideas in the field of foreign policies that had circulated in the court of the Ferdinand II Habsburg, emperor of HRE. The author endeavours to examine the phenomenon of the early modern international relations through the lens of the political claims held by the Austrian House of Habsburg during the third decade of the 17th century.

Keywords: Ferdinand II Habsburg, House of Habsburgs, House of Austria, Holy Roman Empire, Thirty Years' War.

Б. Ф. Поршнев писал: «1628–1629 годы — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. "Датский период", как прежде "чешский", закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов» [1, с. 168]. Интерпретация Тридцатилетней войны как конфликта за установление габсбургской общеевропейской монархии распространена в исторической науке. Данное положение яв-

ляется ключевым тезисом концепции Вестфальской системы, которую теоретизировали крупнейшие ученые-международники, наиболее известные из которых — Г. Моргентау, Х. Булл, Л. Гросс [2, р. 31; 3, с. 40]. Такое толкование истории международных отношений XVII века было наиболее распространенным, пока на рубеже XX–XXI веков западные ученые не подвергли обоснованной критике концепцию Вестфальского миропорядка. Представления об универсалистских претензиях Габсбургов также были подвергнуты критике. Такие историки, как Б. Тешке, А. Осиандер, Р. Лассафер и др., пришли к выводу, что универсалистские притязания Габсбургов в Тридцатилетней войне преувеличены или даже ошибочны, указав на то, что планы о создании универсальной монархии не прослеживаются в источниках [4, р. 25; 5, р. 260–287; 6]. Здесь можно процитировать А. В. Куприянова, отметившего состояние отечественной науки в данном вопросе: «Россию обе волны критики обошли стороной. "Вестфальский миф" по-прежнему царит в отечественных учебниках по истории и теории международных отношений» [3, с. 42]. В то же время в Германии была опубликована серия исследовательских работ, в которых феномен универсализма стал рассматриваться в качестве самостоятельного предмета изучения. Такие ученые, как Ф. Босбах, Й. Буркхардт, Й. Кесслер, реактуализировали значение универсализма в истории европейской политической мысли раннего Нового времени [7, s. 87–121; 8, s. 59–68; 9, s. 71–89]. Например, Й. Буркхардт использовал очень схожую с классической интерпретацией Вестфальской системы модель понимания Тридцатилетней войны как конфликта за государственное устройство (*Staatsbildungskrieg*): универсализм против принципа суверенитета [10, s. 57]. По его мнению, с проигрышем универсализма государства должны были признать, что с Вестфальским миром приходит эпоха анархии [10, s. 71]. Данная работа находится в рамках проблемного поля природы международных отношений раннего Нового времени, которое включает в себя работы упомянутых авторов.

Австрийские Габсбурги в период Тридцатилетней войны имеют ключевое значение в рамках данной проблематики. Как писал К. Кампманн: «Император является ключевой политической и военной фигурой Тридцатилетней войны. Историки никогда не сомневались в этом факте, что становится очевидным при просмотре общей историографической терминологии. Например, война обычно подразделяется на четыре разных периода (Чешско-пфальцская война, датская война, шведская война, франко-шведская война), все они названы в честь соответствующих главных врагов императора, который, таким образом, косвенно признан

центральной стороной войны» [11, р. 39]. Отнюдь не случайно ранее была приведена цитата Б. Ф. Поршнева. Безоговорочный военно-политический успех Австрийского дома в датский период (1625–1629 гг.) Тридцатилетней войны оказал огромное влияние не только на дальнейшее развитие конфликта, но и на теорию международных отношений в целом. Комплексное рассмотрение внешнеполитических притязаний Фердинанда II Габсбурга в обозначенный период в контексте истории международных отношений необходимо для развития данной проблематики.

Обращаясь к изучению истории международных отношений раннего Нового времени, отметим, что классические парадигмы следует признать скорее неподходящими. Классические теории международных отношений были разработаны на основе материала более позднего времени и поэтому оказываются неприменимыми к изучению более ранних периодов. Для данной работы важно отметить, что международные отношения невозможно свести к взаимодействию государств-акторов, которые формируют принципы сотрудничества на основе этого взаимодействия. Нельзя сказать также, что между акторами в международной политике не выявляются внутренние свойства, влияющие на складывание международных отношений. Например, геополитический аспект прибавлял актуальности определенным идеям, а другие, наоборот, оказывались забытыми. Однако международные отношения подстраиваются под определенные дискурсы, которые можно обнаружить в политической жизни. Для анализа дискурсов привлекается подход Э. Лакло и Ш. Муфф [12, с. 94–97]. Данную теорию выделяет подробно сформулированный инструментарий для дискурс-анализа, который предлагают авторы.

Для того, чтобы выявить роль австрийских Габсбургов в конфликте, необходимо, таким образом, определить, в рамках каких дискурсов проходила жизнь императорского двора. Двор — центр политической жизни раннего Нового времени, важнейший инструмент управления династического государства. Монарх выражает те настроения и идеи, которые существуют при дворе, будучи также индивидом, способным к принятию решений. Поэтому очень важно обозначить структуру Австрийского двора.

В правление Фердинанда II в Вене постоянным оставался спор: должна ли политика основываться на предполагаемом божественном откровении или же на основании рациональных оценок [13, р. 307]. По мере укрепления позиций католиков в войне внутри католического лагеря развивалась борьба за использование своего преимущества. Более воинственные смотрели на любой компромисс с протестантами как на малодушное недоверие к Богу. Для удобства обозначим эту по-

зицию «строгий политический католицизм». Более умеренные деятели склонялись к мирному урегулированию, которое закрепило бы завоевания католиков даже за счет некоторых уступок протестантам [14, р. 23]. Данный дискурс обозначим как «прагматический политический католицизм». Кроме того, в первые годы Тридцатилетней войны оформилась военно-политическая зависимость Австрийского дома от Католической лиги и Испании. В 1624–1625 годах были предложены еще два подхода использования превосходства католиков. Первый из них был выдвинут первым министром короля Испании Оливаресом в апреле 1625 года. Он намеревался уничтожить голландскую торговлю на Балтике путем создания испано-германской торговой компании и агрессивного контроля над империей. Второй исходил от имперских князей Католической лиги. Они начали видеть возможность реализовать возвращение секуляризованных церковных земель не только на территориях императора и Пфальца, но и в остальной Германии [14, р. 27].

Во внешнеполитической стратегии Австрийского дома перечисленные дискурсы дублировали друг друга. «Прагматический политический католицизм» и испанскую ориентацию можно противопоставить «строгому политическому католицизму» и имперской ориентации. По мнению испанских историков Р. Куэрвы и Л. Касадо, ключевые должности при императорском дворе были следующие: обергофмейстер, старший камергер, обершталмейстер, гофмаршал; императорский духовник [15, р. 161]. При этом важно выделить должность главы Тайного совета. Именно в Тайном совете формировалась внешняя политика монархии [16, р. 179]. Огромное влияние в обозначенный период имел князь Ганс Ульрих фон Эггенберг, который занимал должности директора Тайного совета и оберкамергера, выразивший прагматический политический дискурс. Во влиянии на императора с ним соперничал духовник императора Вильгельм Герман Ламормен [13, р. ix].

На протяжении большей части правления Фердинанда II Эггенберг доминировал в Тайном совете. Особенно сильно влияние князя ощущалось до 1629 года. Эггенберг стремился оформить полностью независимый внешнеполитический курс Австрийского дома [17, s. 79].

Прежде всего нужно отметить, что Эггенберг выделял особый статус императора, который являлся особым актором в политике как правитель империи, что придавало монарху несравнимое величие и репутацию (*die Majestat und Reputation*) [18, s. 151]. Он неоднократно подчеркивал, какую «высокую репутацию имел и будет иметь достославный Австрийский дом» [19, s. 16]. К этому прибавлялось, что в жилах правителя Австрийского дома течет «героическая кровь» (*Heroisches Geblüts*), которая также требовала осо-

бого статуса, «суверенитета» (*Hoheit*) на международной арене [18, s. 151]. По мысли Эггенберга, совесть требовала уважения (*Respect und Reputation*) католической веры, которая подвергалась нападкам [18, s. 180–181].

Как считал Эггенберг, дьявол с помощью ересей (протестантских) удерживал обманутые народы от праведного Австрийского дома [18, s. 77–78]. Он с энтузиазмом поддержал инициативу Георга Людвига фон Шварценберга о том, чтобы занять гавани Восточной Фризии, нарушив голландскую торговую монополию, и организовать германскую торговлю с Индиями [17, s. 77]. По мнению Эггенберга, это помогло бы укрепить позиции императора и Священной Римской империи. В письме Фердинанду от 23 мая 1625 года Эггенберг писал, что через море возможно будет добиться первенства перед всеми другими правителями (*die Präcedenz vor allen anderen*) и заполучить право на третейский суд над всеми народами (*das Arbitrium bei allen Nationen*) для Священной империи, на которое император имел все основания по своему статусу [18, s. 78]. Богатство, которое даст морская торговля, обеспечит закон (*Potentaten Leges*) над всеми другими правителями. Именно с помощью морской торговли будет продвигаться дело католицизма и Австрийского дома [18, s. 78]. 23 августа 1625 года в письме Фердинанду Эггенберг указал на то, что император должен принять арбитраж над коллегией курфюрстов и другими сословиями, чтобы принести мир и процветание в империю [18, s. 175–177]. Имперским сословиям, в частности, курфюрсту Саксонии, Эггенберг рекомендовал особое внимание придать тому, что император воевал ради мира в империи и преодоления опасных распрей, при этом не допуская иностранцев в структуры империи [18, s. 164].

Попытаемся обозначить основные понятия дискурса Эггенберга. В качестве узловых точек, организующих его политические воззрения, можно выделить: *арбитраж* над другими правителями, *миротворческие* мотивы войны. Ключевые знаки обозначаются как: имперский *статус* (универсалистская идентичность), *праведность* Австрийского дома (конфессиональная идентичность). Социальное пространство организуют формулировки: все другие *правители*; все *народы*. То есть дискурс прежде всего действует в рамках корпорации правителей, которые имели власть над народами мира. Так же отдельно следует рассматривать пространство Священной Римской империи. Дискурс организован так, что особый *статус* и *праведность* императора давали ему право на *арбитраж* над всеми другими *правителями* и *нациями*. Формирование идентичности происходило посредством конфессионального принципа (отстаивание католической веры, борьба с ересью) и имперского наследия (император — *величайший* правитель из всех),

что отделяло австрийских Габсбургов от испанской линии и Католической лиги. Незримый враг Австрийского дома — *дьявол*, который путем обмана и с помощью ересей настроил против императора многие народы. Законность борьбы за мир против дьявола не подлежит сомнению.

Итак, подытожив, можно составить следующую интерпретацию политического дискурса Эггенберга: император благодаря своему статусу и праведности имеет право на то, чтобы установить арбитраж над всеми другими народами; император должен по своему статусу и по своей праведности защищать истинную веру, которая подвергалась нападкам; тем самым он сможет принести мир и процветание; противодействие императору вызывал дьявол, который обманывал другие народы и настраивал их против императора. Фактически, это подстроенный под австрийскую идентичность дискурс Меркурино Гаттинары — канцлера императора Карла V Габсбурга. Таким образом, Эггенберг конструирует универсалистскую концепцию внешней политики.

Теперь следует выявить представления о внешней политике Австрийского дома со стороны Вильгельма Ламормена. С момента назначения Ламормена духовником Фердинанда II в 1624 году теолог начал принимать активное участие в государственных делах в качестве советника императора. С Эггенбергом его объединял принцип абсолютного религиозного единообразия.

В основе концепции Ламормена лежит положение о том, что правитель в первую очередь должен позаботиться о том, что он сможет представить на Божий суд. Ламормен писал, что именно этот принцип определял деятельность императора Фердинанда [20, р. 124]. Истинная политика заключалась в защите и расширении «божественной чести» (*Dei honoris*) [20, р. 120]. Защита и распространение католической веры, обеспечение общественной безопасности и сохранение справедливости в Римской империи для императора — приоритетная задача, чтобы такими действиями вызвать «милосердие Бога ко всем» (*paternam in omnes clementiam*) [20, р. 158]. «Страх перед Богом, христианская религия и естественная любовь — единственные юридические обязанности великих князей» [21, s. 599].

Ламормен считал, что в вопросах истинной религии никогда нельзя идти на уступки. Он писал, что бедствия в Германии и Нидерландах происходят от дьявола — источника мятежей. Дьявол также виновен в том, что инициирует вражду между католическими князьями [21, s. 600]. Следует не допускать присутствия еретиков на земле монарха, присутствие которых оскорбляло Церковь и Бога [20, р. 5–6]. Ламормен подчеркивал миролюбие императора: «У Фердинанда было столько врагов, что сам

он никогда не объявлял себя врагом кого-либо». Ламормен продолжал: «На собрании советников во время решения вопросов войны и мира Фердинанд повелевал зачитывать заповеди» [20, р. 124]. Война должна быть санкционирована не только князьями, но и теологами, которые могут обратиться к Писанию. Это главное и единственное правило совести. И даже если причины войны правильны и справедливы, император тем не менее вмешался бы и приложил все усилия, чтобы не добиться мирного урегулирования [21, s. 599]. Таким образом, император должен избегать кровопролития среди истинно верующих и тем самым добиваться благородных побед над бунтовщиками и врагами Церкви, что ведет к благодати Бога. Если же католики будут враждовать между собой, колодец божьей благодати опустеет. Очень важно отметить отношение к происходящим событиям как к неизбежному, что придавало политике подчеркнутый характер божественной миссии. Ламормен писал в письмах Кевенхюллеру: «Только от благодати божьей зависят дела и состояние императора и короля Испании» [21, s. 600].

Этот теолог считал, что протестанты воюют, потому что ненавидят не только католическую религию, но и свою страну (Священную Римскую империю) [20, р. 2]. Однако Фердинанд очень уважительно относился к протестантам [20, р. 172–173]. И к шведскому королю император проявлял большое уважение [20, р. 130]. Ламормен выделяет в этом контексте Густава Адольфа, он пишет, что два заклятых врага преследовали императора: турки — «величайшая опасность» (*Maximum illi periculum a Turca*); король Швеции — «самый яростный враг» (*omnium acerrimus hostis*) [20, р. 129]. Конфликты и войны с ними решаются по божественному замыслу. Интересно, что в одном из писем Ламормен опасается, что справедливый Бог может услышать политических противников и что по божьему промыслу может сложиться так, что количество врагов будет увеличиваться каждый день, а успехи Густава Адольфа будут продолжаться [22, s. 337–338]. Фердинанд отвечал ему: «Я уповаю на моего Бога и ожидаю смятения в стане врага» [22, s. 275]. По итогам правления Фердинанда Ламормен написал: «Фердинанд смог превозмочь все трудности, так как Бог не дал врагам сплотиться против Фердинанда и рассорил их» [20, р. 176].

В качестве узловых точек в структуре дискурса можно выделить: *божественную честь, справедливость и законность, уважение* к несогласным. Идентичность или ключевые знаки организуются по принципу принадлежности к конфессии. Социальное пространство организовала *Священная Римская империя*. Дискурс организован следующим образом: *неуступчивость* в религиозных вопросах, *законность и истинная вера* вели к *милосердию Бога*, что обеспечивал *благодать для всех*. Фердинанд

и католики противопоставлялись протестантам и туркам. Фердинанд позиционировался как *справедливый, миролюбивый*, основывающий свое решение на *законном* основании и испытывавший *уважение* к протестантам. Протестанты — *яростные, возненавидевшие* Священную Римскую империю и католиков, ведомы *дьяволом*. Можно зафиксировать, что основа экспансии заключалась в *распространении* и *защите* католической веры.

Попытаемся обобщить. «Строгий политический католицизм» заключался в следующем: экспансия ограничивалась территорией Священной Римской империи; экспансия осуществлялась посредством распространения католической веры, что богоугодно; также Священная Римская империя нуждалась в справедливости и общественной безопасности, что тоже богоугодно и оправдывало экспансию; враги — протестанты, одержимые дьяволом, которые противились императору, ненавидели Священную Римскую империю и католиков; даже если бы военно-политическая ситуация складывалась не в пользу императора, Бог вмешался бы из-за праведных намерений Фердинанда и подарил благодать. Особенно важно подчеркнуть важность восприятия политики как божественной миссии.

Именно в рамках этой политической доктрины формировалась внешняя политика Австрийского дома. Такие события, как, например, издание Эдикта о реституции, Регенсбургский и Любекский договоры, должны трактоваться именно в этом контексте. Осуществление Эдикта было приоритетной задачей, которая оставила в стороне все амбиции в отношении экспансии за пределами Священной Римской империи. В 1629–1631 годах влияние Эггенберга было практически сведено к нулю [13, р. 213]. Его концепция об австрийском универсализме была забыта и больше не возрождалась. Дружба Эггенберга с Валленштейном вызвала оппозицию при дворе. После событий 1630–1634 годов Эггенберг был сломлен критикой и потерял инициативу [17, s. 122–123].

Фердинанд II был убежден, что Бог возложил на него миссию по восстановлению католицизма. Он любил проецировать на себя образ патриарха, который защищает мир и своих нуждающихся подданных [23, р. 113]. Дважды он давал клятву восстановить католицизм: в 1598 году Фердинанд пообещал это сделать в Австрии, в 1624 году — в империи [13, р. 306]. Ламормен оказал огромное влияние на императора в понимании его миссии. С этими идеями Фердинанд прошел свой во многом трагичный путь, не сумев в полной мере их реализовать.

Экспансия во внешней политике предполагала наличие определенной миссии, которой был наделен монарх. Нельзя сказать, что Габсбурги обладали исключительным статусом, который противопоставлял их остальным

государствам Европы. Хотя современники отмечали, что Габсбургам противостоят крупные конфедерации из «королей, князей и государств» (*nova confoede ratione regum, principum et statuum*) [19, s. 19]. По этому поводу австрийский историк Л. Хебельт считал, что несчастьем Габсбургов было то, что они считались слишком сильными [16, p. 34]. Так или иначе, одной из задач статьи было продемонстрировать, что цели экспансии Фердинанда II были значительно скромнее, чем те, о которых принято говорить в рамках классического рассмотрения Вестфальского мира и Тридцатилетней войны. Универсалистский дискурс, связанный с фигурой Эггенберга, был актуален для императора очень короткий срок — примерно с 1624 по 1627 годы. Когда же Фердинанд освободился от сильного влияния Испании и Баварии, политика Австрийского дома пошла по пути «строгого политического католицизма». Династическая имперская идея, часто впитывающая в себя универсалистский дискурс, существовала у всех значимых военных держав Европы первой половины XVII века, что позволяет говорить, как минимум, об их имперских притязаниях в борьбе за достижение высокого места в иерархической структуре международных отношений раннего Нового времени. Феномен универсализма имел две стороны: притязания на установление универсальной монархии и одновременно осуждение незаконных претензий собственно на универсализм. И тем, и другим пользовались все монархи, воспринявшие универсалистский дискурс. Обвинения в универсализме были таким же фактором, который ограничивал территориальное расширение. Религиозное рвение, охватившее Европу в XVI–XVII веках, служило основой универсалистской политической концепции. Оно добавляло веса религиозной самоидентичности правителей, которые соревновались в том, кто из них более «справедлив».

Список источников и литературы

1. *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976.
2. *Bull H.* The Anarchical Society A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 2012.
3. *Куприянов А.В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. с. 37–50.
4. *Teschke B.* Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism // European Journal of International Relations. New York: SAGE. 2002. P. 5–48.
5. *Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. Cambridge: The MIT Press, 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.

6. *Lesaffer R.* The non-Westphalian Peace // Oxford Public International Law (OPIL) [Электронный ресурс]. URL: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwestphalian-peace> (дата обращения: 17.10.2022).
7. *Bosbach F.* Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1988.
8. Imperium/Empire/Reich: Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich / Ed. F. Bosbach et al. München: Saur, 1999. 227 p.
9. *Kessler J.* Die Entwicklung der Universalmonarchie — Idee in der Frühen Neuzeit. München: Grin, 2010.
10. *Burkhardt J.* Deutsche Geschichte in der frühen Neuzeit. München; Verlag C. H. Beck oHG, 2015.
11. *Asbach O., Schröder P.* The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War. Surrey: Ashgate Publishing Limited, 2014.
12. *Йоргенсон М. В., Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
13. *Bireley R.* Ferdinand II, Counter-Reformation Emperor, 1578–1637. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
14. *Birely R.* Religion and Politics in the Age of the Counterreformation: Emperor Ferdinand II, William Lamormaini, S.J., and the Formation of Imperial Policy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981. 324 p.
15. *Cuerva R. G., Casado L. T.* The Imperial Court during the Thirty Years War: A Battleground for Factions? // Factional Struggles Divided Elites in European Cities & Courts (1400–1750). Leiden: Brill, 2017. P. 155–175.
16. *Evans R. J. W., Wilson P. H.* The Holy Roman Empire, 1495–1806: a European perspective. Leiden: Brill, 2012.
17. *Zwiedenek-Südenhorst H.* Hans Ulrich Fürst von Eggenberg. Wien: Wilhelm Braumüller K. K. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1880.
18. Briefe, Acten und Urkunden zur Geschichte des Fürsten Hans Ulrich von Eggenberg // Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien: Wilhelm Braumüller K. K. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1880.
19. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Kriegs. Leipzig: In Kommission bei B. G. Teubner, 1907.
20. *Lamormaini W.* Ferdinandi II. Romanorum imperatoris virtutes a Gulielmo Lamormaini Societatus Iesu sacerdote conscriptae. Viena: recusae sumptibus Venerandae Sodalitatis Dominorum sub titulo B. M. Virginis Assumptae, 1638.
21. *Khevenhillers F. K.* Annales Ferdinandi. Th. 11. Leipzig: Verlags M. G. Weidmann, 1726.
22. *Dudik B.* Correspondenz Kaisers Ferdinand II und seiner erlauchten Familie mit P. Martinus Becanus und P. Wilhelm Lamormani kaiserl. Beichtvätern S. J. [Archiv für Österreicher Geschichte. Bd. 54, 1 Hälfte]. Wien: Buchhändler der k. Akademie der Wissenschaften, 1876. 222 p.
23. *MacHardy K. J.* War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria: The Social and Cultural Dimensions of Political Interaction, 1521–1622. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 344 p.

УДК 94(44).032

Сыщикова С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: syshchikovasofia@gmail.com

Анна Австрийская (1601–1666): приход к власти и первые шаги в качестве регента

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства прихода Анны Австрийской к власти после смерти Людовика XIII. Дается анализ ее первым мероприятиям в качестве регента Франции и причины начала возвышения Мазарини.

Ключевые слова: Анна Австрийская, кардинал Мазарини, регентство, Франция.

Syshchikova S. G.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: syshchikovasofia@gmail.com

Anna of Austria (1601–1666): Ascension to Power and First Steps as Regent

Abstract. The article examines the circumstances of ascension to power of Anna of Austria after the death of Louis XIII. An analysis is given of her first measures as regent of France and the reasons for the beginning of the rise of Mazarin.

Keywords: Anna of Austria, Cardinal Mazarin, regency, France.

Со смертью Людовика XIII жизнь Анны Австрийской кардинально меняется. Она более не зависит от воли мужа или интриг кардинала, что дает ей возможность реализовать свои политические амбиции и выйти из тени мужчин. Регентство воспринималось как долгожданный ключ к свободе королевы. Однако многим ожиданиям будет не суждено сбыться в силу обстоятельств. Реальность поставит Анну Австрийскую перед множеством трудных задач. Ее политический путь будет осложнен кризисами власти и царящим беспокойством, что не даст ей наслаждаться обретенной властью и самостоятельностью. С первых же дней королева столкнется с сопротивлением со всех возможных сторон. Фронда — самый центральный и яркий сюжет, но далеко не единственный.

Начало ее правления было связано с учреждением Регентского совета, призванного ограничить ее власть. Это была первая проблема, которую ей предстояло решить.

Вышеописанные события начинаются незадолго до 14 мая 1643 года, дня смерти Людовика XIII. Здоровье короля было некрепким, он уже пережил несколько кризисов. Его состояние ухудшается, поэтому атмосфера ожидания скорой смены власти распространяется при дворе. Людовик осознает, что главное, что ему необходимо сделать, — это составить свое собственное завещание, чтобы не повергнуть страну в хаос. Дофину на тот момент было 4 года. Совершенно ясно, что самостоятельно он править не сможет и будет необходим регент. Очевидный кандидат — Анна Австрийская. Этого решения она ждет, как и весь двор. Причем подобные ожидания закономерны. До нее Екатерина Медичи и Мария Медичи становились регентами при своих малолетних сыновьях. Можно сказать, что во Франции сложилась своеобразная традиция, согласно которой после смерти мужа управление страной официально доверялось королеве-матери, пока наследник не станет совершеннолетним [1, р. 1].

Но Людовик XIII, казалось, решил игнорировать устоявшуюся традицию. Он не желал оставлять в качестве регента Анну Австрийскую. Хотя, казалось, все вокруг свидетельствовало в пользу этого решения. Кто сможет лучше обеспечить безопасность дофина и кто в этом сильнее всех заинтересован? Брат Людовика Гастон Орлеанский, на чьем счету целая череда бунтов и восстаний, которые, тем не менее, ему каждый раз прощались? Вряд ли. Ришелье не поленился составить список со всеми его изменами [2, с. 282]. Более того, Ришелье незадолго до своей смерти заставил Гастона под диктовку написать *«декларацию, в которой он отказывался от всех притязаний на престол независимо от того, какая ситуация возникнет в королевстве»* [3, с. 380]. Несмотря на противозаконность документа и последующую отмену его Людовиком, этот эпизод свидетельствует о ненадежности Гастона Орлеанского в деле управления Францией. Принц Конде? Также маловероятно. Он был одним из главных представителей дворянской оппозиции еще со времен Марии Медичи [4, р. 100]. Человек, который *«откровенно претендовал на высшую власть в королевстве»* — не лучшая кандидатура [3, с. 73].

Однако решение довериться своей жене все же было не по нраву королю. Слишком сложен был их брак и личные взаимоотношения, но главным фактором оставались сомнения короля в верности и преданности Анны французской короне. В итоге Людовик находит компромисс с самим собой и решается оставить власть совету из всех ранее упомя-

нутых лиц (т.е. Анна Австрийская, Гастон Орлеанский и принц Конде), включив в него также «надзирателей», бывших креатур Ришелье.

20 апреля 1643 года в присутствии всех лиц, упомянутых в документе, и других высших должностных лиц, будет зачитана «Déclaration du Roy, sur la Régence de la Reyne», провозглашавшая Анну Австрийскую регентом до совершеннолетия сына (т.е. пока тому не исполнится как минимум 13 лет) и учреждавшая Регентский совет, состоящий из Мазарини, канцлера Сегье, суперинтенданта Бутийе, государственного секретаря Шавиньи, все — люди Ришелье, а также Месье, получившего звание генерального наместника, и принца Конде [5, с. 26]. Все решения должны были приниматься большинством голосов [6].

Это был удар не только по амбициям Анны, но и по ее достоинству. Она была убеждена, что правами, соответствующими ее положению, в который раз беззастенчиво пренебрегают. Ларошфуко отметил, что «*в тесном кругу своих приближенных она жаловалась на тяжкое, как она говорила, оскорбление*» [7, с. 22]. Тем не менее, у королевы пока нет возможностей для маневра. Она подписывает декларацию. На следующий день, 21 апреля 1643 года, Парламент заверяет документ. Мазарини пытается убедить Анну, что «*ей должно быть в сущности безразлично, на каких условиях оно (регентство) ей достанется, лишь бы это было с согласия короля, и что в будущем она не ощутит недостатка в способах упрочить свою власть и править единолично*» [7, с. 23].

Таким образом, 20 апреля Анна Австрийская ставит подпись под декларацией, которая отдаляет ее от самостоятельной власти, а уже 18 мая в Парламенте отменяет ее действие. Что происходило в эти дни? И что делала Анна, чтобы заставить Парламент изменить решение? Собственно говоря, никаких особых усилий прилагать не требовалось. Лучшим оружием было время. Да, Анна ведет переговоры с вельможами, чтобы заручиться поддержкой. Так она убеждает Гастона и Конде, что требование о принятии решений большинством голосов следует отменить [4, р. 101]. Также, как отметила Клод Дюлон, Анна втайне подготовила опротестование декларации, и через доверенное лицо оно было заверено парижскими нотариусами [2, с. 289]. Но даже этого не потребовалось Парламенту, чтобы с легкостью отменить волю покойного короля. Почему? Обе стороны были заинтересованы в аннулировании документа. Анна получает полагающиеся ей полномочия, а Парламент использует возможность проявить свою власть, напомнить о собственном влиянии [8, с. 234].

Заседание Парламента было назначено на 18 мая 1643 года. На нем присутствовали все главные действующие лица, в том числе Людо-

вик XIV. После речей герцога Орлеанского, канцлера Сегье и Омера Талона прошло голосование, которое единогласно отменило декларацию [7, с. 304–305]. Как итог, Анна Австрийская получает право самостоятельно формировать совет, который приобретает совещательный характер [8, с. 234].

Если опротестование декларации в Парламенте было довольно предсказуемо, так как ограничение власти вызывало неудовольствие Анны Австрийской, кроме того, на ее стороне была поддержка общественности, охваченной настроениями решительной смены режима, заложенного Ришелье, что позволило без особых усилий пересмотреть волю покойного короля, то дальнейшие действия уже добившейся автономности в своих действиях королевы-регента стали полной неожиданностью для большинства приближенных ко двору, включая ее прежних сторонников, в частности, Ларошфуко и герцогини де Шеврез [9, р. 107].

Речь идет о назначении Джулио Мазарини главой Регентского совета и премьер-министром. Ларошфуко пишет: *«Вечером того же дня она назначила кардинала Мазарини главою Совета, и легко представить себе, как эта новость удивила ... противную ему партию»*. Данное решение действительно потрясло парижский двор. После смерти Людовика XIII всех окрылило предвкушение свободы, которое связывали с Анной Австрийской. *«Всякий пострадавший при кардинале Ришелье с нетерпением ожидал перемен, которые рассчитывал обратить себе на пользу»* [7, с. 23]. Ни для кого не были секретом ее сложные отношения как с мужем, так и с кардиналом. Придворные сочувствовали Анне, зная какие притеснения и унижения ей пришлось пережить. Поэтому справедливо полагали, что она попытается максимально отдалиться от их политического курса.

Вся Франция была охвачена радостью и надеждой на некое счастье, которое принесет правление добродетельной королевы. Об этом повсеместном ощущении сообщают сразу многие мемуаристы того времени, что подтверждает специфическое настроение в обществе. Это отмечает Анна де Монпансье: *«La joie que donnoient les belles espérances que l'on avoit conçues du bonheur de la régence de la reine»* [Радость, порожденная прекрасными надеждами, которые мы видим в благополучии регентства королевы] [10, р. 81]. Мадам де Мотвиль пишет, что *«...toutes la regardoient comme celle qui, par sa piété et sa bonté naturelle, alloit rendre à la France le bonheur après lequel il y avoit long-temps qu'elle soupiroit, et dont elle avoit grand besoin»* [...все считали ее той, кто своим благочестием и природной добротой собирается вернуть Франции то счастье,

о котором она давно вздыхала и в котором так сильно нуждалась] [11, р. 102]. И в завершение — слова кардинала де Реца о том, что он *«имел причины возлагать большие надежды на регентство»* [12, с. 37].

Назначение Мазарини — не просто шокирующее решение, самодурство, которое может быть прощено женщине-регенту, только что пришедшей к власти. Это показатель намерений — политическая линия кардинала продолжит преобладать в судьбе страны. А, следовательно, сохранится сильная королевская власть, имеющая главной целью надежную передачу власти сыну, когда последний достигнет совершеннолетия.

В рамках той же идеи укрепления государства для собственного сына Анна Австрийская принимает важнейшее внешнеполитическое решение о продолжении войны с Испанией. 19 мая 1643 года французская армия под командованием герцога Энгиенского одержала победу в битве при Рокруа. 21 мая о ней стало известно в Париже. *«Знаменитая победа при Рокруа обеспечила королевство защитой столь же надежной, сколь громкой была слава, какой она его покрыла, — лавры ее увенчали ныне царствующего Короля еще в колыбели»* [12, с. 42]. После подобного эпизода для Франции есть два пути. Первый — продолжить военные действия против Габсбургов вслед за столь ошеломительной победой и закрепить успех. Второй — начать переговоры о мире на французских условиях, что также позволял одержанный триумф [2, с. 326]. Если исходить из тезиса, что королева всегда была более благосклонна к Испании, чем Франции, то не должна ли она была выбрать второй вариант? Однако Анна Австрийская вместе с Мазарини принимает решение продолжать наступление. Это определенно отражает профранцузскую направленность королевы, она ставит интересы Франции выше интересов своей родины, продолжая войну против своего брата Филиппа IV. Если до этого сомнения в ее преданности Франции могли иметь хоть какую-то почву, то теперь они бессмысленны. После дела о Валь-де-Грасе, обернувшегося форменной катастрофой для репутации королевы, и рождения сына, будущего короля, ее приоритеты окончательно смещаются и концентрируются на интересах Франции.

Стоит вернуться к вопросу о причинах назначения Мазарини, а также сохранения политического наследия Ришелье. Что заставило Анну Австрийскую примириться с кардиналом и его идеями после смерти последнего? Е. В. Глаголева связывает это с делом о письмах Валь-де-Граса, когда Ришелье *«удалось отвести от королевы неминуемую грозу, когда та была уличена в изменнической переписке с враждебной Испанией»* [13, с. 17]. Но можно ли говорить о полном примирении королевы

и кардинала? Не совсем; их цели на тот момент (период от дела о письмах 1637 г. и до смерти Ришелье в 1642 г.) различались. Ришелье стремится всеми силами сохранить сильную власть монарха через жесткую политику, где нет места даже для королевы. Анна Австрийская столкнется с этой задачей только после смерти Ришелье и Людовика XIII. Тогда она совместно с Мазарини приложит все усилия, чтобы ее сын получил мощное, сплоченное государство.

В назначении сыграла роль и личность Мазарини. Между королевой и ставленником покойного кардинала не было личной неприязни, старых конфликтов, унижительного прошлого. Анну нельзя упрекнуть в желании мести, даже в ущерб интересам государства. Ее главной заботой был ее сын и безопасная передача ему власти. Понимая необходимость мощной опоры и сподвижника, Анна обращается к кандидатуре Мазарини, единственного из членов Регентского совета, к кому она была терпима и даже благосклонна. Ларошфуко пишет, что *«кардинал Мазарини благодаря собственной ловкости и при посредстве столь же ловких друзей с каждым днем все больше завоевывал доверие королевы»* [7, с. 26]. Совокупность этих факторов приводит Анну Австрийскую к решению назначить Мазарини премьер-министром Франции.

Одним из первых мероприятий королевы-регента стало освобождение и возвращение из ссылки многих жертв режима Ришелье. Так, в Париж вернулись госпожа де Мотвиль, герцог Бернар де Ногаре д'Эпернон, отец Николя Коссен, аббатиса Валь-де-Граса и многие другие [2, с. 323]. Кардинал де Рец об этом времени писал: *«все изгнанники были возвращены, все узники выпущены на свободу, все преступники оправданы, те, кто были отрешены от своих должностей, получили их обратно, всех осыпали милостями, отказа не было ни в чем»* [12, с. 43].

Анна Австрийская действительно многим позволила вернуться ко двору, это было шагом к примирению с недовольными, но это не означало ее полной снисходительности к ним. Королева, следуя манере Ришелье, оставалась непримиримой к оппозиции, так как она неизбежно подрывала королевскую власть [9, р. 107]. Примером тому могут служить сразу несколько эпизодов.

Первый и крайне показательный — это возвращение герцогини де Шеврез. Этот случай получил обстоятельное освещение в мемуарах Ларошфуко. Его поражало то, с какой неохотой и неторопливостью королева ждет бывшую подругу: *«королева в разговорах со мной отзывалась о ней с заметною холодностью, и я отчетливо видел, что ей было желательно, чтобы возвращение г-жи де Шеврез во Францию задержалось»* [7, с. 27].

Причиной этого было изменение взглядов Анны Австрийской, которые уже не сочетались с любовью госпожи де Шеврез к интригам. Было очевидно, что, заняв влиятельное положение, которое было у нее прежде, де Шеврез принесет смятение в обстановку при дворе, чего королева не могла допустить [14, р. 251]. Как итог, надежды герцогини на возобновление старой дружбы не оправдались, что вызвало сильное недовольство и возмущение последней и заставило примкнуть к партии недовольных.

Вторым подобным примером стала ситуация с Мари де Отфор, некогда также считавшейся близкой подругой Анны Австрийской. Она была возвращена ко двору вскоре после начала регентства, однако, как и де Шеврез, не смогла занять те же позиции при дворе и оказывать прежнее влияние на королеву. Мадам де Отфор открыто критиковала Мазарини и протестовала против частых встреч Анны с ним [14, р. 252]. Мазарини знал о неприязни и поэтому не оставался в стороне от конфликта, пытаясь сохранить поддержку королевы, что в итоге ему удалось. В середине апреля 1644 г. Мари де Отфор была вновь вынуждена отправиться в ссылку [15, р. 127].

Недовольство герцогини де Шеврез и мадам де Отфор было не единственным при дворе. Мазарини на должности первого министра не устраивал многих. Причины можно называть различные, от собственных претензий на должность до возмущения итальянским происхождением кардинала. Главная же, как было отмечено, — это крах надежд на смену курса Ришелье. Как итог, молниеносно складывается первая оппозиция. Уже в сентябре 1643 г. она проявит себя в Заговоре Высокомерных (*Sabale des Importants*). Главным участником выступит герцог де Бофор. Современники были невысокого мнения о его личности и уме. Он, *«видя, что Королева подарила своей доверенностью кардинала Мазарини, впал в самый необузданный гнев»* [12, с. 40]. Вокруг него консолидировались противники кардинала Мазарини, образовавшие Партию Высокомерных (*Le Parti des Importants*) [10, р. 175]. К ней примкнули Франсуа Ле Данжере де Бопюи, Луи д'Астарак де Фонтрай, Шарль Леон де Фиеск, Клод де Бурдей де Монтрезор и Ипполит де Бетюн [12, с. 40]. Это те, которых упоминает кардинал де Рец, но это далеко не все придворные, задумавшие устранение Мазарини. В Заговоре Высокомерных также участвовали маркиз де Шатонеф, епископ Бове, Анри де Сент-Ибар, герцогиня де Монбазон и, конечно, герцогиня де Шеврез [16, р. 139, 166].

Они подняли большой шум, но безрезультатно [10, р. 175]. Мазарини, зная о заговоре, увидел благоприятный момент, чтобы разом удалить от двора и королевы своих неприятелей. Собственно говоря, Заговор Вы-

сокомерных закончился с арестом 2 сентября 1643 г. главного зачинщика, герцога де Бофора [9, р. 107]. Разного рода репрессии были применены ко всем другим участникам, преимущественно их отправляли в ссылку (как, например, Шатонеф и Шеврез) [16, р. 177].

Это был настоящий триумф Мазарини, его позиции при дворе никто и ничто не угрожало. Однако это лишь первый мятеж внутри страны, последующая Фронда поставит под вопрос не только личность премьер-министра, но и всю королевскую власть.

Список источников и литературы

1. *Gaehtgens B.* Prints, Politics, and a Child King: The Battle of Rocroi in 1643 // *Getty Research Journal*. 2015. No. 7. p. 1–18.
2. *Дюлон К.* Анна Австрийская: мать Людовика XIV. СПб: Евразия, 2009. 605 с.
3. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М., 2015. 380 с.
4. *Crawford K.* Perilous Performances: Gender and Regency in Early Modern France. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 2004. 297 p.
5. *Блош Ф.* Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
6. *Déclaration du Roy, sur la régence de la Reyne (Saint-Germain-en-Laye, avril 1643): vérifié en Parlement le vingt-unième avril mil six cens quarante trois.* Lyon, 1643. 15 p.
7. *Франсуа де Ларошфуко.* Мемуары. Максимумы. Л.: Наука, 1971. 278 с.
8. *Моруа А.* История Франции (от римского времени до начала Великой Французской революции). СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. 348 с.
9. *Sicard F.* Continuity and identity at the Court of France: Parties around Queen Marie de Medici and Queen Anne of Austria // *Librosdelacorte. Es. No. 2.* Madrid: Universidad Autónoma de Madrid. 2015. P. 95–112.
10. *Montpensier A.-M. de.* Mémoires de Mlle de Montpensier: petite-fille de Henri IV. 4 t. T. I. Paris: Charpentier, 1858.
11. *Motteville F. de.* Mémoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa cour. 4 t. T. 1. Paris: Charpentier, 1855.
12. *Кардинал де Рец.* Мемуары. М.: Ладомир, Наука, 1997. 832 с.
13. *Глазалева Е. В.* Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007. 332 с.
14. *Mallick O.* Clients and Friends: The ladies-in-waiting at the court of Anne of Austria (1615–1666). The Politics of Female Households: Ladies-in-waiting Across Early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden: Brill, 2014. P. 231–264.
15. *Cousin V.* Madame de Chevreuse et Madame de Hautefort: nouvelles études sur les femmes illustres et la société du XVIIe siècle. Paris: Didier Publ., 1856. 448 p.
16. *Chéruel A.* Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV. 4 vol. T. I. Paris, Hachette Publ., 1879–1880.

УДК: 94

Ходжамедов Р. М.

Смоленский государственный университет,
факультет истории и права, студент
E-mail: raman.khodzhamedov@gmail.com

Депеши Жака де Кампредона как источник по изучению истории Голштинского вопроса

Аннотация. В статье приводится анализ депеш Жака де Кампредона как исторического источника, в данном случае по Голштинскому вопросу. Автор выделяет ряд проблем, в изучении которых они могут быть использованы. На основании проведенного анализа делаются выводы о роли Голштинского вопроса в проведении переговоров о заключении франко-русского союза в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: Жак де Кампредон, голштинский вопрос, франко-русский союз.

Khodzhamedov R. M.

Smolensk State University,
Faculty of History and Law, Student
E-mail: raman.khodzhamedov@gmail.com

Dispatches of Jacques de Campredon as a Source for the Study of the History of the Holstein Question

Abstract. The article provides an analysis of the dispatches of Jacques de Campredon as a historical source, in this case on the Holstein question. The author highlights a number of issues in the study of which they can be used. Based on the analysis, conclusions are drawn about the role of the Holstein question in the negotiations on the conclusion of the French-Russian alliance in the first quarter of the 18th century.

Keywords: Jacques de Campredon, Holstein question, French-Russian alliance.

На историю международных отношений неизменно оказывают влияние сразу несколько значительных факторов. Одним из них на протяжении всей истории человечества является личностный фактор. Как бы ни зависело социально-экономическое и политическое развитие государства и общества от объективных исторических процессов, личные симпатии/антипатии власть имущих вносят свои коррективы.

Научная актуальность настоящего исследования заключается в том, что изучение истории международных отношений становится особенно важным для понимания существующей сегодня картины мира. Кроме того, в последние десятилетия в исторической науке все больше уделяется внимание изучению глобальных процессов при помощи биографических исследований.

Новизна исследования заключается в использовании в подобных изысканиях дипломатических депеш. По сути, успех переговоров часто зависел от того, насколько сильно сам посол желал заключения договора с конкретной страной, а значит, в этих источниках личного происхождения могут содержаться ценнейшие сведения и о ходе переговоров, и о ображениях переговорщика о важных проблемах в отношениях между державами.

Выбор темы обусловлен значимостью вопроса принадлежности Шлезвига и Гольштейна датской короне в российской дипломатии и, в частности, ролью династии Гольштейн-Готторпов в истории российского императорского дома в целом. Генеалогическая история династий Гольштейн-Готторп и Романовых неоднократно освещалась в издававшемся ежегодно «Готском альманахе» [1].

Отметим, что проблема готторпского вопроса достаточно полно освещена в статье Е. В. Возгрина [2]. Российско-французские отношения, неотъемлемой частью которых всегда являлись дипломатические сношения с Данией, рассматриваются в книге французского историка-россиеведа Э. Каррер д'Анкосс [3]. Истории отношений Франции и остального мира посвящена многотомная монография историка Г. Целлера [4]. Также отметим, что нами уже проводилось исследование деятельности Жака де Кампредона, но в контексте франко-русского военного союза [5].

Жак де Кампредон был первым послом Франции в России с 1721 года, хотя официально получил полномочия только 13 октября 1722 г. [5, с. 267]. Это время ознаменовано переломом в европейской истории — завершилась Северная война, Швеция лишилась статуса великой державы, на историческую сцену выходили новые лидеры, такие как Россия, и возвращались старые, такие как Дания, утратившие вследствие доминирования Швеции на Балтике свое влияние.

Именно между Россией и Данией возникли самые большие противоречия при формировании нового миропорядка. Обе державы понимали выгоду от союза: Датско-норвежское королевство контролировало необходимый России выход из Балтики в Атлантику, Россия же была желанным торговым партнером и гарантом мира в Скандинавском регионе.

Но реализации взаимовыгодного соглашения препятствовала неразрешенность вопроса о принадлежности герцогства Голштинского.

В данной статье мы проанализируем депеши посла де Кампредона с целью выделить круг вопросов, в изучении которых эти послания могут стать большим подспорьем, а также попытаемся вписать его личные соображения по Голштинскому вопросу в общую внешнеполитическую доктрину Франции первой половины XVIII века.

Самым главным аспектом Голштинского вопроса следует считать притязания герцога на королевскую корону Швеции. О стремлении российской стороны возвести на шведский трон герцога де Кампредон сообщал неоднократно. Например, в депеше от 3 марта 1721 года посол размышляет о слухах относительно подобных намерений Петра I [6, с. 164]. В сообщении от 22 марта де Кампредон высказывает мысль о том, что Швеция вряд ли признает герцога Голштинского наследником [6, с. 212].

При этом 9 и 14 апреля 1721 года де Кампредон сообщает противоречивые сведения о том, что никаких формальных обязательств между царем Петром I и герцогом не существует [6, с. 227]. Более того, в этих посланиях содержится информация о том, что русский царь выразил свое дружелюбное отношение к шведскому монарху. Отсутствие каких-либо обязательств подтверждается, согласно посланию от 21 ноября 1721 г., в конфиденциальной беседе с П. П. Шафировым [6, с. 341–342].

Это может быть как свидетельством двойственности российской внешней политики в отношении Голштинского вопроса, так и следствием интриг голштинских министров в России и за рубежом, о которых де Кампредон сообщает 13 февраля 1721 г. [6, с. 158], 1 декабря 1721 г. [6, с. 371], 5 июля 1723 г. [7, с. 354], 31 марта 1725 г. [8, с. 79] и 7 апреля [8, с. 102–103]. В сообщении от 26 мая 1724 г. де Кампредон пишет и о личных интригах герцога с целью вовлечь Россию в войну за владения Шлезвига [9, с. 224]. Таким образом, депеши сообщают сведения о придворных интригах со стороны голштинцев.

Депеши де Кампредона не обходят стороной вопрос о браке герцога Голштинского Карла Фридриха и царевны Анны Петровны. Этот брак представляет собой один из поворотных моментов российской истории — именно от Анны Петровны и герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского берет свое начало младшая линия династии Романовых, которая и останется у власти до революционного 1917 года. Ребенок от этого брака Карл Петер Ульрих примет православие и будет именоваться Петром Федоровичем, а в будущем — императором Петром III [2, с. 60].

Депеши де Кампредона позволяют составить полную картину относительно хода этих переговоров. Будучи наблюдательным человеком (в чем мы убеждаемся, знакомясь с его посланиями), он отмечал как официальные заявления, так и слухи. О том, что брак, вероятно, готовится, де Кампредон сообщает уже в послании от 27 мая 1720 г. [6, с. 94]. Он пишет, что царь принимает предложение герцога и надеется возвести его на шведский престол, что перекликается с первым обозначенным нами кругом вопросов.

Тем не менее, посол проявляет осторожность, четко разделяя достоверную информацию и слухи. Кроме того, де Кампредон подчеркивает, что не всегда находит подтверждение слухам. Так, в послании от 13 марта 1721 г. он сообщает, что даже из личных бесед с царем и российскими министрами не смог понять, «есть ли хоть доля правды» в слухах о готовящемся браке [6, с. 187–188].

Лишь удостоверившись в несомненности брака между герцогом Карлом Фридрихом и Анной Петровной, не делая преждевременных выводов, де Кампредон сообщает в депеше от 26 мая 1724 г. о готовящемся браке как о совершенно точно грядущем событии [9, с. 220]. Он сообщает, что черновая копия брачного договора уже отправлена в Стокгольм для ознакомления усиливающейся там голштинской партии, а также некоторые подробности касательно переговоров — царь отказался даровать Анне Петровне в качестве приданого владения в Ливонии и заявил, что заключит договор уже после бракосочетания.

О бракосочетании герцога и царевны де Кампредон сообщает в депеше от 9 декабря 1724 г., предоставляя множество подробностей относительно церемонии [9, с. 357–358].

Интересно, что уже после смерти Петра I именно герцог Голштинский будет предлагать французским Бурбонам заключить династический брак с Романовыми посредством свадьбы герцога Бурбонского и Елизаветы Петровны [8, с. 131–132]. Еще более интересен тот факт, что соответствующая депеша от 14 апреля 1725 г. помечена как «секретная». Вероятно, посол видел в этом большую политическую ценность и возможность ускорить заключение франко-русского союза. Как раз в апреле 1725 г. переговоры начали заходить в тупик: французская сторона медлила из-за неясности намерений России, а Россия активно продвигала интересы Голштинии, несмотря на протесты других участниц союзного соглашения Британии и Дании [5, с. 271].

Таким образом, мы подходим к еще одной группе вопросов, освещенных в посланиях Жака де Кампредона — о так называемом деле

герцога Голштинского. Иными словами, к главной проблеме, вставшей на пути заключения союзного договора между Россией, Францией и рядом других европейских держав, — притязаниям герцога Карла Фридриха на земли, подчиненные датской короне.

В первые годы пребывания де Кампредона в России мы не находим никаких свидетельств притязаний голштинцев. Претензии герцога сводятся к манифесту 1719 года, в котором он заявляет свои права на шведский престол [6, с. 22]. Примечательно, что королева Ульрика в нем имееется узурпатором.

По мере развития событий риторика Голштинии меняется. После заключения Ништадского мира и постепенного сведения на нет амбиций герцога Карла Фридриха занять шведский престол, голштинские министры начинают заявлять о притязаниях своего государя на отдельные территории в Ютландском регионе. Сообщения о препонах по делу герцога Голштинского появляются уже в конце 1724 года.

В депеше от 18 ноября 1724 года посол высказывает мысль о том, что притязания герцога Голштинского на территории, подконтрольные Дании, а также требования герцога Мекленбургского о выводе британских войск тормозят заключение союзного соглашения [9, с. 337].

Вскоре известия о том, что Россия начинает поднимать вопрос относительно владений герцога Голштинии в Ютландии, доходит до Копенгагена. В депеше от 23 января 1725 года де Кампредон сообщает об активизации датского посла при российском дворе. По его сообщениям, посол пытается установить тесный контакт с особо влиятельными государственными деятелями Г.И. Головкиным и П.И. Ягужинским, чтобы не допустить ни заключения союза, ни даже примирения сторон [9, с. 407]. Исходя из этого, де Кампредон делает вполне логичные выводы о том, что датский король понимает опасность родства герцога с царем, который может содействовать своему зятю в вопросах территориальной экспансии.

Однако все меняет смерть Петра I. Весну 1725 года можно по праву назвать переходным периодом в истории России — изменения уже происходят, но пока малозаметные. В частности, де Кампредон в депеше от 3 марта 1725 г. отмечает, что уже активизируются силы, выступающие против сближения России с Францией и Британией [8, с. 31]. Он сообщает, что распускаются слухи об охлаждении российских министров к делу заключения союза с Францией и даже чинятся определенные препятствия ходу переговоров. Тем не менее, по его словам, власть царицы постепенно утверждается, и вскоре единственным спорным вопросом вновь останутся притязания Голштинии [8, с. 36].

Там же посол озвучивает определенные пути решения проблемы, например, предложив герцогу Голштинии земли, которые могут компенсировать ему доходы со Шлезвига, донося в Версаль мнение самого герцога Карла Фридриха [8, с. 38]. В депеше от 10 марта того же года мы находим подтверждение этих требований, высказанное в личной беседе с герцогом послу Франции [8, с. 50–51].

В апреле де Кампредон присылает в Париж некоторые сведения о готовящихся соглашениях. В частности, российская сторона желает обязать Францию и Британию компенсировать герцогу Голштинии потерю Шлезвига в пользу Дании [8, с. 168–169]. Кроме того, договор должен был предусмотреть возможность оказания давления на датского короля неназванными мерами.

Немного позже, 3 мая 1725 года, в своем послании де Кампредон сообщает новые требования: Франция и Британия должны были признать за герцогом Голштинии титул Королевского Высочества, а также принять непосредственное участие в том, чтобы «вразумить короля Дании» в случае, если тот откажется выполнять условия «удовлетворения» герцога [8, с. 215–216]. В целом, после смерти Петра I влияние герцога Голштинского при российском дворе непрерывно усиливается. Екатерина I выказывает ему особенное почтение и, будучи слабым политиком, попадает под его влияние. В депеше от 22 мая 1725 года де Кампредон сообщает, что влияние герцога «взяло верх», и единственным препятствием к заключению договора остаются именно интересы последнего [8, с. 326–327].

С этими интересами, как полагает в посланиях от 5 и 9 июня 1725 года де Кампредон, Франции придется считаться, поскольку герцог Голштинии «уже сделал все возможные уступки» [8, с. 353, 366]. Однако британские послы, как сообщает де Кампредон в депеше от 23 июня 1725 года, отказывались идти на любые уступки Голштинии [8, с. 394]. Впрочем, в отличие от склонного к компромиссу Парижа, Лондон всегда всецело оказывал поддержку Копенгагену.

Противоречия с Британией пытался обсудить с российскими посланниками и Жак де Кампредон. В послании от 1 августа 1725 года он сообщает, что в личном разговоре с А. И. Остерманом упоминал о том, что следование предлагаемым Россией проектам ведет к тому, что в Европе рождается мнение о нежелании Петербурга заключать союз [8, с. 474].

Из сообщений де Кампредона можно сделать определенные выводы. В целом ход переговоров о заключении франко-русско-британского союза можно разделить на два этапа. Первый мы обозначим хроноло-

гическими рамками с 1721 года (когда Жак де Кампредон был назначен постоянным послом в России именно для заключения союза) по 1725 год (до смерти Петра I). Этот этап представляет собой равноправные переговоры, когда стороны регулярно обменивались проектами и контрпроектами, высказывали конструктивное мнение и разъясняли свою позицию по определенным пунктам.

Второй период продлился условно до 1726 года, когда был заключен русско-австрийский союз, а де Кампредон отозван из Петербурга. Для этого этапа характерна консервация переговоров и, что самое важное, снижение их значимости. За этот год из равноправных переговоров вся эта дипломатическая игра превратилась в инструмент решения Голштинского вопроса для обеих сторон. По одну сторону находились герцог Голштинский и российская императрица, желавшие экспансии в Шлезвиг, по другую — Британия и Дания, желавшие того же.

Благодаря депешам де Кампредона как источнику мы приходим к выводу о том, что именно смерть Петра I поставила крест на дальнейших переговорах и свела все к одному-единственному аспекту всей международной политики в Скандинавии по окончании Северной войны — праву владения Шлезвигом.

Данные выводы можно подкрепить более поздними сообщениями де Кампредона, касающимися, в том числе, и вопроса заключения русско-австрийского союза. Например, в депеше от 23 февраля 1726 года французский посол сообщает о назначении князя Долгорукого, крупного вельможи, послом в Вену, а также передает слова А. Д. Меншикова о том, что «добиваться справедливости» от датского короля — «вопрос решенный» [10, с. 258]. Очевидно, что вопрос шлезвигского наследства в это время окончательно вышел на первый план, затмив собой первоначальную идею крупного военно-политического союза, поддерживающего мир в Северной Европе.

В сообщении от 9 марта 1726 года, уже незадолго до отъезда в Париж, де Кампредон сообщает о том, что Россия «с невероятным рвением» относится к делу принуждения короля Дании к удовлетворению интересов герцога Голштинии [10, с. 278]. В целом это лишь дополняет общую картину хода переговоров и подтверждает наши выводы о том, что перспективу союза между Россией, Британией и Францией свели на нет смерть Петра I и последовавшее за ней возвышение герцога Голштинского.

Добавим, что Голштинский вопрос в целом оставался открытым на протяжении полувека. Развязка произошла только в 1773 году [2, с. 73].

К сходным выводам приходит и Э. Каррер д'Анкокс. Она считает, что из-за отсутствия ответов Франции на требования России компенсировать герцогу Голштинии Шлезвиг, А.И. Остерман санкционировал через Верховный тайный совет сближение с Австрией. Именно тот факт, что Вена без колебаний взяла на себя обязательства компенсации герцогу, поспособствовал более быстрому заключению договора с Австрией [3, с. 26].

Для сравнения приведем цифры: безуспешные переговоры с Францией и Британией продлились 5 лет, переговоры с Австрией заняли менее года. Договор о дружбе между Австрийской монархией и Российской империей был подписан уже 6 августа 1726 года [3, с. 26]. Отметим, что в это время Жак де Кампредон уже был отозван из Петербурга и не мог повлиять на его сближение с Веной.

Таким образом, мы считаем депеши Жака де Кампредона чрезвычайно важным источником при изучении Голштинского вопроса. Сведения, сообщаемые им, соответствуют реальному положению дел, а значит, им можно доверять. Разумеется, личные взгляды посла не могли быть абсолютно объективными, поэтому их необходимо соотносить с фактическим материалом. К тому же следует критически относиться к точности воспроизведения послом в своих депешах слов российских государственных деятелей и передачи их намерений в целом.

Кроме выстраивания событийного ряда, на основании его писем мы можем сделать ряд выводов, касающихся как хода переговоров, так и причинно-следственных связей между нарастанием напряжения вокруг решения Голштинского вопроса и провалом переговоров о заключении союза в целом. Это свидетельствует о большой ценности депеш французского посланника как исторического источника.

Список источников и литературы

1. Almanach de Gotha. Gotha: Justus Perthes, 1908. 1194 p.
2. *Возгрин Е. В.* Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2008. № 2. С. 60–76.
3. *Каррер д'Анкокс Э.* Россия и Франция: от Петра Великого до Ленина. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 359 с.
4. *Zeller G.* Histoire des relations internationales. Les temps modernes. T. 3. De Louis XIV à 1789. P., 1955. 375 p.
5. *Ходжамедов Р. М.* Деятельность французского дипломата де Кампредона по заключению франко-русского союза в первые годы после окончания Се-

- верной войны (по материалам дипломатических депеш 1721–1726 годов) // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы X Международной научно-практической конференции. Владимир, 2022. С. 264–277.
6. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867–1916. Т. 40. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 498 с.
 7. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867–1916. Т. 49. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. 427 с.
 8. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867–1916. Т. 58. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 591 с.
 9. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867–1916. Т. 52. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 478 с.
 10. Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867–1916. Т. 64. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. 601 с.

Власть и общество. Социальные
структуры, проблемы диалога

УДК 94

Ковригина Л. М.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Историко-филологический факультет,
студент бакалавриата
E-mail: diveevo40perm@yandex.ru

Женские роли в английском социуме XIV века (по «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера)

Аннотация. В данной статье по «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера исследуются социальные роли женщины, основные гендерные стереотипы, характерные для английского общества XIV века. Рассматривается, как представления Чосера о Прекрасной Даме, женщине-горожанке, супру-ге дворянина или мелкого буржуа переплетались с деталями из окружавшей его действительности.

Ключевые слова: Чосер, «Кентерберийские рассказы», гендерная история, женщины Средневековья.

Kovrigina L. M.

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities,
History and Philology Department,
Bachelor's program, Student
E-mail: diveevo40perm@yandex.ru

The Female Roles in the English Society of the 14th Century (According to the Canterbury Tales by Chaucer)

Abstract. This article uses the Canterbury Tales by Chaucer as a source to investigate the social roles of women in the 14th century. It explores the main gender stereotypes of his epoch, analysing, how the ideals of Beautiful Lady, women in the medieval city, wife of nobleman or a bourgeois, were reflected in the Chaucer's stories and how the social reality was exposed in the text.

Keywords: Chaucer, The Canterbury Tales, gender history, medieval women.

XIV в. является переходным этапом в истории Англии: Столетняя война, чума, восстание Уота Тайлера в 1381 г., рост городов, формирование национального самосознания. Именно в это время, когда началось переосмысление сложившихся устоев и традиций, жил «отец английской литературы» Джеффри Чосер [1, с. 7–17]. Можно сказать, что сам Чосер

положил начало этому переосмыслению, сделав шаг вперед, в эпоху гуманизма, а его произведения стали яркой картиной, своего рода «энциклопедией» жизни английского общества XIV столетия.

«Кентерберийские рассказы» — одно из поздних произведений Чосера, представляет совокупность литературных жанров Средневековья. В произведении есть завязка: постояльцы харчевни из Соуерке отправились в Кентербери на поклон мощам Томаса Бекета¹, и по дороге каждый из паломников должен был рассказать две истории, а по возвращении они условились выбрать победителя и устроить в честь него пир. Завязка отсутствует: каждый успеваеет рассказать только по одной истории. Произведение обрывается на рассказе священника [2, с. 89]. В рассказах можно обнаружить социальные стереотипы², которые ярко и талантливо проиллюстрированы поэтом. В качестве исследовательского ракурса мной был выбран гендерный подход³: на материале «Кентерберийских рассказов» планируется проанализировать социальную роль⁴ женщины в английском обществе как хранительницы очага, матери, жены, вдовы, дочери и возлюбленной (в контексте куртуазной культуры).

Образ возлюбленной можно обнаружить в первом рассказе от имени рыцаря [3, с. 33]. Два узника-брата влюбились в одну и ту же девушку,

¹ Томас Бекет (1118–1170), архиепископ Кентерберийский. Отстаивая привилегии Церкви и клира, вступил в конфликт с королем Генрихом II Плантагенетом (1154–1189) и был замучен. В средневековой Англии один из самых почитаемых святых. Подробнее см.: *Лазарев С. С.* Конструирование образа святого Томаса Бекета в агиографических сочинениях Бенедикта из Питерборо. Проблемы истории и культуры средневекового общества // Материалы XLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (10–12 ноября 2021 г.): сборник статей / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб: Скифия-принт, 2022. С. 148–155.

² Социальный стереотип — это устойчивый, обычно упрощенный образ человека, воспроизводимый в сознании человека и определяющий его отношение к данному объекту. Подробнее см.: *Подвойский Д. Г.* Стереотип [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4165944> (дата обращения: 19.09.2022).

³ Гендерный подход — способ изучения, в котором предполагается различие мужчин и женщин в социальной и культурной средах. См.: *Барчунова Т. В.* Гендер [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2349798> (дата обращения: 19.03.2022).

⁴ Социальная роль — нормативно регулируемые типы и формы поведения людей, зависящие от их статуса, положения в социальной структуре. См.: *Силласте Г. Г.* Роль социальная [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3513852> (дата обращения: 19.09.2022).

красавицу Эмилию, которая не подозревала о том, что стала объектом любви и воздыхания. Эмилия — пассивный персонаж. Ее образ, а не она сама, вдохновил юношей на совершение отчаянных и дерзких поступков. Это можно расценить как отсылку автора к культу Прекрасной Дамы, который возник в конце XI — начале XII в. и составлял сердцевину куртуазной любви [4, с. 101]. Этот особый тип отношений мужчины и женщины характеризуется рядом принципов [5, с. 19–21]. В большинстве случаев рыцарь посредством подвигов и побед на турнирах добывается расположения замужней женщины, которая выше его по социальному статусу. Куртуазная любовь — это игра, состязание двух мужчин за внимание дамы, они воспевают не саму женщину, а созданный ими образ, и удовольствие получают не в удовлетворении своего желания, а от ожидания [6, с. 267]. Дж. Чосер только отчасти представил в рассказе рыцаря эти элементы. Особенными чертами становится то, что Эмилия изначально была девой, после поединка братьев стала женой победителя, а после его смерти по решению своего старшего брата выдана замуж за другого, то есть каждый из рыцарей был на ней женат, что нельзя отнести к куртуазной любви [3, с. 81–82]. В этой истории представлен не только художественный образ, но и реальная ситуация, когда после смерти отца судьбу девушки решал старший брат, на попечении которого она находилась.

В «Кентерберийских рассказах» поднимается проблема положения женщины в семье. Анализируя образы, необходимо учитывать, что автор дает мужской взгляд на социальные роли женщин. В средневековой семье дети подчинялись воле родителей, особенно девочки. В рассказах Констанца [3, с. 125] и Гризельда [3, с. 225] представлены как послушные, любящие дочери, которые, оставшись одни в силу обстоятельств (смерть супруга, наказание мужа), возвращались в отчий дом и занимали прежнее положение полного подчинения, как и до замужества. Еще один пример покорности воле отца представляет Виргиния, которая принимает решение родителя убить ее: *«Позору смерть предпочитаю я. / Отец, готова к смерти дочь твоя»* [3, с. 323]. Только в рассказе мажордома дочь мельника раскрыла коварство отца любовнику [3, с. 114]. Образ этой девушки можно отнести к бюргерской культуре [5, с. 23–25]. С ростом городов появилось новое, городское сословие — бюргерство, которое характеризовалось не только особым образом жизни, но и культурой, мировоззрением. В бюргерской традиции женщина представлена глупой, порочной, жадной и болтливой.

Несколько слов надо сказать об образовании девочек, которых готовили к роли жены и матери. Их учили ведению домашнего хозяйства

и добродетелям. Обучение грамоте не являлось обязательным, это могли позволить себе только состоятельные семьи. Девочек отдавали в монастырь, где они учились. В рассказе мажордома Чосер, характеризуя жену мельника, которая была дочерью священника, отмечает: *«Отец растил в монастыре девицу... / В науке монастырской мало прока: / Жена была болтлива как сорока»* [3, с. 106]. Автор с иронией пишет, что образование женщине не помогло, главную роль в заключении брака сыграло приданое и желание породниться с мельником [3, с. 106], чтобы хоть как-то устроить дочь, так как она была незаконнорожденной. В Католической церкви к этому времени священнослужители должны были соблюдать целибат [7, с. 393].

Брак заключался родителями девушки, ее мнение никого не интересовало, важную роль играло приданое и социальное положение как невесты, так и жениха. После замужества женщина находилась в зависимости от мужа, он представлял ее интересы в правовой среде [5, с. 40]. Однако на женские плечи ложилась ответственность за ведение хозяйства, жены заменяли мужей в период их отсутствия: совершали сделки, решали споры, управляли поместьем. Ярким примером является Гризельда, которая была женой маркграфа [3, с. 227]. В рассказе купца Дж. Чосер упоминает, что при женитьбе рыцарь передал прекрасной Мае акты на все его ленное владение [3, с. 259]. Таким образом, супруги вместе осуществляли управление поместьем, но полноправным субъектом замужняя женщина не была.

В рассказах можно выделить мужские стереотипы о женщинах-женах. Первый — «идеальная супруга», которая наделена благочестием, верностью, скромностью, терпением, послушанием мужу. Это Констанца [3, с. 125] из рассказа юриста, она была не только верной женой, но и проповедницей, которая обратила язычников к истинной вере. В семье она любящая жена и мать. Гризельда [3, с. 225] в рассказе студента, бедная девушка-крестьянка, пленившая своей красотой и скромностью маркграфа, поражает своей покорностью мужу. В конце Дж. Чосер предостерегает читателей: *«Никто Гризельды не найдет второй / В своей супруге, — в этом нет сомненья. / О жены благородные, смелей / Свое отстаивайте положенье»* [3, с. 247].

Второй стереотип — «жена-изменщица». Чосер не раз повествует о союзе, в котором муж — старик, а жена — девица, которая изменяет супругу с молодым человеком. Т.Б. Рябова поясняет: *«эта тенденция в заключении браков во многом объясняется большой смертностью женщин при родах; мужчины, вступающие в брак второй раз, предпочитали*

братъ юных невест» [5, с. 116]. Примером может послужить рассказ мельника: *«А вдовый плотник сызнова женился. / Как никогда в жену свою влюбился. / Когда ей восемнадцать лет минуло»* [3, с. 86]. Интересно мнение автора по поводу неравных браков: *«Могла б она женой примерной быть / Какого-нибудь йомена, который / По возрасту пришлось ей бы в пору»* [3, с. 86]. На основании этого можно сделать вывод, что мужья сами становились причиной измены со стороны девушек, однако А. Г. Праздников считает, что неравные браки в XIV–XV вв. были скорее исключением, чем нормой, так как в рассматриваемый период, например, в Йорке разница между супругами в среднем составляла примерно три года [8, с. 44].

Третий, не типичный образ изучаемой эпохи, — «жена-разумница», которой присущи «мужские» качества — мудрость, стойкость, глубокое понимание ситуации и готовность к принятию решений. Это старуха из истории Батской ткачихи [3, с. 163] и Разумница, жена Мелибея [3, с. 368].

По рассказам можно дать классификацию отношений супругов: «полное подчинение мужа жене», «власть жены над мужем», «отношения, построенные на взаимности и уважении». К первой категории можно отнести брак маркграфа и Гризельды, в котором жена была полностью подчинена мужу. Ко второй — браки Батской ткачихи, которая «строила» мужей и пыталась ими управлять [3, с. 158]. Ее рассказ пронизан идеей, что женщине дороже всего власть над супругом [3, с. 181]. К третьей — Доригену и рыцаря Арвирага из рассказа Франклина [3, с. 297]. В этом примере брак строится на взаимной любви и доверии. Жена совершила опрометчивый поступок, пообещала свою любовь безответно в нее влюбленному молодому человеку за исполнение желания. Когда настало время его исполнить, она не побоялась и все рассказала мужу. Арвираг посчитал, что невыполнение обещания означает бесчестье, поэтому дал согласие [3, с. 313]. Этот рассказ представлен как компромисс между историей Ткачихи и Гризельды. Важно отметить, что после обсуждения сложившейся ситуации последнее слово было за мужем.

Одним из ярких персонажей «Кентерберийских рассказов» является Батская ткачиха Алисон. Чосер характеризует ее как своенравную, сварливую, болтливую женщину, которая была замужем пять раз и не отличалась верностью [3, с. 18]. Этот образ интересен вдвойне, во-первых, потому, что ткачиха принадлежала к членам особого цеха, который *«находился только в руках женщин»* [9, с. 208]. Во-вторых, она была вдовой. В средневековом мире вдова выступала как полноценный субъект права, могла распоряжаться своей долей наследства, отошедшей ей от мужей,

обладать экономическими привилегиями [5, с. 41], также она имела хорошие шансы на брачном рынке, особенно если у нее не было детей [9, с. 210]. Ткачиха у Дж. Чосера соответствует представлению о женщинах в жанре фаблю⁵, где представительницы слабого пола представлены лишь в черном цвете.

Образ матери в «Кентерберийских рассказах» не был полностью раскрыт. Иллюстрируя полное подчинение мужу, Чосер представил Гризельду как «несчастную овечку» [3, с. 230], которая хоть и любила детей, но не могла их защитить, так как решение мужа было для нее дороже [3, с. 229]. Второстепенными персонажами в рассказе юриста представлены две свекрови, которые пытаются избавиться от нежеланной невестки. В первом случае мотивом было различие веры: Констанца была христианкой, а семья мужа — мусульмане [3, с. 129], во втором причиной оказалась ревность матери короля Алла [3, с. 139].

Таким образом, в Англии XIV в. положение женщины в обществе во многом зависело от ее семейного положения. Дочь находилась в полном подчинении родителей, жена зависела от мужа, однако в имущественных отношениях они были равноправными субъектами, вели совместное хозяйство или производство. Вдова обладала наибольшей свободой и правами. Детальное описание действительности, представленное в «Кентерберийских рассказах», помогает увидеть за стереотипами реальные женские образы.

Список источников и литературы

1. Горбунов А. Н. Чосер средневековый. М.: Лабиринт, 2010. 335 с.
2. Старостина И. Ю. Гендерные представления Дж. Чосера: монография / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов: Техно-Декор, 2016. 272 с.
3. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер / Подг.: А. Н. Горбунов, В. С. Макаров; отв. ред. А. Н. Горбунов. М.: Наука, 2012. 951 с.
4. Букатова Д. М., Колесниченко Л. И. Культ Прекрасной Дамы как отражение средневековой концепции несовершенства женской природы // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 98–104.
5. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Ивано: Юнона, 1999. 211 с.

⁵ Фаблю — жанр французской городской литературы, комическое повествование которого заканчивалось моральным поучением. Женщины представлены хитрыми, умеющими всегда обмануть мужа. Подробнее см.: [7, с. 553–557].

6. *Флори Ж.* Алиенора Аквитанская. Непокорная королева / Пер. с франц. И. А. Эгипти. СПб: Евразия, 2012. 432 с.
7. Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 624 с.
8. *Праздников А. Г.* Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров: Изд-во ВятГУ, 2007. 204 с.
9. *Ретина Л. П.* Женщина в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен урбанизации. М.: Наука, 1999. С. 207–212.

УДК: 94(410).04

Либинсон С. Б.

Российский государственный гуманитарный университет,
Историко-архивный институт,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: libinson@bk.ru

Два казуса из истории семьи Бруксов: сюжеты из социальной истории Англии XV века

Аннотация. В статье автор рассматривает два казуса из социальной истории Англии, связанных с завещаниями двух представителей одной семьи — Томаса Брука-старшего и его сына, Томаса Брука-младшего. В первом случае автор статьи рассматривает ситуацию с нарушением последней воли в отношении захоронения Томаса Брука-ст., тогда как во втором обращается к упоминанию нестандартной угрозы, которая исходит, по мнению Томаса Брука-мл., от его детей.

Ключевые слова: история Англии, XV век, социальная история, кейс-стади, лолларды.

Libinson S. B.

Russian State University for Humanities,
History and Archive Institute,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: libinson@bk.ru

Two Cases from the History of the Brooke Family: Stories from the Social History of England in the 15th Century

Abstract. In the article, the author explores two incidents from the social history of England related to the wills of two representatives of the Brooke family — Thomas Brooke Sr. and his son, Thomas Brooke Jr. In the first case, the author of the article considers the situation with the violation of the last will regarding the burial of Thomas Brooke Sr., while in the second he refers to the mention of a non-standard threat that comes from the opinion of Thomas Brooke Jr. from his children.

Keywords: history of England, 15th century, social history, case-study, lollards.

Настоящая статья посвящена источникам, давно введенным в историческую науку — английским завещаниям первой половины XV века (EEW), изданным в 1882 г. Фредериком Дж. Ферниваллем, известным

британским филологом. Особый интерес вызвали два завещания, последовательно рассмотренные в Суде по делам завещаний (Court of Probate) — Томаса Брука (ок. 1355–1418), землевладельца Холдича [1, р. 26], и его сына — Томаса Брука, «рыцаря и лорда» Кобхэма (ок. 1391–1439) [1, р. 129]. По какой причине в эту инстанцию попали завещания Томаса Брука-старшего и Томаса Брука-младшего (и какое решение было вынесено), мы не знаем, но можно предположить, что причиной стало утверждение этих завещаний в суде, на что указывают латинские «подтверждения» завещаний [1, р. 28, 130].

Первое завещание было написано незадолго до его утверждения в Суде по делам завещаний в 1417 году, как гласит запись с подтверждением, за год до смерти Томаса Брука-старшего. Интересно отметить, что именно последние две строки оригинала текста (то есть до его внесения в книгу суда) были написаны самим автором [1, р. 28]. В чем смысл этого действия, сказать сложно, но возможно, это был один из способов удостовериться оригинальность написанного завещания или того, что оно написано со слов завещателя правильно. Томас Брук-старший оставляет все свое имущество, которое не пойдет на исполнение ритуала упокоения и благотворительность (еда для бедных во время похорон, раздача денег и т. д.), своей жене, назначая троих человек исполнителями его последней воли наравне с женой.

Второе завещание принадлежит сыну Томаса Брука-старшего, тоже Томасу Бруку. Оно, по аналогии с первым завещанием, написано незадолго до утверждения в суде в 1437 году. Все свое имущество, за исключением предназначенного на исполнение ритуала похорон, он завещает своей жене.

Отечественные и зарубежные историки нередко обращались к сюжетам, связанным с историей Англии первой половины XV века, особенно затрагивая вопросы социальной истории, истории аристократии и истории лоллардизма. Полный список работ, посвященных тематике статьи, был бы невероятно длинным, так что стоит ограничиться несколькими наиболее крупными работами. В качестве одного из таких исследований в российской историографии, пожалуй, следует прежде всего выделить монографию Т. В. Мосолкиной «Социальная история Англии XIV–XVII вв.» [2]. Татьяна Валентиновна Мосолкина, советская и российская исследовательница, специализируется на изучении истории английского государства позднего Средневековья и раннего Нового времени. В упомянутой работе рассматриваются многие аспекты жизни английского общества данных периодов, в том числе XV века. В нашем случае труд

Мосолкиной заслуживает внимания не только присутствием большого числа завещаний в качестве исторических источников, представленных в приложении монографии, но и своей показательностью относительно использования этих материалов в исследовании средневекового общества Англии — автор регулярно обращается к текстам завещаний, раскрывая тот или иной аспект социальной истории Англии (семейные связи, отношение к товарам и недвижимости, особенности быта представителей определенных социальных слоев и т. д.) и тем самым доказывая значимость этого вида источников. Примечательно, что наибольшее количество ссылок на завещания в работе Мосолкиной присутствует в ходе анализа английского общества именно в XV веке.

В зарубежной историографии среди работ, направленных на изучение социальной истории Средних веков, стоит упомянуть монументальные труды Дж. М. Тревельяна «Социальная история Англии» [3] и более ранний «Англия в эпоху Виклифа, 1368–1520» [4]. Обращаясь не только к вопросам социальной истории (по крайней мере, в понимании этого направления в конце XIX — первой половине XX вв.), автор пишет и о религиозной жизни этого периода, расценивая движение лоллардизма как явление прогрессивное, указывая, что возникло оно как «великая попытка» дать ответ на изменившиеся условия жизни в английском обществе в XIV–XV веках, в рамках которых католическая церковь становилась все менее актуальной. Несмотря на то, что от нашего времени работу Тревельяна отделяет более 120 лет, его точка зрения поддерживалась рядом историков XX столетия, прошла проверку временем и до сих пор считается весьма обоснованной.

Тем не менее, в английской исторической науке несколько позже сформировалась группа авторов, отстаивавших противоположную позицию относительно роли Виклифа и его последователей в истории Англии. Один из ее приверженцев, исследователь К. Б. Мак-Фарлен, в своей работе «Джон Виклиф и истоки английского неконформизма» [5] указывает, что лидер лоллардистов был завистливым и бездарным неудачником, понимавшим в политике «немногим больше, чем ребенок», который не планировал свою деятельность и фактически «шел, не зная куда», из-за чего лоллардизм стал причиной многочисленных бедствий и смертей. Наряду со столь резкой критикой в монографии Мак-Фарлена присутствует попытка выставить в лучшем свете противников Виклифа — крупных деятелей Католической церкви того периода. Тревельяна и его сторонников исследователь обвинил в наивном взгляде на историю и стараниях оправдать ту жестокость, что нес лоллардизм.

В столь дискуссионной среде присутствуют работы компромиссного характера. В их числе можно выделить труд исследователя Дж. Стэси «Виклиф и реформа» [6]. В нем историк изначально поставил перед собой задачу с помощью источников создать без какой-либо предвзятости максимально достоверный образ главы лоллардистов. Стэси признает такие недостатки Виклифа, как его непрактичность и взрывной характер, но преподносит читателю образ богослова как человека идейного и заботящегося о простом люде, который, несмотря на неудачи в своей начальной карьере, нашел себя в качестве реформатора церкви, достаточно успешно реализовавшись в данной роли. Учитывая обоснованность этой позиции многочисленными данными из источников, именно она на данный момент считается наиболее актуальной в английской историографии.

Среди трудов советских и российских историков, посвященных феномену лоллардизма, весьма примечательным является крупное исследование «Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.)» [7] за авторством профессора Е. В. Кузнецова — отечественного специалиста по истории Англии. Данная монография является одной из наиболее масштабных и емких по указанной тематике. В ней исследователь не только подробно анализирует всю основную историографию, связанную с лоллардизмом, начиная с Нового времени и заканчивая современной Кузнецову второй половиной XX столетия, но и конкретно разбирает саму позицию Виклифа, лидера лоллардов, описывает процесс распространения его идей, а также рассматривает отношение к нему и его взглядам со стороны двух самых влиятельных социально-политических институтов Англии — государства и Церкви. Основная мысль Кузнецова — лоллардизм в течение указанного периода неуклонно менялся и не был монолитным ни по социальному составу его последователей, ни по методам распространения их идей, что историк связывает с рядом экономических и политических процессов, которые протекали в Англии в XIV и XV веках. Двум сюжетам из социальной истории Англии, напрямую связанной в тот период с лоллардизмом, и посвящено настоящее исследование.

О Томасе Бруке-старшем нет отдельных исследований, вся информация о нем содержится лишь в нескольких генеалогических работах и статье многотомного труда «History of Parliament: House of Commons 1386–1421». При этом в статье скорее говорится о его пребывании в качестве члена парламента и занимаемых им должностях, чем о нем самом. Документов личного характера, за спорным исключением завещания, Томас Брук-старший, к сожалению, не оставил.

«Во имя Господа всех Господ, всемогущей бессмертной Троицы, я, ничтожный грешник...» [1, р. 26]. Томас Брук-старший очень открыт в своем завещании по поводу своих нетрадиционных религиозных взглядов, хотя и не говорит прямо о том, кто он: полунамеками, как выше приведенная цитата, и символическими жестами, как, например, пожелание лежать «ни в гробу, ни под могильной плитой, <...> а в тряпке, что понесет мою душу» при входе в церковь Торнкомба [1, р. 26–27]. Сложно не согласиться с исследователями [8, р. 340], считавшими Томаса Брука-старшего лоллардом. Сразу стоит отметить, что к лоллардизму Томас Брук-старший, вероятнее всего, приобщается под влиянием соседей (как это было в случае с Томасом Бишомпом) и юго-западных приходов [8, р. 340]. Обращение к лоллардизму происходит, вероятнее всего, до 1410 года, на что указывают его связи с Джоном Олдкаслом (1378–1417), другом Генриха V и в будущем видного лолларда [9]. Пусть их и нельзя достоверно назвать друзьями (Чарльз Китли считает, что до помолвки никаких связей не было [8, р. 341]), но известно, что Олдкасл выдает свою падчерицу за единственного сына Брука [10, р. 92–101].

Однако интерес к этому сюжету вызван другим обстоятельством: пожелавший упокоиться в земле, Томас Брук оказался под могильной плитой с каноническим изображением четы Бруков: Томаса Брука-старшего и его супруги, Джоан Брук. Вот что гласит надпись: «Здесь лежит сэр Томас Брук. Рыцарь, умерший на 22 день января 1419¹ года господня <...> Ко всему здесь покоится дама Джоан Брук, жена вышеназванного, которая умерла 10 апреля 1437 года господня»² [12, р. 245].

Чтобы понять, какую информацию мы можем в полном или хотя бы частичном объеме получить из источника, попытаемся для начала определить круг вопросов, ответ на которые доступен и согласуется с источником.

1. С кем ассоциировала себя Джоан Брук — с католиками или с лоллардами?

Вопрос религиозной принадлежности в Средние века был сложным — и традиционные католики, и еретики, особенно не столь радикальные, как лолларды, в большинстве случаев претендуют на ортодоксальность [13, с. 734]. Сложным этот вопрос остается и в отношении Джоан — она не оставила личных документов, даже завещания, в отли-

¹ У авторов статьи в «НоР» — 1418 г. [11].

² Здесь и далее перевод автора.

чие от мужа. Но исследователям доступен очень красноречивый источник — надгробие: такой подход к своему погребению может говорить о приверженности, реальной или декларируемой, католическому обряду погребения; Джоан не поддерживает идеи аскетического упокоения своего мужа. Такой ответ ставит перед нами новый вопрос: как Джоан Брук относилась к взглядам своего мужа, а главное, знала ли она о них вообще? На это источники ответов не дают. Правда, можно предположить, что в реальности никакого раскола между католиками и лоллардами не существовало: это объяснило бы, почему Джоан, если она догадывалась о религиозных взглядах мужа, им не противилась.

2. Вернемся к погребению: зачем Джоан пошла против воли своего мужа, не дав похоронить его тело согласно завещанию?

На этот вопрос можно дать два ответа. Во-первых, Джоан стремилась если не к правильному, то хотя бы достойному погребению для мужа — ритуал упокоения и захоронения в средневековом понимании смерти и посмертного существования играл важную, если не главную роль [14, р. 128–174]. И для Джоан, как мы видим, подходящим ритуалом захоронения, несмотря на взгляды мужа, оставался традиционно-католический, привычный для людей знатного происхождения. Важность такого способа захоронения (внутри церкви) определялась заботой о душе — люди, молившиеся в храме, возносили молитвы и за душу похороненного в нем [14, р. 69–74]; близкое расположение к алтарю приближало покоившихся к святости.

Второй ответ скорее дополняет первый — Джоан, возможно, заботилась не столько о посмертной судьбе мужа, сколько о своей собственной: то есть забота о себе, своей посмертной участи и благочестии мотивировала Джоан Брук пойти против желаний мужа. Возможно, такое решение было связано с представлением о браке, который в католической церкви создавался на небесах, не мог быть расторгнут и, вероятнее всего, должен был иметь и символическое продолжение после смерти. Посмертная судьба женщины напрямую зависела от посмертной судьбы мужа.

Немаловажен и престиж семьи, по которому сильно бьет захоронение не в храме, отделявшее аристократию от остальных, а за его пределами [14, р. 69–74]; при этом формирование семейных захоронений в среде аристократии не было каким-то исключением, на что указывает пример Томаса Брука-младшего, завещавшего похоронить его внутри церкви Торнкомба, или же Элис Уэст, пожелавшей упокоиться в церкви, «где [ее] предки погребены» [1, р. 4]. Желание спастись перед Богом, любовь к мужу или же элементарная забота о престиже семьи — Джоан Брук противится «посмертному» решению главы семьи.

Другая история семьи Бруков, заслуживающая внимания, — случай завещания Томаса Брука-младшего, *«рыцаря и лорда Кобхэма»* [1, р. 129]. В возрасте 19 лет он был помолвлен с Джоан Брэйбрук, *sou jure* владелицей титула баронессы Кобхэм. Примечательно, что отчимом Джоан Брэйбрук был Джон Олдкасл, неформальный лидер лоллардов (особенно среди аристократии) в Англии и член парламента, где он, видимо, и познакомился с отцом Томаса Брука-младшего: общая приверженность лоллардизму и членство в парламенте родили этот союз. В долгой и интересной жизни Томаса Брука-младшего были арест за причастность к лоллардскому движению [8, р. 344] и последующий выкуп, брак и рождение детей, участие в съездах парламента. Остановимся на одном сюжете, явно необходимом, коль скоро мы говорим о частной жизни: роль супруги в рыцарской семье.

Немногие женщины, особенно по сравнению с мужчинами, даже в Позднее Средневековье, оставили после себя личные источники: письма, дневники и т. п. По этой причине мы смотрим на женский мир и роль женщины в большей степени через призму мужского взгляда, а точнее, через те же личные документы: письма, дневники и завещания, которые, несмотря на свой актывый характер, несут и некоторый оттенок интимности, информацию личного характера, как в случае с завещанием Томаса Брука-младшего. Обращаясь к его завещанию, интересным показался один пассаж: *«Ко всему это моя воля, что если будет любой из моих собственных детей или любой другой человек, который будет причинять неудобства, тревоги или преследовать моих верных сервов и особенно Джона Батискомба, Уилла Таверна и Джона Коббиджа, моя жена со всеми вассалами и друзьями, которых она сможет собрать, будет поддерживать их, помогать им и защищать их от ненависти моих собственных детей и всех других»* [1, р. 130].

Итак, Томас Брук-младший прямо пишет, что основная угроза для его сервов (*«верных слуг»*) и отдельных лиц, бывших, видимо, особенно близкими завещателю — Джон Батискомб, Уилл Таверн и Джон Коббидж) — его же дети (*туне овне children*) Джоан Брэйбрук предписывается *«со всеми вассалами и друзьями»* помогать и защищать вышеназванных лиц от *«собственных детей и остальных [кто мог бы им угрожать]»*. Наибольшая угроза исходит от детей — на это указывает выделение их из числа тех, кто вообще может угрожать линияжу.

С чем же связано такое недоверие детям? Ответить на этот вопрос сложно, даже скорее невозможно: есть ли тут влияние религиозного вопроса (нам неизвестно о принадлежности детей Томаса Брука-мл. к числу

лоллардов, однако однозначно заявлять об их явно католическом мировоззрении невозможно), личностных качеств его детей, или же у Томаса Брука-младшего был перед глазами пример его соседа или родственника, испытывавшего схожие проблемы? Факт остается фактом: дети, по мнению Томаса Брука-младшего, — главная угроза его сервам, его социальным связям и, следовательно, его статусу. За одним исключением — его сын Эдурд упомянут скорее с позитивной коннотацией как тот, кто по желанию жены может стать еще одним из исполнителей завещания отца [1, р. 130].

Однако этот сюжет дает нам возможность исследовать один очень интересный аспект средневековой жизни — положение супруги, особенно после смерти мужа. Перед нами два примера того, какую роль по завещанию занимает вдова: Джоан Брук, в девичестве Хэнхем, и ее невестка — Джоан Брук, в девичестве Брэйбрук.

В первой ситуации мы видим, что Джоан Брук (Хэнхем) получает все, что останется после завещания [1, р. 28], во второй, у ее невестки — то же самое [1, р. 130]. В списках исполнителей завещаний своих мужей и Джоан Хэнхем, и Джоан Брэйбрук упомянуты первыми. Казалось бы, формально перед нами идентичные ситуации, но это не так. Различия обнаруживаются в двух сферах — безопасности статуса супруги как главного наследника и той роли, что отводилась супруге в исполнении этого завещания.

Обращаясь к первому роду различий — статуса супруги в наследовании — невозможно пройти мимо темы «безопасности» наследования. Томас Брук-старший в своем завещании, которое было написано за несколько лет до смерти³, сразу подчеркивает подчиненное положение своей супруги: оставляя Джоан все свое имущество (за логичным исключением того, что пойдет на исполнения его последней воли), он *«сохраняет за собой полное право изменить завещание, или увеличить его, или уменьшить его, или отменить его»* [1, р. 28]. В то же время, о каких-либо ограничениях права наследования своей жены Томас Брук-младший не говорит. Можно предположить, что возможность таких ограничений оставалась как бы за рамками текста завещания, однако подтвердить это мы не можем. С чем связана такая разница в правах супруги-наследницы в завещаниях представителей двух поколений мужчин из семейства Бруков? Для того, чтобы точнее ответить на этот вопрос, обратимся к роли, которую отводят супруге в обеспечении исполнения завещания Томас Брук-младший и его отец.

³ На это указывает разница между датой утверждения завещания (1417), датой смерти по «НоР» (1418) и датой смерти на надгробии (1419).

Положение Джоан Хэнхем по завещанию мужа нельзя назвать нестандартным: она наследует все имущество мужа и становится одной из исполнительниц завещания, будучи упомянутой первой в их числе. Томас Брук-старший не видит, вероятнее всего, никаких препятствий для исполнения своей последней воли или причин для ее нарушения. В отношении его решения мы говорим о некоторой степени нормы⁴.

В условиях потенциальной угрозы со стороны, о которой Томас Брук-младший пишет в тексте завещания дважды, мы обнаруживаем качественно другую роль супруги: Джоан Брэйбрук теперь не просто *de-jure* исполнительница завещания⁵, но фактическая защитница семейных интересов и гарант исполнения завещания покойного супруга. На такой статус указывает как то, что на ее усмотрение оставлен сбор «*всех вассалов и друзей*» и включение старшего сына в число исполнителей завещания [1, р. 130], так и то, что среди исполнителей завещания она упомянута в одном ряду лишь с неким сэром Янкином Бишопом, упоминаний о котором в других источниках нет. Можно было бы объяснить такое различие в роли вдовы по завещанию их статусами, но здесь мы скорее сталкиваемся с разницей ситуаций — если в 1410-х годах Томас Брук-старший не наблюдает особых опасностей для претворения в жизнь его завещания, то уже к концу 1430-х гг. ситуация меняется: поражения в ходе Столетней войны, неурядицы в правление Генриха VI, рост влияния магнатов и, как следствие всего, нарастание социальной напряженности [15, с. 89] заставляли его сына волноваться, вырабатывая иные стратегии для сохранения своего наследства и социальных связей.

Итак, в статье проанализирован сюжет из истории английской семьи Бруков, увиденной через призму завещаний двух поколений этого семейства. В обоих случаях интерес к этим сюжетам был связан с женщинами из семьи Бруков: Джоан Хэнхем, нарушившей последнюю волю мужа и похоронившей его там, где впоследствии упокоилась сама, и ее невесткой Джоан Брэйбрук, статус которой, в отличие от предшественницы, был под угрозой, мнимой или реальной. В связи с этим она, с одной стороны, обезопасила свой статус главной наследницы, а с другой — фактически стала гарантом исполнения последней воли своего мужа и сохранения «широкой» семьи.

⁴ Схожие тенденции мы обнаруживаем и в других завещаниях.

⁵ Сложно сказать, была ли ее свекровь исполнителем завещания мужа *de-facto*, или же ее упоминание — дань традиции.

Список источников и литературы

1. The Fifty earliest English wills in the Court of probate, London A.D. 1387–1439, with a priest's of 1454 / By Testators, as filed in the Courts / Copied and edited, from the original registers in Somerset house, by F. J. Furnivall. London: N. Trubner for the Early English Text Society, 1882. 200 p.
2. Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
3. Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 607 с.
4. Trevelyan G. M. England in the age of Wycliffe. London, New York, Toronto: Longmans, Green, and Company, 1920. 380 p.
5. McFarlane K. B. John Wycliffe and the Beginnings of English Nonconformity. London, 1952. 203 p.
6. Stacey J. John Wyclif and Reform. London, 1964. 179 p.
7. Кузнецов Е. В. Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.). Арзамас, 2011. 364 с.
8. *Kightly Ch.* The Early Lollards: A survey of popular Lollard activity in England, 1382–1428; PhD thesis. York: University of York, 1975. 612 p.
9. Sir John Oldcastle // Encyclopædia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/biography/John-Oldcastle> (дата обращения: 01.11.2022).
10. Waller J. G. The Lords of Cobham, their Monuments, and the Church // *Archæologia Cantiana*. 1877. Vol. 11. P. 49–112.
11. Roskell J. S. The House of commons, 1386–1421. Stroud: Sutton for the History of Parliament trust, 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.histparl.ac.uk/volume/1386-1421/member/brooke-sir-thomas-1355-1418> (дата обращения: 01.11.2022).
12. Rogers W. H. H. The Ancient Sepulchral Effigies and Monumental and Memorial Sculpture of Devon, Exeter. Exeter: William Pollard, North Street, 1877. 592 p.
13. Общая история Церкви. Т. 1. От зарождения Церкви к Реформации. I–XV вв. Кн. 2. Доктринальные вызовы Церкви. IV–XV вв. М.: Наука, 2017. 829 с.
14. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. В. Ронина. Тюмень: ИП Сайфуллин Т. А., 2021. 512 с.
15. Браун Е. Д. Войны роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.

УДК 94(430).03

Тихокин В. И.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
Факультет гуманитарных наук,
Образовательная программа «История», студент бакалавриата
E-mail: vitikhokin@edu.hse.ru

К вопросу о социальном статусе палачей в Священной Римской империи и Франции в XV–XVI веках

Аннотация. Данная статья продолжает наметившуюся в европейской историографии тенденцию к демаргинализации социального статуса палача. В работе будут разобраны и уточнены аргументы К. А. Левинсона, Дж. Ф. Харрингтона и К. Стюарт. Применяя сравнительную перспективу и методологию кейс-исследований, автор развивает тезисы Дж. Ф. Харрингтона и К. Стюарт и определяет статус палача как ситуативно пограничный.

Ключевые слова: социальная история, палач, XV век, XVI век, Священная Римская империя, герцогство Бургундия, графство Артуа.

Tikhokin V. I.

National Research University “Higher School
of Economics” (Saint Petersburg), Faculty of Humanities,
Bachelor’s program “History”, Student
E-mail: vitikhokin@edu.hse.ru

On the Social Status of Executioners in Holy Roman Empire and France in the 15th-16th Centuries

Abstract. This article continues the trend towards the demarginalization of the social status of the executioner, which is being observed now in European historiography. By applying a comparative perspective and case study methodology, the author analyzes J. Harrington and K. Stuarts’ arguments, agrees with those researchers considering the status of the executioner as situationally borderline.

Keywords: social history, the executioner, 15th century, 16th century, Holy Roman Empire, Duchy of Burgundy, County of Artois.

В 1594 году в недавно закрепившемся за французской короной северном графстве Артуа произошел любопытный для историков социальной

и маргинальной истории кейс: в городе Аррас во время осуществления приговора смертной казни толпа преследовала по улицам города и убила палача, мейстера Этьена Широ, за его неуклюжесть при исполнении приговора. Причиной убийства являлась неуспешная попытка Широ отрубить голову с первого удара. Исходя из судебных протоколов заседаний и допросов, которые были выпущены в антологии документов муниципального архива, ясно, что люди, причастные к убийству палача, получили реабилитацию [1, р. 366–367] по данному делу, так как, по словам одного из участников событий, «...население в зависимости от своего мнения, имело законное право на такое дело против чудовища» [1, р. 367]. Подобные действия населения по отношению к представителям данной профессии — не единичный случай, и основная причина — это проблема динамичной маргинализации социального статуса палача [2, р. 50–51].

Без сомнения, описанный ранее кейс в Аррасе не является определяющим для суждений историков, так как это лишь песчинка в общей картине, однако именно через сравнение подобных локальных событий можно прийти к общему выводу. Именно поэтому для данного исследования привлекается сравнительная перспектива и методология *case study*. Также применяется концепт «профессиональная каста» [3, р. 1–2], введенный К. Стюарт в монографии «The Boundaries of Honor — "Dishonorable People" in Augsburg, 1500–1800», который подразумевает под собой высокую степень эндогамии в социальных группах мастеров заплечного дела и живоделов, их закрытость от средневекового и ранне-модерного общества. Данный концепт также обусловлен тем, что статус принадлежности к «профессиональной касте» приписывался с рождения. Подобная профессиональная каста формировала собой закрытую корпорацию, что и позволяет изучать ее социальный статус.

Так как средневековый город — это единая система с довольно строгой структурой, которая состоит из социальных групп, кардинально отличающихся друг от друга, но при этом тесно взаимосвязанных, П. Ю. Уваров отмечает, что система иерархии, существовавшая в позднесредневековом и ранне-модерном городе, несмотря на существующий концепт общности граждан [4, с. 11] и выборности правящей элиты [4, с. 12] на достаточно короткий срок (в среднем от трех месяцев), не предусматривала постоянно действующих социальных лифтов, что создавало пропасть между разными социальными группами в их взаимодействии. Впрочем, Уваров видит причины этой иерархии не только в республиканской идее, ставшей преобладающей в социально-политическом пространстве города, и растущей благодаря этому олигархии, но и в каноническом

праве, которое поддерживало идею о передаче власти *probi homines* (лучшим людям) над *Universitas* (общиной, корпорацией) [4, с. 8–10]. И раз каноническое право играло такую важную роль в определении тех, кому править, то, следовательно, предписывало и другим представителям позднесредневекового и раннемодерного социумов их задачи в *Universitas*.

Так каким был круг занятий палача? К сожалению, на данный момент историки не могут предоставить единого ответа. Так, К. А. Левинсон, пытаясь создать общий нарратив, говорит, что «заплетные дела» являлись основной задачей палача, которая закреплялась в контракте при найме, как и у прочих чиновников города, однако, как отмечает автор в исследовании, основная деятельность не приносила дохода, что вынуждало палача выполнять и другие работы [5, с. 224–225]. Так, например, заплетных дел мастер в средневековой Европе, по мнению Левинсона, мог заниматься содержанием борделей, игорных домов, чисткой общественных уборных, отловом бродячих собак и их истреблением на улицах города, ритуальными услугами могильщика и руководством на живодерне [5, с. 225–226]. Очень важно отметить, что палач у Левинсона является не бюрократом-управленцем, а человеком, занятым самыми неприятными общественными работами, которые никто не желал выполнять даже по контракту с локальной властью [5, с. 226–227]. В антологии муниципального архива Дижона содержится компиляция документов, которая включает в себя описание процесса введения карантина в 1580–1590-х годах [6, р. 67–74], во время которого палач стал не только карателем, но и прямым стражем порядка. Так, например, в 1586 году один из местных жителей пытался проникнуть за ворота города, за что, если бы не был остановлен предупредительным выстрелом, мог быть убит [6, р. 67–68]. В данном случае уникальным представляется факт, что меры по защите от заражения чумой были приняты даже при исполнении меры наказания: палачу было предписано использовать аркебузу с целью уберечь мастера от прямого контакта с потенциальными больными.

С другой стороны, за основной работой палача скрывались очень весомые знания в анатомии и медицине, что делало из палача лекаря, который мог проанализировать состояние больного и предложить ему курс лечения. Так, согласно Левинсону, палач имел лавку на рынке, в которой продавал снадобья, амулеты из частей трупов казненных. Торговля ими шла настолько успешно, что пользовались этой услугой, согласно автору, и простолудины, и представители правящей элиты [5, с. 228].

В свою очередь, К. Стюарт [3, р. 127–128], Дж. Харрингтон [2, р. 58–60] и Р. Дюльмен [7, с. 73–74] в своих монографиях подтвержда-

ют слова Левинсона о разнообразии занятий палача, которые зависели от тех или иных волеизъявлений локальных властей в определенный момент времени в течение контрактной службы заплочных дел мастера, но у них прослеживаются некоторые отклонения от позиции Левинсона. Так, в частности, К. Стюарт отмечает, опираясь на локальные правовые акты XVI века в Аугсбурге, что палач, несмотря на то, что мог быть лекарем без требования лицензии, в отличие от докторов, цирюльников-хирургов и владельцев бань, был обязан принимать всех пациентов любого сословия в своем или родительском доме и не имел права владеть лавкой. Более того, палач мог также быть ветеринаром — лечить крупный рогатый скот и лошадей, однако, опять же, только на территории своего дома или дома родителей [3, p. 128]. Дж. Харрингтон, в свою очередь, отмечает, что лекарем палач мог стать только по отношению к стражам правопорядка или заключенным, что также ограничивает заплочных дел мастера и в заработке, и в потенциальных пациентах [2, p. 307–310]. Так, в рабочем дневнике мейстера Франца Шмидта, палача из Нюрнберга, неоднократно соотносятся имена освобожденных после пыток и его пациентов, а также встречаются упоминания вылеченных для казни преступников [8, p. 121, 126, 127, 129–130]. Вполне вероятно, что Левинсон в своем исследовании при ответе на данный вопрос опирается на монографию Р. Дюльмена, который допускает такую возможность по причине сложившейся у палачей монополии на поставку частей человеческих тел, а также существовавших на тот момент предположений врачей о целебных и магических свойствах мертвых тел [7, s. 74], что, в принципе, допускают и остальные исследователи. Однако в работе Дюльмена упоминаются не столько магические предметы, сделанные палачами, сколько сама аура могущества в области темных искусств, закрепившаяся в фольклоре [7, s. 26–29]. На основании заключений вышеназванных историков и анализа эго-документа представителя исследуемой социальной группы я полагаю, что палач как лекарь не имел достаточных привилегий для публичной торговли снадобьями и проведением операций, а мог вести только подпольную деятельность в этом направлении.

О работе палача на живодерне историки также делают разные выводы: если Левинсон говорит о том, что палач мог стать главой живодерни, то у Стюарт мастер заплочных дел действует отдельно от данной корпорации, однако при выполнении этой работы обязан следовать правилам и обычаям местного цеха, и, более того, временно приобретает их социально-правовой статус [3, p. 127–130]. В свою очередь, Харрингтон на примере анализа детства мейстера Карла Шмидта делает вывод,

что живодерская деятельность выступала в качестве тренировки и подготовки молодого подмастерья к казни мечом путем отрубания головы [2, р. 33–34]. Однако важно отметить, что у Харрингтона подобная тренировка совершается не публично, на улице, а на территории двора дома — в точке, которая находилась в достаточном удалении от соседей, с целью не доставлять неудобств.

Таким образом, палач, помимо своей основной функции, не имел четких задач в обществе и был вынужден выполнять различные работы, которые ему предлагались локальной властью. В каждом регионе характер работ отличался ограничениями, правами и обязанностями, что, безусловно, влияло на статус палача в городах позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Ранее было отмечено, что палач в ряде случаев не имел права публично и официально выполнять некоторые работы из своей сферы деятельности. Особенность средневекового и раннемодеpного города, по мнению А. Беттонни, заключается в системе взаимодействия автономных социальных групп общества, которая сложилась к XIII веку. Она еще больше подчеркнула эту автономность через введение параметра *fama* (слава, честь) для создания единой социальной иерархии граждан, который представлял собой характеристику и социальный статус индивида [9, с. 20–22]. Так, при низкой *fama* индивид получал статус аутсайдера, обесславленного и бесчестного человека, который не имел права как-либо контактировать с гражданами, чья *fama* более высокая, чистая. И наоборот, при высокой *fama* индивид приобретал статус *boni et honesti viri* (добрые и честные люди), что могло позволить этому человеку занять высокие посты в правящем аппарате и стать частью патрициата [9, с. 21–23]. Также стоит отметить, что подобная система носила коллективный характер. Так, согласно Уварову, если человек принадлежал к какому-либо цеху или корпорации и был обесславлен, то результат подобной гражданской казни касался и окружающих его людей по причине существования в Средневековье такой формулы права, как *Quod omnes tanget ab omni comprobare debet* (Что каждого касается, каждым должно быть одобрено) [4, с. 10]. Это приводило к тому, что на территории города могли существовать целые слои из различных социальных групп, которые были изолированы друг от друга.

Однако к какому слою принадлежал палач и как его *fama* отразилась на его социальном статусе? Для всех историков палач обладал низким статусом и находился на социальной лестнице на одном уровне с бродягами и проститутками. Более того, как отмечает Левинсон, заплечных дел

мастер мог подвергнуться нападению, за что требовал дополнительную плату за свои услуги, а также мог быть ограничен в правах в социальном взаимодействии, что указывает на его статус бесчестности [5, с. 228–230]. Более того, палач, резюмируют Левинсон, Стюарт и Харрингтон, предстает в качестве «переносчика опасной болезни»: одного прямого или через предмет касания достаточно, чтобы обесчестить другого человека, что делает какие-либо взаимодействия с ним невозможными. Однако, находясь в слое таких же «неприкасаемых», палач мог вести свою жизнедеятельность без каких-то ограничений [2, р. 51; 3, р. 126–127; 5, с. 230]. Важно отметить, что для Левинсона заплочных дел мастер перманентно находится в состоянии «бесчестности». Он не может изменить этот статус как для себя, так и для своих родственников, которые находятся в таком же положении из-за ранее озвученной средневековой максимы, что и сделало эту должность своеобразной профессиональной кастой, которая существовала в маргинальной среде.

В свою очередь, Харрингтон гораздо глубже видит истоки бесчестного статуса палача: профессия палача — это бремя, которое несут потомки первого палача, дабы впоследствии получить от правителя разрешение уйти с этой должности. Решение о наложении бремени палача принимает правитель, пользуясь раннесредневековым обычаем: при отсутствии палача в городе правитель, обычно феодал, приказывал случайному зрителю исполнить смертный приговор над осужденным, что было позорным и налагало на него статус хладнокровного убийцы. Отказ от исполнения обычая карался смертью протестующего и двух находящихся с ним рядом в толпе людей [2, р. 51–54]. Таким образом, клеймо позора, которое нес на себе палач, по Харрингтону, было необходимостью, которую средневековое общество было вынуждено сохранять для поддержания надлежащего порядка.

И все же эта необходимость не поддерживалась социумом, а наоборот, еще больше озлобляла его по отношению к палачу. На это указывает кейс, произошедший в Аррасе в 1488 году. Сам кейс представлен в форме судебных протоколов заседания и допросов и содержится в антологии документов из муниципального архива. Согласно протоколу, на палача была составлена жалоба ткачами, которые не желали продавать ему веревки. На первый взгляд может показаться, что единственной причиной, по которой возникла жалоба, было то, что торговцы знают, на что используется их товар, и боятся потерять свою репутацию. После ряда случаев, когда палач и его подмастерья приходили и забирали товар, порой применяя силу, не оплатив, оскорбляя при этом торговцев и их семьи,

ситуация накалилась. Местные торговцы через сержанта стражи подали прошение, называя палача попрошайкой-злоумышленником, с просьбой прекратить подобные действия [10, p. 173].

В свою очередь, палач полагал, что в его действиях нет ничего противоправного, так как весь товар идет на нужды закона и короны, а, следовательно, он не обязан его оплачивать. Осмысляя данные события, можно сделать вывод, что в данном случае мы видим конфликт между социальной группой, которая беспокоится о своей репутации, и правящей элитой. Ткачи, понимая, что их честь может быть посрамлена из-за посещения палача и из-за того, что он принуждал их бесплатно отдавать будущие инструменты для казни, решают ограничить контакт с палачом. Благодаря тому, что власть получает такой запрос, для палача создается посредник, который будет оплачивать его потребность в определенном материале [10, p. 174]. Однако подобное посредничество также указывает на то, что палач становится изолированным субъектом в своем поле и не может участвовать в экономической сфере отношений. Так, из-за ряда реакционных правовых актов 1530 и 1548 гг. [11, s. 319–321] в Священной Римской империи палач был вынужден выделять свой статус в обществе через особую отличительную одежду, что в некоторой степени приравнивало его к евреям и проституткам. Более того, благодаря децентрализованной политической структуре Священной Римской империи, местные органы самоуправления могли отказаться от выполнения смягчающих обстоятельства законов, что и практиковалось в большинстве случаев. Так, например, закон от 1548 года, как отмечает Харрингтон, позволял сыновьям палачей становиться подмастерьями в цехах, что, конечно же, не соблюдалось, так как ремесленнические корпорации кичились своей репутацией, честью [2, p. 62]. Ремесленник, который решался отказаться от «предрассудков» по отношению к «нечестивцам», рано или поздно сам терял статус *boni viri*. С другой стороны, как отмечает Ю. Новосадтко, спектр «нечестивых» профессий был настолько широк, что не взаимодействовать с их представителями не представлялось возможным [12, s. 12–28].

Однако для Харрингтона, как и для Стюарт, палач не являлся перманентным аутсайдером, а, скорее, находился в пограничном состоянии между честью и позором. Несмотря на то, что «палач, сын шлюхи» (это было типичное, распространенное ругательство, унижающее достоинство представителей данной профессии и говорившее о их социальном статусе, которое могло встретиться и в делопроизводственной документации) [2, p. 63], он мог иметь статус *honesti viri* благодаря таким заслу-

гам, как качественные казни и хорошие навыки в знахарстве. Так, Стюарт делает вывод, что большая часть палачей Аугсбурга в XVI веке могла стать почетными гражданами и уволиться с поста мастера заплочных дел через врачевание [3, р. 128–130]. В свою очередь, Харрингтон утверждает, что снять с должности палача было возможно только через официальное прошение к императору. В данном прошении важно не столько низложение полномочий палача, сколько восстановление чести семьи, которое позволяло потомкам палача становиться подмастерьями в цехах у ремесленников и находить «бескровный» доход. Так, палач мог описать в прошении свои «заслуги» во имя порядка, сказать, скольким людям была оказана помощь (в большинстве случаев именно врачеванием), и попросить освобождения с должности [2, р. 345–349].

Этим примечателен и ранее описанный кейс из Дижона, так как благодаря исправному несению карантинно-карательной службы спустя несколько месяцев палач был награжден грамотой как *«охотник на вредителей»* [6, р. 69] и повышенным жалованием и получил в обязанности *«...стрелять без предупреждения и убивать больных чумой или тех, кто побывал в зараженных местах...»* [6, р. 69–70]. Как уже было отмечено, данные события примечательны тем, что они подтверждают ранее упомянутые тезисы К. Левинсона о широком круге деятельности палачей, который зависел от решений власти. С другой стороны, описанные события могут быть трактованы как чрезвычайная ситуация, которая требовала серьезных мер. Однако именно благодаря этой чрезвычайности палач получает повышение в должности и приобретает новый социальный статус, с которым должность просуществует до середины XVII века, как пишет в комментарии к источнику автор антологии Н. Клеман-Жанэн [6, р. 70]. Стоит отметить, что не каждый палач мог восстановить честное имя и тем самым обезопасить свою семью от угнетения. Причины, по которым мастера заплочных дел могли до конца своих дней оставаться в статусе «нечестивых», заключаются в том, что на эту должность нелегко было найти человека на замену, что заставляло патрициат и местное самоуправление отклонять прошения [2, р. 345].

Итак, палач являлся фигурой, находящейся на условной и ситуативной границе высокого и низкого социальных статусов, что демонстрируют результаты исследований историков (Дж. Харрингтон и К. Стюарт), опиравшихся на локальные сюжеты. С одной стороны, мастер заплочных дел имел широкий спектр занятий, что позволяло ему обладать рядом привилегий. С другой стороны, его низкая *fama* сильно ограничивала его в правах, что делало эту социальную группу слабозащищенной с правовой

и экономической точки зрения. При этом мастер заплечных дел, несмотря на низкий социальный статус, взаимодействовал с *boni viri*, мог оказывать им платные услуги, был способен преодолеть подобное угнетение путем выслуги на посту и восстановить свою честь. Исключением из этого правила можно считать работу К. А. Левинсона, дающую достаточно серьезные основания для развития исследований о социальном статусе палача. Однако выводы о перманентном бесчестии, которые он предлагает, в сравнении с выводами других специалистов достаточно общие и спорные.

Список источников и литературы

1. Etude sur les registres des chartes de l'audience conservés dans l'ancienne chambre des comptes de Lille // Mémoires de la Société des Sciences, de l'Agriculture et des Arts de Lille. 4e série. T. 1 / Ed. by C. Dehaisnes. Paris-Lille, 1876. P. 358–367.
2. *Harrington J. F.* The Faithful Executioner: Life and Death, Honour and Shame in the Turbulent Sixteenth Century. London: The Bodley Head, 2013. 438 p.
3. *Stuart K. E.* The Boundaries of Honor: “Dishonorable People” in Augsburg, 1500–1800: PhD Thesis. Yale University. Connecticut, 1993. 319 p.
4. *Уваров П. Ю.* Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А. Сванидзе. М.: Наука, 2000. с. 8–40.
5. *Левинсон К. А.* Палач в средневековом германском городе: чиновник, ремесленник, знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А. Сванидзе. М.: Наука, 2000. с. 223–231.
6. *Clément-Janin N.* Le Morimont de Dijon. Bourreaux et supplices. Dijon, Darantière, 1889. 188 p.
7. *Dülmen R.* Theater des Schreckens Gerichtspraxis und Strafrituale in der Frühen Neuzeit. München: Beck, 2014. 232 s.
8. *Harrington J. F.* The Executioner's Journal: Meister Frantz Schmidt of the Imperial City of Nuremberg. Charlottesville: University of Virginia Press, 2016. 257 p.
9. *Беттони А.* Фамы, позорящие наказания и история правосудия (XVI–XVII вв.) // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 17–38.
10. *Cardevacque A.* Le Bourreau à Arras // Mémoires de l'Académie des sciences, lettres et arts d'Arras. 2e série. T. 24. Arras, 1893. 386 p.
11. *Wilbertz G.* Scharfrichter und Abdecker im Hochstift Osnabrück: Untersuchungen zur Sozialgeschichte zweier „unehrlichen“ Berufe im nordwestdeutschen Raum vom 16. bis zum 19. Jahrhundert. Osnabrück: Wenner, 1979. 386 s.
12. *Nowosadtko J.* Scharfrichter und Abdecker: Der Alltag zweier „unehrlichen Berufe“ in der Frühen Neuzeit. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1994. 412 s.

УДК 94

Ильинский А. Л.

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Гуманитарный институт, студент бакалавриата
E-mail: miloshdraga1961kosmos@gmail.com

Религиозная обстановка в Венгрии в конце XV века

Аннотация. В статье рассматривается религиозная обстановка в Венгрии на рубеже XV–XVI веков. После смерти короля Матиаша Корвина в 1490 году начался династический кризис власти. Венгрия находилась в глубоком экономическом кризисе из-за высоких налогов на содержание армии. На окраинах государства, которые слабо контролировались властью, вновь начали набирать силу религиозные учения, до этого преследовавшиеся властями. Все это происходило на фоне крестьянских восстаний, центрами которых стали промышленные и стратегически важные регионы. Статья призвана рассмотреть религиозную ситуацию в этот сложный период, оценив возможные предпосылки развития религиозных учений перед Реформацией.

Ключевые слова: Венгрия, религия, католичество, XV век, гусизм, протестанство.

Ilinskiy A. L.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Institute of Humanities, Bachelor's program, Student
E-mail: miloshdraga1961kosmos@gmail.com

Religious situation in Hungary at the end of the 15th century

Abstract. The article deals with the religious situation in Hungary at the turn of the 15th-16th centuries. After the death of King Matthias Corvinus in 1490, a dynastic power crisis began. Hungary was in a deep economic crisis due to high taxes on the upkeep of the army. On the outskirts of the state, which were weakly controlled by the authorities, religious teachings, which had previously been persecuted by the authorities, began to gain strength again. All this happened against the backdrop of peasant uprisings, the centers of which were industrial and strategically important regions. The article is intended to consider the religious situation in this difficult period, assessing the possible prerequisites for the development of religious teachings before the Reformation.

Keywords: Hungary, religion, catholicism, 15th century, husism, protestantism.

В конце XV в. Венгерское королевство достигло своего расцвета. С приходом к власти короля Матиаша Корвина в 1458 г. Венгрии удалось нарастить свое могущество, вернуть утраченные территории, а также начать активно вмешиваться в общеевропейские процессы. Венгрия стала «щитом» Европы от турецкого нашествия на Балканах, главным борцом с остатками гуситов в Чехии [1, р. 122]. Римско-католическая церковь, имея сильное влияние в Венгрии, неоднократно предлагала венгерским королям организовать крестовый поход против турок [1, р. 123–124].

Но говоря о важном религиозном значении экспансионистской политики Венгрии, часто не обращают внимание на стремление Яноша Хуньяди, а затем и его сына, короля Матиаша Корвина, создать между Османской империей и Венгрией буферную зону полунезависимых и лояльных венгерской короне государств [2, р. 56]. Такое стремление было вызвано необходимостью закрепить за Венгрией эти территории и, контролируя их, обезопасить свои внутренние границы, отодвинув Османскую империю вглубь Балкан. Тем не менее, именно с политикой буферных зон связывается тот факт, что на окраинах Венгрии, которые слабо контролировались центральной властью, оставались, а порой и распространялись еретические учения гуситов, а с началом XVI в. и протестантизма лютеранского и кальвинистского толка. В связи с этим возникает необходимость проследить связь между религиозной ситуацией в начале XVI в. и ее предпосылками в XV в. Для этого крайне важными остаются вопросы: можно ли считать гуситов предвестниками Реформации? Как католицизм влиял на политическую жизнь Венгрии?

Перемены начались со смертью короля Матиаша в 1490 г., который умер, не оставив законного наследника. Венгерский престол занял Ладислав Ягеллон. Но после смерти короля Матиаша казна была опустошена. Венгерское дворянство раскололось на два противоборствующих лагеря, поддерживая своих претендентов на трон [1, р. 191].

Источниковая база для изучения данного вопроса немногочисленна. Ее можно условно разделить на две группы.

К первой группе источников относятся документы личного происхождения: дневники, письма, прошения, деловая переписка. Некоторые из этих документов проанализированы историками XIX–XX вв. на предмет исторической достоверности [3, р. 36–48].

1. Magyar Diplomacziái Emlékek Mátyás király korából [4] — венгерская дипломатическая переписка за период 1458–1490 гг. В ней содержится переписка короля Матиаша с королевскими домами Европы. Но в ходе исследования данной проблемы наиболее при-

мечательно переписка с римским папой Пием IX, который оказывал венгерскому королю всяческую помощь и поддержку в дипломатическом плане.

2. Emlékirata Magyarország romlásáról [5] — Письма о гибели Венгерского королевства 1484–1543 годов. Написанные придворным капелланом Дьердем Сереме письма содержат хронологический перечень происходивших в Венгрии несчастий. Будучи католиком, автор с разочарованием отмечает все происходившие в стране беды. Эти данные освещают происходившие события с позиции придворного клирика, что очень важно для понимания меняющейся религиозной структуры в обществе.
3. Relatio Nuntii Apostolici sub Matthio Corvino in Hungaria existensis [6] — письма венгерского нунция папе римскому о короле Матиаше за 1480 год. Данные письма содержат отчеты о происходивших в Венгрии событиях, так или иначе отразившихся на Церкви. В этих письмах впервые выдвигаются сомнения в идеальной кандидатуре Матиаша как «защитника католической веры».
4. Narratio Blasii de Zajka de hussitis in Sirmia, Backa et Moldavia [7] — свидетельства францисканца Балаж из Залки о Библии гуситов 1420-х годов. Заметки дневникового характера составлены францисканским проповедником чешского происхождения и содержат данные об издании первой Библии на венгерском языке гуситами-таборитами. Так или иначе, именно из этих заметок известно о распространении Библии в Венгрии и примерном распространении гуситских идей.

Данный блок источников освещает предпосылки проблемы с позиции отдельных людей. Столь широкий временной охват обусловлен причинами, которые назревали задолго до начала изменений на религиозной карте Венгрии.

Ко второй группе источников относится актовый материал.

1. Tripartitum opus juris consuedinarii inclyti regni Hungariae per magistrum Stephanum de Werbewcz accuratissime editum [8] — Трипартитум Иштвана Вербеци является одним из важнейших законодательных памятников истории Венгрии. Написанный во времена правления Матиаша Корвина, данный источник содержит свод феодального права.
2. Történeti Statisztikai Forrasai [9]. Важно отметить сборник статистических данных распределения земель в Венгерском королевстве по данным урбариев. На основе принадлежности земель

урбариям, крестьянским общинам, помещикам возможно проследить изменения земельного соотношения между отдельными группами населения в разных областях страны за разный период. Важно понимать, что данный статистический свод данных появился в XIX в. и использует материалы XV–XVI веков для сравнения с показателями XVIII–XIX вв. Поэтому при работе с данным источником невозможно делать полные и объективные выводы изменения населения в Венгрии в рассматриваемом периоде.

Историография данной проблемы имеет ряд особенностей. Во-первых, работы в массе своей написаны на венгерском языке [10; 11; 12; 13]. Во-вторых, они используют данные хроник венгерских и немецких земель [12; 13]. В-третьих, исследования не рассматривали поставленную в настоящей статье проблему, отражая лишь отдельные части исследования. Но тем не менее, историографический материал представляет собой очень подробные научные исследования, с привлечением пусть и ограниченного, но крайне интересного источникового материала.

Работа Золтана Тосса [10], разбирающая феномен использования наемной армии Матиашем Корвином, написана в 1925 г. В ней помимо рассмотрения предпосылок создания наемной армии рассматривается и ее религиозная составляющая. Тосс делает важные выводы о характере наемной армии как носительнице гуситских традиций ведения войны, сохранившихся и укрепившихся при Матиаше Корвине. Следующая по времени выхода работа принадлежит Тибору Кардошу [11], венгерскому историку, который заострил внимание на проблеме становления национальной церкви в Венгрии в XV–XVI вв. Данная работа интересна тем, что автор сравнивает гуситское движение и восстание в Венгрии 1514–1515 гг., воспринимаемое как попытка создания национальной католической церкви Венгрии. Важная роль в этом движении отводится Матиашу Корвину.

Исследование Ласло Маккаи [12] посвящено венгерским пуританам как борцам с феодальным строем. Данная работа является отличным примером перехода венгерской науки в русло советской идеологии. Помимо венгерских пуритан, автор рассматривает роль протестантских проповедников в общекрестьянской борьбе за феодальные права. Похожая работа была написана в 1957 году Яношем Хорватом [13], в ней анализируется начальный этап венгерской Реформации. Это важно в рамках исследуемой проблемы, поскольку венгерскую Реформацию не рассматривают на начальном этапе ее распространения.

Работа, написанная словацким ученым Мартином Браксаторисом [14], носит скорее богословский, нежели исторический характер. В ней

рассматривается преэминентность гуситов словацким евангеликам в творчестве словацких писателей. Работа важна в плане рассмотрения степени влияния гуситских идей в отдельном регионе (Верхняя Венгрия).

Как можно заметить, историография позволяет увидеть несколько направлений исследований, освещающих религиозную обстановку в Венгрии на примере разных периодов и регионов.

В XV в. население Венгрии составляло порядка 4–5 миллионов человек [9, р. 119]. Преимущественно население было сконцентрировано в течениях рек Дунай и Тиса. Это отразилось на устройстве духовной жизни. В то время как центральные регионы были преимущественно католическими, север и восток Венгрии представляли из себя довольно разнообразный конгломерат вероисповеданий [13, р. 84]. В Трансильвании, например, жили преимущественно православные валахи. Местный патрициат, в основе своей саксы и швабы, были католиками, но власть католической церкви очень сложно отследить на этой территории. Причина этого — особый приграничный статус земель Валахии и Трансильвании, которые слабо контролировались центральными органами власти. В то время как в Центральной Венгрии доля земель, принадлежавших католической церкви, составляла от 30 до 35% [9, р. 119], в Трансильвании эти показатели были в 3–4 раза меньше. Учитывая специфический характер статистических данных, их позднюю публикацию, где они использовались в малом количестве и в сравнении с данными XVIII–XIX вв., можно предположить, что данные обусловлены как малой плотностью населения (отсутствием крупных городов), так и слабым земледельческим потенциалом данного региона. Это способствовало тому, что католическая власть не всегда могла контролировать духовную жизнь региона, вмешиваясь во внутренние дела.

Трудно сказать, какой была обстановка в Словакии. Утверждать о сильном католическом влиянии нельзя, поскольку не сохранилось записей о каком-либо делопроизводстве католического духовенства в этих землях [15, р. 277]. Конечно, в Шопроне (современная Братислава) находилась резиденция местного епископа, но его влияние на жизнь местного населения было незначительным [6, р. 277]. Это можно понять по анализу королевских писем в Шопрон из Буды в 1420–1440 гг. [6, р. 277]. Именно поэтому эти земли, имея слабое влияние Церкви, очень быстро вошли в зону гуситских интересов. Этому же способствовал и факт социального неравенства, особенно в горнодобывающих районах [16, р. 120]. В то время как патрициат состоял преимущественно из венгров, бюргерство было словацким. Конфликты на почве социального неравенства

по этническому признаку были распространенным явлением как в Словакии, так и в Трансильвании [10, р. 67]. К моменту прихода первых гуситских отрядов в Словакию социальное противостояние между патрициатом и бюргерством в очередной раз обострилось [17, р. 68–70].

Это являлось одним из центральных факторов того, почему на этих землях укрепился гусизм, а его идеи продолжили жить и после окончательного уничтожения гуситов Матиашем Корвином в 1467 г. [6, р. 304].

Важным событием, которое в определенной мере показывает слабость католицизма в этих землях, становится выход первой Библии на венгерском языке в 1422 г. О факте появления Библии свидетельствует папский проповедник Балаж из Залки. Его записи [4, р. 36] крайне обеспокоили католическую церковь. В историографии [15; 18; 19] с гуситской опасностью будут связывать возросшее влияние Святого Престола к Венгрии. Публикация одной из основных книг христианства на национальном языке заложила основу формирования движения за независимую национальную церковь Венгрии [11, р. 121].

Как известно, закат гусизма относится к середине XV века. Отсутствие сплоченности, разная трактовка дальнейшего пути развития этого движения, а также прекращение поддержки гуситов бюргерством и мелким дворянством очень быстро привели к криминализации гуситов, в первую очередь таборитов, как наиболее радикальных сторонников войны с Церковью. По сути, к 1460-м гг. гуситы остались лишь в Венгрии, и то в виде отрядов «братриков» — словацкого варианта гуситских отрядов, которые контролировались остатками гуситов-утраквистов [20, с. 72]. Утраквисты — сторонники умеренного крыла гуситов, которые допускали уступки в переговорах с Ватиканом, а также пользовались сильной поддержкой мелкого дворянства [20, с. 73–74] и, в отличие от таборитов, выбрали путь политического влияния на подконтрольные регионы. Они активно вмешивались в политическую жизнь Венгрии. При этом гуситы повлияли на спад экономики горнопромышленных регионов Словакии, обложив местное население высокими налогами на содержание военных отрядов [15, с. 2]. Как следствие, можно констатировать, что ухудшившееся экономическое положение в Словакии, которое в конце XV века вылилось в череду восстаний, было вызвано именно гуситами. Отмечается, что в регионах, наиболее экономически пострадавших от гуситов, в XVI веке начнет распространяться анабаптизм [14, с. 36], который активно поддержит местное население.

Гусизм продолжал существовать при короле Матиаше Корвине в рядах Черной Армии [11, р. 142]. Сам факт набора наемной армии из гуси-

тов, активное использование их техники боя, вооружения, а также не препятствование их вероисповеданию (вплоть до того, что сохранялись некоторые гуситские элементы геральдики [11, р. 155]), вызывали обеспокоенность Церкви. В письмах папе римскому от 1480 г., составленных венгерскими нунциями [6, р. 180–218], короля Матиаша называли «гуситским» королем. Интересно, что в личной переписке папы римского с Матиашем Корвиным [4, р. 463–467] про это не говорится. Обеспокоенность Ватикана вызывал, помимо Черной Армии, и факт проведения множества церемоний гуситов, которые получили широкое распространение при дворе короля Матиаша. Возможно, женитьба короля Матиаша на дочери чешского короля Йиржи из Подебрада, которого называли «гуситским» королем, сделала короля Матиаша последователем гуситов в глазах Церкви [21, р. 88].

Непримиримость католицизма с инакомыслием усилилась после смерти короля Матиаша Корвина в 1490 г., поскольку изданный при короле Трипартитум строго контролировал вмешательство Церкви во внутренние дела Венгрии [8, р. 157]. Папский престол, пользуясь большим количеством земельных угодий, а также огромными денежными состояниями в Венгрии, был намерен диктовать свои условия по избранию нового короля Венгрии. Церковь была против установленных в Венгрии прав наследования земель, отраженных в Трипартитуме [8].

Противостояние началось на окраинах Венгрии и выливалось в попытки Церкви увеличить свои земельные и хозяйственные угодья посредством нарушения договоров с местными землевладельцами. Итогом стало закономерное сплочение дворянства Словакии и Трансильвании против церковного произвола [12, р. 102].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в результате этого шага католицизм на время утратил влияние на территории Словакии и Трансильвании.

Последующий отток местного населения в Священную Римскую империю повлиял на экономику регионов. Уезжал в основном патрициат (саксы и швабы), причем в центральных городах регионов этот процент достигал 7–13% от общего числа населения [9, р. 121]. В Центральной Венгрии ситуация оставалась стабильной во многом из-за полного внутриполитического контроля этих земель магнатскими домами.

Именно регионы Словакия и Трансильвания связаны с началом «венгерской Реформации». Распространение учений Мартина Лютера и Ульриха Цвингли в «предмохачский» период началось с возвращением части уехавших на учебу в немецкие университеты студентов [22,

с. 259]. Но все же как таковое проникновение в эти регионы идей Реформации начнется после 1526 года, когда венгерская армия потерпит поражение при Мохаче, а территория страны будет разделена на три части [22, с. 261].

Таким образом, в конце XV в. в Венгрии сложилась очень сложная внутренняя обстановка, обусловленная смертью монарха и брожениями во власти. На фоне раскола в обществе утратила свои позиции и католическая церковь, которая теперь слабо поддерживалась государством. Все это послужило причиной более активных действий разных религиозных организаций, которые, находясь на окраинах страны (регионы Трансильвания, Босния, Верхняя Венгрия), начали постепенное расширение, тем самым меняя религиозную карту королевства. Но данные процессы следует рассматривать до 1520-х годов — того момента, когда в Венгрию начали прибывать первые протестантские проповедники, уже совершенно по-другому воздействовавшие на венгерское религиозное пространство [13, р. 179].

Религиозная картина в конце XV — начале XVI вв. в Венгрии демонстрирует попытки католицизма закрепиться в тех областях, которые выпали из-под его влияния во время правления Матиаша Корвина. Такими областями были Словакия и Трансильвания [22, с. 280]. В Центральной Венгрии ситуация была более однородна и проста, а приграничные области представляли из себя очень неоднородную по национальному и религиозному плану структуру. Едва ли можно утверждать, что гусизм прямо повлиял на переход этих территорий в протестантизм в XVI в. Католическая церковь не смогла контролировать эти регионы вследствие вмешательства в дела дворян и нарушения феодального права, чего, например, в Центральной Венгрии она не делала [20, с. 68]. Таким образом, на сторону народа встало мелкопоместное дворянство и городское бюргерство, видя в католичестве угрозу своему положению. Но гусизм, несмотря на недолгое вмешательство во внутривластные дела этих областей, послужил почвой, на которой уже в XVI в. выросли очаги распространения протестантизма, перекинувшиеся на центральные регионы [15, с. 10]. Как явление, гусизм показал возможность неподчинения и сопротивления народам, которые не относили себя к венграм и ущемлялись в процессе культурного навязывания всего венгерского.

Поэтому именно конец XV столетия является переломным моментом в религиозной истории Венгрии, который был связан с постепенным уходом из-под контроля Католической церкви в сторону появившихся протестантских учений, возросших на почве гуситских идей.

Список источников и литературы

1. *Kovács P. E.* Mátyás, a reneszánsz király. Budapest, 2008. 200 p.
2. *Zsuzsa T.* Hunyadi János és kora. Budapest, 1980. 340 p.
3. *Aldásy A.* A 15. századi nyugati elbeszélő forrásai. Budapest, 1928. 411 p.
4. Magyar Diplomacziái Emlékek Mátyás király korából (1458–1490). V. II. Budapest, 1873. P. 459–470.
5. *Wenzel W.* Szerémi György Emlékirata Magyarország romlásáról (1484–1543) // Monumenta Hungariae Historica. Scriptorum. V. 1. Pest, 1857. 410 p.
6. Eperjes szabad királyi város levetara (1445–1526) // Relatio Nuntii Apostolici sub Matthio Corvino in Hungaria existensis. Budapest, 1910. 394 p.
7. *Macúrek J.* Prameny k dějinám československým v archivech a knihovnach sedmihradských // Věstník královské české společnosti nauk. No. 1. 1924. P. 55–94.
8. *Werbőczy István.* Opus Tripartitum, juris consuedinariii incltyti regni Hungariae per magistrum Stephanum de Werbewcz accuratissime editum // Corpus Juris Hungarici. Budapest, 1897. 878 p.
9. Történeti Statisztikai Forrasai. Budapest, 1957. P. 119–121 [Электронный ресурс]. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/view/MolDigiLib_VSK_a_tort_statisztika_forrasai/?pg=462&layout=s (дата обращения: 01.11.2022).
10. *Tóth Z.* Mátyás király idegen zsoldos serege. Budapest, 1925. 376 p.
11. *Kardos T.* A huszita mozgalmak és Hunyadi Mátyás szerepe a magyar nemzeti egyház kialakításában // Századok. Budapest, 1950. P. 121–177.
12. *Makkai L.* A magyar puritánusok harca a feudalizmus ellen. Budapest, 1952. P. 189.
13. *Horváth J. A.* Reformáció jegyében. Budapest, 1957. 301 p.
14. *Бракотопис М.* Образ гуситов как предшественников словацких евангеликов в трудах словацких писателей // Stephanos. 2019. № 5(37). С. 35–44.
15. Sopron szabad király város története. 1 rész. 2 kötet // Oklevelek és levelek 1407–1429 századi. Sopron, 1923. 496 p.
16. *Janšák Š.* Slovensko v dobe uhorskeho feudalizmu. Bratislava, 1932. 301 p.
17. *Kovács E.* Magyar-cseh történelmi kapcsolatok. Budapest, 1952. 375 p.
18. *Смирнов Н. А.* Ян Искра из Брандиса и его роль в социально-политической борьбе в Словакии и Венгрии в 1440–1460-е годы // Известия Саратовского университета. Серия: История, международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 3. с. 315–319.
19. *Miroslav Lysý.* Husitské vpády go Uhorska v rokoch 1428–1431 // Historický časopis. Ročník 55. 2007. p. 411–432.
20. *Клеванский А.Х., Поп И.И., Марьина В.В.* Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1988. 574 с.
21. *Богоданов Ю. В.* История Словакии. М.: Евролиц, 2003. 123 с.
22. *Грекул Ф.А., Сопко Т.М.* Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия в XVI в.— первой половине XVII в. // История Средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. М., 1977. С. 258–279.

УДК 94 (450).06

Павлов К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512–1513)

Аннотация. В статье рассмотрена миссия флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини ко двору Фердинанда Католика. Актуальность исследования начала дипломатической деятельности Гвиччардини связана с интересом современной науки к истории Флорентийской республики и европейской дипломатии XVI в. Изучив данную миссию, автор делает выводы не только о ее ходе и итогах, но и о характере службы ее исполнителя.

Ключевые слова: Гвиччардини, Фердинанд Католик, Итальянские войны, дипломатия.

Pavlov K. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Francesco Guicciardini's Diplomatic Debut in the Service of Florence: The Mission to Ferdinand the Catholic (1512–1513)

Abstract. The article examines the mission of the Florentine diplomat of the era of the Italian Wars Francesco Guicciardini to the court of Ferdinand the Catholic. The relevance of the study of the beginning of Guicciardini's diplomatic activity is connected with the interest of modern science in the history of the Florentine Republic and European diplomacy of the 16th century. Having studied this mission of Guicciardini, the author concludes not only about its progress and results, but also about the nature of the service of its performer.

Keywords: Guicciardini, Ferdinand the Catholic, Italian Wars, diplomacy.

В современных исследованиях по общей истории крупнейшего европейского военно-дипломатического конфликта позднего Средневековья и раннего Нового времени — Итальянских войн 1494–1559 гг. — в ка-

честве ключевого фактора, объясняющего их происхождение и затяжной характер, нередко акцентируется проблема структурной дестабилизации внутриитальянской политической системы как на уровне взаимоотношений городов-государств Италии (работы А. Гамберини [1] и И. Лаццарини [2]), так и в самих итальянских государствах (исследования Ф. Риччьярделли [3] и Д. Блэк [4]). При этом противостояние политических систем внутри Италии интерпретируется некоторыми авторами как «зеркало» комплекса социально-политических и экономических факторов, определявших аналогичное противостояние по всей Европе (М. Малетт, К. Шоу [5]). Так, в исследовании «Итальянские войны, 1494–1559: война, государство и общество в Европе раннего Нового времени» выделяются такие глобальные проблемы затяжных локальных внутриитальянских политических противоречий для европейской политики, как пересмотр основанной на феодальном праве Высокого Средневековья практики обозначения границ между государствами, ставшей в XVI в. архаической [5, р. 218–249], а также континентальный экономический преколониализм крупнейших абсолютистских держав Европы [5, р. 290–295]. В политике же итальянских городов-государств в войнах отмечена общая непоследовательность этой политики как ключевое обстоятельство, определившее столь затяжной их характер [5, р. 16–18]. В этом отношении, как указывают исследователи, весьма показательна политика в войнах на Апеннинах такого немало значившего во внутриитальянской политической системе государства, как Флорентийская республика: за ключевым успехом этой политики — возвратом утраченной в начале войн в 1509 г. Пизы — неожиданно последовала смена внутривнутриполитической формации тосканского государства, выразившаяся в реставрации династии Медичи [5, р. 77–79, 117–118]. Подобная непоследовательность флорентийской политики обуславливалась, прежде всего, дестабилизацией положения Флоренции в «расшатанной» системе баланса сил в Италии, поддерживавшейся в 1454–1494 гг. посредством участия флорентийского правящего дома Медичи как медиатора во внутриитальянских военно-дипломатических спорах [6, р. 9–10]. Однако после смерти в 1492 г. Лоренцо Медичи Великолепного, бывшего ключевой фигурой — «языком баланса» («*l'ago della bilancia*»), по меткому выражению Никколо Макиавелли [7, с. 319] в соблюдении «баланса сил» на Апеннинах, Италия погрузилась во внутривнутриполитический хаос, перешедший с учетом интересов в итальянской политике крупнейших европейских держав (Франции, Испании и империи Габсбургов) в затяжной военно-дипломатический конфликт Итальянских войн.

Для Флоренции в этих условиях ключевой проблемой военной дипломатии длительное время оставался т.н. «пизанский вопрос», связанный с выходом Пизы из-под флорентийского господства, произошедшим при наследнике Лоренцо — Пьеро II Медичи [8, с. 255]. Владение Пизой с 1406 г. позволяло Флоренции иметь стабильный «фронтир» на порубежье внутриитальянских границ между пятью ключевыми городами-государствами Италии, к числу которых, помимо нее самой, относились Венецианская республика, Неаполитанское королевство, герцогство Милан и Папская область [9, с. 448]. Кроме того, «пизанский вопрос» обострил и традиционную для Флорентийской республики проблему внутривнутриполитической дихотомии *governo largo* — *governo stretto*, «широкого» и «узкого» правительств [8, с. 255]. В условиях попеременно сменявших друг друга форм государственного аппарата — профранцузского «широкого» правительства Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.); «нейтрального» режима Пьеро Содерини (1498–1512 гг.), поддерживавшего с Францией оборонительный союз и «...имевшего гибридные черты как "широкого", так и "узкого" правительств» [3, р. 161]; стремившегося лавировать между Францией и Испанией «узкого» правительства Медичи (1512–1527 гг.) — важнейшее значение в поддержании флорентийских интересов в войнах на Апеннинах приобретала «тонкая» дипломатия. В частности, дипломатам Флоренции при осуществлении своей практики важно было уметь лавировать между интересами той или иной группировки в республиканской внутривнутриполитической борьбе. При этом своеобразная аморфность взглядов на противостояние сторонников обеих точек зрения, а также сподвижников и противников Медичи зачастую становилась фактором успешного дипломатического назначения для флорентинцев эпохи Итальянских войн в не меньшей мере, нежели опыт службы республике и способности.

Одним из ярких примеров подобного «тренда» в политической практике Флорентийской республики эпохи Итальянских войн стал дипломатический дебют Франческо Гвиччардини — посла тосканского государства ко двору Фердинанда Католика. В обновленный дипломатический корпус республики вошли антагонисты *gonfaloniere perpetuo* — представители финансово-аристократической элиты города, осуществившие в 1512 г. реставрацию Медичи [10, р. 81–82]. В 1511 г., в последний год гонфалоньерата Содерини, одним из них стал Франческо Гвиччардини — сын умеренного сторонника режима Медичи Пьеро Гвиччардини, муж Марии Сальвиати, дочери Аламанно Сальвиати, первого руководителя «мудрого» Совета Десяти и инспиратора нового дипломатического кур-

са республики, установившегося после возврата Пизы и направленного против Содерини [11, с. 314]. В рамках этого курса новым приоритетом флорентийцев вместо привычного нейтралитета стал поиск сильного «посредника» в деле интеграции в итальянскую политику европейских гегемонов, каковым Флоренция сначала ожидала увидеть Испанию [10, р. 83]. Соответственно, первые шаги трансформированной флорентийской дипломатии были предприняты в испанском направлении: именно в Испанию был делегирован послом Гвиччардини для исполнения первой в своей политической практике дипломатической миссии [11, с. 328].

Отметим, что Гвиччардини, до начала дипломатической практики служивший адвокатом в различных флорентийских обществах, некоторое время сомневался в своей способности исполнить назначение на ответственный пост посла республики в Испании, руководствуясь соображениями предпочтительности оставаться в стороне от высокой политической ответственности, культивируемыми в нем его отцом Пьеро [12, с. 297]. Не лучше ли ему оставаться тем человеком, за которого кидают «черные записки» в Башенном ведомстве (*Ufficiali Della Torre*) и капитуле Бигалло [11, с. 327]? Кроме того, Франческо прекрасно помнил опыт неудачи выдвижения на пост делегата Флоренции по делам республики времен гонфалоньерата Содерини в Лукке по заключенному с ней союзу: причиной отказа флорентийского руководства послужила молодость и свойственная ей неопытность в политических делах [11, с. 316]. Почему же ему, не достигнувшему минимального возраста двадцати девяти лет для занятия какой бы то ни было должности в государственном республиканском аппарате, сразу доверили положение «*посла флорентийской Синьории к Его Королевскому Высочеству*» [*Imbasciatore de mia Eccellenissimi Signori di Firenze a V. Reale Maesta*] [13, р. 15] в Испании? Например, Макиавелли получил свое первое назначение, хоть и в столь же молодом возрасте, но на переговоры к властителю соседнего с Флоренцией Пьембино д'Аппиано, а не к влиятельному монархическому дому Европы, и, что еще важнее, — без наделения его миссии статусом посольства. По сути, перед Гвиччардини, как весьма точно отметил К. Челли, в контексте его дипломатической практики сразу встал вопрос ее моральной оправданности: «*Урок Гвиччардини заключается в том, как работа на коррумпированную систему может принести пользу личным краткосрочным интересам, но иметь долгосрочные негативные последствия для себя и общества... Урок из жизни и трудов Гвиччардини — это понимание того, что работа в рамках коррумпированной системы не приводит к решению проблем*» [14, р. 13]. Франческо понимал, что своим новым

положением обязан двум не связанным с его личностными качествами и способностями обстоятельствам: браком с дочерью инспиратора проекта возвращения Медичи в республику Марией Сальвиати [11, с. 310], а также нейтральностью взглядов своего отца Пьеро при гонфалоньерате Содерини, признаке семейной политической благонадежности фамилии Гвиччардини [11, с. 297–298]. Характерно, что Пьеро вовсе не отговаривал сына от предложенной ему миссии, чего опасался Франческо в своих раздумьях: *«Его отец настоял на том, что он не может отказаться от такой чести, и Гвиччардини уехал в Испанию в начале 1512 года, начав блестящую и прибыльную карьеру на государственной службе»* [14, р. 15]. Каковы были задачи испанской миссии Франческо и были ли они им выполнены?

Необходимо отметить, что даже в наиболее полном издании дипломатической корреспонденции Гвиччардини в рамках его испанской легации 1512–1513 гг. отсутствует упоминание о так называемом *commissione data* — «выданном распоряжении», столь характерном для дипломатических миссий его «предшественника» Макиавелли: состав легации начинается с первого письма уже от самого Франческо к флорентийским «Signori Vostri» от 26 февраля 1512 г. [13, р. 13–15]. Как полагал издатель и исследователь корреспонденции Гвиччардини Э. Дзанони, отсутствие служебной инструкции Франческо в миссии к Фердинанду Католику было связано с коллапсом организации исполнительной власти во Флоренции на фоне медичейского переворота 1512 г.: временные службы вновь трансформированной республики попросту не были уполномочены давать распоряжения дипломату, не зная, будет ли он за них ответственен, если эти службы упразднят или реорганизуют [15, р. 105–106]. Однако назначение на посольскую службу Гвиччардини получил еще в октябре 1511 г., при новом дипломатическом курсе республики, но при действовавшем Совете Десяти [11, с. 326]. В этой связи причиной подобной неопределенности его задач и полномочий можно предположить все ту же борьбу флорентийских внутриполитических группировок: неслучайно сам Гвиччардини впоследствии упоминал, что делегированию его как посла к Фердинанду противились *«...некоторые граждане и особенно гонфалоньер»* [11, с. 327]. Вместе с тем, Дзанони, проанализировав письма флорентийца в рамках его испанской легации, сделал вывод о том, что возможной основной целью миссии Гвиччардини было заключение флорентийско-испанского союза по аналогии с ранее действовавшим у республики соглашением с Францией: *«Посол объяснил ему причины своего приезда и показал, насколько велика вера его правительства в Его*

Величество. Государь ответил, что всегда любил Флорентийскую республику, и предложил угождать ей везде, где только можно» [15, р. 107]. Гипотеза итальянского исследователя о том, что предполагавшийся Флоренцией союз с Испанией мог носить именно оборонительный характер, подкрепляется сообщением Франческо в письме флорентийскому руководству от 21 апреля 1512 г. о высказанных Фердинандом в отношении республики намерениях: *«Королевское Величество вчера вечером получил письма из Италии, а вчера он дал нам знать, что ему сообщили, что его капитаны находятся в хорошем расположении, чтобы ждать французов, когда они придут, чтобы напасть на него, и что он получил известие, что французы просили у Ваших Светлостей людей и прохода через ваши земли, и что Ваши Светлости отказали им в том и другом; от чего он показал большое удовольствие и очень похвалил Ваши Светлости. Сказав также, что он не собирается просить их в настоящее время объявить себя против Франции, так как видит, что в данный момент они не могут сделать этого без опасности: но для него достаточно, чтобы они оставались в стороне» [13, р. 31].*

Испанию устраивало положение Флоренции как отстраненной от непосредственных военных действий, но союзной и подконтрольной ей стороны. Подобная оценка арагонским монархом степени возможного соучастия Флорентийской республики в папско-испанском проекте Святейшей лиги против Франции неслучайна. Она явилась результатом осторожности, по обыкновению проявленной Гвиччардини при первой аудиенции при королевском дворе, состоявшейся в начале апреля и включавшей в себя частный разговор с секретарем Фердинанда Альмазано, сделавшем Франческо от имени короля посредническое предложение: *«Он сказал мне, что Королевское Величество не получал никаких писем из Италии с 14 февраля, и что для того, чтобы доставить ему величайшее удовольствие, которое Ваши Светлости могут ему доставить, он хотел бы, чтобы они использовали свое усердие, чтобы ежедневно информировать меня о том, что происходит в Италии, чтобы Его Величество мог получить самые ранние новости об этом. На это я ответил, что уверен, что Ваши Светлости приложат все усилия, чтобы угодить Его Величеству, но что вы должны думать, что у них будут такие же трудности с письмами, как и у Его Величества. Я отвечал только на те вопросы, которые касались особенностей города» [13, р. 26].* Помимо этого, как пишет Франческо руководству республики после разговора с Альмазано, Фердинанд Арагонский в своем стремлении инкорпорировать в союз против французов империю Габсбургов едва ли может

рассчитывать на успех: «Я забыл уточнить, что он также сказал мне, что император сожалеет о величии Франции, но что он с ней, потому что не нашел решения с венецианцами, и мне показалось, что у него мало надежды на то, чтобы отдалить его от Франции» [13, р. 26]. Соответственно, позиция, высказанная Гвиччардини по вопросу возможности союза Флоренции с Испанией на тот момент, была выжидательной: республике необходимо сосредоточиться на внутреннем переустройстве, а не вступать в борьбу гегемонов на чьей-либо стороне. По сути, посол республики в Испании предлагает флорентийскому руководству своего рода проект «идеального» нейтралитета, уже отличного от вооруженного нейтралитета, существовавшего при неразрешенности «пизанского вопроса». Именно такая внешнеполитическая линия, как напишет Франческо в составленных в период реализации испанской миссии «Рассуждениях в Логроньо», могла бы окончательно примирить противников внутри Флоренции по проблеме дихотомии «широкого» и «узкого» вариантов ее правительств [16, р. 259–260]. В этом отношении для Гвиччардини, в отличие от Макиавелли, пример внутреннего устройства Венеции представляется именно образцовым [16, р. 259]. Потеря же Республикой Св. Марка значительной степени политической самостоятельности в результате поражения от сил Камбрейской лиги в 1509 г., по мнению Франческо, явилась следствием наихудшего из отклонений от разумной организации венецианской системы «сдержек и противовесов» — предоставления исключительного права военных полномочий, подобного римскому консульскому империи, дожу республики [16, р. 259]. Тем самым флорентинец как бы намекает возглавившему Флоренцию после переворота Джованни Медичи: абсолютная власть во внутривнутриполитических вопросах, подобная традиционной власти венецианских дождей, возможна и разумна, тогда как в военной дипломатии необходимо согласовывать свои действия с республиканскими «мудрыми» — *savii*. Следовательно, в отношениях с «мудрыми» абсолютному правителю республики рационально придерживаться подхода *ut plurimum* — предоставлять им возможность высказывать различные мнения, но консолидировать свои решения с мнением их большинства [16, р. 262].

В продолжение же своей посольской деятельности Гвиччардини в письме от 18 июля 1512 г. из Бургоса фиксирует для флорентийского правительства неприятное изменение отношения Фердинанда к республике, связанное с испанской позицией относительно ситуации с престолом в Милане: «Затем он перешел к обсуждению других дел в Италии и сказал мне, что для того, чтобы все исправить, необходимо посадить

в Милане определенного герцога, и что никто не подходит больше, чем сын герцога Лодовико, потому что он его родной сын; и что император хорошо относится к этому, и что он уже считает, что послал его туда. И поскольку я сказал ему, что это государство будет слабым, если не все его члены будут возвращены ему, он ответил, что Брешия, Бергамо и Крема давно принадлежат венецианцам, но что в Кремоне у них нет никаких оснований, и что он неохотно был с ними, намекая мне, что Кремона будет принадлежать Миланскому государству. Таким образом, я понял, что он настроен против нас, и что ему не нравится величие венецианцев» [13, р. 43]. Вывод Франческо о том, что испанский король настроен против Флоренции, сделанный по получению сведений о стремлении Фердинанда вернуть миланский престол наследнику Лодовико Моро Массимилиано, объясняется непризнанием «старой», медичейской Флоренцией в лице Пьеро II власти самого Лодовико [17, р. 313]. В «Истории Милана» Бернардино Корио приводится интересная интерпретация решения Пьеро как стремления «...Вслед за своим отцом Лоренцо изъять волю Медичи как правителей над правителями Италии» [18, р. 597]. В действительности Медичи, по мнению американской исследовательницы ренессансной итальянской политики Д. Блэк, не могли принять власть Моро, а вместе с тем и его наследников, как «...результат незаконно ведшейся войны» [4, р. 158]. Однако инвестирура, данная императором Максимилианом Габсбургом своему итальянскому тезке на правление Миланом в 1512 г., была поддержана Фердинандом: общность их решения определялась необходимостью изгнать из Миланского герцогства Людовика XII [19, р. 7]. Соответственно, несмотря на провозглашение ревизии профранцузского курса Содерини и переориентацию на союз с Испанией, медичейская Флоренция вновь не могла поддержать решение о герцогской власти Массимилиано Сфорца; а значит, перспектива предполагаемого союза становилась для тосканского государства весьма затруднительной. Тем не менее, Гвиччардини длительное время не отзывали с посольской миссии при дворе Фердинанда, и это вынудило его переехать в августе 1512 г. из Бургоса в Логроньо по пути следования монарха. Как отмечает итальянский исследователь Гвиччардини М. Палумбо, в период поездки по Испании за королевским двором флорентийский посол «...наблюдает, отмечает, отличает одно место от другого и, в отличие от Макиавелли, дает точные свидетельства отдельным реалиям, с которыми он сталкивается» [20, р. 8]. В представлении итальянца, аналитика Гвиччардини всегда включает в себя пространственное измерение поступающей информации [20, р. 9]. В этом отношении

можно рассматривать подход Франческо к анализу и описанию наблюдаемых им событий как противоположный макиавеллевскому синтезу метод выявления частных особенностей через общие закономерности: *«Хотя очевидно, что основное внимание Гвиччардини сосредоточено на испанском короле и политических и военных стратегиях, которые он скрывает за своими видимыми движениями, нельзя сказать, что само путешествие не представляет собой возможность для обучения: способ выделить характерные черты места, определить его экономический профиль, сделать синтетические суждения о всей наблюдаемой антропологической, исторической и географической реальности. Таким образом, вынужденное шествие через различные ландшафты, народы и государства превращается в упражнение в исследовании, эмансипированное в автономный опыт, благодаря которому можно обучиться точно описывать в каждом конкретном случае особые качества сценариев, проходящих перед любопытным и пытливым взором»* [20, р. 9]. Интересно, что задолго до М. Палумбо Дзанони похожим образом оправдывал такое качество, весьма характерное для Гвиччардини-дипломата, как использование слухов в служебных донесениях: *«Флорентийский посол всегда бдителен и прислушивается к неясным слухам, которые ходят при дворе, чтобы узнать истинное положение вещей: затем со спокойствием и ясностью он сообщает об этом Синьории в письмах»* [15, р. 108]. Так, именно на основании анализа слухов из Милана Франческо предупреждает флорентийское правительство о возможности принятия Фердинандом в отношении тосканской республики *«...qualche risoluzione non biopa»* [*...какого-то недоброго решения*] [13, р. 39]. На фоне очевидного противоречия интересам Медичи решения «миланского вопроса» Испанией, Империей и папством, Флоренции могла грозить дипломатическая изоляция. Этим обстоятельством, как указывает посол республики в письме из Логроньо от 22 августа, Фердинанд воспользовался для ведения с ним ультимативных переговоров об испанско-флорентийском союзе на формально взаимовыгодных условиях: *«Он спросил меня, есть ли у меня здесь полномочия, чтобы я мог сделать какое-либо заключение, не обращаясь к Вашим Светлостям, потому что, имея их, он готов сразу же прийти к соглашению; указав, что вещи, о которых он будет просить, будут такого характера, что не вызовут особых споров. Когда я сказал ему, что буду писать к Вашим Светлостям, он заключил, что будет писать к вице-королю по этому вопросу: и что он даст ему полномочия продвинуть дело, и что если Ваши Светлости согласятся с ним, они должны послать к нему, решив, что, поскольку это должно*

быть решено там, нет необходимости сообщать мне какие-либо другие подробности. И на самом деле он показывает свое желание быть ближе к Вашим Светлостям и показывает, что он верит, что у них нет никаких трудностей, так как ему кажется, что на карту поставлено благо города, а также словам, которые я сказал ему о вашем добром расположении, хотя они были общими; и согласно комиссиям, которые у меня есть, он убежден, что Ваши Светлости имеют такое же желание» [13, р. 46–47]. Действительные намерения Фердинанда Католика установить над Флоренцией протекторат, что очевидно для флорентийца, скрыты в его словах о «поставленном на карту благе города», однако король маскирует свое устремление обозначением характера предполагаемого договора с республикой как его «просьбы» к ней [13, р. 46]. Соглашение, являвшееся целью Флоренции еще четыре месяца назад, теперь становилось для нее неприемлемым. В связи с этим в следующие четыре месяца своего путешествия, при последовательном переезде королевского двора в Вальядолид и Медина-дель-Кампо, Гвиччардини, по справедливому замечанию М. А. Юсима, больше «приобшчался» к «...назначенному республикой жалованию и подаркам короля Фердинанда» [21, с. 593], чем передавал для своего государства новую дипломатическую информацию. Так что не следует удивляться и скорому отзыву Франческо с исполненной миссии: в «Воспоминаниях о себе самом» он сообщает, что уже 5 января 1513 г. прибыл обратно в республику [11, с. 334].

Итог миссии, по справедливому наблюдению К. Челли, стал провалом как для Гвиччардини-дипломата, так и для представляемого им флорентийского государства: союз Флоренции с Испанией как альтернатива отказу от ранее действовавшего оборонительного соглашения с Францией, заключен не был [14, р. 9]. Обобщил же флорентиец свои наблюдения за ситуацией при дворе арагонского монарха в донесении «Рапорт об Испании», составленном им по возвращении во Флоренцию в 1513 г. Наиболее ценным наблюдением для флорентийской дипломатии, как покажет дальнейший ход развития войн на Апеннингах, в составленном рапорте стало сообщение о крайне выгодном финансовом положении испанской монархии по отношению к папству в вопросах церковных доходов: «Папы могут думать, что они уступают ему гроши. Однако доходы были достаточно постоянными, так что без этих субсидий король не смог бы вернуть Гранаду и другие иностранные королевства, и ему было бы трудно удержать Арагон и Кастилию. Поэтому благоразумный папа, который хорошо разбирается в делах, разрешил бы уступки, которые принесли бы большую пользу церкви, поскольку нет ко-

роля, более обязанного помогать церкви, чем этот, поскольку благодаря ее власти он так много нажил. Папы по-прежнему угрожают ему, надеясь епископствами по его замыслу, в частности, в королевстве Гранада, где Иннокентий передал под опеку не только епископства, но и приходы со всеми их благами, оставив на его усмотрение распределение их доходов и поступлений по своему усмотрению» [22, р. 61].

Противостояние интересов светской абсолютной власти папской, отмеченное Гвиччардини на испанском примере, при последующих понтификах из флорентийского дома Медичи станет центральным в войнах на Апеннинах. В этом отношении итоговый испанский рапорт флорентийца очень точно отражает сочетание личных качеств Гвиччардини как политического практика — исключительную прагматичность наблюдений и их ориентированность на извлечение личной выгоды, обеспечивавшие ему комфортное встраивание в постоянно трансформировавшиеся обстоятельства итальянской политики его эпохи. В свою очередь, персональный итог миссии в Испанию для Гвиччардини как дипломата на службе Флоренции оказался неудачным: подобие нового проекта нейтралитета республики, предложенное им в его реляциях флорентийскому руководству, принято к вниманию не было. Тем не менее, после некоторого перерыва, с 1516 г. Франческо Гвиччардини возобновит дипломатическую деятельность на службе папству в лице дома Медичи. С этого момента для него наступит время, когда его собственные интересы на дипломатической службе возобладают над интересами флорентийского государства.

Список источников и литературы

1. *Gamberini A.* The language of politics and the process of state-building: approaches and interpretations // *The Italian Renaissance State* / Ed. by A. Gamberini, I. Lazzarini. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 406–424.
2. *Lazzarini I.* Communication and conflict. Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520. Oxford: Oxford University Press, 2015. 337 p.
3. *Ricciardelli F.* The Myth of Republicanism in Renaissance Italy. Turnhout: Brepols Publ., 2015. 232 p.
4. *Black J.* Absolutism in Renaissance Milan. Plentitude of Power under the Visconti and the Sforza: 1329–1535. Oxford: Oxford University Press, 2009. 257 p.
5. *Mallett M., Shaw C.* The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor&Francis Group, 2012. 391 p.
6. *Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings* / Ed. by M. Wright. London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.

7. *Макиавелли Н.* История Флоренции / Пер. с итал. Н. Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и комм. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
8. *Павлов К. В.* Флорентийская республика и начало Пизанской войны по «Истории Флоренции» Франческо Гвиччардини // Современная российская медиевистика: сборник тезисов Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–29 июня 2022 года / Отв. ред. Е. В. Казбекова. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 253–255.
9. *Катушкина Л. Г.* Итальянские войны // История Италии в 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 426–466.
10. *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
11. *Гвиччардини Ф.* Воспоминания о себе самом // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 301–520.
12. *Гвиччардини Ф.* Семейная хроника // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 231–299.
13. *Legazione di Spagna di Francesco Guicciardini.* Pisa: Presso Niccolo Capurro, 1825. 293 p.
14. *Celli C.* Guicciardini: The Limits of Self-interest // The Defeat of a Renaissance Intellectual: Selected Writings of Francesco Guicciardini / Ed. by C. Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P. 10–43.
15. *Zanoni E.* Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.
16. *Guicciardini F.* Discorso di Logrogno / Opere di Francesco Guicciardini in 3 vol. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 247–296.
17. *Young G. F.* The Medici. in 2 vol. Vol. 1. London: John Murray Albemarle Street, 1913. 644 p.
18. *Storia di Milano di Bernardino Corio.* Eseguita sull' edizione principe del 1503 / Con prefazione, vita e note del E. De Magri. In 3 vol. Vol. 3. Milano: Francesco Colombo, 1857. 742 p.
19. *Gagne J.* Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge; London: Harvard University Press, 2021. 465 p.
20. *Palumbo M.* Natura, nomini e storia nel “Diario del viaggio in Spagna” di Francesco Guicciardini // *Italies.* 1998. No. 2. P. 7–23.
21. *Юсим М. А.* Франческо Гвиччардини — историк Итальянских войн // Гвиччардини Ф. История Италии в 2 т. Т. 2 / Пер. с итал. и подг. изд-я М. А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 579–640.
22. *Guicciardini F.* Report On Spain // The Defeat of a Renaissance Intellectual. Selected Writings of Francesco Guicciardini / Ed. by C. Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P. 45–62.

УДК 94(430).03

Петров Р. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st085169@student.spbu.ru

Дворянин и империя в воспоминаниях Геца фон Берлихингена

Аннотация. В статье исследуются аспекты мировоззрения немецкой низшей знати через призму автобиографии Геца фон Берлихингена — известного франконского рыцаря, жившего в XVI в. В центре внимания настоящего исследования — характерные черты самопрезентации автора и его взгляд на окружающую социальную среду.

Ключевые слова: Гец фон Берлихинген, рыцарство, Священная Римская империя, автобиография.

Petrov R. S.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st085169@student.spbu.ru

The Nobleman and Empire in Gotz von Berlichingen's Memoirs

Abstract. The article examines aspects of the worldview of the German lower nobility through the prism of the autobiography of Goetz von Berlichingen, a famous Franconian knight who lived in the 16th century. The focus is on the author's self-presentational characteristics and his view of the surrounding social environment.

Keyword: Gotz von Berlichingen, chivalry, The Holy Roman Empire, autobiography.

Личность Геца фон Берлихингена — продукт немецкого раннего Нового времени, так как он стал свидетелем и принял участие во многих значимых событиях той эпохи, таких как Вормский рейхстаг 1495 г., Швабская (Швейцарская) война 1499 г., Крестьянская война 1524–1525 гг. и т.д. Изучение его автобиографии позволит взглянуть на общественные реалии той эпохи и может дать представление о ценностных категориях низшей знати, пытавшейся сохранить свою автономию среди потрясений тех лет.

Автобиография была написана в конце 1560-х гг. и распространялась в рукописном виде, в основном среди членов семьи Берлихингенов, пока не была опубликована в 1731 г. [1]. Нами используется издание Хельгард Ульмшнайдер, опубликованное в 1981 г. [2]. Оно снабжено аппаратом с пояснениями особенностей лексики и отдельных выражений.

Текст источника поделен на три раздела, в первом рассказывается о воспитании Геца, его участии в нескольких войнах и распрях — это самый длинный фрагмент автобиографии и самый подробный. Именно на его разборе и будет сделан акцент в статье.

Если разбить текст на сюжетные линии, то мы увидим, что основное внимание в воспоминаниях Гец уделяет участию в войнах и различных распрях (*Fehde*), практически не затрагивая иные стороны своей жизни.

Но с какой целью был написан данный текст? Гец утверждает, что он пишет ни в коем случае не *«для того, чтобы искать или претендовать на какую-либо известность или великое имя»* [2, s. 1], а *«потому, что до меня дошли сведения, что некоторые из моих недоброжелателей <...> пожелали представить дела, совершенные мною в течение жизни, в самом суровом и худшем свете»* [2, s. 1]. То есть *«цель — опровергнуть их и вывести на свет истину»* [2, s. 1]. Таким образом, он придает своему труду оправдательный характер. Количество же распрей, показанных в биографии, подтверждает это. Вторая цель — *«оказать честь и наставить моих наследников»* [2, s. 1], то есть данный труд является также поучением, которым Гец наставляет своих потомков. Наконец, он пишет и потому, что *«Уважаемые господа, покровители и друзья <...> и многие другие <...> сказали мне несколько лет назад, что <...> я должен рассказать и записать распри и действия, в которых я участвовал»* [2, s. 1]. Эти три причины изложены Гецем во введении, и более о причинах написания текста он ничего не сообщает.

Хронологически рассказ начинается с детства, но не с рождения Берлихингена. Он описывает свою жизнь как жизнь воина практически с колыбели. Повествование открывается своего рода предвидением: *«я был чудесным юношей <...> в детстве я действовал так, что многие пришли к выводу, что я стану военным человеком и всадником»* [2, s. 2]. С одной стороны, эти обстоятельства сообщаются только третьими лицами, т.е. они не являются сознательным опытом и, следовательно, событием, на которое мог повлиять сам Берлихинген, а с другой стороны, они служат для подготовки первых его самостоятельных действий и одновременно для их легитимации, показывают их причину и изначальную обусловленность: *«моя покойная мама часто молилась о том, чтобы*

кто-нибудь увез меня в чужие края, чтобы я мог чему-то научиться», а также *«Я не очень любил школу, но очень любил лошадей и верховую езду и проявил соответствующие способности»* [2, s. 2]. В его понимании решение соответствовать идеалу рыцарства — единственно верное. И таким оно остается, не меняясь на протяжении всей жизни. Таким оно отражено в его воспоминаниях.

Похождения рыцаря практически не связаны друг с другом, его как будто двигают от одного события к другому лишь внешние силы — интересы непосредственно Геца фон Берлихингена опущены. Он описывает свою жизнь исключительно как жизнь воина, переходящего от одного конфликта к другому. Такой образ себя, созданный им в автобиографии, показывает, что он был сильно подвержен традиции, характерной для Средневековья, однако тот факт, что Гец считал свою жизнь достойной письменного изложения или что он дал волю своей врожденной *«склонности к рассказыванию историй»* [2, s. 11] доказывает, что он осознавал, пусть и глядя назад, в прошлое, особый характер своего жизненного пути.

Важный в контексте вопроса самопрезентации инцидент с Берлихингеном случился при дворе в Ансбахе, где он в юности служил маркграфу Фридриху I Бранденбург-Ансбахскому. Гец ел в трапезной, а неподалеку от него расположился поляк, по всей видимости, являющийся слугой Софии Ягеллонки, супруги Фридриха (Гец не уточняет, кем был тот поляк, так что нам остается только предполагать). Берлихингену сразу не понравился внешний вид представителя иностранной свиты *«с намазанными яйцами волосами»* [2, s. 6]. Поев и встав, Гец случайно задел его волосы, вследствие чего чуть не получил удар хлебным ножом в голову, однако поляк промахнулся. Берлихинген, разозлившись, в ответ нанес тому удар плашмя коротким кинжалом по голове. За это ему предстояло ответить перед маркграфом: про данный инцидент Берлихинген вынужден был доложить ему и его сыновьям, после чего был заключен в башню (правда, всего на четверть часа, благодаря заступничеству сыновей маркграфа) [2, s. 7]. Капитан Паулюс фон Апсперг, являющийся командующим оруженосцев и самого Геца, вызволил последнего. Сторонники Геца пытались настоять на заточении обидчика, однако им это не удалось. Гец понес справедливое наказание за свои действия, но смог отстоять свое достоинство: он не был унижен и сумел сохранить лицо, в буквальном смысле ответив ударом на удар. Репутация молодого человека также не пострадала, так как за него вступились, а сам господин, по воспоминаниям оруженосца, проведя с ним воспитательную беседу,

остался удовлетворен поведением своего слуги [2, s. 8]. Однако данный случай не был единственным, Гец еще не раз в стычках с другими рыцарями отстаивал свою репутацию. Строго говоря, Гец не использует слова «репутация» и «честь», но мы понимаем, что в этой (и других) ситуациях его действия продиктованы защитой этих ценностных категорий, потому что, как представитель рыцарства, он не мог не ответить на удар. Репутация же в понимании Геца определялась мнением о нем окружающих. Если бы его заставили извиниться перед поляком, он был бы публично унижен (а дело вполне могло обернуться так, поскольку первым поляку оскорбление нанес именно Гец). Но он не испугался поляка, смог увернуться от удара и даже ответить. К тому же получил поддержку окружающих, а вместо публичного выговора — воспитательную беседу с маркграфом наедине, то есть ситуация обернулась так, что его образ в глазах окружающих не пострадал, и он не был опозорен.

В автобиографии Геца фон Берлихингена особое место уделяется доблести. Наглядный тому пример — осада Нюрнберга перед войной за ландсхутское наследство; Гец, как он считает, переломил ход действий в пользу осаждавших: *«Когда мы дошли до Вагенбурга, они пытались замкнуть его. Им это почти удалось, потому что возницы были по-настоящему умелыми и храбрыми <...> я сбросил ведущего упряжного с его лошади, насадив его на копьё <...> чтобы предотвратить продвижение повозки и заставить остальных остановиться <...> Таким образом, мой поступок принес нам наибольшее преимущество и, несомненно, сыграл немаловажную роль в нашей победе и удаче»* [2, s. 15]. Однако Нюрнберг не сдался, а поступок Геца не принес желаемого результата. Этот эпизод наглядно показывает, как Гец понимал доблесть — одну из основных рыцарских добродетелей.

Отвага рыцаря и его брата Филиппа, который также участвовал в осаде, была отмечена благодарностью за верную службу. По мнению Геца, лучшей наградой стала бы денежная, *«поскольку мы были бедными товарищами»* [2, s. 18]. Маркграф и окружающие рыцари хотели щедро вознаградить братьев золотом, но те решили отказаться, показав этим верность другому благородному принципу — бескорыстности (хотя Гец позже об этом жалел).

Говоря о мировоззрении Геца как представителя рыцарского сословия, нельзя не упомянуть многочисленные распри, участником которых тот был. Его взгляды, которые ограничивались позицией рыцарской знати и ее интересами, отразились в них наиболее отчетливо: он игнорировал тот факт, что в 1495 г. в империи распри были запрещены (из-за вве-

дения Вечного земского мира). Этим Гец как будто поддерживал давнюю привилегию знати самостоятельно решать споры — как его воспитывали, в духе кулачного права (*Fehderecht*).

Важно отметить, что те распри, в которых Гец принимал непосредственное участие, были направлены преимущественно против городов [2, s. 14–15], которые в то время активно соперничали с представителями рыцарства. Истории о распрях с такими имперскими городами, как Майнц, Кельн и Нюрнберг, занимают 22 страницы, или примерно 31% от общего объема текста первого раздела [2, s. 31–43, 55–63].

Говоря же непосредственно о мотивах Геца, можно предположить, что, помимо прочего, неприязнь к городам в нем воспитал вышеупомянутый маркграф Фридрих I, дружественно настроенный к негородской знати (представителем которой сам являлся), но враждебный к городам. В последующем повествовании показано, как Гец не раз отстаивал рыцарские ценности. О том, что его деятельность была направлена на нанесение ущерба городам, может свидетельствовать и такой эпизод: *«Я не хочу ни от кого скрывать, что хотел стать врагом нюрнбержцев»* [2, s. 40], и эпизод, в котором рассказывается, что рыцарь, получая доход с разведения шерстных овец, начал междоусобицу с Майнцем, чтобы его подданные могли спокойно пасти овец на территории, принадлежащей городу [2, s. 27–28].

По всей видимости, он считал это проявлением своего *«странно преувеличенного чувства справедливости, для которого субъективное слишком часто совпадало с объективной справедливостью»* [3, s. 93]. Действительно, помимо Нюрнбергской междоусобицы (1512–1514 гг.), в отношении которой Гец прямо признает, что спровоцировал ее умышленно из-за своего отношения к Нюрнбергу [2, s. 40], его остальные начинания были абсолютно законны с точки зрения традиционной правовой системы: *«Нельзя также считать, что мы делали что-либо незаконное»* [2, s. 39]. Рыцарство, а значит и Берлихинген как типичный его представитель, все еще считало свои привилегии оправданными, и поэтому воспринимало как необоснованное экономическое и политическое усиление городского купечества; рыцари могли считать это основанием для своих действий против последнего: *«города не помогли ни своему господину, ни мне, как им следовало бы делать»* [2, s. 40].

Сам Берлихинген воспринимал ограбление как символ и инструмент социальной идентичности, т.е. насилие было средством легитимации сословного статуса: *«Однако, прошу понимать и принимать мои намерения, ход мыслей и принципы, которые были всегда на стороне добра и справедливости»* [2, s. 1].

Потеря руки приводит не только и не столько к физической боли: ему прежде всего больно от того, что, будучи физически неполноценным человеком, он больше не может быть воином. Он даже считает, что в этой ситуации умереть лучше, чем продолжать жить. Он пишет: «Я хотел быть воином, таково было мое предназначение» [2, s. 26], так как жить для него — значит уметь сражаться. Но затем он видит возможность заменить потерянную правую руку и снова стать полноценным бойцом. Это тоже вписывается в самосознание Геца как рыцаря, потому что рыцарь — это прежде всего воин.

Таким образом, можно ответить на вопрос о понимании Гецем чести: показателями чести и достоинства в тексте автобиографии являются воинская доблесть и личная инициатива. Способность защищать собственные интересы есть показатель состоятельности дворянина. В свою очередь, сами интересы формируют структуру его сословной «чести».

Теперь рассмотрим вопрос о взглядах Геца на общество и окружающую его действительность. В своей автобиографии он не придает большого значения событиям, которые его современники считали значимыми.

В качестве точек отсчета используются события, датировка которых предполагается общеизвестной и которые почти без исключения являются военными конфликтами — кампаниями или сражениями. В отличие от них социальные (такие как брак ландграфа Вильгельма II Гессенского в 1496 г. [2, s. 8] или брак пфальцграфа Людовика V в 1511 г. [2, s. 3]) или политические события упоминаются гораздо реже. Основное внимание уделяется его субъективным впечатлениям и описанию событий, которые непосредственно затрагивают его личность.

В источнике почти нет никаких упоминаний личных мотивов, окружения и других, характеризующих именно личность, атрибутов. Вместо этого повествование сосредоточено на событиях, без привязки к личностным обстоятельствам.

Остановимся подробнее на используемой Гецем лексике. Для историков анатомия термина крайне важна, так как она помогает понять его восприятие современниками; в слове, в термине, как в капле воды, отражаются воззрения, характерные для того или иного периода [4, с. 8–11].

Что касается лексики, используемой Гецем, то она отражала воззрения, характерные для XVI в. В этой связи можно было бы предположить, что Гец использует латинский термин *imperium* для обозначения империи. Но анализ произведения показал, что это не так, империю он обозначает как *Reich*. Император им определяется либо как *kaiser* или *kayser*, либо как «его императорское величество» (*Kay. May.* или *Röm. Kai. Majestät*).

Теперь дадим статистику этих понятий в исследуемом первом разделе текста: упоминает ли Гец императора и империю в тексте и сколько раз?

Император (речь идет о Максимилиане I Габсбурге, на правление которого и пришлись события, описанные в тексте) упоминается четыре раза. Первый раз в связи с событиями Бургундской кампании: *«Спустя некоторое время мы проехали через Лотарингию, и император Максимилиан присоединился к нам с несколькими сотнями лошадей. В это же время герцог Фридрих и герцог Ханс Саксонский, братья, выехали из Фрайбурга и отправились в Долл и Мец»* [2, s. 6]. Второе упоминание императора связано со Швейцарской войной: *«В ту ночь к нам присоединился император. На нем был старый серый сюртук и серая шляпа, чтобы никто не принял его за императора и не попытался взять в плен... Император Максимилиан спланировал хорошую атаку, потому что, как я уже сказал, мы пришли глубокой ночью в Констанц со всей нашей кавалерией и пехотой. На следующий день их собрали и вывели в боевой порядок: пехоту и кавалерию. Там император Максимилиан встретился с маркграфом Фридрихом, а также с некоторыми военными советниками и офицерами ... Заметив меня, император подъехал ко мне и спросил, кому я служу»* [2, s. 10]. *«Однако, если бы мы атаковали в первый же день, как того хотел император, я полагаю, основываясь на том, что я слышал, наша сторона победила бы»* [2, s. 11]. Третье упоминание связано с судом над Гецем из-за его распри с Нюрнбергом: *«Но мне нужна милость императора <...> поэтому я должен терпеть, так как это займет не больше месяца, хоть я и отдал все свои деньги»* [2, s. 44]. Четвертое связано с описанием непосредственно того, что происходило на суде: *«Император Максимилиан в то время пребывал в Аугсбурге, и торговцы Нюрнберга не хотели первыми ехать к нему, тогда я взял на себя истинную смелость, так как они были в более выгодном положении. Примчавшись к императору в Аугсбург, я пробыл некоторое время с его величеством и судился с ними [торговцами — Р.П.] в высшем суде, и они говорили, как будто бы они были избиты мною и получили разные повреждения, что ни они, ни их дети и потомки не смогут забыть. Император Максимилиан ответил им и сказал: "Святой Боже, святой Боже, что это? У одного одна рука, у другого одна нога". Это было сказано обо мне и Хансене Зельбице, и император, как я докладывал, сказал: "Ну и дела. Если торговец потеряет мешок перца, нужно созвать и отправить к нему в помощь всю империю, а если есть дело, в котором заинтересована империя и все княжества, ни от кого не дожидаться помощи!"»* [2, s. 45]. Более уважительное упоминание

императора как его императорского величества мы встречаем дважды — первый раз во введении: «*что я сделал <...> в войнах, делах и распрях с римско-католическим величеством*» [2, s. 1], второй раз в связи с судом по поводу нюрнбергской вражды: «*когда выступал <...> перед комиссарами Его Величества, церковными и светскими князьями*» [2, s. 43]. Более Гец императора не упоминал.

Понятие сословия в тексте передается словом *standen*, причем духовные и светские князья (*geistlichen und weltlichen Fürsten*) четко различаются. Это можно наблюдать в эпизоде все того же суда по итогам распри Геца с Нюрнбергом, в котором, помимо императора, приняли участие: «*церковные и светские князья, которые всегда и во все времена представлялись комиссарами*» [2, s. 43]. Низкие сословия (как Гец назвал их во введении, «*niedere... Stände*») [2, s. 1], то есть крестьян (*baver*) [2, s. 13, 20, 21, 55, 58] и горожан (*burger*) [2, s. 32, 41, 51, 52], Гец упоминает только как противников во время распрей и объект для ограбления. Вообще взгляд Геца на структуру общества был донельзя традиционным: он упоминал князей, среди которых выделял курфюрстов (*Churfürsten*) [2, s. 1, 3, 61, 67, 79, 80] и имперских князей (*reichs fürsten* или *landt fürsten*, но Гец называет их просто *fürsten*, таким образом обособляя от курфюрстов) [2, s. 1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 16, 18, 21, 43–45, 52, 62, 63, 65, 68], а также рыцарство (*ritter* [2, s. 17, 18, 38, 43, 68] и *knecht* [2, s. 4, 5, 12, 13, 17, 19, 20, 22, 23, 27, 33, 36–38, 41–43, 51, 54, 56–58, 62, 65, 66, 68, 69]), объединяя их категорией дворянства (*Adel*) [2, s. 1, 18, 30, 51].

Империя (*Reich*) упоминается Гецем в тексте дважды. Первый раз он упоминает ее в связи со своей распрей с имперским городом Нюрнбергом: «*В сумме, империя выставила против нас четыреста коней*» [2, s. 43] и два раза данное слово встречается в цитируемом выше отрывке про суд из-за этой распри.

В тексте источника почти не упоминаются имперские органы власти, такие как имперское правительство (*Reichsregiment*), имперский камеральный суд (*Reichskammergericht*). Упоминает он лишь рейхстаг (*Reichstag*).

Вообще, что касается ситуации в империи в целом, то она остается как бы вне поля зрения Геца, о ней можно судить лишь косвенно. К тому же стиль повествования подразумевает отказ от оценки происходящего. Значимые с нашей точки зрения исторические события Гец упоминает в основном кратких упоминаний. Ярким примером является Вормсский рейхстаг 1495 г. О нем Гец сообщает следующее: «*Приехав в Вормс, [мы обнаружили, что — Р.П.] мой господин прибыл первым,*

и он дождался, пока все курфюрсты, князья и другие сословия, высокие и низкие, явились лично или были представлены своими посланниками на имперском собрании. И за те три года, что я прожил у моего родственника, господина Конрада фон Берлихингена, как я уже говорил, помимо великого Вормского сейма, здесь и там — в Вормсе, Ульме, Аугсбурге и других местах — проводилось множество ассамблей, на которые приезжали курфюрсты и князья, а также Его Императорское Величество» [2, с. 3]. Путешествие из Ансбаха в Вормс запомнилось ему больше, чем любые решения, принятые во время рейхстага. Хотя Гец мало что мог сказать о нем самом, он описал его как «великий рейхстаг» (*Großen reichstag*) [2, с. 2–3]. Он также обратил внимание на социальный состав участников. Важно, что рейхстаг позволил ему пообщаться с некоторыми из самых влиятельных людей в империи (хоть он и не осветил это по какой-то причине). В пятнадцать лет Гец уже создавал свой круг знакомств и связей. После описания Вормского рейхстага Гец отметил, что в течение следующих двух лет он сопровождал Конрада еще на двух имперских сеймах и нескольких региональных собраниях: «И за три года, что я прожил со своим родственником, господином Конрадом фон Берлихингеном, как я уже сказал, помимо великого Вормского сейма, многие собрания проводились здесь и там — в Вормсе, Ульме, Аугсбурге и других местах» [2, с. 3].

Что же нам сообщает текст о дворянской корпорации? Солидарность сословий, фундаментальные доверительные отношения между князьями и вообще дворянами, даже сплоченность общества в целом, кажется, основательно пошатнулись или даже находились в процессе распада. Текст выразительно демонстрирует эту сплоченность: не в последнюю очередь благодаря этому он на протяжении длительного времени читается как каталог знати, в нем подробно цитируются имена и перекрестные связи [2, с. 43, 63], и он обращен к обширной и точно дифференцированной аудитории.

Берлихинген предстает как узел в сети взаимоотношений, которая, как представляется, предлагает своего рода обзор немецкого низшего дворянства. Никогда, даже в самых больших невзгодах, Гец не остается в одиночестве. Взаимовыручка в этой сети — постоянная тема. Даже вышеупомянутую потерю правой руки в 1504 г., означавшую конец привычной жизни для Берлихингена как человека военного, он, кажется, смог преодолеть не в последнюю очередь благодаря поддержке своих друзей. Здесь в центре внимания оказываются покровители из числа князей и благородные спутники, сообщество, которое собирается у постели Бер-

лихингена и формирует себя даже вне острых конфликтных ситуаций: «И многие другие приходили ко мне, так что в течение двух или трех дней я не имел особого отдыха. И многие добрые люди пришли ко мне, когда я смог с ними встретиться» [2, с. 24].

Для понимания характера «упадка» важно описание пленения Геца в связи с его участием в Крестьянской войне: после трех лет молчания со стороны Швабского союза, в ноябре 1528 г. он сдался, в результате чего был помещен в нерыцарскую тюрьму в башне «У ворот св. Креста» (*Heilig Kreuzer Tor*) в Аугсбурге [2, с. 79]. Особенно шокирующим и травмирующим для Геца было то, что даже знатные члены Швабской лиги нарушили моральный кодекс, отказав ему в приличных условиях заключения с учетом его статуса, т.е. даже в солидарности дворянства стали появляться трещины.

Тот факт, что в XVI в. определенного рода сословная солидарность знати была еще сильно выражена и что описанное выше обстоятельство действительно должно рассматриваться как своего рода упадок, отражено в тексте источника, например, когда Геца везут в Ландсхут для выздоровления после неоднократно упомянутой потери руки [2, с. 24].

В этом контексте описание его жизни особенно четко отражает процесс изменения отношений внутри «элитарного сообщества», а также дает представление о ценностных категориях низшего дворянства той эпохи, еще пытавшегося сохранить свою автономию.

Список источников и литературы

1. *Götz von Berlichingen*. Lebens-Beschreibung Herrn Gözens von Berlichingen von ihm selbst geschrieben. Deutschland: Felßecker, 1731. 318 s.
2. *Götz von Berlichingen*. Mein Fehd und Handlungen. Sigmaringen: Thorbecke, 1981. 172 s.
3. *Ulmschneider H.* Götz von Berlichingen: Ein adeliges Leben der deutschen Renaissance. Sigmaringen: Thorbecke, 1974. 317 s.
4. *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война. СПб: Наука, 2020. 385 с.

УДК 94

Антропов Д. С.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

Власть и религиозные представления аббатисы Каритас Пиркхаймер в Нюрнберге первой половины XVI века

Аннотация. Анализ писем и дневников аббатисы монастыря святой Клары города Нюрнберг позволяет исследовать с точки зрения микроистории проблемы власти и религиозных представлений в контексте конфессиональных изменений Реформации. Попытки сохранить монастырский уклад в полемике с перешедшим в лютеранство городским советом тесно связаны с личностью Каритас Пиркхаймер.

Ключевые слова: власть, религиозные представления, Реформация, Нюрнберг, письма, дневники.

Antropov D. S.

University of Tyumen,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

Power and Religious Views of Abbess Caritas Pirkheimer in Nuremberg in the First Half of the 16th Century

Abstract. The analysis of letters and diaries of the abbess of the monastery of St. Clara in the city of Nuremberg allows to investigate from the perspective of microhistory the problems of power and religiousness in the context of confessional changes during the Reformation. Attempts to preserve the monastic way of life in controversy with the city council that converted to Lutheranism are closely related to the personality of Caritas Pirkheimer.

Keywords: power, religious views, Reformation, Nuremberg, letters, diaries.

Изучить изменение конфессиональных представлений и влияние этого процесса на повседневную жизнь в контексте религиозного противостояния в городе Нюрнберг первой половины XVI века позволяют письма и дневники Каритас Пиркхаймер — аббатисы монастыря святой Клары, относящегося к францисканскому ордену бедных кларисс. Идея Мартина Лютера о необходимости упразднения института монашества, поддержанная властями Нюрнберга, городской совет которого в 1525 году официально признает евангелическое вероучение, получила отпор с ее стороны. Большинство исследователей в своих работах концентрируются на непосредственной полемике касательно вопроса о существовании монастыря святой Клары между городом и аббатисой [1, р. 78–105]. Одной из основных проблем в данном контексте является не только конфессиональный аспект, но и его использование для продолжения удержания настоятельницей своей должности, вероятно, в том числе с помощью монахинь, также стремившихся сохранить устоявшийся уклад жизни. Однако при данной проблематике необходимо учитывать факт возможной пропаганды, использовавшейся аббатисой против лютеранского вероучения. Именно он противоречит тезису о действительных католических принципах, опираясь на которые Пиркхаймер противостояла упразднению монастыря.

Основным источником, благодаря которому можно сделать выводы о конфессиональных представлениях Каритас Пиркхаймер и ее стремлении сохранить свое положение, является сборник «Denkwürdigkeiten» («Воспоминания»), состоящий из писем и дневников 1524–1528 годов. Следует заметить, что некоторые исследователи, в числе которых У. Штрассер [2] и Д. Граф [3], утверждают, что он был составлен либо монашеским сообществом, либо пятью монахинями. Данный тезис о совместной работе является еще одной нерешенной проблемой при анализе источника. Его вполне можно рассматривать как один из наиболее спорных документальных сведений о времени Реформации в Нюрнберге, а именно существовании конкретного монастыря как закрытого от внешнего мира сообщества в это время. В контексте исследований по микроистории и социальной истории раннего Нового времени анализ данного источника и его критика позволяют по-другому посмотреть на события конфессиональных изменений в немецких городах в начальный период Реформации.

Исследуемый период в истории монастыря можно охарактеризовать богословской рефлексией, возникающей в момент опасности для существующей традиции [4, с. 7]. Ее необходимо рассматривать как процесс,

направленный на осмысление собственной идентичности в контрасте по сравнению с чуждыми католицизму идеями Реформации. Монахи монастыря святой Клары и его аббатиса столкнулись с конфликтом между интеллектуально объективным знанием богословия, которое представляло собой совокупность проповедей, а также устоявшихся богослужебных и повседневных практик, основанных на францисканской морали, и его субъективным восприятием. Подобные конфликтные ситуации были весьма характерными для периода Реформации [5, p. 258]. «Воспоминания» подтверждают тот факт, что страх перед новой доктриной веры и стремление сохранить католические принципы существования и управления были инструментом в руках Каритас Пиркхаймер. Также необходимо заметить, что ее непосредственная деятельность на своем посту позволила малому сообществу, несмотря на свою численность, противостоять более крупному сообществу в лице нюрнбергских городских властей, стремившихся к роспуску монашеской общины. В данном контексте монастырь предстает как оплот римской церкви в стремительно меняющемся обществе горожан или же как последняя крепость, в которой настоятельница стремится сохранить свою власть посредством семейных связей и полемики в переписке с городским советом. Подмечу, что осуществление контроля и влияние на убеждения своего окружения в замкнутом и закрытом для посторонних пространстве проще, нежели в полном событиях и дискуссий городе. К тому же сестры монастыря воспитывались в ключе смирения и подчинения воле своего лидера, которым на тот момент являлась Каритас Пиркхаймер. Необходимо обратить внимание и на проповеди францисканских монахов Стефана Фридолина [6] и Николая Глассбергера, которые оказывали постоянное влияние на духовное самосознание общины, в том числе подкрепляя авторитет самой Пиркхаймер. В связи с этим лютеранские проповеди не нашли отклика в монастыре, вероятнее всего, свою роль сыграла и изолированность монастыря от внешнего мира, связи с которым осуществлялись только настоятельницей.

Особое значение в контексте конфессиональных представлений играла религиозная интерпретация понятия свободы Каритас Пиркхаймер и евангелическим Нюрнбергом [5, p. 261]. В этом также можно проследить логику мышления перешедших в лютеранство членов городского совета, которое противоречит устоявшимся теологическим трактовкам, касающимся института монашества. Аббатиса монастыря святой Клары понимала человеческую свободу как свободу человеческого выбора, в том числе выбора сохранить свой монашеский обет. Со стороны ре-

форматоров, ярким представителем которых являлся бывший августинский приор Нюрнберга Венцеслав Линк, свобода предполагала свободу христианской души от ограничений и запретов, которые не имеют места в Библии, среди них, разумеется, фигурировала и жизнь в монастыре. В данном контексте крайне интересно проанализировать переписку между аббатисой монастыря Каритас Пиркхаймер и Венцеславом Линком в начале 1525 года. Линк требовал освободить монахинь от своих обетов и позволить жить мирской жизнью. В своем ответе аббатиса отказалась от данных предписаний, указав, что сестры монастыря вправе оставаться в его стенах, так как это их выбор, а принуждать их к уходу нельзя. *«Те, кто действительно хочет остаться... нельзя принуждать действовать вопреки своей воле»*, — такая строчка фигурирует в «Воспоминаниях» [7, s. 94–95]. Еще одним достаточно спорным утверждением является то, что настоятельница приняла решение не единолично: она созвала совет среди монахинь, которые поддержали ее позицию в полемике. Подобный шаг со стороны аббатисы иллюстрирует ее не только как человека, приверженного идеям старой веры о человеческой свободе, но и как умелого лидера, готового встать на защиту своих сестер по обету от посягательств городских властей, вставших на сторону учения Реформации. Однако необходимо понимать, что она могла использовать подобное описание принятия решения как предлог для подкрепления собственной точки зрения в полемике, поскольку на данный момент не существует однозначных аргументов в пользу того факта, что монашеский совет действительно состоялся.

Еще до официального признания в городе евангелической веры, в 1522 году, Каритас Пиркхаймер направила благодарственное письмо богослову Иерониму Эмзеру [8, s. 146], который в своей полемике критиковал и учение Мартина Лютера, сравнивая его с гуситским движением, и его перевод Библии в частности. Примечательным фактом является то, что неизвестные сторонники Реформации перехватили письмо, добавили к нему злонамеренные пометки на полях и даже напечатали в 1523 году [9]. Весьма вероятно, что они хотели навредить репутации монастыря бедных кларисс в Нюрнберге и его настоятельницы. Исследование данного письма позволяет утверждать, что настоятельница отвергала идеи Реформации еще до официального признания в Нюрнберге учения Лютера в 1525 году, то есть до попыток городского совета упразднить монастырь и распустить его общину. Исходя из этого, неудивительно, что она продолжила следовать своим религиозным представлениям в наиболее острой ситуации через три года с момента написания пись-

ма. Тем самым большой угрозой для положения Пиркхаймер в качестве настоятельницы на то время не существовало. Это позволяет предположить, что ее католические убеждения не выступали инструментом удержания власти в монастыре, а все же являлись ее мнением как личности, воспитанной согласно церковной морали. Однако я склонен полагать, что аббатиса уже тогда осознавала опасность Реформации, а также ее непосредственного утверждения в Нюрнберге, а потому искала возможных сторонников для противостояния ей, в том числе и ради сохранения собственного статуса.

Каритас Пиркхаймер также вступила в спор, касающийся религиозных убеждений, со своим братом Виллибальдом Пиркхаймером, который являлся видным членом городского совета и сторонником идей Реформации с самого ее начала [10]. Данный конфликт продолжался в течение года, но затем настоятельница прекратила с ним полемику, что было связано со стремлением заполучить поддержку среди нюрнбергских властей. Необходимо понимать, что Пиркхаймеры являлись одной из знатных семей города [11], следовательно, вначале аббатиса стремилась защитить положение своей семьи с помощью отказа от вероотступничества своего ближайшего родственника, а после победы Реформации в Нюрнберге в 1525 году использовать для этого связи брата. Среди монахинь были выходцы из других именитых семей Нюрнберга: Аполлония Тухер [3, s. 75–81], сестра члена городского совета Антона Тухера и двоюродная сестра Сикста Тухера, духовного наставника аббатисы; Маргарет Тетцель [12], дочь Фридриха Тетцеля; Катарина, дочь Иеронима Эбнера; Клара, дочь Каспара Нютцеля — все трое также являлись членами городского совета. Не исключено, что с целью сохранить монастырь настоятельница хотела повлиять на власти Нюрнберга посредством нахождения в монастыре дочерей видных членов городского совета.

После признания в Нюрнберге лютеранских догматов, во время проведения мессы и таинства причастия 15 марта 1525 года, Каритас Пиркхаймер выразила протест против замены давно знакомых ей братьев из церкви святой Клары, при которой располагался монастырь, на лютеранских проповедников, которых назначил городской совет. Она обвинила их в разжигании ненависти среди населения и обращении с монахинями как с проститутками [13, p. 107]. Участие аббатисы в подобных диспутах вновь демонстрирует как рьяную приверженность старой вере, так и стремление сохранить свое положение в монастыре, который подлежал ликвидации, что отражается в «Воспоминаниях» [7, s. 67]. При этом против монастыря и лично Каритас Пиркхаймер были настроены не только

городской совет Нюрнберга, но и горожане, вдохновленные лютеранскими проповедями. Некоторые из них начали угрожать монастырю и монахиням, чем активно пользовались городские власти, стремящиеся ликвидировать институт монашества в городе в ближайшей перспективе [5, р. 267]. Тем самым, положение настоятельницы было ослаблено отсутствием доверия среди горожан.

Достаточно показательным является и сюжет, касающийся одной из молодых монахинь, Маргарет Тетцель. В июне 1525 года в монастырь пришла ее мать Урсула Тетцель, вдова зажиточного торговца тканями, с требованием освободить дочь от монашеского обета, полагая, что монашество является порочным институтом, мешающим девушке выйти замуж [14, р. 17]. Каритас Пиркхаймер сообщила ей, что желание Маргарет заключается в том, чтобы остаться в монастыре, а потому она не может удовлетворить ее просьбы. Однако позиция Урсулы не изменилась [15, р. 21], в этом можно увидеть ее прямое намерение обеспечить для своей дочери светское будущее, выгодное для семьи. К ней присоединились жены Иеронимуса Эбнера и Каспара Нютцеля. Они также стремились добиться ухода своих дочерей из монастыря, но получили отказ от аббатисы, защищавшей желания сестер по монашескому обету, а вероятнее всего, свои собственные интересы. 14 июня того же года три женщины вернулись с двумя мужчинами, Леонардом Хельтом и сыном Зебальда Пфинцинга, которые согласились помочь вернуть из монастыря их дочерей. Каритас Пиркхаймер привела в церковь святой Клары трех монахинь, чтобы, по ее словам, они могли лично высказать протест своим матерям. Перед этим аббатиса предупредила их о том, что она мало чем сможет им помочь, что отражено в «Воспоминаниях»: *«Силы против нас слишком велики»* [7, s. 82]. В своих письмах к Каспару Шацгейеру, францисканскому настоятелю провинции Страсбург, она описала насильственные действия по отношению к трем монахиням со стороны их матерей, которым удалось забрать своих дочерей против их собственной воли и усилий аббатисы [16, s. 30–31]. При этом горожане, присутствовавшие при данном процессе, всячески поддерживали действия матерей, в частности, снятие с их дочерей монашеских одежд. В этом противостоянии Каритас Пиркхаймер победить уже не могла, она не обладала необходимыми ресурсами и не имела поддержки среди городских масс. Она утратила последний инструмент влияния на городской совет в виде дочерей членов совета. В данном случае их конфессиональная принадлежность не играла существенной роли, поскольку на передний план выходила семейная политика.

Каритас Пиркхаймер, вне всяких сомнений, можно рассматривать как яркий пример противостояния идеям Реформации, захлестнувшим Нюрнберг в первой половине XVI века, в контексте желания сохранить свой пост настоятельницы с помощью влияния на городской совет, в том числе и апеллируя к религиозным представлениям. Дошедшие до нас «Воспоминания» иллюстрируют это через конкретные примеры. И все же нужно рассматривать данный источник в первую очередь как субъективный, поскольку некоторые исследователи [5, p. 256] полагают, что его можно рассматривать без критики в контексте пропаганды идей самой аббатисы с личной для себя выгодой. Именно она в силу своих возможностей защищала свои позиции и положение своей семьи в быстро меняющейся обстановке, угрожающей ранее закрепившимся порядкам. Настоятельница использовала своих сестер по обету и их желание остаться в монастырских стенах как инструмент в сложной структуре отношений между влиятельными нюрнбергскими семьями. Тем не менее, данные усилия окончательно были обречены летом 1525 года в силу отсутствия поддержки среди жителей Нюрнберга, которые обратились в новое вероучение и выступили против сохранения института монашества в поддержке городского совета.

Список источников и литературы

1. *Woodford C.* Nuns as Historians in Early Modern Germany. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p.
2. *Strasser U.* Brides of Christ, Daughters of Men: Nuremberg Poor Clares in Defense of Their Identity (1524–1529) // *Magistra: A Journal of Women's Spirituality in History*. 1995. No. 1. p. 193–248.
3. *Grafe J. K.* Caritas Pirckheimer: Sixteenth Century Chronicler: Ph.D. dissertation. New York: Fordham University, 1997.
4. *Batlogg A.* Hugo Rahner als Mensch und Theologe // *Korrespondenzblatt des Canisianums*. Heft 1, Jahrgang 134. Innsbruck: Collegium Canisianum, 2000–2001.
5. *Lane F.P.* “Not for Time but for Eternity”: Family, Friendship and Fidelity in the Poor Clare Monastery of Reformation Nürnberg // *Franciscan Studies*. 2006. Vol. 64. p. 255–279.
6. *Schmidt U.P.* Stephan Fridolin: Ein Franziskanerprediger des Ausgehendes Mittelalters. Munich: J.J. Lentnerschen Buchhandlung, 1911. 188 s.
7. *Caritas Pirckheimer*. Denkwürdigkeiten, Nürnberg 1524–1528. Staatsarchiv Nürnberg, Rst. Nürnberg, St. Klarakloster Akten und Bände 5A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavarikon.de/object/bav:BSB-CMS-0000000000001663> (дата обращения: 01.10.2022).

8. *Kurras L., Machilek F.* Caritas Pirckheimer, 1467–1532: Eine Ausstellung der Katholischen Stadtkirche Nürnberg. Munich: Prestel-Verlag, 1982. 163 s.
9. *Caritas Pirckheimer.* Eyn missye odder Sendbrieff, so die Ebtissche von Nürnberg an den hochberümpptenn Bock Emser geschrieben hatt. Erfurt, 1523.
10. *Loose W.* Aus dem Leben der Caritas Pirckheimer, Äbtissin zu St Klara in Nürnberg. Nach Briefen. Dresden: C. Heinrich, 1870. 88 s.
11. *Münch E.H.J.* Caritas Pirckheimer: Ihre Schwester und Nichte Biographie und Nachlass. Nurnberg: Friedrich Campe, 1826.
12. *Spielvogel J.* Willibald Pirckheimer and the Nuernberg City Council: Ph.D. dissertation. Ohio State University, 1967. 166 p.
13. *Wiesner M.E.* Working Women in Renaissance Germany. New Brunswick: Rutgers University Press, 1986. 224 p.
14. *Ozment S.* When Fathers Ruled. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 248 p.
15. *Mannhardt F.* An Historic Abbess of Reformation Days: Memoirs of Mother Charitas Pirckheimer: Poor Clare of Nürnberg. St. Louis: Catholic Central Verein of America, 1930.
16. *Kasbauer S.* Die Grosse Fraue von St. Clara: Ein Kurzes Lebensbild der Äbtissin Caritas Pirkheimer von Nürnberg. Landshut: Solanus Druck, 1959. 48 s.

УДК: 94(476)

Соковнина С. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: sve2ny@mail.ru; st087229@student.spbu.ru

Брест в середине XVI века: к вопросу о городской структуре

Аннотация. В данной статье рассматривается планировка позднесредневекового Бреста. На основе инвентаря 1566 года и более поздних планов изучаются районы, на которые делился город в середине XVI столетия.

Ключевые слова: Брест, урбанизация, экономическое развитие, Великое княжество Литовское.

Sokovnina S. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: sve2ny@mail.ru; st087229@student.spbu.ru

Brest in the Middle of the 16th Century: On the Question of Urban Structure

Abstract. The article is devoted to setup of late medieval Brest. The article examines districts into which the city was divided back in the middle of the 16th century on the material of inventory dating back to 1566 and later city plans.

Keywords: Brest, urbanization, economic development, Grand Duchy of Lithuania.

Брест был основан около 1019 года и долгое время находился в составе Галицко-Волынского княжества [1, с. 313]. В 1321 году город окончательно вошел в состав Великого княжества Литовского и являлся крупным социально-экономическим и административным центром Брестского повета. В 1390 году Брест первым из белорусских городов получил магдебургское право. В XVI в. здесь были основаны первые типография и аптека, проходили заседания сейма. Главное же, чем город известен в этот период, — здесь была принята знаменитая Брестская уния 1596 г., положившая начало униатской церкви в Великом княжестве Литовском. Благодаря сохранившейся документации («Описание староства Берестейского» 1566 г., план Брестского замка Э. Дальберга 1657 г.) мы можем попытаться реконструировать на примере Бреста облик города Восточной

Европы в раннее Новое время и посмотреть, насколько он был типичен для Великого княжества Литовского и для этого региона Европы в целом.

В XV–XVI веках Брест представлял собой в основном деревянный город, регулярно страдавший от разорительных пожаров. Так, в 1525 году сгорела центральная часть города с замком и укреплениями, после чего был установлен запрет на строительство деревянных домов высотой более двух этажей [2, с. 56–57].

Новый облик населенного пункта был зафиксирован в инвентаре за 1566 год, согласно которому площадь Бреста составляла 11 368 2/12 прута (9864 прута — Место Берестейское и 1522 2/12 прута — Место за Мухавцом), 517 моргов 28 прут сеножателей (423 морга — Место Берестейское и 94 морга 28 протов — Место за Мухавцом) и 60 волок [3, с. 228]. В переводе на современные единицы измерения площадь городских земель превышала 4000 гектаров.

Место Берестейское в середине XVI века делилось на две основные части: само Место («город» на западно-русском; в данном случае под термином «Место» следует понимать район, структурную часть городской территории) с предместьем и недавно сформировавшееся Место за Мухавцом с фольварками (усадебные помещичьи хозяйства, хутора) и сеножателями (сельскохозяйственные земли, предназначенные для выращивания зерна и т. п.). В сумме они составляют около 50% от городских волок. Территория Замухавечья представляет собой урбанизированное бывшее предместье, центром жизни в котором стала церковь. Непосредственно же само Место состояло из трех частей: замок, место в паркане (городские укрепления в виде опоясывающей стены) и место за парканом. Центральная часть занимала остров, образованный Западным Бугом и впадающими в него рукавами реки Мухавец.

На плане Бреста 1657 года (см. Приложение, Рис. 1) представлен как раз тот самый остров, то есть перед нами схематическое изображение замка, обозначенного в легенде буквой «А», и места в паркане. Прослеживаются две центральные улицы, направленные на север и юго-восток от рынка, обозначенного на плане буквой «В». От второй улицы отходит закоулок, на котором располагаются католические храмы. То есть сформировалась двухлучная система планировки — с доминированием двух основных магистралей, сближающихся в центре города в организованной между ними торговой площади. Такая планировка была характерна для городов Поозерья, Понеманья и Западного Полесья [4, с. 39]. Вдоль восточного края через весь остров проходит еще одна центральная улица-связка, в центре которой расположилась небольшая площадка без жилых построек.

Замок в форме треугольника со сторонами $234 \times 187 \times 234$ м образовывали городни (деревянно-земляной сруб), внутри которых находились жилые помещения с печками или каминами и лавками. Они соединяли пять башен, среди них выделялись каменная башня с часами, от которой шел мост через Мухавец, соединявший замок с городом, и башня с колоколом, звон которого оповещал горожан о нападениях и пожарах.

В арсенале хранились металлические доспехи на 100 человек, «дель осаженихъ 12. Гаковницъ 96... Киевъ железнихъ 7. Цкнграговъ до дел 18. Куль железнихъ до дель копъ 6. Флашекъ до гаковницъ 99. Форма на пули до дель, можджеръ великий, штука железная о стрелби, шлей до дель 12, хомотовъ 12, шкла округлого шибъ 2200» [3, с. 443]. Таким образом, замок был вполне обеспечен огнестрельным оружием на случай нападения. Для сравнения, в 1560 году в Оршанском замке хранилось менее 10 пушек [5, с. 83].

Для обслуживания сооружений и оружия в замке держались различные ремесленники: пушкарь, платнер, зикгамистр (часовщик), коваль, бондарь, столяр, слесарь, пивовары и другие. Отдельно следует выделить рурмистра, занимавшегося скрытой подачей в замок воды из Мухавца по трубам при помощи специального насоса [3, с. 445–446]. Такая система позволяла обеспечивать водоснабжение в случае затяжной осады.

На востоке от замка, согласно плану 1657 года (см. Приложение, Рис. 1), располагалась рыночная площадь. На ее территории находились исключительно дома зажиточных горожан и хозяйственные постройки: друкарня (типография), мастерская золотаря, а напротив — постригальная комора и войтовский и аптекарский дома. Напротив замка стояло здание ратуши, что говорит о важности рынка как центра городского управления. Соответственно, и земельный налог с этого места взимался в 1,5 раза больше, чем со всей остальной территории, и составлял 7 1/2 пенязей [3, с. 205–206].

От рынка отходят улицы «Ковальская гостинцем («гостинец» — торговый путь) Виленским» и «Пески гостинцем Краковским». От первой из них отходит переулок, на котором располагаются костел у фари с двором и каменная Микулинская (Свято-Николаевская) православная церковь с приютом для бедняков [3, с. 206–207], что позволяет локализовать улицу Ковалскую на юго-западе острова, в соответствии с приведенным выше кратким описанием плана 1657 года. Следовательно, улица Пески проходила на севере, вдоль Западного Буга, где находились замковые гелда (купеческий дом) и солодувня (пивоварня).

Правую половину этой улицы занимали еврейские дома. Рядом с ними проходила улица Жидовская, населенная представителями соот-

ветствующей нации. Ее локализация не вызывает проблем, так как улица сохранилась на плане Бреста 1824 года [6]. Здесь же располагается еще один небольшой рынок при школе жидовской. То есть можно говорить о сформировавшемся к середине XVI века еврейском квартале в восточной части острова.

На первых двух среди перечисленных улицах при домах располагались 28 огородных прута, что составляло около 7,5% всей территории. В целом же для всего места в паркане с замком площадь территории, предназначенной для сельскохозяйственного использования, составляла лишь 5% от всего района (приблизительно 28 протов из 530,5) (см. Приложение, Рис. 2). Эти данные позволяют говорить о высокой степени урбанизации центральной, укрепленной части Берестья, и назвать ее непосредственно городом.

Она была обнесена земляным валом со стеной, перед которым с восточной стороны располагался водяной ров, соответствующий современному резкому изгибу правого рукава Мухавца. На острове также был вырыт еще один ров, который рассекал его на две части [2, с. 57–58]. С других сторон город был окружен рукавами Мухавца и Западным Бугом.

К 1580 году в линии городских укреплений имелось четыре браны: Замухавецкая, Рыночная, Песочная и Виленская, или Завгринецкая [1, с. 321], которые прослеживаются на плане 1657 года. К югу от рынка находились ворота, открывавшие дорогу в Замуховечье. Здесь же, только в западной части, располагались еще одни ворота, мост перед которыми соединял площадь с замком. Третья брама на севере улицы Пески открывала дорогу в Забужье. В конце же улицы Виленской находились четвертые ворота, соединявшие ее с местом за парканом (см. Приложение, Рис. 1).

Последнее превосходило укрепленную часть почти в два раза (см. Приложение, Рис. 3). От браны берет свое начало улица Угрынка с католическим храмом с госпиталем, Троицкой церковью и небольшим костелом Святой Варвары, которому на карте 1824 года соответствует костел Тринитарский [6]. Параллельно проходит еще одна улица — Преорская, в начале которой расположились обширные еврейские копища, а в конце — католический монастырь с храмом [3, с. 209–211].

В этом районе очевидно значительное преобладание католических храмов над православными, которые представлены лишь одной небольшой церковью. Помимо церковных владений, здесь также расположились дома мещан с огородами при них и сеножатями, которых не было в укрепленном центре. Эти три вида владений занимают примерно одинаково-

вые доли от площади всего района, что говорит о значительно меньшей урбанизации и начале преобладания сельского хозяйства над торгово-ремесленным.

Эта тенденция усиливается на севере и востоке от паркана, то есть в предместье — «Месте за Малою Угринкой у Бервеи», которое по площади более чем в 10 раз превосходит рассматриваемые выше районы (см. Приложение, Рис. 3). Дальнейшая точная локализация объектов и реконструкция уличной сети в соответствии с ревизией середины XVI века становится крайне затруднительной. Одними из центральных улиц здесь являются Виленская и Берестейская. Через первую проходят Кустинская улица, улочка до випусту и Ветреная улица, вторую пересекают Войтовская улица и улица Налозки, проходящая над дорогой на Теребунь, на которой проживают люди двора упоминаемого выше костела Святой Варвары [3, с. 211–216].

Православные же храмы представлены Михайловской (самая крупная в Бресте) и небольшой Пятницкой церквями. Вторая располагается на продолжающейся поблизости улице Пески, справа от которой отвляется небольшая улочка Вшивая. Параллельно ей проходят улицы Кобринская, Гнилая, ко Бервам над Бугом и несколько мелких улочек. На этих улицах, помимо городского населения, проживают люди литоварские и войтовские (на улице с соответствующим названием), часть огородов относится к замку. Среди церковных владений продолжают преобладать католические, но уже с небольшим отрывом.

Значительную часть здесь занимают огороды и сеножати брестчан, что говорит о ее сельском характере. На болоне от випуста располагаются огороды жидовские. С другой стороны випуста перед волоками Речицкими большую площадь занимают менее плодородные земли. От застенка Ясковского до дороги до дворца Рубиновского тянутся огороды над гостинцем Виленским, огороды в клине и огороды в конце улицы Ветряной, а через дорогу к ним прилегают огороды над местом за Лузками. У Западного Буга, на урочище Бужише и за рекой, простираются сеножати. К северу от города также находятся 60 волок Берестейских [3, с. 220–223].

На юге, за воротами Замухавецкими, расположился полуаграрный новый район, через который проходила дорога до Луцка. Здесь находится костел святой Дороти с двором бискупа луцкого и берестейского [3, с. 223–226]. Епископу также принадлежат два фольварка, освобожденных от взимания поземельного налога. Рядом, в конце улицы Бискупой, находится фольварок Михно Розича, к западу от которого лежат сеножа-

ти месцкие на Урочище на Рокитове на Сои. Еще одна улица от Стаен проходит над Западным Бугом.

В Замухавечье также присутствуют земли православной церкви: церковь Спасская, небольшой Семеновский монастырь и Рождественский монастырь, в котором построены Рождественская церковь и церковь Честного Христа [3, с. 227–228]. Поп Спасский, помимо церковных владений, имел обруб сеножателей за Котельнею и земли на улице гостинцем Луцким и на предместье.

По течению рек Западный Буг и Котельня расположились городские сеножати и фольварки, а также фольварки бискупа луцкого и берестейского: Завийковский и Котельницкий. Первый из них граничит на востоке с Жуковским фольварком, а на западе — с фольварком на имя Полчицки и обрубом сеножателей месцких на Гразком. Дальше, ниже по течению Буга, лежит фольварок на имя Пяновский или Гордиевский. Еще южнее находятся обруб сеножати Митка Ивановича за Котельнею и фольварок Лаврина Василевица.

Важным моментом в жизни города был также рост каменного строительства во второй половине XVI века. Так, после очередного пожара в 1567 году брестские евреи обратились к Сигизмунду II Августу с просьбой об освобождении от податей, чтобы обстроиться новыми каменными домами и придать городу красивый вид [7, с. 58]. В 1588 году в Бресте были зафиксированы уже каменные, а не деревянные мостовые. И уже на исходе XVI столетия, в 1595 году, брестчане получили разрешение на постройку каменных лавок на рынке [8, с. 40].

Таким образом, к середине XVI века Брест делился на следующие районы: городской, центральный, укрепленный район, прилегающее к нему полуаграрное место за парканом, предместье и молодой район Замухавечья. За пределами городских стен центрами притяжения жизни становились православные и католические храмы и монастыри с богадельнями. В самом городе, со сформировавшимся еврейским кварталом, центром экономической, политической и культурной жизни была рыночная площадь. Эта часть «Места Берестейского» отличается готической планировкой, то есть регулярной геометризированной уличной сетью [4, с. 100].

Брест в середине XVI века довольно сложно назвать типичным городом Великого княжества Литовского. В это время он достигает своего расцвета, превосходит многие другие главные города Белоруссии, Украины и Литвы, приобретает второе после столицы значение для жизни государства. При этом Брест, располагавшийся на западной границе, был проводником идей и достижений западного мира из Польши. Так, по-

лучает распространение на территории Великого княжества регулярная планировка городов с прямоугольной уличной сетью.

Список источников и литературы

1. Вяліка княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі — Кадэнцыя / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галл. рэд.). 1 інш. 2-е выд. Мінск: БелЭн, 2007. 688 с.
2. *Суворов А. М.* Брест. На перекрестке дорог и эпох: 1019–2009. Брест: Полиграфика, 2009. 240 с.
3. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 205–448.
4. *Чантурия Ю. В.* Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в.: средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм. Минск: Беларуская Навука, 2005. 375 с.
5. *Ткачев М. А.* Замки Беларуси. Минск: Беларусь, 2002. 200 с.
6. План Литовско-Гродненской губернии города Бржестя с прожектом (сочинен декабря 24 дня 1824 года) // Свято-Рождество-Богородицкий женский монастырь. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://obitel-brest.by/upload/istok/1824-12-24%20план%20ГБреста%201.jpg> (дата обращения: 01.06.2022).
7. *Зоненберг Х.* История города Брест-Литовска. 1016–1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям. Брест-Литовск: Типография И. Кобринца, 1907. 104 с.
8. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: энциклопедия / ред. совет: Т. В. Белова (пред.) и др. Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. 312 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

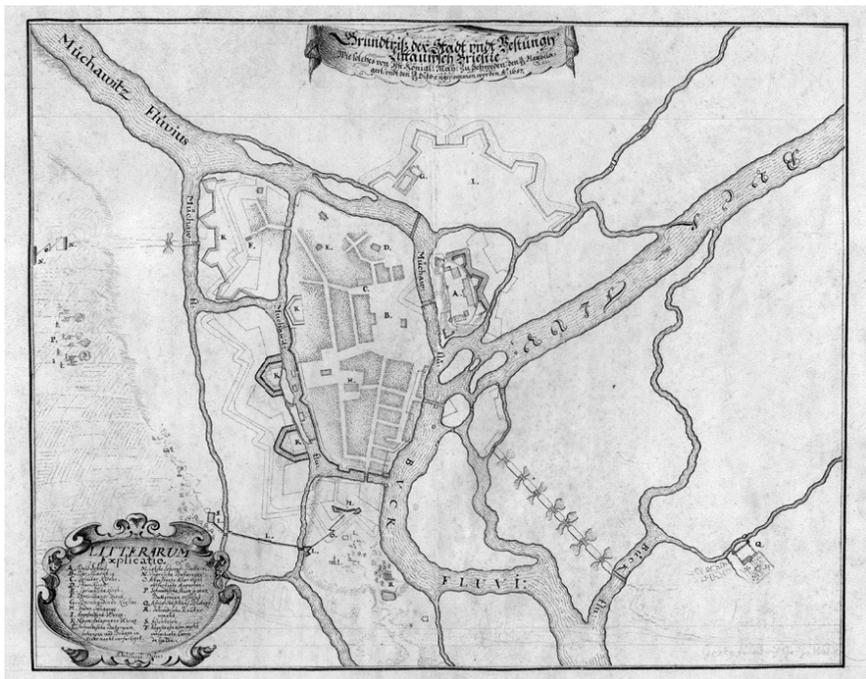

Рис. 1. План Брестского замка.

Фрагмент гравюры Э. Дальберга. 1657.

Источник: Karty.by, <http://www.karty.by/2011/01/13/brest-1657/> (дата обращения: 25.05.2022).

Место в паркане

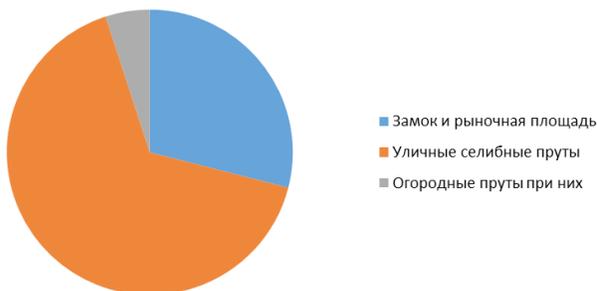

Рис. 2. Урбанизация укрепленной части Бреста в середине XVI в.
Примечание: диаграмма составлена на основе «Описания староства Берестейского 1566 года» (Источник: Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 205–448).

Берестье

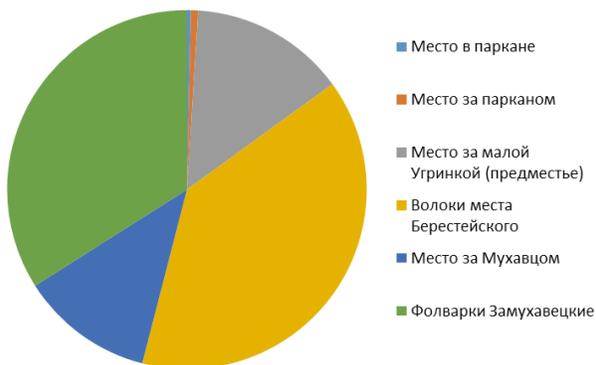

Рис. 3. Структура Бреста в середине XVI в.
Примечание: диаграмма составлена на основе «Описания староства Берестейского 1566 года» (Источник: Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 205–448).

УДК: 94(430)

Шешуков Е. А.

Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата
E-mail: dzenyao@gmail.com

Мошенничество в немецких шванках XVI века

Аннотация. В статье изучается проблема мошенничества в немецких шванках XVI века. Разобраны причины, по которым поведение мошенников не всегда осуждается в нарративах. Основное внимание уделяется социокультурным функциям, которые выполняют сюжеты о мошенниках в сборниках шванков. Еще одной проблемой выступает переход функции предупреждения людей об опасности от Церкви к самому обществу.

Ключевые слова: безопасность, мошенничество, шванк, юмор.

Sheshukov E. A.

University of Tyumen,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student
E-mail: dzenyao@gmail.com

Fraud in German Schwanks of the 16th Century

Abstract. This paper is devoted to the problem of fraud in German schwanks of the 16th century. We are analyzed the reasons why the behavior of frauds is not always condemned in narratives. The focus is paid to the sociocultural functions that the plots about swindlers perform in the schwank collections. Another problem is the transition of the function of warning people about danger from the church to society itself.

Keywords: safety, fraud, schwank, humor.

В раннее Новое время, преимущественно в южных немецких землях, в городской среде была популярна фарсовая литература, в особенности шванки, которые представляли собой небольшие стихотворные, а позже и прозаические нарративы назидательного и юмористического характера. Являясь одним из поздних фольклорных жанров в Германии, они были схожи с фаблю, фацециями, баснями, притчами, анекдотами [1, с. 51]. Следует отметить близость шванка с *exemplum* — «примером», «прикладом». Этими «примерами» были короткие повествования, включаемые в речь (обычно проповедь), которые служили назидательной цели.

Расцвет популярности шванков пришелся на XVI век, когда уже было распространено книгопечатание, они издавались в виде сборников (*schwankbuch*). Стоит оговорить, что ввиду специфики шванка, а именно его опоры на предшествующие традиции, его иностранные (Д. Боккаччо, П. Браччолли), фольклорные источники и устную традицию передачи подобных историй, людей, которые выступали авторами, можно назвать скорее фиксаторами традиции. Автор здесь выступает в роли коллекционера сюжетов, которые он переносил в свой *schwankbuch*. Позднее мы вернемся к этому вопросу.

В шванках находит свое отражение мировоззрение, повседневность и реальность бюргеров, крестьян, клириков и прочих слоев населения, в виде хотя и забавных, но при этом поучительных притч, как сказано в начале сборника «В шутку и всерьез» францисканского проповедника И. Паули [2, с. 13]. Авторы в первую очередь обращаются к аудитории, тесно связанной с городом, но не упускают из виду всю сложность общества XVI века.

В шванках обличалась глупость и восхвалялся ум. В этом аспекте они продолжали традицию «Корабля дураков» (1494) С. Бранта, «Похвалы глупости» (1509) Э. Роттердамского и прочих, предшествующих и последующих им произведений.

Чаще всего в основе сюжета каждого шванка лежала одна конкретная бытовая литературная ситуация, зарисовка. Таким образом, можно предположить, что бытовые ситуации, личные конфликты и отношения между людьми в этих нарративах могут выступать средством для понимания аспектов ментальности людей того времени. Актером этой зарисовки зачастую мог выступать обманщик. В работе рассматриваются сюжеты, основным мотивом которых является мошенничество, под которым здесь понимается обман с целью получения финансовой выгоды. Специфичность источников и их широкое распространение дают нам право реконструировать на их основе образы мошенников и их жертв.

В работе рассмотрены 12 шванков из 7 сборников, изданных на ранневерхненемецком языке с конца первой четверти XVI века, но большинство рассматриваемых шванков принадлежат отрезку со второй половины века до его конца. Такое количество выбранных шванков обосновано тем, что мошенничество в этих нарративах нечасто выступало основной темой, куда чаще встречаются шванки антиклерикальной направленности или сюжеты, освещающие отношения полов.

В роли мошенников в шванках выступают как профессионалы этого ремесла, которые часто именуется *abenteurer*, так и крестьяне, торговцы, ландскнехты и обедневшие дворяне. Как сказано выше, в оригиналах для обозначения мошенников используется слово *abenteurer*, которое пере-

водится как «авантюрист», «искатель приключений». В российских же переводах В. Топорова используется более негативно окрашенное слово «мошенник». В одном из шванков в качестве мошенника выступает лекарь, который, как сказано, с одинаковым усердием занимался и лечением ран, и очищением кошельков своих пациентов [3, s. 163]. В этом сюжете лекарь, зная, что мужику, потерявшему глаз, уже не помочь, обещал его вылечить, за что запросил изрядную сумму. Когда обманутому не помогло лечение, он, поняв, что у него выманили все деньги, сказал, что пойдет искать на лекаря управу у герцога. Мошенник, встревожившись и рассердившись, стал кричать, и мужик, испугавшись, ушел, не став жаловаться. Другой нарратив повествует о молодом проказнике, который решил подшутить над хлебнувшим вина писарем и получить с него денег [4, s. 29]. Примечательно, что во всех нарративах мошенничеством занимаются исключительно мужчины, но конкретно в этом случае для совершения своего деяния обманщик переоделся в женское платье. В некоторых случаях мошенником можно считать и ленивого, но сообразительного исполнителя какого-либо дела, который не выполнил взятое на себя обязательство, при этом получив оплату [5, s. 7].

Их мотивация, что неудивительно, имеет корыстный характер. Примером корыстной мотивации может выступать желание продать свой товар, выдавая его за что-то другое. Пример подобного поведения встречается в «Дорожной книжице» Й. Викрама. Коробейник продает гуляющим в трактире представителям цеха скорняков четки из кошачьего глаза, назвав его собачим [5, s. 35]. Праздновавшим людям приглянулись четки и многие их купили. Удачливый продавец постарался уйти поскорее, пока не обнаружился его обман. В шванке М. Линденера мотивацией для мошенника выступают слова купца, которого другие торговцы предупредили, чтобы он был осторожен с этим *abenteurer* [4, s. 94]. Купец же сказал, что мошеннику его ни за что не обдурить, что было принято как вызов. Часто мотивацией выступает нежелание платить в трактире за выпивку, для чего персонажи прибегают к различным мошенническим схемам, что хорошо демонстрируется в двух шванках про некоего Доша из сборника «Дружок в дорожку» М. Монтана [6, s. 168].

Для понимания вопроса стоит рассмотреть пространства, в которых совершаются мошеннические деяния. В нескольких шванках таким пространством выступает рынок или ярмарка. Действие других шванков разворачивается в трактирах. Они интересны тем, что в них сталкивались и вступали в диалог представители разных социальных групп. А. Классен пишет о трактирщиках, которые разбавляют вино или напивают гостей для совершения кражи [7, s. 93]. Однако часто встречаются и обратные ситуации, к примеру,

шванки про Доша, упомянутые выше, где обманывают уже трактирщиков. В двух шванках Й. Викрама обстоятельства места и времени являются ключевыми для жульничества. Оба эти примера связаны со святыми. В одном шванке крестьянин обещает заплатить ландскнехту вторую половину суммы за лошадь в день святого Никогда [5, s. 71]. Ландскнехт же, в свою очередь, приходит за оплатой в день всех святых, тем самым проведя мошенника, который к тому же за свой обман был наказан штрафом. В другом шванке из этого же сборника крестьянин взялся совершить паломничество на гору к святому Виту, но из-за сложности пути отнес предназначавшиеся дары в монастырь всех святых, который находился у подножия гор [5, s. 7]. Эти сюжеты отличны тем, что во втором случае крестьянин не собирался обмануть нанимателя, но упростил себе задачу по своему простодушию и лени.

В контексте вопроса примечательна лавка цирюльника. Она, как и трактир, выступает местом соприкосновения между разными социальными слоями. В сборнике «Катципори» М. Линденера имеется история о том, как мошенник воспользовался помощью цирюльника, чтобы уйти от уплаты за товар [4, s. 94]. Брадобрей и не подозревал, что помогает жулику. Другой пример помощи цирюльника встречается в сборнике «Дорожная книжица» Й. Викрама. В нем дворянин, взявший в долг у крестьянской общины, не спешил возвращать деньги. Человек, которому поручили найти должника, застал его у цирюльника [5, s. 33]. Дворянин попросил того подождать, пока ему добреют бороду, и, получив согласие, попросил цирюльника прекратить его брить. Цирюльник оставил ему полбороды, и сказал, что не будет бриться, чтобы не возвращать долг. После этого брадобрей помог ему скрыться от заемщиков. В первом из приведенных выше примеров примечательно то, что мошенник совершает свое деяние на ярмарке в Лейпциге в день святого Михаила [4, s. 94]. Святой Михаил олицетворяет победу добра над злом, а в тексте мошенник уходит, обманув купца. Но купец в этом шванке, будучи хвастуном, сам бросает вызов мошеннику и оказывается обманут. Этот пример показывает, что мошенники в шванках не являются большим злом, чем глупцы и хвастуны, а выступают лишь для их осмеяния.

Последствия жульнических действий редко бывают негативными для самих мошенников. Почти во всех рассмотренных шванках мошенник уходит с прибылью и не бывает пойман. Исключением можно считать только упомянутый выше шванк Й. Викрама, в котором ландскнехт обдурил мошенника, а тому, в свою очередь, пришлось еще и заплатить пеню за мошенничество, установленную управителем по итогу разбирательств [5, s. 71]. Таким образом, пишет автор, лис был пойман лисом, что считает справедливым.

Из перечисленных выше примеров выходит, что мошенники в большинстве случаев представляют из себя акторов, с помощью которых авторы высмеивают глупость и произрастающие из нее наивность, простодушие, лень и хвастовство. Помимо вышеперечисленного, автор может высказывать свое отношение к неправильным, по его мнению, отношениям между сословиями. Например, сюжет Й. Викрама о неуплате долга он завершает тем, что крестьяне не должны давать дворянам в долг.

Встречаются и сюжеты, которые высмеивают мошенников, но в них сами они бывают обмануты, как в шванке об уплате долга в день святого Никогда. М. Монтан пишет о том, что забавные приключения мошенников и проныр никому не по нутру, а некоторые вообще могут признать их недостойными [6, с. 169].

Можно допустить, что, обращаясь к аудитории, которая тесно связана с городом, авторы выражают взгляд горожан, а прочие сословия подвергаются осмеянию. Крестьяне, подвергавшиеся мошенническим действиям, описываются авторами как простодушные и доверчивые. Приведем несколько тому примеров. В самом раннем из используемых сборников, «В шутку и всерьез» И. Паули, есть сюжет о том, как крестьянин шел на рынок, чтобы продать овцу [2, с. 347]. Трое плутов по очереди подходят к крестьянину и спрашивают, что тот собирается делать с собакой, тем самым они убеждают его, что у него не овца. Обманутый, поверив в то, что уже не может отличить одно животное от другого, бросает овцу и уходит, а мошенники съедают животное на ужин. Автор указывает, что многие люди готовы поверить чему угодно, и этим шванком высмеивает доверчивость и глупость. В «Ночной книжице» В. Шуманн повествует о мошеннике, прознавшем о простодушии жителей одной деревни. Он направился туда с кошкой, которую собирался им продать. Крестьяне, раньше не видевшие подобного зверя, удивились, а мошенник назвал его «мышью погибелью» [8, с. 10]. Жители деревни, в которой мыши уничтожали зерно, обрадовавшись такому зверю, попросили продать, и мошенник продал его за целую сотню гульденов.

Но такой взгляд неверен, ведь осмеянию в шванках подвергаются не сословия и даже не люди, а их негативные качества, такие как глупость, гордость, напыщенность и самонадеянность. Несмотря на связь рассматриваемого жанра с городской средой, авторами не упускается вся сложность общества XVI века.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что мошенники и их деяния не рассматриваются авторами как большее зло, чем негативные качества людей, которых обманывают. Шванк, опираясь на долгую традицию, обличает не персонажей, а их грехи или черты характера.

Перейдем к проблеме предупредительной функции шванка и поговорим о нем как о форме социального оповещения. Дж.-К. Кипф в своей статье говорит о *schwankbuch* как о разновидности СМИ раннего Нового времени [9, s. 81]. Личная локальная и временная сосредоточенность на авторе и его окружении некоторых сюжетов шванков указывает о личном опыте, который он хочет передать. Как отмечалось ранее, авторов скорее можно назвать фиксаторами традиции, но во многих случаях они ссылаются на «достоверных свидетелей» или сами ручаются за сведения. Авторы объединяли фольклорные и иностранные сюжеты и совмещали это с тем, что испытали, услышали, прочитали, записали и переработали. Дж.-К. Кипф говорит об отходе шванков от дидактических функций в сторону развлечения как самоцели [9, s. 94]. Но, исходя из строгого прагматизма литературы Средневековья и раннего Нового времени, можно не согласиться с этим утверждением. Из того, что шванки постоянно циркулировали в городской среде и пересказывались в личных беседах, можно сделать вывод, что *schwankbuch* использовались их составителями как средство предупреждения об опасностях разного рода. Они предупреждали людей об опасностях, подстерегавших их во круг, в том числе и о деяниях мошенников.

В связи с этим интересен вопрос о причастности Церкви к попытке таким образом предохранить людей от мошенников и прочих опасностей. Это может быть справедливо, если говорить о ранее упомянутом И. Паули, который, будучи клириком, вплетал шванки в свои проповеди для предупреждения прихожан об опасностях разного рода. Но стоит упомянуть, что Паули является более ранним примером автора шванков, в отличие от людей, творивших во второй половине XVI века, а его сборник был издан лишь через несколько лет после начала реформации, в 1522 году. Большинство авторов шванков лишь косвенно относились к протестантской Реформации в теологическом смысле, если не считать яростной критики католического духовенства. К примеру, Й. Викрам и Я. Фрей были писарями в небольших городах, а их сборники были предназначены для чтения и диалога в неформальной обстановке [9, s. 89]. Поэтому мы наблюдаем процесс перехода функции оповещения людей об опасностях от церковной проповеди к сфере светской литературы и общества.

Шванки с помощью юмора помогали справиться с коллективным синдромом страха, незащищенности, в том числе и от слабо регламентированных законом действий мошенников [7, s. 2]. Таким образом, можно сделать вывод, что церковный, как и государственный контроль, не приобретали большего значения, в отличие от частной сферы.

Поскольку мошеннические деяния не были достаточно регламентированы в правовых источниках, фарсовая литература в целом и сборники шванков в частности занимались, в сатирическом и язвительном ключе, социальной критикой подобных явлений. Посредством юмора, высмеивая глупость и наставляя людей, исследуемые нарративы давали читателю надежду на правосудие. Государство и Церковь не давали людям достаточной уверенности в защищенности, а посредством смеха они могли преодолеть некоторые конфликты и высмеять виновных в не уголовных правонарушениях или ушедших от правосудия.

Подытоживая, необходимо сказать, что отображение в сборниках шванков сюжетов с участием мошенников носило дидактический характер. Авторы предупреждали реципиента об опасности попасться на удочку мошенников, которой они подвергаются. Поскольку государство и Церковь не могли обезопасить людей от этого, то оставалось только смеяться над проблемами. Но не само мошенничество выступает злом. Не само мошенничество высмеивали авторы шванков, а глупость, которая становится главной причиной человеческих невзгод.

Список источников и литературы

1. *Бахорский Г.Ю.* Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 50–69.
2. *Pauli J.* Schrimpf und Ernst / Hrsg. H. Österley. Stuttgart: Litterar. Verein, 1866. 559 s.
3. *Hans Wilhelm Kirchhof.* Wendemuth / Hrsg. H. Österley. Bd. 2. Stuttgart, Tübingen: Litterar. Verein, 1869. 567 s.
4. *Michael Lindener.* Rastbüchlein und Katzipori / Hrsg. F. Lichtenstein. Stuttgart, Tübingen: Litterar. Verein, 1883. 219 s.
5. *Jörg Wickram.* Rollwagenbüchlein / Hrsg. H. Kurtz. Leipzig: Weber, 1865. 252 s.
6. *Немецкие шванки и народные книги XVI века: пер. с нем. / Сост. с науч. подгот. текста и предисл. Б. Пуришева; коммент. В. Жирмунского, Е. Маркович, Н. Москалевой.* М.: Художественная литература, 1990. 639 с.
7. *Classen A.* Deutsche Schwankliteratur des 16. Jahrhunderts: Studien zu Martin Montanus, Hans Wilhelm Kirchhof und Michael Lindener. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2009. 210 s.
8. *Valentin Schumann.* Nachtbüchlein / Hrsg. J. Bolte. Stuttgart, Tübingen: Litterar. Verein, 1893. 439 s.
9. *Kipf J.K.* Das Schwankbuch als frühneuzeitlicher Buchtyp. Dargestellt am Beispiel von Jörg Wickrams Rollwagenbüchlein (1555) // *Ordentliche Unordnung: Metamorphosen des Schwanks vom Mittelalter bis zur Moderne.* Festschrift für Michael Schilling / Hrsg. J. Bernard, R. Dirk, U. Thorsten. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. s. 81–94.

УДК 94(410)

Алексеев Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: muradvad99@mail.ru st083439@student.spbu.ru

Генезис феномена «гнилых местечек» в Англии

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос происхождения «гнилых местечек» в рамках системы представительства в Англии. Анализируется взаимосвязь различных явлений политической жизни Англии Позднего Средневековья и раннего Нового времени. Автор приходит к выводу, что данный феномен не имеет единой точки отсчета во времени, а самые ранние его проявления видны в раннем Новом времени.

Ключевые слова: «гнилые местечки», парламентаризм в Англии, проблема представительства, Англия.

Alexeev D. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: muradvad99@mail.ru st083439@student.spbu.ru

The Genesis of the Phenomenon of "Rotten Borough" in England

Abstract. In this article author considers an issue of origin of the "Rotten boroughs" within the representative system in England and analyses the interrelation of various phenomena in the political life in England between the Late Middle Ages and the Early Modern Era. Author comes to the conclusion that this phenomenon has not the one point in different periods and the earliest manifestations of this phenomenon are seen in the Early Modern Times.

Keywords: "Rotten boroughs", parliamentary system in England, problem of political representation, England.

Феномен «гнилых», или «карманных» местечек является важным аспектом в изучении политического пространства Англии и, шире, Великобритании после появления представительного органа в виде парламента и вплоть до проведения реформы 1832 года, которая разрушала всю систему, которая была завязана на них. В связи с этим становится важным вопрос о происхождении данного явления.

Отечественная историография не изобилует специализированными работами, посвященными изучению данной проблемы. В основном мы встречаем упоминания о данном феномене в вопросе изучения английского и британского парламентаризма, особенно часто — в контексте реформаторской деятельности. В сущности же данный вопрос практически не возникает. В зарубежной историографии тема «гнилых местечек» в широком смысле поднимается куда чаще, но предмет генезиса в них отодвинут на второй план и представляет собой, как правило, второстепенный аспект исследования. В рамках статьи мы, со своей стороны, хотели бы поставить проблему, связанную с формированием и бытованием такого явления в английском и британском политическом поле.

Название «гнилые местечки» имеет довольно позднее происхождение. Оно появилось в начале XIX в. в кругу общественных активистов и политических деятелей, выступавших за парламентскую реформу. Прежде такие парламентские районы назывались «маленькими местечками», «узкими местечками» или «карманными местечками» — по причине того, что выборы в округе находились под полным контролем, то есть в «кармане» одного лица или клана [1, с. 150].

Парламент в середине XVIII в. представлял собой, по меткому замечанию М. П. Айзенштайна, *«узкое, замкнутое собрание отпрысков, племянников и ставленников аристократических кланов. Их объединяло причудливое переплетение семейных, родственных и дружеских отношений: обеды, скачки, охота, игра в карты, поездки на воды и флирт. Их волновали в одинаковой мере дарование королем титулов, назначения на государственные должности, получение синекур, свадьбы, рождение детей и похороны. Разъединяли же их амбиции и принадлежность к различным группировкам»* [2, с. 58].

Это важное замечание, так как формирование парламентской структуры происходило из этого состояния средневековой корпоративности. Формирование данной системы началось еще в Средневековье — каждое английское графство посылало в парламент двух представителей, после созыва так называемого «Образцового парламента» 1295 г. Право представительства получали совершенно различные по статусу населенные пункты. Большинство из 180 округов, основанных в XVI — первой половине XVII в., были важными местами экономической, политической или религиозной жизни [1, с. 150–151]. Здесь нам стоит сделать некоторое отступление и сказать, что, вероятно, генезис все же происходил не только по такому принципу.

Крайне интересна в данном вопросе статья Дж. В. Беккета, посвященная созданию такого района в XVII–XVIII вв.; мы можем наблюдать, как этот процесс был поставлен на поток, на примере городка Кокермут, графство Камбрия, на северо-западе страны, который окончательно примет привычный для нас вид патронажа одной семьи Лоутеров при Джеймсе Лоутере, графе Лонсдейле (5 августа 1736 г. — 24 мая 1802 г.) [3, р. 140–142].

Важно, что Дж. В. Беккет говорит о том, что «карманным районом» этот городок стал много раньше, в период владения им шестым герцогом Сомерсета Чарльзом Сеймуром (1664–1748), который имел в собственности замок и большую часть земли вокруг города и влиял на то, кто будет представителем от района [3, р. 142].

То есть, повторимся, «гнилым местечком» этот район был уже в середине XVII века. Из этого мы можем сделать вывод, что трансформация района происходила раньше. Рискнем предположить, что формирование его началось либо в период Долгого Парламента, когда ему было возвращено представительство резолюцией от 15 февраля 1641 года «О восстановлении своих древних привилегий», либо с того же момента, что у Старого Сарума, то есть с 1295 года. Но, в отличие от Старого Сарума как центра политико-стратегического и религиозного, Кормут был центром экономическим. Когда ему был снова дарован титул парламентского района, он уже начал утрачивать свое значение в переходный период от Средневековья к Новому времени и стал приобретать те характерные черты «гнилого местечка», которые мы отчетливо видим в XVII и XVIII вв.

Проблемой в данной версии становится то, что с 1295 года от Кормута не было делегатов вплоть до 1641 года, что говорит, вероятно, лишь о формальном представительстве для этой местности. Но очевидно, что представление о том, что район является парламентским, остается именно с 1295 года, ибо резолюция 1641 года говорит о восстановлении района в правах. И здесь мы видим процесс, когда средневековые обычаи сталкиваются с экономическими и социальными реалиями времени, когда статус места и его политическое значение сильно разнятся.

Старый Сарум был выбран для сравнения не случайно, так как является самым популярным примером формирования «гнилого местечка». Процессы, протекавшие в XIII в., отчетливо демонстрируют противоречие между нарождавшимся парламентаризмом и средневековыми практиками представительства.

Помимо данного способа генезиса, с приближением к Новому времени мы можем увидеть то, как власть начинает использовать в своих

целях подобное несовершенство системы и создавать «гнилые местечки» специально для продвижения своей политики. Пример этому мы находим в статье Ю.Е. Барловой: *«так, в 1562 г. королева Елизавета, решив обеспечить себе большинство в парламенте, "оживила" шесть обезлюдивших городков: Майнхед в графстве Сомерсет, Тэмворс, Стокбридж и др. Примеру Елизаветы следовали другие английские монархи, даровавшие право представительства заведомо гнилым местечкам, которые взамен гарантировали им поддержку в палате общин»* [1, с. 151]. Таким образом, мы можем сказать, что часть районов уже в XVI–XVII вв. представляла собой вполне сформированные «гнилые местечки».

Чтобы понять причину данного явления, можно обратиться к историографии политико-религиозных процессов, протекавших в раннее Новое время в Англии. Так, в статье Т.А. Кондратенко, посвященной данному вопросу, читаем: *«XVI в. отличался невиданным до этого размахом законотворчества (особенно в период Реформации), а убеждение, что высший закон — это королевский статут (пусть и выработанный в согласии с парламентом), было совершенно новым и отличалось от политической теории и практики XV и начала XVI вв. Ввиду этого необычайную актуальность приобретает теория взаимодействия короля и парламента как представителя воли народа. Представление, что король один, сам по себе, не может быть источником законодательства, уходило корнями в Средневековье»* [4, с. 104]. Корни такой политики Елизаветы I и последующих королей из династии Стюартов лежат в рамках процесса Реформации и борьбы между католиками и протестантами в Англии. Показательным примером служит отношение королевской власти в период XVI в. к районам, примыкавшим к противоположному лагерю религиозно-политических сил, считавшихся неблагонадежными [5, с. 247]. Политика по конструированию новых «гнилых местечек», вероятно, имела ту же причину. Также в работе В.Н. Ерохина мы читаем, что в этот период в английской политической жизни под влиянием гуманистических идей появляются концепции античной политической структуры, что, в свою очередь, влияло на политику Елизаветы I в рамках представления о том, что королева не считала себя связанной какими-либо обязательствами с парламентом. Из-за этого складывалась ситуация подконтрольности парламента королеве, а не наоборот [6, с. 8].

Не менее обстоятельным аспектом в понимании генезиса «гнилых местечек» является вопрос формирования, как это называется в зарубежной историографии, «среднего класса» [7, р. 481–482]. Под средним классом в данном случае понимаются горожане, имеющие определен-

ный уровень достатка — речь идет о развивающихся промышленных и торговых центрах — который позволял постепенно осознать тот факт, что они не имеют представительства, по отношению к таким же по достатку жителям, но живущим в районах, имеющих эту привилегию. Наибольшее возмущение вызвала продажа голосов как товара, из-за чего появлялось представление о «гнилых местечках» как о местах скопления несправедливости и возникало определенное чувство обделенности со стороны людей, не представленных в избирательном процессе, но имеющих такой же достаток и положение, как у тех, кто таким правом владели. Таким образом, изменение понимания, определенной степени несправедливости, как мы видим, шли рука об руку с социально-экономическими процессами в Англии.

И последнее, что необходимо подчеркнуть в рамках данной статьи, это еще один фактор генезиса феномена «гнилых местечек» в рамках концепции конституционализма, историческую заинтересованность многих исследователей по вопросам происхождения и преемственности институтов правовой системы Англии из Средних веков [8, с. 120]. Проблема состоит в том, что при таком подходе историография рассматривает данный вопрос в совокупности преемственности всей системы политического пространства Англии, а не только вопрос «гнилых местечек» как таковой.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема генезиса «гнилых местечек» в статье не ставится как окончательно решенной, мы лишь стараемся поставить вопрос о данном феномене, с попыткой нащупать некоторые точки, от которых можно было бы отталкиваться в изучении данного явления. Но даже в рамках нашей статьи можно сделать некоторые промежуточные выводы. Так, мы выяснили, что процесс формирования «гнилых местечек» был, очевидно, не однонаправленным, то есть имел разные по своей сути причины генезиса. Первой причиной был, можно сказать, естественный процесс перехода парламентских районов из состояния важных центров страны к положению периферии с оставлением у них привилегий, которые создавали ситуацию несурзанности в рамках политического развития страны и привели к появлению явления «гнилых местечек». Вторая причина — целенаправленный процесс создания «гнилых местечек» со стороны центральной власти в рамках политической борьбы между королем и парламентом в политико-религиозной сфере. И третья причина — социально-экономические изменения внутри страны, повлиявшие на формирование новых центров в рамках Англии и, шире, Великобритании, которые в свою очередь стали претендовать на политическую власть.

Список источников и литературы

1. *Барлова Ю.Е.* «Гнилые местечки» в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6. с. 150–155.
2. *Айзенштайн М.П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.
3. *Beckett J. V.* The Making of a Pocket Borough: Cockermouth 1722–1756 // Journal of British Studies. 1980. Vol. 20. No. 1 p. 140–157.
4. *Кондратенко Т.А.* Политические концепции в Англии конца XV — начала XVII в. в освещении британской историографии второй половины XX в. // Вестник Омского университета. 2008. № 2(48). С. 101–106.
5. *Ерохин В.Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI — первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.
6. *Ерохин В.Н.* Рецепция античных политических идей в английской религиозно-политической мысли второй половины XVI — начала XVII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4(8). С. 6–17.
7. *Shinner P.J.* Pocket borough to county borough: power relations, elites and politics in nineteenth century Grimsby // Urban History. 2007. Vol. 34. No. 3. p. 481–503.
8. *Сидорова Т.А.* Проблемы конституционных основ и парламентаризма в Англии в британской историографии критического направления XX в. // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2013. № 2. С. 119–136.

Род-семья-духовный мир

УДК 94

Бабина А. А.

Ивановский государственный университет,
Институт гуманитарных наук,
преподаватель кафедры всеобщей истории
и международных отношений
E-mail: Alex.babina@mail.ru; Rector@ivanovo.ac.ru

Социально-карикативная деятельность святых-епископов в латинской агиографии IV–V вв.

Аннотация. В статье проанализирована трансформация описания социально-карикативной деятельности святых-епископов в агиографических произведениях латинского Запада IV–V вв. В латинских агиографиях рассмотренного периода наметился переход от восприятия благотворительной деятельности святого как его личностной характеристики к описанию социально-карикативной деятельности как части епископских обязанностей.

Ключевые слова: социально-карикативная деятельность, Церковь, агиографическая литература, модель святости, образ епископа.

Babina A. A.

Ivanovo State University, Institute of Humanities,
Department of General History and
International Relations, Lecturer
E-mail: Alex.babina@mail.ru; Rector@ivanovo.ac.ru

Socio-Caritative Activity of the Holy Bishops in the Latin Hagiography of the 4th-5th Centuries

Abstract. The article considers the transformation of the description of the socio-caritative activity of the holy bishops in the hagiographic literature of the Latin West of the 4th-5th centuries. In the Latin hagiographies of the period under review, there was a transition from the perception of the saint's charitable activity as his personal characteristic to the description of socio-caritative activity as part of his episcopal duties.

Keywords: social-caritative activity, Church, hagiographic literature, the Holiness model, image of the bishop.

Епископы больших городов в поздней Античности выполняли множество возложенных на них ролей: занимались проповедью, обучением новообращенных, совершали таинства крещения, евхаристии и другие

литургические обряды, увещевали и упрекали оступившихся христиан с помощью совета или доброго слова, пытались уберечь от ошибок [1, р. 23]. Возможно, одной из важнейших функций епископа с древности оставалась благотворительность, забота о вдовах и сиротах, путниках и бедняках. Обязанность христиан заниматься благотворительностью уходит корнями в еврейскую традицию. Однако если еврейские общины заботились о собственных членах, то христианство предлагает оказывать помощь любому, вне зависимости от религии, которую он исповедует [1, р. 223].

По всей видимости, иудео-христианская традиция раздачи пожертвований общины через назначенных ею служителей подготовила почву для формирования практики милосердия. В то же время новая, собственно христианская идея глубокой солидарности между членами общины дала дополнительную мотивацию для благотворительной практики среди христиан [2, р. 85–86]. Кроме того, призрение и забота о бедных, немощных и больных отличали христианскую общину и от языческого окружения, делая ее желанной для нуждающихся и привлекая новых членов. В свою очередь, это способствовало расширению авторитета Церкви и росту влияния христианства в обществе.

Возглавив епископскую кафедру, человек становился образцом выполнения божественных предписаний как для своей паствы, так и для всех, кто обращал внимание на его деятельность. Построив свою жизнь в соответствии с небесными установлениями, епископ должен был воплощать на практике основы христианского учения. Одной из главных христианских добродетелей, определявших епископскую деятельность, являлось милосердие. Так, П. Браун называет епископов *«любителями бедных»*, считая, что благодаря их деятельности бедные получили голос, который осуществил *«революцию в защите интересов»* [2, р. 85–86].

Забота об обездоленных становится христианским долгом епископов в IV–V вв. Благотворительные задачи епископа и формы, которые приобретало внимание к бедным, были весьма разнообразны, что нашло выражение и в агиографической литературе латинского Запада IV–V вв. Помощь нищим становится определенным топосом в описании епископа [3, р. 88].

Так, «Житие Мартина Турского» Сульпиция Севера (IV в.) повествует о том, что святой еще до вступления в должность епископа и даже до крещения *«уже поступал как жаждущий крещения»*: помогал нуждающимся, кормил голодных, одевал бедных. Агиограф уточняет, что все свое жалование Мартин тратил на благотворительность, оставляя себе деньги, которых хватало только на один день питания, ведь *«уже тогда усердный последователь Евангелия о дне завтрашнем не думал»* [4, II. 8].

Очевидно, Сульпиций Север не только рисует портрет аскетичного святого, заботящегося о бедных, но также связывает его практики милосердия со следованием законам Божиим. Тем самым Мартин, еще будучи оглашенным, следует христианским установлениям. За эту заботу о нуждающихся Мартин получил прозвание Милостивый.

Наибольшую известность не только в контексте рассматриваемой проблемы, но и в рамках формирования образа святого Мартина в целом, получил эпизод явления святому Христа в образе нищего, которому тот отдает половину своего плаща. Однажды зимой святой встречает совершенно голого нищего. Мартин, имея только оружие и одежду, поскольку потратил все остальное на благотворительность, решает отрезать половину плаща бедняку. Ночью во сне Мартин видит Христа, который говорит ангелам: «Мартин, пребывающий еще оглашенным, этой одеждой покрыл меня» [4, III. 3]. Эта сцена получила большую популярность в иконографии святого, став своеобразным символом Мартина [5, p. 123]. В агиографии позднего периода также встречаются аллюзии на этот эпизод из «Vita Martini» [6, с. 233–234]. По всей видимости, агиограф наглядно демонстрирует слова Господа *«так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»* (Мф. 25:40).

Однако примечательно то, что забота о нищих выступает в тексте скорее как личное качество святого, нежели как епископская обязанность. По видимости, не случайно агиограф описывает каритативную деятельность Мартина до занятия им епископского престола и даже до крещения, но не возвращается к ней позже. Вероятно, Сульпиций Север в первую очередь подчеркивал добродетели Мартина, которыми он обладал до крещения, как своеобразные знаки избранности. В целом в житии Мартин изображен незаинтересованным в суетных вопросах мирской власти. Можно предположить, что автору жития важнее было показать, что епископская власть не повлияла на аскетичный образ жизни святого, сохранившего монашеский уклад и после принятия епископского сана: *«Ибо еще более стал он упорствовать в том, в чем усердствовал раньше. По-прежнему пребывало в сердце его смирение, а в одежде — непритязательность»* [4, X. 1–2].

Такая тенденция прослеживается не только в галльской, но и в итальянской агиографии IV в. В «Житии Амвросия Медиоланского» Паулина Медиоланского Амвросий изображен как милосердный святой, направлявший свои усилия на опеку над бедными и пленными. Амвросий раздает все деньги и имения, что у него есть, на нужды Церкви и заботу о бедных, не оставляя себе ничего, *«чтобы, как свободный от поклажи*

воин, последовать за Господом Христом, который, будучи богат, обнищал ради нас, дабы мы обогатились Его нищетою» [7, 38.4]. Однако вновь перед нами личные характеристики святого, готового все отдать на благо Церкви и нищих. Хотя Амвросий уже является епископом, данный аспект его деятельности не связан с его должностью, поскольку он распоряжается личной собственностью, а не церковным имуществом. Ничего не говорится в обоих рассмотренных житиях о выполнении таких административных задач епископа, как принятие даров, которые приносили более богатые члены общины, или их распределение среди нуждающихся.

Благотворительность как системная деятельность и как часть обязанностей епископа впервые встречается в «Vita Honorati» Иларию Арелатского, созданном около 431 г. Гонорат оказывает помощь бедным на протяжении всего текста. Еще оглашенным он тратит на нищих свое детское имущество [8, 5.6]. Перед отъездом из родных краев святой распродает имущество, не делая разницы между родственниками и сторонними покупателями, что противоречило римским законам [9, с. 403]. По всей видимости, тем самым Иларий подчеркивает безразличие святого как к богатству, так и к связям. Кроме того, такой акцент позволяет агиографу продемонстрировать, как собственность святого была отдана на дела милосердия: *«имущество, которое служило бедным, с тех пор как оно оказалось в их владении, теперь полностью раздается нищим»* [8, 11.4].

После основания Леринского монастыря Гонорат распоряжается уже не только своим имуществом, но и собственностью общины. Автор «Vita Honorati» обращает внимание читателя на то, что святой *«не был из тех, кто, как бережливый или осмотрительный управляющий, с расчетом на будущее нечто распределял бы между членами своей ежедневно увеличивающейся вверенной ему общины, но еще больше приберегал бы»* [8, 20.4]. Напротив, святой верен своей привычке отдавать все имеющееся в качестве подаяния нищим, оставляя для себя и братии только пищу и одежду на ближайшие дни.

Эта смелость в употреблении последних денег на помощь беднякам, с одной стороны, напоминает благотворительную деятельность Мартина Турского, с другой стороны, как поясняет автор жития, основана на вере в божественную помощь. В сконструированной Иларию Арелатским речи Гонорат наиболее ясно высказывает эту мысль: *«Определенно, уже приближается тот, кто предоставит [необходимое] нам, если благотворительность наша уже не имеет того, что можно было бы предложить»* [8, 21.1]. Благодаря Божественному усмотрению всегда находился тот, кто помогал монахам обрести все необходимое для жизни.

Наконец, став епископом Арелата, Гонорат убирает из своей епископской резиденции сокровища, накопленные его предшественником, употребив «богатство несправедливое» на погребение умерших. Упоминание об этом, возможно, позволяло Иларию не только показать аскезу Гонората, но и надеяться на привлечение новых меценатов, тем более что он продолжает, характеризуя уже не епископа, но дарителей: *«кто жертвовал снова, чувствовал утешения от своих даров»* [8, 28.3–4]. Тем самым воздействие агиографии на читателя или слушателя должно было сформировать новую социальную модель поведения [10, р. 175].

В житии Германа Осерского Констанция Лионского (конец V в.) благотворительность святого встроена в рассказ о выполнении им своих епископских обязанностей. После вступления на епископскую кафедру Герман Осерский раздает свое имущество нуждающимся [11, 2], а также отдает беднякам серебряное блюдо, подаренное ему императрицей [11, 35].

Наибольший интерес в данном контексте вызывает происшествие, случившееся с епископом Осера на пути в Равенну. Герман просит своего диакона отдать все три золотые монеты, которые есть у него и его спутников на расходы, в качестве милостыни бедным. *«На это диакон спрашивает: "На что мы будем жить сегодня?" В ответ [Герман] говорит: "Бог кормит бедных Своих; отдай, что есть у тебя, нуждающимся"»*. Однако диакон отдает только две монеты из трех. Вскоре вылеченный Германом высокородный муж Лепорий в благодарности дарит ему двести солидов. Святитель так обращается к диакону в тексте: *«Прими, что дают, и уразумей, что ты обманул бедняков, ибо если бы ты все отдал нуждающимся, наш Воздаятель сегодня вернул бы триста»* [11, 33]. В эпизоде явно прослеживается параллель с житием Гонората Арелатского в мотиве появления по божественному провидению человека, который предоставит необходимое тем, кто растратил все на благотворительность.

Эта идея, по видимости, сохранилась в агиографической литературе VI в. Так, например, в «Житии святого епископа Цезария» находим эпизод, в котором в Арелат было свезено множество пленных, которых должен был кормить епископ. И вот когда уже хлебов не остается даже для пропитания самого Цезария, святой предсказывает, что Господь обеспечит его и паству пропитанием, поскольку Он не оставляет голодными тех, кто все раздает бедным [12, II. 8]. На следующий день король Гундобад присылает епископу Арелата три корабля пшеницы.

Схожий сюжет есть в «Диалогах» Григория Великого. В монастыре Бенедикта Нурсийского были съедены почти все хлебы. Святой Бенедикт, увидев печаль братии, воодушевляет их, говоря, что *«хотя сегодня мало,*

зато завтра будете иметь в изобилии». И действительно, Господь являет чудо: «В следующий же день у дверей келии его найдено было двести мер муки в мешках: доселе остается неизвестным, чрез каких жертвователей послал их всемогущий Бог» [13, II. 21].

Тенденция описания каритативной деятельности святого одновременно и как часть его аскетической жизни, и в рамках его социально-административной деятельности, развивается в «Житии святого Илария» Гонората Массилийского, которое было составлено между 475 и 480 годами. В тексте жития Иларий перед уходом в монастырь продает свое имущество брату, а полученные деньги предназначает для помощи бедным и обеспечения монахов [14, 6]. После же занятия им епископского престола святой заботился о сиротах, выкупал пленных и разжигал *«усердие дарителей и не тягощал их, но поощрял, чтобы они вновь приносили еще обильнее»* [14, 11]. Интересно также описание Илария Арелатского Геннадием Массилийским в его сочинении «О знаменитых мужах», созданном в конце V в. Епископ Арелата изображен как человек, не только жертвующий нищим имуществом и деньгами, но также активно помогающий бедным выполнять сельскохозяйственные работы, несмотря на свое хрупкое телосложение [15, 70].

Итак, проявление епископами заботы о бедных становится своеобразным топосом в галльской агиографии IV–V вв., в основе которого лежало христианское учение о милосердии. Бедный не просто получал помощь, а как бы принадлежал церковной семье, его лицо — это лик Самого Христа [16, с. 16]. Поэтому социально-каритативные практики становились долгом и обязанностью доброго и деятельного пастыря. Епископы служили образцом милосердия и своим примером вдохновляли на благотворительность всю христианскую общину. Поскольку святой рассматривался в качестве образца для всех христиан, агиограф стремился отобразить решение им задач пастырского попечения. Социально-каритативная деятельность святого-епископа становится одним из наиболее важных элементов образа святого-пастыря. После прекращения гонений на Церковь в западной модели святости мученическая гибель заменяется подвигами самоотречения, которые ориентированы на христианские идеалы смирения и заботы о нуждающихся.

Кроме того, агиографы стремились продемонстрировать равнодушие епископов к дарам от властей предрежжащих. Они воспринимали эти подарки не как свое личное имущество, а имущество Церкви и, следовательно, всей церковной общины, поэтому поступали с ним соответственно: жертвовали бедным или употребляли на выкуп пленных.

Вероятно, агиография и образ святого, созданный в ней, могли оказывать определенное воздействие на паству. Можно предположить, что описание каритативной деятельности святого и помощи в деле милосердия, на которые он сподвигал свою общину и светские власти, должны были привлечь новых благотворителей.

Одной из отличительных особенностей западной модели святости IV–V вв. является переход в описании каритативной деятельности от рассмотрения ее как части аскетических привычек и характера святого к изображению этого сюжета как части обязанностей епископа. Постепенно благотворительная деятельность аскета как элемент его самоотречения во имя другого превращалась в функцию епископа помощи своей пастве. Четкую грань между двумя этими аспектами святости сложно провести. По всей видимости, сами агиографы не отделяли одно от другого: святой, имея авторитет аскета и епископа, как добрый пастырь, должен был оказывать помощь слабым и больным, уделять внимание их физическому состоянию и удобству. С другой стороны, особые качества аскета позволяли святому демонстрировать необходимую для патронажа силу и нести бремя заступничества. По всей видимости, зарождается такая модель в «Житии Гонората Арелатского» и «Житии Германа Осерского», но наибольшее развитие получает в «Житии Илария Арелатского» и «Житии святого епископа Цезария».

Список источников и литературы

1. *Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. 346 p.
2. *Brown P.* Poverty and Leadership in the Later Roman Empire. Hanover, N.H./ London: University Press of New England, 2002. 160 p.
3. *Martinez P.C.D.* Redimuntur captivi. A propósito de Regula Communis IX // *Gerión*. 1992. No. 10. P. 287–293.
4. *Сулпиций Север.* Житие святого Мартина, епископа и исповедника // *Сулпиций Север.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 322 с.
5. *Bousquet-Labouérie C.* Image et rôle du pauvre dans la charité de saint Martin // *XVIème centenaire de la mort de saint Martin. Mémoires de la Société Archéologique de Touraine* 63, 1997. P. 121–129.
6. *Марей Е. С.* Конструирование образа святого отшельника в «Житии Эмилиана» Браулиона Сарагосского // *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / Ред. С. И. Яцык. СПб, 2018. С. 226–236.
7. *Паулин Медиоланский.* Житие св. Амвросия Медиоланского / Пер. О. П. Цыбенко. СПб: Алетей, 2013. 51 с.

8. Слово святого Илария о жизни святого Гонората, епископа Арелатского / Пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V–VI вв.: сб. исслед. и пер. / Ред. А. Р. Фокин. М., 2004. с. 59–91.
9. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. I. Вотчинные права. М., 2003. 800 с.
10. *Kreiner J.* About the Bishop: The Episcopal Entourage and the Economy of Government in Post-Roman Gaul // *Speculum*. 2011. Vol. 86. P. 321–360.
11. *Констанций Лионский.* Житие святого Германа / Пер. А. А. Бабиной и В. М. Тюленева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 95 с.
12. Житие св. епископа Цезария // Раннехристианские жития галльских святых / Пер. с лат. А. В. Банникова и др. СПб, 2016. с. 91–178.
13. *Святитель Григорий Великий Двоеслов.* Избранные творения / Под общ. ред. проф. А. И. Сидорова. М., 1999. 734 с.
14. *Гонорат Массилийский.* Житие святого Илария епископа Арелатского / Пер. Д. Зайцева // Арелатские проповедники V–VI вв.: сб. исслед. и пер. / Ред. А. Р. Фокин. М., 2004. с. 92–127.
15. *Gennadius.* De viris illustribus / Ed. by E. C. Richardson // *Texte und Untersuchungen* 14/1. Leipzig, 1896. 96 p.
16. *Лобье П. де.* Социальная доктрина католической церкви (Опыт воплощения христианского идеала). Брюссель, 1989. 254 с.

УДК 94(398)

Хлопов С. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: simac65@bk.ru, st075696@student.spbu.ru

Святой Савва Сербский о себе в житии своего отца

Аннотация. В данной статье рассматривается самое раннее житие преподобного Симеона Мироточивого авторства святителя Саввы Сербского. Собираются сведения об авторе, которые он сообщает о себе в религиозном тексте. Житие уникально тем, что Савва на страницах этого памятника являет себя не только агиографом, но одновременно и очевидцем событий, и сыном человека, святость которого стремится засвидетельствовать своему читателю.

Ключевые слова: Савва Сербский, Стефан Неманя, Симеон Мироточивый, агиография, автобиография.

Khlopov S. M.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: simac65@bk.ru, st075696@student.spbu.ru

Saint Savva of Serbia about Himself in the Agiography of His Father

Abstract. This article examines the earliest life of St. Simeon the Myrrh-streaming authorship of St. Savva of Serbia. Information about the author is collected, which he reports about himself on the pages in religious text. The life is unique in that Savva on the pages of this monument reveals himself not only as a hagiographer, but at the same time as an eyewitness of events, and the son of a man whose holiness he seeks to testify to his reader.

Keywords: Savva of Serbia, Stefan Nemanja, Simeon Myrrh-streaming, hagiography, autobiography.

Святой Савва — ключевая фигура как для истории сербской литературы в частности, так и для истории средневековой Сербии в целом. Он является создателем первых сербских произведений, к которым относятся житие и служба Симеона Мироточивого, различные поучения и письма, Номоканон. Позднейшие сербские литературные памятники эпохи Неманичей опираются во многом на ту традицию, которую заложил святой Савва.

К вопросу об истории текста жития. Житие составлено вскоре после смерти преподобного Симеона в качестве введения к Студеницкому типику — уставу родового для Неманичей монастыря Студеница [1, с. 35]. По характеру содержания это житие можно назвать монашеским.

Полная версия этого кодекса была помещена в Студеницкий типик — устав Студеницкого монастыря. Сам типик был написан святым Саввой в 1208 году для монастыря Студеница, основанного Неманей в 1190 году. А. А. Турилов относительно времени появления жития сообщает следующее: «Очень краткое Житие св. Симеона как преподобного и ктитора монастыря с момента его прибытия на Афон написано свт. Саввой в качестве 3-й гл. типика Хиландарского монастыря сразу после смерти отца (1199 или 1200). В 1208 г., во время настоятельства в монастыре Студеница, свт. Савва написал более пространное Житие отца также для устава обители» [2, с. 306]. До наших дней сохранились два списка типика (1619 и 1760 гг.), где рассматриваемое житие присутствует под названием «Слово I» [1, с. 36]. Эти списки происходят из Студеницкого монастыря и существенных различий не имеют. Полностью текст жития сохранился лишь в рукописном варианте Студеницкого хронографа [3, с. 49], датируемого 1619 г. Рукопись хранится в Пражском Народном музее (Praha. Národní Museum. IX N 8 (Š 8)) [3, с. 49]. Текст жития соответствует стилю эпохи [4, с. 14].

В настоящей работе использован текст жития из Студеницкого типика 1619 года [5], о котором говорилось выше. В 2016 году был опубликован перевод С. В. Алексеева [6], где сравниваются разные рукописи этого кодекса. Другая, наиболее распространенная версия этого жития, опубликована Др. Павловичем в 1970 году [7].

Источники жития. При написании жития Савва использовал дарственную грамоту Стефана Хиландарскому монастырю — документ, которым объявлялось основание этой афонской обители, и составленный Саввой Хиландарский типик [1, с. 36]. Дарственная Хиландарская грамота стала источником фактов для жития. Необходимо отметить, что Савва как минимум присутствовал при написании Неманей дарственной грамоты. Не стоит исключать того, что автором грамоты был сам Савва, в то время как Неманя лишь изложил ему основные мысли будущего документа в силу своего преклонного возраста. Обращение Саввы к Хиландарской грамоте Стефана прослеживается в первой части жития, где говорится про его светское правление [8, с. 6–8].

Однако главным источником при работе Саввы над жизнеописанием отца стали его воспоминания о Немане. Именно поэтому рассматриваемое житие является в первую очередь мемуаристским произведением.

В житии заметно подражание Саввы другим агиографическим сочинениям. Святитель проводит параллель между Хиландаром и лаврой преподобного Саввы Освященного, описывая погребение отца (об этом будет сказано ниже). Следовательно, можно предположить, что Савва Сербский обращался к сочинению Кирилла Скифопольского — житию Саввы Освященного [9, с. 57], которое он мог прочесть на Афоне.

Житие можно разделить на две смысловые части. В первой агиограф кратко рассказывает о жизни Стефана до пострига и подводит итоги его правления. Эта часть жития оканчивается рассказом о принятии Неманей монашества под именем Симеон. Данное деление имеет важное дидактическое значение. Постриг, согласно православному учению, является началом новой жизни [10, с. 357].

Святой Савва впервые говорит о себе в контексте перехода преподобного Симеона из Студеницы в монастырь Ватопед на Афоне. Данное событие относится к 1198 году, себя Савва по имени не называет: «Сы бл(а) жены г(оспо)д(и)ъ нашъ сѣмѣнь. имѣше г7 с(ы)ны. Единъ же мѣнѣши. Не могу его нарещи с(ы)на. нѣ робѣ. Егоже любляше паче сихъ. сы. сы же и неwt(ь)стипно ему работаше» [5, с. 170]. Далее Савва пересказывает евангельскую притчу о блудном сыне [11, с. 1381–1382], соотнося себя с ее главным героем — младшим сыном, покинувшим дом богатого отца. Это отсылает к биографии самого Саввы, когда тот ушел из богатого родительского дома странствовать.

Далее святой Савва упоминает себя при рассказе о переселении Немани из Ватопеда и основании им нового монастыря — Хиландара: «и испроси и ц(а)ра курь аলেখе, свата своего, мѣсто пусто, на и(с)троеніе монастырю въ с(ве)тѣи горе. и поеть мене грѣшнаго изъ ватопеда, въ мѣсто то, в всѣливъ се, и прѣйс(ть) же съ мною пр(э)р(о)д(о)б(ь)ны wt(ь) цѣ нашъ въ горѣ с(ве)тѣи, годище и е7 м(э)с(е)ць» [5, с. 172]. Из данного отрывка становится понятным, что Савва участвовал в основании некоего монастыря на Афоне. Из других источников, например, от Стефана Первовенчанного, мы знаем, что это был Хиландар. Помимо фактического основания Хиландара в 1198 году, тогда же произошло юридическое учреждение обители. Император Алексей III Ангел издает хрисовулу (золотую грамоту), подтверждавшую основание монастыря, передает его землю сербам и освобождает монастырь от подчинения всякой власти, включая местную монашескую власть [12, р. 15]. Далее Савва говорит о последующем устройстве нового монастыря. Протоиерей Душан Кашич указывает, что помимо дарования монастыря Зиг, император предоставил право выкупа скита Скорпия у Ватопеда за 600 перпер [13, с. 23].

Следующее упоминание Саввы относится к моменту смерти преподобного Симеона. Сын приводит обращенные к нему слова утешения и наставления отца. Необходимо отметить, что в данном отрывке и в последующем повествовании о кончине святого Симеона Савва указывает точные хронологические рамки: 7–12 февраля 1200 года. В речи святого Симеона приведены слова из книги Притчей Соломона: «зачело прэмидрости боязнь г(оспод)ня» [5, с. 178; 11, с. 778]. Вся речь преподобного Симеона преисполнена обращением к этой библейской книге. Примечательно, что на протяжении всей второй части жития святой Савва говорит о себе от первого лица. Данный факт характеризует житие авторства Саввы как достаточно своеобразный по своему жанру памятник агиографии.

Святой Савва пишет о погребении преподобного Симеона. В частности, указывает, что он исполнял волю отца: «аз8 же въса испльнивъ, сътвори(х) повелэна ми имь» [5, с. 182]. К ней относятся поминальные службы по Немане, приглашение на погребение многих афонских монахов. Савва сообщает следующее: «и мнози езыци тогда придвше поклонити се еми, и съ великою почьстю wt(ь)дати пэние, пэвше пръво гръци, потомъ иверие, таже руси. по русэх(ь) блъгаре, потомъ паки мы егове стадо съвкъипленое» [5, с. 184, 186]. Этот сюжет перекликается с житием преподобного Саввы Освященного, в обители которого также собралось много народов [9, с. 57]. Мы можем предположить, что подобный порядок совершения служб соответствует иерархии афонских монастырей. Вначале идут греческие монастыри: Великая Лавра, Ватопед, возможно, другие монастыри. Затем Иверский монастырь (грузины), потом русский монастырь святого Пантелеимона, болгары из монастыря Зограф. В конце сами сербы, поскольку Хиландар занимал последнее место в иерархии афонских обителей в силу своего недавнего основания. Все прибывшие на похороны преподобного Симеона афонские монахи оставались в Хиландаре на протяжении девяти дней, о чем свидетельствует святой Савва в житии [5, с. 186].

После рассказа о погребении Немани Савва говорит о своем вступлении в должность игумена монастыря Хиландар в соответствии с волей преподобного Симеона: «Семи же бл(а)женноми w(ть)ци нашему, къ вэчному покою прэшъдши, заветомъ оставивъ монастирь мнэ грэшномуи» [5, с. 186]. Таким образом, святой Савва стал первым настоятелем монастыря. Преподобный Симеон руководил Хиландаром на правах строителя и ктитора монастыря, не будучи при том игуменом.

Интересным с точки зрения историка является фрагмент жития, когда Савва говорит о внутреннем положении монастыря: «велики тигу и боязнь пріехъ, едино wt(ь) пустошьства. а друго wt(ь) боязни бзбожныхъ разбои-

никъ, нъ яко любви изводи се, б(о)гом(а)тери и наставници нашей, и г(оспо)д(и)на сімеона м(о)ли(и)твами, тъ храмъ wt(ь) неявленаго и малаго, въ вельэлпно вьн(е)се се явленіе» [5, с. 186]. Здесь речь идет о строительстве монастырской церкви. Мирко Ковачевич указывает, что соборная церковь монастыря Хиландар во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы была построена между 1198 и 1200 гг. святыми Симеоном и Саввой при поддержке Стефана, впоследствии прозванного Первовенчанным [14, с. 120].

Заключительная часть жития посвящена рассказу о перенесении мощей преподобного Симеона из Хиландара в Сербию. Агиограф указывает, что это произошло через восемь лет после смерти Немани: «и мимош(ь) дышу ми ту и 7 лѣт(ь), вѣсташе мнози метежи въ странѣ той, приш(ь)дыше бо латиніе и прѣеше ц(а)р(и)градъ, бывши грѣчьски землю даже и до нас(ь), и вълѣзоше и ти чь с(ве)тое мѣсто, велію же метежи бывши» [5, с. 186]. Если предположить, что Савва отсчитывал восемь лет с момента завершения строительства хиландарского храма, то событие перенесения мощей относится к 1208 году.

В результате Четвертого крестового похода (1204 г.) на Балканском полуострове начались нестроения, на которые указывает святой Савва. Славянские государства разделились на два лагеря. К одному относились ориентированные в культурном плане на Византию страны: Сербия и Болгария. Однако политические позиции этих стран отличались. Болгарский царь Калоян заключил унию с Римской церковью ради признания нового болгарского государства царством [15, с. 583]. Преемник Калояна, Борил, в 1213 году заключил политическую унию с Латинской империей [16, с. 6]. С Эпирским царством отношения у Сербии были непростые. Сначала между сербами и греками были войны, затем — период примирения, и очередной виток противостояния с Эпиром. Силой, которая противостояла и болгарам, и сербам, была Венгрия. К противоположному лагерю относились Венеция и Латинская Романская империя [17].

Савва видит связь между войной своих старших братьев Стефана и Вукана-Волкана и системой наследования престола, навязанной Византией. Если византийская принцесса выходила замуж за сына правителя другой страны, то ее муж должен был наследовать власть независимо старшинства. Сербия в тот период не стала исключением [18, с. 299]. Вторым сыном Немани Стефан стал жупаном в обход старшего, Вукана. Развод Стефана со своей византийской женой Евдокией Ангел стал формальной причиной притязаний Вукана на власть в Рашке и титул жупана [19, с. 146].

Святой Савва, говоря о причине, которая побудила его перенести мощи Симеона в Сербию, приводит совместное послание к нему Стефа-

на и Вукана: «Се въ странѣ той възметѡше се языци, а бл(а)женыи ѡт(ь)цѣ нашѣ г(оспо)д(и)нь сѣмѣнь, бывшии вл(а)д(ы)ка намѣ и учитель тамо лежить, о сем же м(о)лимъ твою м(о)л(и)тву. г(оспо)да ради, да не прѣзрѣши нас(ь). възми ч(ь)ст(ь)ныи мощи г(оспо)д(и)на, и принеси ны е сѣмо, яко да исплѣнено бл(а)г(о)с(ло)вѣние его явит се на нас(ь)» [5, с. 186, 188]. Савва замечает нетленность мощей: «ѡбрѣтох(ь) ч(ь)ст(ь)ное тѣло его цѣло и неврѣдимо, сищи еми бывшу ти въ гробѣ и 7 лѣт(ь). такъ обо подобно ес(ть) игодившимъ б(о)гови» [5, с. 188]. Савва сам отправился в Сербию. Встреча братьев состоялась в Хвосно. Д. Янич указывает, что это место не было случайным. Там состоялись переговоры и примирение Стефана и Вукана [20, с. 187–188]. Восстановление монастыря в Хвосно связывается с именем святого Саввы. В 1220 году здесь была основана одна из первых семи епископских кафедр автокефальной Сербской церкви. Значение этого монастыря для Сербии было большим. На это указывает его другое название — «Малая Студеница» или «Хвосчанская Студеница». Во многом такие наименования восходят к событиям перенесения мощей [21, с. 175].

Савва встречу в Хвосно описывает следующим образом: «и прииш(ь)дѣ съ ч(ь)стными мощьми въ хвосно, и ив(э)дѣвъ же вл(а)д(ы)чьстѣи с(ы)нь его стефанъ немая, и братъ му кнезь влъканъ, съвѣкшпивша с(вети)т(е)ля, и иереи. и игимене съ многими чрънци, и съ боляры съ възьми ... прииш(ь)дѣше съ великою ч(ь)стїю възеше мощи г(оспо)д(и)на сѣмѣона. пѣсньми д(у)ховными бл(а)гореше б(о)га. якожъ бо прѣкрасныи иисифъ, възьмѣ тѣло изъ егѡпта о(ть)ца своего іакова, и принесе е на землю ѡбѣтованїю, тако ... носеща прѣч(ь)ст(ь)ное тѣло о(ть)ца своего и положиста и съ велико почѣстїю въ с(ве)тѣи сеи цр(ь)к(ь)ви, въ ѡбѣтованѣ еми гробѣ, егоже бѣше бл(а)женїи себѣ самъ испърва сѣтворилъ. Сїе же быс(ть) м(э)с(е)ца фер(ь)вра въ 7ї, д(ь)нь» [5, с. 188].

Савва сравнивает перенесение мощей Симеона с перенесением Иосифом останков Иакова из Египта в Ханаан [12, с. 65]. Библейское повествование совпадает с текстом жития в том, что мощи Симеона, как и останки Иакова, сопровождало много людей. Кроме того, Симеона похоронили в приготовленном им для себя гробе, как и Иакова в земле, купленной Авраамом для погребения своих потомков. После перенесения мощей Савва вернулся на Афон, как Иосиф в Египет.

Исходя из того, о чем Савва свидетельствует, мы можем сделать предположение, что Савва лишь привез мощи Симеона, в то время как главными действующими лицами в торжественной встрече мощей были его старшие братья Вукан и Стефан. Рассказывая о перенесении мощей отца, Савва последний раз упоминает себя в житии.

Житие преподобного Симеона авторства святителя Саввы стало первым оригинальным сербским агиографическим произведением. Во многом этот памятник является воспоминанием сына об отце. Данное житие является прецедентом автобиографического свидетельства в сербской литературе. Например, первой автобиографией в русской традиции стало «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим» (XVII в.).

Поскольку данная работа посвящена фактам о жизни Саввы, необходимо резюмировать то, что он сообщает о себе: он является младшим из троих сыновей Стефана Немани. Савва жил на Афоне, когда к нему пришел отец, постригшийся в монахи под именем Симеона. Местом для жизни они избрали Ватопедскую обитель. Через год и семь месяцев они решили покинуть этот монастырь и уйти в заброшенное место, основав Хиландар. Они получили его во владение по дарственной грамоте византийского императора. В Хиландаре скончался преподобный Симеон. Савва получил от него последние наставления. Сын руководил погребением отца, на котором присутствовали многочисленные монахи из разных афонских монастырей. Савва указывает, что при нем был закончен большой соборный храм. Он обрел нетленные мощи Симеона через восемь лет после его смерти и перенес их в Сербию. В церемонии встречи мощей Симеона Савва не играл главной роли. Основными действующими лицами стали его старшие братья Стефан и Вукан, которые примирились незадолго до прихода Саввы с мощами.

В первую очередь данное произведение не столько житие святого, сколько биография основателя и ктитора монастырей Хиландар и Студеница, для которых оно написано. Подтверждением этого можно считать тот короткий срок, который прошел между смертью преподобного Симеона и написанием основы жития. Продолжением жития стала служба, также авторства Саввы. Эти тексты заложили основу почитания не только преподобного Симеона, но и многих других Неманичей, и привели к появлению такого феномена сербской культуры, как «Святая лоза Стефана Немани» (Симеонова лоза).

Список источников и литературы

1. Алексеев С. В. Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.: Переводы и исследования. Т. 1. Житие святых Симеона и Саввы. Жития королей и архиепископов сербских. СПб: Петербургское востоковедение, 2016. 720 с.
2. Турилов А. А. и др. Житийная литература // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 19. С. 283–245.

3. Пузович П., прот.; Немькина Е. А. Савва I (Сербский) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. Т. 61. С. 47–57.
4. Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983. 177 с.
5. Студенички типик: Цароставник манастира Студенице / Књигу приредио, превео и поговор написао Т. Јованивић. 1 изд. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства: Народна библиотека Србије, 1994. 312 с.
6. Святой Савва. Житие святого Симеона / Пер. С. В. Алексеева // Памятники средневековой сербской историографии XII–XVII вв.: Перевод и исследование. Т. 1: Жития святых Симеона и Саввы. Жития королей и архиепископов сербских. СПб: Петербургское востоковедение, 2016. С. 57–67.
7. Живот Стефана Немање од Св. Саве (превео Миливоје Башић). Изд. Павловић Драгољуб. Стара српска књижевност. 1. Нови Сад, Београд: Матица српска, Будућност, 1970. С. 45–66.
8. Грамота Стефана Немани 1198–1199 гг. // Сербский язык. Хрестоматия / Сост. проф. С. М. Кульбакин. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1915. С. 6–8.
9. Шелудченко Ю. В. Савва Освященный (439–532 гг.) и монастыри иудейской пустыни в изображении Кирилла Скифопольского // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 54–66.
10. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М.: Изд-во Московской патриархии, 1983. 792 с.
11. Библия. М.: Российское Библейское общество, 1993. 1658 с.
12. Živković T., Bojanin S., Petrović V. Selected Charters of Serbian Rulers (XII–XV Century) Relating to the Territory of Kosovo and Metohia. Athens: Centre for Studies of Byzantine Civilization, 2000. 151 p.
13. Кашић Д., прот. Др. Манастир Хиландар и његов значај у српској историји // Света Гора и Манастир Хиландар (Поводом хиљадугошњице њеног оснивања). Београд, 1961. С. 22–31.
14. Ковачевић М. Света српска царска лавра Хиландар на Светој гори Атонској. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2016. 638 с.
15. Польшвинный Д. И. Калоян // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. Т. 29. С. 582–584.
16. Ivanov I. Bulgarian Historiography on the Military Campaigns Against Serbia in 1214–1215: a reconsideration. Veliko Tarnovo: St. Cyril and St. Methodius University, 2018. 9 p.
17. Дил Ш. Историја Византијског царства [Електронни ресурс]. URL: <https://www.rastko.rs/istorija/delo/11035> (дата обраћања: 18.04.2022).
18. Ферјанчић Б. Одбрана Немањиног наслеђа — Србија постаје краљевина // Историја српског народа: у 6 књ. Књ. 1 / Уред. одб. С. Гавриловић [и др.]. Београд: Срп. књиж. задруга, 1981. С. 297–314.
19. Пириватрић С. Брак Стефана Немањића и Евдокије Анђелине Комнине: Хронологија и историјски контекст уговарања и раскидања једног дина-

- стичког савеза. Стефан Првовенчани и његово доба. Београд: Историјски институт, 2020. С. 139–158.
20. Јањић Е., Др. Подаци за историју Хвостанске епархије (The Data for the History of Hvostan's Eparchy) // Баштина. 2009. № 26. С. 183–194.
21. Popović S. The Serbian Episcopal sees in the thirteenth century // Старинар. Нова серија књига LI. Београд: Археолошки институт Београд, 2001. С. 171–184.

УДК 94

Ененко С. М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st102487@student.spbu.ru

Науки при дворе Фридриха II Гогенштауфена

Аннотация. В статье рассматривается научная деятельность Фридриха II Гогенштауфена, чье правление стало одним из наиболее ярких периодов в истории Южной Италии и Сицилии, а также придворных ученых его круга. Автор приходит к заключению, что ученое сообщество, занятое адаптацией философии Аристотеля, медициной и точными науками при сицилийском дворе Фридриха II, в определенном смысле формировало «идеологическую» программу Фридриха II, противостоявшего папству и боровшегося за подчинение городов Северной и Средней Италии.

Ключевые слова: Фридрих II Гогенштауфен, хроника Салимбене, Михаил Скот, средневековые науки, Сицилийское королевство.

Enenko S. M.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st102487@student.spbu.ru

Sciences at the Court of Frederick II of Hohenstaufen

Abstract. The article examines the scientific activity of Frederick II of Hohenstaufen and scientists' of his court. Frederick's reign was one of the notable periods in the history of Southern Italy and Sicily. The author comes to the conclusion that the scientific community, engaged in the adaptation of Aristotle's philosophy, medicine and exact sciences at the Sicilian court of Frederick II, formed the "ideological" program of Frederick II in a certain sense, who opposed the papacy and fought for the subjugation of the cities of Northern and Central Italy.

Keywords: Frederick II of Hohenstaufen, chronicle of Salimbene, Michael Scot, medieval sciences, Kingdom of Sicily.

Яркая личность и деятельность короля Сицилийского королевства и императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена вызывали столь же бурную реакцию современников. Так, например, в знаменитой «Chronica majora» Матфея Парижского есть запись о смерти императора, датируемая декабрем 1250 года, в которой автор называет

почившего «чудом света и замечательным реформатором» [1, р. 190]. В то же время в итальянской хронике Салимбене де Адама имеется следующий отзыв о личности императора: «Сам же Фридрих был человеком, несущим гибель, проклятым, раскольником, еретиком и эпикурейцем, разорителем всей земли» [2, с. 39]. Эти слова Салимбене почти полностью совпадают с обвинениями по отношению к Фридриху, предъявленными папой Иннокентием IV и враждебно настроенными епископами на Лионском соборе в 1245 г. [3, р. 598].

Действительно, Фридрих II имел весьма неоднозначную репутацию: с одной стороны, современники видели в нем покровителя наук и искусств, окруженного большим количеством ученых и поэтов «сицилийской школы», с другой — он изображался скептиком и еретиком, который противился Церкви и всячески ее притеснял в Сицилийском королевстве [4, р. 369]. Отношения императора с римскими папами и Церковью нельзя назвать простыми. Как известно, Фридриха II отлучали от Церкви трижды: в 1227 г. и 1239 г. (Григорий IX), в 1245 г. (Иннокентий IV), понтифики разворачивали против Фридриха своеобразную «информационную войну» в попытках очернить его образ в глазах христианской Европы, о чем и свидетельствует пассаж из хроники Салимбени.

Определенную роль в формировании отрицательного образа сыграла не только неприязнь папской курии к политике Фридриха II, но и увлечение императора науками и искусствами. Сохранилось достаточно большое количество свидетельств того, что Фридрих интересовался самыми разнообразными сферами научного знания. Примечательно, что это была не просто осведомленность о каких-либо новинках в мире наук, а систематическое изучение тех или иных вопросов. Среди тем, интересовавших императора, были философия, естествознание, астрономия, арифметика и многое другое.

В «Хронике» Салимбене описаны конкретные примеры научных изысканий Фридриха II. Речь идет о так называемых «семи чудачествах Фридриха». Эти «чудачества» представляют собой ряд экспериментов, проведенных императором в разное время, а также случаи из жизни Фридриха. Описанные Салимбене эксперименты свидетельствуют об определенном интересе Фридриха II к медицине. Один из этих экспериментов был направлен на определение факторов, влияющих на усваивание человеком пищи [2, с. 386], второй — на выявление первого языка младенца в условиях полного запрета разговоров с ним [2, с. 382], третий — на выяснение выносливости человека в морских глубинах [2, с. 383]. Конечно, данные сообщения Салимбене не стоит воспринимать безоговорочно,

так как он мог записывать бытовавшие среди современников слухи и легенды. Автора хроники довольно часто обвиняли в легковерии и записывании разнообразнейших нелепостей [5, с. 278–279]. Очевидно, что некоторые «чуждачества» были внесены в хронику, чтобы «демонизировать» фигуру императора. Однако в рассказах хрониста о «чуждачествах» Фридриха можно найти и некоторую долю правды, что косвенно подтверждают данные других источников. Так, в научном трактате самого Фридриха II «*De arte venandi cum avibus*» («Искусство соколиной охоты») обнаруживаются довольно подробные анатомические описания строения птиц, что может свидетельствовать о возможных вскрытиях, проводившихся в присутствии или даже при участии императора [6, с. 165–166]. Вполне вероятно, что к этому могли быть причастны специалисты из знаменитой Салернской медицинской школы, с которой у Фридриха были довольно теплые отношения. Впрочем, вопрос о том, на какую именно медицинскую традицию ориентировался Фридрих при написании своего труда и проведении исследований, остается открытым. Немецкий историк второй половины XX века Йоханнес Цален в своих работах полагает, что во многом автор «*De arte venandi cum avibus*» следовал традиционным принципам Салернской школы, которая в свою очередь ориентировалась на работы Аристотеля, Галена, Гиппократ и Урсо Калабрийского (один из современных Фридриху II магистров Салернской школы) [7]. Однако с этим не соглашается современный отечественный исследователь О.С. Воскобойников. По его мнению, Фридрих хоть и ссылался на работы греческих авторов (особенно Аристотеля), но чаще обращался к собственным наблюдениям, а не следовал слепо за античными авторами [6, с. 161–162, 171]. Нам представляется, что в данной ситуации не стоит отрицать определенное влияние салернской традиции в исследованиях «*De arte venandi cum avibus*», хотя Аристотель и его медицинские трактаты, судя по количеству упоминаний его имени в тексте, играли не последнюю роль в исследованиях Фридриха II. Именно эти работы стали для императора главным ориентиром в медицинских вопросах, и, без сомнения, оказали влияние на его «научно-исследовательский» подход.

Свидетельства интереса к анатомии и медицине присутствуют не только в трактате самого Фридриха, но и в других источниках. В частности, стоит упомянуть ходившее при дворе сочинение в стихах «*De balneis Puteolanis*» («О банях Поццуоли») [8, р. 257], рассказывавшее про особенности местных термальных источников, обладавших целебными свойствами. В хрониках немецкого монаха-францисканца Иоганна из Винтертура, написанных в XIV веке, сообщается, что Фридрих при-

давал большое значение своей личной гигиене и здоровью и регулярно проводил воскресные омовения, что было чревато большим скандалом для благочестивого христианина [8, р. 257]. Известно также о двух (как минимум) придворных врачах Фридриха, которые оставили после себя сочинения-руководства для сохранения здоровья. Среди них можно выделить медицинское руководство Адама Кремонского «*Regimen iter agentium vel peregrinatum*», написанное специально для Фридриха во время страшной эпидемии в Отранто [9]. Также до нас дошло так называемое «диетическое письмо» Теодора Антиохийского с рекомендациями по ведению здорового образа жизни [10]. В начале письма Теодор, обращаясь к императору, напоминает: «*Ваше Величество приказывали мне написать Вам некоторые правила сохранения здоровья...*» [10]. Фридрих II не просто интересовался этой темой, он мог догадываться о том, что причиной смерти его отца Генриха VI могли быть вредные привычки и нездоровый образ жизни [11, с. 429].

Помимо медицины важную роль при дворе Фридриха II играло увлечение философией. Сицилийское королевство XII–XIII веков являлось одним из немногих регионов Западной Европы, где начиналось активное знакомство с научными и философскими трудами античных и арабских мыслителей. Фридрих II изучал труды Аристотеля с комментариями арабских мыслителей, в частности, Аверроэса и Авиценны [8, р. 245]. Ученое окружение императора во многих сферах своей деятельности испытывало влияние арабских мыслителей.

Относительно степени их влияния у научного сообщества нет четкого ответа и в настоящее время. Одни ученые (как, например, немецко-американский историк первой половины XX в. Э. Канторович) считают, что при Сицилийском королевском дворе были арабские ученые, прибывшие к Фридриху II по приказу своих правителей [3, р. 342], другие исследователи (в частности, английский историк конца XX в. Д. Абулафия) полагают, что присутствие арабов при дворе Фридриха II ограничивалось военными и стражей [4, р. 252]. Впрочем, и те, и другие не отрицают того, что контакт у Фридриха с восточными мыслителями был: в трактате философа-суфиста из Сеута Ибн Саб'ина «Сицилийские вопросы» рассказывается о том, что автор переписывался с *«императором, царем римлян и византийцев, правителем Сицилии»* с Запада, который задавал философские вопросы, связанные с работами Аристотеля «Физика», «О небе», «Метафизика» и «Логика» [13]. Ибн Саб'ин довольно грубо указывает собеседнику на его посредственные знания в области обсуждаемых тем, на логические противоречия в его вопросах. Ответы

Ибн Саб'ина представляют собой изложение мнений некоторых авторитетных античных и арабских мыслителей (в том числе Аристотеля) с небольшими собственными комментариями [6, с. 80–84].

Помощь в освоении вопросов аристотелевской философии императору оказывал придворный астролог и переводчик Михаил Скот. Ко времени начала службы при Сицилийском дворе за плечами шотландского ученого был немалый опыт деятельности в Толедо [8, р. 273–274]. Ему приписывается перевод трактатов «De caelo», «De anima», «Liber animalium» за авторством Аристотеля и дополнительных комментариев к ним [3, р. 340]. Благодаря Михаилу Скоту [6, с. 55] при сицилийском дворе набирало популярность одно из направлений аристотелизма — аввероизм. Учение Аверроэса давало возможность пересмотра давно устоявшихся догматов, за что часто подвергалось критике со стороны Церкви. Со временем аввероизм стал частью неофициальной идеологической программы Фридриха II, направленной против папства [6, с. 92].

Михаил Скот известен также своим трактатом «Liber introductorius» («Введение»). В предисловии автор напрямую говорит, что поводом для создания этой работы стал интерес императора к вопросам натурфилософии, астрологии и географии. Трактат по своему стилю довольно простой и даже немного примитивный, но целью автора было объяснить читателям понятным языком основы интересующих Фридриха II наук, то есть трактат являлся учебным пособием [12, р. 28]. Михаил Скот при написании «Введения» вдохновлялся как трудами своих современников-христиан, например, трактатом «Secreta Secretorum» Филиппа Трипольского [12, р. 25], так и античными произведениями с комментариями арабских мыслителей, например, «Альмагест» с комментариями аль-Битруджи [8, р. 288].

Как полагает Д. Абулафия, ввиду постоянного перемещения Фридриха по территории империи, его придворное окружение было неоднородным. Образованные люди ненадолго становились гостями его двора, когда их приглашали в Сицилию для исполнения какого-либо поручения Фридриха. Примером такого случайного гостя являлся известный европейский математик XII–XIII вв. Леонардо Пизанский (Фибоначчи). Ко двору его представил близкий к императору философ и математик Иоанн Палермский [6, с. 129–130]. Фибоначчи происходил из купеческой семьи, и уже в раннем возрасте проводил много времени на работе с отцом, где впервые познакомился с основами арифметики и иностранными системами исчисления. В дальнейшем Леонардо изучал математику в Египте, Сирии, Греции и Сицилии [14, р. 1]. В своем трактате «Liber

abaci» («Книга о счете») он одним из первых в Европе предлагает к использованию «девять индийских фигур» — привычную нам арабскую систему счисления [14, р. 2]. С ее помощью Фибоначчи решает различные торговые задачи, проводит арифметические операции и др. [15, с. 34]. Некоторые из арифметических задач, над которыми работали Фибоначчи и Иоанн Палермский, описываются во второй редакции «Liber abaci» в отдельно выделенных главах, таких как «Книга о квадратах» и «Книга о квадратных числах» [6, с. 132]. Также, судя по всему, Фибоначчи за время пребывания в придворном окружении императора близко сдружился с Михаилом Скотом. В предисловии ко второй версии своей «Книги о счетах» он посвящает обновленный вариант трактата своему учителю Скоту, делая текст более простым и понятным для читателей [14, р. 1].

Таким образом, научное сообщество при дворе Фридриха II, интересовавшееся анатомией и медициной, философией и математикой, отвечая запросам Фридриха II, стремилось донести до своего правителя основы античной философии и учений арабских мыслителей, а также достижения в области медицины и точных наук. Ученые были вынуждены следовать общей политической идеологии, которую выстраивал вокруг себя император. В условиях постоянных конфликтов с Папской курией Фридрих искал и находил в их трудах не только «пищу для ума», но и глубокие философские обоснования своей политики, стремясь развивать именно те направления философии и других дисциплин, против которых выступала Церковь.

Список источников и литературы

1. *Matthæi Parisiensis, monachi Sancti Albani. Chronica majora* / Ed. by H. R. Luard, D.D. Vol. V. London: Longman & Co., 1880 // Internet Archive. 1996–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/matthiparisien05pari/page/n12/mode/2up> (12.09.2022).
2. *Салимбене А. де. Хроника* / Пер. И. С. Культишевой, С. С. Прокоповича, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. М.: РОССПЭН, 2004. 711 с.
3. *Kantorowicz E. Frederick the Second, 1194–1250*. New York: Frederick Ungar, 1957. 723 p.
4. *Abulafia D. Frederick II. A Medieval Emperor*. New York: Oxford University Press, 1988. 466 p.
5. *Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
6. *Воскобойников О. С. Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II*. М.: РОССПЭН, 2008. 559 с.

7. *Zahlten J.* Zur Abhängigkeit der naturwissenschaftlichen Vorstellungen Kaiser Friedrichs II. von der Medizinschule zu Salerno // *Sudhoffs Archiv*. Bd. 54. H. 2. 1970. s. 173–210.
8. *Haskins C. H.* Studies in the history of mediaeval science. Cambridge, Harvard University Press, 1924. 411 p.
9. *Esposito L.* Il “De regimine et via itineris et fine peregrinantium” di Adamo da Cremona e la praticadellaflebotomia // *Studi in onore di Guglielmo de Giovanni-Centelles*, a cura di Errico Cuozzo. Intorno a un mare. Part 1. Salerno, 2010. P. 125–166.
10. *Sudhoff K.* Ein diätetischer Brief an Kaiser Friedrich II. von seinem Hofphilosophen Magister Theodorus // *Archiv für Geschichte der Medizin*. Bd. 9. H. 1/2. Dezember, 1915. s. 1–9.
11. *Бульст-Тиле М.Л., Йордан К., Флекенштейн Й.* Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. К.Л. Дробинской, Л.Н. Неборской под ред. И.О. Ермаченко. СПб: Евразия, 2008. 478 с.
12. *Brown J. W.* An Enquiry into the Life and Legend of Michael Scot. Edinburg: David Douglas, 1897. 281 p.
13. *Akasoy A. A.* Ibn Sab'in's Sicilian Questions: The Text, Its Sources, and their Historical Context // *Al-Qantara: Revista de Estudios Árabes* Vol. XXIX, Issue 1 (enero-junio de 2008). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2008. p. 115–146.
14. *Fibonacci L.* Scritti di Leonardo Pisano matematico del secolo decimoterzo / A cura di Baldassarra Boncompagni. Vol. I. 1857 // Internet Archive. 1996–2022 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/bub_gb-w86fLKi88pYC/page/n7/mode/2up (дата обращения: 20.09.2022).
15. *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.Н. Немилова, А.С. Кантор-Гуковской. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 624 с.

УДК 94

Sota X.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, аспирант
E-mail: juansota96@gmail.com; jsota@hse.ru

Влияние францисканской духовности на «Кантиги о святой Марии» Альфонсо X Мудрого

Аннотация. Процесс создания «Кантиг о святой Марии» в королевском скриптории Альфонсо X Мудрого (1252–1284) совпал с периодом широкого распространения на Пиренейском полуострове новых нищенствующих орденов, которые были носителями совершенно нового видения христианской духовности. Цель данного исследования — проанализировать присутствие новых религиозных тенденций, характерных для XIII века, в этом произведении Мудрого Короля. Учитывая сильное влияние францисканского ордена как в кастильской интеллектуальной сфере, так и в ближайшем окружении монарха, мы сосредоточимся на возможном прочтении общего проекта и некоторых кантиг в частности в соответствии с францисканской духовностью.

Ключевые слова: Альфонсо X, францисканский орден, «Кантиги о святой Марии», Дева Мария.

Sota J.

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, PhD candidate
E-mail: juansota96@gmail.com; jsota@hse.ru

Some Aspects of the Franciscan Influence on Alfonso X's “Cantigas de Santa María”

Abstract. The creation of the “Cantigas de Santa María” in the royal scriptorium of Alfonso X the Wise (1252–1284) coincided with a period of great expansion on the Iberian Peninsula of the new mendicant orders, which were bearers of a completely new vision of Christian spirituality. The aim of this study is to analyse the presence of new religious trends characteristic of the thirteenth century in this work of the Wise King. Given the strong influence of the Franciscan order both in the Castilian intellectual sphere and in the monarch’s inner circle, we will focus on a possible reading of the overall project and some of the poems in particular in accordance with Franciscan spirituality.

Keywords: Alfonso X, Franciscan order, “Cantigas de Santa María”, Holy Mary.

Процесс создания «Кантиг о святой Марии» («Cantigas de Santa María», далее — CSM) в королевском скриптории Альфонсо X Мудрого (1252–1284) совпал с периодом широкого распространения на Пиренейском полуострове новых нищенствующих орденов, поддерживаемых монархом, которые были носителями совершенно нового видения христианской духовности. Цель данного исследования — проанализировать присутствие новых религиозных тенденций, характерных для XIII века, в этом произведении Мудрого Короля. Учитывая сильное влияние францисканского ордена как в кастильской интеллектуальной сфере, так и в ближайшем окружении монарха, мы сосредоточимся на возможном прочтении общего проекта и некоторых кантиг в частности в соответствии с францисканской духовностью.

Францисканский орден в Испании появляется в 1217 году. Орден быстро распространился по всей территории полуострова. С самого начала его представители отличались от других христианских общин своей интеллектуальной деятельностью и присутствием в главных культурных центрах пиренейских королевств. Поэтому они быстро нашли себе место при дворах кастильских монархов в качестве исповедников, советников и проповедников [1]. Таким был, например, Педро Гальего — исповедник принца Альфонсо, будущего короля, и епископ Картахены. В правление Альфонсо X в силу значения, которое монарх придавал знаниям, францисканцы заняли особенно важное место при его дворе. Одной из ключевых фигур стал францисканец Хуан Хиль де Самора, которому Альфонсо X поручил образование своего сына Санчо и написание поэтического текста часов в честь Девы Марии (*Officium Almifluae Virginis*). Епископами при Альфонсо X стали и другие члены ордена: Педро Перес в Бадахосе (1252–1262), Мартин в Сеговии (1259–1265), Доминго Суарес в Авиле (1263–1271), Васко в Гуарда (1267–1278), Хуан Мартинес в Кадисе (1267–1278) и Гуарда (1278–1301), Тельо в Браге (1278–1292), Фернандо де Коваррувиас в Бургосе (1280–1299) [2, p. 71].

Почитание Богородицы, пережившее небывалое развитие в это время, было тесно связано с почитанием Христа. Особый интерес к созерцанию сцен рождения и смерти Иисуса Христа, в которых Мария занимает центральное место, способствовал более тесному единению верующих с Богородицей, сопровождая Ее и разделяя Ее скорбь. Этот способ медитации, в котором использовались апокрифические тексты и воображение для более полного переживания сцен Евангелия, был разработан в XIII веке мендикантами и особенно францисканцами. Большое значение в этом отношении имела деятельность святого Бонавентуры (1217–

1274) [3, p. 63–104]. Мария занимала видное место в благочестии, богословии и проповеди меньших братьев. Как утверждает Мири Рубин, «*The importance of the Franciscans to the story of Mary is in their power as cultural mediators. <...> With urgency and exhortation, the friars transmitted religious ideas and images in sermons, in devotional writings, in religious drama and in theological reflection*» [4, p. 197].

Создание «Кантиг о святой Марии» было очень масштабным проектом и отражало целый ряд тенденций своего времени [5]. В религиозном аспекте в историографии особенно сильно подчеркивается связь «Кантиг» с трудами святого Бернарда Клервоского [6]. Однако нежное и эмоциональное благочестие, проявленное в кантигах, заставило многих видных исследователей этого периода задуматься о прямом влиянии францисканской духовности [7, p. 216; 8, p. 43; 9, p. 231–232; 10, p. 271–275]. Тем не менее, этот аспект еще не стал предметом детального изучения. Некоторые исследователи предположили участие францисканца Хуана Хиля де Саморы, называвшего себя *scriptor* Альфонсо Х, в составлении «Кантиг», основываясь на том, что он был очень близок ко двору монарха, а также был автором трудов о Деве Марии и о музыке. Через него и через других францисканцев труды святого Бонавентуры стали известными в Кастилии.

Приступая к изучению влияния францисканской духовности на «Кантиги о святой Марии», необходимо в первую очередь отметить присутствие францисканских братьев в тексте и миниатюрах этого труда. Францисканцы появляются в 13 кантигах, 10 из которых повествуют о событиях в испанских землях и не имеют аналогов в других сборниках чудес. В этих рассказах францисканцы часто показаны в роли исповедников и проповедников. Кроме того, в тексте присутствуют традиционные элементы почитания Девы Марии, которые распространялись францисканцами и ассоциируются именно с ними, — семь радостей Богоматери (вместо принятых до этого пяти) или изображения так называемой «Мадонны Смирение» (*Madonna dell'Umiltà*), где Дева Мария сидит на полу и кормит Младенца грудью [11, p. 42–46].

Специалисты выделяют некоторые аспекты францисканского почитания Девы Марии — Ее святость, милосердие и сострадание верующим совместно со Христом [12, p. 2]. «Кантиги о святой Марии» Альфонсо Х совпадают с типичными восхвалениями францисканцами Богоматери как *Mater sanctissima, misericordia, et dolorosa*. В похвальных кантигах (*cantigas de loor*) особенно четко выражена идея о святости Марии, новой Евы, превосходящей своей святостью любого святого. «Кантиги» про-

славляют Деву в Ее Вознесении на Небеса и утверждают, что Она была сохранена от первородного греха (хотя они менее четко определяют момент этого «освящения») [13]. Ее милосердие, проявляющееся в заботе о нуждающихся и грешниках, является главной темой чудес, достигая поистине огромных пределов, как в изображениях Богородицы, показывающей свою грудь, чтобы умиротворить божественную кару грешников (единственные примеры такой иконографии до XV века). Текст и миниатюры также очень красноречивы в том, что касается Ее сострадания Своему Сыну на кресте [14].

О францисканском влиянии говорят и некоторые из эпитетов Девы Марии, используемых в «Кантигах». Так, например, часто встречаемые в «Кантигах» словосочетания «дочь и раба» (*filla e criada*) Бога и «Мать всевышнего Царя» (*Madre do alto Rei*), хотя не являются новаторскими по своему богословскому содержанию, скорее всего, восходят к богородичному антифону, написанному св. Франциском Ассизским: «*Sancta Maria virgo, non est tibi similis nata in mundo in mulieribus, filia et ancilla altissimi summi Regis Patris caelestis, mater sanctissimi Domini nostri Jesu Christi, sponsa Spiritus Sancti...*» Особенно характерным является эпитет «бедная» (*pobre* или *menguada*) по отношению к Деве Марии (CSM 1, 180, 420), что является типичным францисканским мотивом. Как известно, бедность занимает центральное место во францисканской духовности. Св. Франциск подчеркивал, что Христос и Его Матерь избрали бедную жизнь, из-за чего францисканцы начали называть Богоматерь «*Pauperculla*» — бедненькой. В соответствии с францисканской традицией эта черта Богоматери проявляется особым образом в сценах Рождества. Поэтому в кантиге 1 говорится, что после того, как Мария родила Младенца, Она, «как бедная женщина», положила Его в ясли. Кроме того, во многих кантигах Мария помогает и защищает бедных (CSM 75, 86, 147, 212), а грех алчности строго критикуется (CSM 128, 216, 281) [15].

Стоит также отметить нежность и эмоциональность, столь характерные для францисканской религиозности, во многих выражениях и миниатюрах «Кантиг». Так, мы видим Христа, обнимающего свою Мать, в кантигах 14 и 30; Деву Марию, кладущую Младенца в ясли (CSM 1, 80) или обнимающую ноги своего Сына на кресте (CSM 50, 140). Мы также часто видим, как она подходит к постели больных и умирающих (CSM 75, 79, 235, 299) и даже держит за руку (CSM 75, 151) или ласкает (CSM 189) своих почитателей. В другом случае Младенец, которого держит на руках Мария, наклоняется, чтобы исцелить короля Альфонсо X (CSM

235). Мы видим, как Богородица исцеляет больных, возлагая на них руку или используя свое грудное молоко (CSM 54). Это внимание к человеческим качествам Богородицы, столь характерное для францисканской духовности, подчеркивается в кантиге 420, посвященной Вознесению Богородицы на Небеса. Эта кантига — прекрасная литания, в которой очень подробно перечисляется все, что окружало Деву с момента Ее рождения, и все это благословляется поэтом, включая ткани, в которые Она была завернута при рождении, грудь Ее матери, воду, которой Ее омывали, дом, в котором Она жила, и т. д.

Наконец, стоит отметить еще один момент, который может быть связан с францисканской духовностью, — включение в чудеса многочисленных животных, которые также присоединяются к восхвалению Богородицы. Хороший пример — миниатюра кантиги 29, в которой многочисленные дикие животные, птицы и рыбы склоняются перед Богородицей. Также некоторые животные находятся под защитой Богородицы, что напоминает о любви к творениям Божиим святого из Ассизи. Так, Дева Мария исцеляет и даже воскрешает мулов (CSM 178, 228), помогает хозяевам найти своих овец (CSM 147), ягнят (CSM 398), корову (CSM 31) или сокола (CSM 44). На это же указывает присутствие вола и мула в сценах Рождества Христова.

В заключение можно отметить, что настоящее исследование позволяет нам подкрепить, в отсутствие непосредственных доказательств, гипотезу о влиянии францисканской духовности на «Кантиги о святой Марии» Альфонсо X. Как мы видели, «Кантиги» содержат традиционные элементы, выражения, темы и сюжеты, которые могут быть связаны с духовностью, продвигаемой францисканцами. Также примечательно включение францисканских героев в описание чудес, имевших место в Испании, и добавленных на заключительном этапе составления поэтического сборника. Очевидно, что особое значение, которое король Альфонсо X придавал меньшим братьям в своем королевстве, наложило отпечаток и на его великий труд, посвященный Богоматери.

Список источников и литературы

1. *Rojo Alique F.J.* Intelectuales franciscanos y monarquía en la Castilla medieval // *Sémata*. 2014. Vol. 26. P. 297–318.
2. *Rucquoi A.* Los franciscanos en el reino de Castilla // *VI Semana de Estudios Medievales*. 1996. P. 65–86.
3. *Karnes M.* *Imagination, Meditation and Cognition in the Middle Ages*. Chicago & London: University of Chicago Press, 2011. 280 p.

4. *Rubin M.* Mother of God. A History of the Virgin Mary. New Haven, London: Yale University Press, 2009. 560 p.
5. *Brea M.* Tradiciones que confluyen en las Cantigas de Santa María // Alcanate. Revista de estudios Alfonsíes. 2004–2005. No. 4. P. 269–289.
6. *Domínguez Rodríguez A.* San Bernardo y la religiosidad cisterciense en las Cantigas de Santa María con unas reflexiones sobre el método iconográfico // Literatura y cristiandad. Homenaje al profesor Jesús Montoya Martínez (con motivo de su jubilación): estudios sobre hagiografía, mariología, épica, retórica / Coord. A. Rubio Flores. Universidad de Granada, 2001. P. 289–318.
7. *Chico Picaza M. V.* Una nueva iconografía trinitaria en el “Códice Rico de las cantigas de Alfonso X el sabio” (Escorial, t. I, 1) // Boletín de la Real Academia de Bellas Artes de San Fernando. 1983. No. 56. P. 215–223.
8. *Domínguez Rodríguez A.* Iconografía evangélica en las Cantigas de Santa María // Reales Sitios. 1984. No. 80. P. 37–44.
9. *Martínez H. S.* Alfonso X, the Learned: a Biography. Leiden, Boston: Brill, 2010. 616 p.
10. *Fernández Fernández L.* Cultura visual monástica en las Cantigas de Santa María // El monasterio medieval como célula social y espacio de convivencia / Coord. J.A. García de Cortazar. Aguilar de Campoó: Fundación Santa María la Real, 2018. P. 253–285.
11. *Domínguez Rodríguez A.* Poder, ciencia y religiosidad en la miniatura de Alfonso X el Sabio. Una aproximación // Fragmentos. 1984. No. 2. P. 33–46.
12. Medieval Franciscan Approaches to the Virgin Mary. Mater Sanctissima, Misericordia, et Dolorosa / Ed. by S.J. McMichael, K. Wrisley Shelby. Leiden, Boston: Brill, 2018. 467 p.
13. *Domínguez Rodríguez A.* “Compassio” y “co-redemptio” en las Cantigas de Santa María. Crucifixión y Juicio final // Archivo Español de Arte. 1998. LXXI (281). P. 17–35.
14. *Álvarez Díaz C.* La doctrina inmaculista en las Cantigas de Santa María de Alfonso X // La Inmaculada Concepción en España: religiosidad, historia y arte. Actas del simposium 1/4-IX-2005 / Coord. F.J. Campos, F. de Sevilla. Vol. 2. Real Centro Universitario Escorial-María Cristina: Ediciones Escorialenses, 2005. P. 1219–1246.
15. *Sota X.* Вера «простецов»: нравственно-религиозный облик крестьян в «Кантигах о Святой Марии» Альфонсо X Мудрого // Средние века. 2020. № 81(4). С. 102–128.

УДК 94(569.4)

Неволина Д. Ю.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт, студент магистратуры
E-mail: dar-nevo@yandex.ru; daria.nevolina@urfu.me

Святая земля в восприятии европейских монахов-паломников второй половины XIII в.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пространства Святой земли как совокупности материальных объектов, природы, народов и их культуры в описаниях Бурхарда Сионского и Риккольдо да Монте Кроче. В рассказах паломников нашли отражение присущие западным путешественникам второй половины XIII в. противоречивые представления о Востоке и его жителях, многообразии и мультикультурности Святой земли.

Ключевые слова: Бурхард Сионский, Риккольдо да Монте Кроче, паломничество, Святая земля.

Nevolina D. Yu.

Ural Federal University named after
The first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute of Humanities, Master's program, Student
E-mail: dar-nevo@yandex.ru; daria.nevolina@urfu.me

The Holy Land as Perceived by European Pilgrim Monks in the 2nd Half of the 13th Century

Abstract. The article is devoted to the consideration the Holy Land as a set of material objects, nature, people's culture in the descriptions of Burchard of Monte Sion and Riccoldo of Monte Croce. The pilgrims' notes contain controversial ideas of Europeans about the East in the second half of the 13th century, reveal the diversity and multiculturalism of the Holy Land.

Keywords: Burchard of Monte Sion, Riccoldo of Monte Croce, pilgrimage, Holy Land.

В конце XIII в. происходил распад государств крестоносцев на Востоке, что привело к увеличению количества бедноты и беженцев на Кипре [1, p. 144]. Мамлюкам удалось отвоевать множество латинских владений: мощных замков, крепостей, стратегически важных городов. В 1291 году была взята Акра — последний оплот крестоносцев [2, с. 305].

Несмотря на эти потери, христианское паломническое движение в Палестину не прекращалось. Мусульманские правители позволяли совершать путешествия в значимые для христиан святые места и города. Многие христианские общины продолжали существовать на Востоке и нередко гостеприимно принимали паломников.

Паломники второй половины XIII в. описывают Восток, с одной стороны, используя стереотипные образы народов, населявших его, а также информацию, содержащуюся в библейских текстах. С другой стороны, возможность увидеть своими глазами Святую землю позволяла им поделиться собственными впечатлениями о ней, ее обитателях, животном и растительном мире, тем самым подтвердив, опровергнув или дополнив известные на Западе данные. Знакомство паломников с Востоком, активность которого возросла с начала эпохи крестовых походов, приводило к изменению восприятия европейцами восточных народов и их культуры. Изучение паломнических описаний Святой земли позволяет рассмотреть увиденное путешественниками в дороге в эмоционально-образном срезе и раскрыть особенности репрезентации мира за границами привычного для европейцев пространства, базировавшейся на стереотипах, личном опыте и воображении. Целью данного исследования является рассмотрение Святой земли в записках паломников как совокупности материальных объектов, природы, человеческих обществ и их культуры для того, чтобы выявить механизмы создания образа Святой земли во второй половине XIII в. и факторы, влиявшие на него.

Особенностью средневековых описаний паломничеств является заимствование образов мусульман и иных народов от одного текста к другому. Метафоры и топосы, используемые для характеристики сарацин, часто близки к тем, что встречаются в куртуазных романах, поэзии и хрониках. Кроме того, вымышленные описания нередко переплетались с реальными впечатлениями от путешествия. Все же, несмотря на это, основной аспект паломничества в XIII в. — это стремление к покаянию и готовность претерпевать лишения и тяготы пути ради обретения личного спасения. Это повлияло и на характер описаний путешествий, акцент в которых сделан на посещении святых мест. Паломники подают собственный рассказ о путешествии в Святую землю как особую форму жизни человека на земле.

В исследовании рассматриваются книги паломничеств двух европейских путешественников, оставивших подробные описания Святой земли — Бурхарда Сионского, совершившего паломничество в 1274–1285 гг., и Риккольдо да Монте Кроче, посетившего Святую землю в 1288–1289 гг. Оба паломника являлись монахами, что повлияло на ха-

рактир их паломничества и определило акцент на религиозных аспектах путешествия и посещения христианских святынь.

Бурхард Сионский (*frater Burchardus*) являлся, как предполагают исследователи, доминиканским монахом родом из Магдебурга на севере Германии [3, р. 12]. Бурхард по пути в Святую землю побывал в мамлюкском Египте, Сицилии, Киликийской Армении и на Кипре. Книга паломничества Бурхарда «Описание Святой земли» («*Descriptio Terrae Sanctae*») представлена в двух версиях: краткой и расширенной. В расширенной версии подробно описывается география библейских мест. Путешественник создал собственную схему географии Святой земли, в которой центральное место занимает Акра. От нее, согласно его интерпретации, идут четыре линии к сторонам света, каждую же четверть он делит еще на три части. Двенадцать выделенных им территорий соответствуют двенадцати «ветрам небесным» [4, р. 49–50].

Рикольдо да Монте Кроче (*Ricoldus de Monte Crucis*) был доминиканским миссионером родом из Флоренции. В 1288 г. он получил от начальства Ордена разрешение совершить паломничество в Святую землю, а также папское поручение на проповедь среди восточных народов. В первой части «Книги путешествий» («*Liber Peregrinacionis*») Рикольдо описывает посещенные им в 1288–1289 гг. святые места Палестины. Вторая часть посвящена рассказу о путешествии в Ирак и описанию встреченных в пути народов.

Основная часть рассказа обоих паломников посвящена описанию городов Святой земли и христианских святынь, мест, в которых происходили библейские события. Однако каждое повествование имеет свою авторскую специфику. Бурхард дополняет описание святых мест рассказом о климате, местной флоре и фауне, а также народах, встреченных им.

Сообщая информацию об Акре, Бурхард признает ее хорошо укрепленным со всех сторон городом, который окружает плодородная равнина с пахотными полями, пастбищами, виноградниками, фруктовыми садами. На момент путешествия Бурхарда Акра еще находилась во владении франков. Он отмечает, что город защищают тамплиеры, госпитальеры и рыцари Тевтонского ордена [5, р. 23]. Также паломник с восхищением описывает оросительную систему возле Тира, водные каналы, идущие к городу от «чудесного колодца». В Тире паломника привлекло место проповеди Иисуса Христа, которое и зимой, и летом остается незанесенным песком или снегом [5, р. 25]

Бурхард побывал в Сидоне (совр. Сайда), который произвел на него хорошее впечатление. Сидон был великим и красивым финикийским го-

родом, от которого остались лишь развалины. Во времена Бурхарда на их месте был возведен небольшой, но укрепленный город. Окрестности и замки, как замечает путешественник, принадлежали рыцарям Храма. Земли вокруг Сидона богаты сахарным тростником и виноградниками. Кроме того, Бурхард отмечает хороший климат в этих местах [5, р. 26].

Описывая Триполи, паломник упоминает, что это красивый город, в котором уживаются «греки, латиняне, армяне, марониты, несториане и многие другие народы». В Триполи изготавливается шелк, камелот и другие ткани. Окрестности города восхищают паломника: «О земле, прилегающей к ней, можно без сомнения сказать, что это рай из-за бесконечной красоты ее виноградников и плантаций оливок, инжира и сахарного тростника, и я не припоминаю, чтобы видел подобное где-либо еще» [5, р. 28]. Он также отмечает, что фрукты, выращиваемые на плантациях, приносят владельцам ежегодно 300 тыс. золотых безантов.

Описывая Ливан, Бурхард указывает, что в трех лигах от города находится «садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана», как он назван в Песне Песней Соломона (4:15) [5, р. 28]. Галлилейская равнина (Бурхард упоминает, что в его время она именуется также *Faba*) местами дает богатый урожай хлеба, вина и масла. Паломник восхищается ею, но сожалеет, что из-за грехов и ошибок христиане не могут возделывать здешнюю землю [5, р. 49–50].

По описанию Бурхарда, Мертвое море «дымно и темно, как адская печь» [*semper sunians et tenebrosum, sicut caninus inferni*] [5, р. 59]. Земли возле него бесплодны, что является наказанием божьим за грехи Содома. В Иудейском, или Асфальтовом озере собирается битум (*bitumen*), или «еврейский клей» (*glutum iudaicum*), который имеет целебные свойства [5, р. 60].

Рикольдо да Монте Кроче дает некоторые интересные сведения об окрестностях Иерихона. Он пишет о том, что с горы Искушения открывается вид на воды Иордана и равнину Иерихона с ручьями, родниками и садами, полями сахарного тростника, мельницами, пальмами и розовыми садами Иерихона. Однако сама гора пустынна и не имеет в себе ничего доброго. Оттуда же открывается вид на места Содома, Гоморры и других городов, а также на Мертвое море, называемое Проклятым [5, р. 109].

Бурхард уделяет внимание описанию бальзамического сада в Египте. За садом ухаживают только христиане. Садовники рассказали, что воли не желают черпать воду из колодца, которой поливается сад, с полудня субботы до понедельника. Паломник омылся в колодце и взял бальзамо-

вое дерево перед тем, как идти к султану в Египет. В месте «Енгадди» (Ен-Геди, Эй-Геди) растут виноградники, которые, однако, некому возделывать. Ниже, у Мертвого моря, растут очень красивые деревья, но их плоды наполнены пеплом и пылью [5, р. 59–60].

В полумиле к западу от Вифлеема Бурхард прибывает в город Безек (*Bezek*), в котором производят лучшее в окрестных землях вино. Жители города — христиане, которые ухаживают за виноградниками соседних деревень вниз по долине Рефаим (*Rephaim*). За эту возможность они платят большую ренту султану [5, р. 79].

На Дамасском поле (*ager damascenus*) находится чудесная красная земля, часть которой паломники, в том числе и Бурхард, берут с собой. Считается, что она является лекарственным средством [4, р. 113]. Сарацины также экспортируют красную землю в Египет, Эфиопию, Индию и другие страны, меняя ее на специи. Эта земля удивительна тем, что в конце каждого года ее количество восстанавливается [5, р. 81].

В последних двух частях книги Бурхард подробно описывает флору, фауну, а также народы Святой земли. Он называет Святую землю лучшей из всех земель в мире, потому что ее уголья очень плодородны, и такие растения, как фенхель, рута, шалфей и розы, растут сами, без вмешательства человека. Бурхард рассказывает о хлопке и сахарном тростнике, процессах их выращивания и сбора [5, р. 86–87]. Из фруктов в Палестине выращиваются апельсины, лимоны и так называемые адамовы яблоки, а также сорт яблок *citrina*. Растут также деревья, плоды которых называют «райскими яблоками» (*poma paradisi*). Их грозди со множеством стручков похожи на виноградные. Вкус стручка сладок, как «очень деликатесное масло, смешанное с медом» [5, р. 87]. В Святой земле много виноградников, однако могло быть больше, если бы мусульмане желали выращивать их. Исключением являются те из мусульман, кто украдкой пьет вино или же продает виноград христианам. Урожай вина собирается трижды в год [5, р. 88].

Бурхард кратко упоминает диких животных, живущих в Святой земле. Среди них много диких кабанов, зайцев, косуль, куропаток и перепелов, львов и медведей, а также верблюдов, оленей и диких быков. Подытоживает свой рассказ о животных и растениях Бурхард следующим выводом: «Одним словом, изобилуют там все блага земли, и течет земля молоком и медом; но я имею в виду не самых сильных ее обитателей, а самых худших и самых безобразных грешников, так что удивительно, что она может мириться с ними» [*et breuiter ibi habitant omnia bona mundi, et terra illa fluit lacte et melle; sed cultores non dico fortissimos, sed*

pessimos et turpissimos habet peccatores, ita ut mirum sit, quod portat eos terra] [5, p. 88].

Несколько другое впечатление оставляет описание Святой земли Риккольдо да Монте Кроче. Для него путешествие неразрывно связано с библейскими событиями. Во время него он часто обращался к Богу и читал евангельские притчи о святых, которые посещал. Так, в начале путешествия паломник прибыл в Кану Галилейскую, где Христос превратил воду в вино. Обнаружив евангельское «место свадебного пира», Риккольдо с другими паломниками-христианами читал Притчу о брачном пире [5, p. 105–106].

Иерусалим Риккольдо называет «*городом руин и разрушений*» [*ruine at destructionis*], отсылая к неоднократным захватам города и последствиям, к которым они приводили [5, p. 108]. Вернувшись из Вифлеема, паломник описывает маршрут *Via Dolorosa* (Путь Скорби), по которому Христос шел к месту распятия. Риккольдо словно наяву стремился пережить ключевые библейские события; посредством яркого рассказа, снабженного библейскими цитатами, он передавал эти ощущения воображению своих читателей. Так, он пишет: «*Взойдя по дороге, которою шел Христос, неся крест Свой, мы нашли место, где Он сказал: "Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне!"*» (Лк. 23:28) [5, p. 112]. В Иерусалиме у храма Гроба Господня Риккольдо организовал крестный ход, в составе которого было более сотни христиан. «*Кружа и двигаясь вокруг Гроба в тревожных поисках, мы не находили Господа, и тогда кто-то воскликнул: "Воскрес Господь, надежда моя, и идет впереди них в Галилею". По всей церкви поднялся шум и смятение среди сарацин*» [5, p. 112–113].

В Вифлееме Риккольдо посетил Базилику Рождества Христова, в которой он праздновал, проповедовал и причащал людей вместе с другими монахами. После посещения церкви Риккольдо навестил младенца, который был сыном бедной христианки, жившей рядом с церковью, и вместе с остальными монахами он поклонился младенцу, как новорожденному Христу поклонялись волхвы, и преподнес ему дары [5, p. 110].

Описания Бурхарда нередко опираются на сведения, услышанные им от местных жителей, а также на распространенные легенды и рассказы о святых и необычных местах, в которых могут случаться чудеса. Святая земля, с одной стороны, оказывается процветающей, богатой растительностью и урожаем. Многие города продолжают развиваться, однако ряд городов и святых мест, известных из Библии, потеряли былое величие. В отличие от Бурхарда, Риккольдо мало описывал климат и рас-

тельность во время рассказа о путешествии в Святую землю. Иногда он без подробностей сообщает о том, что это богатая и плодородная земля.

Паломники (особенно Бурхард) уделяют внимание описанию мусульман, которые являются для них идеологическими противниками и врагами крестоносного движения. Примечательно, что Бурхард и Риккольдо ознакомились с текстом Корана и стремились опровергнуть его положения. Они опираются на распространенное среди христианских проповедников и миссионеров мнение о том, что мусульмане признавали Святое Писание, но в то же время мировоззрение иноверцев искажалось благодаря деятельности Мухаммеда, который являлся узурпатором пророческих черт. Риккольдо при описании Святой земли редко рассказывает о сарацинах и исламе, однако дает подробное изложение своей точки зрения в позже написанном им сочинении «Против законов сарацин» («*Contra legem Sarracenorum*») [6, p. 395].

Бурхард упоминает сарацин, когда описывает, как в городе Севастия (Самария) он видел две христианские церкви, одну из которых сарацины переделали под мечеть, другая же принадлежала грекам-христианам. Бурхард ссылается на прочитанный им Коран и замечает, что сарацины почитают христианских святых — Деву Марию, Иоанна Крестителя. Христос для них является Словом Божиим, но они отрицают, что он Бог. Мухаммед же был посланником Бога, посланным только к мусульманам [5, p. 53]. Кроме того, Бурхард упоминает, что в Вифании сарацины почитают гробницу св. Лазаря за чудо восстановления жизни, совершенное там Богом [5, p. 62].

Рассказывая о Вифлееме, Бурхард описывает визит в Базилику Рождества Христова. Он указывает, что сарацины почитают эту церковь больше других святынь, связанных с Пресвятой Богородицей. Султан¹ приказал снять убранство церкви и отнести в Вавилон, желая обустроить с его помощью новый дворец [4, p. 303]. Но произошло чудо: когда рабочие пришли в церковь, из стены появилась змея невероятных размеров, и плиты, по которым она ползла, раскололись. Бурхард отмечает, что следы движения змеи можно увидеть до сих пор [5, p. 78–79].

Одна из особенностей описания Святой земли Бурхардом заключается в его попытке подробно рассказать о народах, проживавших в ней. Паломник пишет, что в Святой земле обитает множество народов с разным вероисповеданием, однако латиняне хуже прочих народов. Многие

¹ Аль-Мансур Калаун либо Бейбарс, если рассказ относится к 1260-м гг.

из них являются преступниками, которые либо были наказаны и отосланы в Святую землю, либо скрываются от правосудия. Они продолжают заниматься своими преступлениями, обманывают паломников, лишая их имущества, а их дети перенимают преступный образ жизни своих отцов [5, p. 89].

Особое внимание Бурхард уделяет характеристике сарацин. На его взгляд, они «крайне нечестивы» (*isti sunt immundi nimis*), так как у них столько жен, «сколько они могут прокормить», при этом имеются постоялые дворы в каждом городе. Впрочем, сарацины гостеприимны и вежливы. Также они признают, что Христос — один из величайших пророков, и некоторые утверждают, что он вознесся на небо и пребывает там, как и Мухаммед [5, p. 89]. В данном случае Бурхард вновь подтверждает свои наблюдения, основанные на слухах и впечатлениях от прочитанного Корана, которые он ранее отмечал в ходе описания сарацин, посещавших христианские святыни.

Помимо сарацин, Бурхард упоминает другие народы. Он пишет, что в Святой земле проживают христиане-сирийцы (*Syri*). Они одеты бедно и часто бывают слугами сарацин. Греки, которых паломник встретил в Святой земле, очень набожны и почитают своих прелатов, ведущих аскетический образ жизни. Бурхард относится к ним с уважением, несмотря на то, что они не исповедуют католичество [5, p. 89].

Бедуины и туркоманы, по описанию паломника, ведут кочевой образ жизни и перемещаются туда, где есть пригодные пастбища для скота. Они храбры в бою и воинственны, используют только мечи и копья, говоря, что «позорно сверх всякой меры украсть человеческую жизнь стрелой». Они носят красные плащи и покрывают голову куском ткани [5, p. 90–91]. И Бурхард, и Риккольдо отмечают, что бедуины и туркоманы доставляют неудобства путешественникам, нападая на караваны.

Ассасины, по словам Бурхарда, живут в горах за Тартусом, их вождем является выбранный по заслугам «Старец горы». Они убивают по приказу своего главы и верят, что этим заслужат место в раю [5, p. 90]. Риккольдо также упоминает ассасинов и описывает их образ жизни: «Убивая и будучи убитыми, они думают, что получают определенные наслаждения, которые, по их мнению, составляют вечную жизнь. Что касается их закона, эти люди — сарацины» (*Isti quandum ad legem sunt Sarraceni*) [5, p. 113].

За морем, как утверждает Бурхард, много христиан, однако они позволяют сарацинам управлять порядком на своих территориях, тем самым обретая мир и спокойную жизнь [5, p. 90].

В рассмотренных описаниях можно выделить две особенности восприятия Святой земли паломниками XIII в.: описание Риккольдо сосредоточено на святых местах и личных впечатлениях, тогда как описание Бурхарда снабжено этнографическими подробностями и попыткой дополнить сведения о Святой земле и ее населении.

В текстах прослеживаются противоположные тенденции восприятия Святой земли. С одной стороны, это край, изобилующий богатыми угодьями, пашнями и виноградниками. Тем самым паломники подтверждают бытующее в Европе мнение о богатстве и изобилии в странах Востока. Кроме того, именно в Святой земле происходили библейские события, и она по-прежнему хранит отголоски тех времен — прежде всего, святые места, прошлое величие которых все еще ощутимо для паломников. Христианские общины гармонично сосуществуют в Святой земле, а многие из святынь по-прежнему находятся в руках христианских прелатов. В то же время Бурхард и Риккольдо отмечают негативные стороны жизни в Святой земле, увиденные ими в ходе паломничества. Например, согласно Бурхарду, там обитают франки-пулены — преступники, когда-то изгнанные из Европы либо бежавшие туда по собственной воле, чтобы скрыться и начать новую жизнь [2, с. 269]. Их присутствие на Святой земле однозначно подвергается осуждению, потому что из всех возможных групп населения они меньше всех вписываются в пространство Святой земли, так как являются грешниками, избегающими наказания.

Кроме того, паломники преимущественно отрицательно оценивают присутствие и некоторые действия сарацин на Святой земле. Многие святые места, памятники христианской культуры были разрушены или же заброшены по вине сарацин. Помимо этого, сарацины не всегда способны перенимать культурные достижения христиан, когда-то живших на их землях, и, как следствие, эти достижения остаются в прошлом. Если какие-то отдельные мусульмане или группы мусульман встречаются христианским паломникам непосредственно в пути, паломники оценивают их нейтрально или, в определенных ситуациях, положительно, тогда как обычаи, традиции мусульман, а также их участие в захвате государств крестоносцев вызывают осуждение паломников.

Можно сказать, что описания паломничеств раскрывают сложную и противоречивую картину Святой земли в конце XIII в., ее мультикультурность, а также идеологические мотивы, которыми руководствовались западные паломники — в данном случае представители монашеского ордена — в своем восприятии пространства Святой земли, его городов и народов.

Святые места и территории рядом с ними имели для христиан идеологическое значение. Только христиане могли обладать знаниями и историей об этих местах в полной мере. Изучение паломнических записок дает возможность проследить способы получения и передачи информации о крайне важном для христиан регионе между паломниками и читателями книг путешествий. Образ Святой земли позволял с помощью чтения и воображения узнать о ее территории и прочувствовать совершенное однажды путешествие как собственный опыт. Развитие жанра книг путешествий, учащающиеся контакты со Святой землей и ее обитателями как монахов-миссионеров, так и мирян, в XIV в. приведут к разнообразию паломнических описаний и возрастанию интереса к культурам и народам Святой земли [7, с. 91].

Список источников и литературы

1. *Boase A. J.* Some evidence for poverty in the Latin East // *Communicating the Middle Ages. Essays in Honour of Sophia Menache* / Ed. by I. Shagrir, B. Kedar, M. Balard. London; New York: Rotledge, 2018. P. 141–156.
2. *Луцицкая С. И.* Крестовые походы. Идея и реальность. СПб: Наука, 2019. 389 с.
3. *Baumgärtner I.* Burchard of Mount Sion and the Holy Land // *Peregrinations: Journal of Medieval Art and Architecture*. Vol. 4. Issue 1. Gambier: Digital Kenyon, 2013. P. 5–41.
4. *Pringle D.* Pilgrimage to Jerusalem and the Holy Land, 1187–1291. Farnham: Ashgate, 2012. 463 p.
5. *Peregrinatores Medii Aevi Quatuor: Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus de Oldenborg* / Ed. by J.C.M. Laurent. Lipsiae: J.C. Hinrichs Bibliopola, 1873. 279 p.
6. *Dawczyk M.* The Image of Muhammad in Riccoldo da Monte di Croce's "Contra legem Sarracenorum" // *Studia Ceranea*. 2019. No. 9. P. 391–405.
7. *Топорова А. В.* «Свое» и «чужое» в итальянских описаниях паломничеств в Святую землю (XIV–XV вв.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 2. С. 88–101.

УДК 94 (491)

Желнин А. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Исторический факультет, студент магистратуры
E-mail: zhelnin6@gmail.com

Старикам тут не место? «Родовые» и «документальные» саги в Исландии на рубеже XIII–XIV вв.

Аннотация. Статья посвящена композиционным и стилистическим особенностям «Саги о епископе Арни Торлакссоне» (составлена в начале XIV в.), раскрывающей перипетию политической борьбы в Исландии после потери независимости и включения ее в состав Норвежского государства. Сравнивая этот памятник позднего исландского историописания с «Сагой о Людях с Песчаного Берега» и «Сагой об исландцах», появившимися во второй половине XIII столетия, автор статьи раскрывает социальные и политические причины изменения повествовательной парадигмы «родовых саг», где главными действующими лицами были представители могущественных исландских семейств, и появление новых нарративных приемов в поздних «сагах о епископах», делающих акторами сложившиеся в обществе сословные группы, которые персонафицированы в главных персонажах «Саги о епископе Арни Торлакссоне».

Ключевые слова: Исландия, «Сага о епископе Арни Торлакссоне», родовые саги, «норвежский век».

Zhelnin A. S.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: zhelnin6@gmail.com

No country for old men? “Family” and “documentary” sagas in Iceland at the turn of the 13th-14th centuries

Abstract. This paper is devoted to the compositional and stylistic features of “The Saga of Bishop Arne” (compiled at the beginning of the 14th century) revealing the twisted political struggle in Iceland after its loss of independence and incorporation into the Norwegian realm. Comparing “The Saga of Bishop Arne” “The Saga of the People of Eyri” and with “The Saga of the Icelanders” that appeared in the second half of the 13th century, I pay attention to the social and political reasons for the change in the narrative paradigm of the “family sagas”, where the main subjects were representatives of powerful Icelandic families, and the emergence of new narrative techniques in the later “bishops’ sagas”, where the established social groups were made the main subjects, which are personified in the main characters of “The Saga of Bishop Arne”.

Keywords: Iceland, *Árna saga biskups* (“The Saga of Bishop Arne”), family sagas, “The Norwegian Age”.

Середина XIII в. — время во многом ключевое для исландской культуры и истории. Именно тогда, с постепенной потерей Исландией своей независимости и окончанием «эпохи народовластия», начинается широкомасштабная запись всех известных нам сегодня «родовых саг», продолжившаяся до середины XIV столетия, хотя некоторые сочинения известны по рукописям более позднего времени. При этом составлялись оригинальные саговые авторские произведения, среди которых важнейшие источники по истории Исландии первой половины XIII столетия — принадлежащая перу великого исландского историка и политика Стурлы Тордарсона (1214–1284) пространная «Сага об исландцах», ставшая основой для еще более масштабной по объему, но компилятивной «Саги о Стурлунгах», а также такой его шедевр, как «Сага о Хаконе Старом». В известном смысле их можно отнести к «сагам о недавних временах», которые основывались на собственных наблюдениях автора или же информации, полученной им от свидетелей и участников событий. Еще одной особенностью подобных сочинений является отказ их составителей от чисто географического критерия, характерного для «родовых саг», в пользу хронологического принципа изложения. Среди саг поздней генерации выделяются последние оригинальные сочинения, созданные в этом жанре, которые обычно справедливо относят к «сагам о епископах». Но композиционно-стилистически они могут быть отнесены к тем же «сагам о недавних временах». Это «Сага о епископе Арни Торлакссоне» и «Сага о епископе Лаврентии», рассказывающие о событиях второй половины XIII — первой трети XIV вв. Хронологически они примыкают к сочинениям, которые в совокупности можно назвать «историографией Стурлунгов», переняв от них такой прием, как интеграция в свой состав текстов, имевших изначально только письменную форму, например, официальных документов и корреспонденции, которые конкурировали с устной основой саги, а иногда даже заменяли ее собой.

Как известно, в основе фабулы любой саги и ее развития лежит главный конфликт между действующими персонажами, дополненный описанием смежных противостояний и тяжб, изредка расцвеченный психологическими переживаниями и портретами героев повествования. На основе анализа «Саги о епископе Арни Торлакссоне» можно выдвинуть гипотезу о том, что формализация языка саги и включение в нее норвежских королевских документов, а также переписки исландских прелатов, являются не только сменой нарративной конструкции, за этим кроется иное понимание сути конфликтов, развивав-

шихся в Исландии после постепенной утраты независимости, случившейся в результате гражданской войны 1220–1240-х гг., заключения «унии» с Норвегией в 1262–1264 гг. и назначения на остров норвежской администрации. Изменения эти видны при сравнении фабул того, как подано разбирательство на Альтинге в «Саге о епископе Арни Торлакссоне» и в тех сагах, что начали складываться в начале XIII в. и повествуют о событиях того времени.

«Сага о Людях с Песчаного Берега»	«На том же тинге Торгрим сын Кьяллака и его сыновья враждовали с Иллуги Черным из-за имущества и приданого жены Иллуги Ингибьёрг дочери Асбьёрна, которое хранилось у Оловянного Форни. Во время тинга была сильная буря, поэтому никто с Побережья Средней Горы не смог явиться к началу тинга; из-за этого Торгрим не мог вернуться во всю свою мощь, ведь родичи его не подъехали. У Иллуги было сто человек, все как на подбор, и он успешно продвигал свои тяжбы в суде. Кьяллеклинги подошли к месту суда и попытались разогнать судей; образовалась сильная давка, но все же их развели. Кончилось тем, что Оловянный Форни выплатил Иллуги деньги по его требованию. <...> После этого буря стихла, и северные Кьяллеклинги прибыли на тинг. Тогда Торгрим сын Кьяллака не захотел более придерживаться мировой и напал на Иллуги; началась битва. Снорри Годи созвал к себе людей, и им вместе удалось заключить перемирие» [1, с. 37].
«Сага об исландцах»	«К тому времени Йорунн только что скончалась, не оставив наследника, о котором бы знали в народе. Поскольку же Йорунн проживала в готорде Магнуса, он рассчитывал взять ее имущество себе, оставив ее родичам столько, сколько сочтет нужным. Как только об этом узнал Снорри, он отрядил на юг к Мысу Старкада сына Снорри. Старкад привез оттуда мальчишку по имени Кодран, которого Снорри объявил наследником Йорунн. Снорри принял у Кодрана тяжбу об имуществе Йорунн. Весной, когда подошли дни вызова на тинг, Снорри подъехал на юг к Мысу Тюленьей Запруды. <...> Снорри вызвал Магнуса на Тинг Поперечной Реки и потребовал для него объявления вне закона. Магнус отвечал, что не входит в тамошний тинг. Но Снорри велел ему защищаться именно там. Затем Снорри отбыл домой и провел свои тяжбы на Тинге Поперечной Реки, и Магнус был объявлен вне закона. После этого и те, и другие стали усиленно набирать людей к альтингу. <...> Снорри въехал наверх во главе шести сотен людей; среди них было восемьдесят норвежцев, и они были полностью прикрыты щитами. Братья Снорри оба явились с большими отрядами. Все они расположились к западу от реки. На тинге были серьезные стычки. Епископу Магнусу удалось помирить их. Он выкупил землю на Дымящемся Мысу в пользу Атли; тот должен был владеть землей вкалад и выплачивать долг мукой. Почет от дела достался Снорри» [2, с. 105].

«Сага о епископе Арни Торлакссоне»	«Той осенью и зимой мужи обсуждали ту книгу, которую господин Йон привез с собой; мужи решили, что многие положения в ней очень жесткие — наказания о делах, которые нельзя искупить деньгами, и другие положения, которые оставляют дела об аренде без разъяснения. Епископ считал, что многие положения в ней против законов Божьих. Тогда согласием было решено так, когда она была изучена, принять ее в качестве закона, но не полностью. Тогда многие подписались в том, что не желали это ни соблюдать, ни соглашаться с книгой; на этом же стояли и епископ, и клирики, и друзья епископа; на обратном — королевские служилые люди; третье мнение было у бондов» [3, bls. 76].
------------------------------------	--

Как видно, в более ранних памятниках тяжба — это всегда противостояние между родами исландских магнатов, хёвдингов. Преследовавшие собственные интересы элиты времени «народовластия» не были консолидированы в социальном отношении. Заметно также, как авторитет хёвдинга на Альтинге и его способность вести дела в суде зависели от семейных связей. Так, Торгрим из «Саги о Людях с Песчаного Берега» был вынужден подчиняться своему противнику, который смог собрать на Альтинг большее число влиятельных родственников. В «Саге о епископе Арни Торлакссоне» конфликт уже описан не столько как противостояние между родами, сколько между сословиями. Против принятия книги законов, составленной для Исландии легистами норвежского короля, активно выступил клир во главе с епископом с Палатного Холма Арни Торлакссоном. С другой стороны, норвежского посланника Лодина Лохматого поддержали исландцы, которых король ввел в придворную корпорацию (хирд) и назначил своими представителями на острове — источник называет их «служилыми людьми», хирдманнами [3, bls. 93].

После заключения «унии» Исландии и Норвегии в 1264 г. родовые смуты ушли в прошлое, зато вследствие разрыва клановых связей, который принесла с собой гражданская война, обострились внутренние противоречия между складывавшимися на острове сословиями, чья природа была принципиально иной. Их конституированию способствовала законодательная реформа 1270-х гг. короля Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), издавшего кодексы отдельно для бондов, горожан, а также придворных и служилых людей. Изменилась и роль Церкви: если в «Саге об исландцах» епископ выступает в качестве посредника между враждующими сторонами и способствует их примирению, то Арни Торлакссон участвует в споре непосредственно, в качестве главы духовной корпорации. Интересно, что между созданием исследуемых памятников прошло всего около двадцати лет, а традиция фиксации «родовых саг» продолжи-

лась и в XIV в., после смерти Стурлы Тордарсона. Что же поддерживало одновременное существование двух разных традиций сагового исторического писания? Для ответа на этот вопрос следует обратить внимание на некоторые текстуальные особенности исследуемых источников.

Исследователи неоднократно отмечали обилие в «Саге о епископе Арни Торлакссоне» прямых цитат из писем ее главного героя к светским и церковным иерархам в Исландии и Норвегии [4, р. 225]. В «Саге об исландцах» отрывки из переписки между хёвдингами тоже встречаются, но Стурла Тордарсон использует их как вспомогательный инструмент для выполнения поставленной перед собой цели — хронологически зафиксировать события, приведшие к потере островом независимости; документы у Стурлы никогда не выходят на первый план. Биограф Арни Торлакссона же старается подкрепить каждое значимое событие в жизни своего героя ссылкой на документ. Вот клир выступил против принятия присланной из Норвегии книги законов, и в «Саге о епископе Арни Торлакссоне» тут же дается исчерпывающий перечень всех претензий священников к норвежской власти [3, bls. 76–79]; монарх издал указ, возвращающий все церковные земли мирянам, и биограф Арни полностью воспроизводит текст распоряжения [3, bls. 96–97]; через некоторое время назначенный в Нидарос архиепископ гарантировал исландской церкви все права собственности на отнятые у нее хёвдингами хутора — составитель жизнеописания епископа Арни Торлакссона бережно передает текст послания епископа к исландцам [3, bls. 162–163].

Эта характерная черта авторского стиля наводит на мысль, что сама «Сага о епископе Арни Торлакссоне» являлась своего рода документом, призванным легитимировать победу Церкви в противостоянии со светскими магнатами. Получившая в исландской национальной историографии название «*staða mál*», эта борьба разворачивалась на протяжении всего пребывания Арни Торлакссона на своей кафедре. Дело в том, что в «эпоху народовластия» церкви часто возводились на средства хёвдингов. Наличие в поселении храма давало аристократу значительные преимущества: он забирал себе часть поступавшей с прихода церковной десятины, а также распоряжался доходами с продажи всего, что производили хуторяне. Епископ мало того что недополучал денег с собственности, которая принадлежала Церкви, но даже не мог наказать нерадивых священнослужителей, пользовавшихся протекцией нанявшего их магната [5, р. 108]. Влияние хёвдингов на исландскую церковь снизилось, когда в середине XII в. северных окраин христианского мира достигли идеи григорианской реформы. Запрет симонии, строгое соблюдение священ-

никами целибата, а также достижение полной независимости Церкви от светских властей — с такой программой выступил архиепископ Нидаросский Йон II Красный (1268–1282). Исландия тогда жила по своим законам, местные священники в большинстве своем были такими же хёвдингами или же их родственниками и клиентами, поэтому опереться на такое духовенство реформаторы не могли [6, s. 39–40].

Стремление Арни Торлакссона занять кафедру на Палатном Холме, что произошло в 1268 г., было неслучайным. Детство будущего епископа было нелегким. Его отец поддержал партию внутри рода Свиногорцев, проигравшую в распрях, и в страхе за жизнь своей семьи был вынужден скитаться по Южной Четверти острова [3, bls. 3–4]. Р. Коул считает, что эти обстоятельства взрастили в Арни ненависть к порядкам времен заката «эпохи народовластия», и именно такой человек был нужен архиепископу для реализации его плана [7, p. 66]. Всю дальнейшую жизнь Арни Торлакссон посвятил борьбе с произволом аристократии. В 1297 г. старания епископа увенчались успехом — договор на Мысе Энунда закрепил за Церковью самые богатые исландские хутора. Как ни странно, автор «Саги о епископе Арни» не сообщает об этом событии, остановив свое повествование на 1291 г., хотя он составлял свой текст уже в начале XIV в. Подобная незавершенность саги нередко удивляла ее исследователей, которые предпринимали попытки доказать существование не сохранившейся концовки, которая описывала бы события 1291–1298 гг. [8, bls. CVII].

Но, возможно, биограф Арни Торлакссона просто не хотел доводить свой рассказ до смерти главного героя. Несмотря на кажущуюся незавершенность, у текста есть логичный конец, если относиться к саге не как к «саге о епископе», а как к хронике противостояния между Церковью и хёвдингами. В последних главах саги особо выделены два события — прибытие в Исландию послания архиепископа Нидаросского Йорунда (1288–1309) в 1289 г., которое подтвердило исключительные права клира на распоряжение церковными именьями [3, bls. 162–163], и смерть через год главного противника исландского духовенства — богатого хёвдинга, одно время бывшего фактическим правителем острова, Хравна Оддссона [3, bls. 181]. Вероятно, составителю саги эти эпизоды казались важнее договора на Мысе Энунда. Таким образом, создание «Саги о епископе Арни» может быть мотивировано намерением легитимировать победу клира в споре с мирянами и обосновать соглашение 1297 г. Отсюда и своеобразная «одержимость» составителя документальным материалом.

Стилистически «Сага о епископе Арни Торлакссоне» перекликается с сагой о короле Хаконе Старом — творением того же Стурлы Тордар-

сона. Последнюю Стурла написал по заказу его наследника — короля Магнуса Исправителя Законов. По замыслу монарха, Стурла должен был в апологетическом тоне описать деяния Хакона Старого, включая покорение Норвегией Исландии. С «Сагой о Хаконе Старом» «Сагу о епископе Арни Торлакссоне» роднит не только схожая цель, но и нарративные приемы. При составлении королевской биографии Стурла Тордарсон вплетал в свой текст отрывки из документов и рассказы свидетелей [9, с. 14]. Исследователи и ценители саговой прозы данный прием ставят не высоко: К. Хелле охарактеризовал стиль саги как «сухой и безжизненный», хотя некоторые исландские специалисты хвалят невиданное прежде для саговой литературы внимание к деталям [10, р. 148]. Слог автора «Саги о епископе Арни Торлакссоне» также не удостоился похвал: Р. Мак-Турк в своей рецензии на издание саги 1972 г. также отметил «сухой язык» памятника [11, р. 116], а в новейшей истории исландской литературы «Сагу о епископе Арни Торлакссоне» прямо сравнивают с протоколом [10, р. 90]. Свое умение создать масштабное историческое полотно Стурла показал в «Саге об исландцах», но это текст более личный по сравнению с жизнеописанием норвежского короля, поскольку посвящен деятельности Стурлунгов, родичей автора. В случае с «Сагой о Хаконе Старом» и «Сагой о епископе Арни Торлакссоне» перед авторами стояла конкретная задача: выгодно представить свершения главного героя и обосновать в первом случае — господство норвежского короля над Исландией, а во втором — право Церкви на распоряжение своими именами и ее независимость от светской власти.

«Родовая» и, так сказать, «документальная» сага каждая по-своему подходит к раскрытию мотивов персонажей. В «Саге об исландцах» Стурла Тордарсон представляет портреты виднейших хёвдингов заката «эпохи народовластия»: хитрый и расчетливый Снорри Стурлусон, коварный Гицур Торвальдссон, отважный сторонник исландской самостоятельности Стурла Сигхватссон. Таким образом, это произведение построено по канонам классической устной саги и стремится представить историю страны через деяния видных представителей знатных родов [9, с. 2–25]. На контрасте с героями «родовых саг», главными персонажами «Саги о епископе Арни» выступают не люди, но скорее группы, сословия, а персонажи растворяются внутри них. *«Мы в наименьшей степени желаем нарушить древние свободы церкви, но при этом мы лишаемся своих собственных свобод»*, — произносит на Альтинге 1282 г. Хравн Одссон от лица всей исландской знати [3, bls. 108]. Арни Торлакссон также оказывается лишенным собственной личности вне Церкви: био-

граф епископа не дает никаких сведений о повседневной жизни кафедры на Палатном Холме, не упоминает о совершенных Арни чудесах, как, например, автор еще более поздней «Саги о епископе Лаврентии» в отношении своего героя [12, р. 57]. Даже в качестве епископа Арни Торлакссон выступает скорее как функционер, проводник в жизнь требований Святого Престола, а не истово верующий человек.

Показателен эпизод, когда еще будучи управляющим епископства на севере страны, Арни узнал о намерении одного из подчиненных ему священников жениться: «...поскольку епископ Хейнрек, а после него и епископ Бранд оба запрещали субдиаконам, а также всем мужам, которые были рукоположены, иметь жен, он [Арни Торлакссон] наложил запрет на этот заключенный нечестиво союз», — передает биограф будущего епископа [3, bls. 9]. Получив кафедру на Палатном Холме, епископ Арни продолжал добиваться соблюдения клиром celibата. Одному священнику он запретил венчаться с сожительницей, в том числе потому, что этому браку воспротивился предшественник Арни Торлакссона епископ Сигвард, и дело надо было довести до конца [3, bls. 37]. В борьбе за свободы Церкви в качестве главного аргумента в пользу духовенства Арни Торлакссон нередко использовал постановления главы своей церковной провинции архиепископа Йона Красного. Именно противоречия между распоряжениями из Нидароса и уложением 1281 г. были главной причиной, по которой исландское духовенство не приняло новую книгу законов, составленную для Исландии норвежскими знатоками права, среди которых, кстати говоря, был и Стурла Тордарсон — не только талантливый писатель и историк, но и законовед: «Вы теперь услышали послание господина архиепископа Йона, вашего духовного отца, и его епископа-суффрагана и могли понять, насколько отличаются книги, которые вас просят принять в качестве закона, и его [архиепископа] грамота; поэтому буду говорить открыто, я не соглашусь ни на какое положение, которое против его [архиепископа] желания, и на те, которые последуют от власти далее», — заявил председатель кафедры на Палатном Холме [3, bls. 80]. Как отмечает Р. Коул, епископ Арни Торлакссон — упивающийся своей властью педантичный чиновник, будто сошедший со страниц «Процесса» Ф. Кафки — безликий винтик бюрократической машины [7, р. 64]. Автор «Саги о епископе Арни Торлакссоне» как бы обезличивает главных героев, ведь рассказ, собственно говоря, не столько о них, сколько о социальных группах, через них представляемых, а введенные на авансцену персонажи лишь выражают интересы противостоящих сторон.

Именно поэтому следует обратить внимание на социальный статус авторов исследуемых источников. Стурла Тордарсон принадлежал к влиятельному роду Стурлунгов. Смерть его отца в 1237 г. заставила Стурлу возглавить род и вмешаться в политические игры на острове. К тому времени дни мнимого «народовластия», ассоциируемого с хёвдингами, уже были сочтены, а сами магнаты занимались тем, что выторговывали у норвежского короля для себя лучшие условия в качестве его эмиссаров на острове. Стурла был одним из тех, кто долго отказывался вступать в какие-либо альянсы с монархией. После заключения исландско-норвежской «унии» Стурла некоторое время фактически был в заложниках у короля Магнуса, где написал свой первый шедевр — «Сагу о Хаконе Старом». В 1270-х гг. Стурла, пользуясь благосклонностью короля, вернулся в Исландию в звании лагманна — главы исполнительной власти на острове. На родине великий писатель и историк приступил к созданию своего главного труда — «Саги об исландцах». А. В. Циммерлинг определяет временные рамки составления саги 1281–1284 гг. [9, с. 16–17]. Примерно в это же время записываются и «родовые саги», корни которых уходят в устную традицию. Точно датировать саговые памятники невозможно, но специалисты сходятся на том, что записывать прежде передающиеся устно саги начали не раньше середины XIII в. Некоторые «родовые саги» были перенесены на пергамент и бумагу уже в «норвежский век». Поэтому несмотря на то, что они рассказывают о событиях X столетия, судебные тяжбы в текстах разбираются согласно правовым нормам норвежских законодательных уложений 1271 и 1281 гг. [10, р. 125].

Причины массового перевода устного творчества в письменную форму, очевидно, кроются в переменах, которые постигли островное общество. Покорившись внешней силе, исландские аристократы были обеспокоены угрозой потерять верховенство в стране. Запись «родовых саг» подтверждала роль ведущих родов в истории Исландии, хранила память об этом, чем в известном смысле защищала высокое положение хёвдингов от выскочек из низших слоев общества, получивших возможность наравне с магнатами выслужиться перед королем. Являясь ностальгическими памятниками по временам безраздельного могущества старого нобилитета, «родовые саги» находили аудиторию среди знатной «интеллигенции», не желавшей терять свое влияние в новых условиях. Страх хёвдингов, что память о временах их бесконечной власти на острове сотрется, будто бы заставил их срочно заняться тем, чтобы сохранить в письменном виде свидетельства своего бывшего могущества,

прежде ходившие из уст в уста, — «родовые саги». С другой стороны, в то же самое время появляются саги «документальные», которые составлялись для другой аудитории. Созданная в первом десятилетии XIV в. под руководством епископа с Палатного Холма Арни Хельгасона «Сага о епископе Арни Торлакссоне» не только повествует о противоборстве недавно сложившихся исландских сословий с прежней знатью, но и дает пример человека, который сделал себя сам, идеального с точки зрения реформаторов епископа и католика [13, р. 71]. Таким образом, в Исландии на рубеже XIII–XIV вв. существовали две параллельно развивающиеся литературные традиции. Одна меморизовала прошлое таким, каким его хотели сохранить представители старой родовой знати, а вторая закрепила в исторической памяти появление новой элиты — чиновничества.

Что же позволило сагам долго сохраняться в качестве главного хранилища и средства передачи исторической памяти? В случае с «документальными сагами» — рассказ о новых сословиях по модели старых родов. Сага по-прежнему оставалась рассказом «своего» автора, о «своих» и «своей» же аудитории, которая изменилась по своей сути, и, хотя стала шире, перестала быть сугубо исландской — границы «своего» во всех смыслах были утрачены. Как видно, сохранялась чрезвычайная консервативность организации материала. Перевод же саги в письменную форму стал препятствием для ее дальнейшего развития, т.к. создание изначально ученого текста в письменном виде, интеграция в сагу цитат из документов убивали ее природу, изначально устную и не предусматривавшую появления версии канонической версии.

Список источников и литературы

1. Сага о Людях с Песчаного Берега // Исландские саги. Т. 2 / Пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 23–288.
2. *Стурла Тордарсон*. Сага об исландцах / Пер. с древнеисл., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А. В. Циммерлинга. СПб: Алетейя, 2007. 512 с.
3. *Árna saga biskups* / Utg. Þ. Hauksson. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar, 1972. 207 bls. (Íslensk Fornrit, II).
4. *Boulhousa P.P.* Narrative, Evidence and the Reception of *Járnsíða* // *Sturla Þórðarson: Skald, Chieftain and Lawman* / Ed. by J. V. Sigurðsson, S. Jakobsson. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 223–233.
5. *Sigurðsson J. V.* Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth. Odense: University Press of Southern Denmark, 1999. 255 p.
6. *Schmedling I. B.* «Hinir virtuoztu menn». Biskop Arne Torlakssons reformkirkelige nettverk: Masteroppgave i lektorutdanningen i historie. Trondheim, 2016. 62 s.

7. *Cole R.* *Árna saga biskups / Kafka / Bureaucracy / Desire // Collegium Medievale.* 2015. Vol. 28. P. 37–69.
8. *Hauksson Þ.* *Ingangur // Árna saga biskups / Utg. Þ. Hauksson (Íslensk Fornrit, II).* Reykjavík, Stofnun Árna Magnússonar, 1972. Bls. I–CXI.
9. *Циммерлинг А. В.* Стурла Тордарсон и «Сага об исландцах» // Тордарсон С. Сага об исландцах / Пер. с древнеисл., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А. В. Циммерлинга. СПб: Алетейя, 2007. С. 9–64.
10. *Ólason V., Tómasson S.* *Old Icelandic Prose // A History of Icelandic literature / Ed. by D. Neijmann.* Lincoln: University of Nebraska Press, 2006. P. 1–174.
11. *McTurk R.* *Árna saga biskups by Þorleifur Hauksson (Book Review) // Medium Ævum.* 1975. No. 44.1. P. 113–116.
12. *Sigurdson E. R.* *The Church in Fourteenth-Century Iceland: Ecclesiastical administration, Literacy, and the Formation of an Elite Clerical Identity: PhD thesis.* Leeds, 2011. 246 p.
13. *Haug E.* *Concordats, Statute and Conflict in Árna saga biskups // Collegium Medievale.* 2015. Vol. 28. P. 70–104.

УДК. 94.7.033

Зубова А. Н.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
студент бакалавриата
E-mail: zubova.a@bk.ru

Три женских образа византийского романа XIII– XIV вв.: Хрисорроя, Хрисанца, Родамна

Аннотация. Статья посвящена исследованию женских образов в византийском любовном романе XIII–XIV вв., а именно в произведениях «Каллимах и Хрисорроя», «Бельтандр и Хрисанца», «Либистр и Родамна». Осмысление и сравнение идеальных категорий и образов через призму гендерного подхода и истории повседневности подкрепляют тезис об их трансформации и частичном соответствии реальности Византии того времени.

Ключевые слова: Византия XIII–XIV вв., любовный роман, женский образ.

Zubova A. N.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Institute of International Relations and World History,
Bachelor's program, Student

Three Female Images of the Byzantine Novel of the 13th–14th Centuries: Chrysorroï, Chrysantza, Rhodamne

Abstract. The article focuses on the study of female images of the Byzantine novel of the 13th–14th centuries, namely in the books “Kallimachos and Chrysorroï”, “Belthandros and Chrysantza”, “Livistros and Rhodamne”. The comprehension and comparison of ideal categories and images through the prism of gender and the history of everyday life reinforce the thesis of their transformation and partial compliance with the reality of Byzantium at that time.

Keywords: Byzantium of the 13th–14th centuries, a Byzantine novel, a female image.

Долгое время считалось, что повседневность могут отражать только мемуары, биографии, письма, различные документы. Гораздо реже исследователи обращаются к художественным произведениям, в том числе к любовным романам. А ведь они также являются источником, отражающим настроения в обществе, идеалы и стереотипы.

Византийские любовные романы XIII–XIV вв. традиционно включают в себя такие произведения, как «Каллимах и Хрисорроя», «Бельтандр и Хрисанца», «Либистр и Родамна». Наиболее яркими, на наш взгляд, являются образы главных героинь этих романов, особенно в контексте современных гендерных исследований. В связи с новым подходом к изучению византийской любовной литературы — с точки зрения истории повседневности — интересно проследить, как выглядел идеал женщины в обществе XIII–XIV вв., насколько он «истинно» византийский или наделен чертами западной или восточной культур. Важно проследить трансформацию женского образа от более раннего и сказочного «Каллимаха и Хрисоррой» до более реалистичного «Либистра и Родамны», оценить, насколько главная героиня «Бельтандра и Хрисанцы» близка к ним, а также попытаться сделать вывод об их соответствии реальности той эпохи.

Нам известно, что в Византии важным было не только благонравие, но и красота девушек. Особенно воспевались бледная кожа, стройность (часто в сравнении с кипарисом), голубые глаза и золотистые волосы [1, с. 159]. Что касается христианской добродетели, то женщина должна быть кроткой, смиренной. Чистота почиталась и физическая, и духовная, никаких добрых отношений не предполагалось.

Возлюбленная Каллимаха Хрисорроя — дочь короля и единственная выжившая после разорения родной страны драконом. Она поистине прекрасна: *«Ее волосы струились реками прекрасных локонов и сияли на голове блеском, превосходившим золотые лучи солнца. Ее тело, которое было блее хрусталя, завораживало своей красотой, так как, казалось, в нем сочеталось очарование роз их цветом»* (811–816) [2, р. 108]. В строке 814 автор пишет: *«Σωμα λευκόν υπέρ αυτήν του κρυσταλλου φυσιν»* и сравнивает тело девушки с горным хрусталем, льдом. Интересно, что древнегреческие философы полагали, что горный хрусталь есть лед, превращенный в камень, и именно с ним автор сравнивает тело главной героини.

Впервые мы встречаем эту девушку в замке дракона, подвешенную за волосы. Злодей истязает ее, мучает, но она остается прекрасной. Само имя «Хрисорроя» означает «текущая золотом», и вокруг нее очень много этого драгоценного металла: автор подчеркивает его наличие в убранстве замка, сравнивает с ним волосы героини. Даже в сцене мучения (518) дракон подставляет стул под ее *«золотые ноги»* [2, р. 90].

Во время эпизода в ванне в саду автор сравнивает красоту Хрисоррой с окружающей природой: ее золотые волосы отражаются на золоте дорожки в бане, а также на золотом дереве и виноградной лозе, обвинившей его. Прозрачная кожа Хрисоррой напоминает нам о розах и лилиях, которые

образуют занавес для бани [3, р. 278]. После похищения иностранным царем, находясь в царском саду с Каллимахом, девушка сравнивает себя с растением из сада, которое надо поливать, удобрять, отпугивать птиц, охранять по ночам (2457–2464) [2, р. 204]. Этим должен заниматься мужчина.

Тем не менее, Хрисорроя умна и хитра: она подсказывает Каллимаху спрятаться под лоханью, она же советует ему, как убить дракона. Интересна ее притча о виноградаре (2452–2483) [2, р. 204]. Девушка говорит царю, похитившему ее, о труде и о плодах: *«Да, это подлинный мой царь, меня освободивший: / Он умертвил дракона, он — мой истинный властитель. / Так разве от трудов его плоды ему запретны?»* Ф. А. Петровский отмечает, что этот эпизод напоминает обличение царя Давида пророком Нафаном (2-я Царств 12) [4, с. 388]. Таким образом, в Хрисоррое, помимо большого количества сравнений с золотом, мы видим инициативность, храбрость, умение брать на себя ответственность, ум и, конечно же, красоту.

С Хрисандой читатель впервые сталкивается в замке Эроса — Эротокатроне. Там проходит смотр невест, и Эрос предлагает выбрать прекраснейшую. Здесь Бельтандр начинает перечислять недостатки девушек, но, увидев Хрисанцу, описывает ее как изящную, знатную, буквально — «подобную жезлу из кипариса» (вероятно, стройную, *«κυπαρισσοβεργόλυγος»*). В эпизоде смотра невест, где Бельтандр должен вручить жезл прекраснейшей, на фоне остальных девушек — кто с кривыми зубами, кто с лишним весом — главная героиня выглядит элегантно.

Хрисанца благовоспитанна и обаятельна. Однако стоит упомянуть, что в эпизоде, где Бельтандр видит пророчество на статуе из сапфира, Хрисанце также соответствуют эпитеты «светлая» и «прекрасная» (*πανευμόρφου*) (383–387) [2, р. 250]. Если говорить о более подробном описании внешности, то следует обратить внимание на строки 646–657 [2, р. 266]: *«Εἰς τῶν τὴν αὐλὴν ἐκάθισεν ἢ φύσις, Ἐσὺναξεν, ἐμάζωξε κατὰ λεπτὸν τὰ πάντα, Τοῦ κόσμου ὄλας τὰς χάριτας καὶ τὰς εὐμορφοσύνας, Ἐσὲ, κόρη, τὰς ἔδωκε καὶ κατεπλούτισέ σε, Ἐσὲνα τὰς ἐκάρισε, χαρὰ ἔς ἐσὲνα, κόρη· Τὸ σῶμά σου τὸ εὐγενικὸν ἴσον βεργὴν τὸ ποῖκε, Κυπαρισσοβεργολικὸν ἐδημιούργησέ το, Ἐπειτα ἀνεφύσησεν ὄλον καὶ ψύχωσέ το, Πᾶσα κοτὴν καὶ χάρισμα ζῶν ἐπλαστούργησέ το, Καὶ νὰ καὶ τοῦτο τὸ βεργί, τὸ ὄ βασιλεὺς ἐρώτων Ἐχκέυασε μεθ' ἡδονῆς, ὡς διὰ ἴσένα, κόρη, Ὅρίζω σε, ἀρχόντισσα, ἄπλωσε πιάσέ το»* [Брови черные и чудесно очерчены, Грации работали, чтобы создать красоту ее лица; зубы у нее — жемчужины, на щеках отсвет роз, губы поспорят с лучшими из них, и рот благоухает; подбородок закруглен, руки нежные и белые, шея словно точеная; талия гибкая, как тростник, походка грациозная, вся она совершенна; кажется, она

олицетворение грации. Грудь ее — сад любви, походка — само чудо; когда она движется, поводя вокруг глазами, сердце восхищено, она сводит с ума. Ты сам, о царь, — прости мне смелость речи, — если бы встретил ее, пал бы к ее ногам [5, с. 710]. Довольно часто автор романа называет девушку «сияющей». Вероятно, в том числе и потому, что ее имя происходит от слова «золото». Также Хрисанца хитра: она придумывает план фиктивной женитьбы Бельтандра на своей служанке, чтобы скрыть их роман, и разыгрывает целую комедию в течение 9 месяцев.

В романе придается большое значение королевскому происхождению главных героев: не только Бельтандра, но и его возлюбленную обычно называют «*πορφυρογέννητος*», багрянородной [6, р. 92]. Примечательно, что имена Хрисоррой и Хрисанцы содержат в себе слово «золото», тем не менее, Хрисанцу оно окружает меньше, чем Хрисоррою. Также обеих девушек автор называет «*πανεμόρφου*» — прекрасная, совершенная формой. На наш взгляд, эти две героини имеют довольно много общего: помимо идеальной внешности, они проявляют и свой характер. Так, Хрисанца не стесняется в проявлении своих чувств к Бельтандру, когда сидит в саду при дворце и думает, что ее никто не слышит. Затем следует сцена любви главных героев, противоречащая христианской добродетели. Царская дочь полностью отдает себя этому чувству: когда она думает, что Бельтандр погиб, она готова покончить с собой, обезумев от горя.

Главная героиня «Ливистра и Родамны» — более позднего романа, относящегося к XIV в., — дочь царя Хриса, надменная и гордая. Внешность Родамны описывается по уже известным нам канонам: бледная кожа, губы как розы, золотистые волосы. Роза занимает центральное место в ее образе: «*ее губы были красными и тонкими, как роза, когда она откроется на рассвете, чтобы получить росы*» [*κόκκινα χείλη καὶ πτενά, ὡς τὸ κόκκινον ρόδου | ὅταν τὴν ἀνοίγει αὐτὴν νὰ δέξεται δροσίαν*] (2562–2563) [7, р. 314].

Роза, которая так часто встречается в этом описании, была, вероятно, посвящена Афродите, и эта связь, безусловно, была понятна византийцам. Помимо роз, часто упоминаются и лилии. Сохраняя значение королевского атрибута, лилия в раннем Средневековье приобретает отчетливый религиозный смысл, главным образом христологический. Христа нередко изображают в окружении лилий. Постепенно к этому значению присоединяется символика, связанная с распространением культа Девы Марии, с которой отныне ассоциируют стих Песни песней (2:2): «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами», а также многочисленные примеры из Писания и комментариев Отцов Церкви,

где лилия представлена как символ чистоты и непорочности. В XIII в. распространенность лилии в качестве атрибута Девы Марии достигла своего апогея [8, с. 102–114]. На наш взгляд, символы розы и лилии — это две противоположности, чувственности и непорочности. И главная героиня совмещает в себе как страсть, так и благовоспитанность.

Автор отмечает, что Родамна была одета «*по моде латинян*» (*λατινικά τὰ ρούχα της*) (1073) [7, р. 272], в золотом плаще, спускающемся почти до земли. Платье ее темно-красное, золотисто-красное (*χρυσοκόκκινος*). Конь ее — снежной белизны; сочетание красного с белым встречается и в других местах романа. Что касается символики цвета, то красный — это цвет власти, ведь даже император Византии носит пурпур, сохраняя античные традиции. В геральдике красный цвет возвеличивает и возвышает. Это цвет, полный жизни, энергичный, даже агрессивный [9, с. 145]. Белый же — Луна, серебро, чистота, девственность. Золото и серебро — два аспекта одной и той же космической реальности. Алхимия гласила, что белый цвет — это «женский принцип», ртуть, белая лилия — женщина [10, с. 361]. Белый цвет ведет нас к таким понятиям, как чистота, опрятность, бессмертие и осмысленность порядка. Поэтому Родамна — сочетание возвышенности моральной и власти как таковой.

Родамна так хороша, что один ее вид поработает сердца, и никогда земля не производила ничего более прекрасного. Лицо ее округло, как полная луна, цвет его бел как снег; взгляд темных глаз ее кроток и прекрасен. Руками самих Граций очерчена линия ее носа [5, с. 726]. Также автор говорит, что в ясных глазах Родамны он видит свое отражение, как в чистейшем зеркале — и это в том числе характеристика ее души. Родамна для Ливистра — *ήλιογεννημένη*, рожденная солнцем (1142) [7, р. 274]. В строке 784 главный герой говорит: «*Зову тебя своей госпожой и своим светом*».

На наш взгляд, характер Родамны значительно отличается от Хрисоррой и Хрисанцы. Ее независимость, откровенность — это как раз последствия западного влияния. Да, безусловно, все эти три героини хитры и инициативны, но Родамна еще и прямолинейна: ей не нужны метафоры и аллегории, чтобы сказать своему отцу, царю Хрису, что она не пойдет замуж за Вердериха и всей душой любит Ливистра.

Таким образом, три героини являются идеалами своей эпохи: бледнолицые, с золотыми волосами, с губами как роза, с прекрасными чертами лица, как будто их сотворили сами Грации. Вместе с тем, нельзя сказать, что Хрисорроя, Хрисанца и Родамна являются образцом христианской кротости — они инициативны, хитры, не скрывают своих чувств

по отношению к главным героям. Образ Родамны, пожалуй, является наиболее приближенным к реальности. И в самом романе используются конкретные географические названия, отсылки к латинянам и ромеям, к западной культуре (например, сцена с рыцарским турниром), и главная героиня здесь более приземленная. Хрисорроя и Хрисанца, несмотря на личностные качества, ощущаются читателем больше как «дама в беде», в то время как Родамна более стойкая и решительная. Примечателен эпизод, когда после ее похищения египетским царем Вердерихом она хранит целомудрие и не поддается своему мучителю; потом она содержит небольшую гостиницу на берегу моря.

Безусловно, эти три образа утрированно идеальны, но имеют много общего с литературными традициями эпохи, особенно внешность. А вот целомудрия и скромности героини часто не проявляют. Вероятно, это была попытка эскапизма слушательниц таких романов — то, что им было недоступно в реальности, они получали через погружение в мир любовных книг.

Список источников и литературы

1. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989. 304 с.
2. Romanzi cavallereschi bizantini: Callimaco e Crisorroe, Beltandro e Crisanza, Storia di Achille, Florio e Plaziafiore, Storia di Apollonio di Tiro, Favola consolatoria sulla Cattiva e la Buona Sorte / Ed. by C. Cupane. Turin: Utet, 1995. 734 p.
3. *Goldwyn A. J., Nilsson I.* Reading the Late Byzantine romance. A Handbook. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 369 p.
4. Памятники византийской литературы IV–IX веков / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1969. 463 с.
5. *Диль Ш.* Византийские портреты / Пер. с фр. М. В. Безобразовой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 742 с.
6. *Garland L.* The “*Βεργὴν Τρικλωνον*” of Belthandros and Chrysantza: a note on a popular verse romance and its sources // *Byzantinische Zeitschrift*. 1989. Vol. 82. P. 87–95.
7. *Wagner W.* Trois poèmes grecs du Moyen-Age. Berlin, S. Calvary, 1881. 350 p.
8. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / Пер. с франц. Е. Решетниковой. СПб: Alexandria, 2012. 448 с.
9. *Пастуро М.* Красный. История цвета / Пер. с франц. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 160 с.
10. *Базарбаева А.* Этапы развития цветового символизма (на примере белого цвета) // Молодой ученый. 2017. № 9(143). С. 360–362.

УДК 94(450)

Савин Л. В.

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
студент магистратуры
E-mail: lsavin99@yandex.ru

Некоторые соображения по поводу семейных книг и экономической жизни горожанина во Флоренции XIII–XV веков

Аннотация. В статье на примере семейной книги флорентийского рода Антеллези (XIII–XV вв.) рассматриваются некоторые аспекты экономической жизни горожан Центральной Италии в период Средневековья. Также анализируются вопросы, связанные с использованием семейных книг в качестве исторического источника по социально-экономической проблематике.

Ключевые слова: средневековая Италия, средневековая Флоренция, Тоскана, семейные книги, исторический источник, социально-экономическая история.

Savin L. V.

Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Master's program, Student
E-mail: lsavin99@yandex.ru

Some Reflections on the Family Books and the Economic Life of the Florence Citizens in 13th-15th Centuries

Abstract. This article deals with some aspects of the economic life of citizens in Central Italy during the Medieval period on the example of family book of Italian family dell'Antella (13th-15th centuries). Moreover, the article analyzes the issues of using family books as a historical source for developing the socio-economic field.

Keywords: Medieval Italy, Medieval Florence, Tuscany, family books, historical source, socio-economic history.

Изучение социально-экономической истории в медиевистике имеет давнюю и прочную традицию как в зарубежной, так и отечественной историографии. В ходе решения научных задач авторы совершенствуют

и разрабатывают новые исследовательские методики: они касаются и оптики, через которую рассматривается изучаемый автором предмет, а также, что немаловажно, подходов к работе с источниками в целом. Помимо «качественных» исканий в области источниковедения, обнаруживающих новые способы увеличить «информационную отдачу» источников, исследователь может прибегнуть к вовлечению нового (для исследуемой предметной области) типа и вида источников. Такое, однако, происходит не всегда — многое здесь зависит от страноведческих, темпоральных и тематических границ исследования, детерминирующих, в конечном итоге, полноту, а также доступность источниковой базы для исследователя. «Колебания» этих переменных от одной научной проблемы к другой будут значительно сказываться на ходе и результате самого исследования, но, не имея возможности проанализировать каждую из них, постараемся отметить наиболее существенное в рамках данной статьи.

Для социально-экономической и аграрной истории Италии в период позднего Средневековья ситуация в этом отношении складывается известным образом: мы имеем, как правило, внушительное количество архивных материалов, которые позволяют исследователю выстроить адекватную и репрезентативную основу, за редкими исключениями, практически для любого исследования в указанной области — актов, материал, данные кадастров, статуты и др. Насколько высока информативность этих источников, в какой степени они позволяют исследователю получить ответы на ключевые вопросы — это проблема, которая может быть решена только в рамках отдельного большого исследования.

Многие итальянские историки, будь то историки крупных национальных центров Тосканы, Лигурии, Ломбардии или историки-краеведы в небольших городках или коммунах, в своих исследованиях активно обращаются к архивному материалу, вовлекая в научный оборот новые и новые источники, весьма редко выходя при этом за рамки их традиционной видовой принадлежности. Иначе говоря, в обращении к «косвенным», в каком-то смысле нетрадиционным для изучения итальянской социально-экономической и аграрной истории источникам нет острой необходимости: сама «генеральная совокупность» источников для этого полна и еще далеко не исчерпана, а информативность традиционного для таких работ корпуса источников вполне достаточна для решения поставленных исследовательских задач.

Однако было бы неосмотрительным представлять такое положение дел излишне «зацементированным». В данной статье мы проанализиру-

ем одно из направлений, подчеркивающих динамику подхода к источникам в настоящее время.

На протяжении XX века в историографии постепенно возрастал интерес к семейным книгам итальянских горожан, активное создание которых хронологически выпадает на период позднего Средневековья и раннего Нового Времени, а с географической точки зрения, в первую очередь следует говорить о семейных книгах Тосканы, Центральной Италии (в частности, Флоренции) как образца такого рода источников, хотя это явление ни Тосканой, ни Италией не ограничивалось^[1].

Феномен семейных книг уже давно изучается в западноевропейской исторической науке [4; 5; 6]. Не обходила вниманием эту проблему и советская [7] и российская историография начала XXI века [8], а некоторые важные работы в отечественной итальянистике последних лет [9; 10], на основе которых выстраиваются крупные исследования [11], вкупе с предыдущими наработками привносят в научное пространство ощутимую ясность и задают важные направления для аналогичных исследований [12].

Для нас важно отметить следующий факт: такого рода источники начинают (и по сей день продолжают) использоваться для решения исследовательских задач на довольно обширной тематической палитре. И хотя фронт для использования таких источников в качестве инструмента познания прошлого остается преимущественно историко-антропологическим [13, с. 60], они активно используются для исследования социальной, политической и — что необходимо выделить отдельно — экономической истории.

Оправданность такого вовлечения историков в изучение семейных книг для поиска ответов на вопросы социально-экономической истории обнаруживается не только в реальных итогах исследований и приращении научного знания, но и в самом движении — в обращении к такому виду источников многих выдающихся историков-экономистов и аграрников, к примеру, Джованни Керубини [14; 15, р. 269–287]. Более подробные причины, границы и некоторые мысли насчет возможностей и перспектив использования такого рода источника в социально-эко-

¹ Не менее интересной является проблема отсутствия большого количества источников такого рода в иных, не менее развитых итальянских регионах. О скудости книг памяти у венецианцев см.: [2]. С имеющимся корпусом книг памяти венецианцев можно познакомиться, например, в [3].

номических исследованиях будут высказаны нами в итоговых выводах к статье.

Мы рассмотрим «Тетрадь памятных заметок» рода Антеллези [16]. Эта книга памяти — одна из самых ранних меморий, зафиксированная историками, и, по всей видимости, демонстрирует одно из направлений эволюции данного вида источников, которые первоначально «вырастают» из бухгалтерских или иных форм хозяйственных записей [13, с. 60].

Одна из особенностей данного источника, повествующего об истории одного из знатных флорентийских родов, заключается в продолжительности и авторстве этой мемории, которая писалась из поколения в поколение: начало повествования принадлежит перу Гвидо дель Антелла и хронологически охватывает почти всю вторую половину XIII в. и начало XIV века, в 1328 году мемория была продолжена его сыновьями², а также некоторыми другими неназванными представителями семьи [13, с. 61]. Далее текст имеет лауну практически в 50 лет, а затем возобновляется в последней трети XIV века Филиппо дель Антелла и его сыном Америго, повествование которых обрывается в 1405 году.

Первая часть семейной книги может, пусть и весьма приблизительно, нарисовать нам портрет зачинателя книги Гвидо дель Антелла. Гвидо, вероятно, был опытным, много повидавшим человеком: в первой части своей книги, хронологически охватывающей преимущественно конец XIII века, он повествует о своих многочисленных поездках (Генуя, Венеция, Флоренция и т. д.), о встречах и хозяйственных контактах (*compagnie di negozii*) с людьми, с которыми ему доводилось пересекаться.

Вторая часть книги уточняет эту картину: в ней присутствует описание документов, связанных со сделками (*descrizione di carte di negozii*), а также мотивация (!) (*ragione*³), *из-за которой эти сделки были совершенны. Благодаря этим документам можно узнать, что Гвидо имел очень широкие деловые контакты: на страницах описываются связи с людьми предположительно благородного происхождения⁴, сотрудничество*

² За исключением Сандро, младшего из них, имена нам неизвестны.

³ В самом документе указано слово *rezone*, но комментатор к публикации источника указывает, что некоторые искажения в письменной речи источника, намеренно оставленные публикаторами, были следствием долгих путешествий автора этих заметок [16, р. 7].

⁴ Речь идет о некоем сэре Танкреди Алькольти из Пистойи, однако «сэр» как знак титулования может подразумевать как благородных, так и светских и духовных лиц неблагородного происхождения (капеллан, чаще — нотариус и др.).

с одним из старейших флорентийских цехов Калимала, приводятся копии соглашений, заключенных в других странах, и так далее [16, р. 7–8].

В одной из следующих частей книги мы можем узнать, пусть и с некоторыми лакунами, о свадьбах сестер Гвидо, а также о некоторых покупках, совершенных им и его братьями. Так, в 1285 году Гвидо и его брат Нери купили у Ламберто дель Антелла треть дома, принадлежавшего сыну Левиты да Мальяно, за цену в 200 малых лир, за 55 малых лир еще небольшую часть «низкого дома» (*case basse*), а также некоторые другие приобретения [16, р. 9].

Встречаются и любопытные детали: так, в 1296 году Гвидо «для себя самого» (*per te proprio*) купил в приходе Санто Ромоло три дома у Гвидо Компаньи⁵ (с ним были сделки и ранее) по цене 800 малых лир [16, р. 10]. Также Гвидо указывает, что уже в 1297 году один из этих домов, а также часть другого дома он продал своему брату Барцеллино за хорошую сумму в 212 золотых флоринов [16, р. 10].

В том же 1297 году Гвидо вновь покупает для себя подере в Санто Амбруоджо у фермера Рафакани (*massaio Rafakani*) за 900 малых лир, а затем вкладывает еще 300 лир на различные работы в доме и во дворе [16, р. 10].

Другие части семейной книги могут уточнить имущественные операции Гвидо: так, в одной из них он рассказывает о дележе имущества между ним и его братом (*divisioni di veni*), а также о дополнительных покупках домов, нескольких подере, виноградников, а также участков леса (*bosco*) [16, р. 11–12]. Стоит отметить, что в вопросе приобретения земельных участков и жилых домов на страницах книги проглядывает известная «кучность», единство, что уже отмечалось в качестве свойственной горожанам тенденции в соответствующей литературе [11, с. 369–384].

После смерти Гвидо, когда авторство семейной книги перешло к его потомкам, весьма интересными представляются некоторые разделы, которые могут пролить свет на важнейшие стороны ремесленной и аграрной жизни во второй половине XIV века. Так, например, в книге присутствует раздел, где фиксируется состав прислуги, няnek и рабынь (*Serve, balie et schiavi*), а также различные денежные и имущественные операции, с ними связанные [16, р. 15–18].

⁵ Являлся братом известного Дино Компаньи [16, р. 9].

Два других интереснейших раздела книги повествуют о некоторых ключевых для хозяйственной жизни горожан сферах: в первом на двух страницах кратко освещается приобретение и управление дель Антелла нескольких шерстяных мастерских — *bottega* [16, р. 18–19], что позволяет уточнить стоимость операций с недвижимостью, а также некоторые данные о функционировании мастерских шерстяников.

Отдельный и подробный раздел посвящен хозяйствованию на подере и сельскохозяйственным работникам [16, р. 19–22]. Здесь содержатся редкие и весьма любопытные данные о ссудах и различных денежных операциях между представителями семьи дель Антелла и их работниками, а также объем обязательств работников, повинностей, сельскохозяйственных культур и скота. Исходя из источника, очевидно, что на нескольких подере семьи дель Антелла трудились исполщики. В тексте не только довольно подробно прописаны обязательства исполщиков по сбору и дележке урожая, но и указаны требуемые землевладельцем действия по усовершенствованию земельного участка, механизмы покупки скота (на кого возлагаются риски, каков алгоритм расходования ссужаемых денег и их возврата), а также некоторые данные о дополнительных подношениях.

Любопытно отметить, что имя Америго, сына Филиппо дель Антелла и последнего автора семейной книги, заканчивающего повествование в 1405 году, обнаруживается в знаменитом флорентийском кадастре 1427 года [17]. На тот момент Америго было 53 года, и, согласно кадастру, он являлся вдовцом. Благодаря данным кадастра мы можем узнать, что в его собственности находился дом, в котором он и проживал, где-то во Флорентийской округе, а всего он обладал скромными капиталами в размере 385 флоринов (380 из которых приходились на недвижимое имущество, и только 5 на движимое), тогда как налогооблагаемыми активами обозначалось имущество в 209 флоринов. На тот момент он являлся главой семьи, состоявшей всего из двух «едоков» (*bocche*).

Таким образом, анализ источника позволяет нам в общих чертах обрисовать социальную и экономическую жизнь флорентийского горожанина в период с конца XIII в. по конец XIV в. В заключение хотелось бы эксплицировать некоторые важные нюансы, связанные с использованием таких источников в русле социально-экономических изысканий.

В первую очередь, обращение к ним закономерно. При работе с материалом по аграрной истории или истории городской экономики — хозяйственной деятельности горожан — мы сталкиваемся с большими массивами квантифицируемых данных (размеры парцелл и подере, объемы

и потоки рент, доходность хозяйств, показатели кадастров и пр.), которые необходимо описать, проанализировать и интерпретировать. Сведение этих данных в таблицы, а затем их дальнейшая обработка, факторные, кластерные, регрессионные анализы и поиски коэффициентов корреляции — верный и адекватный путь для поставленных задач. За математическими методами в исторических исследованиях будущее, которое сможет дать нам ответы на множество дискуссионных вопросов.

При этом пренебрегать антропологическим измерением в социально-экономических исследованиях не стоит. Последним, в связи с особенностями источниковой базы, а также имеющихся у нас данных, зачастую не хватает микроисторической оптики, «исторического движения», дополнительной *плоскости*, которая бы сделала картину, которую широкими мазками пытается изобразить историк, чуть более объемной. Не зря, например, выдающийся отечественный исследователь итальянской социальной и экономической жизни в Средневековье Любовь Александровна Котельникова в своей монографии «Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках» при написании раздела о хозяйственной деятельности пополанов избрала в качестве предмета изучения индивидуальные хозяйственные биографии⁶ [18, с. 113].

Именно такая исследовательская оптика позволяет должным образом проследить динамику хозяйственной жизни пополанов: потоки капиталов в различных отраслях экономики, экономические интересы и приоритеты горожан, логистику и стратегии социальной жизни хозяйствующего субъекта, короче, взаимоотношения города и деревни (структурообразующей для итальянского феодального общества проблемы) в ее реальном, конкретном измерении.

Разумеется, такой подход весьма ограничен. Данные его, ввиду значительного акцента на логике единичного, особенного, не будут в полной мере репрезентативны и не могут (а если и могут, то с большой осторожностью) служить для различного рода исторических обобщений. Хотя многое, конечно, зависит от той задачи, которую ставит перед собой исследователь.

Исключительное значение такого рода источникового материала обнаруживается при использовании его для уточнения важных деталей всей реконструируемой историками панорамы социально-экономической жизни. В этом отношении показателен пример, подчеркнутый в свое время Джо-

⁶ Для этого, разумеется, были и иные причины, в частности — ограниченное количество доступных источников.

ванні Керубіні, котрий обратил внимание на достовірні дані про проценти на ссужаемі гроші, а також о цінах на нерухоме майно при заключенні договорів куплі-продажу (*contratti di compravendita*), що містяться в *ricordanza*: ці дані відрізнялися від традиційного актового матеріалу, поскільки бажання знизити податкові платежі, а також християнський етос, порицавший ростовщичество, нерідко искажав відповідні дані в нотаріальних документах [14, с. 590].

В зв'язі з цим, особливо приймаючи до уваги відображені в сімейній книжці дані про становище іспольщиків, можна поставити кілька цікавих питань: що нам, наприклад, може сказати той факт, що становище іспольщиків згідно актового матеріалу звичайно більш сприятливе, ніж становище іспольщиків, відкривається історикам на сторінках сімейних книжок? Така гіпотеза потребує більш детального розгляду і широкого репрезентативної бази, однак важливо відзначити, що використання такого виду джерел разом з актовим матеріалом надасть можливість не тільки доповнити картину соціально-економічного життя Італії відповідного періоду, але і проблематизувати дані одного виду джерел іншим. Так чи інакше, у такому підході, як звернення до сімейних книжок для вивчення соціально-економічної і аграрної історії, є неоспоримі переваги, виявляються перспективи і успішні приклади його використання в академічних дослідженнях⁷, однак завжди слід чітко усвідомлювати, на які питання зможе дати відповідь той чи інший вид джерела.

Список источников и литературы

1. *Bartoli L. A.* La scrittura del italiano. Bologna: Il Mulino, 2000. 182 p.
2. *Grubb J. S.* Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep *ricordanze* // *Renaissance Studies*. 1994. No. 8. P. 375–387.
3. *Bellavitis A.* Family memoirs from Venice, 15th-17th centuries. Rome, Viella, 2009. 400 p.
4. *Cicchetti A., Mordenti R.* La scrittura dei libri di famiglia // *Letteratura italiana*. A cura di A. Asor Rosa. Vol. III. Le forme del testo. Vol. II. La prosa. Torino, 1984. P. 1117–1159.
5. *Cicchetti A., Mordenti R.* I “libri di famiglia” (problemi di storiografia letteraria e metodologia della ricerca) // *Materiali per la didattica e la ricerca*. Roma, 1983. P. 31–36.

⁷ Образцовый, на наш взгляд, пример, где некоторые данные уточняются благодаря книжкам памяти, содержится в работах Эмилио Конти [19].

6. *Anselmi G. M., Pezzarossa F., Avellini L.* La memoria dei mercatores. Tendenze ideologiche, ricordanze, artigianato in versi nella Firenze del Quattrocento. Bologna: Patron Editore, 1980. 241 p.
7. *Ролова А. Д.* Флорентийские хроники и дневники второй половины XIV в. как исторический источник // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979. С. 171–188.
8. *Зарецкий Ю. П.* Автобиографии пополанов: флорентийцы XIV–XV веков о себе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. М.: Наука, 2000. С. 306–311.
9. *Краснова И. А.* История издания флорентийских семейных книг в XVIII–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2017. № 36. С. 282–292.
10. *Юсим М. А.* «Книги о семье»: природа, вирту и примирение крайностей // Альберти Леон Баттиста. Книги о семье / Пер. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.
11. *Краснова И. А.* Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
12. *Дмитриева М. И.* Городские хроники Сиены XIV века как источники по изучению представлений пополанов об обществе и власти // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 3. С. 37–43.
13. *Краснова И. А.* Память рода в семейных книгах Флоренции XIV–XV веков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 59–65.
14. *Cherubini G.* I libri di ricordanze come fonte storica // *Civiltà comunale: libro, scrittura, documento.* Genova, 1989. P. 567–591.
15. *Cherubini G.* Scritti toscani. L'urbanesimo medievale e la mezzadria. Firenze, Salimbeni, 1991. 384 p.
16. Ricordi di Guido di Filippo di Ghildone dell' Antella e dei suoi Figliuoli e Discendenti (1298–1405). Avvertimento di F. Polidori e G. Canestrini // *Archivio storico italiano.* Firenze, 1843. Vol. IV. No. 1. P. 112–123.
17. Catasto of 1427. Version 1.3 / Ed. by D. Herlihy, C. Klapisch-Zuber, R. Burr Litchfield, A. Molho [Machine readable data file based on D. Herlihy and C. Klapisch-Zuber, Census and Property Survey of Florentine Domains in the Province of Tuscany, 1427–1480] Florentine Renaissance Resources/STG: Brown University, Providence, R.I., 2002 [Электронный ресурс] URL: https://cds.library.brown.edu/projects/catasto/newsearch/sqlform.php?referred=yes&drilldown=yes&stg_id=50002913 (дата обращения: 24.10.2022).
18. *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М.: Наука, 1987. 252 с.
19. *Conti E.* I catasti agrari della Repubblica fiorentina e il catasto particellare toscano (secoli XIV–XIX). Roma, 1966. 249 p.

УДК 94(450).05

Джурко К.А

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата
E-mail: st085031@student.spbu.ru

Этическая концепция Леона Баттисты Альберти по его «Книгам о семье»

Аннотация. Статья посвящена исследованию социально-этических взглядов Леона Баттисты Альберти (1404–1472), изложенных в его «Книгах о семье». Сочинение отражает целый спектр идей и воззрений гуманиста, появившихся под влиянием личных и общественных событий. Несмотря на то, что это первое крупное этическое произведение Альберти, он сумел отразить в нем цельную концепцию взглядов на вопросы семьи, брака и воспитания детей.

Ключевые слова: Леон Баттиста Альберти, «Книги о семье», итальянский гуманизм эпохи Возрождения.

Dzhurko K. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student
E-mail: st085031@student.spbu.ru

The Ethical Concept of Leon Battista Alberti According to his books “On the Family”

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-ethical views of Leon Battista Alberti (1404–1472), according to his dialogue “On the Family”. The dialogue reflects a whole range of ideas and views of the humanist, which appeared under the influence of personal and social events. Despite the fact that the first major ethical work of a humanist, he managed to reflect in it a whole concept of views on family issues.

Keywords: Leon Battista Alberti, the books “On the Family”, Italian Renaissance humanism.

Особое место в творчестве Леона Баттисты Альберти принадлежит одному из первых его этических сочинений — «Книгам о семье» [1]. Отраженные в нем идеи о воспитании детей, развитии в человеке добродетели через созидание и умственный или физический труд, вопросы власти и политики сформировали этическую концепцию гуманиста.

Сочинение отражает социально-этические взгляды, которые в таком масштабе гуманист озвучивает впервые, ведь до появления «Книг о семье» он писал небольшие произведения узкой направленности. Кроме того, исследование идей Леона Баттисты Альберти, изложенных в этом диалоге, дает представление о том, как изменялся институт семьи в XV веке и как к этому относились современники.

Идеи Альберти интересовали и продолжают интересовать многих историков и культурологов, занимающихся эпохой Возрождения. В историографии, посвященной Альберти, из многочисленных трудов, анализирующих его этическую концепцию, выделим основные. Начиная с классического сочинения «Культура Италии в эпоху Возрождения» [2] швейцарского историка культуры Якоба Буркхардта, который говорил об Альберти как о могучей личности, как физически, так и духовно, и отмечал, что *«без интенсивнейшего сосредоточения воли эта личность не удержала бы своей цельности»* [2, с. 130], до Эудженио Гарэна [3], которому принадлежит заслуга «открытия» и научного издания в 1964 г. ряда сочинений Леона Баттисты Альберти (из цикла его басен и аллегорий «Застольные беседы») [4, с. 4], исследователи отмечали своеобразие и оригинальность его этической концепции.

Во второй половине XX века, в особенности в последние его десятилетия, вышло немало переводов сочинений Альберти и исследований, посвященных переосмыслению идей и творчества гуманиста. В конце 1990-х гг. было создано международное общество «Леон Баттиста Альберти» с центром в Париже, под руководством Итальянского института философских исследований (Istituto italiano per gli studi filosofici), издающее ежегодник «Albertiana». Его директор Франческо Фурлан, филолог и историк неолатинского и итальянского языков эпохи Возрождения, который считается одним из самых выдающихся современных исследователей литературных произведений Альберти, стал автором критического издания и комментариев к «Книгам о семье» [5], которые он охарактеризовал как *«великий шедевр, настоящий манифест гуманистической цивилизации»* [6].

В отечественной историографии особое место этической концепции Альберти в истории гуманизма придавала Мэри Лазаревна Абрамсон. Исследовательница обращала внимание на исключительную особенность творчества гуманиста — синтез этики и эстетики, их постоянное переплетение [7]. Автором крупнейших исследований по анализу этических идей Альберти была Лидия Михайловна Брагина, которая отмечала особую глубину идейного содержания произведений Альберти и его

блестящий стиль, обогативший латинскую прозу эпохи Возрождения [8, с. 130]. Не менее высоко оценивает творчество Альберти Нина Викторовна Ревякина, отмечающая, что из всех гуманистов прежде всего Альберти разрабатывал варианты гармонической связи общественного блага, интересов семьи и личности [9, с. 14]. Крупнейший современный итальянист Марк Аркадьевич Юсим перевел диалог Альберти «О семье» на русский язык [1], именно это издание исследовано в данной работе.

В статье мы не только рассмотрим этические взгляды Альберти в его «Книгах о семье», но и обратимся к истории написания диалога, отчасти объясняющей его содержание.

К моменту написания «Книг о семье», то есть в 1434–1441 гг., Альберти уже окончил Болонский университет и стал доктором канонического права (1428 г.), получил должность секретаря у кардинала Альбергати и начал работать в папской канцелярии (1432 г.). Параллельно с этим Леон Баттиста писал свои первые сочинения. Владея латинским языком в совершенстве, Альберти каждый раз решал вопрос о выборе языка своего сочинения, ориентируясь на потенциальных читателей [10, с. 5]. Так «*для своих близких, ввиду их незнакомства с латинским языком, он написал на тосканском наречии*» или вольгаре (*volgare*), на котором говорили во Флоренции, первые три книги «О семье». Однако эти книги были «*не отделаны и шероховаты, и тосканское наречие не было в них выдержано*» [11, с. XXI]. В сочинении много латинизмов, особенно в последней книге, некоторые из них сохранены даже в переводе на русский язык. Историки и лингвисты до сих пор исследуют трактовку некоторых из подобных латинизмов, что вызывает расхождения в значениях. Кроме того, М. А. Юсим в статье, сопровождающей русский перевод, указывает на то, что, вероятно, Альберти во время доработки пополнял текст, во всяком случае, в современных текстах, публикуемых по сохранившимся рукописям, остались некоторые нестыковки и лакуны [12, с. 328].

Как и любой другой социальный институт, семья в итальянских городах в эпоху Возрождения претерпевала изменения. Гуманисты по-разному оценивали эти изменения. Рост индивидуалистических настроений, концентрирование внимания на человеке, его чувствах, действиях повлекли за собой изменения в семейных отношениях. В эпоху Возрождения начинает развиваться философия любви. Любовь мужа и жены приобретает большее значение. Становятся возможны браки, основанные на добровольном союзе, появляются новые духовные веяния [13, с. 144]. Однако все еще сохраняется идея о репродуктивной функции

семьи как основной и биологически обусловленной причине создания семьи.

Большинство гуманистов, в том числе ранних, придерживаются идеи о рациональной обусловленности создания семьи и продолжения рода. Например, Колюччо Салютати (1331–1406) рассматривает семью как природную обязанность, которую должен выполнить каждый человек: *«Отказываясь производить потомство, люди уничтожают то, что в них произвела природа; они становятся несправедливыми по отношению к самим себе, своим близким, злыми по отношению к роду, человеку и в высшей степени неблагодарными по отношению к природе. Не оставив детей, человек будет несправедлив к своим предкам, так как уничтожит имя и славу рода. Он будет несправедлив к родине, не оставив ей после себя защитника, злобен по отношению к роду человеческому, который погибнет, если его не будет поддерживать непрерывная преемственность поколений»* [13, с. 145]. Родоначальник «гражданского» гуманизма, канцлер Флорентийской республики Леонардо Бруни (1370/1374–1444) отмечал необходимость официального брака для общего блага республики. Он считал, что семья — основополагающий союз, который сохраняет весь город, и ничего нельзя достичь, если этого союза не существует. А супружеская любовь сама по себе является естественной и законной [14, с. 19].

Леон Баттиста Альберти (1404–1472) выделяется своими взглядами на вопросы семьи, брака и хозяйства, воспитания детей, поскольку его концепция в «Книгах о семье» в большей степени, чем это было у ранних гуманистов, представляет связь рационального и чувственного компонентов в вопросах семьи и брака [13, с. 145]. С одной стороны, он отмечает необходимость для каждой семьи продолжить свой род, произвести детей, которые приведут фамилию к славе и успеху, с другой — указывает на эмоциональную составляющую воспитания детей, что они являются не только средством на пути к величию семейства, но и величайшей радостью для отцов.

Для Альберти семья — маленькое государство, поэтому так важно сначала наладить отношения в семье, а уже потом заниматься решением государственных проблем. Альберти пишет: *«Любовь и добросердечие, присущие мне по натуре, заставляют меня предпочесть всему семью. Но для содержания семьи требуется состояние, а для сохранения состояния и семьи нужны друзья, с которыми ты можешь советоваться и которые помогут тебе в беде. Для того же, чтобы разделить с друзьями плоды, приносимые имуществом, семьей и дружбой, необходимо уважение*

и известное почитание со стороны окружающих» [1, с. 174]. Это демонстрирует нам важную часть этической концепции Альберти — соблюдение «золотой середины» во всем: нет смысла заниматься обеспечением благ для общества, когда в семье есть проблемы, но, в то же время, дома не может быть в достаточной степени благоприятная обстановка, если ты недостаточно известен и почитаем в обществе.

Важной мыслью, проходящей через все сочинение гуманиста, является необходимость противостоять фортуне добродетелью. Как пишет М. Л. Абрамсон, этические идеи античных авторов к эпохе Возрождения претерпели серьезные изменения: формулируется учение, в центре которого стоит волновавший всех гуманистов вопрос о том, может ли человек быть господином своей судьбы [7, с. 136]. В «Книгах о семье» Альберти убеждает читателя в том, что любой род должен заботиться о своем сохранении и воспитывать в будущих поколениях любовь к труду, который и будет помогать добиваться славы фамилии. Такая мысль имеет полностью автобиографическую обусловленность: все невзгоды, которые гуманист пережил из-за проблем с родственниками, оказали на него сильное влияние. Известно, что родственники не одобрили данный труд Альберти, из-за чего Леон Баттиста даже собирался сжечь рукописи диалогов [12, с. 328].

В своем сочинении Альберти также уделяет значительное внимание взаимоотношениям между супругами и родственниками. В отличие от распространенных браков по расчету, которые заключались родителями будущих супругов, гуманист говорит о важности любви между супругами: *«величайшей можно называть любовь мужа и жены, ибо если источником благоволения служит некое вожделение, то супружество сулит тебе немало наслаждений и удовольствий; если причиной благожелательности бывает общение, то ни с кем ты не сможешь постоянно общаться столь же близко, как с женой; если любовь привязывает и соединяет путем взаимного обмена и передачи твоих чувств и желаний, то самый прямой и открытый путь для их обнаружения и распознавания представляется тебе в отношении к твоей собственной жене и вечной спутнице; если же дружба сопровождает достоинство, то никакой союз с точки зрения благочестия не сравнится с брачным»* [1, с. 84]. Между родственниками должны складываться только дружеские отношения. Члены одной семьи должны помогать друг другу и защищать честь семьи.

Кроме того, в «Книгах о семье» гуманист излагает свои идеи домашнего устройства. Он вводит понятие «бережливость», подразумевая гармоничное

отношение к богатству: его умеренное накопление и такое же использование. Говоря о способах обогащения, Альберти подчеркивает необходимость выбрать такой вид деятельности, который был бы *«наичестнейшим и полезнейшим»*, например, торговля или ремесленное производство [8, с. 165–166].

Ключевое место в «Книгах о семье» занимают педагогические идеи Леона Баттисты Альберти, его взгляды на воспитание детей. В первой книге мы можем выделить детальное описание того, как родители должны выбирать род занятий для обучения своих детей. С самого рождения, когда на ребенка еще не оказано значительное влияние общества, как пишет Альберти, необходимо обращать внимание на знаки, которые подаются самой природой: *«если младенцы, перед которыми щелкают или хлопают руками, смотрят на тебя и к тебе тянутся, это значит, что они пригодны для телесных упражнений и занятий с оружием. Если же они прислушиваются больше к присловьям и напевам, которыми их успокаивают и убаюкивают, тогда им суждены спокойные и досуговые занятия словесностью и наукой»* [1, с. 43]. Отмечать подобные знаки во младенчестве необходимо, чтобы ребенку наиболее успешно давались те или иные занятия. Все это, конечно же, для того, чтобы воспитать достойного и добродетельного человека. *«А добродетель есть не что иное, как совершенное и правильное воспроизведение своей природы»* [1, с. 59].

Таким образом, в сочинении Альберти показаны связи между всеми сферами жизни общества и их влияние друг на друга. Как и другие гуманисты XV века, Леон Баттиста выделяет социальную роль семьи как важнейшей ячейки общества и города в целом, однако для него важен и эмоциональный компонент: отношения между супругами, как и между родителями и детьми, должны быть основаны на любви и взаимоуважении. Именно благодаря своей полноте и фундаментальности труд представляет особую ценность и открывает широкие возможности для его анализа и дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

1. Леон Баттиста Альберти. Книги о семье / Пер. М. А. Юсима // Альберти Л. Б. Книги о семье. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 5–318.
2. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения: Опыт исследования / Пер. с нем. А. Е. Махов; науч. ред., авт. предисл., коммент. К. А. Чекалов. М.: Интрада, 1996. 527 с.
3. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения: избранные работы. М.: Прогресс, 1986. 392 с.

4. Брагина Л. М. Проблемы итальянского Возрождения в трудах Эудженио Гарэна // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. С. 3–33.
5. Furlan F. Nota al testo // Albeiti L. B. I libri della famiglia / A cura di R. Romano, A. Tenenti. Nuova ed. a cura di F. Furlan. Firenze: Einaudi, 1994 (1 ed. 1969). 443 p.
6. Elian S. B. Intervista a Francesco Furlan // Orizzonti culturali italo-romeni — rivista intercultural bilingue [Электронный ресурс]. URL: http://www.orizzonticulturali.it/it_incontri_Francesco-Furlan-intervista.html (дата обращения: 12.10.2022).
7. Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М.: Наука, 1979. 186 с.
8. Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1983. 303 с.
9. Ревякина Н. В. Вступительная статья // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.). М.: УРАО, 1999. С. 5–38.
10. Лазарев В. Н. Леон Баттиста Альберти // Леон Баттиста Альберти: сборник статей. М.: Наука, 1977. С. 3–10.
11. Фрагмент анонимной биографии Леона Баттисты Альберти / Пер. Ф. А. Петровского // Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. В 2 тт. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1933. С. XIX–XXIX.
12. Юсим М. А. «Книги о семье»: природа, вирту и примирение крайностей // Альберти Л. Б. Книги о семье / Пер. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 320–330.
13. Слепцова А. О. Культура повседневности в эпоху Возрождения // Аналитика культурологии. 2010. № 17. С. 142–151.
14. Ануфриенко И. А. Современники и историки о супружестве в итальянском социуме рубежа XIV–XV вв.: дискуссии о семье и браке // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 17–22.

УДК 94

Криворотова А. А.

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
студент магистратуры
E-mail: andr.lalaif.sg@mail.ru, akrivorotova@sfnedu.ru

Реакция городского населения Англии на религиозные преобразования первой половины XVI века

Аннотация. Целью данной статьи является изучение реакции города на религиозные преобразования в Англии первой половины XVI в. Проведенное исследование показало, что восприятие религиозной политики было неоднозначным и зависело от многих факторов, например, варьировалось в зависимости от профессиональной принадлежности, приверженности определенным религиозным идеям и даже значимости каждого отдельного города для Короны.

Ключевые слова: религиозные преобразования в Англии, английский город, Генрих VIII.

Krivorotova A. A.

Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Master's program, Student
E-mail: andr.lalaif.sg@mail.ru, akrivorotova@sfnedu.ru

The Reaction of the Urban Population of England to the Religious Transformations of the First Half of the 16th Century

Abstract. The purpose of the study is to analyze the reaction of the town to religious transformations in England in the first half of the 16th century. The study showed that the perception of religious policy was ambiguous and depended on many factors, for example, it varied depending on professional affiliation, adherence to certain religious ideas and even the significance of each individual town for the Crown.

Keywords: religious transformations in England, English city, Henry VIII.

Религиозные преобразования в Англии первой половины XVI в. хоть и не отличались большой радикальностью, как в некоторых европейских странах, однако затронули все слои населения, в том числе жителей горо-

дов. Целью исследования является изучение реакции мирян, в частности, представителей городского населения, на реформационное движение в Англии в правление Генриха VIII (1509–1547).

Анализ реакции городского населения на религиозные преобразования позволяет полнее изучить мировоззрение жителей английского города первой половины XVI века, понять причины и степень принятия новых идей населением. С другой стороны, интерес к этой теме вызван недостаточной разработанностью вопроса. Данная тема получила освещение в исследованиях Джорджа Бернарда [1], в трудах по локальной истории, например, в работе Имона Даффии [2]. Среди отечественных историков данный вопрос поднимался в трудах А. Н. Савина [3], Ю. А. Серёгиной [4] и др. Однако тема исследования отношения к Реформации в городской среде содержит еще немало белых пятен.

В основе источниковой базы преимущественно лежат документы, относящиеся к истории севера и северо-запада Англии. Оппозиционные настроения здесь проявлялись сильнее, чем в других регионах королевства. В первую очередь речь идет о сведениях смотрителей деревни Морибет [2], в которых упоминаются близлежащие города, об отчетах приходов города Эксетера [5], ордонансах гильдий города Бристоля. Дополняют их сатирическое произведение Люка Шепарда «Доктор Дабл Эль» [6], баллада «Король Джон и епископ» [7] как свидетельство неприятия большинством мирян протестантских идей, сочинение Саймона Фиша «Мольба нищих» [8] как пример распространения протестантских идей в это время, и т. д.

Методология исследования строится на историко-антропологическом, историко-генетическом и историко-сравнительном методах. Также в работе применены общенаучные инструменты: анализ, синтез, аналогия, описание.

Говоря о городской среде Англии, в первую очередь необходимо затронуть привилегированные сословия, принимавшие довольно активное участие в жизни городов. Например, представители джентри, в отличие от крупных аристократических фамилий, которые бывали в городах наездами для улаживания тех или иных дел, чаще проживали в городах. Причем доля дворянства в структуре города во многом зависела от его государственной значимости, но, как правило, была невелика. Численность служителей культа была несколько выше, ведь в городах располагались церкви, соборы, госпитали и т. д. По мнению А. Г. Праздниковой, «в Англии представители духовенства составляли не более 1,5% населения. Вряд ли даже в самом крупном городе — Лондоне — на эти два высших сословия (дворянства и духовенства) приходилось более 2% жителей» [9, с. 57].

В действительности в начале XVI века, несмотря на увеличившиеся темпы урбанизации, когда количество городов стало превышать отметку 500–600, численность именно городского населения составляла всего 20% от общего числа жителей страны, что соответствовало примерно 1/5 всего населения [9, с. 58]. При этом города были центрами культивирования и распространения новых идей и воззрений. Именно в городах начинает распространяться лютеровское учение, которое на страницах печатных изданий начинает ввозиться в Англию с 1518 года [10, с. 53]. Ввиду этого городская среда становится ядром формирования протестантских общин, которые вплоть до 30-х годов XVI века, когда появилась возможность более открыто выражать свои взгляды, старались не привлекать к себе внимания из-за гонений, начатых католической церковью Англии при поддержке Генриха VIII.

Особое место в системе распространения протестантских идей стал занимать Кембридж, чье географическое расположение близ восточных портов королевства обеспечило быстрое укоренение идей протестантизма. А. Ю. Серёгина упоминает таверну «Уайтхорс», именовавшуюся «Малой Германией», где собирались идейные последователи лютеровских воззрений, которые довольно быстро от простых обсуждений догматических основ учения Мартина Лютера перешли к идее организовать проповедническую деятельность на территории Восточной Англии [4, с. 53].

Власть активно боролась с распространявшейся ересью, но, несмотря на это, протестанты появлялись во всех слоях населения города. Среди таковых, например, лондонский купец-суконщик Хамфри Монмут, профинансировавший первый перевод Библии на английский язык [10, с. 54], или лондонский юрист Саймон Фиш, написавший в 1531 г. работу «Мольба нищих» [8, с. 414], в которой серьезной критике подверглась идея чистилища [11, р. 5–46].

Увеличению интереса со стороны горожан к новым религиозным веяниям способствовал английский перевод Священного Писания Тиндела, активно ввозившийся с континента. Когда в 30-е годы XVI века политика королевской власти в отношении Церкви меняется, наблюдаются и изменения позиции протестантских общин. Протестанты видели в начатом процессе церковных преобразований возможность масштабного проникновения своих идей в общество. Так, в Эксетере в 1531 году Томас Бенет, выпускник Кембриджа, вывесил на дверях местного собора текст с разоблачением папской власти, призывавший к ее совершенной ликвидации в Англии. Он был вскоре схвачен, арестован и казнен, поскольку сами религиозные преобразования в это время находились еще в начальной фазе,

хотя почва для их проведения была в значительной степени подготовлена [2, р. 90]. Подобным примером могут служить и публичные высказывания Энн Аскью, дворянки из Линкольншира, о ложности учения о пресуществлении [6, р. 231–242]. Интересно, что жители Лондона не слишком жаловали еретиков, но казнь женщины после жестоких длительных пыток ужаснула большинство и вызвала жалость и сочувствие к жертвам, что могло повлиять на формирование положительного, мученического образа протестантов и сказаться в дальнейшем на укоренении их идей в сознании населения королевства.

Однако, несмотря на отдельные множасьщиеся свидетельства восприятия протестантских идей горожанами, не стоит переоценивать скорость их распространения и принятия. Об этом свидетельствует сочинение «Доктор Дабл Эль», написанное в 1548 году Люком Шепардом [6, р. 187–201]. Произведение представляет собой сатирическую литургию, которая в первую очередь защищает главный реформационный тезис *Solo Scriptura* и выставляет в невыгодном свете католическую традицию. Автор, по сути, упрекает папу в том, что несмотря на доступность для него чтения и понимания Священного Писания, а значит, и доступность спасения, он предпочитает стать пэром, окруженным множеством последователей. Власть главы Католической церкви лишь усиливается посредством большого числа обрядов, таинств, включая таинство Евхаристии. На страницах произведения отчетливо видна искренняя уверенность Люка Шепарда, что простые миряне более грамотны в религиозных вопросах благодаря распространению английских переводов Библии, нежели сами представители католического духовенства.

В повествовании главным светским персонажем является мальчик-сапожник, который в трактире во всеуслышание заявляет о своей приверженности протестантскому учению. Реакция присутствующих довольно интересна — его объявляют еретиком и сторонятся. В противовес ему представлена фигура (вероятно, вполне реальная) Гарри Джорджа, викария лондонского прихода Святого Гроба Господня. И если мальчик, чей образ также был выбран, скорее всего, неслучайно, олицетворяет собой чистоту, простоту, невинность, разумность, и о нем в принципе говорится не так много, то личность викария описана в красках и вызывает определенное чувство отторжения.

В-первых, Люк Шепард характеризует его как любителя выпить и завсегдагая трактиров, впоследствии путающего свой ночной горшок с потиром (своеобразный выпад против таинства Евхаристии). Во-вторых, автор указывает на то, что викарий продолжает проводить мессу

на латинский манер, в обход существующего в Англии запрета. Также Шепард уделяет особое внимание тому, как обстоят дела конкретно в протестантском приходе, делая акцент на контрасте с приходом викария Гарри Джорджа. Безусловно, цель данного сочинения — очернить священнослужителей, приверженцев католической традиции и привлечь внимание к «истинной вере», сторонником которой, очевидно, являлся сам автор.

Анализируя данный источник, можно сделать вывод о том, что произведение Люка Шепарда является своеобразной агитацией, которая должна была способствовать обращению народа в «истинную» веру. Учитывая, что это 1548 год, мы понимаем, что реформационное движение еще не приобрело того масштаба, который будет наблюдаться в Англии позднее. Напротив, наличие протестантской прослойки населения и начавшееся широкое распространение их идей побуждало власть стремиться к полному искоренению подобного в стране. Вплоть до 1548 года было разрешено проведение католических месс, и подтверждение этому можно найти в монографии Имона Даффи, который пишет о том, что, например, в графстве Девон многие продолжали в полной мере следовать старой букве церковного закона, несмотря на опасность, существовавшую в 1530-х годах [2, р. 94]. При этом наличие «протестанта» в общественной среде, как можно видеть, не было поводом проявлять агрессию, хотя его и воспринимали как нечто чужеродное, а поэтому подлежащее остракизму.

Помимо существовавших в городах протестантских общин стоит сказать о действующих в этот период религиозных сообществах католического толка, которые по типу организации, вероятно, напоминали населению городов объединение ремесленников и торговцев, ввиду чего они также могли именоваться гильдиями. Целью существования таких объединений была совместная забота об обеспечении каждому из его членов достойных похорон и последующих за этим продолжительных молитв, чтобы скорее освободить душу из чистилища. Данные религиозные сообщества выполняли и значимую социальную функцию. Они оказывали помощь и финансовую поддержку своим старым, больным или оставшимся без средств к существованию собратьям, занимаясь благотворительностью [4, с. 23].

После начала церковных преобразований подобные сообщества подвергались ликвидации, так как они воспринимались как противодействующие устанавливающимся догматам. Однако стоит отметить, что не было зафиксировано попыток показать недовольство со стороны

представителей подобных религиозных гильдий, хотя они существовали практически в каждом городе. Объяснить их позицию непротivления можно двумя возможными версиями. Во-первых, несмотря на официальный запрет функционирования таких сообществ, люди продолжали молиться за своих умерших родственников. Например, Дж. Скерисбрик упоминает тот факт, что встречались люди, продолжавшие открыто завещать деньги монахам на проведение заупокойных месс и после начала религиозных реформ [12, р. 8–9]. Во-вторых, горожане, находившиеся в рядах подобных религиозных гильдий, одновременно могли состоять и в профессиональных гильдиях или принадлежать к тем слоям городского населения, которые видели выгоду в начатых Короной церковных преобразованиях. При этом ликвидация религиозных гильдий повлекла за собой частичный перенос выполняемой ими социальной функции на обычные приходы, членами которых они также являлись. Отсюда финансовые вливания, которые совершали участники религиозных гильдий, могли быть частично перенаправлены в эту сферу, а частично уходили бы на личное занятие благотворительной деятельностью, что снимало определенную долю тяжести с церковных приходов.

Весомым структурным объединением в городах Англии выступали гильдии ремесленников и торговцев, они находились в постоянной конкуренции с внецеховым элементом, который на протяжении XV–XVI веков лишь увеличивался ввиду возрастающей прибыльности отдельных видов занятий, например, изготовления сукна, которым Англия снабжала континент. Если обратиться к ордонансам гильдий Бристолья, то в них явственно прослеживаются жалобы ремесленников на то, что в городах стали активно селиться чужаки и заниматься изготовлением сукна, не состоя при этом в гильдиях и не имея необходимого опыта [13, р. 123]. Данный факт имеет существенное значение для понимания того, как могли реагировать на церковные преобразования отдельные слои и представители городского населения Англии. Ведь в ситуации существования серьезной конкуренции ремесленникам и торговцам было выгоднее придерживаться общепризнанной в гильдии точки зрения на проводимые Короной реформы — с целью сохранения за собой места в ее рядах. Следовательно, принятие той или иной стороны по вопросу начатых в стране религиозных преобразований могло происходить вразрез с внутренними религиозными устремлениями.

Наиболее серьезный удар религиозные преобразования нанесли по купеческим гильдиям городов, поскольку разрыв с католическим миром повлек за собой прекращение торговли со многими крупными

рынками того времени, в частности, с Фландрией [14, с. 341]. С другой стороны, в некоторой степени положительно английскую Реформацию восприняли отдельные представители тех или иных профессий в городах, например, каменщики и плотники, для которых открылась возможность строительства новых зданий на освободившихся местах. При этом алтари и образа в Англии также сносила далеко не праздная толпа, а специально нанятые для этой работы каменщики и плотники по приказу королевской власти [14, с. 335]. Как правило, они были близки к протестантам, поскольку в сознании правоверных католиков, которых на момент начала церковных реформ наблюдалось подавляющее большинство, подобные действия оценивались в качестве греховных.

Реакция горожан находит отражение и в устном творчестве, в том числе в создаваемых в этот период народных балладах, которые могли исполняться в публичных заведениях или распространяться в виде печатных листов на городских улицах. Среди песен, имеющих в своей основе вековые сюжеты и мотивы, встречались и те, что содержали отсылки на действительные исторические события, т.е. написанные на злобу дня. Так, к первой половине XVI века относят возникновение баллады «Король Джон и епископ» [7, с. 335–341]. По сюжету король вызывает к себе архиепископа Кентерберийского, чтобы призвать его к ответу относительно имеющихся в его распоряжении финансов, которые, со слов монарха, были накоплены незаконным путем. За измену королю и государству аббату грозит смертная казнь. Спасти архиепископу удастся только благодаря доброте и смекалке простого пастуха. Анализ данной баллады позволяет предположить, что факт чрезмерного богатства Церкви и необходимость призывать ее служителей к ответу признавалась населением, однако взаимоотношения сюжетных архиепископа и пастуха были довольно доброжелательны и отражали сохранность смиренного отношения мирян к служителям Церкви. Речи или намек на радикальные изменения сложившегося порядка не наблюдается.

Помимо вышеуказанных особенностей реакции городского населения на проводимую Коронай политику в отношении Церкви, наблюдались и общие черты восприятия происходящих событий для всего третьего сословия. Так, один из первых откликов города был вызван политикой в отношении монастырей. Большое влияние на реакцию горожан оказали сами аббатства, так как восприятие такого радикального шага властей зависело не в последнюю очередь от того, какие складывались взаимоотношения между населением конкретной местности и монахами. Так, Боггис в своей работе «История епархии Эксетера» приводит пример монастыря

св. Николая в Эксетере, который одним из первых подвергся диссолюции в 1535 году. Монахи данного аббатства выделялись среди прочих своей набожностью и помощью нуждающимся, поэтому, когда прибыли люди для разбора зданий, на защиту монахов и монастырского имущества выступили женщины, которые были вооружены вилами и лопатами. Унять недовольных удалось только с помощью вооруженного отряда [5, р. 356–357]. Важный нюанс заключался также в том, что монастыри осуществляли благотворительную функцию, а после их роспуска тяжесть данного бремени ложилась на плечи горожан, вызывая волну недовольства. Нищие и больные наполнили улицы в поисках ночлега и пропитания, что негативно сказывалось на общей атмосфере и состоянии городов [4, с. 111].

Сочувствия как среди городского, так и среди сельского населения не вызывали и другие нововведения. Например, недовольство вызывала отмена церковных праздников и святых дней [14, с. 354], которые являлись неотъемлемой частью календарного цикла: они регламентировали количество выходных дней, в которые традиционно проводились ярмарки, имевшие большое значение для местной экономики. Также негативно была встречена и борьба с существующими суевериями, особенно с поклонением святым мощам и образам. Во многих источниках отмечается грубость и насилие комиссаров, посланных осуществлять противостояние «старым порядкам» [15, с. 371]. В определенном смысле для протестантов это было время триумфа, когда не скрывалось презрение к уничтожаемому. Отсюда возмущение со стороны населения порой вызывали не столько сами нововведения, сколько то, с каким рвением и агрессией они проводились, а это напрямую могло сказываться на формировании негативных образов и ассоциаций в отношении самих идей, лежащих в основе англиканского течения Реформации, что могло замедлить сам процесс их принятия.

Влияние на реакцию горожан оказывали также географическое расположение города, численность его населения и значимость для Короны. В тех населенных пунктах, где испытывали меньшее давление со стороны властей, наблюдались даже моменты игнорирования церковных нововведений, что проявлялось более всего в том, что переведенную на английский язык Библию неохотно покупали для приходов, о чем свидетельствует Имон Даффи, повествуя, например, о городке Эшбертон на западе страны [2, р. 101].

Таким образом, говоря о реакции современников на королевскую Реформацию в английских городах, можно отметить, что она была доволно противоречива и зависела от множества факторов. Если речь идет

о протестантах, то для них начатая Короной политика открывала возможности распространения и укоренения своих идей в сознании местного населения. При этом стоявшая перед ними задача была сложна ввиду агрессии, которую протестанты проявляли при ликвидации католической традиции. В свою очередь, не менее агрессивные действия королевской власти по искоренению еретического протестантского учения вызывали жалость по отношению к его последователям даже со стороны правоверных католиков, что, в свою очередь, порождало довольно противоречивые общественные настроения.

Что касается привилегированных слоев населения городов, то их реакция во многом зависела от личного отношения, а также экономического и социального положения. Подобную характеристику в целом можно отнести и к остальным представителям городской среды Англии. Важную роль в особенностях восприятия и реакции на Реформацию играла именно профессиональная принадлежность отдельного горожанина. Если волнения и оппозиционные настроения все же наблюдались в церковных приходах городов, то вызваны они были, как правило, не религиозными, а скорее экономическими мотивами.

Реакция населения также зависела от значимости каждого отдельного города, а значит, стремясь избежать санкций со стороны власти, многие предпочитали признать проводимые Короной церковные преобразования. Однако стоит признать, что не все нововведения сразу осуществлялись на практике, многие элементы католической обрядности негласно продолжали оставаться обыденностью английского горожанина, выдавая тем самым истинное отношение населения городов к религиозным преобразованиям в этот начальный период английской Реформации.

Список источников и литературы

1. *Bernard G. W.* The King's Reformation. Henry VIII and the Remaking of the English church. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 736 p.
2. *Duffy E.* The voices of Morebath. Reformation and Rebellion in an English village. New Haven; London: Yale University Press, 2001. 232 p.
3. *Савин А. Н.* Английская секуляризация // Ученые записки Императорского Московского университета. Историко-филологический отдел. Вып. 37. М.: Университетская типография, 1907. 576 с.
4. *Серёгина А. Ю.* Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). СПб: Евразия, 2020. 320 с.
5. *Boggis R. J. E.* A History of the Diocese of Exeter. Exeter: W. Pollard & Co., 1922. 625 p.

6. *Voices of the English Reformation: A Sourcebook* / Ed. by J.N. King. Penn: University of Pennsylvania Press, 2004. 394 p.
7. Король Джон и епископ / Пер. с англ. С. Я. Маршака // Английская и шотландская народная баллада: сборник / Сост. Л. М. Аринштейн. М.: Радуга, 1988. С. 334–341.
8. *Simon Fish. A Supplication for the Beggars* / Ed. by E. Arber. Glasgow, UK: Sagwan Press, 2018. 58 p.
9. *Праздников А. Г.* Численность и сословная структура населения английского города XIV–XV веков // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2004. Вып. 5. С. 56–61.
10. *Чугунова Т. Г.* Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 446 с.
11. *Шафф Ф.* История христианской Церкви в 8 тт. Т. 6. Средневековое христианство. 1294–1517 г. по Р.Х. М.: Библия для всех, 2009. 528 с.
12. *Scarisbrick J. J.* *The Reformation and the English People.* Oxford: Basil Blackwell, 1984. 203 p.
13. *The Little Red Book of Bristol* / Ed. by F. V. Bickley. Vol. 2. Bristol; London, 1900. 456 p.
14. *Грин Д. Р.* История Англии и английского народа: пер. с англ., 4-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2018. 896 с.
15. *Беляев Л. А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб: Алетейя, 2000. 575 с.

Символы, ритуалы,
изобразительные памятники

УДК 7.04

Владиминова Д. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студентка магистратуры
E-mail: vlaria01@mail.ru

Особенности евангельского цикла в Новой церкви Токалы

Аннотация. В работе предпринята попытка рассмотреть евангельский цикл Новой церкви Токалы в контексте византийской монументальной живописи IX–XI вв. Анализ программных особенностей данного ансамбля позволит нам приблизиться к пониманию процессов, вероятно, происходивших в византийской монументальной живописи X в., от которой в Константинополе свидетельств не осталось.

Ключевые слова: Каппадокия, Новая церковь Токалы, македонский период, монументальная живопись, евангельский цикл, иконографическая программа.

Vladimirova D. V.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's program, Student
E-mail: vlaria01@mail.ru

Peculiarities of the Christological Cycle in the New Tokali Church

Abstract. The article attempts to consider the christological cycle of the New Tokali Church in the context of Byzantine monumental painting of the 9th-11th centuries. The analysis of the peculiarities of this program allow us to get closer to understanding the processes that probably took place in Byzantine monumental painting of the 10th century, of which there is no evidence in Constantinople.

Keywords: Cappadocia, New Tokali Church, Macedonian Period, Monumental Painting, Christological Cycle, Iconographic Program.

Программа Новой церкви Токалы (950-е гг.), расположенной в каппадокийской долине Гёреме, отмечена рядом нетривиальных иконографических решений, выделяющих ее как из местной традиции, так и из византийской монументальной живописи постиконоборческого периода. Несмотря на то, что росписи Новой церкви Токалы становились предметом как общих, так и специальных исследований Э. Уортон-Эпштейн

[1], Х. Вимер-Энис [2], К. Жоливе-Леви [3], Н. Тьерри [4], программные аспекты евангельского цикла в ней остаются недостаточно изученными.

Кападокийские ансамбли второй половины IX — начала X вв., несмотря на свою специфичность, представляют особый интерес для историков византийского искусства. Поскольку полноценных ансамблей монументальной живописи в Константинополе эпохи Македонской династии не сохранилось, а памятники на европейской территории Византийской империи дошли до нас в очень фрагментарном виде, поле для возможных реконструкций утраченного столичного искусства представляют именно пещерные храмы этого восточного региона.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть евангельский цикл Новой церкви Токалы в контексте византийской храмовой декорации македонского периода. Это позволит нам уловить основные тенденции, наметившиеся во «второй из трех зон византийского храма»¹ в X в., о которых в самом Константинополе свидетельств не осталось.

В столичных памятниках второй половины IX в., известных нам по письменным источникам, евангельские циклы ограничивались набором избранных праздников с редким добавлением сюжетов Чудес или Страстей [6, с. 268]. Большинство же кападокийских ансамблей рубежа веков имели базиликальную структуру и представляли собой так называемые «архаические программы» [7], стены и своды которых покрывали подробнейшие христологические циклы в несколько регистров, и практически полностью отсутствовала связь с архитектурой. Несмотря на то, что архитектура Новой Токалы, представляющая собой поперечный неф с трехчастным алтарем, не имитирует столичные образцы, как это было в некоторых других памятниках этого региона, а связана с местной традицией, в распределении евангельских сюжетов в пространстве храма можно отметить иконографические решения, выделяющие рассматриваемый ансамбль из местной практики. Так же, как в созданных несколькими десятилетиями ранее церквях Кылычлар [7, t. I, p. 199–242, t. II, p. 418; 8, bd. 2, abb. XXIV; 9, p. 137–141; 10, p. 149–150, f. 34; 12] и Капелле № 2 в Хаджи Исмаил Дерё [7, t. II, p. 113; 9, p. 193–194; 11], в Новой Токале мы видим попытку организовать «двухъярусный» евангельский цикл, в котором важнейшие праздники оказываются вынесены в верхнюю зону (своды, люнеты, алтарная часть), а расположенные в простенках между арками второстепенные события дополняют и/или комментируют их [12, p. 62–124, 315; 6, с. 268–269].

¹ Термин О. Демуса [5, с. 16].

«Благовещение» на восточном склоне северного свода дополняется сценами «Испытание водою обличения», «Встреча Марии и Елизаветы» и «Сон Иосифа». «Рождество» в западной части свода композиционно связано с «Путешествием в Вифлеем» и «Поклонением волхвов». Ниже изображений волхвов в северной части западной стены находятся другие сцены из детства Христа. На северной стене начинается цикл Служения, состоящий из короткого предтеченского цикла («Ангел, явившийся Иоанну в пустыне» и «Встреча Христа и Иоанна»), сцен «Крещение», «Искушение Христа», призвания апостолов. Вся восточная стена отдана под цикл Чудес, продолжающихся до центра южной стены и завершающихся сценой «Воскрешение Лазаря», открывающей цикл Страстей. Страстные сюжеты были представлены на южной части западной стены и продолжались в апсиде.

Изображения некоторых двенадцатых праздников были вынесены в алтарную зону: по сторонам от центральной апсиды расположены «Успение» и «Преображение», в конхе апсиды помещено «Распятие». Кульминацией всей иконографической программы является «Вознесение», вынесенное в центральную часть свода и объединенное со сценой «Отослание апостолов на проповедь». В южной части свода по двум склонам расположена композиция «Сошествие Святого Духа на апостолов» [1, р. 66–78].

В евангельском цикле Новой церкви Токалы отражен, на наш взгляд, один из ранних этапов перехода от подробных «архаических» циклов, связанных с доиконоборческой традицией, и столичных циклов с избранными сюжетами к подробным, но хорошо структурированным и учитывающим архитектурные особенности циклам позднемакедонского и комниновского периодов.

О столичных программах конца IX–X вв., в которых мог бы быть применен такой многоярусный принцип соотнесения главных и второстепенных сюжетов, нам не известно. Однако в соборе Св. Софии Киевской (ок. 1037 г.), программа которой испытывает, вероятно, влияние константинопольского образца, был воплощен прекрасно структурированный, подробнейший евангельский цикл, распределенный по трем ярусам [13]. Можно предположить, что названные каппадокийские ансамбли отражают процесс формирования подобных многоярусных программ в Константинополе уже в первой половине X в., впоследствии получивший развитие в памятниках столичного круга.

Кроме того, программа Новой церкви Токалы отличается развитой еклесиологической тематикой, проявившейся, в частности, в объеди-

нении в одну композицию сцен «Вознесение» и «Отослание апостолов на проповедь» [1, fig. 88–92; 6, с. 267]. В Каппадокии впервые из известных нам памятников эти сюжеты были визуально связаны в Кылычларкилисе (начало X в.). Здесь «Вознесение» в центральном куполе предвзается в западном своде сценой «Отослание апостолов на проповедь», а в свод и люнет неглубокой ниши в западном рукаве креста вынесена сцена «Пятидесятница» [12, р. 194–202; 6, с. 266–267]. Сцену «Отослание апостолов на проповедь» в иконографии, очень близкой программам Кылычлар и Новой Токалы, мы находим в столичных манускриптах и предметах декоративно-прикладного искусства: в парижской рукописи Гомилии Григория Назианзина (879–882 гг., Par. gr. 510, fol. 426v.) [14, р. 243–245], на рельефе слоновой кости из Лувра, на миниатюре Трапезундского Евангелия (третья четверть X в., РНБ греч. 21, л. 11) [6, с. 266].

Связка «Вознесения» и «Отослания апостолов на проповедь», помимо приведенных двух программ, была воспроизведена в других каппадокийских ансамблях: в Большой голубятне в Чавушине (963–969 гг.), а также в нартексе церкви Каранлык (третья четверть XI в.) [7, t. 1, р. 544–547; 1, р. 30–32; 6, с. 266]. Вероятно, идея объединения этих двух сюжетов пришла как готовое решение из монументальной живописи Константинополя. В пользу этого свидетельствует и столичный извод иконографии обеих сцен [12, р. 184–191; 9, р. 83–85; 6, с. 265–266]. Однако главной особенностью евангельского цикла и всей программы Новой Токалы является вынесение композиции «Распятие» в апсиду, из-за чего традиционная для большинства каппадокийских ансамблей «Теофания» оказывается смещена в жертвенник. Исследователи высказывали разные предположения о причинах этого явления². На наш взгляд, «Распятие», дополненное страстными и воскресными сюжетами, в церкви Новой Токалы имеет программный характер. Оно обладает, по сути, той же семантикой, что и вынесение «Евхаристии» в алтарь — является воспоминанием крестной Жертвы и Воскресения Христова (Мк. 14:22–24) [9, р. 96]. Такая интерпретация апсидальной декорации Новой Токалы соответствует толкованию литургии патриарха Германа Константинопольского (ок. 730 г.): «*Великий Вход*» — *это также воспроизведение погребения Христа, сразу после того, как Иосиф снял Тело, обернул его в чистую плащаницу, помазал его благовониями и миром, вместе с Никодимом отнес его*

² См. историографию по этому вопросу в [9, р. 96, п. 98].

и похоронил в пещере, вырубленной в скале. Алтарь и святилище есть символ гроба Господня, т. е. святого престола, на котором помещено непорочное и святое Тело»; «[Церковь] есть образ распятия, погребения и воскресения Христова» [15].

Таким образом, в сочетании с экклезиологическими сюжетами в центральном и южном сводах иконографическая программа Новой Токалы выражала реальность искупительной жертвы Христа, Его Воскресения, Вознесения и основания Церкви Христовой, в которой единственно возможно спасение. В XI веке эта символическая ось получит развитие в церкви Панагии тон Халкеон в Салониках, где «Пятидесятница» будет помещена между сценами «Евхаристия» в виме и «Вознесение» в куполе [16, s. 18–24, 30–35]. Те же сотериологическая и экклезиологическая тематики будут положены в основу программы Софии Киевской [17, с. 292].

На наш взгляд, появление этих смысловых акцентов в двух провинциальных ансамблях начала и середины X в. и развитие их в памятниках столичного круга первой половины XI в. позволяет предположить, что уже на рубеже IX–X вв. в столице особое внимание в храмовой декорации уделялось именно этим темам.

Помимо страстных и воскресных сюжетов, в алтарную часть (в простенки между апсидами) были вынесены «Успение» и «Преображение». Эти праздники следуют друг за другом в литургическом календаре, и они часто попадали в страстной контекст [18; 19, p. 53–68]. Примечательно, что «Успение» соотнесено с северным сводом, посвященным детству Христа, а именно — находится напротив «Рождества Христова», с которым оно часто будет связываться в более поздних программах [19, p. 59–68]. «Преображение» вынесено в южную часть и коррелирует с находящимися в юго-западном углу сюжетами, с которых начинается страстной цикл: «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим», «Тайная вечеря» на южной стене и «Омовение ног» на западной.

Наконец, Наталья Тетерятникова обратила внимание на еще одну важную особенность программы Новой церкви Токалы. Евангельские события на стенах церкви комментируют пророки [20]. Пророчества, написанные на их свитках, соотносятся с теми, которые, согласно типикону Великой Церкви, читались на определенные праздники в Константинополе [20; 21]. Кроме того, сам способ изображения пророков в полный рост со свитками в руках соответствует столичному способу изображения, известному нам по зарисовкам мозаик в северном и южном тимпане.

нах собора Святой Софии в Константинополе, датирующихся К. Манго последними десятилетиями IX в. [20; 22, diagrams III, IV].

Таким образом, в евангельском цикле Новой церкви Токалы можно выделить программные решения, прямо или опосредованно воспринятые из столицы. Ясно читающаяся двухъярусность цикла в Новой церкви Токалы, а также в нескольких других каппадокийских ансамблях начала X в. позволяет предположить, что традиция, известная в более поздние периоды, закладывалась в столице уже на рубеже IX–X вв. В пользу того, что этот подход был новаторским, свидетельствует не всегда последовательная логика распределения сюжетов по двум «зонам» храмовой декорации в каппадокийских памятниках. Специфические символично-литургические акценты, положенные в основу росписи Новой Токалы, а затем получившие развитие в программах столичного круга первой половины XI в., вероятно, также существовали в Константинополе на рубеже IX–X вв.

Анализ программных особенностей евангельского цикла в Новой церкви Токалы позволяет заполнить некоторые лакуны в нашем представлении о процессах, происходивших в организации евангельских циклов в монументальной живописи Константинополя X в., о которых не осталось свидетельств.

Список источников и литературы

1. *Wharton Epstein A.* Tokali Kilise: Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection Publ., 1986. 90 p.
2. *Wiemer-Enis H.* Die Wandmalerei einer kappadokischen Höhlenkirche: die Neue Tokali in Göreme. Frankfurt: Peter Lang GmbH, 1993. 300 s.
3. *Jolivet-Lévy C.* Tokali kilise Revisited: New Considerations on Christ's Ministry Cycle in the New Church // 1. Uluslararası Nevşehir Tarih ve Kültür Sempozyumu / Ed. A. Öger. Ankara 2012. P. 131–141.
4. *Thierry N.* La peinture de Cappadoce au Xesiècle. Recherches sur les commanditaires de la Nouvelle Eglise de Tokali et autres monuments // Constantine VII Porphyrogenitus and His Age. Second International Byzantine Conference. Delphi, 22–26 July 1987. Athens: European Cultural Center of Delphi, 1989. P. 217–233.
5. *Демус О.* Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М.: Индрик, 2001. 158 с.
6. *Захарова А. В.* Формирование иконографической программы византийского храма: взгляд с приграничных территорий // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 9 / Под ред. А. В. За-

- харовой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. МГУ имени М.В. Ломоносова. СПб: НП-Принт, 2019. С. 262–274.
7. *Jerphanion G. de.* Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. T. 1. Paris: Paul Geuthner, 1925, 615 p.; T. 2. Paris: Paul Geuthner, 1936. 538 p.
 8. *Restle M.* Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Bd. 2. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1967. 20 s. [238].
 9. *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1991. P. 94–108.
 10. *Thierry N.* La Cappadoce de l'Antiquité au MoyenÂge. Turnhout, Brepols Publ., 2002. 316 p.
 11. *Restle M.* Zwei Höhlenkirchen im Hacı İsmail Dere bei Ayvalı // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1973. Vol. 22. s. 251–280.
 12. *Cave J.* The Byzantine Wall Paintings of Kılıçlar kilise: Aspect of Monumental Decoration in Cappadocia [Unpublished PhD Thesis]. Philadelphia: Pennsylvania State University, 1984. 369 p.
 13. *Сарабьянов В.Д.* Евангельское повествование в программе росписей Софии Киевской // Искусство христианского мира: сборник статей. Вып. 10. М., 2007. С. 201–217.
 14. *Brubaker L.* Vision and Meaning in Ninth Century Byzantium. Image as Exegesis in the Homilies of Gregory of Nazianzus. Cambridge; New York: Cambridge University Press Publ., 1999. 489 p.
 15. Св. Герман Константинопольский. Сказание о церкви и рассмотрение таинств. М.: Мартис, 1995. 90 с.
 16. *Papadopoulos K.* Die Wandmalereien des XI. Jahrhunderts in der Kirche Panagia τῶν χαλκῆων in Thessaloniki. Graz; Köln: Böhlau, 1966. 120 s.
 17. *Сарабьянов В.Д.* Страстной цикл Софии Киевской и иконография страстей Господних в византийском искусстве IX–XI вв. // Византийский Временник. 2010. № 69(94). С. 279–298.
 18. *Сарабьянов В.Д.* Страстной контекст «Преображения» в византийском и древнерусском искусстве // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2010. Вып. 3(3). С. 7–30.
 19. *Maguire H.* Art and eloquence in Byzantium. Princeton: University Press, 1981. 148 p. [72] pl.
 20. *Teteriatnikov N.* The new role of prophets in Byzantine church decoration after iconoclasm. The case of the New Tokali kilise, Cappadocia // Deltion tes Christianikes Archaialogikes Hetaireias. Vol. 32. Athens, 2011. P. 51–64.
 21. Le typikon de la Grande Église / Introd., trad et notes J. Mateos (OCA 165). Bd. 1. Le cycle des douze mois Rome: Pont, 1962. 387 p.
 22. *Mango C.* Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection Publ., 1962. 145 p.

УДК 7.033.5

Приходько В. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
исторический факультет, студент бакалавриата
E-mail: veronicakhv27@gmail.com

Иллюстрации «Книги о турнирах» Рене Анжуйского — особенности манеры Бартеlemi д'Эйка

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические аспекты иллюстраций из рукописи «Книги о турнирах» Рене Анжуйского (Национальная библиотека Франции) в соотнесении с историко-культурным контекстом их исполнения. На основе анализа художественных особенностей миниатюр делаются выводы о методе работы их автора Бартеlemi д'Эйка и месте рукописи в истории развития книжной миниатюры во Франции второй трети XV в.

Ключевые слова: книжная миниатюра, турниры, Бартеlemi д'Эйк, позднее Средневековье.

Prikhodko V. A.

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Bachelor's program, Student
E-mail: veronicakhv27@gmail.com

Illustrations of the Tournament Book of René d'Anjou — Artistic Style of Barthélemyd'Eyck

Abstract. The study aims to examine the stylistic aspects specific to the illustrations of the Tournament Book of René d'Anjou (French National Library) within its historical and cultural context. Based on the artistic features' analysis conclusions are drawn regarding the methods employed by Barthélemy d'Eyck and their place in the development of book illumination in France in the 15th century.

Keywords: book illumination, tournaments, Barthélemy d'Eyck, late Middle Ages.

Рене Анжуйский (1409–1480) — титулярный король Иерусалима и король Неаполя, герцог Анжуйский и Лотарингский и граф Прованский, известен как образованный правитель: покровитель искусств, меценат, любитель живописи и литературы. При дворе короля Рене были выполнены многочисленные иллюминированные рукописи, включая ма-

нускрипты текстов, составленных самим правителем. В их числе — поэтическое описание идеального турнира «Книга о турнирах». Король Рене написал трактат во второй половине 1440-х гг. и посвятил его своему кузену Карлу Анжуйскому (1414–1473), герцогу Мэнскому.

«Книга о турнирах» описывает церемониал, от принятия вызова соперником и избрания судей, указания времени и места турнира до осмотра снаряжения, принятия присяги, боя и вручения приза победителю. Один из манускриптов «Книги о турнирах» (Париж, Национальная библиотека Франции, fr. 2695) [1] иллюстрирован Бартеlemi д'Эйком около 1460 г. Творчество этого художника и миниатюриста имело определяющее значение для развития книжной миниатюры при дворе короля Рене.

Бартеlemi д'Эйк, выходец из восточных Нидерландов, постоянно находился при дворе Рене Анжуйского с 1447 по 1470 гг., предположительно, до самой своей смерти в 1470 г. Он мог познакомиться с Рене Анжуйским во время пленения короля в Дижоне в 1431–1435 гг. [2, p. 8]. В 1449 г. Бартеlemi упоминается как *peintre et valet de chambre*, а в 1457 г. — *valet tranchant*. Подобные чисто номинальные камердинерские должности при дворе короля Рене часто получали художники или ювелиры, которые таким образом оказывались привязанными к своему патрону, чьи заказы были обязаны выполнять, получая небольшое постоянное жалованье. Последний из немногочисленных документов — письмо 1476 г. вдовы художника Жанны, адресованное Рене Анжуйскому, в котором она предлагает королю Рене возратить ему *pourtraitures* (вероятно, эскизы вышивок или витражей) работы Бартеlemi [3].

Парижский экземпляр «Книги о турнирах» послужил образцом для всех остальных манускриптов, кроме Дрезденского, обладающего независимой изобразительной программой (Dresden, Sächsische Landesbibliothek, ms. Ос. 58). Четыре копии хранятся в Национальной библиотеке Франции, одна в Кракове (Библиотека Чарторыйских, ms. Cz. 3090) и одна в Гарварде (Houghton Library, туп. 131), две последние выполнены еще при жизни Рене [4]. Похожая по характеру рукопись «Турнира в Сомюре» с многочисленными изображениями поединков рыцарей находится в Санкт-Петербурге (Государственная Публичная библиотека, ms. fr. F. p. XIV, 4). Вероятно, она была скопирована с утерянного оригинала работы Бартеlemi д'Эйка с его типажом персонажей, привычными композициями и приемами акварельной техники. Предположительно, иллюстрации «Турнира в Сомюре» послужили эскизами к большим картинам на дереве или холсте, не исключено, что и фрескам, в большой зале Сомюрского замка: композиции упоминаются в архивах Рене и вы-

полнены под руководством Бартелеми другими мастерами, фигурирующими в придворных счетах [5, р. 84–85]. Так увлечение короля рыцарскими турнирами проявилось и в характере его художественных заказов.

В парижской «Книге о турнирах» в качестве соперников представлены герцоги Бретонский, *seigneur appellant*, и Бурбонский, *seigneur défendant*, — их гербы в миниатюрах копируют реальные, остальные же сконструированы фантазийно, о чем и говорится во введении (*blasons imaginés à plaisir*) [6, р. 177]. Перед первой страницей с текстом самой книги в XVII в. добавлена надпись: «*Ce present livre a esté dicté par le roy René de Sicille, et painct des a propre main*» [*Эта книга продиктована Рене, королем Сицилии, и иллюстрирована его собственной рукой*], однако король Рене не являлся автором миниатюр [7, р. 189], несмотря на легенду, распространившуюся еще в XVI в. Если король и занимался живописью, то исключительно любительски, не будучи художником [8, р. 100–101]. Двадцать шесть иллюстраций на бумаге, на страницу или разворот, выполнены коричневыми чернилами и подцвечены полупрозрачной акварелью, что само по себе довольно необычно для книжной миниатюры, которая чаще писалась плотной гуашью.

В разворотах «Книги о турнирах» изображение занимает всю поверхность страницы, без обрамления и полей, которые можно было наблюдать в более ранних работах Бартелеми д'Эйка, например, в «Тезеиде» (Вена, Австрийская национальная библиотека, Cod. 2617) [9]. Листы бумаги используются свободно, как плоскости картин; «диптихи» здесь состоят из фрагментов вертикального, а не горизонтального, как в «Тезеиде», формата, так что появляется возможность охватить еще большее пространство. Живопись, приближающаяся к графике по своим техническим приемам, оторвана от текста, не иллюстрирует его напрямую и приобретает самостоятельную ценность: повествование периодически отсылает читателя к изображениям, без дополнительных пояснений [6, р. 177–183]. Текста в книге очень мало: он либо занимает одну-две строки, либо страница вовсе оставлена пустой, из-за чего изображения становятся основным содержанием манускрипта. Такое идеальное координирование между текстовым и визуальным материалом было возможно только при условии тесного творческого взаимодействия живописца с автором и заказчиком, которые в случае «Книги о турнирах» объединяются в лице короля Рене.

Первые пять иллюстраций цикла — одиночные и представляют собой композиции из нескольких фигур, изображенных со среднего плана; следующие девять, также одиночные, — предметы экипировки и сбруи

крупным планом, словно в энциклопедии; после чего следуют только развороты (за исключением fol. 62r и последней иллюстрации fol. 103v). В последней группе иллюстраций, кроме сражения двух рыцарей, пустых арены и улицы, развороты отведены масштабным многофигурным композициям с огромным разнообразием экипировок, гербов, шлемов и флагов. Примечательно, что обрамление есть только у миниатюры со знаменосцем (fol. 62r), представляющей собой взятое крупным планом изображение, которое можно видеть на следующем развороте (fol. 66v-67r) в ракурсе на стене замка. Обрамление иллюстрации передает реальную деревянную раму, к тому же «прибитую» гвоздями к поверхности листа — типичный фламандский эффект иллюзии. Отличаются от других миниатюр две — одна с изображенным задним планом, в то время как на остальных фоном служит неокрашенная белая бумага: разворот с осмотром шлемов в клуатре (fol. 67v-68r) и одиночная иллюстрация с вручением приза победителю (fol. 103v), и только в этих сценах действие происходит не на открытом воздухе, а в интерьере. В этих же двух миниатюрах использована традиционная угловая точка зрения, в остальных задействована либо криволинейная перспектива [5, p. 74], либо организующий внешний элемент вроде ограждения. В целом точка зрения в сценах подобрана в соответствии с их характером. В случае нескольких фигур, взятых со среднего плана, горизонт расположен ниже середины, что выглядит наиболее естественно, к тому же представляется новшеством среди работ Бартеlemi д'Эйка. Благодаря такому выбору в иллюстрациях появляется больше воздуха, изображение перестает напоминать ковровое и все больше стремится к картине. В многофигурных сценах с дальним планом, видах арены и улицы горизонт высокий, традиционный, наиболее подходящий для изображения массы людей. В сценах с наибольшим количеством персонажей, самым турниром установленные под углом ограждения напоминают аналогичные в массовых сценах рукописи «Тезеиды» (fol. 91r, 121r, 138v). Подобное сопоставление позволяет заметить, насколько тщательнее в «Книге о турнирах» выписаны детали, более различимы отдельные фигуры, глубже пространство, вернее перспектива. Несмотря на отсутствие фона и неизбежный из-за этого оттенок абстрактности, иллюстрации «Книги о турнирах» производят более цельное впечатление. Впрочем, абстрактность в трактате с правилами проведения идеального турнира выступала скорее преимуществом, чем недостатком.

Архитектурные элементы разработаны вполне конкретно: среди всех ансамблей миниатюр Бартеlemi д'Эйка только в «Книге о турни-

рах» здания похожи не на театральные декорации, а на действительно существующие замки и улицы. Возможно, это связано с документальным характером трактата, иллюстрации к которому приближены к реальности гораздо значительнее, чем в других ансамблях миниатюр Бартеlemi: часословах, аллегорическом трактате или эпической поэме. Пустая улица (fol. 54v-55r) дана в более или менее правильном перспективном сокращении и даже напоминает архитектурную гравюру, с точностью передающую, кроме многочисленных флагов и гербов, десюдепорты и наличники, аналогичные которым можно наблюдать в резиденциях короля Рене — во дворце в Сомюре на лестнице северо-западного фасада внутреннего двора, на фасадах внутреннего двора замка в Анже, королевской лоджии внутреннего двора замка в Тарасконе [10, р. 82–99]. Ворота в сцене въезда герцога Бурбонского в город (fol. 51v-52r) достаточно велики, чтобы не казаться игрушечными по сравнению с рыцарями рядом. Их декорация — изысканный аркатурно-колончатый пояс, напоминающий формы *fleur-de-lis*, машикули, скульптура Мадонны в нише над аркой — ясно читается. В сцене въезда судей в город (fol. 57v-58r) эти же ворота представлены наиболее соответствующими реальному размеру, головы рыцарей уже не упираются в арку. В сцене въезда герцога Бретонского (fol. 66v-67r) высокая квадратная башня с зубцами напоминает романскую архитектуру юга Франции. Важно, что в «Книге о турнирах» вся архитектура именно романская, без псевдоантичных элементов, каковые встречались в той же «Тезеиде», это строения, которые художник имел возможность видеть и достоверно передать.

В «Книге о турнирах» Бартеlemi д'Эйку значительно лучше, чем в других его иллюстративных ансамблях, удалась пропорция: например, кони, особенно на развороте с поединком (fol. 45v-46r), соответствующего размера относительно человека. При этом художник сохраняет свой интерес к передаче необычных эффектов освещения: последняя иллюстрация со сценой вручения приза победителю (fol. 103v) представляет собой не вполне ноктюрн, но «вечернюю» сцену, лишённую естественного освещения. Персонажи представлены в зале, освещённой свечами в углах и импровизированной люстрой по центру потолка. Отдельные тени довольно глубоки, на месте самых освещённых участков бумага оставлена неокрашенной, впрочем, тени не такие длинные, как в миниатюрах Бартеlemi д'Эйка, изображающих рассветное или закатное освещение.

Примечательно, что в иллюстрациях «Книги о Сердце, любовью объятom» (Вена, Австрийская национальная библиотека, Cod. 2597) [11],

другом произведении короля Рене, относящемся к середине — второй половине 1460-х гг., сохраняется характер постановочности сцен, ощущение «игрушечной», декоративной архитектуры, масштабно не соответствующей с человеческими фигурами, пренебрежение пропорциональными соотношениями. Выходит, что исключительность художественных качеств «Книги о турнирах» стоит связывать не только с ее исполнением в поздний период творчества Бартеlemi д'Эйка, но и с обстоятельствами и статусом заказа, равно как и с жанром иллюстрируемого текста. «Книга о Сердце» — аллегорическая поэма, действие которой происходит в фантазийном мире, а «Книга о турнирах» — описание идеального состязания рыцарей, своего рода инструкция по организации турнира, применять которую предполагается в современной Франции, вполне конкретной, а потому, возможно, изображения в ней более натуроподобны. Тогда искажения пространства и пропорций в «Книге о Сердце» можно понимать не в ключе неумелости и недостаточных способностей художника, а как следствие иного подхода к изображенному миру, в данном случае — менее реальному. Не исключена и возможность разного статуса заказов, который был выше у «Книги о турнирах»: Ф. Авриль постулирует вторичность венской копии «Книги о Сердце», скопированной с более раннего образца [12, р. 335]. Выходит, что совокупность изобразительных приемов, к которым обращается Бартеlemi д'Эйк, варьируется в зависимости от множества обстоятельств, в том числе разной степени «итальянизации» самого мастера.

Наиболее вероятно, что Бартеlemi д'Эйк побывал в Неаполе в 1438–1442 гг., в период правления короля Рене (до перехода власти к Альфонсу Арагонскому [13, р. 25–26]). Знакомство Бартеlemi с достижениями итальянских современников повлияло на его собственный художественный метод. Так, около 1440 г. художник иллюстрировал «Универсальную хронику», или «Хронику Кокерелла», представляющую собой копию рукописи «Uomini illustri» Леонардо да Безоццо, уроженца Милана и придворного художника Альфонса Арагонского. Оба манускрипта являлись сборниками портретов знаменитых людей древности, начиная от греческих философов, мифологических героев и ветхозаветных пророков и заканчивая правителями недавнего прошлого, среди которых фигурировал Карл Анжуйский, брат Людовика Святого и основатель анжуйской династии. И «Универсальная хроника», и «Книга о турнирах» — самые итальянизированные из всего корпуса работ Бартеlemi д'Эйка. Они выполнены чернилами и акварелью, в отличие от остальных ансамблей миниатюр художника, сделанных на пергаменте с иллюстрациями гуашью.

Возможно, Бартеlemi, изначально опиравшемуся на фламандскую художественную традицию, предполагающую сухость исполнения, точность контуров, графичную разработку драпировок, было проще работать с графикой. Можно также предположить, что он считал графическую технику, эскизную и свободную, более приемлемой и уместной в рукописях «светского» содержания.

Сейчас считается, что иллюстрации «Универсальной хроники» и «Книги о турнирах» разделяет около двадцати лет. «Книга о турнирах», как предполагалось ранее, была выполнена в Провансе в начале 1450-х гг. [14, р. 338]. Основанием датировки было проведение во второй половине 1440-х гг. наиболее крупных турниров: в 1445 г. — в Нанси, в 1446 г. — в Сомюре и Разилли, в 1449 г. — в Тарасконе, а также учреждение в августе 1448 г. при анжуйском дворе Ордена Полумесяца, для которого, вероятно, король и составил свод правил турниров [5, р. 72–73]. При этом стилистические особенности иллюстраций «Книги о турнирах» не позволяют помещать ее в непосредственной хронологической близости от Часослова Моргана 1445 г. (Нью-Йорк, Библиотека Пирпонта Моргана, ms. M. 358) и титульной миниатюры для рукописи с описанием костюмированного турнира в Тарасконе «Поединок пастушки» 1449 г. (Париж, Национальная библиотека, fr. 1974), которые сохраняют на порядок больше фламандских, отчасти архаичных черт, преодоленных в «Книге о турнирах». В 1980-х гг. Ф. Авриль отнес датировку к 1460 г. [14, р. 338], в 2009 г. М.-Э. Готье выдвинул гипотезу, согласно которой рукопись была выполнена в 1462–1469 гг. в Анжу, в начале пребывания там короля Рене [15, р. 282]. Этот временной отрезок представляется наиболее правдоподобным, если учесть, насколько умело мастер работает с пространством и объемами в «Книге о турнирах», правильно применяет отдельные эффекты перспективы, как мягко, живописно изображает струящуюся ткань (что ярче всего заметно в пополах лошадей, в частности, fol. 66v-67r). Заметно изменяется и женский типаж, присущий Часослову Моргана и другим ранним иллюстративным ансамблям: от фигур коренастых, полноватых, с круглыми лицами и распущенными волосами в сторону более изяшных, вытянутых пропорций и тонких черт лица.

Таким образом, на примере иллюстраций «Книги о турнирах» можно проследить, как в художественной среде при дворе Рене Анжуйского в середине XV в. происходит взаимодействие укрепившихся традиций и новых веяний, готической рыцарской культуры и ренессансной гуманистической образованности. В 1440-х гг. турниры, организуемые королем

Рене, уже во многом воспринимались как костюмированные представления, театральные постановки, так как живая традиция турниров уходила в прошлое. Тем не менее, король, возможно, чувствуя, что эта традиция теряет актуальность, намеревается сохранить правила турниров для будущих поколений, составляя свою книгу-инструкцию. За ее иллюминирование берется первый придворный мастер, и иллюстрации обретают огромную ценность, расширяя положения текста и представляя дополнительную визуальную информацию. Здесь проявляется тенденция постепенного перехода книжной миниатюры от подчиненного положения к относительной самостоятельности.

В иллюстрациях «Книги о турнирах» можно наблюдать, как явление, становящееся архаичным с социокультурной точки зрения, выступает прогрессивным с художественных позиций. Бартеlemi д'Эйк ставит перед собой новые задачи, изображая предметы, окружающие его, натуроподобно. В рассматриваемом иллюстративном ансамбле художник не создает образы с нуля, а преобразовывает действительность, запечатлевая ее, закрепляя визуальную сторону ритуала для тех, кто в ближайшем будущем вознамерится его воссоздать.

«Книга о турнирах» соединяет в себе лучшие из италянизированных черт, воспринятых Бартеlemi д'Эйком, и фламандских, присущих мастеру изначально: обширные пространственные построения, особенно свободно разворачивающиеся в панорамных видах на разворотах, стремление передать разнообразные эффекты освещения, например, создаваемые свечами в закрытой комнате, внимание к цветовым сочетаниям сложных оттенков. На рубеже эпох интернациональной готики и раннего Возрождения во Франции миниатюры «Книги о турнирах» во многом изображают прошлое средствами будущего.

Список источников и литературы

1. René I d'Anjou, *Traité de la forme et devis comme on peut faire les tournois* // Gallica — BnF [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84522067/f214.planchecontact> (дата обращения: 29.09.2022).
2. *Unterkircher F. Le Livre du Cueur d'Amours Espris*. London: Thames and Hudson, 1975. 48 p.
3. *Reynaud N. La lettre de la veuve de Barthélemy d'Eyck au roi René* // *Bulletin de la Société de l'histoire de l'art français*, année 1984. 1986. P. 7–10.
4. *Avril Fr. Le Livre des tournois du Roi René de la Bibliothèque nationale* (ms. français 2695). Paris: Herscher, 1986. 85 p.

5. *Золотова Е. Ю.* Французская живопись XV в. после Столетней войны. На пути от Средневековья к Новому времени: дисс. ... д-ра искусствоведения: 17.00.04. Государственный институт искусствознания. М., 2000. 280 с.
6. *Mérindol C.* Le Livre des tournois du roi René. Nouvelles lectures // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1994. T. 64. P. 177–190.
7. *Delaisé L.-M.-J.* Les copies flamandes du Livre des Tournois de René d'Anjou // Scriptorium. 1969. Vol. 23. No. 1. P. 187–198.
8. *Bourin M.* Le roi René / N. Coulet, A. Planche, Fr. Robin // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1984. Vol. 91. No. 1. P. 99–101.
9. La Teseida (versio gallica et prosaica) // Österreichische Nationalbibliothek [Электронный ресурс]. URL: https://search.onb.ac.at/primop-explorer/fulldisplay?docid=ONB_alma21302509430003338&context=L&vid=ONB&lang=en_US&search_scope=ONB_hanna&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=onb_hanna&query=any,contains,2617&offset=0 (дата обращения: 15.10.2022).
10. *Robin Fr.* La cour d'Anjou-Provence. La vie artistique sous le règne de René. Paris: Picard, 1985. 278 p.
11. Livre du cuer d'amours espris // Österreichische Nationalbibliothek [Электронный ресурс]. URL: https://search.onb.ac.at/primop-explorer/fulldisplay?docid=ONB_alma21302514430003338&context=L&vid=ONB&lang=de_DE&search_scope=ONB_gesamtbestand&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=default_tab&query=any,contains,Livre%20du%20cuer%20d%27amours%20espris (дата обращения: 15.10.2022).
12. *Avril Fr.* Manuscrits à peintures d'origine française à la Bibliothèque nationale de Vienne // Bulletin Monumental. 1976. Vol. 134. No. 4. P. 329–338.
13. *Reynaud N.* Barthélemy d'Eyck avant 1450 // Revue de l'Art. 1989. No. 84. P. 22–43.
14. *Vaivre J.-B.* Le livre des tournois du roi René de la Bibliothèque nationale (ms. français 2695). Introduction de Fr. Avril // Bulletin Monumental. 1987. Vol. 145. No. 3. P. 337–342.
15. *Gautier M.-E.* Splendeur de l'enluminure: le roi René et les livres / M.-E. Gautier, Fr. Avril. Angers: Actes Sud, 2009. 420 p.

УДК 94 (27)

Горностаева Е. Д.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
Образовательная программа «История искусств»,
студент бакалавриата
E-mail: cinya_mycha@mail.ru

Адаптация культа Четырнадцати святых помощников во Франции: образ пяти избранных святых мужей и пяти избранных жен в поэзии Эташа Дешана и во французской миниатюре XV — начала XVI вв.

Аннотация. В статье рассматривается процесс адаптации немецкого культа Четырнадцати святых помощников к культу Десяти святых во Франции. Группа Десяти (пяти избранных святых мужей и пяти избранных святых жен) вводится в общеевропейский контекст почитания Четырнадцати святых помощников. В статье рассматривается визуальная интерпретация культа на материале двух баллад Эташа Дешана и миниатюры французских часословов XV–XVI вв.

Ключевые слова: Франция, позднее Средневековье, святые.

Gornostaeva E. D.

National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, Bachelor’s program, Student
E-mail: cinya_mycha@mail.ru

Adaptation of the Cult of The Fourteen Holy Helpers in France: The Image of Five Chosen Holy Men and Five Chosen Wives in the Poetry of Eustache Deschamps and in French Miniature 15th — early 16th Centuries

Abstract. In the article, I consider the adaptation of the cult of the Fourteen holy helpers into Ten privileged saints in France. I introduce a group of the Ten privileged saints into the pan-European context of veneration of the Fourteen holy helpers and consider the visual interpretation of the cult based on the material of two ballads by Eustache Deschamps and miniatures by French Books of Hours of the 15th — 16th centuries.

Keywords: France, late Middle Ages, saints.

Культ Четырнадцати святых помощников и сам по себе недостаточно исследован, еще меньше внимания исследователей уделяется «дочерней» группе культа — пяти избранным святым мужам и пяти избранным святым женам. Проблема — в отсутствии работ, в которых были бы учтены материалы и немецкой, и французской исследовательской традиций: обычно немецкоязычные исследования заканчиваются до преобразования культа Четырнадцати святых помощников в пять избранных святых мужей и пять избранных святых жен, а французские начинаются уже после этого преобразования. Таким образом, сама адаптация, тексты и изображения культа остаются практически неописанными. Очень не хватает информации о месте культа Десяти избранных святых в общеевропейском контексте, они выглядят как совершенно отдельное маргинальное явление. Также во французских работах часто встречается устаревшая информация о Четырнадцати святых помощниках и игнорируется общеевропейский контекст почитания. Именно эти проблемы разрабатываются в статье.

Перед анализом французского материала будет кратко рассмотрен культ Четырнадцати святых помощников, так как его особенности принципиально повлияли на вариацию культа, введенную Эташем Дешаном.

Четырнадцать святых помощников — это святые, которых почитали как единую группу. Их общий день почитания — 8 августа. Чаще всего в группу входили: три епископа — св. Дионисий Парижский, св. Эразм Антиохийский, св. Власий Севастийский, три рыцаря — св. Георгий Победоносец, св. Акакий Великий, св. Евстафий Плакида, три девы — св. Екатерина Александрийская, св. Варвара Илиопольская, св. Маргарита Антиохийская, а также целитель св. Пантелеймон, монах св. Эгидий, диакон св. Кириак, мученик св. Вит и великан св. Христофор [1, p. 1045–1046]. Этот классический состав святых — так называемая Франкентальская группа, или *Normalreihe* [2, s. 220–221; 3, s. 49; 4, p. 191]. Культ Четырнадцати святых помощников известен с конца XIII в.: в грамоте епископа Готфрида Оснабрюка от 1284 года, выданной для часовни Богоматери на Фрауенберге в дунайском нижнеавстрийском Кремсе, упоминается алтарь Четырнадцати святых помощников [5, s. 29]. Почитание культа было наиболее распространено в немецкоговорящих землях. С XIV века это почитание начало интенсивно распространяться из своего центра (рядом с Регенсбургом) в другие области Австрии, Баварии и Франконии [6, p. 8]. Первоначально культ функционировал в городах и только к середине XV века попал в сельскую среду [6, p. 28; 7, p. 168].

Во Францию культ Четырнадцати святых помощников в своем изначальном варианте попал в период его распространения по всей Европе во второй половине XV века, после постройки Франкентальской часовни и начала активного паломничества [8, с. 320–322; 9, р. 192]. Пять избранных святых мужей и пять избранных святых жен стали результатом адаптации группы Четырнадцати святых помощников в поэзии Эсташа Дешана. При этом Десять избранных святых, вне текста Дешана, известны также по миниатюрам начиная с 1400-х годов. Таким образом, культ Четырнадцати святых помощников и его версия, преобразованная Дешаном, существовали во Франции параллельно на протяжении второй половины XV — начала XVI вв.

Благодаря монографии Йохана Хейзинги «Осень Средневековья» поэзия Эсташа Дешана традиционно воспринимается нами как возможность приобщиться к мыслям и настроениям людей позднесредневековой Франции, как своего рода голос времени. Дешан известен как придворный поэт, моралист, сатирик и критик. Принципиально важным (и для восприятия поэзии Дешана в целом, и для данного исследования) является тот факт, что Эташ Дешан принадлежал к поколению людей, которые впервые стали воспринимать себя французами [10, с. 139]. Поэтому в контексте исследования мировоззрения эпохи важно обратить внимание на поэзию Эсташа Дешана, связанную с почитанием святых, конкретнее, на два его произведения: балладу № 32 «Святые жены и мужья, которым нужно молиться» [4, р. 114–115] и балладу № 1237 «Обращение к Десяти святым» [11, р. 243–244].

Обе эти баллады посвящены пяти избранным святым мужам и пяти избранным святым женам. В балладе № 32 Дешан рассказывает о святых и призывает читателя молиться им. В балладе № 1237 поэт обращается к святым, восхваляя их и прося у них заступничества. Он подчеркивает их помощническую природу, близость к Богу и тесное взаимодействие с людьми через молитвы, на которые святые обязательно отвечают. В обеих балладах пять избранных святых мужей — это св. Георгий, св. Дионисий, св. Власий, св. Эгидий и св. Христофор; пять избранных святых жен — это св. Маргарита, св. Екатерина, св. Варвара, св. Марфа, св. Христина. Принципиально важно, что в балладе № 1237 поэт объединяет святых в одну группу — Десяти избранных святых. В этой балладе они более явно выступают как единая группа с едиными качествами.

Благодаря введенным Милле источникам — двум французским молитвам XV века: № 470736 в честь святых мужей и № 2691 в честь святых жен [12, р. 167], встает вопрос о роли Дешана в процессе адаптации

культы. Существует два варианта развития событий: первый — Дешан был знаком с культом Четырнадцати святых помощников и адаптировал его сам; второй — он взял уже существующее народное переложение немецкого культа из гимнов и изменил в соответствии со своими эстетическими и теологическими представлениями. Вне зависимости от того, сам ли Дешан переработал культ Четырнадцати святых помощников или опирался на народную французскую традицию, принципиально то, что он «собрал» пятерых избранных святых мужей и пятерых избранных святых жен в единую группу Десяти избранных святых.

Первый вариант кажется более вероятным по нескольким причинам. Во-первых, стремление к симметрии и уравниваемости всего в мире, характерное для средневекового сознания в целом, чаще проявляется именно в среде интеллектуалов, каковым был Дешан.

Во-вторых, существует очень похожий прецедент такой же переработки/адаптации/дополнения Дешаном другой известной почитаемой группы. Так, стремясь к формальной симметрии, Дешан добавил к уже существующей группе Девяти доблестных воинов («*Neuf Preux*») девять амазонок и объединил их в группу «*Neuf Preuses*» [13, с. 56–57]. Впоследствии Дешан добавил туда десятого доблестного воина — своего современника Бертрана дю Геклена (1320–1380) [14, р. 48]. Принципиально важно, что Эташ Дешан добавляет в группу почитаемых героев древности своего современника и француза, который при жизни был признан национальным героем. В этом отражается специфика его национального сознания и самовосприятия [13, с. 54–57].

В-третьих, группа Десяти избранных святых (пяти избранных святых мужей и пяти избранных святых жен) была почитаема довольно малым количеством людей, близких ко двору и, вероятно, знакомых с поэзией Дешана. Это подтверждается тем, что изображения пяти избранных святых мужей и пяти избранных святых жен встречаются только в богато украшенных часословах, и тем, что эти изображения распространяются в течение XV века из Парижа по Северной Франции от Шампани до Эно [12, р. 169]. К тому же у святых так и не появились узнаваемое и установившееся название группы и отдельный общий день почитания. Общее почитание Четырнадцати святых помощников во Франции появилось только во второй половине XV века, но при этом в их «классическом составе», а не в предложенном Дешаном — это подтверждает нераспространенность группы Десяти избранных святых в среде горожан и является косвенным свидетельством влияния поэзии Дешана на гимны, а не наоборот.

В-четвертых, относительно концептуальности и выверенности состава группы Десяти святых мужей и жен. Рассмотрим более подробно те причины, по которым Дешан выбирает этих святых, изменяя состав широко почитаемого в немецких землях культа Четырнадцати святых помощников. Стоит отметить, что состав Четырнадцати святых помощников изначально имел потенциал вариативности. Помимо Франкентальской группы в состав группы святых помощников могли входить: св. Николай Мирликийский, св. Папа Сикст II, св. Вольфганг Регенбургский, св. Себастьян, св. Освальд, св. Доротея, св. Антоний Великий, св. Рох из Монпелье [1, р. 1045–1046]. «Классический» состав помощников утвердился только к 1520 году, то есть к концу активного бытования культа, хотя встречались исключения [15, s. 338–339] в зависимости от места и времени почитания культа и/или создания изображения. В епархии Аугсбурга даже добавлялся пятнадцатый святой помощник — Магнус Фюссенский [1, р. 1045]. Таким образом, с одной стороны, работа Дешана с составом святых помощников не была уникальной, с другой — кроме адаптации Дешана, не существует других примеров такого значительного и глубоко продуманного изменения этого состава.

Рассмотрим причины, по которым Эташ Дешан избирает именно этих святых. В начале баллады № 32 поэт подчеркивает, что святые, которых он призывает почитать, объединены наличием речи об основании культа:

*«Они пять святых мужей в житиях
И пять святых жен, которым Бог дарует
Благословение в конце их жизней
Что тот, кто в них поверит и попросит
Во всех опасностях, Бог спасет
Их [помощников] молитвы — от любой беды
Итак, нужно почитать пятерых святых:
Георгия, Дионисия, Христофора, Эгидия, Власия»* [4, р. 114]¹.

Под «Благословением в конце их жизней» Эташ Дешан имеет в виду наличие речи об основании культа в житиях святых. Речь об основании культа (*cult-founding speech*, термин, предложенный G. W. Adams. — Е.Г.)—

¹ Перевод с французского языка сделан автором статьи.

это обращение святого, чаще всего перед мученической смертью, к Богу с просьбой быть покровителем особой группы людей, помощником при заболевании или другой определенной сложной ситуации. Обычно после просьбы святого Господь говорит или подает знак, что просьба услышана и будет исполнена. Речь об основании культа может быть произнесена как при жизни, так и после смерти [6, р. 84–85]. В этом Дешан следует основной логике объединения святых в Четырнадцать святых помощников.

Выбор пяти избранных святых мужей прослеживается довольно очевидно. Все они — Георгий, Дионисий, Христофор, Эгидий, Власий — есть в классическом составе Франкентальской группы Четырнадцати святых помощников. К тому же эти святые практически не заменялись в немецких региональных вариантах культа. Можно заметить, что Эгидий и Дионисий — это французские святые. Интересно, что Дешан называет Дионисия Дионисием Французским (а не Дионисием Парижским, как это было принято) в балладе № 32 [4, р. 114], обращая внимание на его национальную принадлежность, чего не делает, например, с Эгидием и всеми остальными святыми. Дионисий — первый епископ и покровитель Франции, особенно Парижа, который Дешан считает лучшим городом и всячески восхваляет [10, с. 142–143]. Эгидий же у Дешана ассоциируется с чудесной мессой избавления Карла Великого от греха. Важна связь с королем и то, что святой — француз. Христофор выражает близость святых помощников к Богу («Христофор носил Бога» — так описывает его Дешан в балладе № 32) и, как следствие, действенность их заступничества. Христофор также является защитником от внезапной смерти: это распространенное поверье, скорее всего, тоже повлияло на избрание этого святого [16, р. 304–313]. Почитание Георгия в Галлии распространилось в правление Хлодвига [17]. Важно, что Георгий — своего рода легендарный святой без устоявшегося места происхождения. Также образ Георгия оказывается востребованным в контексте нестабильной политической ситуации, междоусобных войн и пика почитания доблестных героев. К тому же, с точки зрения «профессионального» разнообразия святых, Георгий как рыцарь намного актуальнее для французской группы, чем распространенный практически только в немецкоязычных странах Акакий. Евстафий, вероятно, не вошел в группу из-за большей популярности Гумберта Льежского с практически идентичной легендой и иконографией в позднесредневековой Франции [18, р. 660]. Несмотря на наличие мощей Евстафия в Париже, видимо, Георгий был более актуален как победитель/помощник против зла в лице дракона. Георгий помогал при гораздо более важных и актуальных проблемах, чем Евстафий,

так, в Европе Георгий был покровителем рыцарей, воинов, всадников, оружейников, пахарей, лошадей. Призывался при чуме, проказе, нападении ядовитых змей [18, р. 571–579], тогда как Евстафий был покровителем охотников, лесников, скорняков, суконщиков, сапожников [16, р. 468–471]. Власий был очень почитаем по всей Европе из-за большого количества чудодейственных мощей. Например, его голова находилась в Сен-Шапель, рука — в Нотр-дам де Пари, части тела — в двух парижских церквях, в других городах Франции тоже находились мощи святого [19, р. 95–96]. Также у Власия в житии несколько раз повторяется мотив исцеления и помощи людям и при жизни, и после смерти [20, с. 235–238].

Примечательно, что состав пяти избранных мужей был намного стабильнее, чем состав жен. Такой вывод можно сделать, исходя из миниатюр, изображающих святых. На всех миниатюрах, обнаруженных Еленой Милле [12, р. 163] и мною (The Morgan Library & Museum, New York MS G.55 fol. 126v (Илл. 1), 128v (Илл. 2); The Morgan Library & Museum, New York, MS M.366 fol. 159r (Илл. 3), 160r (Илл. 4); The Morgan Library & Museum, New York, MS M.285 fol. 251v (Илл. 5), 265v (Илл. 6); The Morgan Library & Museum, New York, MS M.431 fol. 159v (Илл. 7), 161v (Илл. 8), 162r (Илл. 9), 162v (Илл. 10)), видно, что состав мужской группы всегда такой же, как в балладах Эсташа Дешана — Георгий, Дионисий, Христофор, Эгидий, Власий, а в женской группе вместо упомянутых Дешаном Христины и Марфы появляются Агнесса, Женевьева (Геновефа), Урсула, Мария Магдалина. Примечательно, что в женской группе неизменно остаются три святые жены, изначально бывшие в составе Четырнадцати святых помощников — Варвара, Екатерина, Маргарита.

Значимость трех святых жен группы Четырнадцати святых помощников видна в миниатюрах часослова MS M.431. Здесь есть типичная миниатюра с изображением пяти избранных святых мужей и три отдельные миниатюры с Екатериной, Маргаритой и Варварой. Логично, что, преобразовывая Четырнадцать святых помощников и делая группу симметричной, Дешан к святым женам добавляет еще двух. Св. Христина Тирская, как менее почитаемая святая, вероятно, избирается как зеркальная пара Христофору. Также, скорее всего, влияние оказал тесный контакт Христины с Богом на протяжении ее мученичества в житии [21, с. 83–85]. Св. Марфа, вероятно, избирается из-за своей близости к Христу и чудесной победы над драконом. Также примечательно, что она считается в том числе французской святой, так как она умерла во Франции и совершила одно из главных чудес — укрощение дракона в Тарасконе. Отмечу, что Марфа и Кристина часто изображаются без атрибутов.

Для всех святых в балладе № 32 Дешан отмечает самые известные деяния. Екатерина победила тиранов и ученых, Маргарита победила и подчинила Дракона, Марфа принимала у себя Бога и победила змея Тараска, Варвара и Кристина отказались от языческих богов, и т. д. [4, р. 115]. В балладе № 1237 Дешан подчеркивает природу святых, не перечисляя прижизненные подвиги, а фокусируясь на подвигах помощи, которые святые могут совершить.

Важно отметить, что баллады Дешана — нечто большее, чем рифмованные молитвы, они представляют собой инструкции, предназначенные для распространения культа этой группы святых [12, р. 160]. Дешан обращается напрямую к читателю, говоря о том, за что их следует почитать. Это отличает тексты Дешана от современных его балладам немецкоязычных молитв, которые значительно короче и не объясняют культ. Такие молитвы довольно типичны, как, например, молитва 1408 года:

*«Георгий, Власий, Эразм и Пантелеймон,
Вит, Христофор, Дионисий и Кириак,
Акакий Великий, Евстафий и Эгидий,
С Маргаритой, с Варварой, с Екатериной,
Пусть они молятся за нас и изливают небесные милости» [22].*

Видна принципиальная разница между молитвой уже устоявшегося и давно почитаемого культа и почитанием новой группы святых в новой среде. Это обращение к читателю подчеркивается не только повелительным наклоном, обращениями к читателю, но и *l'envoy* — короткой строфой, выступающей как обращение к читателю и подведение итогов. Также Дешан в обеих балладах подчеркивает, что сам служит и всегда будет служить этим святым. Определенно, задумка Дешана увенчалась успехом, так как нам известны миниатюры, изображающие пять избранных святых мужей и пять избранных святых жен. Вероятно, это не полный список рукописей с изображениями этой группы, но, работая с каталогами, исследователь сталкивается с тем, что эти святые воспринимаются не как устойчивая группа, а как некий набор святых, собранный на миниатюре по разным причинам, что было характерно для позднего Средневековья.

Самый частый вариант изображения Десяти избранных святых — это две миниатюры (чаще полностраничные, но не всегда) на соседних страницах. На одной изображены святые мужи, на другой — жены. Каждый святой изображен со своими атрибутами и консортами. Инте-

ресно, что формирование этих изображений очень похоже на раннюю иконографию Четырнадцати святых помощников. Святые никак не взаимодействуют между собой, составляя своего рода «пазл», где Марфа легко заменяется Урсулой. Этот принцип хорошо заметен на миниатюре MS M.366 fol. 159r, где Георгий предстает в нарративной сцене верхом на коне, побеждая змия, или на миниатюрах MS M.285 fol. 251v; MS M.431 fol. 159v, где Христофор изображен в маленьком водоеме, который никак не вписывается в общий фон.

Таким образом, на примере адаптации культа Четырнадцати святых помощников Эташем Дешаном и отображения этого во французской миниатюре мы можем проследить своего рода более быстрое и упорядоченное формирование группы Четырнадцати святых помощников и удостовериться в том, что Десять избранных святых мужей и жен — это «дочерняя» группа большого немецкого культа, которая перенимает особенности формирования группы и иконографии у основного культа. Таким образом, пять избранных святых мужей и пять избранных святых жен — это не отдельный, исключительно французский феномен, но уникальный пример адаптации особенностей позднесредневековых немецкоязычных практик почитания на французской почве. Также мы видим уникальный пример попытки интеллектуально перестроить культ под новую аудиторию, а не стихийного распространения культа на новой территории, как это случилось с Четырнадцатью святыми помощниками в Италии, Чехии или Англии.

Список источников и литературы

1. *Dünninger J.* Fourteen Holy Helpers // *New Catholic Encyclopedia*. Vol. 5. New York: McGraw Hill, 1967. P. 1045–1046.
2. *Honegger T., Huber-Rebenich G., Leppin V.* Gottes Werk und Adams Beitrag: Formen der Interaktion zwischen Mensch und Gott im Mittelalter. Berlin: Akad.-Verl. De Gruyter, 2014. 431 s.
3. *Schreiber G.* Die vierzehn Nothelfer in Volksfrömmigkeit und Sakralkultur, Symbolkraft und Herrschaftsbereich der Wallfahrtskapelle, vorab in Franken und Tirol. Innsbruck: Univ.-Verl. Wagner, 1959. 129 s.
4. *Deschamps E.* Oeuvres complètes de Eustache Deschamps. T. 1. Balades de moralitéz. Paris: Didot, 1878. 415 p.
5. *Hlaváček P.* Čtrnáct svatých pomocníků. K pozdně středověké spiritualitě elit a její christocentrické dimenzi. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2014. 411 s.
6. *Adams G.W.* Visions in late medieval England: lay spirituality and sacred glimpses of the hidden worlds of faith. Brill, 2007. 278 p.

7. *Jankiewicz-Brzostowska M.* Zabytki kultu Czternastu Świątych Wspomożycieli w Polsce // *Studia Elbląskie IV*. Elbląg: Wyższe Seminarium Duchowne w Elblągu, 2002. P. 167–176.
8. *Guth K.* Vierzehnheiligen und die Anfänge der Nothelferverehrung: Anatomie einer Wallfahrtsgenese // *Kultur als Lebensform: Aufsätze und Vorträge*. Bd. I / Ed. by E. Roth. St. Ottilien: EOS, 1995. s. 305–324.
9. *Gecser O.* Holy Helpers and the Transformation of Saintly Patronage at the end of the Middle Ages // *Annual of Medieval Studies*. T. 22. Budapest: CEU, 2016. P. 174–201.
10. *Каплан А. Б.* Эсташ Дешан // *Вестник культурологии*. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estash-deshan> (дата обращения: 22.09.2022).
11. *Deschamps E.* Oeuvres complètes de Eustache Deschamps. T. 6. Paris: Didot, 1889. 324 p.
12. *Millet H.* Eustache Deschamps, précoce témoin de la dévotion aux « saints privilégiés » // *Eustache Deschamps, témoin et modèle: littérature et société politique, XIVe-XVIe siècles* / Ed. by T. Lassabatère, M. Lacassagne. T. 41. Presses Paris Sorbonne, 2008. P. 159–174.
13. *Ворошень В. А.* «Девять доблестных мужей» и «Девять доблестных жен» в западноевропейском изобразительном искусстве XIV–XVI веков: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2014. 334 с.
14. *Salamon A.* Les Neuf Preux: entre dification et glorification // *Questes*. 2008. No. 13. P. 38–52.
15. *Samerski S.* Die Kölner Pantaleonsverehrung: Kontext — Funktion — Entwicklung. Münster: Monsenstein und Vannerdat, 2005. 107 s.
16. *Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. Iconographie des saints. Vol. III, 1: A-F. 1958. Millwood, N.Y.: Kraus Reprint, 1983. 552 p.
17. *Калинкина Ю. В.* Почитание на Западе. Георгий // *Православная энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/162188.html#part_11 (дата обращения: 25.10.2022).
18. *Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. Iconographie des saints. Vol. III, 2: G-O. 1958. Millwood, N.Y.: Kraus Reprint, 1983. 553–1019 p.
19. *Collin de Plancy J.A.S.* Dictionnaire critique des reliques et des images miraculeuses. T. 1. Paris: Guien et Co, 1821. 509 p.
20. *Ворагинский И.* Золотая легенда / Пер. с лат. И. В. Кувшинской. Т. 1. М.: Издательство Францисканцев, 2017. 527 с.
21. *Ворагинский И.* Золотая легенда / Пер. с лат. И. В. Кувшинской. Т. 2. М.: Издательство Францисканцев, 2019. 679 с.
22. *Dünninger J.* Sprachliche Zeugnisse über den Kult der Vierzehn Nothelfer im 14. und 15. Jahrhundert // *Festschrift Matthias Zender. Studien zu Volkskultur, Sprache und Landesgeschichte*. Vol. 1 / Ed. by E. Ennen, G. Wiegelmann. Bonn: Röhrscheid, 1972. s. 336–346.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Пять избранных святых мужей. Часослов. Ок. 1465. Лангр, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS G.55. Fol. 126v

Илл. 2. Пять избранных святых жен. Часослов. Ок. 1465. Лангр, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS G.55. Fol. 128v

Илл. 3. Пять избранных святых мужей. Часослов. Ок. 1470. Тур, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.366. Fol. 159r

Илл. 4. Пять избранных святых жен. Часослов. Ок. 1470. Тур, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.366. Fol. 160r

Илл. 5. Пять избранных святых мужей. Часослов. Ок. 1470. Бельгия.
Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.285. Fol. 251v

Илл. 6. Пять избранных святых жен. Часослов. Ок. 1470. Бельгия.
Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.285. Fol. 265v

Илл. 7. Пять избранных святых мужей. Часослов. Начало XV века. Руан, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.431. Fol. 159v

Илл. 8. Св. Екатерина. Часослов. Начало XV века. Руан, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.431. Fol. 161v

Илл. 9. Св. Маргарита. Часослов. Начало XV века. Руан, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.431. Fol. 162r

Илл. 10. Св. Варвара. Часослов. Начало XV века. Руан, Франция. Библиотека и музей Моргана, Нью-Йорк. MS M.431. Fol. 162v

УДК 7.034 + 94(450)

Пиотровская А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант,
специалист по научной работе Научно-исследовательского музея
при Российской академии художеств
E-mail: a.piotrovskaya@yahoo.com

Цикл «Двенадцать месяцев» Леандро Бассано из собрания Тульского областного художественного музея в контексте возникновения и развития иконографии изображения месяцев года в Италии

Аннотация. В статье автор рассматривает иконографические особенности цикла картин «Двенадцать месяцев» из собрания Тульского областного художественного музея, приписываемого (как авторская копия) мастеру Террафермы и Венеции Леандро Бассано (1557–1622). Автор исследует преемственность цикла Леандро Бассано итальянским средневековым образцам, анализирует историю развития иконографии цикла на территории Италии и выявляет особенности, присущие тульским работам. Цикл художника эпохи Возрождения встраивается в общую канву развития иконографии изображения месяцев года, история которой насчитывала к XVI–XVII векам несколько столетий, но имеет и уникальные черты.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, Италия, иконография, Леандро Бассано, Ренессанс, цикл «Двенадцать месяцев», Терраферма.

Piotrovskaja A. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, PhD candidate,
research fellow of the Scientific-Research museum
under the Russian Academy of Arts
E-mail: a.piotrovskaya@yahoo.com

*The Cycle “Twelve Months” by Leandro Bassano from the
Collection of the Tula Regional Art Museum in the Context of
the Origin And Development of the Iconography of the Images
of the Months of the Year in Italy and in Bassano’s Workshop*

Abstract. In the article, the author examines the iconographic features of the cycle of paintings “Twelve Months” from the collection of the Tula Regional

Art Museum, attributed (as an author's copy) to the master of Terraferma and Venice Leandro Bassano (1557–1622). The author explores the continuity of the Leandro Bassano cycle with Italian medieval samples, analyzes the history of the development of the cycle's iconography in Italy and reveals the features inherent in Tula works. The cycle of the Renaissance artist is built into the general outline of the development of the iconography of the depiction of the months of the year, the history of which by the 16th-17th centuries spanned several centuries, but it also has unique features

Keywords: Renaissance art, Italy, Iconography, Leandro Bassano, Cycle of “Twelve Months”, Terraferma.

Леандро Бассано (1557–1622) — живописец, представитель творческой династии Бассано, сын художника Якопо Бассано, работавший на территории Террафермы¹ и в Венеции. Его творчество мало изучено в России, несмотря на то, что в Тульском областном художественном музее находится единственный в Европе, а возможно, и в мире полный цикл картин «Двенадцать месяцев», приписываемый этому автору (Илл. 1–12).

Появление цикла картин «Двенадцать месяцев» Бассано было не первым случаем обращения к этой тематике в изобразительном искусстве Италии. Среди живописцев и скульпторов, проживавших и работавших на территории Италии, было немало тех, кто создал циклы с таким же сюжетом.

Подобные циклы встречаются не только в Италии, но и в Испании и во Франции. Основной сюжетной линией являются изображения крестьян, занятых сельскохозяйственной работой. Интересно, что изначально подобные циклы были связаны с Церковью: они размещались, например, на фасадах и у порталов романских церквей, а если это были мозаичные или фресковые циклы, то их создавали внутри здания, чтобы уберечь от разрушения. Украшение фасадов зданий такими профанными сюжетами не было чем-то необычным, поскольку, во-первых, в Средние века большая часть населения, в том числе прихожан, была связана с работами в поле и с сельским хозяйством, во-вторых, эти сцены и их расположение могли быть связаны с девизом святого Бенедикта «*ora et labora*» («молись и трудись»), который в данном случае мог восприниматься как наставление молиться внутри церкви и трудиться за ее пределами [1, p. 12]. Несмотря на то, что у циклов были общие черты, каждый из них создавался по уникальной задумке автора согласно его видению

¹ Историческое название материковой части Венецианской республики.

и традициям мастерской, поэтому абсолютно одинаковых циклов, даже на территории Италии, не существует.

Цикл как иконографически устойчивая схема появился в Средние века в связи с монументальным искусством: мозаика, барельефы, горельефы, фрески, тем не менее, не это стало первым этапом в развитии иконографии цикла. Тема цикла из двенадцати месяцев восходит к изображениям сезонов года на античных полах. Кроме того, эта тема встречается и в античных стихотворениях, и в средневековых энциклопедиях [1, р. 12].

Прямым источником для возникновения монументальных циклов месяцев стали, вероятнее всего, литургические календари на пергаменте, иллюминированные изображениями месяцев. Именно они были «изобретены» в Средние века [1, р. 13] и дали толчок развитию иконографии цикла 12 месяцев в изобразительном искусстве. Календари появились в монастырских скрипториях и с VI века начали распространяться по всему полуострову. Скриптории находились почти в каждом монастырском комплексе ввиду того, что требовалось переписывать и распространять Священное Писание, псалмы и др. Так как полная иллюминированная рукописная Библия могла быть по размеру достаточно крупной и, как правило, находилась в церкви или монастыре в одном экземпляре, для удобства каждодневного использования начали создавать «тематические» рукописи. Например, в *Messale* (досл. «Миссал») содержались только те тексты и молитвы, которые необходимы для проведения Мессы или Евхаристии в соответствии с литургическим годом; в Бrevиариях находились только тексты оффиций (литургии часов); в Псалтири — только псалмы, и т. д. К концу Средних веков появилась новая форма рукописи — Часословы (*Libri delle Ore*). Они создавались по заказу состоятельных мирян для ежедневной молитвы и богато иллюминировались.

Наиболее важными для нас среди этих текстов являются Псалтири и Часословы. Как правило, в начале этих религиозных текстов давался литургический календарь. Он занимал несколько листов, в нем были перечислены церковные даты, важные для каждого месяца, сопровождался рукописный текст миниатюрой с изображением сельскохозяйственной деятельности. Эти иллюминированные кодексы предназначались как для духовенства, так и для мирян, и были широко распространены по всей Италии². К XV в. композиции миниатюр усложнились и стали

² Многочисленные примеры таких рукописей находятся в разных библиотеках (Илл. 13).

многофигурными. Постепенно традиция изображения месяцев не только укрепилась, но и развилась настолько, что помимо крестьян художники начали изображать и дворян, например, за охотой. Сцены сельскохозяйственных работ были совмещены со сценами повседневной жизни аристократов.

Появление большого количества циклов в скульптуре, фресках, мозаиках, а затем и в станковой живописи было тесно связано с историческим развитием европейских стран. Рост и расширение городов в эпоху классического Средневековья изменяет роль крестьянина и отношение к его деятельности. Переоценка роли крестьянского труда делает возможным появление циклов 12 месяцев сначала в миниатюре, а затем и в монументальном искусстве. Хронологически первым монументальным циклом считается фриз с изображением 12 месяцев (1105–1110), находившийся в испанской базилике Сантьяго-де-Компостела и утраченный в 1758 году. Цикл в месте паломничества тысяч верующих, в том числе с севера Италии, не мог не привлечь внимание итальянских художников [1, р. 15]. Вероятно, благодаря знакомству с ним, а также развитию миниатюр с данной иконографией и появилось огромное количество циклов месяцев на территории Италии.

«Двенадцать месяцев» Леондро Бассано — это масштабный цикл из 12 станковых картин. Техника и материал у всех работ одинаковые — холст, масло. Каждая из картин имеет свой сюжет, связанный с сезонными работами и праздниками. Это многофигурные композиции, на каждой из которых есть «идентификатор» изображенного месяца в виде знака зодиака.

Как уже говорилось ранее, многофигурные композиции начали появляться в миниатюрах церковных книг еще в XV веке (Илл. 14), но изображений знаков зодиака и праздников в них не было. Такая же ситуация наблюдается и в больших скульптурных работах. Например, одним из ранних горельефов с изображением двенадцати месяцев является цикл в архивольте церкви Санта-Мария-делла-Пьеве в Ареццо (Илл. 15–16), созданный в XIII в. Каждый из месяцев представлен в виде одной фигуры и без изображения знака зодиака. Немного иная ситуация сложилась с горельефами Бенедетто Антелами в Пармском баптистерии (Илл. 17–18). Скульптор ввел изображение знаков зодиака в нижней или верхней части скульптурных композиций (эти работы были созданы чуть позже цикла из Ареццо, но тоже в XIII в.). К сожалению, скульптуры Антелами являются незаконченными, а также в большинстве своем утратили полихромную раскраску (или некоторые из них не успели раскрасить). Возможно, в данном случае введение изображений знаков зодиака стало воз-

можным благодаря наличию места для увеличения размеров скульптур [1, р. 37]. Сейчас скульптуры находятся внутри баптистерия, но до конца непонятно, для какой части здания (внешней или внутренней) изначально создавался цикл [1, р. 36].

Фиксация знаков зодиака в верхней части композиции происходит чуть позже и, вероятно (если смотреть на композицию в целом), связана с большой популярностью Часословов, а также с копированием этих знаков с североευропейских образцов. Одним из таких примеров может быть цикл медальонов, созданных в 1450–1456 гг. для студиоло Пьетро Медичи в Палаццо Медичи во Флоренции (ныне Палаццо Медичи-Риккарди) (Илл. 19–20). Медальоны были созданы Лукой делла Роббиа и вызывали восхищение современников. На каждом медальоне изображена одна фигура за работой, а в верхней части композиции находится знак зодиака, выделяемый изображением солнца желтовато-золотистого цвета (астрологическое обозначение нахождения Солнца в том или ином знаке). В цикле Леандро Бассано знаки в небе выделены золотистым свечением вокруг, напоминающим солнечный свет. Цикл из студиоло Пьетро Медичи был очень известным, о нем в своих трудах упоминали Вазари и архитектор Филарете [2].

Близким по времени создания, композиции и месту нахождения к циклу Леандро Бассано является цикл фресок в Орлиной башне замка Буонконсильо в Тренто (Илл. 21). Цикл является наиболее крупным примером «интернациональной готики» на севере Италии. Из 12 работ до наших дней дошли 11 — «Март» не сохранился, так как находился на стене у винтовой лестницы, сгоревшей во время пожара. Каждая фреска цикла сопровождается изображением солнца и названием знака зодиака в верхней части композиции, что является добавлением XVI века, введенным во времена Бернардо Клезиво³, решившего «отреставрировать» фрески. Отличием этого цикла от ранее упомянутых является большое количество персонажей, а также соединение в одних и тех же композициях визуальной репрезентации двух слоев населения: дворян и крестьян. Безусловно, такое нововведение могло быть связано с местом создания цикла — замком. На первом плане почти всегда присутствуют дворяне, более того, они изображены изящнее, чем крестьяне, которые в большинстве своем написаны грубо, почти карикатурно.

³ Бернардо Клезиво (1485–1539) — крупный политический и религиозный деятель, с 1530 г. кардинал Тренто.

В цикле Леандро Бассано все немного иначе. Почти на всех картинах также присутствуют представители состоятельных слоев, за исключением «Апреля», «Сентября» и «Ноября», а в «Мае» и «Августе» они находятся на самом дальнем плане. Нобили и крестьяне во многих случаях изображены рядом, как будто равными, их отличает только одежда. Манера написания фигур крестьян и аристократов в работах Бассано никак не отличается.

В цикле из замка Буонконсильо, несмотря на визуальное выделение групп дворян на первом или среднем плане и отличия в манере написания фигур разных персонажей, Мастер Винчеслао из Богемии обратил внимание на сезонные традиции самого Тренто: в работе «Июнь» (Илл. 22) на дальнем плане можно увидеть дойку коров в Альпах — занятие, типичное для крестьян альпийской зоны рядом с Тренто [1, р. 125]. Этот цикл иконографически можно связать не только с традицией развития иконографии изображения циклов месяцев, но также с «Книгой об охоте» Гастона III Феба, графа де Фуа, иллюминированной большим количеством миниатюр с изображениями людей и животных; с *Tacuinum sanitatis* (или *Theatrum sanitatis*)⁴ с миниатюрами на тему сбора лекарственных трав, определенных фруктов, овощей для здорового питания, из-за миниатюр эту книгу даже называли псевдомедицинским трактатом; и «Великолепным Часословом герцога Беррийского» с миниатюрами братьев Лимбург.

В цикле Леандро Бассано, начиная с картины «Апрель», мы можем видеть примеры сочетания жанровых сцен со знаками зодиака. Подобные изображения были известны не только в живописи, но и в скульптуре. Мы уже упоминали о подобных циклах, в том числе о работах Бенедетто Антелами в Парме. Еще один подобный цикл был создан для собора Сан-Марко в Венеции в XIII веке (Илл. 23). Леандро Бассано, как и его отец Якопо Бассано, не один раз был в Венеции и мог видеть эти скульптуры.

Подобные символические сочетания часто становились предметом изображения во фресковой живописи, шпалерах и миниатюрах ренессансных мастеров. Наиболее известным примером является Бревиарий Гримани (Илл. 24), который был создан по образцу Роскошного Часослова герцога Беррийского мастерами Северного Возрождения. Бревиарий

⁴ Средневековый медицинский трактат о здоровом образе жизни, составленный в конце XIV века и выпущенный в 1531 году.

хранился в семье кардинала Доменико Гримани, а затем был помещен в сокровищницу собора Святого Марка. Бревиарий Гримани является признанным шедевром фламандской живописи, мог быть знаком семье Бассано в оригинале или гравюрных копиях и стать основой для композиционной составляющей цикла «Двенадцать месяцев».

Таким образом, сама тематика цикла не была новой для Италии, но Леондро Бассано, как показывает анализ цикла из Тульского областного художественного музея, доработал и во многом изменил привычную для итальянцев иконографию. Знаки зодиака не изменили своей роли, поскольку сохранялась важность астрологических расчетов для определения порядка сельскохозяйственных работ и занятий — заготовки птицы и мяса к Рождеству и Новому году, начала охоты на зайца и в целом сезона охоты, стрижки овец и многого другого. Эти занятия зависели от весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, как и смены времен года. К слову, в Италии и по сей день смена сезонов привязана именно к астрономическому календарю. Таким образом, каждому месяцу соответствовал определенный знак зодиака, который был важен для людей Средневековья и Ренессанса: в произведениях искусства, начиная с XII–XIII вв., знаки зодиака помогали определять тот или иной месяц, что видно и в рассматриваемом цикле. В то же время цикл Леондро Бассано сильно отличается от циклов его предшественников, прежде всего, видом искусства, в котором он исполнен. Это не скульптура или фреска, а крупноформатная станковая живопись.

Венецианцы начали использовать холст одними из первых на территории Италии, вероятно, эта же особенность была перенята и на материковой части Республики, художники которой продавали свои работы в том числе и в Венеции. Быстрое замещение деревянной основы холстом в этом регионе было обусловлено высокой влажностью. По той же причине в Венеции изобрели *teleri* — холсты огромных размеров, которые были сшиты из более мелких и стали заменой для фресковой живописи, стремительно разрушавшейся в условиях повышенной влажности [3, p. 175]. Хорошим примером такого *teleri* является произведение Тинторетто «Рай» во Дворце дождей в Венеции [4]. Конечно, работы Леондро Бассано уступают ему по своим масштабам, но, тем не менее, не являются малогабаритными.

Уникальным представляется и тот факт, что это единственный цикл из 12 картин, вышедший из мастерской семьи Бассано. Обычно максимальное количество работ в циклах этой мастерской не превышало четырех («Времена года»). Кроме того, изображения циклов повторялись:

так же, как в случае с «Двенадцатью месяцами», «Времена года» были написаны не единожды. Для художников мастерской Якопо Бассано было свойственно «производить» копии и отдельных работ, и циклов. Копии создавались как сыновьями Бассано, так и другими учениками, имена которых сейчас не столь известны, ведь Якопо Бассано создал своего рода «художественный конвейер» своих работ. Но не стоит думать, что его сыновья только копировали картины отца — они создавали и собственные уникальные произведения, к примеру, Леандро Бассано в большей степени известен как талантливый портретист. Однако такое обилие похожих (или даже одинаковых) работ вводит исследователей в замешательство и порождает проблемы с атрибуцией и датировкой картин и циклов. Несмотря на то, что многие копии серий мастерской Бассано приписываются чаще всего Франческо Бассано, большое их количество не подписано, а правильно атрибутировать работы мастерской Бассано визуальными практически невозможно, настолько они похожи. По этой причине затруднены и датировка работ, и хронология развития иконографических схем. С этими проблемами уже в 1775 году столкнулся Джамбаттиста Верчи⁵, который выразил сомнения в своей способности отличить руку Якопо Бассано от руки других членов его семьи [5, s. 49]. Еще большую путаницу вносят описи XVI–XVII вв., в которых в основном не упоминается авторство Якопо, Франческо или Леандро, вместо этого стоит только фамилия «Бассано» [5, s. 49]. Эти сведения подтверждают факт того, что художники, создавая многочисленные копии, не позиционировали себя как отдельные мастера, скорее это был «фамильный бренд», который был популярен и работы которого хорошо покупались. Подобные проблемы есть и с циклом из Тулы, так как другие неполные, но знаменитые версии «Двенадцати месяцев» находятся в Вене и Праге, однако в этой статье мы не будем подробно останавливаться на них и проблемах атрибуции цикла.

Итак, мы рассмотрели лишь несколько примеров изображения «Двенадцати месяцев» в Италии в период эпохи Возрождения, тем не менее, очевидно, что цикл Леандро Бассано органично встраивается в общую канву развития иконографии данного цикла на территории Италии и что создание подобного цикла не было исключительным явлением для ис-

⁵ Джованни Баттиста (Джамбаттиста) Верчи (1739–1795) — итальянский историк, написавший в 1775 г. книгу «Сведения о жизни и творчестве художников, скульпторов и ваятелей Бассано».

куства данного региона. Очевидно, что при создании цикла уделялось внимание и достижениям предшественников, и астрологическим представлениям эпохи. Тем не менее, мастерская Бассано и сам Леандро не следовали образцу предшественников слепо: Леандро Бассано смог исполнить цикл не только в новом виде искусства, но и на ином материале, привнеся в него собственную манеру и стилистику исполнения.

Список источников и литературы

1. *Bawtree J.* Il ciclo dei mesi. Da Aosta a Otranto, alla scoperta di un tesoro dell'arte medievale italiana. Firenze: Terra Nuova Edizioni, 2020.
2. Электронный каталог Музея Виктории и Альберта [Электронный ресурс]. URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O93294/september-roundel-della-robbia-luca/> (дата обращения: 26.08.2022).
3. *Rinaldi S.* Storia tecnica dell'arte. *Materiali e metodi della pittura e della scultura (V–XIX secolo)*. Roma: Carocci, 2011.
4. *Пиотровская А.А.* «Воскрешение праведных» или «Рай» Франческо Бассано Младшего. Новатор или подражатель? // Проблемы истории и культуры средневекового общества: материалы XLI всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2021 года. СПб: Скифия-принт, 2022. С. 387–395.
5. *Corsato C.* Production and Reproduction in the Workshop of Jacopo Bassano. Four Matrices for the Four Seasons in the Kunsthistorisches Museum in Vienna // *Jahrbuch des Kunsthistorischen Museums Wien*. 2010. No. 12. s. 41–52.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Леандро Бассано. Март. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 2. Леандро Бассано. Апрель. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 3. Леандро Бассано. Май. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 4. Леандро Бассано. Июнь. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 5. Леандро Бассано. Июль. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 6. Леандро Бассано. Август. Цикл «Двенадцать месяцев».
Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 7. Леандро Бассано. Сентябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 8. Леандро Бассано. Октябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 9. Леандро Бассано. Ноябрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 10. Леандро Бассано. Декабрь. Цикл «Двенадцать месяцев». Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула

Илл. 11. Леандро Бассано. Январь. Цикл «Двенадцать месяцев». *Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула*

Илл. 12. Леандро Бассано. Февраль. Цикл «Двенадцать месяцев». *Конец XVI — начало XVII вв. Холст, масло. 80×121 см. Тульский областной художественный музей, Тула*

Илл. 13. Псалтирь из Пизы. Листы литургического календаря с изображением Августа и Сентября. 1100. Пергамент, акварель. Библиотека Медичи Лауренциана, Флоренция

Илл. 14. Псалтирь. Миниатюра с изображением Июля (фрагмент листа). Ок. 1400. Пергамент, акварель. Публичная библиотека, Сиена

Илл. 15. Неизвестный скульптор, возможно, ученик Мастера месяцев из Феррары. Горельефы с изображениями 12 месяцев. Не позднее 1240. Архивольт церкви Санта-Мария-делла-Пьеве, Арецо

Илл. 16. Неизвестный скульптор, возможно, ученик Мастера месяцев из Феррары. Горельефы с изображениями Января, Февраля и Марта (справа налево). Не позднее 1240. Материал неизвестен. Размеры неизвестны. Архивольт церкви Санта-Мария-делла-Пьеве, Арецо

Илл. 17. Бенедетто Антелами. Сентябрь. 1210–1220. Мрамор. Размер неизвестен. Баптистерий, Парма

Илл. 18. Бенедетто Антелами. Ноябрь. 1210–1220. Мрамор. Размер неизвестен. Баптистерий, Парма

Илл. 19. Лука делла Роббиа. Сентябрь. Серия медальонов «Двенадцать месяцев». Ок. 1450–1456. Глазурованная терракота. Диаметр 60,5 см. Музей Виктории и Альберта, Лондон

Илл. 20. Лука делла Роббиа. Октябрь. Серия медальонов «Двенадцать месяцев». Ок. 1450–1456. Глазурованная терракота. Диаметр: 60,5 см. Музей Виктории и Альберта, Лондон

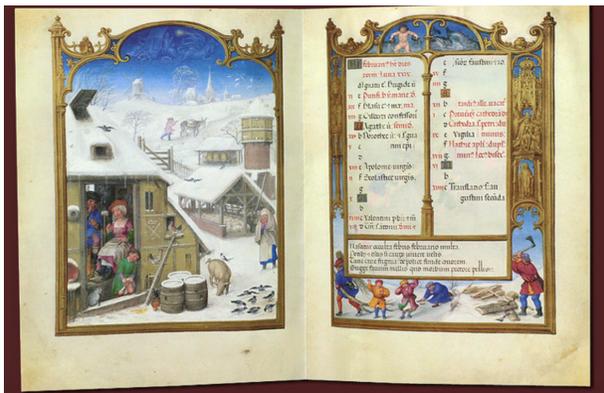
Илл. 21. Мастер Винчеслао. Цикл «Двенадцать месяцев». Фреска.
Ок. 1400. Замок Буонкосильо, Орлиная башня, Тренто

Илл. 22. Мастер Винчеслао. Июнь. Цикл «Двенадцать месяцев».
Фреска. *Ок. 1400. Замок Буонкосильо, Орлиная башня, Тренто*

Илл. 23. Неизвестный автор. Декабрь. Цикл «Двенадцать месяцев».
XIII в. Дерево. Собор Сан-Марко, Венеция

Илл. 24. Последователи Хуго ван дер Гуса, Ханса Мемлинга, Герард Давид и другие художники. Февраль. Бревиарий Гримани.
Между 1510 и 1520. Пергамент, акварель. Ок. 28×19,5 см. Библиотека Марчиана, Венеция

УДК 75.03

Петрова Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: lisa.ptr123@gmail.com; st071896@student.spbu.ru

Ученики Даниэля Соро и Себастьяна Штоскопфа в Ханау

Аннотация. Статья посвящена критическому переосмыслению понятия «Школа Себастьяна Штоскопфа» в период его обучения и преподавания в Ханау. Автор исследует истоки формирования школы, рассматривает творчество ее представителей и художественную среду, в которой они работают.

Ключевые слова: Себастьян Штоскопф, Даниэль Соро, натюрморт, XVII век.

Petrova E. A.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: lisa.ptr123@gmail.com; st071896@student.spbu.ru

Daniel Soreau and Sebastian Stoskopff's Apprentices in Hanau

Abstract. In the article “Daniel Soreau and Sebastian Stoskopff’s apprentices in Hanau” critical rethinks the concept of the Sebastian Stoskopff’s school in Hanau. The author explores the formation of the school, works of its representatives and the artistic environment.

Keywords: Sebastian Stoskopff, Daniel Soreau, still life, 17th century.

Даниэль Соро (ок. 1554–1619) основал мастерскую живописи в Ханау недалеко от Франкфурта в первой четверти XVII века. После его смерти ее возглавил старший ученик Себастьян Штоскопф, который заведовал ею в течение двух с половиной лет. В данной статье будут проанализированы произведения Даниэля Соро, Себастьяна Штоскопфа и учеников их мастерской для выявления влияния учителей на подопечных в контексте переосмысления понятия «Школа Себастьяна Штоскопфа». В числе учеников данной школы были: Петер Соро (1604 — не ранее 1672), Исаак Соро (1604 — не ранее 1645), Ян Соро (годы жизни неизвестны), Петер Бинуа (1590–1632), Франц Годин (ок. 1590 — не ранее 1624).

Для начала необходимо восстановить художественную среду городов Франкфурта и Ханау (на Майне, земля Гессен) в начале XVII века, где складывалась данная художественная школа. После Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года протестанты-кальвинисты бежали из Франции и испанских Нидерландов, многих из них приняли во Франкфурте. 1 июня 1597 года граф Филипп Людвиг II заключил договор о капитуляции [1, с. 62]. В соответствии с этим документом валлонским религиозным беженцам больше не разрешалось реформатское богослужение, они покинули Франкфурт и основали Нойштадт-Ханау («новый город Ханау»). Самостоятельная община Нойштадт-Ханау была независима от «старого города» Ханау. Вследствие этого в конце XVI века Ханау получил самый большой импульс развития в своей истории. В обмен на гарантию свободного вероисповедания беженцы обязались развивать экономику города. Тесные торговые отношения установились между Ханау и Страсбургом, новогодняя ярмарка в большом городе особенно привлекала ханауских купцов. Столь же крепкими были и семейные связи между реформаторскими беженцами обоих городов. В 1610 году в Ханау была основана гильдия ювелиров. Ханау владел большой муниципальной коллекцией серебряных и позолоченных кубков [1, с. 65].

В XVI в. во Франкфурте процветало искусство книгопечатания, которое развивалось за счет притока граверов из Южных Нидерландов. Например, во Франкфурт переехали братья де Бри: Иоганн Теодор и Иоганн Израэль, которые родились в Льеже. Антверпенский гравер Иоганн Саделер (ок. 1550–1600) и его ученик Якоб Кемпенер (годы жизни неизвестны) жили и работали во Франкфурте в 1586–1612 гг. В этот же период Йорис (Георг) Хуфнагел (1542–1600) и его сын Якоб (1575 — ок. 1630) работали в этом городе художниками-миниатюристами и граверами по меди [2, с. 8]. В начале XVII века большой мастерской во Франкфурте владел Георг Флегель (1566–1638) [1, с. 31]. Ян Брейгель (1568–1625) проезжал через Германию во время своего путешествия в Италию. Известно, что в 1589 году он посетил свою сестру Марию в Кельне, после чего, возможно, проехал через Франкфурт по пути на юг [3, с. 56]¹. С его изображениями букетов, возможно, были знакомы Георг Флегель, Петер Бинуа и Джеремиас ван Винген (1578–1645), в чьих работах угадываются его приемы.

Художественная среда Франкфурта и Ханау в 1590-х годах была весьма оживленной и открытой для влияний. Большинство упомянутых

¹ В 1597 году он поселился в Антверпене.

художников переехало в Ханау, и каждый принес с собой новые идеи. Некоторые мастера путешествовали на протяжении нескольких лет, например, Георг Флегель ездил в Вену [4, p. 15]. Живописные традиции Фландрии и Южных Нидерландов были объединены, в том числе, с немецким искусством. Немецкие живописцы могли увидеть работы зарубежных мастеров как на знаменитой Франкфуртской ярмарке, так и в многочисленных художественных собраниях города [1, s. 31]. Стилистическое сходство иногда настолько велико, что некоторые натюрморты приписывают как антверпенским, так и немецким художникам. Тем не менее, работы последних не являются копиями, художники утверждают в них свою независимость. Немецкая школа предлагает адаптацию голландских оригиналов, но меняет их дух за счет лаконичности композиции.

В Ханау обосновался и Даниэль Соро. Он был родом из Антверпена, во Франкфурте успешно торговал шерстью, но когда его компания обанкротилась, он переехал в Ханау, где налоги были ниже, чем во Франкфурте [1, s. 62]. В середине жизни Соро сменил профессию и стал художником. Также он известен как знаток архитектуры. Ежегодники Нойштадт-Ханау свидетельствуют, что в 1605 году Соро участвовал в планировании строительства двойной церкви валлонского и фламандского приходов [3, s. 53].

Когда Даниэль Соро стал художником и главой мастерской, он старался принимать в ученики только своих родственников, но были и исключения. Соро создавал картины, называемые «большие фигуры», что, вероятно, означает полотна с изображением людей в полный рост, а также произведения на религиозные и исторические сюжеты, портреты и натюрморты [3, s. 54]. Сыновья Соро, как и его ученик Себастьян Штоскопф, работали в жанре натюрморта, поэтому можно предположить, что мастер в своей художественной деятельности особо выделял изображение предметов.

Перейдем к более детальному рассмотрению работ Даниэля Соро, оказавшего влияние на своих учеников. К сожалению, подписанные произведения мастера не сохранились, единственное, что дошло до наших дней — гравюра с картины Даниэля Соро «Отцелюбие римлянки» (Вена, галерея Альбертина). Стилистически эта работа близка к маньеризму. Смена точки зрения характерна как для произведений Соро, так и Штоскопфа [3, s. 54]. Углы стен создают необычное пространство, в том числе из-за перспективного сокращения. Свет направлен так, как нужно художнику, а не так, как это было бы естественно.

Даниэлю Соро приписывается несколько натюрмортов, хотя их атрибуция весьма условна. Один из них — «Китайская чаша с виноградом»

(1610–1630 гг., Мюнхен, Старая пинакотекa). Считается, что эта картина написана с произведения Осиаса Берта (1580–1624) «Китайская чаша с виноградом» (1610–1623 гг., частная коллекция), однако вопрос о том, кто ее создал, остается открытым. На реверсе есть подпись: «Hulsdonck», которая отсылает к художнику Якобу ван Халсдонку (1582–1647), однако исследователи сомневаются в подлинности этой подписи. О. Берт работал в Антверпене в период с 1596 по 1623 гг., Я. ван Халсдонк жил и творил в том же городе с 1608 г. по 1647 г. Однако эти данные мало что проясняют в вопросе авторства картины. Если обратиться к композиции, то глубокая фарфоровая чаша и ее расположение действительно повторяют изображение Осиаса Берта, который часто использовал подобную китайскую посуду в своих работах. Тем не менее, композиция не полностью повторена и отличается в положении винограда и других деталях. Нет сомнений в том, что произведения Берта и художника, подражавшего ему в рассматриваемой работе, стилистически очень близки.

Связующим звеном между этими двумя живописцами можно назвать уже упомянутого Якоба ван Халсдонка. Для его полотен характерно, прежде всего, пластическое видение. Например, на картине «Фрукты в фарфоровой миске и вокруг нее» (1620-е гг., частная коллекция) изображаемые им предметы расположены в гармонии с пространством и друг с другом. Композиция остается простой и ограничивается одной чашей на столешнице, которая заполняет все поле зрения, но при этом оформлена в монументальном стиле.

Если еще больше углубиться в сходство картин, то можно вспомнить, что Франс Снейдерс (1579–1657), так же, как Осиас Берт и Якоб ван Халсдонк, работал в Антверпене в 1593–1607 гг. и 1609–1657 гг. Снейдерс создавал такие мотивы, как полные корзины с подвижными очертаниями, на которые мог опираться Я. ван Халсдонк. «Натюрморт с фруктами и птицами» Снейдерса (ок. 1615–1620 гг., Париж, частная коллекция) представляет ветки и усики виноградной лозы, свободно вьющиеся по столу. Также изображена чаша китайского фарфора, но это не вид сверху, а анфас. В целом это произведение несомненно более качественное, но это не означает, что именно его влияние дошло до Франкфурта и Ханау. Тем не менее, Франс Снейдерс оказал сильное воздействие на немецкое искусство середины XVII века.

Нельзя выяснить точно, принадлежит ли картина «Китайская чаша с виноградом» (1610–1630 гг. Мюнхен, Старая пинакотекa) кисти Даниэля Соро, однако влияние Якоба ван Халсдонка заметно в работах других художников, творивших в Ханау в тот же период, о чем будет сказано да-

лее. Важно отметить, что ни Осиас Берг, ни Якоб ван Халсдонк, ни Франс Снейдерс не посещали Священную Римскую империю, но, возможно, их влияние передалось через художников, переселившихся из Южных Нидерландов, например, Даниэля Соро.

Перейдем к другому владельцу рассматриваемой мастерской, Себастьяну Штоскопфу. Он родился в Страсбурге, где его крестили как лютеранина 31 июля 1597 года. Его отец Георг Штоскопф выбрал для сына профессию архитектора, поэтому мальчику было необходимо научиться рисовать. Чтобы доказать способности и целеустремленность своего сына, Георг предоставил совету города несколько гравюр и рисунков пятнадцатилетнего юноши [1, s. 29]. К сожалению, эти работы не сохранились до нашего времени. Несомненно, Себастьян Штоскопф посещал мастерскую Фридриха Брентеля (1580–1651), который с 1612 года являлся главным художником в Страсбурге [5, p. 322]. Видимо, Брентель научил молодого человека создавать гравюры на меди, что оказало значительное влияние на будущее творчество С. Штоскопфа, поскольку на протяжении всей своей карьеры он включал гравюры в свои натюрморты.

В 1615 году восемнадцатилетний Себастьян Штоскопф поступил на обучение в мастерскую Даниэля Соро в Ханау. Кандидатура учителя была выбрана исходя из соображений, что Даниэль Соро работал в области архитектуры и рисунка. Однако, как уже упоминалось выше, в ученики художник брал только своих родственников, поэтому не сразу согласился принять юношу в мастерскую. Но в ходе шести месяцев испытательного срока Штоскопф доказал свои способности, и тогда Соро взял его на обучение сроком на пять лет. Он учил молодого человека рисованию, архитектуре и другим видам искусства, таким как игра на лютне [6, p. 118]. Но главной заслугой учителя было то, что он передал умение создания натюрморта своему подмастерью и привил ему любовь к этому жанру. Сохранились лишь некоторые из произведений, написанных Штоскопфом во время его пребывания в Ханау. Затруднительно восстановить хронологию написания этих работ, поскольку известно только девять датированных картин, охватывающих период с 1625 по 1644 годы [3, s. 96]. В начале своей карьеры художник оказался на стыке разных влияний, которые оставили отчетливые следы в его искусстве.

Натюрморт Себастьяна Штоскопфа «Чаша с клубникой» (ок. 1620 г., Страсбург, музей Нотр-Дам) показывает, что живописец крепко укоренился в художественной среде своего региона. В искусстве Антверпена есть работы с таким мотивом, например, «Натюрморт с клубникой и гвоздикой в чаше Ван-Ли и виноградом» Франса Снейдерса (1610–1612 гг.,

частная коллекция) и «Клубника и гвоздика в фарфоровой миске с ягодами и вишней на столе» Якоба ван Халсдонка (после 1625 г., частная коллекция). Некоторые художники в кругу Даниэля Соро также изображали только один предмет на картине. Однако натюрморт Штоскопфа значительно отличается от них: он показывает чашу с клубникой анфас, а не сверху. Такой ракурс и максимальная приближенность блюда к зрителю делает натюрморт более монументальным. В этом новом подходе к изображению предметов художник явно открывает для себя влияние Франса Снейдерса [1, s. 32], который часто использовал такой прием в своих работах, на фоне которого полотно страсбургского художника кажется более сдержанными по своему стилю.

«Натюрморт с курицей» Себастьяна Штоскопфа (1630 г., Нюрнберг, Германский национальный музей) свидетельствует о влиянии на молодого художника немецких мастеров. Это можно заметить по композиции, но стилистически работа своеобразна [1, s. 32]. Произведение напоминает «Натюрморт с серебряной тащей и бокалом вина» Георга Флегеля (1600–1638 гг., частная коллекция) и «Натюрморт с фруктами, печеньем, коробками из шпона и стеклянной посудой» Осиаса Берта (ок. 1607–1612 гг., частная коллекция). На картине Штоскопфа три плана четко разделены, поэтому предметы кажутся несколько изолированными друг от друга, но они связаны с помощью повторяющихся оттенков охры. Свет создает контрасты, придает предметам объем и подчеркивает тщательно выписанные узоры на посуде.

Таким образом, на протяжении своего обучения в Страсбурге и Хаунау Себастьян Штоскопф выработал стиль, который отличал его от других художников. Его строгие и ясные композиции обрели монументальность, пространственное углубление, увеличение графичности контуров. Тем не менее, по работам видно, что его стиль неуклонно развивался.

Перейдем к периоду управления мастерской. Даниэль Соро умер 28 марта 1619 года. Пять лет обучения Себастьяна Штоскопфа на тот момент были еще не закончены, они истекали летом 1620 года. Как уже упоминалось, в мастерской Даниэля Соро учились два его сына, Исаак и Петер Соро, но они были на семь лет моложе Себастьяна Штоскопфа. На момент смерти отца близнецы еще не достигли совершеннолетия, поэтому они не возглавили его мастерскую, которая перешла С. Штоскопфу, так что молодой человек из Страсбурга заканчивал заказы своего покойного учителя и стал наставником для учеников [6, p. 118]. Штоскопф руководил мастерской до смерти вдовы Соро, Сюзанны Фламмен, которую похоронили 28 сентября 1621 года [1, s. 30].

Из пяти сыновей Даниэля Соро только близнецы Петер и Исаак обучались в мастерской отца и стали художниками. Несмотря на то, что их произведения, созданные во время пребывания Себастьяна Штоскопфа в Ханау, не сохранились, известны их более поздние картины. Впрочем, возникают большие трудности с атрибуцией произведений Петера Соро. Герхард Ботт утверждал, что «Натюрморт с овощами, фруктами и букетом гвоздик» (1637 г., Ханау, Исторический музей) — самый ранний из пяти сохранившихся натюрмортов Петера Соро, который можно отнести к его авторству на основании подписи [7, s. 114]. Этот натюрморт создавался под влиянием голландских художников, что видно по тёмному фону, палитре и светотени. Композиция не такая простая, как в натюрморте Себастьяна Штоскопфа «Чаша с клубникой», и скорее напоминает изображения накрытых столов. Работы производят очень разное впечатление. Штоскопф не пишет в строгом смысле слова «материально»: его клубника легко узнаваема как таковая, но в определенной степени не вызывает аппетита. Блюдо с ягодами стоит само по себе, в своей живописной реальности. Формы на натюрморте Петера Соро более пластичны, привлекательны, а разнообразные фактуры тщательно проработаны. Представленное произведение вряд ли отражает влияние Себастьяна Штоскопфа, но подтверждает высокие способности Петера Соро и его знание голландских образцов.

Произведений его брата Исаака Соро сохранилось больше. Самая известная его подписанная картина — «Натюрморт с фруктами» (1638 г., Шверин, Государственный художественный музей). В то время заглавная буква «I» была взаимозаменяема с буквой «J», и подпись на этом произведении изначально была ошибочно принята за подпись Яна Соро. Композиция представляет корзину, наполненную фруктами и ягодами, стоящую на столе, который максимально приближен к зрителю, так, что занимает все пространство. Свет падает на изображенную поверхность спереди слева. Такое построение композиции традиционно для немецкого натюрморта и часто использовалось художниками в Ханау. Однако в роскошном натюрморте едва ли можно увидеть влияние Себастьяна Штоскопфа. В своем «Натюрморте с клубникой в фарфоровой чаше Ван-Ли» (между 1620–1645 гг., частная коллекция) Исаак Соро выбирает популярный и уже описанный мотив, однако трактует эту тему несколько иначе. Его композиция совсем не похожа на лаконичную и монументальную одиночную чашу Себастьяна Штоскопфа. Но ракурс, в котором представлена тарелка (взгляд сверху), скорее отсылает к влиянию Якоба ван Халсдонка.

Помимо художников Петера и Исаака Соро в документах, посвященных данной мастерской, фигурирует также имя Яна Соро. Существует несколько предположений о том, кем являлся этот молодой человек. Во-первых, его часто путают с Исааком Соро, как это описывалось выше. Во-вторых, у Даниэля Соро был старший сын Ян Соро, который родился во Франкфурте 6 июля 1591 года, женился в Ханау в 1618 году. Он умер в 1626 году и никогда не был известен как художник. В-третьих, у Даниэля Соро был племянник Ян Соро, который среди прочих молодых людей учился у него в мастерской [1, s. 68].

Яну Соро приписывается «Натюрморт с фруктами и цветами» (между 1615 и 1638 г., Стокгольм, Национальный музей Швеции). Эта композиция очень напоминает картины Исаака Соро: большая тарелка с виноградом, маленькая фарфоровая чаша и бокал с цветами. Кроме того, китайская ваза с ягодами полностью повторяет такую же на картине «Фарфоровая чашка с виноградом и ваза с цветами» (1638 г., частная коллекция). Важно, что воспроизводится не только фарфоровая чаша, листья и ягоды выписаны одинаково, так что ее однозначно писал один художник, скорее всего, в обоих случаях это был Исаак Соро, что становится ясно из атрибуции большинства схожих работ.

Петер Бинуа также учился в мастерской в Ханау. Он был родом из Валлонии, а его учителем стал Даниэль Соро, поскольку они были дальними родственниками [1, s. 68]. Есть датированные натюрморты Петера Бинуа времен пребывания Себастьяна Штоскопфа в Ханау, о которых последний, должно быть, знал. Картина «Фарфоровая чаша с виноградом и тацца с персиками» Петера Бинуа (1619 г., частная коллекция) — это богато украшенный фруктовый натюрморт с золоченой серебряной таццей, фарфоровой чашей с виноградом, дыней, ракушками, гвоздиками и птицей. Работа отсылает к картине Франса Снейдерса «Натюрморт с фруктами и птицами» (ок. 1615–1620 гг., Париж, частная коллекция). Большая китайская фарфоровая чаша еще несколько раз появляется в последующих произведениях Петера Бинуа. У этого художника есть «Натюрморт с едой» (ок. 1620 г., Стокгольм, Национальный музей Швеции), на котором представлены сосуды для питья, курица, хлеб, сладости и многое другое. Он может составить конкуренцию картинам с завтраками Георга Флегеля, но не похож на лаконичные накрытые столы в изображении Себастьяна Штоскопфа. В целом работы Петера Бинуа являются как бы мостом к произведениям Франческо Кодино (Франц Годин), который много перенял от него, в том числе схемы построения композиции, и позже распространил в Италии.

Франц Годин также учился в мастерской Даниэля. Неизвестно, откуда приехала его семья, но известно, что Франсуаза Соро (которая, скорее всего, была сестрой Даниэля Соро) являлась крестной матерью одного из членов семьи Гоудинов [1, s. 68]. Это объясняет, почему Франц Годин смог стать учеником Даниэля Соро. Как и Себастьян Штоскопф, он, вероятно, покинул мастерскую после смерти своего учителя и его вдовы около 1621 года и отправился в Италию, где италянизировал свое фламандское имя, став Франческо Кодино.

Натюрморты Франческо Кодино, созданные около 1620 года, стилистически можно классифицировать в схеме мастерской Даниэля Соро [1, s. 68]. Например, «Фруктовый натюрморт с мертвыми птицами и гвоздиками в стеклянной вазе» (ок. 1623 г., Дюссельдорф, Музей Кунстпаласт) отдаленно напоминает произведение Петера Бинуа «Фарфоровая чаша с виноградом и тацца с персиками» (1619 г., частная коллекция) из-за блюда с виноградом и птицей, клюющей его. Однако картина Франческо Кодино оставляет более печальное впечатление из-за непосредственного соседства живой и мертвых птиц. Кроме того, пропорции блюда у Франса Снейдерса выстроены более точно, а пространство не ощущается тесным. В целом композицию Франческо Кодино можно сравнить с работами Георга Флегеля, Себастьяна Штоскопфа, Осисаса Берта и других. Любовь к изображению тацц (итал. *tazza* — плоская широкая чаша на ножке) художник мог перенять у Петера Бинуа, который часто представлял их в своих натюрмортах.

Таким образом, в 1619–1621 годах в Хану Себастьян Штоскопф хоть и был главой мастерской с несколькими учениками, все же вряд ли смог оказать на них заметное влияние. По крайней мере, его воздействие на Даниэля Соро довольно сложно проследить, поскольку не сохранилось подписанных работ последнего. Несмотря на то, что в период пребывания в Хану у Себастьяна Штоскопфа формально были ученики, но они оставались в первую очередь подмастерьями Даниэля Соро. В таком случае необходимо искать общую основу, которая просматривалась бы в работах Себастьяна Штоскопфа, Петера, Исаака и Яна Соро, Петера Бинуа и Франческо Кодино, — это голландский и немецкий натюрморт. Несомненно, живописная манера этих художников отличается друг от друга, у каждого из них индивидуальный стиль. И все же влияние Якоба ван Халсдонка, Франса Снейдерса, Осисаса Берта, которое, скорее всего, передавалось им через Даниэля Соро, характерно для их творчества.

Список источников и литературы

1. *Heck M.-C.* Sebastian Stoskopff, 1597–1657: ein Meister des Stillebens: Katalog der Ausstellung, Musée del'Œuvre Notre-Dame, Straßburg, 15 März — 15 Juni 1997, Suermondt-Ludwig-Museum, Aachen, 5 Juli — 5 Oktober 1997 / M.-C. Heck, S. Böhmer. Paris: Éd. de la Réunion des musées nat., 1997. 247 s.
2. *Тарасов Ю. А.* Голландский натюрморт XVII века. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. 166 с.
3. *Hahn-Woernle B.* Sebastian Stoskopff: Mit einem kritischen Werkverzeichnis der Gemälde. Stuttgart: Hatje, 1996. 301 s.
4. Crossroads: Frankfurt am Main as Market for Northern Art 1500–1800. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2019. 288 p.
5. *Rosenberg P., Fumaroli M.* France in the Golden Age: Seventeenth-Century French Paintings in American Collections. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1982. 397 p.
6. *Faré M.* Le grand siècle de la nature morte en France, le XVII-e siècle. Fribourg: Office du livre, 1974. 412 p.
7. *Bott G.* Ein stück von allerlei blumenwerk, ein stück von früchten, zwei stück auf tuch mit hecht: die Stillebenmaler Soreau, Binoit, Codino und Marrell in Hanau und Frankfurt 1600–1650. 2 auflage. Hanau: CoCon-Verlag, 2001. 256 s.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА

*Материалы XLII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(8–10 ноября 2022 г.)*

Под редакцией

А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — *Ю.Б. Феофанова*
Верстка — *А.А. Лубина*

Подписано к публикации 00.00.2023. Заказ №0
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 40,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10